This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav 392.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XXXIV. № 4—АПРѢЛЬ. 1894 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Часть II—неоффиціальная.

I. Лекціи по славянскому языкознанію. II. Сербо-Хорватскій языкъ. Проф. **Т. Д. Флоринскаго** . . 191—241

II. Антоній Радивиловскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII в. Сочиненіе удост. пст.-филол. фак. золотой медали.—Б. студ. **М. Марковскаго** . . . 1—45

III. Договоръ товарищества по римскому гражданскому праву.—Приватъ-доц. **П. Е. Соколовскаго** 157—220 +I–IV

IV. Объ анаэробныхъ микробахъ нагноенія. Сочиненіе удост. медиц. фак. золотой медали. — Студ. **Вс. Любинскаго** . . . 1—39

Критика и библіографія.

V. Литература Слова о полку Игоревѣ со времени его открытія (1795 г.) по 1894 годъ.—Проф. **П. В. Владимірова** . . . . .

Научная хроника.

VI. Протоколы засѣданій Акушерско-гинекологическаго Общества въ Кіевѣ . . . 1—28

Прибавленія.

I. Наблюденія Метеорологической обсерваторіи У-та Св. Владиміра въ Кіевѣ, издаваемыя проф. **П. И. Броуновымъ** (съ картою) . . . . . 1—19

II. Курсъ химической технологіи (съ рисунками).—Проф. **Н. А. Бунге** . . 113—144

III. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ . . IX—XVI

КІЕВЪ.
1894.

121

206
1949

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ

ИЗВѢСТІЯ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 4—АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
В. І. Завадзкаго. Большая-Васильковская улица, д. № 29—31.
1894.

PSlav 392.10

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY

51*17

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра

Ректоръ *Ѳ. Фортинскій.*

THE LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть II—неоффиціальная.

I. Лекціи по славянскому языкознанію. II. Сербо-Хорватскій языкъ.—Проф. **Т. Д. Флоринскаго** . . . . . 191—241

II. Антоній Радивиловскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII в. Сочиненіе удост. ист.-филол. фак. золотой медали.—Б. студ. **М. Марковскаго** . . . . . 1—45

III. Договоръ товарищества по римскому гражданскому праву. —Приватъ-доцента **П. Е. Соколовскаго** . . . . . 157—220 +I—IV

IV. Объ анаэробныхъ микробахъ нагноенія. Сочиненіе удостоенное медиц. факул. золотой медали. — Студ. **Вс. Любинскаго** . . . . . 1—39

Критика и библіографія.

V. Литература Слова о полку Игоревѣ со времени его открытія (1795 г.) по 1894 годъ.—Проф. **П. В. Владимірова** . 65—135

Научная хроника.

VI. Протоколы засѣданій Акушерско-гинекологическаго Общества въ Кіевѣ . . . . . 1—28

Прибавленія.

I. Наблюденія Метеорологической обсерваторіи Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ, издаваемыя профессоромъ **П. И. Броуновымъ** (съ картою) . . . . . 1—19

II. Курсъ химической технологіи (съ рисунками).—Профессора **Н. А. Бунге** . . . . . 113—144

III. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ . . . . . IX—XVI

ЛЕКЦІИ

ПО

СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ.

Профессора **Т. Д. Флоринскаго.**

II. СЕРБО-ХОРВАТСКІЙ ЯЗЫКЪ.[1]

1. Изученіе сербо-хорватскаго языка.

Первые опыты грамматическихъ трудовъ по сербо-хорватскому языку относятся къ XVII ст. Въ 1604 г., въ Римѣ, вышла по латыни грамматика „иллирскаго языка“ Барт. Кашича, составленная по образцу латинской грамматики Алда Мануція (Institutionum linguae illyricae libri duo, Authore Bartholomaeo Cassio Curictenis, Soc. Jesu. Editio prima, Romae, 1604[2]). Въ 1665 г. въ Тобольскѣ знаменитымъ католическимъ священникомъ Юріемъ Крижаничемъ закончено въ рукописи (изданное только въ нынѣшнемъ столѣтіи) „Граматично изказанје“, представляющее замѣчательную по времени попытку характеристики искусственнаго обще-славянскаго языка, въ основу котораго положенъ „боснійско-хорватскій языкъ“, сближенный съ церковно-славянскимъ, русскимъ и отчасти чешскимъ и польскимъ[3]). Въ XVIII ст. у австрійскихъ православныхъ Сербовъ печатались букварн т.-наз. славяно-сербскаго языка, т. е. собственно русско-славянскаго

---

[1]) Сербы и Хорваты въ этнографическомъ отношеніи составляютъ *одинъ* народъ, говорящій *однимъ* языкомъ, который правильнѣе и удобнѣе называть *сербо-хорватскимъ*. Этотъ терминъ мы предпочитаемъ болѣе сложнымъ обозначеніямъ этого языка, употребительнымъ у западно-славянскихъ филологовъ: 1) *сербскій и хорватскій языкъ*, 2) *сербскій или хорватскій языкъ*, 3) *хорватскій или сербскій языкъ*.

[2]) Объ этой книгѣ см. статью Шрепеля въ Rad Jugo-slav. Akad., кн. CII (1890 г.).

[3]) Изд. О. М. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ М. Общ. Истор. и Древн. Росс., 1848, кн. 1 и 1859, кн. 4. Ср. статью Даничича въ Rad Jugo-slav. Akad., XVI (1871).

съ примѣсью сербизмовъ[1]), а у католиковъ въ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи явились на нѣмецкомъ и итальянскомъ яз. практическія грамматики (Рельковича, Ланошовича) и словари книжно-народнаго („Славонскаго") языка. Позже, въ 1808 г. издана въ Дубровникѣ написанная по итальянски грамматика живаго сербо-хорватскаго языка: Grammatica della lingua illirica compilata dal padre Francesco Maria Appendini[2]), а двумя годами раньше хорошій словарь: Stulli, Rjecsoldxie, slovinsko-italiansko-latinsko, 1806 (u Dubrovniku, 2 части).

Научное изученіе сербо-хорватскаго языка началось съ первой четверти нынѣшняго столѣтія и въ настоящее время ознаменовалось уже весьма значительными успѣхами. Главныя заслуги въ этомъ отношеніи принадлежатъ славнымъ мѣстнымъ сербскимъ и хорватскимъ изслѣдователямъ и знатокамъ роднаго языка: Вуку Караджичу, Ю. Даничичу, В. Ягичу, С. Новаковичу, П. Будмани.

Съ именемъ В. Караджича (1786—1864) тѣсно связана исторія новѣйшаго національнаго и духовнаго возрожденія сербскаго народа. Одаренный отъ природы необыкновеннымъ умомъ и тонкою наблюдательностью, Караджичъ былъ энергичнымъ народнымъ дѣятелемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова и многочисленными своими трудами и изданіями положилъ первое и прочное основаніе научному изученію своего языка и народа. Его драгоцѣнные сборники сербскихъ пѣсенъ, раскрывая все богатство, разнообразіе и живучесть сербскаго народнаго творчества, вмѣстѣ съ тѣмъ представили обильныя доказательства силы, звучности и мелодичности живаго сербо-хорватскаго языка. Его заботы о допущеніи народнаго языка къ употребленію въ книгѣ привели его къ выработкѣ того типа литературнаго языка, который вскорѣ былъ принятъ всѣми частями сербо-хорватскаго народа и въ настоящее время служитъ органомъ сербо-хорватской образованности. Ему-же принадлежитъ установленіе новаго правописанія, которое подъ именемъ *вуковицы* употребляется въ православныхъ сербскихъ земляхъ. Наконецъ, его грамматика, мелкія филологическія работы и замѣчательный словарь (1818), уже вышедшій третьимъ изданіемъ, сдѣлались первымъ источникомъ точныхъ свѣдѣ-

---

[1]) Наиболѣе замѣчательный изъ нихъ приписывается изв. славяно-сербскому писателю Орфелину и былъ напечатанъ въ Венеціи въ 1767 г.

[2]) Она выдержала три изданія; послѣднее въ 1848 г.

ній о строѣ и составѣ сербо-хорватскаго языка и послужили твердымъ основаніемъ для дальнѣйшаго его изслѣдованія [1]).

Юрій Даничичъ (1825 — 1882) — горячій послѣдователь В. Караджича и неутомимый, даровитый продолжатель его дѣла. Образованный филологъ, прошедшій хорошую школу, онъ посвятилъ всю свою жизнь изученію роднаго языка и его прошлыхъ судебъ, примѣнивъ къ этому изученію новые пріемы, выработанные современной наукой о языкѣ. Свою дѣятельность Даничичъ началъ въ 1847 г. сочиненіемъ „Рат за српски језик и правопис“, написаннымъ въ защиту реформы Вука Караджича. Въ 1850 г. вышла его „Мала српска граматика“, впослѣдствіи передѣланная и выдержавшая подъ заглавіемъ „Облици српског језика“ восемь изданій, а въ 1858 г.—„Српска синтакса“. Одновременно съ этимъ и позже въ журналахъ Бѣлградскаго Ученаго Общества и Загребской Юго-славянской Академіи печатались частныя филологическія изслѣдованія Даничича: о сербскомъ удареніи, о различіи между сербскимъ и хорватскимъ языками, о звукахъ ђ и ћ и т. п. Въ 70-хъ годахъ появились одно за другимъ три его большія сочиненія: 1) Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека (1874); 2) Основе српскога или хрватскога језика (1876); 3) Коријени српскога или хрватскога језика (1879). Въ сочиненіяхъ этихъ, по словамъ покойнаго русскаго слависта И. И. Срезневскаго, сербскій языкъ былъ разработанъ съ такою глубиной и обстоятельностью, какою въ то время не отличалось изученіе ни одного другаго славянскаго языка. Независимо отъ теоретическаго изученія сербо-хорватскаго языка, за Даничичемъ остается заслуга изданія многихъ памятниковъ старо-сербской письменности и составленія опыта историческаго словаря сербскаго языка (Рјечник из књижевних старина српских, 1862—64). Но особенно его занимала мысль объ изданіи полнаго, научнаго словаря, который обнималъ-бы и всѣ живые говоры, и литературный сербо-хорватскій языкъ въ его историческомъ развитіи, и собралъ для этого труда обильный матеріалъ. Осуществленіе этого важнаго предпріятія приняла на себя Юго-славянская Академія въ Загребѣ, продолжающая его и въ

---

[1]) О Вукѣ Караджичѣ ср. Платона Кулаковскаго, Вукъ Караджичъ его дѣятельность и значеніе въ сербской литературѣ, М. 1882; Іов. Бошковића, Светковина Вукове стогодишњице. У Београду, 1888.

настоящее время. При жизни Даничича, подъ его редакціей, вышли въ свѣтъ только четыре выпуска академическаго „Rječnika hrvatskoga ili srpskoga jezika[1]).

Академикъ В. Ягичъ, замѣчательнѣйшій изслѣдователь во всѣхъ областяхъ славянской филологіи, началъ свою ученую дѣятельность цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ работъ по грамматикѣ и исторіи роднаго языка, особенно по его фонетикѣ и синтаксису. Таковы его: Grammatika jezika hérvatskoga, osnovana na starobugarskoj slovenštini (звуки), Iz prošlosti Hrvatskoga jezika, Podmladjena vokalizacija, статьи по сербо-хорватскому синтаксису съ точки зрѣнія сравнительной грамматики, по вопросу о правописаніи въ хорватской письменности и др. Объясненію разныхъ звуковыхъ явленій въ сербо-хорватскомъ яз. напр. перехода слогообразующаго *л* въ *у*, образованія вторичнаго *а* и т. п. посвящены и его позднѣйшія изслѣдованія, появлявшіяся въ его журналѣ Archiv für slavische Philologie. Здѣсь-же заслуживаютъ вниманія обстоятельныя рецензіи редактора о всѣхъ новыхъ книгахъ и работахъ по изученію сербо-хорватскаго языка. Наконецъ, немаловажную заслугу знаменитаго слависта составляетъ сдѣланное имъ критическое изданіе многихъ памятниковъ сербо-хорватскаго языка и литературы, преимущественно въ сборникахъ Югославянской Академіи (Starine, Stari pisci hrvatski), и отдѣльно (Primjeri starohervatskoga jezika, грамота Милутина 1318 г., миссалъ Хервои и др.).

Къ Даничичу и Ягичу близко примыкаетъ по своей дѣятельности извѣстный знатокъ и неутомимый изслѣдователь сербской старины Стоянъ Новаковичъ. Среди многочисленныхъ и разнородныхъ работъ его въ этой обширной области, нѣкоторыя относятся къ изученію языка. Ему принадлежатъ: физіологія сербскихъ звуковъ, изслѣдованія объ ударепіи въ старопечатныхъ сербско-славянскихъ книгахъ, о буквѣ *з* въ сербско-славянской письменности XV—XVI ст., и обстоятельная, построенная по научному методу, школьная грамматика сербскаго языка (4 части — ученіе о звукахъ, ученіе объ основахъ,

---

[1]) О Даничичѣ см. Ст. Новаковича: 1) Ђуро Даничић или филологија и књижевни језик српски, 1847—1817. У Бечу, 1878; 2) Белешке о Ђ. Даничићу. У Београду, 1883; М. Миличевић, Помени о Даничићу (Годишњица Николе Чупића, кн. V, 1883); П. Павић, Djuro Daničić (Rad Jugo-slav. Akad., кн. 77, 1885 г.); Т. Флоринскій, Юрій Даничичъ (1825—1882) въ „Слав. Ежегодникѣ“, VI, Кіевъ, 1884.

ученіе о формахъ, синтаксисъ). Точно также не мало имъ издано старыхъ текстовъ и матеріаловъ, болѣе или менѣе важныхъ для исторіи сербскаго языка. Въ ряду этихъ изданій видное мѣсто занимаютъ его „Примери књижевности и језика старога и српско-славенскога“ (1877, 2 изд. 1889 г.).

Петръ Будмани, еще въ 60-хъ годахъ составившій себѣ извѣстность своей грамматикой сербо-хорватскаго языка (Grammatica della lingua serbo-croata, Vienna, 1867), со смертью Даничича завѣдываетъ редакціей и изданіемъ академическаго „Rječnika“. Въ настоящее время словарь доведенъ до буквы *I* (включительно). Это — трудъ монументальный, по обширности представляемаго имъ матеріала, по широтѣ задачъ и отчетливости исполненія не имѣющій себѣ равнаго среди другихъ славянскихъ словарей.

Рядомъ съ именами указанныхъ мѣстныхъ филологовъ, потрудившихся надъ строго-научнымъ, систематическимъ изученіемъ сербохорватскаго языка, нужно поставить имена двухъ ученыхъ представителей родственнаго словенскаго племени, славныя имена Копитара и Миклошича. Оба знаменитые слависта принимали самое живое участіе въ научной разработкѣ сербо-хорватскаго языка и въ значительной степени повинны въ тѣхъ успѣхахъ ея, какіе указаны выше. Копитаръ имѣлъ огромное, весьма благотворное, вліяніе на Вука Караджича, даровитаго поселянина-самоучку, не пошедшаго дальше народной школы и не имѣвшаго понятія ни о наукѣ, ни о филологіи. Копитаръ былъ его настоящимъ учителемъ и руководителемъ. Онъ убѣдилъ Вука записывать и издавать народныя пѣсни, онъ побудилъ его написать сербскую грамматику, онъ посовѣтовалъ ему заняться составленіемъ словаря и усердно помогалъ ему во всѣхъ его филологическихъ занятіяхъ и изданіяхъ. Вопросъ о литературномъ языкѣ и реформѣ правописанія былъ разработанъ и рѣшенъ Вукомъ Караджичемъ также при живомъ содѣйствіи Копитара. Равнымъ образомъ и Фр. Миклошичъ (1813—1891), какъ профессоръ Вѣнскаго университета, имѣлъ большое вліяніе на своихъ учениковъ— Даничича и Ягича; вліяніе это ясно замѣтно на работахъ того и другаго. Былъ онъ близокъ и съ Вукомъ Караджичемъ. Но и самъ Миклошичъ много занимался сербскимъ языкомъ, прекрасно владѣлъ имъ и внесъ въ изученіе его цѣнные вклады. Въ его „сравнительной грамматикѣ“ отдѣлъ сербскаго языка изложенъ полнѣе и об-

стоятельнѣе многихъ другихъ отдѣловъ. Его Monumenta Serbica—(сборникъ сербскихъ грамотъ, 1858), изданія Законника Стефана Душана, Шишатовецкаго апостола, писемъ Черноевича и друг. памятниковъ сербской старины представили важные матеріалы для исторіи сербскаго языка [1]).

Живое участіе въ разъясненіи исторіи сербо-хорватскаго языка принялъ еще одинъ изъ старѣйшихъ западно-славянскихъ изслѣдователей Славянства П. І. Шафарикъ. Его книга Serbische Lesekörner (1833) была первымъ трудомъ, посвященнымъ болѣе точному опредѣленію элементовъ живаго сербскаго языка въ старо-славянскихъ текстахъ сербскаго извода. Не меньшее значеніе въ наукѣ имѣетъ другое его изданіе—Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův (1851, 2-е изд., 1873), содержащее рядъ старыхъ памятниковъ сербскаго письма и языка.

Кромѣ указанныхъ крупныхъ изслѣдователей сербо-хорватскаго языка, въ шестидесятыхъ—семидесятыхъ годахъ и позже работаютъ въ той-же области другіе почтенные мѣстные ученые какъ Мажураничъ, Пацель, Веберъ, Іов. Бошковичъ, Вальявецъ. Съ основаніемъ въ Загребѣ Юго-славянской Академіи и университета, съ преобразованіемъ Великой школы въ Бѣлградѣ, съ усиленіемъ дѣятельности юго-славянскихъ матицъ и увеличеніемъ числа среднихъ школъ въ сербо-хорватскихъ земляхъ, все болѣе развивается мѣстное изученіе сербо-хорватскаго языка. Число грамматикъ, грамматическихъ изслѣдованій и матеріаловъ для рѣшенія частныхъ вопросовъ изъ области даннаго языка постоянно возрастаетъ, а число научно-подготовленныхъ работниковъ умножается. Филологическія работы по фонетикѣ и морфологіи, по синтаксису и акцентологіи, по діалектологіи и исторіи сербо-хорватскаго языка появляются у Хорватовъ и Сербовъ, въ Загребѣ и Бѣлградѣ, Новомъ-Садѣ и Дубровникѣ. Въ ряду авторовъ этихъ работъ, новѣйшихъ мѣстныхъ филологовъ, оказавшихъ болѣе или менѣе существенныя услуги дѣлу изученія роднаго языка, особенно выдаются: І. Живановичъ, Л. Зима, Г. Неманичъ, Р. Строгаль, І. Милетичъ, Г. Маре-

[1]) Изъ массы статей о Миклошичѣ, отмѣчу здѣсь Т. Флоринскаго Памяти Миклошича (Унив. Изв, 1891); Л. Милетича, Ф. Миклошичъ и славянската филология (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, кн. V, 1891; T. Maretića, Životi kujiževni rad Fr. Miklošića (Rad Jugo-slav. Akad., 1892, кн. CXII).

тичъ, Курелацъ, М. Кушаръ, А. Мусичъ, А. Павичъ, И. Брозъ, Ф. Пажуръ, М. Шрепель, М. Решетаръ, П. Дьорджевичъ, И. Вуловичъ, М. Дивковичъ, Стояновичъ и др.

Изъ русскихъ славистовъ, занимавшихся сербо-хорватскимъ языкомъ, оставили болѣе или менѣе замѣтные слѣды въ исторіи его изученія: И. И. Срезневскій, О. М. Бодянскій, В. И. Григоровичъ, В. И. Ламанскій, А. А. Майковъ, П. А. Лавровскій, В. В. Макушевъ, А. Кочубинскій, Шахматовъ, и др. Связанный узами тѣсной дружбы съ Вукомъ Караджичемъ, а также съ Даничичемъ и Ягичемъ, Срезневскій былъ прекраснымъ знатокомъ живаго сербскаго яз. и въ своемъ „Обозрѣніи главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ Славянскихъ“ (1845) и въ другихъ позднѣйшихъ работахъ высказалъ намъ не мало мѣткихъ мыслей и сужденій; но главная его заслуга состояла въ описаніи, изданіи и коментированіи многихъ древнихъ памятниковъ сербскаго письма и языка (напр. Аѳонскаго Евангелія XII в., Кормчей XIII в. и др.). Въ послѣднемъ направленіи, работали для сербскаго языка Бодянскій, Григоровичъ, Ламанскій, Макушевъ, Арх. Леонидъ, А. Гильфердингъ, А. Поповъ, А. Викторовъ, Горскій и Невоструевъ, М. Соколовъ и другіе описыватели славянскихъ рукописей, хранящихся въ русскихъ и западно-славянскихъ библіотекахъ, открывшіе для историковъ сербо-хорватскаго письма и языка огромное количество цѣннаго матеріала. Ап. А. Майковъ еще въ 1857 г. написалъ важную для своего времени „Исторію сербскаго языка, по памятникамъ писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіей народа“. П. А. Лавровскій составилъ и издалъ два словаря — сербо-русскій и русско-сербскій, служащіе какъ для Сербовъ, такъ и Русскихъ полезнымъ подспорьемъ при изученіи обоихъ родственныхъ языковъ. Шахматовъ, напечаталъ (1890 г.) прекрасную работу по исторіи сербо-хорватскихъ удареній.

Наконецъ нужно отмѣтить обстоятельныя работы (о количествѣ гласныхъ и удареніи въ сербо-хорватскомъ языкѣ) двухъ нѣмецкихъ ученыхъ, занимающихся славянскимъ языкознаніемъ — Лескина и Мазинга.

Въ общемъ научная разработка сербо-хорватскаго языка находится въ удовлетворительномъ состояніи. Всѣ основные факты грам-

матики языка, его исторіи и діалектологіи въ большей или меньшей степени выяснены или постепенно выясняются. Обликъ живаго языка, въ разныхъ его нарѣчіяхъ и говорахъ, обрисованъ уже достаточно отчетливо. Полной исторіи сербо-хорватскаго языка, правда, еще не написано, но все существенное для построенія ея подготовлено. Съ окончаніемъ академическаго „Словаря" выполненіе этой важной задачи значительно облегчится. Въ данное время дѣло сводится къ обстоятельному изученію частностей, согласно новѣйшимъ пріемамъ и требованіямъ науки о языкѣ. Въ этомъ направленіи разработка предмета ведется съ большимъ успѣхомъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ появившіяся за послѣднее десятилѣтіе хорошія наблюденія и изслѣдованія по діалектологіи и акцентологіи сербо-хорватскаго языка.

Изъ практическихъ грамматикъ для Сербовъ лучшею остается „Српска граматика" Новаковича; на французскомъ яз.—Парчича, Grammaire de la langue serbo-croate, traduite par le docteur S. B. Feuvrier, Paris, 1877; на нѣмецкомъ языкѣ — Вымазала (Vymazal), Serbische Grammatik, Brunn, 1882; на чешскомъ яз. его-же, Gramaticke základy jazyka srbského čili charvatského (sepsal Fr. Vymazal), v. Brně, 1885; на *русскомъ яз.* — Бѣленькаго, Сербская грамматика, 1875 и Новаковича „Грамматика сербскаго языка переводъ А. Григорьева, Спб., 1890 г. (съ выпускомъ 2-й ч.— объ основахъ, — и другими сокращеніями, съ прибавленіемъ краткой христоматіи текстовъ и небольшаго словарика).

а) Грамматики и грамматическія изслѣдованія, посвященныя современному сербо-хорватскому языку.

Appendini Francesco Mario, Grammatica della lingua illirica. Ragusa, 1808. Terza edizione. Ragusa, 1848.

Adamović J. Kako je postalo ć i đ u hrvatskom jeziku, osobito u riječima kao peći, noć i evanđelje (Gimnaz.-progr. U Gospiću, 1881).

Бошковић Јован. Скупљени списи, св. I — II: О српском језику. У Београду, 1887, 1888.

Broz Ivan. Prilozi za sintaksu jezika hrvatskoga. U Zagrebu, 1885 (Rad Jugo-slav. Akad., кн. LXXVI).

Budmani P. Grammatica della lingua serbo-croata (illirica). Vienna, 1867 (ср. рецензію Даничича „Književnik", III).

Valjavec M. Imperfekat kako se tvori u staroj slovenštini i prema njoj u hrvaštini ili srbštini pak u kajkavštini.

Veber A. 1) Slovnica hérvatska za srednja učilišta. U Zagrebu, 1873; 2) O vremenih u hrvatsko-srbskom jeziku. 1868 (Rad II); 3) O pridavniku. 1871 (Rad. XIV); 4) O naravi hervatske izreke. 1874 (Rad XXVIII); 5) Pabirci po slovnici hrvatskoj (Rad XCII).

Вуловић Св. Приложак српској синтакси. Београд, 1888.

Vymazal Fr. 1) Serbische Grammatik zunächst für den Selbstunterricht. Brünn. 1882; 2) Gramatické základy jazyka srbského čili charvatského. V Brně, 1885.

Hattala M. Početne skupine suglasah hrvatskih i srbskih. 1868 (Rad IV).

Geitler L. Prilozi k hrvatskoj gramatici i glasoslovju (Rad LVIII).

Даничић Ђ. 1) Рат за српски језик и правопис. Будим. 1847; 2) Мала српска граматика. У Бечу, 1850; 3) Српска граматика. Дио III. Облици српскога језика. У Београду, 1863. 7-е изд. 1874 г., 8-е изд. 1892 (въ Загребѣ); 4) Србска синтакса. У Београду, 1858; 5) Основе српскога или хрватскога језика. У Београду, 1876; 6) Korijeni s riječima od njih postalijem u hrvatskom ili srpskom jeziku. Na svijet izdala Jugo-slavenska Akademija znanosti i umjetnosti. U Zagrebu, 1877 (ср. рецензію A. Bruckner'a, Arch. III); 7) Нешто о српскијем акцентима (Slavische bibliothek, herausgegeben von Fr. Miklosich, I, 1851); 8) Србски акценти (Гласник дружтва србске словесности, кн. 8, 10); 9) Србска деминуција и аугментација (Гласник, кн. XII); 10) Akcenti u glagola (Rad VI); 11) Akcenti u adjektiva (Rad XIV); 12) Nom. sing. masc. na *o* i na *e* (Rad XXVI).

Mirko Divković. 1) Nauka o izreci za školu, 3 izd. Zagreb, 1885; 2) Oblici hrvatskoga jezika za srednje škole, 2 izd. Zagreb, 1887; 3) Hrvatska sintaksa za školu, 2 izd. Zagreb. 1889.

Пера Ђорђевић. Прилози за синтаксу српскога језика. О падежима без предлога. У Београду. 1889 (Гласник, кн. LXVIII, LXIX).

Живановић Јов. 1) Пабирци по хрватској словници (Програм гимн. у Карловцима 1878—79); 2) О српском језику. У Новоме Саду, 1888; 3) Српска синтакса. Нови Сад, 1889.

Караџић Вук. 1) Писменица сербскога езика по говору простога народа. У Виенни, 1814; 2) Wuk's Stephanowitsch Kleine serbische Grammatik verdeutscht und mit einer Vorrede von Jakob Grimm., Leipzig und Berlin bei g. Reimer, 1824; 3) Мелкія статьи въ защиту новаго литературнаго языка и правописанія въ изд. „Србске Новине", „Даница" и отдѣльными брошюрами и книгами. Изъ послѣднихъ особ. важна: Вука Стефановића и Саве Текелије писма високопреосвеште-

номе господину Платону Атанацковићу православноме владици будимскоме о српскоме правопису са особитијем додацима о српском језику. У Бечу, 1845. Болѣе подробныя библіографическія указанія см. въ сочиненіи П. Кулаковскаго „Вукъ Караджичъ, его дѣятельность и значеніе въ сербской литературѣ. М., 1882, стр. 120 — 139, 237 — 244.

Кочубинскій А. Звукъ *А* отличительная черта сербскаго вокализма, 1871 (Филологическія Записки, 1871).

Kurelac Fr. 1) Silva 1870 (Rad XII); 2) Stariji oblici samostavni, 1872 (Rad XX); 3) Brojanica ili deset glagolskih zrnac, 1871 — 73 (Rad XV, XVI, XX, XXV); 4) Koje su u nas reči za vuhvenike, vuhvenice, 1873 (Rad XXIV); 5) Maljgovora ili o barbarizmih, 1873 (тамъ-же).

Kušar M. 1) Nauka o pravopisu jezika hrvackoga ili srpskoga (fonetičkom i etimologijskom). Dubrovnik, 1889; 2) Neke primjedbe Vukovu pravopisu (Program Dubrovnič. gimnaz., 1883—89).

Kuhač Fr. O hrvatskom ili srpskom pravopisu na temelju glazbene eufonije, Zagreb, 1889.

Kriztianovich. Grammatik der kroatischen Mundart. Agram, 1837.

Leskien. Untersuchungeu über Quantität und Betonung in den slavischen, Sprachen. I. Die Quantität im serbischen, Leipzig. 1885, 1893 (ср. рецензіи Ягича и Маретича въ Archiv. f. Slav. Phil., VIII 597, IX 129, XV 603).

Mažuranić A. 1) Slovnica Hervatska za gimnazije i realne škole. Dio I. Rečoslovje. U Zagrebu, 1859, 4-е изд., 1869; 2) O važnovti akcenta.

Mazing L. Die Hauptformen des serbisch-chorvatischen Accents, nebst einleitenden Bemerkungen zur Accentlehre, insbesondere des griechischen und des Sanskrit. St.-Petersburg, 1876 (Mémoires de l'Academie Imperiale, t. XXIII, 66).—Ср. рец. Ковачевича Arch. f. Slav. Phil., III, 685.

Maretić T. 1) Iz Eneide P. Vergilija Marona I i II pjev. preveo i prilog o akcentu napisao (Прогр. Загреб. гимн., 1878 — 79); 2) O njekim pojavima kvantitete i akcenta u jeziku hrvatskom ili srpskom, U Zagrebu, 1883 (Rad LXVII); 3) O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba (Rad LXXXI—LXXXII); 4) Slavenski nominalni akcenat s obzirom na litavski, grčki i staroindijski, 1890 (Rad CII); 5) Ruske i češke riječi u književnom hrvatskom jeziku (Rad CVIII).

Miklosich Fr. Vergleichende Grammatik (ср. выше стр. 39).

Musič M. Gnomički aorist u grčkom i hrvatskom jeziku (Rad CXII).

Новаковић Ст. 1) Физиологија гласа и гласови српскога језика. У Београду, 1873 (Гласник XXXVII); 2) Српска граматика за ниже гим-

назије и реалке. У Београду; I део, Наука о гласовима, 1879, 2-е изд., 1881; II део, Наука о основама по Ф. Миклошићу и Ђ. Даничићу, 1880; III део, Наука о облицима по Ђ. Даничићу и Ф. Миклошићу, 1879; IV део, Наука о реченицима (синтакси). Четврто издание, 1879. Русскій переводъ Григорьева—Грамматика сербскаго языка. Спб., 1890 г.

Pavić A. Studije o hrvatskom akcentu. U Zagrebu, 1881 (Rad LIX).

Pažur F. Filozofijsko-filologijske razprave. I. O postanku jezika. II. Genetičko-sintaktične misli. III. Čestica „da" u hrvatskom jeziku. U Varazdinu, 1886.

Pacel V. 1) Naglas u rieči hrvatskoga jezika, u Zagrebu (Književnik, I); 2) Oblici književne hrvaštine. U Karlovcu, 1865; 3) Slovnica jezika hrvatskoga ili srbskoga, u Zagrebu, 1860.

Parčić. Grammaire de la langue serbo-croate, traduite par le docteur Feuvrier. Paris, 1877.

Томић С. Н. О номиналним сложеним речима у српском језику (Просветни Гласник, Београд, 1891, XII).

Šrepel M. Akcenat i metar junačkih narodnih pjesama. Zagreb. 1886.

Jagić V. 1) Deklinacija imena samostavnoga usporedjena, kako se razvi u staroslovenskom-srbskom-hrvatskom jeziku (Letnik c. k. gimnazije v Zagrebu, 1862); 2) Grammatika jezika hérvatskoga. Osnovana na starobugarskoj slovenštini. Dio pérvi, Glasovi. U Zagrebu, 1864; 3) Naš pravopis (Književnik, I); 4) Primjetbe k našoj sintaksi s gledišta sravnjujuće gramatike (Književnik, II); 5) Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku, 1869 (Rad IX); 6) Zur Frage ueber den Uebergang des silbenbildenden *l* in *u*, 1880 (Archiv f. Slav. Phil., IV, 386); 7) Woher das secundäre *a* (Archiv, IV, 397); 8) Lautlicher Uebergang von *tl* in *kl*, *dl* in *gl* (Archiv, I, 157); 9) Neue Erscheinungen im serbischen Auslaut, 1891 (Archiv, XIII, 627); 10) Многочисленныя библіографическія замѣтки и рецензіи преим. въ журн. Književnik, Rad Jugo-slav. Akad, Archiv für Slavische Philologie.

Јакшић Г. М. Нешто о српским акцентима (Кратки преглед) 1891 (Просветни Гласник, Београд, 1891, Април).

б) Монографіи по исторіи сербо-хорватскаго языка.

Даничић Ђ. 1) Gramatika Gjurgja Križaniča, 1871 (Rad XVI); 2) Prilog za istoriju akcentuacije hrvatske ili srpske, 1872 (Rad XX); 3) Prilog za istoriju komparativa u hrvatskom ili srpskom jeziku, 1874 (Rad XXVI); 4) Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека. У Биограду, 1874.

Живановић J. Кратак историјски преглед слова ћ и ђ 1872 (Летопис Матице српске, кн. 114).

Zora L. Naš jezik tijekom naše književnosti u Dubrovniku (въ альманахѣ Dubrovnik, 1871).

Караџић Вук. Примјери српско-словенскога језика. У Бечу, 1857.

Kušar M. Povijest razvitka našega jezika hrvackoga ili srpskoga od najdavnijih vremena do danas. U Dubrovniku, 1885 (ср. замѣч. Ягича въ Archiv, IX, 316).

Майковъ А. Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа. Москва, 1857 (ср. отзывъ Срезневскаго въ XXVII присужд. Демидов. нагр. Спб., 1859).

Maretić T. 1) Nov prilog za istoriju akcentuacije hrvatske ili srpske, 1884 (Rad LXX, LXXI, LXXIII); 2) Istorija hrvatskoga pravopisa latinskim slovima. U Zagrebu, 1889 (ср. замѣч. Ягича въ Archiv, XII, 602 и отвѣтъ Маретича въ Rad CI).

Новаковић Ст. 1) Акценти штампаних српско-словенских књига црногорских и млетачких. Биоград, 1877 (Гласник Српског ученог друштва, кн. 44); 2) Ъ u srpsko-slovenskoj i bugarsko-slovenskoj književnosti od XV vijeka na dalje (Rad XLIV); 3) Zwei veraltete Sprachformen im Serbischen (Archiv f. Slav. Phil., IV, 515).

Safařik P. J. Serbische Lesekörner. Peszt, 1833.

Шахматовъ А. Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній, 1888—1890 (Рус. Фил. Вѣстн., 1888 (XX), 1890 (XXIII, XXIV).

Srepel M. Latinski izvor i ocjena Kašičeve gramatike, 1890 (Rad CII).

Jagić V. Iz prošlosti hrvatskoga jezika, 1864 (Književnik, I).

в) Матеріалы для исторіи сербо-хорватскаго языка.

Авраамовичъ. Описаніе древностій србски у Светой гори. У Београду, 1847.

Акты русскаго на Св. Аѳонѣ монастыря Св. Пантелеимона. Кіевъ, 1873.

Барсовъ Е. Акиръ премудрый во вновь открытомъ сербскомъ спискѣ XVI в. („Чтенія", М., 1886, III).

Berčić Iv. 1) Ulomci svetoga pisma obojega uvjeta (глаголич. п.) I—V, Praha, 1864—1871; 2) Dvie službe rimskoga obreda za svetkovinu sv. Cirila i Metuda. Zagreb, 1870.

Бодянскій О. М. 1) Граматично изказанје об руском језику, попа Јурка Крижанища, писано въ Сибири лита ҂зро҃д („Чтенія" М. Общ. Истор. и Древн., 1848, кн. I, 1859, кн. 4); 2) Шестодневъ составленный Іоанномъ ексархомъ болгарскимъ, по списку 1263 года. М., 1879 („Чтенія", 1879 г. приготовлено О. М. Бодянскимъ, издано А. Поповымъ).

Викторовъ А. Е. Стефанитъ и Ихнилатъ (по серб. славян. рукоп., XIII—XIV и XV ст.). М., 1881. Изд. Общества Любителей Древней письменности, № 64 и 78.

Вукомановић А. 1) Повест от битија и о царствих васех родов (Гласник Српск. учен. друштва, кн. X); 2) О кнезу Лазару, из рукописа 17 века (Гласник XI); 3) Живот архиепископа Максима, изъ рукописа 17 века (тамъ-же); 4) Летопис царем српским, из рукописа 17 века (тамъ-же).

Григоровичъ В. И. О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ. Казань, 1859 (двѣ грамоты XIV в. и лѣтопись). Въ прекрасномъ собраніи рукописей, составленномъ В. И. Григоровичемъ во время путешествія по южно-славянскимъ землямъ, значительная доля сербскихъ; въ настоящее время онѣ принадлежатъ частью Московскому Румянцевскому Музею, частью Новороссійскому университету: первыя описаны А. Е. Викторовымъ (Собраніе рукописей В. И. Григоровича, М., 1879), вторыя Мочульскимъ (Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ, I, Одесса, 1890).

Гильфердингъ А. Ѳ. Боснія, Герцеговина и Старая Сербія (1859). Со-Собраніе сочиненій, т. III. (Надписи, отрывки изъ старыхъ рукописей). Гильфердингомъ собрано также не мало сербскихъ рукописей; онѣ принадлежатъ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ и описаны въ „Отчетѣ“ ея за 1868 г.

Даничић Ђ. 1) Рукопис Кипријанов (Гласник IX); 2) Рукопис Александров (тамъ-же); 3) Пролог на кожи (Гласник X); 4) Три српске хрисовуље (Гласник XI); 5) Рукопис архиепископа Никодима (тамъ-же); 6) Живот св. Саве, написао Доментијан. Београд, 1860; 7) Никољско Еванђеље. Београд, 1864; 8) Живот св. Симеуна и св. Саве, написао Доментијан. Београд, 1865; 9) Животи краљева и архиепископа српских. Написао архиепископ Данило и други. Загреб, 1866; 10) Rukopis Vladislava Gramatika, pisan godine 1469 (Starine, izd. Jugo-slav. Akad., 1869, kn. 1); 11) Indijske priče prozvane Stefanit i Ihnilat (Starine kn. II, 1870); 12) Muka blaženoga Grozdija (тамъ-же); 13) Hvalov rukopis 1404 г. (Starine III, 1871); 14) Tri stare priče, ркп. XVI в. (Starine, IV); 15) Proróštvo despota Stefana Lazarevića, по ркп. XV — XVIII в. (тамъ-же); 16) Apokalipsa iz Hvalova rukopisa (тамъ-же); 17) Tondal, ркп. XVI в. (тамъ-же); 18) Dva apokrifna jevangjelja, ркп. XVI в. (тамъ-же); 19) Poslanica sv. Save arhiepiskopu srpskogu iz Jerusalima u Studenicu igumnu Spiridonu, Poslanica Teofila patriarha Jerusalimskoga despotu srpskomu Stefanu, ркп. XV в. (тамъ-же).

Драговић М. 1) Крусовољ књаза и господара црногорского Ивана Црнојевића. Цетиње, 1885; 2) Материјали за историју Црне горе (Гласник, LV, LXIII, LXV, LXXII, LXXIII).

Дучић Н. (архимандритъ). 1) Врањина у Зети и Хрисовуље на Цетињу (Гласник XXVII); 2) Хронограф житомишљички (Гласник XXXII); 3) Старине Хиландарске (Гласник LVI); 4) Крмчаја Морачка, ркп. 1613 (Гласник, друго одељење, кн. VIII, 1877). См. также собраніе сочин. Књижевни радови Нићифора Дучића, архимандрита, у Београду, кн. 1—3, 1891—1893.

Живковић М. Србуле у Сарајеву (ркп. XIV — XVIII) 1885 (Гласник LXIII).

Јиречек Конст. 1) Споменици српски (Дубровн. арх.). Београд, 1892 (Споменик Срп. Кр. Акад., XI); 2) Типик св. Саве за монастир Студеницу (Гласник XL); 3) Уговор Стефана Первовенчанога с Дубровчанима (Гласник XLVII); 3) Eine altserbische Glockeninschrift (Archiv VIII, 133); 4) Zur glagolitischen Handschriften-literatur, 1886 (Archiv IX, 307).

Кашичь Барт. Institutionum linguae illyricae libri duo. Romae, 1604. Ср. выше стр. 190.

Карано-Твртковић. Србскіи споменицы или стари рисовулѣ, дипломе повелѣ и пр. Београд. 1840.

Качановскій В. 1) Spomenici srbski i bugarski (Starine XII); 2) Apokrifne molitve, gatanja i priče, 1881 (Starine XIII); 3) Iz srbsko-slovjenskoga prievoda bizantinskoga ljetopisa Joanna Zonare, ркп. XV в. (Гласник XIV); 4) Образцы дубровницкаго языка и письма. Спб., 1882.

Ковачевић Л. 1) Nekoliko priloga staroj srpskoj književnosti, 1878 (Starine X); 2) Белешке и натписи. Друга руковет, Београд (Гласник LVI).

Ковачић Р. 13 писама српских у архиву дубровачке републике (1593—1705, Гласник LXIII).

Косановић Сава (митрополит). 1) Српске старине у Босни. Неколике биљешке (Гласник XXIX, XXXVIII); 2) Биљешке о Богомилима. Исписао из старог рукописа (XXXVII).

Кочубинскій А. Eine serbische Evangelien-handschrift vom j. 1436 aus Zeta (Archiv IX, 580).

Крижаничъ Юр. Граматично изказанје писано въ Сибири, лита ҂ѕ҃ѐод. Издано О. М. Бодянскимъ („Чтенія“ М. Общ. Ист. и Др., 1848, к. I, 1859, IV)—Важны для исторіи сербо-хорватскаго языка и другія сочиненія Крижанича, писанныя на смѣшанномъ славяно-русско-хор-

ватскомъ яз. Ср. новое Собраніе сочиненій Юрія Крижанича („Чтенія", 1890, 1891 г.).

Kukuljević Sakcinski Ivan. 1) Putne uspomene iz Dalmacije, Albaniji, Krfa i Jtalije. U Zagrebu, 1873; 2) Povjestni spomenici južnih Slavenah (Monumenta historica Slavorum meridionalium), кн. I; Listine Hrvatske, u Zagrebu, 1863 (1100—1599); 3) Разные матеріалы въ изданіи Кукулевича—Arkiv za pověstnicu jugo-slavensku.

Лавровскій П. О Манастири Раваници, Стари Запис (Гласник XII).

Ламанскій В. И. О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. Спб., 1864 (Прилож. къ VI т. Зап. Имп. Ак. Н.).

Леонидъ Архимандритъ. 1) Типик или устав српске царске лавре Хиландара у св. Гори, који је написао њезин основалац св. Сава (Гласник XXIV); 2) Стара српска писма. Из руског манастира св. Пантелеимона у Светој Гори (тамъ-же); 3) Хрисовуља цара Стефана, дата у Скопљу 1347, којом се оснива епископска столица у Леснову (Гласник XXVII); 4) Словеносрпска књижница на св. гори Атонској (Гласник XLIV); 5) Сказаніе о святой Аѳонской горѣ игумена Іоакима (Памятники древней письменности, 1882).

Leskien A. Das dalmatinisch-serbische cyrillische Missale romanum der Leipziger Stadtbibliothek, 1881 (Berichte der König. Sachs. Gesellschaft, 1881).

Ljubić S. Rukoviet jugo-slavenskih listina (грамоты XV — XVIII в.), (Starine X).

Макушевъ В. В. 1) Прилози к српској историји 14 и 15 века (Гласник XXXII); 2) Рукопись сербскаго деспота Стефана Лазаревича 1421 г. (Рус. Фил. Вѣст., 1881); 3) О нѣкоторыхъ рукописяхъ народной библіотеки въ Бѣлградѣ. II Рукописи сербскаго письма (Р. Фил. Вѣст., 1882).

Maretić T. Lekcionarij Bernardina Spljećanina. Po prvom izdanju od god. 1495. Izdala Jugo-slav. akademija znanosti i umjetnosti. U Zagrebu, 1885.

Мартыновъ И. 1) Бдинскій Сборникъ, 1360, рукопись Гентской библіотеки, Спб., 1881 (Памятники древней письменности, 1881, № 14); 2) Житіе св. Симеона сербскаго, Спб., 1880 (Памятники древн. письменности, № 3).

Миклошичъ Фр. 1) Apostolus e codice monasterii Sišatovacensis, 1853; 2) Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii. Viennae, 1858; 3) Psaltir s tumačenjem pisan 1346 za Branka Mladenovića. U Zagrebu, 1872 (Starine IV); 4) Lex Stefani Dušani. Fasciculus prior textum continens, 1856; 5) Die Serbischen Dynasten Crno-

jević. Ein Beitrag zur Geschichte von Montenegro. Wien, 1886 (письма XVI в.).

Милојевић М. С. Дечанске хрисовуље. Београд, 1880 (Гласник XII, другог одељка).

Милићевић М. Сврљишки одломци јеванђеља и запис од год 1279 (Гласник XX).

Milčetić Iv. Prilozi za literaturu hrvatskich glagolskih spomenika. U Zagrebu, 1890 (Starine XXIII).

Невоструевъ К. 1) Двије старинске српске молитве (Гласник XX).

Новаковић Ст. 1) Прилог српској историји око 1790 (Гласник XX); 2) Хрисовуља краља Милутина (тамъ-же); 3) Служба и живот св. ђорђа Кратовца. По рукопису XVII в. (Гласник XXI); 4) Нешто о кнезу Лазару. По рукопису XVII в. (тамъ-же); 5) Прилози к историји српске књижевности. По рукопису XVI—XVII в. (Гласник, XXII, XXV, XXIX, XXXI, XXXII); 6) Повеља краља босанскога Стјепана Остоје војводи Хрвоју и сину му Баоши од 1400 (Гласник XXIII); 7) Писмо св. Саве од 1193, или уговор којим је од Светогораца купио земљу за виноград Хиландарски (Гласник XXV); 8) Хрисовуља Душанова од 20 сент. 1351 (Гласник XXVII); 9) Из Хронике деспота ђурђа Бранковића, с додатком некојих докумената који се њега тичу (Гласник XXXIII); 10) Стари српско-словенски буквар, с неколиким белешкама за историју буквара у опште (Гласник XXXIV); 11) Два прилога к српским старинама. I. Звона градачка. II. Хрисовуља краља Стефана Душана монастиру Тресковачком (Гласник XLI); 12) Српски поменици 15 до 18 века (XLII); 13) Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности (Гласник IX, друг. одељка, 1878); 14) Dvanaest petaka. U Zagrebu, 1872 (Starine IV); 15) Odlomak srpskoga ljetopisa (Starine VI); 16) Apokrifi jednoga srpskog ćirilovskog zbornika XIV vieka (Starine VIII); 17) Srpsko-slovenski zbornik iz vremena despota Lazarevića (Starine IX); 18) Članci hronografa trojadika o Srbima i Bugarima ркп. XV в., (Starine X); 19) Apokrifno protojevangjelje Jakovljevo ркп. XV в. (тамъ-же); 20) Afroditijana Persijanca priča o rogjenju Hristovu (тамъ-же); 21) Apokrifna priča o Jovu (тамъ-же); 22) Narodna predanja o boju Kosovskom pobilježena prve pole XVIII vieka (тамъ-же); 23) Teodosija mniha Hilandarca pohvala svetome Simeunu i Savi (Starine XI); 24) Physiologus. Слово о вештехъ ходештихъ и летештихъ (тамъ-же); 25) Dva crnogorska pisma 1792, 1829 (тамъ-же); 26) Teodosija mniha Hilandarca djelo o Petru Koriškom ркп. XV в. (Starine XVI); 27) Život srpskoga patrijarha Jefrema (тамъ-же); 28) „Carostavnik“ Narodne

Biblioteke u Beogradu (тамъ-же); 29) Odlomci srednjevjekovne kosmografije i geografije (тамъ-же); 30) Apokrifi iz štampanih zbornika Božidara Vukovića (тамъ-же); 31) Apokrif o Enoche ркп. XVI в. (тамъ-же); 32) Priča o Antihristu (тамъ-же); 33) Apokrifi Kijevskoga rukopisa ркп. XVI в. (тамъ-же); 34) Trebinje, Tvrdoš i Savina. Pisma iz hranioce manastira Savine s nekolikim primetbama XVII—XVIII в. (тамъ-же); 35) Apokrifski zbornik našega vijeka (Starine XVIII); 36) Zapisi od grada, moljca i crvi po nivama (тамъ-же); 37) Apokrifske priče o Bogorodičinoj smrti i još neke sitnice apokrifske o Bogorodici (тамъ-же); 38) Otkrivenje Varuhovo (тамъ-же); 39) Примери књижевности и језика старога и српско-словенскога. Београд, 1877. Друго изданье, 1889; 40) Светостефанска хрисовуља краља Милутина. У Београду, 1890 (Српска краљевска Академија. Споменик IV. Тотъ же памятникъ изданъ и Ягичемъ см. ниже); 41) Хрисовуља цара Стефана Душана гробу майке му краљице Теодоре. У Београду, 1891 (Српска Краљ. Акад. Споменик IX); 42) С археолошке изложбе у Кијеву. Београд, 1874; 43) Законик Стефана Душана, цара српског. Београд, 1870.

Общество любителей древней письменности. Лѣтовникь съкращень ѳ различніихь лѣтописьць же и повѣданіи, избрань и съставлень оть Георгіа грѣшнааго инока. Факсимиле рукоп. 1386 г. (Изд. Общ. № 26, 56, 69).

Pavić A. Regule sv. Benedikta, ркп. XIV в. глагол. (Starine VII).

Parčić C. Appendi ad missale Romano-slavonicum anni MDCCXLI Romae, ex typographia polyglotta 1881.

Петровскій М. 1) Сказаніе о возстановленіи иконопочитанія (по сербской рукописи XV в.) Казань (Православный Собесѣдникъ 1886); 2) Анастасій Синаитъ. Слово на Преображеніе (тамъ-же); 3) Сказаніе Константинопольскаго патріарха Нектарія о Ѳеодорѣ Тиронѣ тамъ-же 1887); 4) Поученіе Василія Великаго въ память сорока мучениковъ (Рус. Фил. В., 1886, т. XV).

Павловић Ив. 1) О св. Луци и пренашању његовог тела. Рукопис српски друге половина XV века (Гласник 41); 2) Српска писма у француским архивама (тамъ-же); 3) Житија краљ српских (Гласник VII други део).

Polivka G. Opisi i izvodi iz nekolika jugo-slavenskih rukopisa u Prahu („Nomocanon cum parergis“ XV в. Starine, XVI, XXII).

Пуцић Медо. Споменици српски. I—II, 1863.

Rački Fr. 1) Starohrvatski glagolski nadpis u crkvi sv. Lucije kod Boške na Krku (Starine VII); 2) Dopisi izmedju krajiških turskih i hrvat-

skih častnika. Документы XVI—XVII в. (Starine, XI, XII); 3) Najstarija hrvatska cirilicom pisana listina (XII—XIII в.). U Zagrebu, 1881 (Starine XIII); 4) Povelja bosanskoga kralja Tvrtka od god. 1366 (Starine XXI).

Relkovich M. A. Nova Slavonska i Nimacska gramatica. Neue Slawonische und Deutsche Grammatik. Agram, 1767, 2-е изд. Wien, 1774, 3-е изд. 1789.

Руварац Ил. (архимандритъ). 1) Натпис у цркви села Богдашића близу Котора (Гласник XXI); 2) Житије цара Уроша, од Паисија Пећског патријарха (Гласник XXII); 3) Бегство патріарха Арсенија IV, по опису његова протосинђела Партенија (тамъ-же); 4) O napisu na epitrahilju (Rad XVI).

Соколовъ М. И. Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. В. I, М., 1888 (Сербскій Сборн. XIII—XIV в.).

Срезневскій И. И. 1) Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ Славянъ 1864 (Христіанскія Древности и Археологія, Прохорова, 1864, кн. 7—11); 2) Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, 2 ч., 1867—1876 (Особ. важны № XII—книга Евангельскихъ чтеній XII в. № XLVI — Мирославово Евангеліе); 3) Крмчаја књига српскога писма XIII—XIV вијека (Starine III).

Сречковић П. 1) Двије старинске молитве српске (Гласник XX); 2) Родословије сербскихъ царей (Гласник XXI); 3) Зборник попа Драгаља ркп. XIII — XIV (Српска Краљевска Академија. Споменик V); 4) Неколико српских споменика, 1892 (Споменик XV).

Стојановић Л. 1) Српски родослови и летописи (Гласник LIII); 2) Неколико рукописа из царске библиотеке у Бечу. Ркп. XVI — XVII в. (Гласник LXIII); 3) Стари српски хрисовуљи, акти, биографије, летописи, типици, поменици, записи и др. 1890 (Споменик III); 4) Мирослављево јеванђеље (одломци). У Београду, 1893 (Споменик XX); 5) Сербское описаніе Святыхъ Мѣстъ, составленное въ первой половинѣ XVI ст. (Православный Палестинскій Сборникъ, 1886, в. 4); 6) Nekoliko srpskih ljetopisa (Starine XIII); 7) Jeden prilog k poznavanju bosanskijeh bogumila (Starine XVIII).

Stari pisci hrvatski. Izdaje Jugo-slavenska Akademije znanosti i umjetnosti. Knj. I—XIX. U Zagrebu, 1869—1892.

Statuta lingua croatica conscripta. Hrvatski pisani zakoni: Vinodolski, Polički, Vrbanski, donekle i svega krčkoga otoka, Kastavski, Veprinački i Trsatski. Uredili Fr. Rački, V. Jagić, I. Crnčic. U Zagrebu, 1890.

Успенскій Ѳ. И. Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ XIV в. Одесса, 1883 (Хиландарскій практикъ, Опись владѣній Тетовскаго мон.).

Флоринскій Т. 1) Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. Спб., 1886; 2) Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя Сербовъ и Грековъ. Хрисовулы, Сербскій законникъ, Сборники византійскихъ законовъ. К. 1888.

Črnčić Iv. Rimsko-slovinska služba sv. Kirilu i Metodu. U Zagrebu, 1882 (Starine XIV).

Šafařik P. J. 1) Památky dřevního pisemnictvi Jihoslovanův. V Praze, 1851, 2-е изд. 1873; 2) Památky hlaholského pisemnictvi. Praha, 1853.

Шафарик Я. 1) Србска диплома султана Селима са снимком, 1517 г. (Гласник IV); 2) Описаніе свію досад познаты србски новаца и Додатак к описанію (Гласник III, V—IX); 3) Житіе Стефана Оуроша, сьписано Григоріемь Мнихомь (Гласник XI); 4) Хрисовула цара Стефана Душана, коіом оснива монастир св. Арх. Михаила и Гавріила у Призрену, год 1348 (Гласник XV); 5) Живот деспота Стефана Лазаревича (Гласник XXVIII).

Шапчанин Милорад. Летопис Раванички (Гласник XX).

Jagić V. Primjeri starohrvatskoga jezika. Zagreb, 1866; 2) Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga. U Zagrebu, 1868; 3) Ogledi stare hrvatske proze (ркп. XV в.). U Zagrebu, 1869 (Starine I); 4) Život Aleksandra Velikoga (Starine III); 5) Opisi i izvodi iz nekoliko južno-slovinskich rukopisa (Starine V, VI, IX, X): *а)* Tipik Romanov (ркп. XIV в.); *б)* Nedjelna propoviedanja Konstantina prezvitera bugarskoga po starosrpskom rukopisu XIII vieka; *в)* Novi prilozi za literaturu biblijskih apokrifa; *г)* Krmčaja ilovička godine 1262; *д)* Sitna gradja za crkveno pravo (ркп. XIV в.); *е)* Odlomak srpsko-slovenskog apostola Teodorova od god. 1277; *ж)* Odlomak Radinova srpsko-slovenskog jevangelja od god. 1308; *з)* Odlomak grčko-slovenske liturgijske knjige (XIII — XIV в.); *и)* Odlomak jevangjelja bosanskoga pisanja; *і)* Sredovječni liekovi, gatanja i vračanja (ркп. XV в.) 6) Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung 1877 (Archiv II); 7) Condemnatio Uvae. Ein serbisch-slovenische Text verglichen mit der griechischen Originalerzählung 1876 (Archiv I); 8) Константин философ и његов живот Стефана Лазаревића, деспота српског (Гласник XLII); 9) Законъ Винодольскій, подлинный текстъ, съ русскимъ переводомъ, критическими замѣчаніями и объясненіями, Спб., 1880 (Изд. Общ. Люб. древней письм., № 54); 10) Статутъ острова Крка 1388 (Изд. Общ. Любит. древн. письм., № 44); 11) Светостефански хрисовуљ краља Стефана Уроша

П Милутина. Из старога Сараја изнесла на свијет земаљска влада за Босну и Херцеговину. Са 4 снимка. У Бечу, 1890. Ср. Archiv XIII, 253; 12) Missale Glagoliticum Hervojae ducis Spalatensis. Vindobonnae, 1891 (Ср. статью Т. Флоринскаго въ Унив. Изв. 1892); 13) Статут Пољички (Monumenta historico-juridica. Izd. Jugo-slav. Akad. IV. Ср. выше Statuta); 14) Ein Glagolisches Manuscript in Parto (Archiv VIII, 517); 15) Katharinen-Legende in altkroatischer Fassung (Archiv IX); 16) Разум и философија из српских књижевних старина. Београд, 1892 (Српска Краљевска Академија. Споменик XIII); 17) Prilog za glagoljsku paleografiju (Rad II).

Ястребовъ И. С. Податци за историју српске цркве (надписи, грамоты). У Београду, 1879.

Vučetić. Pisma kalugjera srpskih manastira na Svetoj Gori knezu i vlasteli Dubrovačkoj (XVI—XVIII ст.). U Zagrebu (Starine XVII).

Kolunićev Zbornik, hrvatski glagolski rukopis od godine 1486. Izdala Jugo-slavenska Akademija znanosti i umjetnosti. U Zagrebu, 1892.

Зигель Ѳ. Законник Стефана Душана. Спб., 1872.

Ljubić S. Opis jugo-slavenskih novaca. U Zagrebu, 1875.

Кромѣ указанныхъ работъ и матеріаловъ данныя о памятникахъ сербскаго языка содержатъ извѣстныя описанія славянскихъ рукописей, хранящихся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ (Востокова, Викторова), въ Московской Синодальной Библіотекѣ (Горскаго и Невоструева), въ Собраніи Хлудова (А. Попова), въ Императорской Публичной Библіотекѣ (А. Ѳ. Бычкова) въ Троицко-Сергіев. Лаврѣ (Арх. Леонида), Воскресенскомъ Новоіерусалимскомъ монастырѣ (Арх. Амфилохія и Леонида) и нѣкоторыхъ другихъ библіотекахъ и музеяхъ Россіи (напр. въ Кіевскихъ Духовной Академіи и Церковно-Археологическомъ Музеѣ).

г) Словари и словарныя работы.

Fausti Verantii. Dictionnarium quinque nobilissimarum Europae linguarum, Latinae, Italicae, Germanicae, *Dalmaticae* et Ungaricae. Venetiis ap. Nic. Morettum 1595, 4°.

Thesaurus linguae *Illyricae*, sive dictionarium Illyricum, in quo verba Illyrica Italice et Latine reddantur labore P. Jacobi Micalia S. J. collectum et sumtibus sacrae cogr. de propag. fide impressum. Laureti, 1649.

Dizionario Italiano-Latino-Illyrico, cui si premettono alcuni avvertimenti per inscrivere e con facilità maggiore leggere le voci Illiriche, scritte con caratteri Italiani, ed anche una breve grammatika per apprendere con proprietà la lingua Illirica, con in fine l'indice Latino-Italico, opera del P. Ardelio Dellabella della compagnia di Giesù. In Venezia. 1728. Второе изд. (подъ ред. Pet. Bašića). Ragusa, 1785.

Joakima Stulli Dubrocsanina svechenika reda s. Franc. Seraf. Rjecsoloxje, u komu donosu se upotreblenia, urednia, mucsnia istich jezikâ krasnoslovja nacsini, izgovaranja i prorjecsia. U Dubrovuiku, 1806, 2 тома. Того-же автора: 1) Lexicon Latino-Italico-Illyricum. Pestanae, 1801 и 2) Vocabolario Italiano-Illyrico-Latino. Ragusa, 1810.

Jose Voltiggi. Ricsoslovnik (Vocabolario, Wörterbuch) Illiricskoga, Italianskoga i Nimacskoga jezika s jednom pridpostavljenom Grammaticom ili pismenstvom. U Becsu, 1803.

Mathiae Petri Katancsich. Etymologicon Illyricum, ad leges philologiae dialecto Bosnensi exactum, in quo vocabula tam domestica quam peregrina, usu recepta, cum suis etymis afferuntur, illustrium gentis scriptorum testimonio firmata, cum accuratu syllaborum dimensione, ad calcem index latino-illyricus et quaedam grammaticae observationes, Budae a 1815 constanti ac petinaci studio elaboratum. Рукопись, хранящаяся въ Университетской типографіи въ Пештѣ.

Караџић В. С. Српски рјечник истолкован њемачким и латинским ријечма. Lexicon Serbico-Germano-Latinum. У Бечу, 1818, 2-е изд. 1852, 3-е изд. у Биограду, 1892 (ср. рец. Ягича Archiv XVI).

Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. 3 тома, 1863—1864. У Биограду.

Лавровскій П. 1) Сербско-русскій Словарь. Спб., 1870; 2) Русско-сербскій Спб., 1880.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Sv. 1—13. U Zagrebu, 1880—1892 (Obr. Daničić i Budmani).

Kurelc. Vlaške reči u jeziku našem (Rad XX).

Поповић Ђ. Турске и друге источанске речи у нашем језику. Грађа за велики српски речник (Гласник LIX).

Sulek Bog. Jugoslavenski imenik bilja. U Zagrebu, 1879.

Kolombatović Juro. Imenik kralješnika Dalmacije, I—II. Split, 1885—1886.

Zora L. Paljetkovanje (алфавитный указатель малоизвѣстныхъ или требующихъ объясненія словъ). U Zagrebu, 1892 (Rad CVIII, CX, CXIV).

Filipović Iv. Novi Rječnik hrvatskoga i njemačkoga jezika. Zagreb, 1875—77.

д) Работы по сербо-хорватской діалектологіи.

Budmani P. Dubrovački dijalekat kako se sada govori. U Zagrebu (Rad LXV).

Даничић Ђ. Разлике између језика српскога и хрватскога (Гласник IX).

Живановић J. Особине Ресавског или Косовопољског диалекта, 1882. У Ср. Карловцима (Програм српске православне велике гимназије Карловачке за школску годину 1881—82.

Zima L. Nekoje većinom sintaktične razlike izmedju čakavštine, kajkavštine i štokavštine. U Zagrebu, 1887.

Kušar M. Čakavske osobine u današnem dubrovačkom dijalektu. U Dubrovniku, 1889 (Program C. K. velike državne Gimnazije u Dubrovniku za 1888—89).

Leskien A. 1) Ueber den Dialekt der „Narodne pripovietke iz hrvatskoga primorja", gesammelt von Fr. Mikuličić, 1880 (Archiv V, 181); 2) Zur Kroatischen Dialektologie Dalmatiens (Sitzungsberichte der Kön. Sächs. Ges. d. Wissens, 1888).

Miklosich Fr. Eine Sprachprobe des Kroatischen Dialektes von Neuprerau bei Nikolsburg (Archiv XII, 317).

Milaš M. Današni trpański dijalekat. U Zagrebu, 1891 (Rad 103).

Milčetić. Das silbenbildende und Silbenschliessende *l* im Kroat. čadialekte (Archiv XI, 3).

Nemanić D. Čakavisch-Kroatische Studien. Wien, 1883—1884 (Sitzungsberichte d. k. Ak., 1883—1884).

Rešetar M. 1) Die čakavština und deren einstige und jetzige Grenzen, 1890 (Archiv XIII); 2) Zur Aussprache und Schreibung des *ѣ* im Serbo-Kroatischen (тамъ-же).

Strohal R. 1) Osebine današnjega riečkoga narječja. U Zagrebu, 1883 (Izvješće Kraljevske velike gimnazije na Rieci koncem školske godine 1882—83; 2) Osebine današnjega stativskoga narječja. Zagreb, Karlovac, I, 1887; II, 1888; III, 1889; IV, 1890; V, 1891 (Izvješće Kr. više realne gimnazije u Rakovcu, 1887—1891).

Horvatić. Eigenthümlichkeiten des čakavischen dialektes (Program des Gymnaziums zu Karlstadt). Agram, 1859.

e) Памятники народнаго сербо-хорватскаго языка.

I. По записямъ XVII—XVIII ст.

Гильфердингъ А. Ѳ. 1) Боснія, Герцеговина и Старая Сербія, 1859 (Собраніе сочиненій, т. III. Спб., 1873); 2) Старинный сборникъ сербскихъ пословицъ. Спб., 1868.

Miklosich Fr. Beiträge zur Kenntniss der slavischen Volkspoesie. Volksepik der Kroaten. Wien, 1870 (Denkschriften d. W. Akademie, XIX).

Богишић В. Народне пјесме из старијих, највише приморских записа. Књига I. У Београду, 1878 (Гласник II-ог одељка, X).

Karaman. Marjanska Vila ili sbirka narodnih pjesama, sakupljenih u Spljetu, 1885.

Николић. Српске народне песме из Срјема, Лике и Босније. Нови Сад, 1889.

Glavić B. M. Narodne piesme iz usta i rukopisa, I. U Dubrovniku, 1889

Pavić A. Dvije stare hrvatske narodne pjesme (Rad XLVII).

Vetler Th. Das Volkslied über Miloš Kobilić und Vuk Branković (Archiv VI).

II. По записямъ XIX ст.

Караџић В. С. 1) Мала простонародна славено-сербска песнарица. У Віенни, 1814; 2) Народна сербска пѣснарица, частъ втора. У Віенни. 1815; 3) Народне српске пјесме. Књига друга (Пјесне јуначке). У Липиспи, 1823; Книга трећа, 1823. Книга четврта. У Бечу, 1833. Второе изданіе этого сборника: Српске народне пјесме. У Бечу. Књ. I, 1841, књ. II, 1845, књ. III, 1846, књ. IV (пјесме јуначке новијех времена) 1862, књ. V (Черногор. юнацкія пѣсни) 1865. Књига друга (најстарије пјесме јуначке), новое изданіе. У Бечу, 1875. Новѣйшее изданіе сборника пѣсенъ В. Караджича предпринято въ Бѣлградѣ, вышелъ пока первый томъ — Женске пјесме (Српске народне пјесме. Књ. I, у Биограду, 191. Ср. Archiv XV, 274); 4) Српске народне пјесме из Херцеговине (женске). У Бечу, 1866; 5) Народне Српске приповјетке, 1821 (Додатак къ №№ Новинъ Сербскихъ 89, 90, 91, 95, 98, 100); 6) Српске народне приповјетке. У Бечу, 1853. Друго умножено издање. У Бечу, 1870; 7) Народне српске пословице и друге различне, као оне у обичај узете ријечи. На Цетињу, 1836. Новое изданье у Бечу, 1849.

Милутиновић С. Пѣванья црногорска и херцеговачка. Пешт, 1833. Лейпцигъ, 1837 (нѣкоторыя пѣсни не народныя).

Topalović. Tamburaši Ilirski. Osiek, 1842 (39 пѣсенъ).

Петровић Петръ владыка „Огледало Србско“ (Черногорскія юнацкія пѣсни). Београд, 1845.

Zupan L. Narodne pjesme. Izdanje svijuh dosad izdatih i više nikada još neizšavših pjesamah hrvatskih, dalmatinskih, bosanskih i srbskih. U Zagrebu, 1846 (Около 800 пѣсенъ, большая часть заимствована изъ сборниковъ В. Караджича).

Ljubić S. Običaji kod Morlakah u Dalmaciji. Zadar, 1846.

Илић Л. Народни Славонски обичаји. У Загребу, 1846, кн. II (130 пѣсенъ).

Kukuljević-Sakcinski. Različita djela. Kn. II Pesme. S dodatkom narodnih pjesamah puka hrvatskoga. U Zagrebu, 1847.

Влаић Т. Српскиј венац од народни српски исторически и наравоучителни прича, песама, басни, пословици и загонетки исплетен. Биоград, 1850.

Jukić i Martić. Narodne piesme Bosanske i Hercegovačke. Skupili Ivan Franjo Banjalučanin i Ljubomir Hercegovac. Sv. pervni. Pjesme junačke. U Osieku, 1858.

Поповић А. Песме разне јуначке народне. Биоград, 1857.

Поповић Ст. Црногорске гусле или народне пиесме, приче, подскочице и напіялице. Биоград. 1858.

Valjavec Mat. Narodne pripoviedke skupio u i oko Varaždina M. V. U Varaždinu, 1858. 2-е изд. U Zagrebu, 1890.

Станковић. Српске народне пјесме, 1862.

Бошковић Ст. Бачванске песме. Нови Сад, 1863. 2-е изд. 1879.

Р. Г. Банатске песме. Нови Сад, 1863. 2-е изд. 1866.

Marjanović. Hrvatske narodne pjesme, što se pjevaju u gornoj Hrvatskoj krajini i u Turskoj Hrvatskoj. Sv. I. U Zagrebu, 1864.

Juranić A. Vienčić narodnih pjesama. Zadar, 1865.

Kurelac. 1) Bunje i pahulice, pesnie porugljive i pastirske, ponajvece Dubrovačke. Zagreb, 1866—68; 2) Jačke ili narodne pesme prostoga i neprostoga puka Hrvatskoga po župah Šoprunskoj, Mošonjskoj i Železnoj na Ugrih. Zagreb, 1871.

Петрановић Богољуб. 1) Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине. Епске песме. Београд, I 1867, II 1870; 2) Српске народне пјесме из Босне. У Сарајеву, 1867 (Женскія пѣсни).

Stojanović M. Pučke pripoviedke i piesme. Zagreb, 1867.

Narodne pjesme. Izdala Matica Dalmatinska. Zadar, 1868 (Перепечатки пѣсенъ изъ другихъ сборниковъ).

Plol Gerdvigov. Hrvatske narodne pjesme i pripoviedke u Vrbovcu. I 1868, II 1869, III 1876 (на кайкавскомъ нар.).

Рајковић. Српске народне песме (женске). Нови Сад, 1869.

Стојадиновић. Српске народне песме. I—II. У Биограду, 1869.

Милисавлевић М. Песме народне. У Биограду, 1869.

Станић М. 1) Српско-народне песме и народне приповедке. Београд, 1869; 2) Српске народне песме (јуначке). Београд, 1870; 3) Царица Милица. Песме из Старога Влаха. Београд, 1871; 4) Драгалевка, Песме и приповедке. Београд, 1872.

Милојевић М. С. Песме и обичаји укупног народа српског. У Београду, I 1869, II 1870, III 1875 (некритическое изданіе).

Алексић. Српске народне јуначке песме и народне приповедке. Београд, 1871.

Даничић Ђ. Poslovice. U Zagrebu, 1871.

Радичевић Ф. Гусле црногорске. Београд, 1872.

Ристић Коста. Српске народне песме, покупљене по Босни. Београд, 1873.

Поповић Алекса. Народне јуначке песме. У Београду, 1874.

Мушицки Бранко. Српске народне песме. Скупио их у Срему Б. М. Панчево, 1875.

Mikuličić. Narodne pripovietke i pjesme iz hrvatskoga Primorja. Kralevica, 1876.

Naković M. Jačkar, narodne jačke pjesme. Ugor. Starograd, 1876.

Mažuranić St. Hrvatske narodne pjesme, sakupljene stranom po Primorju a stranom po granici. Seń, 1876.

Kuhač Fr. Južno-slovjenske narodne popievke, većim ih dielom po narodu sam sakupio, ukojdio, glasovirsku pratnju udesio, te izvorni im tekst pridodao. Zagreb, I 1878, II 1879, III 1880, IV 1881.

Богишић В. Народне пјесме из старијих, највише приморских записа. Кн. прва. Са расправом о бугарштицама и с рјечником. У Београду, 1878. Ср. выше.

Pavlinović M. Narodna pjesmarica, izd. Matica Dalmatinska. Zadar, 1879.

Hrvatske narodne pjesme, što se pjevaju u Istri i na Kvarnerskih otocih, preštampane iz „Naše Sloge“. Triest, 1879.

Красић В. Српске народне пјесме старијег и новијег времена. Панчево, 1880.

Filipović. Kraljević Marko u narodnih pesmah. U Zagrebu, 1880, 2-е изд. 1891.

Џурић Лепавић. Песме самоуког песника ратара Карловичког. Нови Сад, 1881.

Tordinac N. Hrvatske narodne pjesme i pripoviedke iz Bosne. Vukovar, 1883.

Давидовић С. Н. Српске народне пјесме из Босне (женске). Панчево, 1884.

Karaman. Marjanska Vila ili sbirka narodnih pjesama, sakupljenih u Spljetu. Spljet, 1885.

Беговић Н. Српске народне песме из Лике и Баније. Загреб, 1885.

Krauss Fr. 1) Tri riječi Hercegovaca. U Mostaru, 1885; 2) Pandžić Huso i Pavečić Luka pobra. Pjesan naših Muhamedovaca. U Mostaru, 1885; 3) Smailagić Meho. Pjesan naših Muhamedovaca. U Dubrovniku, 1886.

Мирковић П. Српске народне пјесме (герзовске и ђевојачке) из Босне, Панчево, 1886.

Blagajić Kamilo. Hrvatske narodne pjesme i pripoviedke iz Bosne. U Zagrebu, 1886.

Ястребовъ И. С. Обычаи и пѣсни турецкихъ Сербовъ въ Призренѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дибрѣ. Спб., 1886. 2-е изд. 1889.

Junačtvo i mejdan kapetana Sorića i Kukulića Alage. Izd. Matica Hrvatska, U Zagrebu, 1887.

Освјетник Милан. Разне српске народне пјесме. Сакупио по Боци Которској и околини Дубровачкој и тумач додао М. О. Нови Сад. 1888.

Hörmann K. Narodne pjesme Mohamedovaca u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, I 1888, II 1889.

Николић А. 1) Српске народне песме. Нови Сад, 1888; 2) Српске народне песме из Срема, Лике и Баније. Нови Сад, 1889.

Glavić Balde. Narodne piesme iz usta i rukopisâ I. U Dubrovniku, 1889.

Врчевић Вук. 1) Херцеговачке народне пјесме (које само Срби Мухамедове вјере пјевају). У Дубровнику, 1890; 2) Narodne pripovietke, ponajviše kratke i šajlive. U Dubrovniku, 1887 (Nar. Bibl. XXIII); 3) Narodne basne, sakupio ih po Boki, Crnoj gori, Dalmaciji u najviše po Hercegovini V. V. U Dubrovniku, 1883 (Nar. Bibl. XIII); 4) Narodne pripoviesti i presude iz života po Boki Kotorskoj, Hercegovini i Crnoj gori. Dubrovnik, 1890.

Народно Благо, по Босни, Херцеговини и сусједним крајевима сакупио Мех-мед-бег Капетановић-Љубушак. Сарајево, 1886.

Косовска споменица 1389—1889. Бој на Косову године 1389 у народним песмама. Београд, 1889.

Новаковић Ст. Српске народне загонетке. Панчево, 1877 (Издање задужбине Чупићеве).

Vuković M. Sbirka zagonetaka. Zagreb, 1890.

ж) Періодическія изданія, въ которыхъ содержатся тѣ или другія данныя для изученія сербо-хорватскаго языка.

1) „Сербскій лѣтописъ“ (съ 1825 г.) впослѣдствіи „Летопис матице српске“ (изд. въ Новомъ Садѣ, до 1893 г. вышло 174 кн.).

2) „Гласник Дружтва србске словесности“ (съ 1847 г.), впослѣдствіи „Гласник српског ученог друштва“ (изд. въ Бѣлградѣ, 75 кн. 1892).

3) „Arkiv za povêstnicu jugo-slavensku“, uredio Ivan Kukuljević Sakcinski. U Zagrebu (1851—1872).

4) „Književnik“. Časopis za jezik i poviest hrvatsku i srbsku i prirodne znanosti. Podporom Matice ilirske uredjuju i izdaju Dr. Fr. Rački, V. Jagić, J. Torbar. U Zagrebu (1864—1866).

5) „Rad jugo-slavenske Akademije znanosti i umjetnosti“ (изд. въ Загребѣ, съ 1867 г., 115 кн.).
6) „Starine“, izdaje Jugo-slavenska Akademija znanosti i umjetnosti (Загребъ, 26 кн., 1893).
7) „Vjestnik hrvatskoga arkeologičkoga Družtva“ (Загребъ, съ 1879 г.).
8) „Старинар српског археолошког друштва“ (Бѣлградъ, съ 1883 г.).
9) Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini (Сараево, съ 1889 г.).

Въ послѣднихъ трехъ археологическихъ журналахъ напечатано значительное количество древнихъ сербо-хорватскихъ надписей.

10) „Глас“ Српске Краљевске Академије (Бѣлградъ, съ 1887 г.).
11) „Споменик“ Српске Краљевске Академије (Бѣлградъ, съ 1887 г.).
12) „Просветни Гласник“, службени лист министарства просвете и црквених послова краљевине Србије (Бѣлградъ, съ 1880 г.).
13) „Наставник“, лист професорскога друштва (Бѣлградъ, съ 1890).
14) „Nastavni vjesnik“, časopis za srednje škole (Загребъ, съ 1892 г.).
15) Годишњица Николе Чупића (Бѣлградъ, съ 1877 г. Кн. I—XII).
16) Danica Ilirska (Загребъ, 1833—1849; 1853).
17) „Kolo“ (Загребъ, 1842—1853).
18) „Бачка Вила“ (Новый Садъ, 1844).
19) „Зора Далматинска“ Задръ, 1844—1848.
20) „Сербско-Далматинскій Магазинъ“ (Задръ, 1836—1867).
21) „Вила“ (Бѣлградъ 1866—1868).
22) Vijenac zabavi i pouci (Загребъ, съ 1869).
23) „Dubrovnik“ (Дубровникъ, 1849—50).
24) „Јавор“ Лист за забаву, науку и књижевност (Новый Садъ, 1874—1892).
25) „Отаџбина“. Књижевност, наука друштвени живот (Бѣлградъ, 1882—1892 г.).
26) „Босанска Вила“, лист за забаву, поуку и књижевност (Сараево, съ 1886 г.).
27) „Slovinac“, list za književnost umijetnost i obrtnost (Дубровникъ, 1878—1884).
28) „Стражилово“, лист за забаву, поуку и књижевност (Новый Садъ, 1887—1892).
29) „Нова Зета“, мјесечни књижевни лист (Цетинье, съ 1889).
30) „Iskra“, list za književnost i umjetnost (Задръ, 1891).

2. Площадь сербо-хорватскаго языка.

Сербо-хорватскимъ языкомъ говоритъ славянскій народъ, обитающій въ западной половинѣ Балканскаго полуострова, между Дунаемъ и Адріатическимъ моремъ, между рр. Савой и Дравой, а также кое-гдѣ по лѣвому берегу Дравы, по лѣвому берегу Дуная на протяженіи отъ устья р. Пека до Могача, по низовьямъ р. Тисы, въ восточной части полуострова Истріи и на многочисленныхъ островахъ Адріатики, прилегающихъ къ Приморью и Далмаціи. Точнѣе (но все же только приблизительно вѣрно) площадь сербо-хорватскаго языка можно опредѣлить слѣдующею пограничной линіей. Начинаясь отъ устья р. Драгони въ Истріи, она направляется вдоль побережья Адріатическаго моря почти до устья Бояны въ Албаніи. Отсюда линія идетъ по западному берегу Скадарскаго озера, въ сѣверной части его сворачиваетъ на В и ЮВ и долиной р. Зеты, черезъ города Гусинье, Дьякову доходитъ до Призрена; затѣмъ поворачиваетъ на СВ и С, горами, расположенными на лѣво отъ Болгарской Моравы, направляется къ Нишу, черезъ Нишевцы къ Тимоку, и Тимокомъ достигаетъ Дуная выше Видина. Отсюда пограничная черта идетъ нѣсколько южнѣе праваго берега Дуная, занятаго Румынами, и потомъ поворачиваетъ на СЗ и снова подходитъ къ Дунаю у устья Поречки. Далѣе она переходитъ черезъ Дунай и въ сѣверномъ направленіи тянется черезъ Бѣлую Церковь и Темешваръ до Арада, здѣсь поворачиваетъ на З къ Сегедину и Баѣ, и затѣмъ на Ю, черезъ Мухачь и Шиклошь къ Дравѣ, идетъ Дравою до границы Штиріи, при чемъ захватываетъ нѣсколько поселеній на лѣвомъ берегу Дравы и Муры, наконецъ, вдоль границъ Штиріи и Крайна возвращается къ устью Драгони въ Истріи.

Въ этихъ предѣлахъ площадь сербо-хорватскаго языка обнимаетъ немного болѣе 4,000 квадр. миль и, слѣдовательно, почти равняется площади болгарскаго языка. Въ политическомъ отношеніи она не представляетъ единаго цѣлаго и раздѣлена между двумя независимыми южно-славянскими государствами, Турціей и Австро-Венгріей. Именно, на территоріи сербо-хорватской расположены: Сербское королевство и Черногорское княжество; турецкія провинціи — Новобазарскій и Призренскій пашалыки съ Косовымъ Полемъ (т. н. Старая Сербія), бывшія турецкія области — Боснія и Герцеговина, отписанныя къ Австріи (по Берлинскому трактату) для временной оккупаціи,

цислейтанскія (т. е. собств. австрійскія) провинціи Истрія и Далмація; транслейтанскія (т. е. венгерскія) провинціи Хорватія, Славонія, Срѣмъ, Бачка, Банатъ и Приморье. Австріи же принадлежатъ прилегающіе къ славянскому берегу Адріатики многочисленные острова, заселенные сербо-хорватскимъ народомъ. Главнѣйшіе изъ нихъ: Рабъ, Керкъ, Велья, Оссоръ, Брачъ, Хваръ, Млѣтъ, Корчула. За границами указанной территоріи сербо-хорватская рѣчь слышится въ Угріи въ отдѣльныхъ селахъ дальше на сѣверъ до Пресбурга (Пожонь) и Пешта, кое-гдѣ въ при-Дунайской Румыніи, въ Западной Болгаріи и Македоніи, въ Россіи (Херсонской губ.) и Америкѣ.

Съ двухъ сторонъ сербо-хорватскій языкъ сосѣдитъ съ родственными славянскими языками, на востокѣ съ болгарскимъ, на западѣ—со словинскимъ (хорутанскимъ). Точно разграничить его съ этими сосѣдями трудное дѣло; съ каждой стороны существуютъ переходные говоры, пріурочиваніе которыхъ къ тому или другому языку служитъ предметомъ спора между мѣстными патріотами и филологами. Выше было указано на переходные сербо-болгарскіе говоры. Также и на западѣ, въ Хорватіи, наблюдается кайкавское нарѣчіе, которое служитъ переходнымъ говоромъ отъ сербо-хорватскаго языка къ словинскому и пріурочивается то къ одному изъ этихъ языковъ, то къ другому. Равнымъ образомъ и на сѣверѣ, въ разсѣянныхъ славянскихъ поселкахъ подъ Пресбургомъ и Пештомъ, сербо-хорватская рѣчь встрѣчается со славянскимъ родичемъ — языкомъ словацкимъ или словенскимъ, принадлежащимъ къ сѣверо-западной вѣтви славянскихъ языковъ. Независимо отъ славянскихъ языковъ сербо-хорватская рѣчь на длинномъ протяженіи своей пограничной линіи сосѣдитъ или встрѣчается съ значительнымъ количествомъ иноплеменныхъ языковъ, именно: албанскимъ (со стороны Черногоріи и Старой Сербіи) и итальянскимъ (въ Далмаціи и Истріи) на югѣ, румынскимъ (со стороны Баната) на сѣверо-востокѣ, мадьярскимъ (вообще въ Угріи) на сѣверѣ, нѣмецкимъ—на сѣверо-западѣ (въ Хорватіи) и турецкимъ на юго-востокѣ (въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи).

Границы сербо-хорватской территоріи, конечно, измѣнялись въ историческое время, но измѣненія эти въ концѣ концовъ не произвели замѣтнаго увеличенія или уменьшенія площади территоріи. Такъ въ періодъ существованія сербскаго государства Неманичей (XIII—XIV в.) сербская рѣчь распространялась дальше на юго-востокѣ, къ

Македоніи; въ турецкое же время, особ. въ XVII—XVIII, вслѣдствіе выселенія Сербовъ изъ странъ, прилегающихъ къ Косову полю, границы ея на юго-востокѣ съуживались. Зато онѣ расширились на сѣверѣ въ предѣлахъ Угріи, куда преимущественно выселялись сербскіе эмигранты, спасавшіеся отъ турецкихъ насилій.

Сербо-хорватскій народъ разъединенъ не только въ политическомъ отношеніи, но и культурномъ. Одна часть его (бо́льшая) принадлежитъ православному міру, другая—католическому, третья исповѣдуетъ магометанство. Въ однихъ частяхъ сербо-хорватской территоріи господствуетъ западная образованность, въ другихъ—славянская первобытная простота, въ третьихъ замѣтно турецкое вліяніе. Соотвѣтственно такому разъединенію отдѣльныя вѣтви одного народа въ разныхъ мѣстахъ носятъ разныя названія: Сербы, Шумадинцы, Черногорцы, Босняки, Герцеговинцы, Далматинцы, Морлаки, Славонцы, Хорваты, Граничары (прежде) и др. Но всѣ онѣ говорятъ однимъ языкомъ, представляющимъ сравнительно (напр. съ болгарскимъ или словацкимъ), незначительное число діалектическихъ различій. Языкъ этотъ удобнѣе всего назвать сербо-хорватскимъ, такъ какъ наименованія *Сербовъ* и *Хорватовъ* служатъ общеупотребительными обозначеніями всего народа, первое—восточной его части, второе—западной.

Общая численность населенія, говорящаго сербо-хорватскимъ языкомъ, по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ составляетъ 6,179,000. Цифра эта распредѣляется такимъ образомъ: въ Сербскомъ Королевствѣ 1,646,000, въ Черногорскомъ княжествѣ — 260,000, въ Босніи и Герцеговинѣ 1,197,000, въ Австро-Угріи—2,960,000, въ Турціи—50,000, въ Румыніи—45,000, въ Болгаріи 2,000, въ Россіи—8,000, въ Италіи—1,000, въ Америкѣ—10,000.

При опредѣленіи границъ сербо-хорватской рѣчи приняты во вниманіе слѣдующія карты: 1) Czoernig, Die Vertheilung der Völkerstämme in Oesterreich. Wien, 1856; 2) H. Kiepert, Ethnographische Uebersichts—Karte des Europäischen Orients (1876—1882) Berlin. Verlag v. Reimer; 3) A. Ficker, Bevölkerung der österreichischen Monarchie. Gotha, 1860; 4) H. Kiepert, Völker—und—Sprachen-Karte von Oesterreich und den Unter-Donau-Ländern. Zweite Auflage. Berlin. Verlag von Reimer; 5) Sax, Ethnographische Karte der Europäischen Türkei und ihrer Denpendenzen zu Anfang des Jahres, 1877 (Mittheilungen der K. K. geograph. Gesellschaft in

Wien, 1878, Bd. XXI); 6) R. v. Le Monnier, Sprachen-Karte von Oesterreich-Ungarn. Wien, 1888. Verlag von Ed. Hölzel.

---

3. Судьбы сербо-хорватскаго языка.

Происхожденіе сербо-хорватскаго языка скрыто въ глубокой древности. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Сербо-Хорваты переселяясь (по свидѣтельству Константина Порфиророднаго) въ VII в. изъ при-Карпатскихъ земель на Балканскій полуостровъ, уже представляли извѣстную этнографическую индивидуальность и говорили своимъ особымъ языкомъ, отличнымъ отъ языка другихъ славянскихъ вѣтвей. Съ другой стороны вполнѣ вѣроятно, что въ новыхъ жилищахъ переселенцы нашли болѣе или менѣе значительные остатки прежнихъ обитателей: туземныхъ Иллировъ, болѣе раннихъ „словѣнскихъ“ колонистовъ и кочевыхъ Аваръ. Сербо-Хорватамъ предстояло претворить въ своей народности всѣ эти этнографическіе элементы, которые въ свою очередь не могли не оказать извѣстнаго вліянія на дальнѣйшее развитіе сербо-хорватскаго языка: окончательная выработка его въ тотъ опредѣленный характерный типъ, который возстановляется по древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ, нужно думать, произошла на новой территоріи, занимаемой племенемъ и въ настоящее время, въ періодъ VII—IX ст. Приблизительно къ этой же порѣ, вѣроятно, нужно отнести возникновеніе въ зародышѣ главнѣйшихъ нарѣчій сербо-хорватскаго языка: штокавщины (восточн.), чакавщины (въ Приморьѣ) и кайкавщины (въ сѣверо-западной Хорватіи). Въ этомъ процессѣ дальнѣйшей дифференціаціи языка независимо отъ указаннаго то болѣе, то менѣе сильнаго вліянія мѣстныхъ этнографическихъ элементовъ, могли дѣйствовать и многія другія причины, напр. условія географическія, историческія обстоятельства и т. п.

О состояніи сербо-хорватскаго языка въ этотъ древнѣйшій періодъ приходится судить по очень немногимъ, въ высшей степени скуднымъ даннымъ. Письменные памятники на *славянскомъ* языкѣ у Сербо-Хорватовъ начинаются только съ XII ст. Правда, западная часть народа (собств. Хорваты), гораздо раньше этого времени (съ IX в.) образовала значительное государство и, подвергшись вліянію міра романо-германскаго, усвоила его образованность, а равно обзавелась

письменностью, но эта образованность и письменность были латинскія: грамоты хорватскихъ князей, древнѣйшія хорватскія лѣтописи писаны по латыни. Впрочемъ, имѣется одно прямое указаніе на то, что въ XI ст. въ хорватскомъ государствѣ грамоты писались и на славянскомъ языкѣ; къ сожалѣнію ни одна изъ нихъ не сохранилась до нашего времени. Единственнымъ источникомъ свѣдѣній о сербо-хорватскомъ языкѣ до XII ст. служатъ отдѣльныя слова (имена мѣстныя, личныя и немногія нарицательныя), сохраненныя латинскими и византійскими лѣтописцами, или занесенныя въ латинскія грамоты сербо-хорватскихъ князей и королей. Тщательный выборъ этихъ словъ сдѣланъ знаменитымъ П. Шафарикомъ въ его „Исторіи южно-славянскихъ литературъ“ [1]), а разъясненіе многихъ изъ нихъ дано въ другомъ, болѣе раннемъ, трудѣ того же ученаго Serbische Lesekörner (1833).

Какъ ни скуденъ этотъ матеріалъ, онъ даетъ извѣстную возможность сдѣлать опредѣленныя заключенія о нѣкоторыхъ **особенностяхъ сербо-хорватскаго языка IX—XI в.** Важнѣйшія изъ нихъ оказываются тѣже самыя, какими этотъ языкъ характеризуется по сравненію съ другими славянскими языками въ позднѣйшія времена. Именно: 1) вм. носовыхъ гласныхъ слышались чистые, *у* вм. ѫ, *е* вм. ѧ, напр. Τοῦγα (Кон. Порфир. = Тѫга) Luca (жупа лѧка, грам. 1059 г.) dubrave (грам. 1078), Svetoslaus (грам. 1067), Τζεέσθλαβος (Кон. Порфир. (X в.) = Чѧславъ), Vekenego (грам. 1052 [2]); 2) старо-слав. *ѣ* соотвѣтствуютъ *i* (на западѣ) или *e* (на востокѣ), напр.: billa (вм. bjela), stiniza, tribis (вм. trjebisc, грам. 1000 г.), suidoz (вм. svjedok, грам. 1069 г.), Osic (вм. Osjek, грам. 1078 г.), Belegradum (письмо папы Іоанна VIII 878 г.) Βελέγραδα, Βελόγραδον, Πλέβα, Τερβουνία (Конст. Порфир.); 3) вм. старо-слав. *ы*, которое въ нынѣшнемъ сербо-хорватскомъ яз. звучитъ какъ *и*, въ старое время въ нѣкоторыхъ словахъ

---

[1]) Geschichte der Südslawischen Literatur. Aus dessen handschriftlichem Nachlässe herausgegeben von Josef Jireček. Prag, 1865, III, 139—165.

[2]) Впрочемъ, встрѣчаются примѣры и другаго рода, какъ Τζέντινα, Μουντιμήρος (К. Порфир.), Montemerus (письмо папы Іоанна VIII, 874 г.), Muncimir (грамота 892 г.). Но примѣры эти въ виду другихъ, приведенныхъ, болѣе многочисленныхъ, не могутъ говорить въ пользу существованія носовыхъ гласныхъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ по крайней мѣрѣ въ историческую пору, такъ какъ и неизвѣстно въ какой формѣ — сербо-хорватской или какой-либо иной они занесены въ историческія записи.

слышался звукъ болѣе твердый, отличный отъ нын. *и*, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: Zatim*u*stlo, Nedam*u*slo, Nemustlo (грам. 837), Cresamustlo (грам. 892), Βοισέσθλαβος, Βουσεβούτζη (Кон. Порфир.); 4) глухіе звуки, соотвѣтствующіе старо-слав. *ъ*, *ь*, а въ современномъ сербо-хорватскомъ языкѣ перешедшіе (въ срединѣ словъ) въ ясное *а*, кажется, еще были слышны въ древнѣйшую эпоху, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ объ этомъ можно заключать на основаніи несовершеннаго латинскаго правописанія такихъ словъ какъ: s*e*tnico (грам. 1052 г.), D*e*briz (грам. 1078 г.), Butina v*i*so (Боутина вьсь, грам. 1018 г.); 5) гласные *р*, *л*, по-видимому, также были свойственны сербо-хорватскому языку въ это отдаленное время: Tirpimirus (грам. 852 г.), Dircislavo (грам. 994 г.), Drizislavus (грам. 1066 г.), Cernecha (грам. 986 г.), berda (грам. 1056 г.), Σέρβλοι, Τζερναβουσκέη (Кон. Порфир.), Tarnova (грам. 994 г.), barda (грам. 1000 г.), Στόλπον, Χλούμ, Ζαχλούμα, Velcano (грам. XI в.), Vilcodrug (грам. 1103 г.); 6) *д*, *т* смягченныя j-мъ, вѣроятно, звучали совершенно такъ какъ и въ нынѣшнемъ языкѣ т. е. ђ, ћ (д'ж', т'ч', dj, ć); звуки эти обозначались въ греческихъ и латинскихъ источникахъ буквами γ, κ, τ, τζ, ch, k, c: Μεγυρέτους, Vekenego (грам. 1052 г.), Radosich (грам. 1078 г.), Vlassici (грам. 1071 г.), Κοσέντζης, Βουσεβούτζη (Кон. Порфир.). Буквы ѣ и ѫ для обозначенія *dj*, *mj* выступаютъ и позже въ сербскихъ памятникахъ.

Письменности на народномъ языкѣ въ сербо-хорватскихъ земляхъ предшествовало широкое **распространеніе старо-славянскаго языка**, который въ качествѣ языка литургическаго, богословскаго и вообще литературнаго, сохранялъ здѣсь и позже въ теченіе многихъ вѣковъ свое важное значеніе, хотя и не одинаковое на востокѣ и западѣ. Славянскіе тексты священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ стали извѣстны Сербо-Хорватамъ, несомнѣнно, еще въ Кирилло-Меѳодіевскую эпоху, но древнѣйшія рукописи ихъ не восходятъ далѣе XII ст., при чемъ самыя раннія изъ нихъ принадлежатъ хорватскому западу. На сербскомъ востокѣ успѣшное развитіе письменности на старо-славянскомъ языкѣ стало возможнымъ только со времени политическаго объединенія Сербовъ при Стефанѣ Неманѣ (1157—1190 г.) и просвѣтительной дѣятельности св. Савы, перваго сербскаго архіепископа. На западѣ, въ хорватскомъ государствѣ, распространеніе языка Кирилла и Меѳодія тормозилось шедшими со стороны римской

куріи и латинскаго духовенства гоненіями на славянское богослуженіе. Въ теченіе X и XI ст. четыре раза издавались на сплѣтскихъ соборахъ (924, 927, 1059, 1064 г.) запрещенія славянской литургіи для Хорватіи и Далмаціи. Тѣмъ не менѣе эти преслѣдованія не могли совершенно искоренить употребленіе славянскаго языка въ церкви. Оно продолжало держаться во многихъ мѣстахъ хорватской территоріи и, наконецъ, въ половинѣ XIII в. было оффиціально разрѣшено папой Иннокентіемъ IV (буллы 1248 и 1250 г.). Съ этого времени до конца XV ст. среди католическихъ Хорватовъ успѣшно развивалась старо-славянская письменность, представленная главнѣйше служебниками (миссалами) и часословами (бревіарами) римскаго обряда, кодексами псалтыри, евангелія, апостола и немногими произведеніями переводной богословско-моральной литературы. Всѣ эти старо-славянскіе памятники хорватскаго происхожденія писаны *т. н. угловатой глаголицей*, отличающейся по виду буквъ отъ *круглой* глаголицы, какою написаны древнѣйшіе тексты старо-славянскаго языка: Зографское Евангеліе, Маріинское Евангеліе, Клоцовъ Сборникъ и др.[1]). Въ XV и XVI ст. многіе памятники этой глагольской письменности попадаютъ въ печать (въ типографіяхъ Венеціи—съ 1483, Сеня—съ 1507, Рѣки—1561 и Рима съ 1631[2]). И доселѣ богослуженіе на старо-славянскомъ языкѣ по глагольскимъ книгамъ отправляется въ четырехъ хорватскихъ католическихъ епархіяхъ: керкской, задрской, сплѣтской и шибеницкой. Между тѣмъ на востокѣ, въ православныхъ сербскихъ земляхъ, въ противоположность западу развивается *кирилловская* письменность. Старо-славянскій языкъ получаетъ здѣсь болѣе широкое примѣненіе и значеніе; онъ является языкомъ не только литургическимъ и церковнымъ, но и государственнымъ, общественнымъ и вообще литературнымъ. На немъ пишутся не только тексты священнаго писанія, литургическія и духовно-поучительныя книги, но и грамоты, юридическіе памятники, лѣтописи, произведенія апокрифической и повѣствовательной литературы. Сербскія изданія старо-славянскихъ текстовъ священнаго писанія и бого-

---

[1]) Впрочемъ акад. Ягичемъ недавно открытъ памятникъ сербо-хорватской редакціи XII в., письмена котораго по типу буквъ занимаютъ средину между угловатой и круглой глаголицей (Вѣнскіе листки).

[2]) Миссалы 1483, 1528, 1531 г., Бревіаръ 1561.

служебныхъ книгъ печатались въ XV — XVI ст. въ Венеціи, Ободѣ (Черногорія), Скадрѣ, въ герцеговинскихъ монастыряхъ Гораждьѣ и Милешевѣ, и въ сербскихъ — Руянскомъ и Бѣлградскомъ. У турецкихъ и австрійскихъ православныхъ Сербовъ старо-славянскій языкъ, хотя и видоизмѣненный подъ вліяніями то мѣстнаго живаго языка, то книжнаго русскаго языка, сохраняетъ свое обще-литературное значеніе до нынѣшняго столѣтія, когда съ развитіемъ литературы на народномъ языкѣ за нимъ осталось мѣсто только въ церкви, какъ за языкомъ исключительно богослужебнымъ.

Сербскіе и хорватскіе памятники старо-славянскаго языка, столь рѣзко отличающіеся между собой по формѣ письма, въ сущности болѣе или менѣе однородны въ отношеніи языка. Старо-славянскій языкъ въ нихъ носитъ на себѣ извѣстные слѣды вліянія мѣстнаго сербохорватскаго языка. Это т. н. **сербо-хорватская редакція старо-славянскаго языка**, отличная отъ другихъ редакцій: древнѣйшей (древне-болгарской, паннонско-моравской) средне-болгарской и русской. Въ однихъ памятникахъ на старо-славянской основѣ отразилось болѣе сербо-хорватскихъ особенностей, въ другихъ менѣе, смотря по роду памятниковъ, мѣсту и времени ихъ происхожденія. Такъ, въ произведеніяхъ свѣтскаго содержанія элементы народной рѣчи писца или сочинителя гораздо численнѣе и замѣтнѣе, чѣмъ въ книгахъ литургическихъ; въ жалованныхъ грамотахъ сербскихъ королей церквамъ и монастырямъ стиль старо-славянской рѣчи выдержаннѣе, чѣмъ въ другихъ актахъ тѣхъ же королей, памятники боснійскіе по языку вообще народнѣе памятниковъ, ведущихъ происхожденіе изъ стараго сербскаго королевства, въ рукописяхъ XVII в. вообще больше уступокъ въ пользу народнаго языка, чѣмъ въ рукописяхъ XIV—XV в. и т. п. Самой собой понятно, что всѣ эти памятники старославянскаго языка, возникшіе на сербо-хорватской территоріи, представляютъ болѣе или менѣе цѣнный матеріалъ для исторіи сербохорватскаго языка. По тѣмъ уклоненіямъ отъ нормы старо-славянскаго языка древнѣйшаго типа, какія въ нихъ замѣчаются, можно судить о важнѣйшихъ особенностяхъ сербо-хорватскаго языка въ сравненіи со старо-славянскимъ въ первые періоды культурной жизни народа. Особенно важны извлекаемыя отсюда данныя для эпохи XII—XIII в., отъ которой памятники на народномъ языкѣ сохранились лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Да и для позднѣйшаго

времени старо-славянскіе памятники сербо-хорватской редакціи представляютъ не мало любопытнаго для характеристики народнаго языка какъ въ грамматическомъ, такъ лексикальномъ отношеніяхъ.

Къ древнимъ памятникамъ даннаго типа относятся слѣдующія: I. *Кирилловскіе:* 1) Мирославово (Аѳонское) Евангеліе (до 1200 г.); 2) Симеоново (Вуканово) Евангеліе (до 1200 г.); 3) грамота Стефана Немани Хиландарьскому мон. 1198 г.; 4) Типикъ св. Савы (XIII в.); 5) дарственная запись краля Стефана Первовѣнчаннаго и сына его Радослава въ церкви монастыря Жичи (1222—1228); 6) грамота короля Владислава монастырю св. Николая во Вранинѣ (1234—1240); 7) Житіе св. Симеона (Парижская рукоп. XIII в.); 8) Иловицкая Кормчая 1262 г.; 9) Шестодневъ Іоанна Экзарха 1263 г.; 10) отрывки Сверлижскаго Евангелія 1273 г.; 11) отрывокъ апостола 1277 г.; 12) Тріодь Михановича (XIII в.); 13) Румянцовскій Прологъ (XIII в.); 14) Поученія Константина, пресвитера болгарскаго (XIII ст.); 15) Сборникъ попа Драголя (ркп. XIII—XIV в., собств. П. Сретьковича); 16) дарственныя грамоты короля Милутину Хиландарскому мон. (1293 — 1321); 17) Святостефанскій хрисовулъ Милутина 1318 г.; 18) Шишатовецкій апостолъ 1324 г.; 19) грамоты короля Стефана Дечанскаго Хиландарскому мон. (1321 — 1330); 20) хрисовулъ того же короля Дечанскому мон. (1330 г.); 21) Оливеровская Минея 1332 г.; 22) Поученія Ефрема Сирина 1337 г.; 23) Псалтырь 1346 г.; 24) многочисленные хрисовулы короля и царя Стефана Душана (1333—1355 г.); 25) Карловецкій (Пшинскій) сборникъ (XIV в.) и многія другія рукописи и грамоты второй половины XIV в.[1]). II. *Глаголь-скіе:* 1) надпись въ церкви св. Люциліи на о. Керкѣ конца XI в.; 2) Вѣнскіе листки миссала XII в.; 3) Люблянскій отрывокъ бревіарія XII в.; 4) Бирбинскій отрывокъ миссала XII в.; 5) Загребскій отрывокъ миссала XII в.; 6) Загребскіе отрывки сборника XII в.; 7) Люблянскіе отрывки сборника XIII в.; 8) Тконійскій (на о. Пасманѣ) отрывокъ бревіара XIII в.; 9) Бирбинскій отрывокъ бревіара XIII в.; 10) Псалтырь Николая Рабскаго 1222 г. (нѣкогда бывшая въ распоряженіи Рафаила Леваковича и неизвѣстно гдѣ находящаяся); 11) Пражскій бревіаръ діакона Кирика 1359 г.; 12) Миссалъ Новака,

[1]) Памятники старо-славянскаго языка сербскаго извода XIV — XV ст. многочисленны. Ихъ еще больше для XVI—XVII ст.

князя Крбавскаго 1368 г. (въ Вѣнск. придв. библ.); 13) Римскій бревіаръ 1379 г.; 14) Римскій миссалъ 1387 г.; 15) Врбницкій бревіаръ 1391 г.; 16) вторая половина Реймскаго Евангелія 1395 г.—и другіе болѣе поздніе памятники [1]).

Отмѣтимъ главнѣйшія особенности языка этихъ памятниковъ.

1) Юсы встрѣчаются очень рѣдко, въ весьма немногихъ памятникахъ (напр. Мирославовомъ Евангеліи, Симеоновомъ Евангеліи), и въ послѣднемъ случаѣ обозначаютъ не носовые гласные, а чистые (ѧсть, ѧдинь, домѫ). Обыкновенно они замѣняются другими гласными, ѫ = *у (ю)*, ѧ = *е* напр.: м*у*жь, р*у*ка, б*у*ди, помышлѣх*у*, глюбина, сюбота, мючить (Мирослав. Еванг.); с*е*таго, м*е*, т*е*, с*е*, гредеть, юзыкь, чеда, вьпросиш*е* (3 л. мн. ч.), просещи.

2) Изъ двухъ знаковъ глухихъ гласныхъ ъ встрѣчается очень рѣдко; обыкновенно его замѣняетъ ь, которое употребляется вм. ъ и ъ; напр.: зьль, влькь, сѣть, богъ, миръ, обрѣтохъ. На концѣ словъ и въ словахъ сложныхъ съ предлогами нерѣдко опускается и ь, откуда можно заключать, что въ этихъ случаяхъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ, какъ въ болгарскомъ и другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ, глухіе исчезли. Но такъ какъ въ срединѣ словъ употребленіе ь вообще выдержано послѣдовательно, то слѣдуетъ допустить, что глухой звукъ не былъ совсѣмъ чуждъ сербо-хорватскому уху.

3) Появленіе *а* вм. ь: с*а*, чрѣс*а*ль, срьд*а*ць, д*а*ждь, дв*а*ри, бр*а*вьно. Наоборотъ иногда ъ вм. *а:* въсь (вм. васъ), съмь (вм. самъ), дърь (вм. дарь).

4) Двойное ъ *(ъъ)*, обыкновенно въ окончаніи родит. пад. мн. ч. (въ кирил. памятникахъ): апостолъъ, пророкъъ, селъъ, царъъ, слъзъъ, словесъъ. Вѣроятно, это двойное ъ обозначаетъ *а*, которое слышно въ этомъ падежѣ въ современномъ сербскомъ языкѣ.

5) Сохраненіе сочетанія ль въ срединѣ словъ: Гльбочица, тльсто, Влькославь, Стльбица, Влькь. Позже въ этомъ случаѣ л = *у:* Вук.

6) *У (оу)* вм. *въ, въ: у* светую гору, *у* ризницу, *у* црьковь, *у* бащину, *у* Пеки, *у* Моравѣ, *у*зети, *у*довица.

---

[1]) Тексты этихъ памятниковъ см. въ изданіяхъ: 1) Šafařik, Památky hlaholského pisemnictvi. Praha, 1854; 2) Berčić Iv., Chrestomathia linguae veteroslovenicae charactere glagolitico. Jaderae, 1859; 3) Jagić, Priměri starohrvatskoga jezika. Zagreb, 1866—и Glagolitika. Wien, 1890 (Denkschriften. Bd. XXXVIII).

7) Смѣшеніе *и* съ *ы* и предпочтительное употребленіе *и* вм. *и* и *ы:* не разлучаты се, мыслы, створишы; сини, вѣньчани, свѣтими оть глави, завѣси, ти, ви (дат. п. мн. ч.). Въ глагольскихъ текстахъ исключительно *и*.

8) Употребленіе *ъ* вм. *ѣ*: землъ (им. п.), царъ (р. п.), кралъ, болъры, тръва, ъко.

9) Появленіе вм. жд (= *dj*)—*г* и вм. шт (=*tj*)—*к:* с туге землѣ, Гюргевикъ, сь мегами, мегю, меге, у Пеки, се вракаю, да плакаю, Петровикь, Домушики, двѣ тисуки, помокию. Уже съ XII в. появляется буква ѓ, ѕ, ѣ, а въ глаголич. памятникахъ ⱂ = нынѣшнему ђ (дj): ѓеорьгиѣ, еванѓелие (Мирослав. Ев.), ѣурьгево (грам. Немани).

10) *Р* обыкновенно не смягчается: цара, поклисара, манастиру, прѣтвараѣ.

11) *Ж* переходитъ въ *р* въ частицѣ *же:* ере, никомоуре (грамота Немани), никоѣере области; ничесаре, такоре.

12) Родит. п. ед. ч. твердыхъ основъ жен. р. на *а* иногда оканчивается на *е* вм. *ы:* оть жене, оть палате, сь оне стране. Тоже окончаніе въ именит. и винит. пп. мн. ч.: жоупе, паше, кобиле.

13) Творит. п. ед. ч. жен. р. иногда оканчивается на—*овъ* вм.—*оѫ*: сиювъ земловъ, срьбьсковъ, божиювъ помокію (грамота Немани), съ великовъ печалию, сь Заклопишовъ Лоуковъ, с помокію божиовъ, руковъ. Въ памятникахъ XIII в. является и другое окончаніе — *омъ:* Чрьновь рѣкомъ (надпись въ Жичи), с кралевомъ печатию.

14) Употребленіе одного *и* и *ы* вм. *ии* и *ыи* въ именахъ прилагательныхъ: свети, богь прѣмилостивы, други, всемоги, вѣчьни.

15) Для родит. п. ед. ч. муж. и ср. р. появляется окончаніе *га:* оть всакога зьла, велиега жупана, иногa кога, тѣлесе никакога же неимы.

16) Въ 3 л. ед. и мн. ч. настоящаго времени окончаніе *ть* нерѣдко опускается: бѣжи, се вракаю, приходе, соуди, да соу, не има, да узима.

17) Появленіе въ 1 л. мн. ч. окончанія *мо:* съмо дали, благословисмо (надпись въ мон. Жичѣ), живемо (Шишат. ап.).

Всѣ эти звуковыя и формальныя особенности, выдѣляющіяся то болѣе, то менѣе рѣзко на старо-славянской основѣ древнихъ памятниковъ сербо-хорватской редакціи, естественно нужно разсматривать какъ наиболѣе характерныя черты народнаго сербо-хорватскаго языка.

Дѣйствительно всѣ онѣ выступаютъ ярко, послѣдовательно, въ полномъ развитіи, въ другихъ памятникахъ, отчасти современныхъ указаннымъ, но такихъ, въ которыхъ не видно уже старо-славянской основы, и которые слѣдуетъ считать произведеніями настоящаго сербо-хорватскаго языка. Такого рода памятники сохранились съ конца XII ст. Древнѣйшій изъ нихъ грамота боснійскаго бана Кулина 1189 г. Несомнѣнно, однако, что возникновеніе письменности на народномъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ западной части сербо-хорватской территоріи, относится къ болѣе раннему времени. Имѣются прямыя указанія относительно существованія хорватскихъ грамотъ отъ начала XI в. (1025 г.). Для XIII ст. такихъ памятниковъ еще не много, но затѣмъ число ихъ быстро увеличивается и, наконецъ, сербо-хорватскій языкъ постепенно дѣлается органомъ общественной, литературной и вообще умственной жизни народа и даже пріобрѣтаетъ себѣ весьма почетное положеніе на греко-славянскомъ востокѣ. Въ исторіи внѣшняго развитія сербо-хорватскаго языка можно подмѣтить четыре періода. Первый обнимаетъ время XII—XV ст.—періодъ употребленія сербо-хорватскаго языка въ дѣловой письменности и законодательныхъ памятникахъ; второй—XV—XVIII ст.—періодъ далматинской литературы; третій—XVIII в.,—время славяно-сербской письменности; четвертый—новое время, періодъ выработки общаго литературнаго языка для всего племени и развитія національной литературы.

Главными свидѣтелями **состоянія сербо-хорватскаго языка въ XIII—XV ст.** служатъ грамоты, законники, общинныя постановленія и статуты. Грамотъ сохранилось до нашего времени весьма значительное количество. По мѣсту происхожденія, содержанію и отчасти языку, ихъ можно раздѣлить на нѣсколько группъ: 1) грамоты сербскія и зетскія, 2) гр. боснійскія, 3) гр. дубровницкія, 4) гр. хорватскія и 5) грамоты иноземныхъ владѣтелей (турецкія, угорскія, румынскія, албанскія). Самую численную, наиболѣе любопытную и важную группу составляютъ дубровницкія грамоты. Дубровникъ—удивительное полуславянское, полуитальянское государство на берегу Адріатики—составившій себѣ извѣстность обширною торговлей и дѣятельнымъ участіемъ въ развитіи литературы, науки и искусства, находился въ постоянныхъ близкихъ сношеніяхъ со всѣми славянскими землями Балканскаго полуострова, особенно съ Сербіей, Босніей, Захолмьемъ

(нын. Герцеговиной) и Зетой. Сношенія эти, между прочимъ, привели къ заключенію торговыхъ договоровъ Дубровницкой республики съ сербскими королями, царями и деспотами, боснійскими банами, съ захолмскими и зетскими князьями, властелями, воеводами, а также къ оживленной заграничной перепискѣ и обстоятельному внутреннему канцелярскому дѣлопроизводству. Такъ въ богатомъ дубровницкомъ архивѣ, вмѣщавшемъ въ себѣ неисчислимое количество разнородныхъ документовъ на латинскомъ и итальянскомъ языкѣ, составился большой запасъ грамотъ, договоровъ, дѣловыхъ писемъ и записокъ на сербохорватскомъ языкѣ. Значительная доля этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ погибла, но многое и уцѣлѣло и издано въ давнее время Карано-Твертковичемъ, М. Пуцичемъ и Миклошичемъ, а въ новое время К. Ирѣчкомъ. Дубровницкія грамоты, касающіяся сношеній съ сосѣдними славянскими землями, писаны кириллицей и не на мѣстномъ (чакавскомъ) нарѣчіи, а на штокавскомъ, господствовавшемъ въ Сербіи (или Расѣ) Зетѣ, Травуніи, Захолмьѣ и Боснѣ, причемъ принимались во вниманіе и болѣе частныя діалектическія отличія въ языкѣ населенія тѣхъ странъ, съ которыми были заключаемы договоры. Такъ въ языкѣ грамотъ, предназначавшихся для Босны съ одной стороны и для сербскаго королевства съ другой наблюдается нѣкоторое различіе: въ первыхъ не трудно узнать западное разнорѣчіе штокавщины, вторыя писаны на южно-штокавскомъ нарѣчіи. Тотъ же народный говоръ—штокавщина—выступаетъ въ сербскихъ и боснійскихъ грамотахъ, посылавшихся въ Дубровникъ. Разница между ними состоитъ въ томъ, что въ боснійскихъ грамотахъ (до короля Твертка) языкъ чистый сербо-хорватскій, безъ примѣсей, между тѣмъ какъ грамоты сербскихъ государей и властелей, касающіяся сношеній съ Дубровникомъ, хотя и отличаются по стилю отъ жалованныхъ грамотъ церквамъ и монастырямъ тѣхъ же государей и властелей, но все же не свободны отъ примѣсей элементовъ церковно-славянскаго языка къ лежащему въ основѣ ихъ народному нарѣчію. Тѣже примѣси чувствуются въ языкѣ Законника Душана (1349 г.), даже въ наиболѣе древнихъ спискахъ (Григоровичевъ, Призрѣнскій). — Хорватскія грамоты ведутъ свое происхожденіе изъ хорватскаго и далматскаго Приморья, Истріи, сѣверной Далмаціи и прилегающихъ къ этимъ областямъ острововъ, слѣдовательно изъ того края, гдѣ въ области церковной процвѣтала глаголица. Онѣ также писаны угловатой глаго-

лицей и изданы въ сборникѣ Кукульевича Сакцинскаго (Monumenta historica Slavorum meridionalium 1863). Древнѣйшая изъ этихъ грамотъ, сохранившаяся въ оригиналѣ, относится къ 1309 г.; бо́льшая часть ихъ принадлежитъ знаменитой хорватской княжеской фамиліи Франкопановъ. Глагольскія грамоты по своему содержанію не имѣютъ такого общеисторическаго значенія, какъ писанныя кириллицей. Въ нихъ идетъ рѣчь отчасти о дарованіи или продажѣ пашенной земли, виноградниковъ и т. п. церквамъ, монастырямъ и частнымъ лицамъ, отчасти же — о судебныхъ распоряженіяхъ и процессахъ между общинами и отдѣльными лицами. Тѣмъ не менѣе грамоты эти весьма важны для выясненія внутренняго быта въ Далмаціи и Хорватіи въ данную эпоху, и особенно для исторіи сербо-хорватскаго языка: онѣ писаны на чистомъ мѣстномъ народномъ языкѣ, т. е. на чакавскомъ нарѣчіи. Тотъ же народный языкъ выступаетъ въ сохранившихся славянскихъ законникахъ и статутахъ хорватскихъ и далматскихъ общинъ; Винодольскомъ Законѣ (1280 г.), Врбенскомъ или Керкскомъ статутѣ (1362—1549), Полицкомъ статутѣ, Законѣ города Каствы (1490), и Вепринской общины (1507). Всѣ эти законодательные памятники, весьма важные по языку, писаны глаголицей и на чакавскомъ нарѣчіи. Исключеніе составляетъ Полицкій статутъ, который написанъ т. н. босанской кириллицей и на западномъ разнорѣчіи штокавщины[1]). Такимъ образомъ въ XIII—XV ст. оба главныя нарѣчія сербо-хорватскаго языка—штокавщина и чакавщина—получили обработку въ письменности. Но изъ нихъ двухъ уже тогда наибольшею распространенностью, извѣстностью и значеніемъ пользовалась штокавщина, обязанная этимъ въ значительной степени Дубровнику. Въ XV ст., съ наступленіемъ турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ, штокавщина становится дипломатическимъ языкомъ турецкаго, угорскаго и румунскаго дворовъ. Высокая Порта въ XV—XVI ст. сносилась не только съ Дубровникомъ, но и Угорскимъ королевствомъ и Московскимъ царствомъ грамотами на сербскомъ языкѣ. Это и понятно, такъ какъ всѣ почти султаны XV—XVI в., до Солимана включительно, были сербы по матерямъ; равнымъ образомъ великіе визири, паши, беги и другіе высшіе турецкіе сановники того

[1]) Къ сожалѣнію всѣ эти статуты дошли въ рукописяхъ относительно позднихъ (XIV—XVI вв.). Статутъ г. Каствы извѣстенъ только въ латинской транскрипціи.

времени большею частью также были славянскаго происхожденія. Такъ, въ извѣстномъ сборникѣ сербскихъ грамотъ Миклошича (Monumenta Serbica), находятся письма Мурата II отъ 1430 и 1442 г. республикѣ Дубровницкой, письма Магомета II, Али-бега, Гамза-бега, Баязета II, Селима I, Солимана II. Той же сербской штокавщины придерживались для дипломатическихъ сношеній угорскіе государи и молдавскіе воеводы. Такъ Матвѣй Корвинъ пожаловалъ писанную на этомъ языкѣ кириллицей (1465 г.) дарственную грамоту фратру Александру Дубровчанину [1]), и другую (въ 1463 г.) глагольскую — Свято-Никольскому монастырю въ Гвоздѣ (въ Хорватіи [2]). Отъ угорскаго контр-короля Іоанна Запольи сохранились сербскія письма къ Мегмедъ-бегу [3]) (1537 г.). Отъ Александра, воеводы Молдавскаго извѣстна грамота на сербскомъ языкѣ къ Дубровницкой республикѣ (1366 [4]). Знаменитый вождь и герой Албанцевъ Георгъ Кастріотъ Скандербергъ переписывался съ Дубровникомъ на томъ же штокавскомъ нарѣчіи [5]). Не пренебрегали сербо-хорватскими языками въ эту пору и австрійскіе императоры. Такъ императоръ Сигизмундъ пожаловалъ нѣсколько грамотъ на сербскомъ языкѣ волошскимъ монастырямъ [6]) (1418—1429), а Фердинандъ I далъ (1527) глагольскую грамоту сеньскому капитулу [7]).

Указанный довольно обширный матеріалъ даетъ возможность уяснить состояніе сербо-хорватскаго языка въ XIII — XV ст. Къ тѣмъ чертамъ его, какія извлечены выше изъ старо-славянскихъ памятниковъ сербо-хорватской редакціи, здѣсь можно присоединить еще слѣдующія наиболѣе характерныя: 1) глухой ъ въ срединѣ словъ, еще сохраняемый памятниками XIII ст., обыкновенно переходитъ въ чистое *а* въ XIV и XV ст.: люб*а*вь, част*ь*, ес*а*мь, в*а*зда, с*а*, в*а* (но и *у*), бос*а*ньске; 2) *р* и *л* уже имѣютъ значеніе гласныхъ (слого-образующихъ): ц*р*ькав, к*ер*стити, тв*ер*ьдо, к*ер*сть, к*ър*сть, кр*ъ*сть, г*ер*ло,

---

[1]) Миклошичъ, Monumenta Serbica, № 494.

[2]) Кукульевичъ-Сакцинскій, Monumenta historica, № 91.

[3]) Monumenta Serbica, № 479—481.

[4]) Тамъ-же, № 483.

[5]) Тамъ-же, № 356, 385, 386.

[6]) Венелинъ, Влахо-болгарскія или дако-славянскія грамоты. Спб., 1840, стр. 36, 49, 52, 55.

[7]) Кукульевичъ, Monumenta historica, № 223.

Гргоурь, крвы, држимо (XIII в.); клѣпемо, Влькь, Влк, длъгь, велми; въ XIV в. *л* въ концѣ слоговъ начинаетъ переходить въ *о:* владаоца, био, купио, Павао, веоми; а *лъ* въ *уо, у:* дуожанъ, вуокасикь, Вук, дуг; 3) старо-славян. *ѣ* выговаривалось на востокѣ какъ *е,* на западѣ какъ *и,* на югѣ какъ *ие — је:* где, у вере, у граде човекь, ви висте, вирьно, лито, човику, до вика, лиете, виек; 4) *дј* звучало на востокѣ какъ *д'ж'* и обозначалось буквами *г,* ђ, а на западѣ какъ *ј:* граѣам, мегю, мею, граѣне; *тј* произносилось какъ *т'ч'* и обозначалось букв. *к* или ћ: обкина, придуке, стоеке, тисука, тисуѣа; 5) на востокѣ слышалось мѣстоименіе *што,* на западѣ *ча;* 6) двойственное число соблюдалось въ склоненіи и спряженіи; 7) въ склоненіи смѣшеніе основъ и падежныхъ флексій еще не было выражено рѣзко и языкъ изобиловалъ древними формами; 8) въ спряженіи болѣе всего особенностей представляло настоящее время: въ 1 л. смѣшеніе формъ на *у* съ формами на *м* (примамь, кльну), 2 л. оканчивалось на *ш* (а не на *ши*), въ 3 л. ед. и мн. ч. *т*—отпадало (су, пише, иде, греде), въ 1 л. мн. ч. обыкновенно *мо* (кльнемо, дрьжимо, смо). Остальныя времена и причастія сохраняли древній видъ.

Если сопоставить этотъ краткую характеристику [1]) стараго сербохорватскаго языка съ характеристикой современнаго народнаго языка, то въ грамматическомъ отношеніи наиболѣе существенное различіе между старымъ и новымъ окажется въ области формъ. Звуковая же система, въ XV ст. опредѣлившаяся болѣе или менѣе окончательно для всей сербо-хорватской территоріи, представляетъ почти полное сходство съ звуковой системой новаго языка. Да и въ морфологіи различіе касается собственно одного, правда, господствующаго и самаго распространеннаго нарѣчія — *штокавщины,* которое въ теченіе исторической жизни восприняло въ себя не мало новшествъ. Западное же—*чакавщина*—осталось болѣе вѣрно старинѣ и стоитъ очень близко къ древнему языку.

Важное значеніе памятниковъ сербо-хорватскаго языка XIII — XV ст. заключается и въ томъ, что они содержатъ драгоцѣнныя данныя для исторіи сербо-хорватской діалектологіи. На основаніи ихъ можно заключать что въ XIII ст. въ сербо-хорватской рѣчи несомнѣнно существовали **діалектическія различія** [2]). Въ памятникахъ этихъ

[1]) Въ подробностяхъ картина древняго языка выяснится въ послѣдующемъ изложеніи.

[2]) Происхожденіе ихъ нужно относить еще къ болѣе ранней эпохѣ.

мы видимъ тѣ два главныхъ нарѣчія, что и теперь, восточное и западное, которымъ усвоены не вполнѣ удачныя и точныя названія штокавщины и чакавщины. Различіе между ними въ XIII — XV вв. ограничивается звуковыми особенностями. Въ *штокавщинѣ* преобладаетъ выговоръ мѣстоименія *што* — какъ *што*, *шта*, *ѣ* = *е* (векь, вера), *дј* = ђ, *г* (међу, мегю), *л* переходитъ въ *о*, *у* (Вук, имао). Въ *чакавщинѣ*—*чьто* звучитъ какъ *ча*, *ѣ* = *и* (вик, вира), *дј* = *ј* (мею), *л* не переходитъ въ *о*, *у* (Влькъ, имал). Въ формахъ оба нарѣчія совпадаютъ. Указанныя звуковыя примѣты также не всегда строго и послѣдовательно выдержаны въ памятникахъ того и другаго нарѣчія, что̀ можетъ быть объяснено постепенностью развитія нѣкоторыхъ примѣтъ и смѣшеніемъ нарѣчій. Разграниченіе области штокавщины и чакавщины въ данное время—трудный вопросъ, къ которому обратимся ниже въ отдѣлѣ о нарѣчіяхъ и говорахъ сербо-хорватскаго языка. Здѣсь достаточно указать, что чакавщина въ XIII—XV в. захватывала бо́льшую область, чѣмъ въ настоящее время; она слышна была во всей Далмаціи и, вѣроятно, въ части Боспы. Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что въ разсматриваемый періодъ обнаружилось и еще одно разнорѣчіе — южное, характерную особенность котораго составлялъ выговоръ *ѣ* какъ *ие*, переходящее въ *је* (лиета, до *вие*ка, хот*ие*ниемъ—грам. 1313 г.). Такимъ образомъ въ XIV в. существовали три основныя нарѣчія подъ которыя можно подвести, соотвѣтственно различному выговору *ѣ*, всѣ современные сербо-хорватскіе говоры: *екавщина*, *икавщина*, *ијекавщина*. Что касается кайкавскаго нарѣчія, то первыя свѣдѣнія о допущеніи его въ письменность относятся лишь къ болѣе позднему времени, не ранѣе XVI ст., когда на этомъ нарѣчіи явились переводы протестантскихъ книжекъ.

Во второй половинѣ XV ст. Турки закончили покореніе Балканскаго полуострова. На развалинахъ Византійской имперіи, на обширной территоріи южно-славянскихъ государствъ и областей раскинулось могущественное Османское царство, вскорѣ раздвинувшее свои предѣлы еще дальше за Дунай. Для сербо-хорватскаго народа наступили тяжелые вѣка политическаго рабства и національнаго униженія, постепеннаго замиранія умственной жизни и крайняго паденія письменности. Въ двухъ только краяхъ уцѣлѣли слѣды самостоятельной жизни: въ Зетѣ (впослѣдств. Черногоріи) и Далмаціи. Въ первой изъ

этихъ областей въ 1490 г. основана были древнѣйшая изъ славянскихъ типографій (Октоихъ 1493 г.); второй суждено было почти три столѣтія оставаться важнѣйшимъ умственнымъ и образовательнымъ средоточіемъ сербо-хорватскаго народа. Старые далматинскіе города—общины: Сплѣтъ, Трогиръ, Задръ, Шибеникъ, Старый Градъ, и особенно Дубровникъ—слава и краса южнаго славянства,—уже издавна пріобщившіеся западной образованности, съ XV ст., со временъ возрожденія и гуманизма, принимаютъ самое живое участіе въ новомъ умственномъ движеніи, охватившемъ всю Европу. Здѣсь возникаютъ школы, пробуждается интересъ къ наукѣ и искусству, развивается литература на латинскомъ и итальянскомъ языкѣ и параллельно съ этимъ открывается широкій доступъ въ книгу мѣстному славянскому языку, которому усваивается названіе сперва „словинскаго", а позже „илирскаго". Такъ въ Далмаціи и особенно въ Дубровникѣ возникаетъ и развивается изящная сербо-хорватская литература, которая при всей ея подражательности итальянскимъ образцамъ не лишена значительной оригинальности и временами представляла замѣчательныя произведенія съ чисто-народной окраской. Всѣ виды изящной литературы въ области лирики, эпоса и драмы обрабатывались **на сербо-хорватскомъ языкѣ въ XVI—XVIII ст.** Сочиненія многочисленныхъ далматинскихъ писателей этого періода теперь болѣе или менѣе приведены въ извѣстность и критически изданы Юго-славянской Академіей[1]). Они писаны латиницей и содержатъ драгоцѣнный матеріалъ столько же для исторіи сербо-хорватской литературы, сколько для исторіи языка. Въ послѣднемъ отношеніи по нимъ можно прослѣдить два любопытныхъ явленія: 1) развитіе въ штокавщинѣ нѣкоторыхъ звуковыхъ и формальныхъ особенностей, которыми характеризуется новѣйшее состояніе языка и 2) постепенное распространеніе штокавщины въ Далмаціи и дальше на сѣверо-западъ и вытѣсненіе ею чакавщины.

Въ штокавщинѣ за этотъ періодъ все послѣдовательнѣе развиваются слѣдующія черты: 1) переходъ *гласнаго л* въ *у* (вуна, пун, пук,

---

[1]) Stari pisci hrvatski. Кн. I—XIX. U Zagrebu, 1869 — 1892. Важнѣйшіе изъ далматинскихъ писателей этого періода: Маруличъ (1450—1524), лирики Менчетичъ (1457—1501) и Држичъ († 1510), Лучичъ (1480 — 1540), М. Ветраничъ (1482—1576), П. Гекторевичъ (1486 — 1572), Чубрановичъ († 1550), Налѣшковичъ (1510 — 1587), Гундуличъ (1588 — 1638), Пальмотичъ (1606 — 1657), Джорджевичъ (1676 — 1777), Качичъ-Міошичъ (1690—1760) и др.

дуг); 2) переходъ твердаго *л* (заканчивающаго слога) въ *о* (*вео*, *дао*, *мисао*); 3) исчезновеніе *х* (*муа*, *ора*, *смије*, *рвацки*, *лад*); 4) род. п. мн. ч. на *а* (*женâ*, *синова*, *юнака*); 5) смѣшеніе флексіи дательнаго, творительнаго и мѣстнаго падежей множ. ч. и употребленіе вмѣсто нихъ общей формы на *ма* (*женама*, *зубима*, *кральевима*); 6) исключительное употребленіе въ 1 л. един. ч. наст. вр. оконч. *м* (*говорим*, *чујем*, *знам*).

Распространеніе штокавщины на западѣ въ значительной степени вызвано было передвиженіемъ народныхъ массъ въ Далмацію и Хорватію, а потомъ на сѣверъ за Дунай и Саву изъ восточныхъ сербскихъ земель. Эту колонизацію можно наблюдать уже при Неманичахъ (XIII — XIV в.), а позже въ XV — XVII, въ періодъ турецкаго ига, она приняла весьма широкіе размѣры. Выселенцы, конечно, несли съ собой въ новыя жилища свой говоръ — восточное нарѣчіе, которое между тѣмъ, въ это время, въ большей степени, чѣмъ западное подверглось существеннымъ измѣненіямъ въ звуковомъ, формальномъ и лексикальномъ отношеніи главнѣйше благодаря важнымъ историческимъ событіямъ, совершавшимся въ восточныхъ сербскихъ земляхъ, т. е. борьбы народа съ Турками и развитію народнаго эпическаго творчества [1]). Такъ, западное, чакавское нарѣчіе постепенно должно было уступить часть своей области восточному нарѣчію, которое мало-по-малу распространило свое вліяніе по всему адріатическому приморью до Истріи, а въ сѣверномъ направленіи не только утвердилось въ Срѣмѣ, Банатѣ, Бачкой, но и достигло верховьевъ Тисы (Рацъ-Дорогъ, Рацъ-Бесерменъ) и виноградныхъ горъ къ сѣверу отъ Будина. На почвѣ Далматинской литературы эти два нарѣчія встрѣтились; между ними началась борьба, которая кончилась **побѣдой штокавщины.** Произведенія первыхъ поэтовъ этого періода напр. Менчетича († 1501), Держича († 1510), Марулича († 1524 г.) и Луцича († ок. 1534), писаны еще на томъ же чакавскомъ нар., какое видимъ въ указанныхъ глагольскихъ грамотахъ и статутахъ XIII — XV ст., но чѣмъ дальше въ глубь XVI в., тѣмъ больше выдѣляется штокавскихъ особенностей на чакавскомъ фонѣ далматинскаго литературнаго языка. Такъ въ сочиненіяхъ Ветранича († 1576), Чубрановича († ок.

[1]) Уже Шлейхеръ указалъ, что языкъ претерпѣваетъ тѣмъ больше видоизмѣненій, чѣмъ напряженнѣе, чѣмъ тревожнѣе идетъ историческая жизнь народа.

1559), Налѣшковича († 1585) наблюдается смѣсь нарѣчій, старина постоянно чередуется съ новизной. Къ концу XVI в. у Дубровчанъ уже преобладаетъ (особ. въ области звуковъ) штокавщина, какъ это видно на произведеніяхъ Динка Раньины († 1607) и Динка Златарича († 1610), а позже во второй половинѣ XVII ст. она достигаетъ такого же успѣха и въ остальныхъ частяхъ Далмаціи (ср. напр. произведенія Корчульца-Канавелича † 1690 или сплѣтца Каваньина, род. 1640 и др.). Въ XVII ст. вполнѣ воспользовались штокавщиной въ своихъ сочиненіяхъ три замѣчательнѣйшіе дубровницкіе поэта: Эпикъ Гундуличъ († 1638), драматургъ Пальмотичъ († 1657) и лирикъ Джорджичъ († 1737), тѣмъ самымъ окончательно рѣшившіе побѣду въ пользу штокавщины. Въ началѣ XVII ст. штокавщина получила и теоретическую обработку въ упомянутой выше (стр. 190) иллирской грамматикѣ Барт. Кашича (урож. о. Пага). Наконецъ послѣдній ударъ чакавщинѣ былъ нанесенъ извѣстной книгой Качича-Міошича († 1760) Razgovor ugodni naroda slovinskoga (1756), въ которой воспѣты въ духѣ юнацкихъ народныхъ пѣсенъ всѣ важнѣйшія событія сербо-хорватской исторіи, и которая получила широкое распространеніе среди Хорватовъ[1]). Штокавщина, утвердившаяся въ далматинской литературѣ и проникшая отсюда, въ XVIII ст., въ Славонію (ср. произведенія Канижлича † 1777, Рельковича († 1798) и Катанчича († 1825) — отличалась отъ штокавщины, господствующей въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ: *ѣ* сохраняло здѣсь выговоръ *і* какъ вообще въ западной части сербо-хорватской области (въ Далмаціи, западной Боснѣ, Хорватскомъ Приморьѣ); это была штокавщина икавскаго выговора.

Съ конца XVII ст., со времени страшнаго землетрясенія, разрушившаго Дубровникъ (1667 г.), и особенно въ началѣ XVIII ст. далматинская литература приходитъ въ упадокъ; очень слабые отголоски ея тянутся въ Славоніи, а въ сосѣдней Хорватіи держится коекакая письменность на кайкавскомъ нарѣчіи (Хорватская хроника Павла Витезовича, морально-поучительныя книжки канониковъ Коціанчича († 1806) и Миклоушича († 1833), произведенія юриста Домина (р. 1776). Еще безотраднѣе было положеніе дѣлъ на православномъ востокѣ, гдѣ сербская письменность вслѣдствіе крайностей

[1]) До 1862 г. она выдержала 14 изданій.

турецкаго угнетенія почти совсѣмъ прекратила свое существованіе. Въ это трудное время возникаютъ новые просвѣтительные и литературные центры въ другой сторонѣ—въ Угріи, въ Воеводинѣ, особенно въ Карловцахъ, Новомъ Садѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Здѣсь подъ вліяніемъ учителей, вызванныхъ изъ Кіева для новоучрежденныхъ школъ, и привезенныхъ ими русскихъ учебниковъ и другихъ книгъ вырабатывается особый **славяно-сербо-русскій языкъ**, который въ теченіе XVIII столѣтія, да и долгое время въ нынѣшнемъ вѣкѣ—оставался орудіемъ весьма значительной литературы (т. н. славяно-сербская школа: Орфелинъ, Раичъ, Соларичъ, Мущицкій и друг.) Но языкъ этотъ вслѣдствіе своей крайней искусственности не могъ сдѣлаться органомъ литературы для всего сербо-хорватскаго народа, не могъ онъ упрочиться даже въ православномъ сербствѣ. Со временемъ онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто народному языку.

Этотъ **новый поворотъ** въ судьбѣ сербо-хорватскаго языка совершился въ **первой четверти нынѣшняго столѣтія**, но подготовленъ онъ былъ уже въ XVIII ст. Происхожденіе его тѣсно связано съ именами двухъ видныхъ представителей сербства—Досиѳея Обрадовича (1739—1811) и Вука Стефановича Караджича (1786—1864).

Досиѳей, родомъ банатецъ, замѣчательнѣйшій сербскій писатель самоучка, посвятившій всю свою жизнь исканію самаго широкаго просвѣщенія съ цѣлью распространенія его среди дорогаго ему сербо-хорватскаго народа, впервые послѣ долгаго перерыва заговорилъ въ своихъ цѣнныхъ сочиненіяхъ, вмѣсто знакомаго ему съ юныхъ лѣтъ искусственнаго славяно-сербскаго языка, на языкѣ народной массы. Однако, языкъ его произведеній еще не былъ вполнѣ народнымъ. Въ основѣ его лежало родное срѣмское нарѣчіе писателя, отчасти смѣшанное съ элементами другихъ сербо-хорватскихъ говоровъ, съ которыми онъ познакомился во время своихъ продолжительныхъ скитаній; но къ этой основѣ прибавлено не мало стихій, заимствованныхъ изъ древняго церковно-славянскаго языка или позднѣйшаго славяно-сербскаго[1]). Въ литературномъ языкѣ Досиѳея видна смѣлая по-

[1]) Таковы напр. старо славянскія слова: *обаче, сирьчь, аки, ибо, чрезъ, полза, весма, всегда, благополучіе, вниманіе, житіе* и др., или формы словъ, несогласныя съ фонетикой сербо-хорватскаго языка: *долгота, исполнити, чадо, часть, любовь, совѣтъ, союзъ, между, рождение, общество, свещеникъ* и т. п.

пытка связать требованія новаго времени со старыми книжными преданіями. Но выполненіе этой попытки не отличается ни законченностью, ни послѣдовательностью: разнородные діалектическіе элементы здѣсь еще не сливаются въ одно органическое цѣлое. Не нашла эта попытка и продолжателей. Досиѳей по языку представляетъ единичное явленіе въ сербской литературѣ; послѣ него никто не писалъ такимъ языкомъ, какимъ написаны знаменитые „Животъ и приключенія“, или „Басне“ или „Совѣти здравога разума“. Между тѣмъ языкъ этотъ легокъ, простъ и очень близокъ къ народному. Во всякомъ случаѣ за Досиѳеемъ остается заслуга народнаго писателя и начинателя новаго направленія въ сербской литературѣ[1]).

Гораздо дальше пошелъ въ томъ же направленіи Вукъ Караджичъ, котораго и считаютъ настоящимъ реформаторомъ современнаго сербохорватскаго литературнаго языка (ср. выше 191 стр.). Онъ совсѣмъ порвалъ со старыми литературными преданіями и ввелъ въ книгу чистый простонародный языкъ, именно свое родное[2]) южно-штокавское нар. которое затѣмъ постепенно возвысилось до значенія обще-литературнаго языка для всѣхъ разрозненныхъ частей сербо-хорватскаго народа. Осуществилъ и узаконилъ эту важную реформу Вукъ столько же употребленіемъ этого нарѣчія въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ этнографическому изученію роднаго народа, сколько обнародованіемъ на немъ замѣчательнѣйшихъ произведеній народнаго эпическаго творчества и составленіемъ его грамматики и словаря[3]). Сверхъ того успѣху реформы содѣйствовали многія другія обстоятельства: широкая распространенность южно-штокавскаго нарѣчія, которое слышится не только въ южной Сербіи, но и въ Полимльѣ, Черногоріи, Боснѣ и Герцеговинѣ, Южной Далмаціи; близость этого нарѣчія къ языку лучшихъ далматинскихъ писателей — Гундулича, Пальмотича, Джорджича и Качича-Міошича; освобожденіе Сербіи; наконецъ, поддержка стремленій Вука со стороны сербскихъ князей Обреновичей и Карагеоргіевичей, и такихъ авторитетныхъ славистовъ,

---

[1]) Ср. Списи Доситеја Обрадовића. Новое изданіе. — Нови Сад, 1892; Новаковић, Историја српске књижевности. У Београду, 1867; Jagić, Iz prošlosti hrvatskoga jezika (Književnik, I, 451—454).

[2]) Вукъ родился въ селѣ Тершичѣ, въ южной Сербіи.

[3]) Ср. П. Кулаковскаго, Вукъ Караджичъ, его дѣятельность и значеніе въ сербской литературѣ. М., 1882.

какъ Копитаръ и Миклошичъ. Тѣмъ не менѣе безъ борьбы дѣло не обошлось. Славяно-сербскій языкъ не остался безъ защитниковъ и еще долго сохранялъ свое значеніе въ литературѣ православнаго сербства. Окончательное, болѣе или менѣе всеобщее признаніе реформы въ полномъ ея видѣ, т. е. не только по отношеніи къ языку, но и новому правописанію состоялось лишь за нѣсколько лѣтъ до смерти Вука (1863). Такъ южно-штокавское нарѣчіе постепенно возвысилось до значенія обще-литературнаго языка для всего сербо-хорватскаго народа. На западѣ, у Хорватовъ, переходъ къ Вуковой штокавщинѣ совершился благодаря Людевиту Гаю († 1872) еще въ концѣ 30-хъ годовъ. Загребскіе писатели (напр. Бабуничъ, Раковецъ, Ив. Мажураничъ, Вукотиновичъ и др.) охотно оставили мѣстное довольно слабое и мало обработанное кайкавское нарѣчіе и приняли для литературнаго употребленія діалектъ болѣе распространенный, болѣе богатый, уже прославленный превосходными созданіями народной поэзіи и выдающимися произведеніями національныхъ писателей. Съ той поры у Сербовъ и Хорватовъ, у православныхъ и католиковъ, въ Бѣлградѣ и Загребѣ, Новомъ Садѣ и Задрѣ, Панчовѣ и Дубровникѣ, въ Сараевѣ и Цетиньѣ книги пишутся и печатаются на общемъ литературномъ языкѣ. Онѣ различаются только по внѣшнему виду, по формѣ письма: Хорваты и вообще католическая часть народа уже со временъ Гая остановились на латинской абецедѣ, принаровленной къ обозначенію славянскихъ звуковъ; въ православномъ сербствѣ утвердилась вуковица т. е. преобразованная Вукомъ, отчасти видоизмѣненная, отчасти дополненная новыми знаками, русская гражданская азбука.

Въ настоящее время новый литературный языкъ имѣетъ уже прекрасную обработку въ произведеніяхъ такихъ крупныхъ писателей-художниковъ какъ владыка П. Нѣгошъ, Бранко Радичевичъ, Милигевичъ, Лаза Костичъ, Матія-Банъ, Веселиновичъ, Иличъ, Князь Николай Черногорскій, Змай-Іовановичъ, Станко Вразъ, Прерадовичъ, Тернскій, Ив. Мажураничъ, Марковичъ, Шеноа и др. Онъ служитъ мощнымъ выразителемъ всей умственной и духовной жизни сербо-хорватскаго народа. На немъ имѣется значительная научная литература, поддерживаемая главнѣйше трудами членовъ двухъ высшихъ школъ—Загребскаго университета и Бѣлградской великой школы—двухъ Академій — Юго-славянской (въ Загребѣ) и Сербской Королевской (въ

Бѣлградѣ[1]) — трехъ матицъ (сербской, хорватской и далматинской) и нѣсколькихъ другихъ учено-литературныхъ учрежденій и обществъ—и посвящаемая преимущественно изученію съ разныхъ сторонъ сербо-хорватскаго народа и занимаемой имъ территоріи, въ ихъ прошломъ и современномъ состояніи. На этомъ языкѣ ведется преподаваніе въ школахъ—низшихъ, среднихъ и высшихъ. Онъ пользуется функціями языка общественнаго и государственнаго. Наконецъ (и въ этомъ его главное значеніе) новосозданный литературный языкъ служитъ связующимъ звеномъ между всѣми разбитыми и разрозненными частями сербо-хорватскаго народа. Въ дальнѣйшемъ его развитіи и успѣхахъ принимаютъ участіе всѣ вѣтви и разновидности Сербо-Хорватовъ, столь разъединенныя между собой въ политическомъ и культурномъ отношеніяхъ.

Этотъ современный литературный языкъ и будетъ поставленъ на первомъ планѣ въ нижеслѣдующей характеристикѣ сербо-хорватскаго языка. Штокавское нарѣчіе слышно на бо́льшей части сербо-хорватской территоріи, въ настоящее время оно играетъ первенствующую роль въ духовной жизни народа, а въ прошломъ подверглось бо́льшимъ измѣненіямъ въ своемъ строѣ, чѣмъ другія нарѣчія, — потому естественно отправляться именно отъ него при выполненіи вышеуказанной задачи. Вмѣстѣ съ этимъ, однако, будутъ приняты во вниманіе всѣ выясненныя доселѣ особенности другихъ нарѣчій и говоровъ.

---

[1]) Послѣдняя замѣнила многозаслуженное „Српско учено друштво“.

АНТОНІЙ РАДИВИЛОВСКІЙ,

ЮЖНО-РУССКІЙ ПРОПОВѢДНИКЪ XVII в.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВІОГРАФІЯ.

Недостатокъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности Радивиловскаго. Воспитаніе въ Кіево-Могилянской коллегіи. Состояніе Кіево-Могилянской коллегіи послѣ преобразованій Петра Могилы и вліяніе ея на Радивиловскаго. Ранняя извѣстность Радивиловскаго, какъ проповѣдника, и позднее изданіе имъ сборниковъ проповѣдей. Радивиловскій—намѣстникъ Кіево-Печерской лавры и изданіе имъ „Огородка“ въ 1676. Игуменство Радивиловскаго въ Кіево-Николаевскомъ пустынномъ монастырѣ и изданіе имъ второго сборника проповѣдей, „Вѣнецъ Христовъ“, въ 1688 году. Смерть Радивиловскаго и характеристика его личности. [1])

О жизни и дѣятельности Радивиловскаго мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія: остается неизвѣстнымъ, гдѣ онъ родился, кто были его родители, гдѣ онъ получилъ свое первоначальное образованіе. Судя по языку, въ которомъ довольно ясно выступаютъ особенности украинскаго говора съ нѣкоторыми оттѣнками сѣверно-малорусскихъ разнорѣчій, [2]) можно предполагать, что родиной Радивиловскаго была

[1]) Считаю нужнымъ пояснить тѣ немногія сокращенія, какія я допустилъ въ своей работѣ: Огор.=печатный Огородокъ 1676 г., В.=печатный Вѣнецъ 1688, I р. Огор.=первый томъ рукописнаго Огородка 1671 г., II р. Огор.=второй рукописный томъ Огородка 1671 г., Р. В.=Рукописный Вѣнецъ.

[2]) Объ этомъ см. главу шестую нашего изслѣдованія: языкъ Радивиловскаго.

мѣстность, лежащая на территоріи украинскаго говора, [1]) но только лишь гдѣ нибудь на сѣверѣ. Вѣроятно, это былъ городъ Черниговъ, гдѣ, по сообщенію Энциклопедическаго словаря, Радивиловскій началъ свою дѣятельность въ санѣ „архидіакона Черниговской каѳедры". [2])

Учился ли гдѣ нибудь Радивиловскій раньше своего поступленія въ Кіево-Могилянскую коллегію, неизвѣстно. Неизвѣстно также и то, когда онъ поступилъ въ нее и когда окончилъ. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ 40-хъ годовъ XVII в. онъ еще учился въ коллегіи. Это видно изъ того, что въ одномъ изъ писемъ къ Радивиловскому Барановичъ называетъ его своимъ питомцемъ. [3]) Мѣсто же наставника въ коллегіи Барановичъ получилъ въ бытность ректоромъ ея Иннокентія Гизеля, т. е. во вторую половину 40-хъ годовъ. [4])

Въ это время въ Кіевской коллегіи укрѣпилось и развилось уже схоластическое образованіе со всѣми его достоинствами и недостатками, которые и усвоилъ себѣ нашъ писатель. Схоластическое образованіе дало Радивиловскому, прежде всего, извѣстную дисциплину ума, умѣнье пользоваться разъ полученнымъ матеріаломъ. Затѣмъ, оно сообщило ему большой запасъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ, особенно, конечно, по классической древности, такъ какъ „миѳологія преподавалась въ коллегіи съ нарочитой обширностью". [5]) Но самое главное пріобрѣтеніе, какое сдѣлалъ Радивиловскій въ коллегіи,—это было усвоеніе имъ языковъ латинскаго и польскаго. [6]) Извѣстно, что

---

[1]) О территоріи украинскаго говора и вообще малорусскаго нарѣчія см. Труды Экспедиціи въ Западно-русскій край, т. VII, в. 2.

[2]) Энциклопедическій словарь, издаваемый подъ редакціей проф. Андреевскаго, т. I., стр. 856; хотя я, несмотря на всѣ мои разысканія, не могъ найти того источника, изъ котораго почерпнуто это сообщеніе.

[3]) Письма Л. Барановича, № 84, стр. 118: „ты одинъ изъ моихъ питомцевъ".

[4]) Проф. Сумцовъ въ своей монографіи о Л. Барановичѣ говоритъ, что Л. Барановичъ мѣсто наставника въ коллегіи получилъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ бытность ректоромъ ея Иннокентія Гизеля (стр. 8). Но Ин. Гизель ректоромъ коллегіи былъ съ 1646—1650 (см. Аскоченскій, Кіевъ съ древнимъ его училищемъ, стр. 158), слѣдовательно, преподавательская дѣятельность Барановича относится къ концу 40-хъ годовъ.

[5]) Сумцовъ, Голятовскій, стр. 5.

[6]) Многія мѣста сочиненій Радивиловскаго убѣждаютъ насъ въ томъ что онъ зналъ въ совершенствѣ латинскій языкъ. Ссылаясь въ своихъ проповѣдяхъ на латинскіе источники, напр., на книгу „Дорми секуре" („Sermones Dormi Secure" Johana fon Verden), заимствуя изъ нихъ цѣлыя мѣста, напр., „прикладъ" изъ „Sermones Discipuli" о несмѣющемся царѣ (Sermo LXIII), Радивиловскій, когда ему приходилось дѣлать выборъ между

латинскій языкъ въ коллегіи былъ поставленъ хорошо, и воспитанники на немъ даже говорили. Знаніе латинскаго языка раскрывало передъ Радивиловскимъ всѣ умственныя богатства Западной Европы. Зналъ ли Радивиловскій и греческій языкъ такъ же хорошо, какъ латинскій и польскій, на это его сочиненія не даютъ никакихъ положительныхъ указаній. Радивиловскій часто ссылается и на греческихъ авторовъ: Ксенофонта, Плутарха, Аристотеля, Гомера и др., но изъ его ссылокъ можно замѣтить, что онъ ихъ читалъ не въ подлинникѣ, а въ латинскомъ переводѣ. Такъ, напр., онъ ссылается на шестую книгу „Иліадумъ“ Гомера (см. I р. Огор., 469), на четвертую главу девятой книги „Этикорумъ“ Аристотеля (Огор. 964). По всей вѣроятности, Радивиловскій плохо зналъ греческій языкъ, такъ какъ и въ коллегіи онъ былъ поставленъ не особенно высоко.

Въ коллегіи же Радивиловскій получилъ, вѣроятно, и первыя симпатіи къ проповѣдничеству, которое составило впослѣдствіи главное призваніе его жизни: извѣстно, что его наставникъ, Л. Барановичъ, „по своей учительской обязанности, говорилъ въ церкви проповѣди“. [1])

Подъ вліяніемъ, конечно, схоластическаго образованія у Радивиловскаго развился вкусъ ко всякаго рода чудесамъ и видѣніямъ: искренно вѣрить всѣмъ тѣмъ „прикладамъ“, какіе Радивиловскій приводитъ въ своихъ проповѣдяхъ, [2]) могъ только человѣкъ сильно проникнутый схоластикой.

Мы не знаемъ, гдѣ находился Радивиловскій послѣ окончанія коллегіи. Вѣроятно, „санъ архидіакона Черниговской каѳедры“ и былъ первымъ его служебнымъ поприщемъ. Но въ половинѣ 50-хъ годовъ XVII в. мы видимъ Радивиловскаго уже въ Кіевѣ. Это можно заключить изъ того, что въ 1656 году онъ произноситъ слово на посвященіе Иннокентія Гизеля въ архимандриты Кіево-печерскаго монасты-

---

латинскимъ и польскимъ языкомъ, нерѣдко предпочитаетъ первый послѣднему. Такъ, напр., приводя прикладъ о богачѣ изъ Goscinc'a Дзѣловскаго, Радивиловскій одно мѣсто, которое въ подлинникѣ мы находимъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ, переводитъ съ латинскаго, а не съ польскаго (ср. „Goscinicc“, стр. 276—277 и „Вѣнецъ“, стр. 358 об.—359). Но въ другихъ мѣстахъ своихъ проповѣдей Радивиловскій явное предпочтеніе отдаетъ польскому тексту (ср. „Goscinicc“, стр. 91 и „Вѣнецъ“, стр. 337).

[1]) Сумцовъ, Лазарь Барановичъ, стр. 8.

[2]) Приклады эти см. въ пятой главѣ нашего изслѣдованія.

ря. [1]) Въ концѣ того же года, подъ новый 1657 годъ, Радивиловскій произноситъ свое первое слово на „рочины“ Петра Могилы. Въ память своего великаго основателя коллегія ежегодно въ день его кончины совершала надъ его гробомъ въ Печерскомъ монастырѣ великую соборную панихиду. [2]) Петръ Могила скончался въ ночь подъ новый 1647 годъ [3]) Судя потому, что въ своемъ первомъ словѣ на „рочины“ Петра Могилы Радивиловскій о Сильвестрѣ Коссовѣ упоминаетъ еще какъ о живомъ, [4]) можно установить, что слово это было произнесено не позже 31 декабря 1656 года, такъ какъ Сильвестръ Кассовъ умеръ 13 апрѣля 1657 года. [5]) Конечно, Радивиловскій могъ произнести это слово и раньше,—тогда начало проповѣднической дѣятельности его отодвинется еще дальше. Слово второе на „рочины“ Петра Могилы Радивиловскій произносилъ, вѣроятно, 31 декабря 1658 года, такъ какъ въ немъ есть указанія на то, что Сильвестръ Коссовъ и Іосифъ Тризна, архимандритъ Кіево-Печерскаго монастыря, уже умерли, [6]) и Братскій монастырь сгорѣлъ. [7]) Въ 1664 году Радивиловскій произносилъ слово „на погребъ превелебнаго господина,

---

[1]) Слово это см. въ приложеніи. Что это слово было произнесено Радивиловскимъ въ самый день посвященія Иннокентія Гизеля, видно изъ нѣкоторыхъ его мѣстъ: „кгдыся крестами узброяешъ, щасливии есте велебнии отцеве Печерскіи, же такого дня нынѣшнего митрою и пастораломъ пріоздоблено, который зъ Августиномъ до васъ мовити можетъ... А вы пречестнии отцеве Печерскіи, яко нѣдыс Израилчикове Саулови при посвященіи на царство, такъ вы ему при посвященіи на архимандрію всѣ во единъ тонъ заспѣвайте“. Иннокентій Гизель получилъ санъ архимандрита Кіево-Печерской Лавры въ 1656 году см. Сумцовъ, Ин. Гизель, стр. 7.

[2]) См. Максимовичъ, Собраніе сочиненій, т. II, стр. 237.

[3]) ibid. О томъ, что Петръ Могила умеръ подъ новый годъ, мы узнаемъ и изъ второго слова Радивиловскаго на „рочины“ его: „смерть, нападши на покой, въ навечеріе новаго лѣта,.... его зъ животомъ сегосвѣтнымъ розлучила“.

[4]) „Поминаетъ тебе дня теперешнего Сукцессоръ твой, ясне въ Богу преосвященный Сильвестръ Коссовъ, яко митрополитъ митрополиту, обливается слезами, твою ку себѣ припоминаючи любовъ“.

[5]) См. Костомаровъ, Монографіи, т. II, стр. 44; ср. Сумцовъ, Лазарь Барановичъ, стр. 15.

[6]) „Тутъ колибымъ васъ моглъ воскресити, ясне преосвященный митрополито Кіевскій, Коссове, ясне превелебный Іосифе Тризно, архимандрито Печерскій“. Іосифъ Тризна умеръ въ 1656 году, и его мѣсто занялъ Ин. Гизель.

[7]) „Пойзримъ на згорѣлый монастыръ Братскій“. Коллегія сгорѣла въ 1658 году, см. Сумцовъ, Голятовскій, стр. 7.

отца Климентія Старушича, игумена Выдубицкаго". [1]) Къ тому-же году относится и его слово на „погребъ превелебнаго господина, отца Варнавы Лебедевича, Игумена Межигорскаго". [2])

Итакъ, мы видимъ, что провѣдническая дѣятельность Радивиловскаго началась очень рано сравнительно съ выходомъ его печатныхъ сборниковъ—„Огородка Маріи Богородицы" (1676) и „Вѣнца Христова" (1688). Если въ 1656 г. Радивиловскому было поручено произнесеніе словъ на такіе важные случаи, какъ посвященіе Ин. Гизеля въ архимандриты Печерскаго монастыря и „рочины" Петра Могилы, то это доказываетъ, что къ этому времени слава Радивиловскаго высоко возросла, и что данному году предшествовалъ рядъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ Радивиловскій успѣлъ завоевать себѣ всеобщее вниманіе. Но этотъ рядъ лѣтъ во всякомъ случаѣ не могъ быть великъ: въ концѣ 40-хъ годовъ Радивиловскій только лишь окончилъ коллегію и въ 1656 году является уже знаменитымъ проповѣдникомъ, успѣвъ побывать до этого времени еще и въ Черниговской епархіи въ санѣ „архидіакона Черниговской каѳедры". Нельзя не удивиться способностямъ молодого проповѣдника и не остановиться на томъ вниманіи, какое оказывали ему современики.

Неизвѣстно, что заставило Радивиловскаго покинуть Черниговскую епархію и переселиться въ Кіевъ: въ печатномъ посвященіи „Огородка" Богородицѣ и Иннокентію Гизелю мы находимъ только лишь намеки на судьбу Радивиловскаго до его намѣстничества въ Кіево-Печерской лаврѣ. Можно догадываться на основаніи неясныхъ словъ самого писателя, что монашество онъ принялъ не тотчасъ же послѣ окончанія коллегіи, и что, вѣроятно, какія нибудь неудачи и разочарованія въ жизни побудили его къ этому. [3])

---

[1]) Намъ слѣдуетъ плакать, говоритъ Радивиловскій, „позираючи какъ въ томъ ҂ахѯд (1664) смерть игумена за игуменомъ зъ неба церковнаго струтила".

[2]) Игуменство Варнавы Лебедевича продолжалось до 1665, Максимовичъ, Собраніе сочиненій, т. II, стр. 267.

[3]) Такъ въ посвященіи „Огородка" Богородицѣ Радивиловскій говоритъ, что не кому иному онъ долженъ „по Господѣ Бозѣ офѣровати" свой трудъ, какъ Ей, которая (его), „зъ небезпеченствъ и здрадъ сего облуднаго свѣта вырвавши, до иноческаго стану возвала, возвавши, недостойнаго и надъ всѣхъ человѣковъ грѣшнѣйшаго проповѣдникомъ слова Божого учинила". Мнѣ неизвѣстно, откуда авторъ статьи о Радивиловскомъ, помѣщенной въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей" за 1875 г., книга II, взялъ, что „во время вой-

Переселившись въ Кіевъ, куда его влекли, быть можетъ, смутное сознаніе своихъ силъ и желаніе славы, Радивиловскій нѣсколько лѣтъ проповѣдывалъ въ различныхъ церквахъ Кіева. [1]) Извѣстно, что въ XVII в. церкви и монастыри очень дорожили проповѣдниками и выдающихся изъ нихъ наперерывъ приглашали къ себѣ. Нѣкоторое время Радивиловскій, быть можетъ, былъ проповѣдникомъ и въ Братскомъ монастырѣ. [2])

Когда Гизель въ 1656 году сдѣлался архимандритомъ Кіево-Печерскаго монастыря, онъ пригласилъ Радивиловскаго къ себѣ и назначилъ его Лаврскимъ проповѣдникомъ. [3]) Самъ Гизель, принявши санъ архимандрита, уже не произносилъ проповѣдей, [4]) — и вотъ онъ приглашаетъ въ Лавру молодого проповѣдника, который успѣлъ уже, какъ мы видѣли, завоевать себѣ симпатіи кіевлянъ. Радивиловскій, кромѣ того, могъ понравиться Гизелю еще и своимъ словомъ, которое онъ произнесъ на его посвященіи въ Печерскіе архимандриты. Съ этихъ

ны Выговскаго съ русскими Радивиловскій лишился своего состоянія". Кромѣ того, посвященія Радивиловскаго во всѣхъ экземплярахъ, которые мнѣ приходилось видѣть, находятся въ началѣ, а не въ концѣ „Огородка", какъ говоритъ тотъ же авторъ.

[1]) Объ этомъ говоритъ самъ Радивиловскій въ посвященіи „Огородка" Маріи Дѣвѣ: тутъ я офѣрую все, что „презъ килка надесятъ лѣтъ на розныхъ катедрахъ въ церквахъ розныхъ проповѣдалъ". Также и въ посвященіи Гизелю Радивиловскій благодаритъ его за то, что онъ не далъ погибнуть безъ „вѣдомости людской" тѣмъ его словамъ, которыя онъ, „якъ тутъ при бытности (Гизеля) въ святой великой чудотворной обители Печерской, такъ и въ иншихъ Кіевскихъ обытелехъ святыхъ зъ катедры до людей проповѣдалъ".

[2]) Объ этомъ можно судить потому, что 1) слово на „рочины" Петра Могилы Радивиловскій произносилъ, вѣроятно, какъ представитель Братскаго монастыря, 2) въ словѣ первомъ на „рочины" Петра Могилы коллегію онъ называетъ „наше колле∫іумъ": „поминаетъ тебе тутъ и наше колле∫іумъ Кіевское, яко отца и фундатора", хотя, конечно, „наше" онъ могъ сказать и въ томъ смыслѣ, что „колле∫іумъ" это было гордостью и всѣхъ Кіевлянъ.

[3]) „Если припомню себѣ презъ лѣтъ уже то подъ двадцат въ обители святой Печерской мешкан е мое, признаваю, же не было того дня, которого бымъ твоеи отческои не дозналъ ку себѣ любвѣ и ласки", говоритъ Радивиловскій въ посвященіи Гизелю. „Что справовало, жесь мене недостойнаго раба своего межи честную святои великои обители Печерскои поличивши братію, наперед учинилъ проповѣдникомъ слова Божого и братомъ соборнымъ, а потомъ намѣстникомъ? особливая любовъ и ласка Превелебности твоеи". Огородокъ напечатанъ въ 1676 г., Ин. Гизель получилъ санъ архимандрита въ 1656 г.,— какъ разъ 20 лѣтъ.

[4]) Сумцовъ, Иннокентій Гизель, стр. 23.

поръ для Радивиловскаго начинается уже спокойная жизнь, и онъ весь отдается проповѣдническому труду: уже въ 1671 году у него были готовы два громадныхъ рукописныхъ тома „Огородка", которые онъ предназначалъ для печати. [1]) Это мы можемъ заключить прежде всего изъ того, что оба эти тома переписаны чисто и старательно. Затѣмъ, въ письмѣ Л. Барановича около 1670 или 1671 года есть указаніе на то, что въ это время Радивиловскій, дѣйствительно, хотѣлъ напечатать свои проповѣди. „Когда бы у меня была типографія", писалъ Барановичъ Радивиловскому, „то свидѣтельствуюсь Богомъ, онъ серцевѣдецъ, что я....охотно взялъ бы сочиненія твоей пречестности". [2]) Неизвѣстно, почему Радивиловскій не могъ напечатать своего сборника; вѣроятно, Кіево-Печерская типографія была слишкомъ занята печатаньемъ богослужебныхъ книгъ. Спросъ на богослужебныя книги въ это время былъ такъ великъ, что Кіево-Печерская лавра не могла поставлять ихъ въ достаточномъ количествѣ, и многіе монастыри и церкви для полученія церковныхъ печатныхъ книгъ обращались въ отдаленный Львовъ къ тамошнему братству. [3]) Кромѣ того, въ лаврѣ не было денегъ, такъ какъ и „Аполлонъ" Барановича „не выѣзжалъ изъ Печерской типографіи" потому, что онъ далъ мало денегъ, и архимандритъ съ братіей требовалъ добавленія. [4]) Наконецъ, Гизель не принялъ еще, очевидно, въ изданіи проповѣдей Радивиловскаго того участія, какое онъ выказалъ позже, въ 1676 году,—поэтому въ рукописныхъ томахъ „Огородка" мы и не находимъ вовсе того хвалебнаго посвященія, какое написалъ ему Радивиловскій при изданіи „Огородка" въ 1676 году.

При сличеніи рукописныхъ томовъ Огородка 1671 года съ печатными изданіями „Огородка" (1676) и „Вѣнца" (1688) оказывается, что большая часть печатныхъ проповѣдей обоихъ сборниковъ была написана и произнесена Радивиловскимъ до 1671 года, такъ какъ

---

[1]) Хранятся они въ библіотекѣ Никольскаго Кіевскаго монастыря подъ № 1, куда пожертвованы самимъ авторомъ, о чемъ мы узнаемъ изъ приписки, находящейся на первомъ листѣ перваго тома: „сію книгу отписалъ авторъ онои блаженнои памяти превелебный отецъ Антоній Радивиловскій, Игуменъ Никольскій, до тогожъ монастыря Свято-Николского пустынно Кіевского на вѣчную памятку".

[2]) Письма Л. Барановича, № 84, стр. 119.

[3]) Сумцовъ, Л. Барановичъ, стр. 25.

[4]) Письма Л. Барановича, № 84, стр. 119.

большинство проповѣдей не только „Огородка“, но и „Вѣнца“ мы находимъ въ нашихъ рукописяхъ. Не издавъ рукописныя свои проповѣди въ 1671 году, Радивиловскій разбилъ ихъ впослѣдствіи на два отдѣльныхъ печатныхъ сборника, выпустивъ нѣкоторыя проповѣди, написанныя до 1671 года, и включивъ въ нихъ тѣ проповѣди, которыя онъ написалъ и произнесъ послѣ 1671 года.

Трудно рѣшить, какія соображенія побудили Радивиловскаго напечатать въ 1676 г. одни слова своего рукописнаго Огородка и оставить другія безъ вниманія. Быть можетъ, значительную долю вліянія здѣсь оказало желаніе нашего автора не повторяться. Трудно было, напр., написать двѣнадцать словъ на рождество Іоанна Крестителя и остаться во всѣхъ ихъ оригинальнымъ: повторенія и однообразія были неизбѣжны, [1]) и вотъ при вторичномъ пересмотрѣ своихъ проповѣдей для печати (въ 1676 году) Радивиловскій постарался избѣжать этого недостатка. Еще труднѣе объяснить, почему Радивиловскій не напечаталъ такихъ своихъ интересныхъ проповѣдей, посвященныхъ памяти историческихъ лицъ, какъ два слова на „рочины“ Петра Могилы и на „погребъ“ Климентія Старушича и Варнавы Лебедевича. Быть можетъ, Радивиловскій желалъ, чтобы его сборникъ былъ строго религіозный, и потому выпустилъ проповѣди, написанныя на случай. Всѣ эти проповѣди мы издаемъ въ приложеніи.

Въ 1671 году Радивиловскій былъ уже намѣстникомъ Кіево-Печерскаго монастыря, о чемъ мы узнаемъ изъ оглавленія рукописныхъ томовъ „Огородка“. Значеніе и вліяніе Радивиловскаго въ это время были уже велики. Бывшій его наставникъ, архіепископъ Черниговскій Л. Барановичъ пишетъ къ нему любезныя письма. „Постарайся уговорить“, пишетъ Барановичъ Радивиловскому по поводу своей „Лютни“, [2]) „какъ его милость отца архимандрита, милостиваго моего благодѣтеля, такъ и пречестныхъ соборныхъ братій, чтобы они сдѣлали уступку моему аполлону, дабы онъ связаный былъ увязанъ (въ

---

[1]) Такъ, напр, въ словѣ первомъ на рождество Іоанна Крестителя Радивиловскій сравниваетъ его съ ластовицей, въ шестомъ съ соловьемъ, въ десятомъ вообще съ птицей; тема, напр., слова перваго на девятнадцатую недѣлю по Сошествіи Св. Духа: „яко маемо быт подобными въ милосердію Богу“ – сходна съ первою частью темы слова третьяго на туже недѣлю; и т. д.

[2]) Подробности объ этомъ см. Сумцовъ, Л. Барановичъ, стр. 113.

тюкъ) и, не платя болѣе, освободился". [1]) „Желательно мнѣ", прибавляетъ онъ, „теплою еще рукою поднесть и пречестности твоей аполлона, [2]) ибо я знаю, что ты съ давняго времени привыкъ читать мои, хотя и неискусныя, писанья, то и этого не выгонишь изъ своей конюшни". [3]) Въ другомъ своемъ письмѣ (18 іюля 1672 года) Барановичъ пишетъ: „Никогда не были непріятны мнѣ письма твоей пречестности; потому благоволи писать ко мнѣ часто. Если не можемъ видѣться, такъ по крайней мѣрѣ будемъ переписываться между собою, а когда не о чемъ будетъ писать, то есть давній готовый образецъ: если ты здоровъ, то и хорошо; я также здоровъ. Изъ святаго города мнѣ пріятно бъ было имѣть отъ самаго меньшаго (послушника) молитвы и письма; тѣмъ еще болѣе пріятно отъ твоей пречестности, по милости Божіей, не послѣдняго служителя Пресвятой Дѣвы". [4]) Изъ послѣднихъ словъ можно заключить, что Барановичъ зналъ о рукописныхъ томахъ „Огородка", посвященныхъ Радивиловскимъ Маріи Дѣвѣ.

Состоя намѣстникомъ Кіево-Печерской Лавры, Радивиловскій исполнялъ иногда порученія отъ своего архимандрита и Печерской братіи къ великорусскимъ воеводамъ по поводу тѣхъ опасностей, какія угрожали монастырю. Такъ въ 1671 году онъ ѣздилъ къ воеводѣ Кіевскому Козловскому съ извѣстіемъ, что польскій полковникъ Янъ Заполска Пиво идетъ къ Печерскому монастырю и хочетъ въ немъ остановиться. [5]) Такое же порученіе Гизеля исполнялъ Радивиловскій и въ 1672 году. [6])

Наконецъ, въ 1676 году Радивиловскому удалось напечатать свой первый сборникъ проповѣдей, „Огородокъ". Помогъ ему въ этомъ Иннокентій Гизель. [7])

---

[1]) Письма Л. Барановича, № 84, стр. 118.

[2]) Писатели XVII в. подносили другъ другу свои произведенія съ собственноручными надписями. Такъ, напр., въ Лаврской библіотекѣ (отдѣлъ VIII, № 6) мы нашли экземпляръ „Ключа разумѣнія", поднесенный Голятовскимъ съ собственноручною надписью Ин. Гизелю: „я, подлый авторъ сеи книги, высоце въ Бозѣ превелебному отцу Иннокентію Гизелови, архимандритѣ Печерскому даровалемъ книгу сію для неотмѣнной ку мнѣ ласки и любви его".

[3]) Письма Л. Барановича, № 84, стр. 118.

[4]) ibid., № 107, стр. 172.

[5]) Акты юго-западной Россіи, т. IX, стр. 596.

[6]) ibid., стр. 650.

[7]) „Что справовало", говоритъ Радивиловскій въ посвященіи „Огородка" *Гизелю*,

Издавъ „Огородокъ“, Радивиловскій тотчасъ же принялся составлять второй свой сборникъ, „Вѣнецъ Христовъ“. Это мы можемъ установить на основаніи слѣдующихъ соображеній: на рукописномъ Вѣнцѣ, хранящемся въ библіотекѣ Никольскаго монастыря подъ № 2, сказано, что онъ составленъ іеромонахомъ Антоніемъ Радивиловскимъ, намѣстникомъ Кіево-Печерской Лавры, (года нѣтъ). Какъ увидимъ ниже, Радивиловскій оставилъ намѣстничество въ Лаврѣ въ 1683—1684 году. Такимъ образомъ, составленіе рукописнаго „Вѣнца Христова“ относится ко времени отъ 1676—1683 годъ. Нѣкоторыя проповѣди для своего второго сборника Радивиловскій взялъ изъ рукописнаго „Огородка“, другія же были имъ написаны вновь,—но издать свой „Вѣнецъ“ Радивиловскому удалось только лишь въ 1688 году.

Внѣшнія обстоятельства дальнѣйшей жизни Радивиловскаго послѣ изданія „Огородка“ въ 1676 году для насъ опять становятся неизвѣстны. Только въ 1682 году (20 января) мы видимъ его въ числѣ избирающихъ Варлаама Ясинскаго, игумена Никольскаго монастыря, въ архимандриты Печерской Лавры. [1]) На актѣ избранія Радивиловскій подписался пятымъ. Но мѣсто архимандрита Печерскаго Варлаамъ Ясинскій могъ получить только лишь послѣ смерти престарѣлаго Иннокентія Гизеля, которая послѣдовала 18 ноября 1683 года. [2]) На вакантное мѣсто игумена Никольскаго монастыря былъ избранъ Радивиловскій. Такимъ образомъ, игуменство Радивиловскаго въ Никольскомъ монастырѣ началось съ конца 1683 или съ начала 1684 года, а не съ 1687, какъ говоритъ преосв. Филаретъ. [3])

„жесь не хотѣлъ, абы и сія моя подлая праца была въ пѣску невѣдомости людскои загребена, але которымъ словеса, якъ тутъ при бытности твоей въ святой великой чудотворной обители Печерской, такъ и въ иншихъ Кіевскихъ обителехъ... проповѣдалъ, абы тое типомъ изображенное свѣту оказано было? любовь и ласка твоя“, потому что самъ, „будучи подлои науки, нѣколи того неважилъ, чого и высокои науки люде заледвося важатъ“. Въ послѣднихъ словахъ, какъ мы знаемъ, Радивиловскій говоритъ неправду, потому что еще въ 1671 году онъ хотѣлъ издать два тома своихъ проповѣдей подъ названіемъ „Огородка“.

[1]) Актъ избранія Варлаама Ясинскаго въ Печерскіе архимандриты см. Кіевская Старина, 1887 г., вып. VI—VII, стр. 574.

[2]) Сумцовъ, Ин. Гизель, стр. 43; ср. Максимовичъ, Сочиненія, т. II, стр. 223. Варлаамъ Ясинскій въ архимандриты Печерскіе былъ посвященъ Л. Барановичемъ въ концѣ 1683 г.—началѣ 1684, (Шляпкинъ, св. Димитрій Ростовскій, стр. 36).

[3]) Обзоръ русской духовной литературы, Харьковъ, 1859, стр. 293. Мѣсто Радивиловскаго, какъ оффиціальнаго Лаврскаго проповѣдника, занялъ Димитрій Ростовскій. Въ

Игуменство въ Никольскомъ монастырѣ было, конечно, для Радивиловскаго повышеніемъ и наградой со стороны южно-русскаго общества за тѣ труды, какіе онъ совершилъ для его умственнаго и нравственнаго развитія. Въ 80-хъ годахъ XVII в. Никольскій монастырь жилъ вполнѣ самостоятельно отъ Кіево-Печерской Лавры и независимо отъ нея владѣлъ своими землями. Братія его сама себѣ избирала игумена, не сносясь съ соборомъ Лавры и вообще духовнымъ начальствомъ Кіевскимъ. [1]) Въ штатѣ Никольскаго монастыря было не мало іеромонаховъ и простыхъ монаховъ. „Кромѣ игуменской должности въ немъ были должности намѣстника, духовника, эклезіарха, эконома, блюстителя монастырскихъ имѣній и др.“. [2]) По описи 1786 года Кіево-Пустынно-Никольскій монастырь по степени введенъ въ первый классъ и поставленъ выше Михайловскаго и Флоровскаго. [3]) Можно думать, что и въ концѣ XVII в. онъ стоялъ также высоко. Кромѣ того, игуменство Никольское было самостоятельнымъ мѣстомъ и переходною ступенью въ архимандриты Печерскіе: его прошли всѣ знаменитые южно-рус. іерархи, напр., Иннокентій Гизель, Варлаамъ Ясинскій и др..

Состоя игуменомъ Никольскаго монастыря, Радивиловскій заботился о духовномъ просвѣщеніи южно-русскаго народа и раздавалъ богослужебныя книги въ тѣ маленькія церкви, которыя ихъ не могли имѣть. [4])

собственноручномъ спискѣ проповѣди, произнесенной 24 февраля 1685 года, въ годовую память погребенія Ин. Гизеля, Димитрій говоритъ, что она „написана трудомъ грѣшнаго іеромонаха Димитрія Савича, на онъ часъ казнодѣи Печерскаго“, (Шляпкинъ, св. Димитрій Ростовскій, стр. 43). Поселился Димитрій Ростовскій въ Лаврѣ по приглашенію Варлаама Ясинскаго 23 апрѣля 1684 года, (ibid., стр. 36). Съ этого времени онъ, вѣроятно, сдѣлался и оффиціальнымъ Лаврскимъ проповѣдникомъ, а Радивиловскій около этого времени былъ избранъ игуменомъ Никольскаго монастыря. Священникъ Троцкій (Описаніе Никольскаго монастыря, Труды Кіевской Духовной Академіи, 78, № 9, стр. 633) 1684 годъ принимаетъ, какъ начало игуменства Радивиловскаго.

[1]) Труды Кіев. Дух. Акад., 78, IX, стр. 630.

[2]) ibid., 633.

[3]) Амвросій, Исторія Россійской іерархіи, ч. II, CXXIII.

[4]) Объ этомъ мы узнаемъ изъ жалобы регента гродскаго Кіевскаго Стефана Дидковскаго на своихъ родственниковъ, что они, бывая по дѣламъ своимъ часто за Днѣпромъ и посѣщая архимандрита Печерскаго Ясинскаго, Игумена Никольскаго Радивиловскаго и игумена Межигорскаго Васьковича, получали отъ нихъ подарки для церквей Васьковской и Дидковской, какъ то разныя богослужебныя книги и утварь, и продавали ихъ въ свою пользу. См. Опись актовыхъ книгъ Кіевскаго центральнаго архива, № 4, стр. 14.

Умеръ Радивиловскій въ 1688 году, 10 декабря и погребенъ въ Печерскомъ монастырѣ 15 декабря того же года. Объ этомъ мы узнаемъ изъ приписки, находящейся на четвертомъ листѣ второго рукописнаго тома „Огородка“: „сію книгу авторъ оноя блаженнои памяти превелебный отецъ Антоній Радивиловскій, игуменъ монастыра Святителя Христова Николая Пустынно-Кіевскаго, отписалъ до того жъ Свято-Николского монастыра, въ которомъ и преставился въ добромъ исповѣданіи року ҂ахпи (1688), мѣсяца декемвріа дня і҃ (десятаго) и погребенъ въ Печерскомъ дня єі҃ (пятнадцатаго) того жъ року“. [1])

Послѣднимъ дѣломъ жизни Радивиловскаго было изданіе имъ второго сборника своихъ проповѣдей, „Вѣнца Христова“, въ 1688 году. На заглавномъ листѣ „Вѣнца“ сказано, что онъ издается по благословенію „великаго господина Киръ Іоакима Московскаго и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха“. Но это—неправда. Подчинивъ себѣ въ 1685 году южно-русскую церковь, [2]) патріархъ Іоакимъ пожелалъ взять въ свои руки и цензуру южно-русскихъ книгъ. Онъ писалъ Константинопольскому патріарху Діонисію и просилъ его списаться съ другими патріархами и „запретить и тяжко осудить (малороссовъ), да не имуть волю и власть.... ниже книги какія печатати, ниже что ино творити безъ нашего соборнаго разсмотрѣнія“. [3]) Онъ отнялъ у Лаврской типографіи привилегію на свободное печатаніе книгъ, запретивъ на будущее время помѣщать въ заглавіяхъ книгъ Печерскихъ имя Кіевскаго митрополита. Но южно-русское духовенство не сдавалось, и сборникъ Радивиловскаго, „Вѣнецъ Христовъ“, былъ напечатанъ безъ разрѣшенія патріарха. [4]) По этому поводу поднялась большая переписка. Опасаясь неудовольствій патріарха, Варлаамъ Ясинскій и гетманъ Мазепа, покровительствовавшій тогда ли-

---

[1]) Эта дата подтверждается еще и припискою на одномъ изъ печатныхъ экземпляровъ „Вѣнца“ (Лаврская библіотека, отдѣлъ VIII, № 17): „сію книгу до церкви святыхъ пятницъ мѣстечка Печерскаго отписалъ за спасеніе свое велебнои памяти всечестный отецъ Антоній Радивиловскій, Игуменъ Пустыно Николско Кіевскаго монастыря, который преставился богоугодно року ҂ахпи (1688), декабря і҃ (десятаго). Отдалемъ Варлаамъ, архимандритъ Печерскій“.

[2]) Костомаровъ, Руина, стр. 646.

[3]) Сумцовъ, Л. Барановичъ, стр. 174.

[4]) Шляпкинъ, Св. Димитрій Ростовскій, стр. 190.

тературнымъ трудамъ въ своемъ краѣ, [1]) посылая „Вѣнецъ Христовъ“ Голицыну, просили прощенія вины Печерскому архимандриту за самовольное напечатаніе книги, ссылаясь на государеву данную на типографію грамоту, и просили помѣщать и впредь въ заглавіяхъ книгъ Печерскихъ имя Кіевскаго митрополита. [2]) Но патріархъ былъ неумолимъ и при всякомъ удобномъ случаѣ напоминалъ южно-русскому духовенству о его проступкѣ. [3])

Подобно тому, какъ названіе своего перваго сборника, „Огородокъ“ Маріи Богородицы, Радивиловскій взялъ у Меффрета, который въ первой половинѣ XV в. издалъ свой „Hortulus Reginae“ на латинскомъ языкѣ, [4]) названіе своего второго сборника, „Вѣнецъ Христовъ“, Радивиловскій заимствовалъ у польскихъ проповѣдниковъ. Раньше „Вѣнца“ Радивиловскаго въ Польшѣ явились „Вѣнецъ, сплетенный изъ доминиканскихъ концептовъ“, Санецкаго, „Вѣнецъ Академіи“ Петровицкаго, „Вѣнецъ неувядаемой славы пречистой Дѣвы Маріи“ Старовольскаго. [5])

Сличая посвященіе печатнаго Вѣнца Христу съ составомъ сборника, можно замѣтить, что Вѣнецъ вышелъ не въ томъ видѣ, въ какомъ разсчитывалъ его издать самъ авторъ. Такъ въ своемъ посвященіи Радивиловскій говоритъ: „при томъ Вѣнцу рожаномъ смѣлемъ грѣшный и непотребный рабъ твой выразити евангелистовъ Твоихъ (Христа) святыхъ“..... „По Евангелистахъ святыхъ еще выразилемъ и двоихъ святителей, великаго учителя и проповѣдника покаянію Златоустаго святого и великого чудотворца Николая“.... „Патроновъ зась нашихъ Россійскихъ, преподобныхъ отцевъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, при томъ Вѣнцу выразилемъ“. Обращаясь къ содержанію „Вѣнца“, мы не находимъ въ немъ словъ ни на воспоминаніе Евангелистовъ, ни на дни другихъ святыхъ, о которыхъ Радивиловскій говоритъ въ своемъ посвященіи, между тѣмъ, какъ въ рукописномъ „Вѣнцѣ“ остались ненапечатаными слова на дни всѣхъ этихъ святыхъ, кромѣ Николая. Тѣ слова на день св. Николая,

---

[1]) Костомаровъ, Мазепа и Мазепинцы, стр. 42.

[2]) Шляпкинъ, св. Димитрій Ростовскій, стр. 182.

[3]) Шляпкинъ, св. Димитрій Ростовскій, стр. 192, 200.

[4]) Cruel, Geschidte der deutschen Predigt im Mittelalter, стр. 486.

[5]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1875 годъ, т. II, стр. 356.

которыя Радивиловскій предполагалъ помѣстить въ своемъ печатномъ „Вѣнцѣ“, относятся, очевидно, къ его позднѣйшей дѣятельности и намъ они неизвѣстны.

Любопытно, что и въ печатный „Вѣнецъ“, какъ въ 1676 году въ печатный „Огородокъ“, Радивиловскій не включилъ пяти своихъ интересныхъ проповѣдей, сказанныхъ имъ воинамъ, которые отправлялись на битву съ турками и татарами. Проповѣди эти мы также издаемъ въ приложеніи.

Подобно тому, какъ свой первый сборникъ, „Огородокъ“, Радивиловскій кромѣ Дѣвѣ Маріи посвятилъ еще и Ин. Гизелю, и „Вѣнецъ Христовъ“ былъ имъ „оффѣрованъ“ Іоанну, Петру и царевнѣ Софіи. Въ своемъ посвященіи этимъ лицамъ, Радивиловскій проситъ ихъ принять его книгу подъ свою защиту, „дабы якоже онъ недостойный дѣлатель, такъ и трудъ его подъ ихъ покровеніемъ могль сохраненъ быти отъ всякихъ злословій безбѣднѣ“. Но мы уже знаемъ, что это не избавило его книгу отъ преслѣдованій со стороны патріарха Іоакима; послѣдній также и въ „Огородкѣ“ нашелъ еретическія ученія и запретилъ его. [1])

Мы уже видѣли, что проповѣдническая дѣятельность Радивиловскаго началась очень рано сравнительно съ выходомъ его печатныхъ сборниковъ: уже въ 1656 году мы видимъ его знаменитымъ проповѣдникомъ, произносящимъ „слова“ на такіе важные случаи, какъ посвященіе Ин. Гизеля въ Печерскіе архимандриты и „рочины“ Петра Могилы. Такимъ образомъ, проповѣдническая физіономія Радивиловскаго сложилась безъ всякаго непосредственнаго вліянія „Ключа разумѣнія“ Голятовскаго, первое изданіе котораго вышло въ Кіевѣ въ 1659 году. Конечно, Радивиловскій могъ познакомиться съ проповѣдями Голятовскаго и до ихъ выхода въ свѣтъ: онъ могъ ихъ слышать, или читать въ рукописяхъ,—и слѣды знакомства Радивиловскаго съ „Ключемъ разумѣнія“ мы дѣйствительно находимъ въ его проповѣдяхъ, [2]) но, быть можетъ, ихъ должно объяснять позднѣйшимъ вліяніемъ. Кромѣ того, какъ увидимъ ниже, [3]) проповѣдническая манера Радивиловскаго носитъ нѣкоторыя своеобразныя черты. Что ка-

---

[1]) Шляпкинъ, св. Димитрій Ростовскій, стр. 117.

[2]) Объ этомъ читай главу четвертую.

[3]) См. главу третью.

сается вліянія проповѣдей Барановича, который ему былъ наставникомъ, и проповѣди котораго Радивиловскій слушалъ, находясь еще въ коллегіи, то, конечно, онѣ были для него первыми образцами новаго проповѣдническаго стиля, но, какъ увидимъ ниже, Барановичъ и Радивиловскій принадлежали къ различнымъ школамъ второго періода южно-русскаго проповѣдничества, [1]) и потому проповѣди Барановича не могли оказать на него сильнаго вліянія.

Оставляя подробную характеристику проповѣдей Радивиловскаго до особой (четвертой) главы, мы здѣсь должны указать на то обстоятельство, что изъ всѣхъ южно-русскихъ писателей XVII в. одинъ лишь Радивиловскій былъ только лишь проповѣдникомъ. И Гизель, и Барановичъ, и Голятовскій,—всѣ они произносили проповѣди, но, очевидно, больше по обязанности. Гизель, напр., совершенно не дорожилъ своими проповѣдями и, завѣдывая Печерской типографіей, не напечаталъ ни одной своей проповѣди. [2]) Онъ, какъ и другіе его товарищи, южно-русскіе писатели XVII в., больше увлекался полемикой и ей отдавалъ и больше своего вниманія, и больше своего труда. Между тѣмъ, какъ Радивиловскій извѣстенъ намъ только лишь какъ проповѣдникъ: проповѣдничество составляло все призваніе его жизни. И, если мы обратимъ свое вниманіе на три громадныхъ рукописныхъ сборника его проповѣдей, то убѣдимся, что Радивиловскій является самымъ интереснымъ и самымъ яркимъ представителемъ южно-русской схоластической проповѣди. Сборники Барановича—„Мечъ“ и „Трубы“ не велики, и оба вмѣстѣ немного превышаютъ одинъ печатный сборникъ Радивиловскаго. Голятовскій же, издавая свой „Ключъ разумѣнія“, преслѣдовалъ болѣе теоретическія цѣли,—поэтому у него мы и не находимъ погребальныхъ словъ, а только лишь ихъ образцы. Кромѣ того, самый сборникъ его (послѣдняго изданія 1665 года) не великъ: въ немъ всего 1000 стр. крупнаго шрифта, и онъ не превышаетъ ни одного изъ сборниковъ Радивиловскаго.

Къ кому обращалъ Радивиловскій свои проповѣди и какъ онъ ихъ произносилъ?

Проповѣдь Радивиловскаго несомнѣнно была обращена къ „народу“, т. е. къ той разнообразной толпѣ, какая собиралась въ цер-

---

[1]) Объ этомъ см. главу третью.

[2]) Сумцовъ, Ин. Гизель, стр. 23.

кви. Это можно заключить изъ того, что въ своихъ проповѣдяхъ Радивиловскій всегда имѣетъ въ виду „православнаго слухача“. Такъ какъ среди этого „православнаго слухача“ было много и простыхъ людей, которые приходили помолиться чудотворцамъ Печерскимъ, то у Радивиловскаго мы замѣчаемъ стремленіе сдѣлать свои проповѣди доступными и для нихъ. По крайней мѣрѣ, идеалъ проповѣди у Радивиловскаго такой, чтобы ее могли „зрозумѣти простыи люде“ (Огор., 245), чтобы она научила и „людъ простый“ (В., 245). Нѣкоторыя мѣста своихъ проповѣдей онъ даже спеціально предназначалъ для „посполитого люду“: разсказывая въ словѣ на Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя, до чего доводятъ танцы, и уговаривая матерей, чтобы онѣ не учили своихъ дочерей танцовать, Радивиловскій свою рѣчь обращаетъ „къ посполитому люду“: „тое читат' въ церквѣ до посполитыхъ людей“ (I р. Огор., 73),—пишетъ онъ на поляхъ рукописнаго „Огородка“.

Но у Радивиловскаго мы находимъ одно „слово“, обращенное и къ монастырской братіи,—это слово первое на понедѣльникъ свѣтлой недѣли „о волочебномъ инокомъ“. „Велебныи отцеве и братіе возлюбленыи, почавши отъ старшихъ ажъ до меншихъ, не можна васъ лѣпшимъ обдарити волочебнымъ, яко животомъ“, говоритъ Радивиловскій, обращаясь уже не къ „слухачу православному“, а къ монастырской братіи. Конечно, и это слово Радивиловскій могъ произносить въ присутствіи той разнообразной толпы, какая, обыкновенно, собиралась въ Печерской Лаврѣ.

Проповѣди свои Радивиловскій произносилъ, вѣроятно, съ жестикуляціей. На основаніи его собственныхъ произведеній трудно говорить объ этомъ съ опредѣленностью. Но въ „казаньяхъ“ Млодзяновскаго [1]) сохранилось одно мѣсто, которое показываетъ, что среди польскихъ схоластическихъ проповѣдниковъ жестикуляція практиковалась. Казанье на недѣлю пятую по Пасхѣ Млодзяновскій начинаетъ слѣдующимъ образомъ: „Wynidź z Kościoła, a nie ieden, ani dwa, i ten, i ten, i ow, i ow“ (I, 287). Слова эти проповѣдникъ, очевидно, произносилъ съ жестикуляціей. [2]) Пріемъ этотъ былъ извѣстенъ и Радивиловскому: „Вымовный ораторъ, которій чого словы выразити не мо-

[1]) О немъ см. главу вторую.

[2]) Труды Кіевской Духовной Академіи, 1871, XII, 470.

жетъ, то мистернымъ руки рушенѣмъ показуетъ“ (Огор., 180), говоритъ Радивиловскій. Извѣстно, что Стефанъ Яворскій, переселившись и въ Москву, произносилъ свои проповѣди съ жестикуляціей, за что и подвергся осужденію со стороны Ѳеофана Прокоповича.

Въ своихъ проповѣдяхъ Радивиловскій обнаружилъ довольно большую начитанность, но такъ какъ онъ ссылается большею частью только лишь на авторовъ, не называя ихъ сочиненій, то не возможно опредѣлить, какое, именно, произведеніе того или другого автора онъ цитируетъ.

Изъ перваго вѣка по Рождествѣ Христовомъ Радивиловскому были извѣстны Филонъ и Іосифъ Флавій († 93); изъ второго вѣка—Юстинъ философъ († 166), Діонисій Ареопагитъ и Ириней Ліонскій; изъ третьяго по десятый вѣкъ: Тертуліанъ, Ипполитъ, епископъ Римскій († около половины III в.), Оригенъ († 254), св. Меѳодій мученикъ († 303), Евсевій Кессарійскій, Ефремъ Сиринъ († около 372), Аѳанасій Александрійскій († 373), Василій Великій († 379), Кириллъ Іерусалимскій († 386), Григорій Богословъ († 379), Макарій В. († 390), Григорій Нисскій († около 394), Лактанцій, патріархъ Іерусалимскій (IV в.), блаженный Іеронимъ (IV в.), Александръ, патріархъ Александрійскій (IV в.), Авдія Вавилонскій (изъ Мессопотаміи, IV в.), Титъ Востренскій (IV в.), Епифаній Кипрскій († 402), Августинъ Иппонійскій († 430), Исихій Іерусалимскій († 432), Іоаннъ Златоустъ († 407), Кириллъ Александрійскій († 444), Нилъ Синайскій († 480), св. Исидоръ († 434), Василій Селевкійскій († 458), Евсевій Александрійскій (V в.), Кассіанъ Римлянинъ († 435), Ѳеодоритъ Кипрскій († 457), Созоменъ, церковный историкъ († 440), Просперъ (V в.), Геннадій, патріархъ Константинопольскій († 471), Евхерій (V в.), Сократъ, церковный историкъ (V в.), Петръ Равенскій или Хризологъ (V в.), Сальвіанъ (Объ управленіи Божіемъ, V в.), Боэцій, философъ (Объ утѣшеніи философіи, родился въ 480), Андрей Кесарійскій († 565), Евагрій, церковный историкъ (VI в.), Елигій (VI в.), Прокопій, византійскій историкъ (О войнѣ вандальской, VI в.), Фульгенцій (Радивиловскій ссылается на два его сочиненія: на вторую книгу Ad Trasimundum и на первую Ad Monimum, VI в.), Григорій Турскій (вѣроятно, его исторія или Annales Francorum, † 595), Анастасій Синаитъ († 767), Максимъ Исповѣдникъ († 663), Ильдефонсъ Толедскій († 667), Андрей Критскій († около 712), Павелъ Діаконъ (Житія святыхъ, † 767 году), Іоаннъ Дамаскинъ († 717), Беда Достопочтенный († 735),

Алкуинъ († 804), Никифоръ, византійскій историкъ († 818), Герембергъ (конца IX в., Chronicon sive historia Longobardorum), Берцео Сирскій (Moses Bercepha Syrus X в., de Paradiso), Метафрастъ (первой половины X в.).

Радивиловскому были извѣстны слѣдующіе схоластическіе писатели: Ансельмъ († 1109, Liber de similitudinibus), Беренгосъ, епископъ Тирскій (жилъ въ первой половинѣ XII в.), Рупертъ († 1135, Толкованія на псалмы), Герардъ (вѣроятно, епископъ Лаодиценскій, первой половины XII в.), Гуго de St. Victor († 1141, Радивиловскій ссылается на два его сочиненія: De claustro animae (4 книги) и Summa sententiarum (7 трактатовъ), Бернардъ († 1153, Sermones in psalmum 90), Амедей, епископъ Лавзанскій († 1158, Радивиловскій ссылается на его шестое слово De laudibus B. Mariae), Гваррикъ († 1157, Радивиловскій ссылается на его „Слова"), Петръ Целленскій († 1187), Іоаннъ Салисберійскій († 1180), Петръ Дамьянъ (конца XII в., Слово о св. Іоаннѣ Крестителѣ), Арнольдъ, вѣроятно, Бретіанскій (12 в.), Амандъ, вѣроятно, Герихъ Сузанскій († около 1306), Родерикъ, вѣроятно, епископъ Толедскій (13 в., Радивиловскій ссылается на его „Исторіи",—это, вѣроятно, Historiae Hispanicae, libri 9, a primo Herculis in Hispaniam adventu ad an. Christi 1243), Іоаннъ Геминіанъ (13 в., Summa de exemplis et rerum similitudinibus libri 10), Винцентій изъ Бове († 1256 или 1264, Speculum historiale), Гуго Каренскій († 1260), Бонавентура († 1274, Speculum), Альбертъ Великій († 1280 году, Толкованія на посланія), Никита Акоминатъ или по мѣсту рожденія Хоніатъ, византійскій историкъ (13 в.), Панталеонъ (Narrationes de miraculis S. Michaelis; нѣкоторые біографы утверждаютъ, что онъ жилъ около половины 13 в.), Робертъ Гольютъ (In librum sapientiae, † 1349), Лиранъ († 1340, Коментаріи на Евангеліе), Іоаннъ Герсонъ († 1429 г., Sermo de nativitate Virginis Mariae), Іоаннъ de Verdena (Sermones dormi secure, около половины XV в.), Іоаннъ Герольтъ (Sermones discipuli, около половины XVI в.), Куропалятъ, грекъ (Liber de imperatoribus Constantinopolitanis, † около 1453 года), Ѳома Ѳеодидактъ (Кемпійскій, Радивиловскій ссылается на 4 книгу De imitatione Christi, † 1471), Гербрандъ († 1504, Chronicon, Радивиловскій ссылается просто на „Исторіи"), Діоскоридъ (De medicinali materia, libri V, 15 в.), Гавріилъ Біель († 1495 г., Слова). Изъ XVI—XVII в. Радивиловскому извѣстны слѣдующіе писатели: Галя-

тинъ (De Angelico pastore, † послѣ 1532 года), Петръ Канизій (XVI в.), Филиппъ Меланхтонъ († 1560, Loci communes), Корнелій Аляпиде, Барроній (Аналлы, вышли въ Римѣ въ 12 томахъ въ 1588—1607 годахъ), Николай Кавзинъ (Исторія символовъ), Іоаннъ де Пенна (Толкованія), Ляерцій (De vitis, dogmatibus et apophtegmatibus philosophorum Graeciae), Липсій (Admiranda sive de magnitudine Romae), Піерій (Hieroglіphica), Маіолъ (De admirandis naturae rebus).

Изъ польскихъ писателей Радивиловскій ссылается только лишь на „Gościniec“ Дзѣловскаго и на какія то „Кроники польскія“.

Затѣмъ, у Радивиловскаго мы находимъ довольно много ссылокъ на греческихъ и латинскихъ авторовъ: на Гомера (шестая книга Иліады, I р. Огор., 469; въ другомъ мѣстѣ Радивиловскій разсказываетъ эпизодъ и изъ Одиссеи—Огор., 416), Анакреона, Платона, Аристотеля (Этика, о душѣ, метафизика), Ксенофонта, Діодора Сицилійскаго, Діонисія Галикарнасскаго, Плутарха (біографія Платона, Пелопида, Красса); изъ латинскихъ авторовъ: на Люкреція, Цицерона (на 3 книгу de officiis, на первую de natura deorum, Cato Major), Виргилія (Энеиду), Овидія (XV книгу Methamorphosarum), Горація, Ювенала (14 сатиру), Сенеку (письма, на 5 письмо ad Lucillum, на первую книгу Quaestionum naturalium, на первую и вторую книгу ad Aebutium de beneficiis), на Плинія Младшаго (Panegiricum ad Trajanum), на Тацита, Апулея (Превращенія и на его сочиненіе о Сократовомъ Богѣ), на Валерія Максима (Factorum et dictorum memorabilium libros) и на Светонія.

Находимъ у Радивиловскаго даже ссылки на Ульпіана и Юстиніана. Наконецъ, Радивиловскій приводитъ цѣлыя выдержки изъ Пролога и Синаксаря.

На поляхъ сборниковъ Радивиловскаго мы встрѣтили ссылки и на неизвѣстныхъ намъ авторовъ, въ самыхъ же проповѣдяхъ цѣлые разсказы изъ неизвѣстныхъ намъ сочиненій, напр.: Галенасъ, Видерій, Іосифъ деля Герда, Блозій, Алянусъ де Рупе, Фланко Ивва, Дидакусъ Стелла, Зено, Гадріанусъ Лиреусъ, Паноръ, Молиторъ, Картане, Корнукопія проповѣдниковъ выкладъ, Сатиръ, Соломонъ а Карляно, Стрингеліусъ и др.; выдержки изъ книги „тѣнь Маріи“, „Триссагіонъ Маріи“, „Дискурсусъ предикабилесъ“, „Свѣтъ Евангельскій или Небо Новое“. Авторъ статьи о Радивиловскомъ (въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей за 75 г., т. III, страница 208) послѣдній сборникъ

считаетъ за тождественный съ сборникомъ Голятовскаго „Небо новое“, но, во первыхъ, ни одна ссылка Радивиловскаго не оправдывается при сравненіи ея съ сборникомъ Голятовскаго, во вторыхъ, изъ ссылокъ Радивиловскаго можно заключить, что „Свѣтъ Евангельскій или Небо новое“—это какой то сборникъ проповѣдей, въ родѣ „Sermones discipuli“: такъ, напр., на стр. 257 об. „Вѣнца“ Радивиловскій ссылается на книгу „Свѣтъ Евангельскій, слово на недѣлю четвертую по Сошествіи св. Духа“,—и этотъ сборникъ, слѣдовательно, не имѣетъ ничего общаго съ сборникомъ Голятовскаго, въ которомъ собраны только лишь чудеса Богородицы. Тотъ же авторъ статьи о Радивиловскомъ говоритъ, что „Спижарня“, изъ которой Радивиловскій бралъ свои „приклады“, есть не что иное, какъ „Спижарня или Сокровищница чудесъ Маріи Богородицы“, составленная также Голятовскимъ. Такого произведенія Голятовскаго мы не знаемъ: извѣстна его „Скарбница чудесъ Маріи Богородицы“, которая вышла въ Черниговѣ въ 1676 году. Если авторъ разумѣлъ подъ „Спижарней“—„Скарбницу“ Голятовскаго, то его утвержденіе также не вѣрно, такъ какъ ни одинъ „прикладъ“ Радивиловскаго не совпадаетъ съ „примѣрами“ Скарбницы. Кромѣ того, при сравненіи тѣхъ „прикладовъ“ Радивиловскаго, которые имъ взяты изъ „Спижарни“, съ „exempla“, которые приложены Герольтомъ при его „Sermones discipuli“, оказывается, что подъ „Спижарней“ нужно разумѣть не что иное, какъ именно „exempla discipuli“. Да и самъ Радивиловскій иногда свой источникъ обозначаетъ такъ: „въ спижарнѣ Дисципула о чудахъ Пресвятои Богородици прикладъ п“ (В., 437). [1])

Нѣкоторые изъ тѣхъ авторовъ, на которыхъ ссылается Радивиловскій, были извѣстны и Голятовскому (см. Сумцовъ, Голятовскій), и въ начитанности нашъ писатель нисколько не уступаетъ послѣднему.

Въ своихъ проповѣдяхъ Радивиловскій обнаружилъ большія познанія по всеобщей исторіи и географіи, по зоологіи, ботаникѣ, минералогіи, астрономіи (астрологіи), физіологіи и медицинѣ. Само собою разумѣется, что большая часть его свѣдѣній во всѣхъ этихъ областяхъ—чисто средневѣкового характера.

Нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній Радивиловскаго представляютъ

---

[1]) Подробное сравненіе „прикладовъ“ Радивиловскаго изъ „Спижарни“ съ „exempla discipuli“ см. въ главѣ пятой.

большой интересъ, такъ какъ нашли себѣ отраженіе въ вѣрованіяхъ малорусскаго народа. Такъ, напр., о небѣ Радивиловскій говоритъ, что оно раздѣляется „на три круги найзацнѣйшіе, на небо емпирейское, кристаловое и звѣздечное. Небо емпирейское а ни рушаетъ, а ни рушается, небо перводвижимое и само рушается и другихъ небесъ рушаетъ; иныи зась неба самися рушаютъ, а уже иншихъ собою не рушаютъ“ (В., 88); „перводвижимое небо, колися рушаетъ, всѣся зъ нимъ рушаютъ неба ведлугъ науки мудрыхъ“ (Огор., 70). Подобное же представленіе о трехъ сводахъ неба мы находимъ и у малорусскаго народа: въ Луцкомъ уѣздѣ вѣрятъ, что небо устроено на подобіе свода изъ невѣдомаго вещества; такихъ сводовъ три: высшій, въ которомъ пребываетъ самъ Господь, средній, въ которомъ обитаютъ ангелы, и нижній, жилище угодниковъ Божіихъ. [1]) Емпирейское небо, поучалъ Радивиловскій своихъ слушателей, „тымъ отъ иныхъ небесъ розное, же въ свѣтлости сотворенное естъ и завше оную мѣло и для того отъ свѣтлости имя емпирейское, то естъ огнистое, взяло“ (Огор., 740). Малорусскій народъ вѣритъ, что кромѣ видимаго неба есть еще другое, которое называется *Имперейскимъ*. Оно прикрывается видимымъ небомъ, какъ бы стекломъ. По народному разумѣнію на Имперейскомъ небѣ пребываетъ самъ Богъ, а на видимомъ—ангелы и всѣ святые. [2]) Малорусскій народъ вѣритъ, что есть такіе счастливцы, которые видѣли, какъ ночью раскрывается видимое небо, при чемъ Имперейское небо „таке ясне, якъ сонце“. [3])

По ученію Радивиловскаго существуетъ десять небесъ: небо первое луны, второе Меркурія, 3) Венеры, 4) Солнца, 5) Марса, 6) Юпитера, 7) Сатурна, 8) Твердь небесная, 9) Небо перводвижимое и 10) найвысшее небо, Эмпирейское (Огор., 99—100). „Це, шо мы бачимъ надъ собою, до це ще ны небо“, говоритъ народъ, „а це оболокы. Сыніхъ оболоківъ есть ажъ сімъ, а восьме вже справедливе небо“. [4]) За видимымъ небомъ есть еще шесть; разстояніе между каждымъ изъ нихъ въ двѣнадцать разъ болѣе того, какое между нами и видимымъ небомъ. [5]) Ласточка, по словамъ Радивиловскаго, „оживши зъ водъ,

---

[1]) Труды экспедиціи въ Западно-рус. край, т. I, стр. 2.

[2]) ibid.

[3]) ibid.

[4]) ibid.

[5]) ibid.

першая на весну до насъ прибываетъ“ (Огор рук., т. II, стр. 10). Подобныя же представленія о ласточкахъ мы находимъ и у малорусскаго народа: въ Литинскомъ уѣздѣ утверждаютъ, что ласточки укрываются на зиму въ воду, сцѣпившись лапками одна за другую и образуя такимъ образомъ цѣпь („низанку“). Въ Будаевкѣ Каневскаго уѣзда народъ вѣритъ, что „ластівкы у осены усе чепляются ніжка за ніжку, та у колодезь улітають, та тамъ собі и зімують; а якъ прыйде весна, то воны ожывають и тоді летять зъ крыниці, та вже тутъ літають ажъ до Воздвыженія“. Въ Таращѣ разсказываютъ слѣдующее: „Ластівкы на зіму не летять у вырій, а мерзнуть у воді. Часомъ, кажуть, вытягнешъ зъ воды цілу низку ластовокъ, посціплюваныхъ лапкамы; ажъ якъ весною пустыть лідъ, и зогріется вода, то воны тогді вылітають зъ воды“. [1])

Приводя свои научныя свѣдѣнія, Радивиловскій ссылается на различныя сочиненія, такъ, напр., по зоологіи онъ приводитъ цитаты изъ Плинія, Аристотеля, св. Исидора, Солина, Іоанна Геминіана (Summa de exemplis), Кавзина (Исторія символовъ) и др. Но, по всей вѣроятности, онъ не читалъ всѣхъ этихъ сочиненій, а дѣлалъ свои ссылки по указаніямъ такихъ энциклопедій, какъ Исторія символовъ Кавзина, Summa de exemplis Іоанна Геминіана и др.

Сравнивая зоологическія свѣдѣнія Радивиловскаго съ тѣми, какія находятся въ Физіологѣ, изданномъ г. Карнѣевымъ, [2]) мы видимъ, что Радивиловскій не зналъ Физіолога въ его древнемъ, первоначальномъ составѣ, такъ какъ нѣкоторыя его описанія животныхъ не совпадаютъ съ описаніями Физіолога. [3])

Переходя къ характеристикѣ возрѣній Радивиловскаго на женщину, религію и чародѣйство, мы должны сказать, что въ нихъ виденъ человѣкъ стараго покроя, совершенно средневѣковой. Его взглядъ на женщину буквально сходится съ тѣми древне-русскими словами „о злобѣ женской“, которыя ведутъ свое начало отъ извѣстныхъ изреченій въ библейскихъ книгахъ Сираха, Соломона и въ словахъ, при-

---

[1]) Труды экспедиціи въ Западно-русскій край, стр. 59; ср. Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и разсказы, стр. 7.

[2]) Изданіе Императорскаго общества любителей древней письменности, 1890 г., XCII.

[3]) Ср. ibid., стр. 324 и Огор., 1102 стр. и др. Сумцовъ (Голятовскій, стр. 31) говоритъ, что кіевскіе ученые свои свѣдѣнія по зоологіи брали изъ средневѣковыхъ физіологовъ; ср. Карнѣевъ, Физіологъ, стр. 52.

писываемыхъ Ефрему Сирину и Іоанну Златоусту; да и самъ Радивиловскій свое нелестное мнѣніе о женщинѣ подкрѣпляетъ авторитетомъ послѣдняго (см. Огор., 385). [1]) Правда, въ словѣ „о станѣ малженскомъ" Радивиловскій возстаетъ противъ тѣхъ безобразій, какія укоренились въ южно-русской семьѣ вслѣдствіе одичанія общества подъ вліяніемъ постоянныхъ войнъ. „Много естъ такихъ", говоритъ Радивиловскій въ этомъ словѣ, „которые скоро до дому своего жену впровадятъ, заразъ ю обухомъ б'ютъ по ребрахъ" (Огор., 1123), и совѣтуетъ мужу любить свою жену, жить съ нею въ мирѣ, не обходиться съ нею, какъ съ рабой, потому что „каково же супружество, егда жена трепещетъ предъ мужемъ? какову же самъ той мужъ воспримет' сладость, якоже съ рабинею живый съ женою, а не якоже съ свободною" (Огор., 1122), но это опять таки слова Златоуста, на котораго онъ и ссылается.

Относительно религіи Радивиловскій держался того средневѣкового взгляда, который возбуждалъ нетерпимость ко всякаго рода заблужденіямъ. „Непріятелей Божіихъ, которыми суть погане, балвохвалци, еретики, не тылко не любити ихъ и не молитися за нихъ, опрочъ хиба о навернене ихъ, але проклинати ихъ повиннисмо", говорилъ онъ своимъ слушателямъ (В., 76 об.). Еще болѣе рѣзкіе взгляды высказывалъ по этому вопросу другой знаменитый южно-русскій проповѣдникъ, Голятовскій: Илія, говоритъ онъ, 800 пророковъ Вааловыхъ „забилъ для того, жебы и теперъ христіяны православныи выкореняли зъ свѣта погановъ, еретиковъ и всѣхъ людей невѣрныхъ, которіи Богу спротивляются и его блюзнятъ" (Ключъ, 405).

Подобныя рѣчи, конечно, часто выходили въ XVII в. изъ устъ казнодѣевъ—іезуитовъ. Такъ, напр., Скарга прямо говоритъ: „uchoway Boże pozwalać na to królom i panom, aby każdy wierzył, iako chciał, aby każdey sekcie wolno było sieiać błędy, iakie chce, a ludzie zarażać". (Kazania, IV, 239). Млодзяновскій во всеуслышаніе заявлялъ, что

[1]) Мы не приводимъ здѣсь хорошо извѣстныхъ всѣмъ выходокъ Радивиловскаго противъ женщины. О подобномъ же отношеніи къ женщинѣ въ западной литературѣ въ средніе вѣка см. Веселовскій, Изъ исторіи романа и повѣсти, 2 в., СПБ., 1888 года, стр. 1—24; ср. Дашкевичъ, Романтика круглаго стола, стр. 26—28 и примѣчаніе 3-е, также дополненія. О вліяніи „Пчелъ" и другихъ книгъ, перешедшихъ изъ Византіи, на понятіе въ древне-русскомъ обществѣ о женщинѣ см. Буслаевъ, Очерки, I, 586 и слѣд.

„Aryanin, Kalwin, Luter, Ewangelik, żaden heretyk, nie może katolikowi bydź przyiaćielem“ (Kazania, II, 343), и онъ совѣтовалъ своимъ единовѣрцамъ молиться „i za schismatykow naszych, aby ich Bog Pan nasz dzwignął od błędow wszelakich i do Swętey Matki Kościoła katolickego i Apostolskiego przywołać racył (I, 318),—но всѣ подобныя рѣчи въ устахъ іезуитовъ понятны;—странно онѣ звучали въ устахъ представителей южно-русскаго общества, которое еще недавно испытало на самомъ себѣ всѣ ужасныя послѣдствія подобныхъ взглядовъ.

Затѣмъ, Радивиловскій чистосердечно вѣрилъ тому, что люди, занимавшіеся въ его время чарами, могутъ посредствомъ ихъ вредить своимъ ближнимъ. „Чи немашъ же и теперѣшныхъ часовъ“, говоритъ онъ, „людей злосливыхъ, которыи ſды не могут самому человѣку, для особливои надъ нимъ обороны Божеи, зашкодити, то разные способы зъ злости и ненависти ку нему вынайдуютъ, абы ему зашкодили на добрахъ, розные чары на нихъ напущаючи“ (В., 135). Точно также и Голятовскій былъ увѣренъ, что „на свѣтѣ чаровники знайдуютъся розмаитыи, едни маютъ въ собѣ злого духа мешкаючого, который потиху отповѣдаетъ имъ, ſды его о що пытаютъ“ (Кл., 407 об). [1]) Вмѣсто того, чтобы уничтожать въ своихъ слушателяхъ всякаго рода предразсудки и суевѣрія, особенно вѣру въ колдовство, [2]) которая приносила и приноситъ народу очень много несчастій, [3]) южно-русскіе писатели XVII в. еще укрѣпляли ее своими проповѣдями.

Эта вѣра въ чары и колдовство проистекала у южно-русскихъ ученыхъ, конечно, изъ ихъ общаго міросозерцанія, изъ того отсутствія скептицизма и критики, какими они отличались. Въ пятой главѣ нашей работы мы приводимъ тѣ удивительные разсказы о чудесахъ и видѣніяхъ, какимъ чистосердечно вѣрилъ Радивиловскій. Вѣра въ чудеса и видѣнія, поддерживаемая въ древне-русскомъ обществѣ Про-

---

[1]) Ср. обличенія Серапіона (XIII в.) въ томъ, что его слушатели держатся „поганскаго обычая“—вѣруютъ въ волхвовъ, хотя и Серапіонъ допускалъ также истребленіе колдуновъ, см. Ев. Пѣтуховъ, Серапіонъ Владимірскій, стр. 64—65.

[2]) Первые протесты противъ процессовъ, преслѣдующихъ вѣдьмъ и колдуновъ, начали раздаваться въ Западной-Европѣ съ XVI в., см. ibid, стр. 95.

[3]) Читай объ этомъ Сумцова, Очеркъ исторіи колдовства въ Зап.-Европѣ; Антоновича, Колдовство въ Юго-запад. краѣ (Труды экспедиціи, т. I, в. 2, стр. 323) и др.

логами и житіями святыхъ, къ концу XVII в. въ южной Руси особенно усилилась подъ вліяніемъ той реакціи, какая охватила всю Западную Европу и особенно Польшу послѣ разгорѣвшихся религіозныхъ споровъ. Пагубное вліяніе этой реакціи на умственную жизнь Польши одинъ польскій историкъ изображаетъ въ слѣдующемъ видѣ: „Od czasu prowadzonych żwawiej z protestantami sporów religijnych literatura polska ludowo—narodowa zaczęła brać nowy obrót, który czyniąc odtąd nieprzerwanie aż do XVIII wieku, wstrzymała w swym pochodzie postęp oświaty, co raz rzadziej, co raz skąpiej darząc czytającą publiczność znakomitymi pisarzami". [1]) Вмѣсто реальныхъ наукъ, которыя бы могли принести польскому обществу дѣйствительную пользу, польскіе писатели занимались разыскиваніемъ старыхъ и составленіемъ новыхъ разсказовъ о небывалыхъ чудесахъ и видѣніяхъ. Эти разсказы переходили и въ южную Русь, гдѣ въ свою очередь южно-русскіе ученые старались не отставать отъ своихъ учителей. Такъ, Голятовскій, издавая въ 1658 году свой „Ключъ разумѣнія", приложилъ къ нему и сборникъ чудесъ Маріи Богородицы. Въ 1665 году во Львовѣ вышло его „Небо новое", которое потомъ выдержало еще два изданія (въ 1677 и 1699 г.); въ 1676 году онъ издалъ въ Черниговѣ свою „Скарбницу" чудесъ Богородицы. Вся умственная атмосфера, которой дышало южно-русское общество конца XVII в., была заражена легковѣріемъ: въ воздухѣ такъ и носились самые невѣроятные разсказы, и, несмотря на то, что ложность ихъ была иногда доказываема, оно продолжало имъ вѣрить. Такъ, напр., въ дневникѣ Гордона подъ 30 марта 1684 года мы находимъ слѣдующее сообщеніе: „въ эту прошлую недѣлю много говорили о чудесахъ, случившихся въ церкви св. Георгія: тамъ видѣли, что икона Богоматери источала слезы, и большая восковая свѣча предъ образомъ Николая чудотворца по временамъ сама собою зажигалась". [2]) Потомъ оказалось, что это—ложь: „было открыто", пишетъ онъ 29 мая 1684 года, „что слухъ, будто бы въ церкви Георгія свѣча нѣсколько разъ сама собою зажигалась, и образъ Дѣвы Маріи источалъ слезы, былъ ложно распущенъ однимъ молодымъ пресвитеромъ". [3]) Такое настроеніе южно-русской мысли ока-

[1]) Maciejowski, Pismienistwo polskie, т I, стр. 760—761.

[2]) Дневникъ Гордона, стр. 5—6.

[3]) ibid., стр. 7.

зало свое вліяніе и на Радивиловскаго. Сравнивая его рукописныя проповѣди съ печатными, можно замѣтить, какъ мало въ рукописяхъ сравнительно съ печатными сборниками разнаго рода „прикладовъ“. Издавая же свой второй сборникъ, „Вѣнецъ Христовъ“ (въ 1688 году), Радивиловскій не нашелъ ничего лучшаго, какъ почти всякую рукописную проповѣдь пополнять чудесами и видѣніями изъ ничтожнаго въ сущности, но въ свое время очень популярнаго,—польскаго сборника проповѣдей—„Гостинца“, [1]) пополняя ихъ, впрочемъ, иногда таковымъ же матеріаломъ и изъ другихъ подобныхъ же источниковъ. Замѣчательна въ этомъ отношеніи та удивительная трезвость, съ которою относился Скарга къ легендамъ и апокрифамъ. О дѣтствѣ Христа мы ничего не знаемъ, говоритъ онъ въ одной своей проповѣди. А кто бы не желалъ знать, что дѣлалъ въ это время Христосъ? „Z tej tęsknosci ludzie niektórzy, z nabożnego o tym rozmyślania, napisali byli książki o dzieciństwie Pana Iezusowym, domyślając się rzeczy i dziwow okolo takiego dziecięcia i młodości jego. Ale Kościoł słusznie takie pisania i powieści odrzucił. Lepiej nam niewiadomośc cierpieć, niżli się niepewnemi pociechami karmić“ (I, 98). Разсказывая, какъ почтилъ Христосъ Мать Свою послѣ Ея смерти, Скарга говоритъ, что много объ этомъ „trudno mówić. Dosyć nam, iż to kilkiem słów odprawim, bo daley nie zasiężem“ (VI, 94). На погребеніе Маріи собрались всѣ Апостолы, „cudownie abo beż cuda, nic na tym: owo byli przy śmierci“ (VI, 95). Радивиловскій же и по поводу бѣгства Христа въ Египетъ, и по поводу успенія Богородицы разсказываетъ очень много чудесъ. [2])

Менѣе критичнымъ, чѣмъ Скарга, оказывается другой знаменитый польскій проповѣдникъ конца XVII в., Млодзяновскій: его сильнѣе съ этой стороны захватила волна реакціи, и у него мы находимъ много легендъ. [3]) Но и Млодзяновскій по поводу очень ужъ невѣроятныхъ разсказовъ позволяетъ себѣ высказывать скептицизмъ. Такъ, напр., по поводу разсказа, что въ Іерусалимѣ изъ гроба Господня выходитъ огонь, Млодзяновскій замѣчаетъ: „alem ia tego znał, który patrzał na tego, którego ten ogień haniebnie był zpalił, i wyznawał, że to zmyślona rzecz“ (III, 512). У Радивиловскаго же мы нигдѣ не встрѣтили ни малѣйшаго признака сомнѣнія.

[1]) Подробности о „Goscinc'ѣ“ см. въ главѣ четвертой.

[2]) См., напр., Огор., 791—793, Огор., 342, 346, 351, 674, и др.

[3]) Объ этомъ см. главу вторую.

Въ общественныхъ взглядахъ Радивиловскаго сказывается шляхтичъ, вкусившій отъ плода знанія, но не научившійся уважать своего меньшаго, необразованнаго брата. „Кто величити можетъ, якъ много есть такихъ, что сукнѣ себѣ чинятъ не ведлугъ своего стану: простый и неумѣетный носитъ ровный строй шляхетному и въ наукахъ бѣглому, нижшій въ урядѣ ровнается сукнями до своего преложоного“ (В., 356 об.). Въ этихъ словахъ звучитъ нота оскорбленнаго шляхетскаго самолюбія. Конечно, жить выше средствъ не хорошо, и худо, когда мелкая сошка желаетъ жить, какъ именитый гражданинъ, но въ данномъ случаѣ нашего проповѣдника занимаетъ не эта сторона порицаемаго имъ явленія. Онъ негодуетъ, что простой и необразованный человѣкъ смѣетъ такъ же одѣваться, какъ панъ и ученый, или низшій чинъ такъ же, какъ его начальство. Ученость и шляхетство у Радивиловскаго—синонимы! И народъ, внимая проповѣди Радивиловскаго, хорошо понималъ эти польско-шляхетскія воззрѣнія своего учителя и иногда дѣлалъ ему такія замѣчанія: „Милый отче, много мы знайдуемо и межи черцами такихъ, что ся лѣпше маютъ надъ насъ, надъ книжкою бавячися, а нѣжели мы, день и ноцъ неуставаючи въ працахъ“. Въ отвѣтъ на это Радивиловскому ничего другого не оставалось, какъ говорить общими мѣстами: „Я имъ (спрашивающимъ) такъ на то отповѣдаю: то для того имъ Богъ даетъ, же оны, земные речи за нѣчто важачи, о небесныхъ тылко мыслятъ; а свѣтовыи люде, небесные за нѣчто важачи, о земныхъ тылко думаютъ, для того бываетъ, же нѣчого не маютъ“ (I р. Огор., 167).

Согласно этимъ польско-шляхетскимъ взглядамъ, Радивиловскій и въ борьбѣ южно-русскихъ іерарховъ съ простымъ народомъ за право вмѣшательства въ церковныя дѣла, принялъ сторону своихъ собратій. Изъ того, что Іоаннъ Крестителъ „на свой соборъ“ принялъ Христа, „самую мудрость“, по его мнѣнію, „учитися маютъ преложоные, же ѓды якіе отправуютъ рады о добру посполитомъ, неповинни уживати до радъ своихъ людей неученыхъ, рѣчій несвѣдомыхъ, але премудрыхъ и рѣчій свѣдомыхъ; бо порадцы не мудрые и рѣчій несвѣдомыи Речи Посполитой великихъ золъ бываютъ причиною“ (В., 527).

Впрочемъ, при столкновеніи интересовъ богатыхъ и бѣдныхъ, Радивиловскій всегда принимаетъ сторону послѣднихъ. Его наставленія о томъ, какъ обращаться съ слугами, дышатъ гуманностью и

человѣколюбіемъ. Чѣмъ спрашиваетъ, Радивиловскій, можетъ быть побуждаемъ „господар до ужаленяся и спострадаяся надъ хорымъ челядникомъ своимъ? напередъ тымъ, ѓды въ немъ будет усмотривати натуру свою человѣческую, ѓды будет уважати тое, же челядникъ хорый естъ также человѣкъ, яко же и онъ, же естъ христіанинъ, братъ его“ (В., 129 об.). Онъ говоритъ, что всякій хозяинъ, если ему далъ Богъ слугъ добрыхъ, вѣрныхъ и во всемъ послушныхъ, долженъ любить ихъ и ничѣмъ не озлоблять. Онъ обязанъ всегда отдавать имъ договоренную плату, и, когда его слуги возвратятся съ работы, долженъ накормить ихъ и дать имъ извѣстное время для отдыха. Если заболѣетъ кто нибудь изъ его слугъ, онъ обязанъ такъ же заботиться о немъ, какъ о своемъ сынѣ или своей дочери (В., 128). Радивиловскій возмущается тѣмъ, что хозяева, когда его слуги заболѣютъ, уже не имѣютъ о нихъ никакого попеченія и выгоняютъ ихъ изъ дому до „шпиталя“ или просто на улицу (ibid.).

Взглядъ Радивиловскаго на несчастія своей родины—религіозный: онъ не понималъ соціально-политическихъ причинъ ихъ. „Чи разъ же“, говоритъ Радивиловскій, „ему (Богу) докучала церковь, матка наша? чи разъ до него суппликовала, видячи что разъ болшую утрату сыновъ своихъ отъ преходячеи шабли поганскои, мовячи: Господи, воздвигни силу твою и прійди спасти насъ! а не могла его на тое наклонити. Чтожъ въ томъ за перепона была? мерзкіи грѣхи наши“ (Огор., 449). Подобный взглядъ, высказанный съ такою наивностью и съ такою вѣрою въ его правдивость, можно встрѣтить только лишь у древне-русскихъ книжниковъ временъ Монгольскаго нашествія! „Не дивуйся, слухачу православный“, говоритъ Радивиловскій въ другомъ мѣстѣ, „же насъ Богъ розными на семъ свѣтѣ карает пляѓами; же насъ подъ мечъ поганскій подаетъ, то огнемъ, повѣтремъ моровымъ, албо якими тяжкими хоробами зноситъ отъ земля, бо ся тежъ розныхъ допущаемъ грѣховъ. Колижъ албовѣмъ у насъ были такіи выдирства, забойства, кривоприсяжства, пянства, обжирства, чужоложства, зайзрости, ненависти, гнѣвы, яко теперъ“! (В., 52). Какъ далекъ этотъ діагнозъ болѣзней южно-русскаго общества отъ того, какой мы находимъ въ проповѣдяхъ Скарги и, особенно, Млодзяновскаго! [1])

[1]) Объ этомъ см. главу вторую.

Въ смыслѣ научномъ, Радивиловской главнымъ образомъ, конечно, заботится о той духовной наукѣ, представителемъ которой онъ былъ самъ. Онъ печалится, что умные люди его времени не занимаются „духовными науками“: „о якъ много есть межи христіаны такихъ, который... взялъ розумъ барзо высокій и довцѣпъ острый, але его не оборочает на службу и хвалу Божію, то ест на уживаніе рѣчій Божіихъ, на науки духовные, але на вымыслы, на выкруты, на ошукан'е людей простыхъ, на факціи албо бунты, на шукан'е хвалы и чести своеи власнои“ (В., 235 об.). [1]) Отношеніе же Радивиловскаго къ свѣтской наукѣ, даже средне-вѣковой, нѣсколько не уважительное: черпая изъ нея обѣими руками, онъ въ тоже время относится къ ней безъ того высокаго уваженія, какого слѣдовало бы ожидать отъ искренняго ученаго. Такъ, ссылаясь отчасти на авторитетъ Августина, Радивиловскій обличаетъ „астрологовъ“ и „математиковъ“ въ томъ, что они часто врутъ [2]), а между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ приводитъ ихъ же мнѣнія по разнымъ вопросамъ науки и жизни. Разсказывая миѳологію, Радивиловскій часто добавляетъ, что такъ „змышляют погане“ (Огор., 938), или „нехай згинутъ погане зъ своими забобонами, зъ своими вымыслами“ (Огор , 782—783); Юпитера Радивиловскій называетъ „идоломъ“ (В., 501).

Точно также, приводя данныя минералогіи, ботаники, Радивиловскій никогда не справляется о томъ, правда ли все то, о чемъ ему говорятъ книги. Онъ даже прямо заявляетъ, что это для него въ сущности и не интересно: „Сапфиръ, яко нѣкоторыи пишутъ, естъ маткою карбункула для того, же въ его жилахъ ся родитъ. Чи правда то, чи нѣтъ, жебы Сапфиръ мѣлъ быти маткою карбункула, то правда, же Павелъ святый естъ маткою.... вѣрныхъ“ и т. д. (Огор., 189). „Пишетъ единъ зъ историковъ, же въ нѣкоторой краинѣ.... естъ древо такое, которое в мѣсто овощей перла и камѣн'е дорогое родитъ. Чи правда то, чи нѣтъ...“ (В., 451).

Что касается политическаго идеала Радивиловскаго, то, очевидно,

---

[1]) К. Транквилліонъ полагалъ, что „духовными науками“ могутъ заниматься только лишь духовные: „хорому, то есть посполитымъ людемъ, не дай Богъ шафоват писмомъ, тылко духовнымъ людемъ“ (Учительное Евангеліе, I, 333).

[2]) В., 145 об.

по этому вопросу онъ примкнулъ къ тѣмъ воззрѣніямъ, какія были выработаны въ кружкѣ южно-русскихъ писателей XVII в. [1]) Себя и свою родину онъ считаетъ счастливыми подъ властью Московскаго царя. „Щаслившыи мы естесмо надъ людъ жидовскій, коли зъ особливои ласки Божеи еще не сходитъ намъ ани на князяхъ, ани на пророкахъ, ани на вождахъ. Маемъ албовѣмъ Божею милостію Великаго Государя нашего, благовѣрнаго и благочестивого царя и великого князя, православного нашого Россійскаго монарху. Маемъ не мало при немъ и иныхъ князей благочестивыхъ и отважныхъ вождовъ, которыи за святую православную церковъ и за его пресвѣтлого царского Величества достоинство и здравіе на плацу военномъ мужественно отважуютъ свое здоровѣе и на розмаитыи себе выдаютъ небезпеченства“ (Огор., 905). Что касается Барановича, то воеводами Московскими онъ не особенно былъ доволенъ, такъ какъ часто писалъ въ Москву, чтобы ихъ вывели изъ Украины.

Въ польско-русскихъ отношеніяхъ Радивиловскій опять таки держался тѣхъ же возрѣній, что и Гизель, Барановичъ и Голятовскій. [2]) Оканчивая четвертое слово на Рождество Христово, Радивиловскій проситъ, чтобы наступилъ „межи царями и монархами христіанскими день пожаданного покою“ (Огор., 784). Въ словѣ третьемъ на день св. Николая Радивиловскій говоритъ: „коли болшій на христіаны гнѣвъ свой Божій Господь излити моглъ, яко теперъ, коли имъ самыхъ себе забивати допустилъ! Укроти его чрезъ молитвы свои святыи“, проситъ онъ Николая, „абы зъедночивши до купы христіанъ, той гнѣвъ свой южъ вылилъ на непріятелей креста святого“ (Огор., 717). Если ты когда то прекращалъ войну, находясь на землѣ, то теперь, „будучи южъ въ небѣ“, развѣ ты не можешь „доказати того, абы христіаны, откинувши отъ себе оружія, могли зъ собою мѣти згоду и миръ“ (ibid).

Что касается воззрѣній Радивиловскаго на проповѣдь, то его сочиненія не даютъ намъ много для ихъ опредѣленія. Изъ сочиненій Радивиловскаго мы узнаемъ, что, требуя отъ проповѣди простоты, онъ въ то же время считалъ необходимымъ заботиться и о красотѣ формы: „нехай албовѣмъ не вѣдаю, якъ мудрая будетъ наука,

---

[1]) Объ этомъ см. Сумцова, Характеристика южно-рус. литературы, стр. 14; ср. нашу замѣтку о сочиненіи Л. Барановича, „Księga smiercі“, Кіевская Старина 1891 г., I.

[2]) См Сумцовъ, Л. Барановичъ, стр. 125.

ѓды мова неудатная, учитель мало албо и нѣчого отъ слышателей не относитъ похвалы", говоритъ онъ (Огор., 598).

Мораль Радивиловскаго, въ противоположность Барановичу, [1]) не строга: „А чого жъ по насъ, братіе, тые послове (Апостолы) потребуютъ"? спрашиваетъ Радивиловскій. „Чи абысмо всю маетность нашу убогимъ роздали? нѣ; чили абысмо чтоденными постами, волосяницею, многими подвигами тѣло свое трудили? нѣ; чили абысмося на розсѣканіе для неба огдали? а нѣ того. А чтожъ такового? Примѣрѣтеся Богови, абысмося до покою зъ Богомъ брали" (II р. Огор., 180). Въ другомъ мѣстѣ своихъ проповѣдей онъ заявляетъ, что подобные подвиги „тылко до стану людей совершенныхъ належатъ" (В., 374 об.). Согласно этому, Радивиловскій признаетъ благотворное вліяніе музыки: она, по его словамъ, „отганяетъ зъ главы мелянхоликовъ фрасунки и клопоты" (Огор., 940), хотя въ другихъ мѣстахъ своихъ проповѣдей онъ и возстаетъ противъ „спѣваня пѣсній свѣтовыхъ и слуханя музыки" (Огор., 96).

Картинъ природы, которыя бы показывали, что въ Радивиловскомъ было развито чувство любви къ ней, въ его проповѣдяхъ мы не находимъ. Свои сравненія Радивиловскій беретъ довольно часто и изъ міра физическаго, но они всегда у него отрывочны и крайне не характерны.

Писемъ Радивиловскаго не сохранилось, и потому частная задушевная жизнь его намъ не извѣстна. Но изъ отвѣта Барановича на письмо Радивиловскаго, въ которомъ послѣдній требовалъ, чтобы Барановичъ доплатилъ въ Печерскую типографію за своего „Аполлона", видно, что и въ частной жизни Радивиловскій любилъ блестѣть тѣмъ схоластическимъ остроуміемъ, какое проявлялъ въ своихъ проповѣдяхъ. Въ отвѣтѣ Барановича сохранилась почти дословная выписка изъ письма Радивиловскаго: „Пречестность твоя требуетъ, чтобы къ числу 10 прибавить 5, [2]) потому что такимъ образомъ будетъ исполненіе десяти заповѣдей и воспоминаніе пяти ранъ". [3])

Память о Радивиловскомъ сохранилась и у потомковъ. „Изобра-

---

[1]) О строгости морали Барановича см Черниговскія епархіальныя вѣдомости 1876 года, стр. 390.

[2]) Т. е. къ десяти злотымъ прибавить еще пять.

[3]) Письма Лазаря Барановича, № 84, стр. 118.

женіе православія святыя соборныя апостольскія восточныя церкви“ или чинъ православія, отправлявшійся въ Кіево-Софіевскомъ соборѣ, показываетъ, кого особенно отличала за труды южно-русская церковь. Въ числѣ поминавшихся есть и Антоній Радивиловскій. [1])

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПОЛЬСКАЯ ПРОПОВѢДЬ XVII в.

Характеристика польской схоластической проповѣди. Скарга. Млодзяновскій. Блестящее развитіе польской проповѣди въ концѣ XVII в. и ея значеніе для своего времени.

„Южно-русская проповѣдь развивалась подъ прямымъ вліяніемъ западно-европейской и польской латинской проповѣди“, [2]) мнѣніе это сдѣлалось уже общимъ мѣстомъ какъ въ научныхъ трудахъ, такъ и въ общихъ курсахъ литературы,—поэтому, прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ проповѣдей Радивиловскаго, мы остановимся на характеристикѣ польской схоластической проповѣди. Мы постараемся представить краткую характеристику польской схоластической проповѣди, насколько она касается происхожденія южно-русской проповѣди XVII в.

Исторію польской проповѣди можно раздѣлить на два періода. Первый періодъ, обнимающій собою XVI ст., можно охарактеризировать слѣдующими тремя чертами: во первыхъ, проповѣди этого періода отличаются простотой и безыскусственностью въ изложеніи предметовъ вѣры,—это періодъ господства, такъ называемой, „гомиліи“; во вторыхъ, онѣ отличаются серьезностью и строгою важностью: въ нихъ нѣтъ ни шутокъ, ни свѣтскихъ анекдотовъ, ни свободнаго обращенія съ священными лицами; въ третьихъ, въ польской проповѣди этого періода мы видимъ прямое и правильное отношеніе къ священному Писанію. [3])

---

[1]) Письма Л. Барановича, стр. 215, примѣчаніе 144.

[2]) Сумцовъ, Голятовскій, стр. 21.

[3]) Труды Кіевской Дух. Акад., 70, IV, стр. 123—124.

Но съ тѣхъ поръ, какъ появились въ Польшѣ іезуиты съ ихъ учебно-воспитательными учрежденіями, характеръ польской проповѣди, какъ и вообще всей польской культуры, измѣняется. Однако измѣненіе характера польской проповѣди произошло не вдругъ, и великій польскій проповѣдникъ Скарга стоитъ какъ бы на перепутьи двухъ періодовъ польской проповѣди. За Скаргою послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ проповѣдниковъ, и къ концу XVII в. польская проповѣдь достигаетъ своего апогея: выступаетъ Млодзяновскій, создатель чисто польской проповѣди.

Польская схоластическая проповѣдь XVII в. была дѣтищемъ школы и создавалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ тѣхъ правилъ, какія преподавались въ ней относительно построенія словесныхъ произведеній. Поэтому, и въ польской проповѣди XVII в. мы замѣчаемъ стройность и логичность. Особенно этою стройностью отличаются проповѣди Скарги: въ нихъ мысль течетъ ровно, не отклоняясь въ сторону. Это—достоинство польской схоластической проповѣди, дающее ей превосходство передъ безыскусственнымъ лепетомъ проповѣди XVI в. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ польской проповѣди XVII в. мы видимъ и такія черты, которыя могли возникнуть только лишь подъ вліяніемъ испорченнаго вкуса времени. Но объ этихъ качествахъ польской проповѣди мы скажемъ нѣсколько ниже, теперь же остановимся еще немного на внѣшнемъ построеніи польскихъ проповѣдей.

Каждое почти „казанье“ какъ у Скарги, такъ и у Млодзяновскаго состоитъ изъ двухъ частей, но характеръ этихъ частей у нихъ не одинаковъ. У Скарги первая часть его казанья, по большей части, бываетъ догматическо-полемическая, другая же практическо-моральная. [1]) У Млодзяновскаго вторая часть носитъ всегда почти характеръ „гомилія“, простой бесѣды. Она предназначается у него, обыкновенно, для простыхъ людей, о чемъ онъ и самъ не разъ говоритъ въ своихъ „казаньяхъ“: „Boię się was, prostacy! a czemuż by? boię się, abyście się na mię nie skárżyli; a o coż? będziecie mowili: tak my też chodziemy do Kościoła, iako i Ich Mość, ludźieśmy, iako i panowie, a Ksiądz Kaznodźieia pierwszą część Kazania zawsze uczyni,

[1]) См. Mecherzyński, Historia wymowy w Polsce, т. II, стр. 198.

niby dla państwa, a dla nas tylko wtora czastka: Bog zaplać! Dobrze mowice; więc że się poprawię i uczynię pierwszą część Kazánia dla ludźi prostych...“ (Kazania, I, 95). Предназначая вторую часть своего казанья для другой цѣли, т. е. спеціально для простыхъ людей, Млодзяновскій не сливалъ ее, обыкновенно, органически съ первой, и она у него всегда выходила проще, серьезнѣе и приличнѣе, чѣмъ первая часть; мысли въ ней высказывались прямо и искренно, тонъ ея былъ элегическій, грустный, такъ какъ Млодзяновскій здѣсь, не стѣсняясь простыхъ людей, раскрывалъ свою душу. [1])

Переходя къ содержанію польской проповѣди, прежде всего должно отмѣтить въ ней стремленіе къ такъ называемымъ „концептамъ“ (выдумкамъ) и „перелкамъ“ (жемчужинкамъ). Они выражались чаще всего въ формѣ любопытныхъ схоластическихъ вопросовъ, отвѣты на которые были очень пустые. Уже въ казаньяхъ Скарги мы находимъ такіе концепты. Такъ, напр., проповѣдника интересуетъ, зачѣмъ Христосъ, прежде чѣмъ исцѣлить больного, посмотрѣлъ на небо. „J temu się ieszcze dziwuymy, czemu Pan Iezus w niebo wieyrzał“ (Kazania, IV, 17). „Nakoniec, dziwujemy się, czemu westchął P. Iezus“ (ibid., 18); почему Христосъ накормилъ въ пустынѣ людей только хлѣбомъ? „Trudno li mu było o mięso, ptaki, kapłuny, iako to na oney puszczy uczynił przez cały miesiąc na ludźi po sześć kroć sto tysięcy i daley“? (III, 262). Но особенно такими концептами отличается Млодзяновскій. Такъ, напр., его проповѣдь на недѣлю пятнадцатую по святкахъ построена на вопросѣ, почему Христосъ, воскресивъ юношу, отдалъ его матери, а не кому нибудь другому изъ родныхъ (II, 53). Въ проповѣди на недѣлю первую по „trzech królach“ Млодзяновскій много разсуждаетъ о томъ, почему Давидъ, послѣ своей побѣды надъ Голіафомъ, посвятилъ въ храмѣ Соломона мечъ, а не камень, когда послѣднему, собственно говоря, онъ обязанъ своей побѣдой,—и находитъ, что камень, когда его Давидъ выпустилъ изъ пращи, всѣми „chćiał bydź widźiany“ и летѣлъ съ свистомъ и шумомъ, сабля же „pochwami się zakrywała, głowę ućięła i znowu się w pochwy wrociła“, и такъ какъ она такимъ образомъ показала смиреніе, то и заслужила быть посвященной (III, 5).

Этими концептами проповѣдники желали заинтересовать своихъ слушателей, которые скучали на проповѣди. Уже во времена Скарги

[1]) Труды Кіевской Дух. Акад., 71 г., IV, стр. 128—131.

раздавались жалобы на тоску и скуку, какія наводили на слушателей схоластическія проповѣди. Но Скарга, правда только лишь на словахъ, давалъ отпоръ такимъ несообразнымъ жалобамъ. „Jedneż potrawę codzién jesz, a nie uprzykrzyć się, a na kazaniu, gdy co powtorzą, przykroć się barzo zda“ (III, 219), говорилъ Скарга, но на самомъ дѣлѣ и онъ подпадалъ силѣ теченія, вліянію моды. Что же касается Млодзяновскаго, то онъ считалъ уже своею обязанностью говорить что нибудь новое и забавлять своихъ слушателей хитрыми концептами. „Zwyczaiem wniesiony obowiazek“, говоритъ онъ, „że gość powinien nowiny powiadać! Po przywitaniu i oswiadczeniach afectu, pierwsze pytanie, co słychać? co za nowiny? Poczuwam się i ia w tym, że gościem iestem na tey katedrze, więc, nowiny powiadać będę“ (I, 1). Въ своихъ „казаньяхъ“ Млодзяновскій говоритъ о томъ, какъ публика, пресытившись казаньями, ходила по церквамъ и сравнивала одного проповѣдника съ другимъ (1, 246), или же задавала вопросы, что то новаго скажетъ проповѣдникъ на предстоящей проповѣди (IV, 549).

Въ тѣсной связи съ „концептами„ находились тотъ юморъ и тѣ шутки, какіе дозволяли себѣ польскіе проповѣдники не только въ отношеніи къ святымъ, но даже и къ самому Богу. У Скарги мы еще наблюдаемъ серьезное настроеніе: онъ не дозволяетъ себѣ относиться съ неуваженіемъ къ Богу, хотя и у него мы нашли, напр., слѣдующую вольность. Когда Христосъ сказалъ ученикамъ, чтобы они накормили народъ въ пустынѣ, Филиппъ „do pieniędzy rzucił, wszechmocney ręki Mistrza swego i cudow, które on Boską swoią mocą czynił, zapomniawszy. Nie takieś miał odpowiedzieć, s. Philippie: Pieniędzy tu wiele potrzeba, a my ich nie mamy, i byśmy mieli, tedy nie naydzie, gdzie kupić na tey puszczy. Nie takieś mówić miał, ale tak raczey: u ciebie, Panie, nic nie iest niepodobno: rzekni, a stanie się mocna, bogata ręka twoia, a miary nie ma mądrość i przemożność twoia“ (II, 73). Что же касается Млодзяновскаго, то его шутки и вольности переступаютъ всякія границы. По вознесеніи Христовомъ явилось два ангела потому, что „ci Aniołowie mieli tam mieć rozgwor nie tylko z uczniami, ale i z uczenicami, z któremi, by i Aniołowi, przystoi gadać w parze, przy widzu, przy towarzyszu“ (IV, 27).— Выговоры Апостоломъ за то, что они чего нибудь не досказали, или что нибудь разсказываютъ не такъ, какъ бы слѣдовало, по мнѣнію

Млодзяновскаго, обычны въ его казаньяхъ: „Dziś wspomina Ewangelyia wieczerzą wielką, fecit caenam magnam; a iakoż tego, Jego Mości, zowią, co częstuie? Quidam! czy to tam nie częstowali też tego s. Lukasza, co to dźiśieyszą Ewangelyią pisał, a on ich też przestampił i iakoby o nich nie uredział, imięnia ich zamilczał“ (I, 213). Не избѣжалъ его выговоровъ и Христосъ Спаситель. На слова Спасителя Матери своей: „что мнѣ и тебѣ, жено“, Млодзяновскій дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Ey, zdobądź się przedcię, Panie nász, na łagodnieysze słowko! umialeśći ty, Panie, w Nazaret inaczey do Pani Matki mawiać, czemu żeś to tak prędko tryb odmienił“? (III, 55). Когда Христосъ говорилъ своимъ ученикамъ о будущихъ своихъ страданіяхъ, то они ничего не поняли. „Sameś sobie, Panie, winien, że cię uczniowie twoi nie zrozumieli: bo wziałeś sobie był w zwyczay przypowiastki powiadać, podobieństw zażywáć, co inszego mowileś, co inszego w figurze znaczeleś, przeto, chocieś iasnie mowił: Occident, zabiią mię, uczniowie sobie myslili: parabolka to, trzeba to inaczey rozumieć“ (III, 168).

Какое значеніе имѣетъ эта „вольность“ въ обращеніи съ Святыми, гдѣ ея источникъ? „Чрезвычайная фамильярность съ Богомъ и святыми“, говоритъ Головинскій (Homiletyka, стр. 479), „доходитъ иногда у Млодзяновскаго до ужаснаго неприличія. Не осуждаю вообще фамильярности: она прекрасный плодъ Св. церкви, она самое высшее состояніе внутренней жизни, основывающееся на присутствіи въ сердцахъ нашихъ Бога, такъ что уже не мы живемъ, но Христосъ въ насъ живетъ. Это—фамильярность добрыхъ дѣтей со благимъ Отцемъ, выходящая изъ любви, для которой обыкновенныя формы почтенія кажутся стѣснительными, и которая смѣло бросается въ объятія отца, хотя и знаетъ, что недостойна цѣловать и стопы ногъ Его; словомъ, это какое то самозабвеніе въ Богѣ, это, такъ сказать, святое своеволіе, святая шаловливость, когда съ Богомъ говорятъ такъ же задушевно, какъ съ лучшимъ пріятелемъ и отцомъ. Но какъ всѣмъ, такъ и этимъ обычаемъ злоупотребляли“. „Какое ложное толкованіе“, замѣчаетъ авторъ прекрасной статьи о Млодзяновскомъ, выписавъ эти слова Головинскаго, и объясняетъ „вольность“ польскихъ проповѣдниковъ „безстрашіемъ въ кощунствѣ“: „безстрашіе въ кощунствѣ—вотъ то состояніе духа, при которомъ только и возможна фамильярность Млодзяновскаго. Духъ, породившій его, есть плодъ

римской церкви". [1]) Въ дѣйствительности, источникъ подобной вольности коренился въ той же средне-вѣковой литературѣ, изъ которой схоластическіе проповѣдники почерпали и „приклады" для подтвержденія своей мысли. Извѣстно, что весь запасъ средне-вѣковой мудрости, средневѣкового знанія, служилъ проповѣднику матеріаломъ и средствомъ для проведенія и доказательства его мысли. Животная басня, восточная повѣсть, преданія классической науки, ея естественныя научныя свѣдѣнія, находятъ мѣсто въ схоластическихъ сочиненіяхъ рядомъ съ высокими примѣрами христіанской жизни изъ св. Писанія, отцевъ церкви, аскетическихъ преданій. [2]) Не прошла мимо средне-вѣковыхъ проповѣдниковъ и та сатирическая струя, которая рано начала появляться въ средне-вѣковой литературѣ и затѣмъ вскорѣ очень сильно обнаружилась въ сборникахъ, такъ называемыхъ „Фацеціяхъ" (Facesiae). [3]) Въ старинной польской литературѣ западныя „Фацеціи" приняты были съ большой охотой и даже затронули народную юмористическую струю: въ Польшѣ возникали свои анекдоты, и составлялись свои сборники („Facecye polskie, Żartowne powiesci"). [4]) То безцеремонное отношеніе къ святымъ, какое мы наблюдаемъ въ разсказахъ „Фацецій" и которое проникло особенно сильно въ малорусскій простой народъ, [5]) конечно, оказало свое вліяніе и на проповѣдниковъ и сообщило имъ, совершенно въ духѣ времени, смѣлость и охоту къ подобнымъ „вольностямъ". Соотвѣтствуя духу времени, духу фривольной сатиры, подобныя „вольности" нравились слушателямъ и поддерживали у нихъ охоту къ слушанію „казань".

Духъ сатиры сказался въ польской проповѣди и съ другой стороны: въ бичеваніи современныхъ проповѣднику порядковъ и нравовъ. Эта сторона польской проповѣди была бы, конечно, очень плодотворна для польскаго общества, если бы она могла развиться въ ней вполнѣ свободно. Но дѣло въ томъ, что польская шляхта, добившись въ XVII в. золотой вольности, берегла ее только лишь для себя, ревниво охраняя свои привиллегіи и подавляя всякій протестъ противъ существовавшаго порядка вещей. По этому дѣйствительной,

---

[1]) Мацѣевичъ, Труды Кіевской Духовной Академіи, 71, IV, 182.

[2]) Владимировъ, Великое зерцало, стр. 9.

[3]) Пыпинъ, Очеркъ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 263.

[4]) ibid, 265.

[5]) См. Драгомановъ, Малор. нар. преданія и разсказы, 110—129.

рѣзкой сатирѣ трудно было пробиться въ польской проповѣди, и она должна была вращаться въ сферѣ болѣе отвлеченной, въ сферѣ пороковъ, общихъ всѣмъ вѣкамъ и народамъ. Какъ трудно было пробиваться живому слову въ тогдашней польской проповѣди, или съ какими непріятностями оно было сопряжено, на это мы находимъ указанія у самого Млодзяновскаго. „Niemasz panow na świecie“, говоритъ Млодзяновскій въ одной изъ своихъ проповѣдей. „Nie ieden temu przeczyć będźie, ale i grozić mi“, добавляетъ затѣмъ проповѣдникъ. „Jak się ten a ten Jego Mość o tym dowie, urazi się, będźie o to kłopot“ (II, 32); или „mowić prawdę paniom i panu wielkiemu, a ieszcze na kaznodzieie łaskawemu... zaiste rzecz to wielka“! (III, 49). „Panowie też i mierne upomnienie za obelgę mają“ (II, 327). Но все же и при такихъ условіяхъ мы находимъ вѣрную картину нравовъ тогдашняго польскаго общества у тѣхъ проповѣдниковъ, которые больше всего дорожили своею честью и совѣстью, которые сознавали свое высокое призваніе служить дѣлу родины. Таковы были Скарга и Млодзяновскій. Мелкіе „казнодѣишки“ ползали передъ панами, строили имъ панегирики,—Скарга и Млодзяновскій считали своимъ нравственнымъ долгомъ говорить правду, не боясь панскаго гнѣва. Въ своихъ проповѣдяхъ Скарга обличаетъ роскошь: „na co tak wiele pachołków, koni, tak wiele utrat i częstowania“? (II, 303), спрашиваетъ онъ пановъ. Онъ рѣзко порицаетъ тѣ злоупотребленія, которыя господствовали въ его время въ Рѣчи Посполитой: „o jakoby to wielke złodzieystwo u nas wykorzenić, które się bez wstydu, bez bojazni Bożey rozmnożyło i gubi Rzecz-Pospolitą: ubogie łupią, żydy na nię dają, poborow żydom arendują, jeden ich od drugiego naymuje, a wszyscy swego patrzą, kupując te urzędy, którychby się wstydzić mieli, i które podłym ludziom perwey zlecano“ (I, 74).

Если мы обратимся къ Млодзяновскому, то увидимъ, что Польша XVII в. въ его казаньяхъ встаетъ передъ нами со всѣми своими недостатками. Онъ лучшій, можно сказать безъ преувеличенія, бытовой историкъ своего времени. Онъ обличаетъ не только пороки религіозно-нравственные, но и соціально-политическіе, и не было того уголка въ жизни польскаго общества XVII в., куда бы онъ не направилъ бича своей сатиры. Указывая на равнодушіе къ исполненію церковныхъ обрядовъ, на отсутствіе дѣлъ любви и заботы о спасеніи души, на погруженіе въ мірскія дѣла, на неуваженіе къ воскреснымъ и празд-

ничнымъ днямъ, на непосѣщеніе костёловъ, на безпорядочное поведеніе въ церкви (см., напр., II, 206), на несоблюденіе постовъ, на нравственную распущенность, роскошь, банкеты, пьянство (I, 207, 213; III, 45, 49), на множество нищихъ, требующихъ помощи отъ общества (II, 225), на то, что паны держатъ очень много слугъ, много издерживаютъ на шелковыя матеріи и мѣха, на лошадей, на охоту (II, 348), рисуя мастерски типъ развратной женщины, [1]) обращая вниманіе своихъ соотечественниковъ на неправильную постановку школьнаго вопроса (II, 404, I, 104), Млодзяновскій смѣлою рукою касается и соціально-политическихъ недуговъ своей родины. Онъ призываетъ короля и поляковъ, т. е. собственно „родину", къ согласію: „krolu Panie, milsza od krola, oyczyzno moia, zgoda, zgoda"! (II, 24). Онъ говоритъ, что въ Польшѣ господствуетъ „takie ućiemiężenie ludźi ubogich, że smierći się to rowna. Jako wiele ludźi iest, co mowią: lepiey by iuż pod turczynem żyć, niżeli pod taką niewolą" (I, 124). Бѣдные находили въ Млодзяновскомъ самаго горячаго апологета. Онъ съ замѣчательнымъ сочувствіемъ относился къ ихъ страданіямъ, къ тѣмъ насиліямъ, какія они переносили отъ своихъ пановъ, притѣснителей. При видѣ горя, нужды и страданій простого народа, Млодзяновскаго покидало ложное чувство узкаго польскаго патріотизма, и онъ возвышался до общечеловѣческаго чувства любви и братства. „*Płakało kozactwo*, ięczał lud rycerzki, po niewolniczu traktowany; wybili się, iakoby pozbyli frasunku tego" (II, 512). „Rozumem tak, że gdyby Pan Bog nasz wszystkie łzy ludźi ubogich, po Polszcze dla uciemiężenia i niesprawedliwości wylane, w kupę zebrał, mogł by człowiek w nich utonać. *Miła Ukraino*, czymżeś utonięła? łzami ubogich. Miły Kamiencu, czymżeś przepadł? na łzach ubogich ludźi wpłynął do ciebie zawoy turecki" (II, 325). Правда, Млодзяновскій не отдѣляетъ Украины отъ своей отчизны-Польши; онъ убѣждаетъ поляковъ: „Rogate ergo Dominum messis, Pánie, powroć nam te kraie, osadź" (IV, 161), но такого гуманнаго чувства къ бѣднымъ, такого высокаго лирическаго плача надъ долею убогихъ, такого яснаго сознанія, что, именно, шляхетскій строй погубилъ Рѣчь Посполитую, трудно встрѣтить еще и въ настоящее время у польскихъ историковъ. „Oyczyzno miła, czemużeś się z krolestwa

[1]) См. Труды Кіев. Дух. Акад., 70, X, 45.

obrociła w księztwo, co mowię w księztwo, w dźiedzinę pustą, na poły źdiką? potop cię łez ubogich zalał" (II, 325). И Млодзяновскій предостерегаетъ поляковъ отъ дальнѣйшаго примѣненія той политики, какую они вели относительно бѣдныхъ, угрожая имъ въ противномъ случаѣ паденіемъ Польши. „Jeżeli to się uciemiężenie ludźi ubogich nie uśmierzy, stan ten Rzeczyposlity ztracicie, ztracicie, panowe polacy" (I, 124). Вездѣ внимательнымъ окомъ слѣдилъ онъ за политическими событіями, совершавшимися въ его родинѣ, и вездѣ онъ старался помочь ей своимъ горячимъ словомъ. Осаждается Каменецъ, онъ произноситъ къ нему патетическое воззваніе (II, 70). Когда же Каменецъ былъ взятъ, Млодзяновскимъ овладѣла такая скорбь, что, о чемъ бы онъ ни заговорилъ, Каменецъ все приходилъ ему на память и, какъ кошмаръ, не давалъ ему покоя. [1]) Онъ до того любилъ свою родину, свою дорогую отчизну, что всякій грѣхъ, по его мнѣнію, простится, но грѣхъ противъ родины нѣтъ (III, 43).

Итакъ, у Млодзяновскаго, несмотря на всѣ препятствія, рѣзкая сатира ярко сверкаетъ почти во всѣхъ его казаньяхъ. Но не всѣ казнодѣи были такъ смѣлы, какъ Млодзяновскій, и не всѣ рѣшались говорить правду въ глаза панамъ. Вмѣсто критическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности въ польской проповѣди этого времени мы видимъ преобладаніе панегиризма, который господствовалъ тогда и во всей польской литературѣ. Польская знать XVII в. особенно дорожила родовитостью и осыпала милостями тѣхъ писателей, которые восхваляли древность ея рода, прославляли ея гербы. Перенося эти пріемы и въ проповѣдь, польскіе проповѣдники XVII в. прославляли Святыхъ, какъ какихъ нибудь пановъ-шляхтичей, и толковали о ихъ гербахъ. Но особенно сильно панегиризмъ разливался въ погребальныхъ словахъ (см., напр., Млодзяновскій, IV, стр. 598).

Отсутствіе критики и восхваленіе всего родного, какое бы оно ни было, вмѣстѣ съ высокимъ ростомъ горделиваго польскаго самосознанія, усыпляемаго „упоительнымъ куревомъ" панегириковъ,—создало въ польской проповѣди XVII в. еще одну черту, которую польскіе историки литературы удачно назвали „народностью" (narodowość). „Mowcom naszym kościelnym zdaje się", говоритъ Бартошевичъ, „że wszędzie

[1]) Ср. Труды Кіевской Духовной Академіи, 71, IV, 151.

napotykają Polskę, po całym świecie spoglądają i widzą instytucje, zwyczaje polskie i nic więcej, jak polskie. Zarówno w starym, jak i w nowym świecie, w Biblji i w chrześcijaństwie, w Turcji i w Ierozolimie, wszędzie jest Rzecz Pospolita, są starostowie, biskupi, sejmy, wszystko tam w żupan przybrane. Chrystus Pan to król szlacheckiego narodu, a jego Apostołowie to senat; lud izraelski to szlachta, królowie Palestyny wojują z tatarami, bo tak się nazywaią madjanici u naszych mówców kościelnych". [1])

Кромѣ вліянія сильно развитого національнаго чувства, которое, въ угоду народному самолюбію, заставляло польскихъ проповѣдниковъ передѣлывать Св. исторію на польскіе нравы, тутъ играло еще значительную роль и отсутствіе свободы слова. „Прикрываясь библейскими лицами, но вмѣстѣ съ тѣмъ трактуя ихъ, какъ настоящихъ поляковъ, навязывая имъ и мысли, и обычаи, и даже страсти польскаго шляхетства, проповѣдникъ могъ очень удобно, съ примѣсью иногда даже нѣкоторой рѣзкости, высказывать свои взгляды на тѣ или другіе стороны быта современнаго ему польскаго общества и подать ему такіе или другія практическіе совѣты". [2])

Эту „narodowość" мы встрѣчаемъ уже въ изобиліи у Скарги. Петра и Павла онъ называетъ гетманами: „Dwa hetmani, którzy mocą niewiedomą... królestwa i mocy ziemskie Chrystusowi podbili" (VI, стр. 1, см. также 15 стр.). Христосъ у него—гетманъ (II, 58), „dziedzic wszystkiego nieba" (VI, 80), Давидъ „seym pierwszy uczynił" (IV, 237) и т. д. Что касается Млодзяновскаго, то въ его казаньяхъ предъ нами встаетъ Польша со всѣми своими политическими отношеніями подъ покровомъ библейской исторіи. Въ Речи Посполитой израильской происходитъ трансакція (полюбовная сдѣлка) четвертаго короля израильскаго Ровоама, котораго дождались израильтяне послѣ третьяго „interregnum", съ посполитымъ рушеньемъ израильскимъ. Въ Палестинѣ собирается вольный сеймъ, на которомъ присутствуютъ сенатъ израильскій, граждане и сыны короны Палестинской. Всякое возстаніе или бунтъ, описываемый въ Библіи, напр., бунтъ Корея противъ Моисея и Аарона, называется непремѣнно рокошемъ; собраніе Апостоловъ называется сенатомъ; на небѣ Богъ созываетъ или

[1]) Бартошевичъ, Historia literatury polskiey, стр. 370.

[2]) Труды Кіев. Дух. Акад., 70, XII, 515.

сеймъ, или коло, ведетъ политику, у него есть придворные, покоевые, и т. д., и т. д.

Правда, модернизація Священныхъ лицъ и событій встрѣчается и у западно европейскихъ схоластическихъ проповѣдниковъ, но нигдѣ она не достигла такой силы и такого широкаго захвата, какъ у проповѣдниковъ польскихъ.

Стремленіе къ „narodowości“ проявилось у польскихъ проповѣдниковъ и въ употребленіи ими народныхъ оборотовъ рѣчи и народныхъ пословицъ. Пословицы и народныя выраженія мы встрѣчаемъ въ изобиліи и у Скарги, и у Млодзяновскаго. „Kto czosnek jadł, czosnkiem pucha“ (Скарга, Kazania, IV, 151). „Wyżej nosi gębę, niż nos“ (Млодзяновскій, I, 104). „Przypowieść polska niesie: plunął i poszedł precz“ (III, 204). Но самый способъ употребленія этихъ пословицъ и поговорокъ ясно показываетъ, что „narodowość“ здѣсь играла второстепенную роль, на первомъ же планѣ стояло остроуміе, казнодѣйская соль. Мы вполнѣ согласны съ г. Мацѣевичемъ, что тѣ пословицы, поговорки, народные обороты рѣчи, которые допускали польскіе проповѣдники въ свои казанья, употреблялись ими, какъ лучшее средство проявить и усилить тотъ элементъ шутки, которымъ они считали нужнымъ прикрывать свою казнодѣйскую мораль“. [1]) Легкую шутливую сатиру, остроумную иронію и т. п. всегда удобнѣе выразить пріемами живой народной рѣчи. Точно также и мы въ настоящее время употребляемъ пословицы и народныя удачныя выраженія для проявленія своего остроумія, вовсе не имѣя въ виду какихъ нибудь народническихъ тенденцій. Такимъ образомъ, два теченія— народное и схоластическое, книжное, встрѣтились, и первое только лишь послужило удобнымъ матеріаломъ для цѣлей послѣдняго.

На ряду съ этими отпрысками народной рѣчи въ польской проповѣди XVII в. въ полной силѣ царствуютъ макаронизмы. Макаронизмы появляются уже изрѣдка и у Скарги, но онъ всегда переводитъ ихъ на польскій языкъ (см., напр., IV, 90). У Млодзяновскаго они очень часты. Это, въ большинствѣ случаевъ, тексты св. Писанія и изреченія отцевъ, учителей и писателей церковныхъ. Правда, эти тексты и изреченія непосредственно послѣ своего приведенія боль-

[1]) Труды Кіев. Дух. Акад., 70, XII, 545.

шею частью переводятся Млодзяновскимъ на польскій языкъ и въ такомъ случаѣ какъ бы теряютъ уже характеръ макаронизмовъ, но, съ одной стороны, это дѣлается съ ними только лишь непосредственно послѣ ихъ приведенія, въ дальнѣйшемъ же теченіи рѣчи, когда переводъ, сдѣланный въ началѣ, легко могъ забыться людьми, непосвященными въ таинства латыни, Млодзяновскій приводитъ эти тексты и изреченія, или отдѣльныя фразы и выраженія изъ нихъ, уже безъ всякаго перевода; съ другой же стороны, Млодзяновскій не рѣдко тексты оставляетъ и безъ перевода. [1])

Наконецъ, подобно западно-европейскимъ схоластическимъ проповѣдникамъ, напр., Meffret'y, [2]) и у Млодзяновскаго мы находимъ много „прикладовъ" изъ разнаго рода средневѣковыхъ сборниковъ, напр., объ Удонѣ изъ Длугоша (I, 99); о пташникѣ и соловьѣ изъ повѣсти о Варлаамѣ и Іосафатѣ (II, 380); о монастырѣ, который былъ богатъ, когда братія его давала милостыню бѣднымъ, но обнищалъ, когда она перестала это дѣлать,—изъ „Speculum" Vincenti'я Belowacensk'aго, lib. 7, c. 102 (I, 272), и др.

Мы не будемъ выписывать всѣхъ этихъ прикладовъ Млодзяновскаго, такъ какъ они не представляютъ особаго интереса, а приведемъ здѣсь только лишь одинъ очень интересный бродячій анекдотъ.

„Umierał ieden Rusin, człowiek wieyski, nie bogaty, nie ubogi, i mowi żenie: proszę cię, przedayże tego wołu, co weźmiesz za niego, day swieszczenikowi na cerkiew. Umarł, pogrzebła go, przyszedł dzień targu, kazała przyprowadźić wołu naznaczonego i przy sobie go trzymać, a sama wzięła tłustego kapłona i śiędziała z nim na targu. Jaki taki przyszedł, pyta się, co za tego wołu? Odpowiada ona ruska, że go nie przedadza, chyba, że kto kupi i tego kapłona. Jaki taki poszedł. Aż się odważył ieden kupić oboie i pyta: co za tego kapłona, co za tego wołu? Za wołu, prawi, ostatnim słowem, ani targuy daley, trzeba dać dźiewięć groszy, a za kapłona trzydźiesci złotych. Chłopu się i smieszna rzecz zdała, i nie droga. Przedaż stanęła. A ruska idźie do swieszczenika i daie mu dźiewięć groszy, to iest to, co

---

[1]) Труды Кіевской Дух. Акад., 70, XII, 543.

[2]) Объ этомъ читай у Cruel'я, Geschichte der deutschen Predigt im Mittelalter, стр. 491.

wzięła za wołu, tak, iako mąż był rozkazał“ (II, стр. 56—57). [1]) Что касается проповѣдей Скарги, то у него нѣтъ подобныхъ „прикладовъ“.

О другихъ чертахъ польской схоластической проповѣди, какъ то: о вставкахъ лишнихъ разговоровъ (напр., Скарга, VI, 12; I, 17), о діалогахъ, которыхъ мы не находимъ въ св. Писаніи (напр., у Скарги длинный діалогъ Ревеки съ слугой Авраама, I, 135; у Млодзяновскаго діалогъ между Богомъ и Авраамомъ, III, 3 и др.), о картинныхъ описаніяхъ (Скарга, I, стр. 11; объ этомъ пріемѣ проповѣдей Млодзяновскаго см. Труд. Кіев. Дух. Акад., 70, XII, 539), мы говорить подробно не будемъ, такъ какъ онѣ встрѣчаются и у византійскихъ проповѣдниковъ [2]) и не составляютъ характерныхъ особенностей польской схоластической проповѣди.

Заканчивая нашъ краткій очеркъ польской схоластической проповѣди, мы остановимся еще немного на тѣхъ чертахъ проповѣднической манеры Млодзяновскаго, которыми онъ выдвинулся изъ ряда другихъ польскихъ проповѣдниковъ.

Мы уже видѣли, что польская проповѣдь XVII в. вообще носитъ на себѣ яркій отпечатокъ той народности, среди которой она возникла: это съ особенной силой проявилось въ той „narodowości“, о которой мы говорили выше. У Млодзяновскаго польская схоластическая проповѣдь приняла еще болѣе яркій отпечатокъ золотого періода шляхетской вольности сыновъ „Речи Посполитой“. Подобно тому, какъ собратья Млодзяновскаго въ общественномъ быту дозволяли себѣ полнѣйшую разнузданность, не признавая надъ собою никакого авторитета,—такъ и Млодзяновскій въ проповѣди не стѣснялся никакими правилами библейской герменевтики и смыслъ Св. Писанія гнулъ въ такую сторону, въ какую ему хотѣлось. [3]) Тоже должно сказать и относительно правилъ гомилетики: они для него не существовали. Обо всемъ у него говорится въ высшей степени свободно. Даже въ логическомъ строѣ и складѣ своихъ проповѣдей Млодзяновскій держитъ себя совершенно на распашку: въ нихъ нѣтъ ни основы,

---

[1]) Ср. Лѣтописи рус. лит. и др., т. V, 1863 г., стр. 88—89; ср. также Памятники древней письменности, изданіе общества любителей древ. письмен., 1878—1879 г., стр. 133.

[2]) См. объ этомъ у Сухомлинова, Рукописи графа Уварова, т. II.

[3]) Труды Кіевской Духовной Акад., 71, IV, 159.

ни логическаго порядка мыслей. Въ его проповѣдяхъ, какъ и въ тогдашнемъ обществѣ, всюду царствуетъ анархія. Однимъ словомъ, съ Млодзяновскимъ взошло на польскую церковную каѳедру своего рода проповѣдническое „nie pozwalam“.

Наконецъ, то внимательное отношеніе къ событіямъ родины, то сильное желаніе помочь ей своимъ разумнымъ совѣтомъ, которыя мы видѣли у Млодзяновскаго, создали еще одну выдающуюся черту его проповѣднической манеры. Толкуя св. Писаніе, Млодзяновскій всегда приспособляетъ его къ нравамъ и постоянно усиливается выводить изъ него нравственный смыслъ. Онъ находитъ возможнымъ указывать его даже въ чисто библіологическихъ свѣдѣніяхъ и замѣчаніяхъ, которыя онъ считаетъ иногда нужнымъ высказать по поводу тѣхъ или другихъ мѣстъ Св. Писанія. Онъ умѣетъ найти какой нибудь практическій урокъ и въ томъ, напр., что извѣстное мѣсто св. Писанія въ такомъ то текстѣ, или у такого то парафраста, читается такъ, а въ другомъ текстѣ, еврейскомъ или греческомъ, иначе. Въ этомъ тоже сказалось вліяніе времени на Млодзяновскомъ, потому что никогда польское общество не нуждалось такъ въ разумныхъ совѣтахъ, какъ въ XVII в.

Итакъ, польская схоластическая проповѣдь носитъ на себѣ яркія черты нравственной физіогноміи того народа, среди котораго она развивалась. Хороши ли эти черты, отразившіяся и на внѣшнемъ, и на внутреннемъ ея характерѣ, — это вопросъ другой. Важно то обстоятельство, что чуждое растеніе, схоластическая проповѣдь, совершенно аклиматизировалось въ Польшѣ и дало плоды, соотвѣтствующіе той почвѣ, на которой оно было посажено. Польская схоластическая проповѣдь XVII в. является дѣтищемъ своего народа и выразителемъ его умственнаго и нравственнаго настроенія. Въ этомъ заключалось ея значеніе для польскаго общества XVII в., въ этомъ заключается и ея значеніе для современнаго намъ историка польской культуры того же столѣтія.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ОТНОШЕНІЯ ТОВАРИЩЕЙ МЕЖДУ СОБОЮ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Товарищескіе вклады.

Вкладъ товарища деньгами и трудомъ. Распредѣленіе прибылей и убытковъ въ societas unius negotiationis. § 2. Inst. de societate. 3, 25. Разногласіе между *Квинтомъ Муціемъ* и *Сервіемъ Сульпиціемъ*. Императоръ *Діоклетіанъ* подтверждаетъ мнѣніе *Сервія Сульпиція*. Значеніе общаго баланса въ societas unius negotiationis. Въ societas unius negotii нѣтъ никакой надобности въ балансѣ. Мнѣніе *Сервія Сульпиція* о балансѣ. Прогрессъ во взглядѣ *Сервія Сульпиціа* сравнительно со взглядомъ *Квинта Муція*. Отношеніе societas omnium bonorum къ вопросу о вкладахъ товарищей.

§ 1. Та стадія развитія, въ которую вступилъ договоръ товарищества подъ вліяніемъ societas unius negotiationis, заключала въ себѣ всѣ элементы, необходимые для того, чтобы выростить широкое коммерческое учрежденіе.

Contractus societatis, какъ бы кристаллизуется, чтобы служить прочнымъ и долговременнымъ экономическимъ интересамъ. Отношенія между участниками товарищества скрѣпляются. Естественна потребность дать союзу болѣе точную организацію, опредѣливъ роль каждаго изъ сочленовъ. Прежде всего мы замѣчаемъ, что обсуждаются свободнѣе и шире обязанности, которыя каждый изъ товарищей долженъ исполнить ради общаго дѣла. Принимаются въ со-

ображеніе не только денежные вклады [1]), но и трудъ участника входитъ въ разсчетъ.

Вопросъ, можно ли кромѣ взноса денегъ, какъ товарищеской обязанности, допустить еще и обязанности другого свойства, занимаетъ юристовъ уже съ древнѣйшаго времени, такъ какъ практика настоятельно требовала его разрѣшенія.

Поводомъ къ подобнымъ сужденіямъ послужилъ споръ о томъ, какимъ образомъ должны распредѣляться прибыли между отдѣльными товарищами? Пока цѣли contractus societatis были тѣсно ограничены и имѣли въ виду лишь заключеніе одной какой либо сдѣлки, распредѣленіе не представлялось затруднительнымъ: каждый изъ общаго барыша пріобрѣталъ долю, соотвѣтствующую его денежному взносу. Но все это должно было измѣниться, какъ только societas unius negotiationis, со своими сложными дѣловыми операціями, ждала отъ отдѣльныхъ товарищей болѣе напряженной дѣятельности на пользу общаго дѣла. Бывали предпріятія, требовавшія извѣстныхъ техническихъ свѣдѣній, которыми могли обладать лишь немногіе и которыя не были доступны для большинства другихъ товарищей. За примѣрами ходить не далеко. Случалось между прочимъ, что когда цѣль societas unius negotiationis состояла въ сооруженіи коммерческаго судна, въ скупкѣ скота и рабовъ или въ обработкѣ общаго земельнаго участка, въ товарищество привлекались лица, обладавшія необходимыми для подобныхъ цѣлей техническими свѣдѣніями [2]). Обстоятельство же это влекло за собою, чтобы при распредѣленіи прибыли и опредѣленіи убытковъ предпріятія были приняты въ соображеніе какъ количество такъ и качество труда, затраченнаго на общее дѣло.

Объ этомъ издавна спорномъ вопросѣ *Юстиніанъ* дѣлаетъ въ своихъ Институціяхъ любопытныя сообщенія:

> §. 2. Inst. de societate. 3, 25: „De illa sane conventione quaesitum est, si Titius et Sejus inter se pacti sunt, ut ad Titium lucri duae partes pertineant, damni tertia, ad Sejum duae partes damni, lucri tertia, an rata debet haberi conventio? Quin-

[1]) Пока задачи товарищества ограничивались заключеніемъ одной сдѣлки, опредѣленной тѣсными рамками (unum negotium), конечно не могло быть и рѣчи о другихъ взносахъ, кромѣ денежныхъ.

[2]) L. 29. §. 1. L. 52. §. 15. L. 60. §. 1. Dig. pro socio. 17, 2.

tus Mucius contra naturam societatis talem pactionem esse existimavit et ob id non esse ratam habendam. Servius Sulpicius, cujus sententia praevaluit, contra sentit, quia saepe quorundam ita pretiosa est opera in societate, ut eos justum sit meliore condicione in societatem admitti: nam et ita coiri posse societatem non dubitatur, ut alter pecuniam conferat, alter non conferat et tamen lucrum inter eos commune sit, quia saepe opera alicujus pro pecunia valet. Et adeo contra Quinti Mucii sententiam optinuit, ut illud quoque constiterit posse convenire, ut quis lucri partem ferat, damno non teneatur, quod et ipsum Servius convenienter sibi existimavit".

Суть дѣла нашей цитаты такова: Тицій и Сей заключили договоръ товарищества, по силѣ котораго первый долженъ получить двѣ трети вѣроятной прибыли, тогда какъ на долю втораго приходится лишь одна треть. Въ то-же время компаніоны условливаются, что возможный ущербъ долженъ быть раздѣленъ обратно пропорціонально: Тицій принимаетъ на себя одну треть, а Сей двѣ трети убытковъ. Спрашивается, дѣйствителенъ ли и сообразенъ ли съ законами такой договоръ? Относительно этого вопроса ведется споръ самыми выдающимися юристами конца республиканскаго періода. *Квинтъ Муцій* придерживается того взгляда, что подобный уговоръ противорѣчитъ существу товарищества. Слова нѣтъ, суть contractus societatis первоначально заключалась именно въ сложеніи взносовъ отдѣльныхъ членовъ съ тою цѣлью, чтобы употребить собранныя средства на одну, строго опредѣленную сдѣлку. При такихъ условіяхъ совершенно умѣстно было требованіе, чтобы участіе каждаго товарища въ выгодахъ общаго дѣла вполнѣ соотвѣтствовало причитающимся на его долю расходамъ.

Изъ вышеприведеннаго текста ясно видно, что въ разбираемомъ юристами случаѣ рѣчь идетъ *только о денежныхъ взносахъ* и, что *Муцію* даже въ голову не приходило, чтобы вклада могли быть иными, а, поэтому, онъ совершенно послѣдователенъ, не допуская неравномѣрности въ распредѣленіи прибыли и убытковъ.

Свободнѣе къ вопросу относится *Сервій Сульпицій* уже потому, что онъ не придерживается стараго начала исключительно денежнаго вклада, допуская возможность и взноса иного рода—въ видѣ личнаго труда—quia saepe opera pro pecunia valet. Теперь понятенъ

и тотъ выводъ къ которому онъ приходитъ, а именно что въ дѣлѣ окончательнаго разсчета возможна неравномѣрность распредѣленія прибылей и убытковъ. По его представленію цѣли товарищества могутъ обнимать самыя обширныя операціи, направленіе-же таковыхъ несомнѣнно нуждается въ людяхъ спеціально къ тому способныхъ и подготовленныхъ. Дѣятельностью такихъ лицъ въ значительной степени обусловливается самый успѣхъ дѣла, которое безъ ихъ участія могло бы не пойти на ладъ.

Справедливость, поэтому, требуетъ, чтобы всякая затраченная на общее предпріятіе способность и работа нашли себѣ и соразмѣрную денежную оцѣнку при окончательномъ разсчетѣ.

Сервій Сульпицій идетъ еще дальше. Онъ даже допускаетъ, что тотъ изъ товарищей, который привнесъ въ дѣло только свою работу, въ нѣкоторыхъ случаяхъ при окончательной ликвидаціи можетъ участвовать исключительно въ прибыляхъ, вовсе не подвергаясь убыткамъ; и такой выводъ вполнѣ послѣдователенъ: если бы при прекращеніи общаго дѣла оказались одни лишь убытки, потеря товарища, привнесшаго только свой личный трудъ, составила бы безвозмездную затрату послѣдняго.

Вышеуказанное мнѣніе *Сервія Сульпиція* впослѣдствіи преобладало въ доктринѣ и практикѣ.

Прослѣдимъ L. 29. §. 1. Dig. pro socio. 17, 2. Ulpianus libro trigensimo ad Sabinum: Ita coiri societatem posse, ut nullam partem damni alter sentiat, lucrum vero commune sit, Cassius putat: quod ita demum valebit, ut et Sabinus scribit, si tanti sit opera quanti damnum est: plerumque enim *tanta est industria socii, ut plus societati conferat quam pecunia*, item si solus naviget si solus peregrinetur, pericula subeat solus".

Прежде всего мы замѣчаемъ, что къ болѣе свободной теоріи *Сервія* о распредѣленіи убытковъ и прибыли между товарищами присоединяется сабиніанецъ *Кассій. А изъ слѣдующей за этимъ* ссылки *Ульпіана* и *Сабина* видно, что послѣдній *(Сабинъ)* предполагаетъ, также совершенно въ духѣ *Сервія*, для нѣкоторыхъ товарищей возможность при ликвидаціи не подвергаться имущественнымъ убыткамъ другихъ, уже въ силу того, что ими безвозмездно затраченъ ихъ личный трудъ:

ibid: ,,quod ita demum valebit, ut et Sabinus scribit, si tanti sit *opera* quanti *damnum* est.

Наконецъ, въ заключительной фразѣ выше приведенной цитаты *Ульпіанъ* еще разъ указываетъ на значеніе, которое можетъ имѣть личный трудъ товарища: онъ иногда бываетъ даже важнѣе денежныхъ взносовъ для процвѣтанія общаго дѣла, такъ, напр., въ томъ случаѣ, когда одно изъ участвующихъ въ societas unius negotiationis лицъ управляетъ принадлежащимъ товариществу кораблемъ, когда оно совершаетъ всѣ необходимыя дѣловыя поѣздки или же когда подвергается опасности въ интересахъ предпріятія. Вообще мы находимъ въ источникахъ не мало богатой казуистики, гдѣ на ряду съ денежнымъ взносомъ играетъ важную роль личный трудъ [1]).

Наконецъ высказанный впервые *Сервіемъ Сульпиціемъ* принципъ оффиціально признается въ императорскихъ законахъ:

L. 1. Cod. pro socio. 4, 37. Impp. Diocletianus et Maximianus A. A. et C. C. Aurelio: „Societatem uno pecuniam conferente alio operam *posse contrahi magis* obtinuit.

§ 2. До сихъ поръ мы старались выяснить постепенное расширеніе хозяйственнаго значенія societas unius negotiationis. Между прочимъ мы отмѣтили и то сильное вліяніе, которое оказалъ *Сервій Сульпицій* на развитіе нашего института.

Но всетаки мы не исчерпали всего того, что сдѣлано имъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ есть еще другой, и весьма существенный пунктъ, въ которомъ онъ становится въ явное противорѣчіе съ ученіемъ *Квинта Муція*, поборника стараго узкаго взгляда на contractus societatis.

Сервій требуетъ *общаго баланса* при прекращеніи товарищества. По его мнѣнію слѣдуетъ послѣ окончанія всѣхъ операцій привести въ ясность чистую прибыль и убытки:

L. 30. Dig. pro socio. 17, 2. Paulus libro sexto ad Sabinum: „Mucius libro quarto scribit non posse societatem coiri, ut aliam damni, aliam lucri partem socius ferat: Servius in notatis Mucii

---

[1]) L. 5. §. 1. L. 6. L. 29. pr. L. 52. §. 2, 3, 7, 11. L. 80. Dig. pro socio. 17, 2 *Цицеронъ*—pro Q. Roscio comoedo oratio—упоминаетъ о своеобразномъ товариществѣ—societas histrionis. Въ силу договора одинъ контрагентъ обязался доставить развитаго и талантливаго раба, а взносъ другого состоялъ въ обученіи этого человѣка сценическому искуству. Весь заработокъ артиста-невольника поступалъ въ кассу союза и дѣлился между участниками пополамъ. Судя по словамъ *Цицерона*, подобныя предпріятія доставляли весьма значительные барыши.

ait *nec posse societatem ita contrahi*, neque enim lucrum intelligitur nisi omni damno deducto neque damnum nisi omni lucro deducto: sed potest coiri societas ita, ut ejus lucri, quod reliquum in societate sit omni damno deducto, pars alia feratur, et ejus damni, quod similiter relinquatur, pars alia capiatur".

Муцій утверждаетъ, что товариществоне можетъ образоваться, если при самомъ заключеніи договора доля ожидаемой прибыли опредѣляется несоотвѣтственно долѣ убытка. А *Сервій* въ комментаріяхъ къ нему полагаетъ, что товарищество на такихъ условіяхъ даже *логически немыслимо*, ибо можно говорить о прибыли и убыткѣ, лишь тогда, когда операція окончена и подведенъ балансъ. Но разъ балансъ подведенъ, ничто не мѣшаетъ товарищамъ распредѣлить между собою неравномѣрно прибыли и убытки, окончательно выяснившіеся.

Узкое мнѣніе *Муція* сдѣлается понятнымъ только тогда, когда мы предположимъ, что онъ имѣлъ въ виду societas unius negotii, какъ главный, а можетъ быть и единственный, типъ товарищества. Этотъ простой, не сложный договоръ вовсе не допускаетъ личнаго труда, въ качествѣ эквивалента денежнаго взноса, и выраженіе Муція „damnum" должно быть понято лишь въ смыслѣ потери тѣхъ *денежныхъ средствъ*, которыя были внесены товарищами на общее дѣло—для заключенія какой либо точно опредѣленной сдѣлки.

Вполнѣ ясно, что здѣсь съ самаго заключенія договора требовалось установленіе строгаго соотвѣтствія между вкладомъ и ожидаемою прибылью, а при такихъ простыхъ отношеніяхъ можно было вполнѣ обойтись безъ подведенія общаго баланса, мысль о которомъ, поэтому, и должна была оставаться для *Муція* чуждою. Съ своей точки зрѣнія онъ былъ вполнѣ послѣдователенъ.

Но съ другой стороны, не менѣе послѣдователенъ и *Сервій Сульпицій*: признавъ личный трудъ эквивалентомъ денежнаго взноса, онъ неизбѣжно долженъ былъ прійти къ расширенію самой идеи societas и балансъ представлялся ему средствомъ, необходимымъ для точнаго опредѣленія соотношеній между разнородными вкладами.

Не даромъ мы обратили особое вниманіе на мнѣнія *Квинта Муція* и *Сервія Сульпиція*. Разногласіе между ними въ значительной степени выясняетъ ходъ исторіи самаго товарищества. Кромѣ того, благодаря этому спору открываются и другія, не менѣе важныя перспективы.

Если мы, напр., слѣдуя большинству современныхъ юристовъ, допустимъ, что исходною точкою въ историческомъ развитіи римскаго товарищества была societas omnium bonorum, то неизбѣженъ вопросъ: могло ли въ такомъ случаѣ быть когда либо основаніе сомнѣваться въ томъ, что личный трудъ способенъ служить однимъ изъ видовъ товарищескаго вклада? Нѣтъ и нѣтъ! Societas omnium bonorum, какъ форма самаго полнаго имущественнаго общенія, охватывала всю хозяйственную дѣятельность каждаго члена. Все, что́ бы онъ ни имѣлъ, что́ бы ни пріобрѣлъ, что́ бы ни добылъ своимъ промысломъ, немедленно становилось достояніемъ всего союза. А, поэтому, здѣсь и не могло быть мѣста вопросу о равноправности денегъ и личнаго труда, такъ какъ оба вида взноса, въ одинаковой степени необходимые для преуспѣянія общаго дѣла, были тождественны.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Отвѣтственность товарищей относительно другъ друга.

Ученіе объ отвѣтственности товарищей находится въ связи съ ученіемъ о товарищескихъ взносахъ. Отвѣтственность контрагентовъ въ сакральномъ договорѣ. Товарищи отвѣчаютъ первоначально только за dolus и fraus. Это правило не измѣняется вслѣдствіе внесенія actio pro socio въ преторскій эдиктъ. Разногласіе древнихъ юристовъ по вопросу объ отвѣтственности товарищей. §. 8. Inst. de societate. 3, 25. Личный трудъ, какъ товарищескій взносъ и его вліяніе на отвѣтственность товарищей. Взглядъ Цельза. L. 52. §. 2. Dig. pro socio. 17, 2. Товарищи отвѣчаютъ и за culpa. Вліяніе infamia на culpa in concreto въ договорахъ вообще. Особый характеръ мандата, operae liberales. Diligentia quam suis rebus въ современномъ товариществѣ—анахронизмъ, подлежащій устраненію.

§ 1. Въ тѣсной связи съ вопросомъ о вкладахъ находятся всѣ правила, опредѣляющія ту предусмотрительность и осторожность, которую товарищи обязаны соблюдать при веденіи общаго дѣла и во взаимныхъ отношеніяхъ между собою. Правила эти въ значительной степени обусловливались видомъ взноса, да и все ученіе объ отвѣтственности товарищей за dolus и culpa, какъ мы потомъ увидимъ, развивается и идетъ рука объ руку съ характеромъ ихъ вкладовъ.

Въ тѣ времена, когда contractus societatis находился подъ однимъ покровительствомъ Fides-Πίστις, и пока за его неисполненіе не угрожала никакая другая кара, кромѣ гнѣва оскорбленнаго божества, въ соображеніе могли быть принимаемы естественно лишь такія нарушенія интересовъ товарищей, которыя носили характеръ *грѣха, попиранія нравственности.*

Впослѣдствіи же, когда цензорскій надзоръ со своимъ magisterium morum сталъ заступаться и за потерпѣвшихъ отъ неисправности товарищей, онъ всетаки и тогда преслѣдовалъ только *умышленное, вѣроломное* нарушеніе contractus societatis. Да иначе и быть не могло: цензоры карали одни *безнравственные* поступки т. е. опять-таки dolus и fraus.—Въ самомъ дѣлѣ трудно допустить, чтобы магистратъ клеймилъ своей ignominia людей, которые нанесли своимъ контрагентамъ убытки безъ всякаго злаго умысла, а только по неосторожности, вслѣдствіе простаго упущенія или недостаточнаго знанія дѣла. Во всякомъ случаѣ вмѣненію могъ подлежать лишь поступившій не такъ, какъ подобаетъ поступать *честнымъ* людямъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: „ut inter bonos bene agier [1]).

Несомнѣнно, что, на первыхъ ступеняхъ въ развитіи нашего института, товарищи при заключеніи договора ограничивались обезпеченіемъ себя только отъ взаимнаго обмана—dolus. Это видно, напр., изъ дошедшихъ до насъ образцовъ древнѣйшихъ договоровъ [2]).

„Inter Cassium Frontinum et Julium Alexandrum societas danistariae ex X kal. Januarias, quae proximae fuerunt Pudente et Polione cos., in pridie idus Apriles proximas venturas ita convenit, ut quidquid in ea societati arrenatum fuerit lucrum damnumve acciderit, aequis portionibus suscipere debebunt — — — In qua societate si quis *dolo malo fraudem* fecisse deprehensus fuerit, in asse uno X unum... denarium unum X. XX... alio inferre debebit"...

Образуя банкирское товарищество, Кассій Фронтинъ и Юлій Александръ обѣщаютъ воздерживаться отъ *dolus malus* и *fraus*; другихъ-же обязательствъ на себя не принимаютъ.

Пока цѣли contractus societatis опредѣлялись лишь одною сдѣлкою (unum negotium), интересы участниковъ и не требовали никакой

---

[1]) Cicero: de officiis lib. III, cap. 15.

[2]) *Bruns:* „Fontes juris Romani antiqui", pag. 268, 269; ср. наши замѣчанія на стр. 71.

другой гарантіи. Они вполнѣ обезпечивались, коль скоро дѣйствующій отъ имени всего союза товарищъ держался тѣхъ правилъ, которыя вытекали изъ общей идеи fides—не совершалъ ни dolus, ни fraus. Если, напр., нѣсколько лицъ составили компанію для пріобрѣтенія на общія средства участка земли, опредѣленной цѣнности, то какія могли встрѣтиться нарушенія ихъ интересовъ со стороны товарища-представителя? Очевидно такимъ нарушеніемъ могло быть только умышленное неисполненіе задуманнаго плана или пріобрѣтеніе вещи уполномоченнымъ въ свою исключительную пользу. Согласно съ этимъ и позднѣйшіе юристы въ подобныхъ случаяхъ считаютъ компаніона отвѣтственнымъ только за dolus:

L. 65. §. 4. Dig. pro socio. 17, 2. Paulus libro trigensimo secundo ad edictum: „Item si societatem ineamus ad aliquam rem emendam, deinde solus volueris eam emere ideoque renuntiaveris societati, ut solus emeres, teneberis quanti interest mea: sed si ideo renuntiaveris, quia emptio tibi displicebat, non teneberis, quamvis ego emero, *quia hic nulla fraus est*: eaque et Juliano placent".

„Если мы заключили contractus societatis, для покупки опредѣленнаго предмета, а ты, желая пріобрѣсти его въ исключительную собственность, отрекся отъ договора, то и отвѣчаешь за всѣ причиненные мнѣ убытки. Другое дѣло, если ты вышелъ изъ товарищества вслѣдствіе того, что предположенная сдѣлка потомъ тебѣ не понравилась. Въ такомъ случаѣ ты не виноватъ, такъ какъ съ твоей стороны не было умышленнаго обмана—„nulla fraus est" [1]).

Внесеніе actio pro socio въ преторскій эдиктъ нисколько не измѣнило прежняго характера отвѣтственности товарища. *Цицеронъ* въ своихъ судебныхъ рѣчахъ часто упоминаетъ о нарушеніи contractus societatis посредствомъ dolus и fraus, но нигдѣ не дѣлаетъ ни малѣй-

[1]) Не менѣе характерна въ этомъ смыслѣ L. 52. §. 11. Dig. pro socio. 17, 2. Ulpianus libro trigensimo primo ad edictum: „Si qui societatem ad emendum coierint, deinde res alterius *dolo* vel culpa empta non sit, pro socio esse actionem constat". „Если былъ заключенъ договоръ товарищества съ цѣлью купить извѣстную вещь, то тотъ изъ товарищей, по винѣ котораго (dolus vel culpa) предполагаемая сдѣлка не состоялась, подвергается отвѣтственности". Слова „vel culpa" объясняются, какъ потомъ увидимъ, новѣйшимъ взглядомъ на обязательства товарища. Старыя правила карали одинъ только dolus

шаго намека на то, чтобы этотъ договоръ обязывалъ къ какой бы то ни было предусмотрительности или осторожности [1]).

Несомнѣнно, древній взглядъ на взаимную отвѣтственность товарищей еще довольно долго сохранялся и послѣ появленія actio pro socio, и измѣненія въ немъ совершались не такъ скоро. По крайней мѣрѣ, по словамъ *Юстиніана*, встарину весь этотъ вопросъ считался весьма спорнымъ:

> §. 9. Inst. de societate. 3, 25: „Socius socio utrum eo nomine tantum teneatur pro socio actione, si quid dolo commiserit, sicut is qui deponi apud se passus est, an etiam culpae, id est desidiae atque neglegentiae nomine, *quaesitum est*: praevaluit tamen etiam culpae nomine teneri eum".

Иными словами: среди юристовъ было разногласіе въ томъ, слѣдуетъ ли посредствомъ actio pro socio привлечь товарища къ отвѣтственности только за то, что имъ было совершено умышленно (si quid dolo commiserit), или же и за убытки, причиненные его неосторожностью (culpae nomine). Послѣднее мнѣніе взяло верхъ: praevaluit tamen etiam culpae nomine teneri eum.

Стоя на высотѣ уже завершившагося процесса въ развитіи contractus societatis, *Юстиніанъ* въ своихъ Институціяхъ, какъ въ учебникѣ для молодыхъ юристовъ, знакомитъ грядущія поколѣнія съ вопросами теоріи и практики, занимавшими ученыя школы ихъ предковъ. Одною краткою фразою онъ изображаетъ цѣлую картину тѣхъ путей, по которымъ проходило гражданское право въ классическую эпоху своего процвѣтанія [2]).

Если римскіе преторы, включая въ свой эдиктъ actio pro socio, не отмѣнили наказаній, выработанныхъ цензорскою властью въ видѣ

---

[1]) У *Цицерона* мы встрѣчаемъ слѣдующія выраженія: socium fraudare: pro A Caecina oratio cap. 3, pro P. Quinctio oratio cap. 24. „Socium fortunis spoliare": pro P. Quinctio oratio cap. 6. „Socium fallere": pro Q. Roscio Comoedo oratio cap. 6, 9, pro Sex. Roscio Amerino oratio cap. 40.

[2]) О томъ же разногласіи древнихъ юристовъ упоминаетъ и *Ульпіанъ* въ своихъ комментаріяхъ къ преторскому эдикту: L. 52. §. 2. Dig. pro socio. 17, 2. Ulpianus libro trigensimo primo ad edictum: „Utrum ergo tantum dolum an etiam culpam praestare socium oporteat, *quaeritur*. Et Celsus libro septimo digestorum ita scripsit"... Ср. и L. 18. pr. in fin. Dig. commodati vel contra. 13, 6. Gajus libro nono ad edictum provinciale..... „*scriptum quidem apud quosdam* invenio, quasi dolum tantum praestare debeas: sed videndum est, ne et culpa praestanda sit"....

ignominia, то неизбѣженъ выводъ, что и они допускали осужденіе лишь тѣхъ товарищей, которые умышленно (dolo) нарушали договоръ. Несомнѣнно, при первоначальномъ появленіи actio pro socio еще были живы традиціи добраго стараго времени, когда contractus fidei находился только подъ контролемъ цензорскаго надзора. Относительно этого преторъ считалъ себя какъ бы преемникомъ цензорской компетенціи съ тою однакоже разницей, что свое главное вниманіе онъ обращалъ на *имущественные* интересы сторонъ. Ignominia, какъ кара за dolus или fraus контрагента, стала отходить на задній планъ, такъ какъ умаленіе гражданской чести являлось уже не единственнымъ послѣдствіемъ умышленнаго нарушенія договора, а на первый планъ выдвигалась обязанность вознаградить потерпѣвшаго за убытки.

Со временемъ этой главной функціи actio pro socio начали придавать все бо́льшую важность, разумѣя ее шире и глубже. Уже начальный, наименѣе сложный типъ римскаго товарищества, societas unius negotii, нерѣдко вмѣняетъ въ обязанность кому нибудь изъ своихъ членовъ заключить отъ имени товарищей опредѣленную сдѣлку съ постороннимъ лицомъ подъ угрозой *имущественной* отвѣтственности. Послѣдняя еще болѣе усилилась, когда на ряду съ денежными вкладами сталъ являться и личный трудъ. Принципъ „opera pro pecunia valet“ влечетъ за собою оцѣнку этого труда и опредѣленіе его пригодности. Требуется именно извѣстная соразмѣрность его стоимости и денежныхъ взносовъ—pretium operae est velamentum. При такихъ условіяхъ, само собою прежнія правила объ отвѣтственности товарищей только за dolus и fraus должны были оказаться и узкими и устарѣвшими. Юристы начали обращать вниманіе на неосторожность и небрежность, допущенныя товарищами въ дѣлахъ компаніи, принимая въ соображеніе происходившіе отъ этого убытки. Весьма характерно, что младшій *Цельзъ*, поднявшій вопросъ о „culpa sociorum“ и впервые пытавшійся расширить предѣлы отвѣтственности товарищей, пришелъ къ такому выводу только въ виду возможности личнаго труда, какъ товарищескаго взноса:

> L. 52. §. 2. Dig. pro socio. 17, 2. Ulpianus libro trigensimo primo ad edictum: „Utrum ergo tantum dolum an etiam culpam praestare socium oporteat, quaeritur. Et Celsus libro septimo di-

gestorum ita scripsit: socios inter se dolum *et culpam* praestare oportet. Si in coeunda societate, inquit, *arter oberamve pollicitus* est alter, veluti cum pecus in commune pascendum aut agrum politori damus in commune quaerendis fructibus, nimirum ibi *etiam culpa* praestanda est: pretium enim operae artis est velamentum. Quod si rei communi socius nocuit, magis admittit culpam quoque venire".

„Спрашивается, отвѣчаетъ ли socius только за злой умыселъ—dolus—или же и за неосторожность culpa? Въ седьмой книгѣ своихъ Дигестъ *Цельзъ* говоритъ: товарищи въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ подлежатъ отвѣтственности въ обоихъ случаяхъ, и особенно когда при самомъ заключеніи contractus societatis былъ допущенъ, въ видѣ взноса, личный трудъ (ars operave). Напр., одинъ изъ участниковъ, вмѣсто денежнаго вклада, обязывается смотрѣть за общимъ стадомъ, или же испола обработать поле[1]). Въ такомъ случаѣ трудъ долженъ имѣть извѣстную цѣнность, и если будетъ нанесенъ ущербъ общему дѣлу, то необходимо принимать въ соображеніе и неосторожность".

Такимъ образомъ, со временъ *Цельза* отвѣтственность товарищей не только за dolus, но и за culpa принципіально была признана. Самъ собою возникаетъ вопросъ: какая-же степень неосторожности вмѣнялась товарищу въ вину? Какого же рода предусмотрительность была обязательна, для того, чтобы товарищъ считался исправнымъ. На это отвѣчаетъ *Гай*:

L. 72. Dig. pro socio. 17, 2. Gajus libro secundo cottidianarum rerum: „Socius socio etiam culpae nomine tenetur, id est desidiae atque neglegentiae. Culpa autem non ad exactissimam diligentiam dirigenda est: sufficit etenim talem diligentiam communibus rebus adhibere, qualem suis rebus adhibere solet, quia qui parum diligentem sibi socium adquirit, de se queri debet"[2]).

[1]) Ср. Глоссу *Аккурсія* къ приведенной цитатѣ: „Erant politores, qui agros excolere atque polire consueverant". *Перницъ* видитъ въ этой politio особое правоотношеніе, составлявшее, по его словамъ, одинъ изъ главныхъ корней договора товарищества въ римскомъ правѣ. См. „Labeo". Томъ II, стр. 282 и „Parerga" I. въ Zeitschrift für Rechtsgeschichte. Томъ 16. стр. 49. Намъ однакоже кажется, что юристы-классики не придавали ей такого значенія. По крайней мѣрѣ *Цельзъ* и *Ульпіанъ* приводятъ politio только въ видѣ одного изъ тѣхъ разнообразныхъ случаевъ societas unius negotiationis, гдѣ товарищескій взносъ состоитъ въ личномъ трудѣ (*veluti* cum - - agrum politori damus).

[2]) Слова *Гая* почти съ буквальною точностью были потомъ заимствованы *Юстиніаномъ* въ его Институціяхъ. §. 9. Inst. de societate. 3, 25.

Иными словами: товарищъ въ общемъ отвѣчаетъ за неосторожность—culpa, нерадивость—desidia и небрежность—neglegentia. Но во всякомъ случаѣ достаточно, если въ дѣлахъ союза онъ соблюдаетъ ту же предусмотрительность, съ какою ведетъ собственныя дѣла. Поэтому, если бы кто либо заключилъ contractus societatis съ лицомъ, не отличающимся особенною аккуратностью, то пусть онъ пеняетъ на самого себя.

По какимъ же соображеніямъ *Гай* относительно товарищей ограничивался требованіемъ лишъ той доли рачительности, которую каждый изъ нихъ обнаруживаетъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ—diligentia, quam suis rebus adhibere solet? Новѣйшіе писатели, между прочимъ *Pernice* [1]), предполагаютъ, что римскіе юристы, устанавливая особый видъ diligentia, хотѣли смягчить требованіе той осторожности, которая свойствена развѣ образцовому хозяину—diligentia diligentissimi patris familias. Съ этимъ, пожалуй, можно согласиться, и тѣмъ болѣе, что такое мнѣніе подтверждается самимъ *Гаемъ*:

ibid: culpa autem non ad exactissimam diligentiam dirigenda est: *sufficit* etiam talem diligentiam communibus rebus adhibere....

Впрочемъ толкованіе *Перниса* едва ли достаточно разъясняетъ мотивы, вслѣдствіе которыхъ товарищи подлежали подобной отвѣтственности; и всетаки вопросъ, почему юристы считали нужнымъ такого рода смягченіе (diligentiae diligentissimi), остается открытымъ.

Чтобы вполнѣ понять взгляды источниковъ, надо снова вспомнить, что послѣ цензора и преторскій эдиктъ заимствовалъ infamia, вытекавшую изъ actio pro socio. Мы видѣли, какъ были послѣдовательны древнѣйшіе юристы, осуждая только *умышленное нарушеніе* contractus societatis посредствомъ fraus или dolus. По ихъ справедливому мнѣнію, ignominia считалась совершенно неумѣстною тамъ, гдѣ убытокъ былъ причиненъ вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ дѣломъ—imperitia, нерадивости—desidia, или даже вслѣдствіе такой неосторожности—neglegentia, которой не допустилъ бы развѣ только наилучшій хозяинъ—diligentissimus pater familias. Однако же, мы знаемъ, что практика брала

[1]) Labeo. Томъ II, стр. 361 и слѣд.

свое. Съ тѣхъ поръ, какъ на ряду съ деньгами, въ качествѣ товарищескаго взноса, начали допускать и личный трудъ, старый и вполнѣ послѣдовательный взглядъ оказался непримѣнимымъ, и при оцѣнкѣ этого труда потребовались критеріи другого рода. Culpa стала настойчиво стучаться въ двери contractus societatis, которыя, наконецъ, передъ нею и раскрылись благодаря *Цельзу*. Но если при нарушеніи договора товарищества, принимали во вниманіе и неосторожность участника, всетаки юристы не могли игнорировать и ту infamia, которая была связана съ несоблюденіемъ contractus societatis. Основаніемъ ея считался злой умыселъ отвѣтчика; поэтому-то и старались исключить изъ понятія diligentia, обязательной для товарища, элементы способности, энергіи и предусмотрительности, *свойственныхъ образцовому хозяину*—diligentissimi patris familias. Тѣмъ не менѣе отъ всякаго *честнаго* контрагента вполнѣ можно было требовать той доброй воли и усердія, съ какими онъ повелъ бы собственныя дѣла. Предусмотрительность и познанія, проявляемыя имъ въ *своемъ* хозяйствѣ, онъ долженъ приложить и къ дѣлу компаніи. Въ случаѣ же непримѣненія diligentia, quam suis rebus adhibere solet, товарищъ, конечно, не могъ оправдаться тѣмъ, что испорченное имъ предпріятіе приходилось ему не по плечу, такъ какъ онъ очевидно не соблюдалъ всего того, что только могъ, и что онъ всегда обнаруживаетъ въ собственныхъ дѣлахъ. Тутъ суть не въ силахъ, а въ доброй волѣ. Несомнѣнно одно: подобное явное пренебреженіе къ интересамъ товарищества сравнительно со своими собственными, приближаясь въ значительной степени къ злому умыслу (dolus in faciendo), должно было считаться недобросовѣстностью и съ этой точки зрѣнія повлечь за собою умаленіе гражданской чести—ignominia.

Случай изъ нашей русской судебной практики еще лучше можетъ выяснить нравственную сторону такъ назыв. culpa in concreto: три фармацевта образовали товарищество для открытія въ губернскомъ городѣ П. аптеки. Договоръ былъ заключенъ на 10 лѣтъ (societas inita in tempus [1]) и состоялъ въ томъ, что два первые контрагента A и B внесли нужный капиталъ, между тѣмъ какъ C обязался завѣдывать аптекою. Его товарищескій взносъ состоялъ, такимъ обра-

[1]) L. 65. §. 6. Dig. pro socio. 17, 2. Paulus libro trigensimo secundo ad edictum: „Item qui societatem in tempus coit“....

зомъ, въ личномъ трудѣ (artem operamve pollicitus est [1]). По истеченіи восьмилѣтняго срока С сталъ хлопотать о продолженіи договора на новое десятилѣтіе. Но А и В, неоднократно выражавшіе недовольство по поводу веденія общаго дѣла товарищемъ С, на такое предложеніе не согласились. Послѣ этого С открылъ въ другой части города собственную аптеку и хотя особыхъ упущеній въ завѣдываніи аптекою товарищеской онъ и не допускалъ, но всетаки свое собственное предпріятіе обставилъ во всѣхъ отношеніяхъ на столько лучше и осмотрительнѣе, что въ скоромъ времени значительная часть прежнихъ кліентовъ товарищества стала переходить къ нему. Подобное отношеніе къ дѣлу не соотвѣтствовало той добросовѣстности, которую могли требовать товарищи, и подходило къ разряду умышленнаго нарушенія общихъ интересовъ—dolus vel fraus [2]).

Смѣемъ думать, что послѣ всего нами сказаннаго вполнѣ выяснилось, какъ, даже въ позднѣйшія времена, въ римскомъ правѣ могла продолжаться связь между infamia и actio pro socio.

Благодаря приведенной илюстраціи къ данному вопросу, и слова *L'ая*, повторяемыя *Юстиніаномъ*—quia qui parum diligentem sibi socium adquirit, de se queri debet [3])—вовсе не являются такою пустой, почти безсмысленною фразой, какою выставляютъ ихъ нѣкоторые современные писатели [4]). Слова эти, напротивъ, ясно и точно выражаютъ слѣдующую мысль: отъ своего товарища требуй *только доброй воли*, а все другое—и знаніе дѣла, и особыя способности—actio

---

[1]) L. 52. §. 2. Dig. eod. tit. 17, 2, cit. на стр. 166, 167.

[2]) Съ этой точки зрѣнія, напр., германское торговое право запрещаетъ участникамъ въ торговомъ товариществѣ, безъ согласія компаніоновъ, по той-же отрасли промышленности, которой занимается союзъ, открывать свое собственное предпріятіе, для того, чтобы не угрожать конкурренціею общему дѣлу. Ср. Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch Art. 96. Болѣе общее опредѣленіе въ „Саксонскихъ гражданскихъ законахъ“ ст. 1370.

[3]) §. 9. in fin. Inst. de societate. 3. 25: „Nam qui parum diligentem socium sibi adsumit, de se queri debet“.—Тотъ же взглядъ мы встрѣчаемъ и тамъ, гдѣ говорится въ источникахъ объ отвѣтственности депозитарія: L. 1. §. 5. Dig. de obl. et act. 44, 7. Gajus libro secundo aureorum: „Is quoque, apud quem rem aliquam deponimus - - in eo solo tenetur, si quid dolo perierit: neglegentiae vero nomine ideo non tenetur, quia qui neglegenti amico rem custodiendam committit, *de se queri debet.*

[4]) *Dernburg*: „Pandecten“. Томъ II, §. 125, примѣч. 8. Ср. и *Pernice:* „Labeo“. Томъ II, стр. 361.

pro socio не принимаетъ въ соображеніе. Если же ты въ этомъ отношеніи ошибся—твое дѣло, а законъ съ такими претензіями не считается.

Признавая отвѣтственность товарища за culpa in concreto, источники не разстаются со старымъ принципомъ, что *только fraus и dolus составляютъ нарушеніе fidei sociorum*; но съ другой стороны они предоставляютъ всякому полную возможность осторожнымъ выборомъ контрагентовъ довести diligentia quam suis rebus adhibere solet до тѣхъ высшихъ размѣровъ, которымъ соотвѣтствуетъ только diligentia diligentissimi т. е. предусмотрительность образцоваго хозяина.

§ 2. Нельзя не замѣтить, что во всѣхъ договорахъ, по которымъ иски могли привести къ умаленію гражданской чести, стороны отвѣчали только за dolus или за culpa in concreto. Actio fiduciae и depositi были связаны съ infamia, но вмѣстѣ съ тѣмъ contractus fiduciae и depositi признавали отвѣтственность лишь за fraus и dolus [1]). Къ разряду исковъ, которые могли привести къ infamia, принадлежала также actio tutelae. По указанному нами принципу и опекунъ, относительно управленія имуществомъ опекаемыхъ, отвѣчалъ только за culpa in concreto [2]).

Извѣстно, что въ римскомъ правѣ существовало всего пять различныхъ договоровъ, въ которыхъ нарушители лишались гражданской чести. Четырьмя изъ нихъ—contractus fiduciae, depositi, societatis и tutelae—выводъ нашъ подтверждается и только одинъ—mandatum—составляетъ отступленіе: принявшій на себя порученіе (mandatarius) обязанъ соблюдать diligentia diligentissimi [3]), но всетаки его неисправность подходила подъ понятіе оскорбленія fides и разсматривалась какъ fraus, влекущая за собою infamia:

L. 6. §. 5. Dig. de his qui notantur infamia. 3, 2. Ulpianus libro sexto ad edictum: „Mandati condemnatus“: verbis edicti nota-

[1]) L. 1. §. 5. Dig. de obl. et act. 44, 7.

[2]) L. 1. pr. Dig. de tutelae et rationibus distrahendis 27, 3. Ulpianus libro trigesimo sexto ad edictum: „In omnibus quae fecit tutor, cum facere non deberet, item in his quae non fecit rationem reddet hoc judicio, praestando dolum, culpam et quantam in suis rebus diligentiam“. Ср. L. 3. pr. Dig de administratione et periculo tutorum. 26, 7.

[3]) L. 13. Cod. mandati 4, 35. Impp. Diocletianus et Maximianus A. A. и C. C. Zosimo: „A procuratore dolum et *omnem* culpam, non etiam improvisum casum praestandum esse juris auctoritate manifeste declaratur“. Ср. L. 11. 21. Cod. eod. tit. Ср. съ этимъ L. 23. Dig. de diversis reg. jur. 50, 17. и L. 8. §. 10. L. 10. §. 1. L. 22. §. 11. Dig. mandati. 17, 1.

tur non solum qui mandatum suscepit, sed et is, qui *fidem, quam adversarius secutus* est, non praestat" [1]).

Какъ видно изъ словъ *Ульпіана*, осужденіе въ judicium mandati предполагало вѣроломство—обманъ надеждъ, основанныхъ на данныхъ обѣтахъ. Но почему мандатарій могъ считаться вполнѣ исправнымъ только тогда, когда имъ было обнаружено усердіе diligentissimi patris familias? На какомъ основаніи за нимъ признается „perfidia", даже тамъ, гдѣ депозитарій, товарищъ, опекунъ были бы оправданы?

Чтобы точно понять это отступленіе отъ установленнаго нами принципа, слѣдуетъ разъяснить мотивы возникновенія contractus mandati въ области римскаго гражданскаго права. Мотивы эти ясно высказаны юристомъ *Павломъ*:

L. 1. §. 4. Dig. mandati 17, 1. Paulus libro trigensimo secundo ad edictum: „Mandatum nisi gratuitum nullum est: *nam originem ex officio et amicitia trahit*".

Въ основаніи мандата—два элемента: съ одной стороны это дружеская услуга, а съ другой—officium, которое покрываетъ собою безкорыстную услугу, безвозмездное одолженіе:

ibid: „contrarium ergo est *officio* merces: interveniente enim pecunia res ad locationem et conductionem potius respicit".

Эта принципіальная безвозмездность мандата, на которую, въ отличіе отъ договора найма, указалъ источникъ, должна напомнить намъ, что кромѣ дружескихъ услугъ въ сферу мандата входили и такъ назыв. operae liberales, quae locari non solent [2]).

На многія профессіи римляне смотрѣли съ той точки зрѣнія, что онѣ, по благородству и возвышенности своихъ задачъ, не должны терпѣть никакого денежнаго вознагражденія [3]).

---

[1]) См. наше толкованіе этой цитаты въ „Die Mandatsbürgschaft nach römischem Recht". Halle 1891, стр. 94.

[2]) L. 1. pr. Dig. de variis et extraord. cogn. 50, 13. „quae Graeci ἐλευθέρια appellant".

[3]) Ср. глоссу *Аккурсія* къ L. 1. §. 4. Dig. cit.: „Mandatum est officium *honestum* gratis susceptum".

Прежде всего эта точка зрѣнія примѣнялась ко всѣмъ отраслямъ государственной службы въ высшихъ должностяхъ [1]).

Кромѣ того римская жизнь выработала цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ занятій—то полуоффиціальнаго, то частнаго характера,—которымъ посвящали себя преимущественно люди знатные и въ матеріальномъ отношеніи вполнѣ независимые [2]). Эти-то operae liberales, эти свободныя профессіи сначала не входили въ сферу гражданскаго права, и всякое лицо, пользуясь услугами представителя подобныхъ занятій, на первыхъ порахъ не вступало съ нимъ ни въ какую юридическую связь. Отношенія были чисто фактическія, въ основаніи ихъ лежало одно только взаимное довѣріе. Такимъ свободнымъ ремесломъ считалось, между прочимъ, дѣло mensor'a—публичнаго таксатора и землемѣра. Еще Дигесты говорятъ о немъ, какъ о лицѣ не подлежащемъ, съ точки зрѣнія гражданскаго закона, никакой отвѣтственности (*civiliter* obligatus non est), и только впослѣдствіи преторъ сталъ допускать противъ неисправнаго mensor'a actio in factum [3]), которая затѣмъ постепенно переходила въ actio mandati directa [4]).

Благодаря такому ходу вещей, въ позднѣйшіе періоды operae liberales составляли главную почву для примѣненія мандата. Кругъ ихъ былъ столь обширенъ, что обнималъ собою самыя разнообразныя занятія. Для всѣхъ ихъ непремѣнно требовалось и бо́льшее умствен-

---

[1]) Если республиканскій магистратъ временно передавалъ ввѣренныя ему государствомъ полномочія другому, подчасъ даже частному лицу, то въ такомъ случаѣ употреблялся даже терминъ „*mandare* potestatem, jurisdictionem". Можно предполагать, что высшіе чины временъ принципата основывали свою должностную власть именно на такихъ мандатахъ. См. *Hirschfeld:* „Untersuchungen auf dem Gebiete der römischen Verwaltungsgeschichte". Berlin 1876. Томъ I, стр. 242. 268 и слѣд. Весьма вѣроятно, что на развитіе мандата публичное право оказало сильное вліяніе, точно такъ же, какъ и на locatio conductio и быть можетъ societas. ср. выше стр. 89.

[2]) L. 1. §. 1. Dig. si mensor fals. mod. dixerit 11, 6. Ulpianus libro vicensimo quarto ad edictum: „visum est enim satis abundeque coerceri mensorem, si dolus malus solus conveniatur ejus hominis, qui *civiliter obligatus non est*".

[3]) L. 1. pr. Dig. si mensor fals. mod. dixerit. 11, 6. Ulpianus libro vicensimo quarto ad edictum: „Adversus mensorem agrorum praetor *in factum actionem* proposuit".

[4]) О contractus mandati, заключенномъ съ mensor'омъ говорится въ Дигестахъ неоднократно: см. L. 2. §. 1. Dig. si mensor fals. mod. dixerit. 11, 6. Paulus libro vicensimo quinto ad edictum: „Sed si ego tibi, cum esses mensor, *mandaverim*, ut mensuram agri ageres".... L. 3. pr. Dig. eod. tit.

ное развитіе и высшія нравственныя достоинства [1]). Какъ operae liberales разсматривалась дѣятельность врачей, юрисконсультовъ, педагоговъ и т. д. Ремесло акушерки—obstetrix—причислялось также къ этому разряду [2]). Упомянутыя officia особенно уважались. Общество вполнѣ полагалось не только на познанія, но и на честность и исправность ихъ представителей.

Естественно, всякая, даже малѣйшая, небрежность лица, поставленнаго общественнымъ мнѣніемъ на столь видный пьедесталъ и въ столь исключительное положеніе, должна была заслуживать особенно строгаго порицанія, и кто, благодаря всеобщему довѣрію, сталъ на такой высотѣ, тотъ долженъ былъ на ней удержаться, а оказавшійся впослѣдствіи недостойнымъ, оскорблялъ саму идею честности. Fides, требуемая отъ представителей operae liberales, должна была проявляться въ особомъ усердіи и вниманіи къ интересамъ своихъ кліентовъ. Подобно тому, какъ консулы и другіе государственные чины подлежали самой строгой отчетности, и неудачи не вмѣнялись имъ только тогда, когда происходили отъ обстоятельствъ, отъ нихъ не зависящихъ (vis major, casus), мандатарій обязанъ былъ доказать, что по дѣламъ манданта (qui fidem ejus secutus est [3]) онъ не допускалъ ни малѣйшей неосторожности, ни малѣйшей непредусмотрительности. Напримѣръ, врачъ *обѣщаетъ* вылечить больнаго—qui alicujus partis corporis vel certi doloris **sanitatem pollicetur** [4]) этимъ онъ беретъ на себя серьезный и важный долгъ, употребить всѣ человѣческія усилія, чтобы только исполнить свое **обѣщаніе**. Конечно, чудесъ, торжества надъ непобѣдимыми силами природы отъ него никто не требуетъ, но онъ можетъ подлежать отвѣт-

---

[1]) Cicero: de officiis lib. I, cap. 42: Quibus autem artibus aut prudentia major inest aut *non mediocris utilitas quaeritur*, ut medicina, ut architectura, *ut doctrina rerum* honestatum, eae sunt iis quorum ordini conveniunt, honestae.

[2]) L. 1 pr. §. 1. Dig. de variis et extraord. cognit. 50, 13: Ulpianus libro octavo de omnibus tribunalibus: „Liberalia autem studia accipimus, quae Graeci ἐλευθέρια appellant rethores continebuntur, grammatici, geometrae. §. 1. Medicorum quoque eadem causa est quae professorum, nisi quod justior, cum hi salutis hominum, illi studiorum curam agant.... § 2. Sed et obstetricem audiant, quae utique medicinam exhibere videtur. § 3. Medicos fortassis quis accipiet etiam eos, qui alicujus partis corporis vel certi doloris sanitatem pollicentur: ut puta si auricularius, si fistulae vel dentium.

[3]) L. 6. §. 5. Dig. de his qui notantur infamia. 3, 2.

[4]) L. 1. §. 3. Dig. de variis et extraord. cognit. 50, 13. cit.

ственности не только за небрежность, но и за невѣдѣніе (imperitia) своего дѣла, поскольку послѣднее выяснено наукою. Онъ не смѣетъ, говоритъ *Ульпіанъ*, свое невѣжество прикрыть слабостью человѣческой природы—humana fragilitas. Леченіе безъ знанія считается поступкомъ мошенника (delictum decipientis homines), который не можетъ остаться безнаказаннымъ [1]). Вполнѣ понятно, подобный проступокъ долженъ былъ считаться безчестнымъ и потому подлежащимъ ignominia, хотя собственно dolus въ немъ и не было.

Пока преторская практика не выработала особаго иска, защищающаго интересы мандата, infamia была единственнымъ средствомъ, обезпечивающимъ общество отъ возможныхъ злоупотребленій врачей, юрисконсультовъ и представителей другихъ свободныхъ профессій [2]).

Намъ кажется, воззрѣніе римлянъ на этотъ родъ contractus mandati и на operae liberales едва ли чѣмъ отличается отъ нынѣшнихъ понятій. И теперь врачъ-шарлатанъ, адвокатъ недобросовѣстный—явленіе одинаково предосудительное, въ равной мѣрѣ заслуживающее порицанія. Чѣмъ выше въ нашихъ глазахъ профессія, чѣмъ болѣе цѣнимъ мы ея умѣлыхъ, самоотверженныхъ дѣятелей, тѣмъ строже здѣсь мы осуждаемъ всякое злоупотребленіе.

Если столь строгій критерій и вполнѣ примѣнимъ къ officia или къ operae liberales, то всетаки еще вопросъ, умѣстенъ ли онъ относительно тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, когда сдѣлка носитъ характеръ простой дружеской услуги (amicitiae gratia), оказанной постороннему лицу? Прежде всего не слѣдуетъ терять изъ виду, что хотя въ нынѣшней системѣ пандектнаго права и принято выставлять, какъ непремѣнное условіе, отвѣтственность мандатарія за несоблюденіе diligentia diligentissimi, но въ источникахъ этотъ вопросъ представляется далеко не столь безспорнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ Дигестахъ найдется не

---

[1]) L. 6. §. 7. Dig. de officio praesidis. 1,18. Ulpianus libro primo opinionum: „Sicuti medico imputari eventus mortalitatis non debet, ita quod per *imperitiam commisit, imputari ei debet*: praetextu humanae fragilitatis delictum decipientis in periculo homines innoxium esse non debet". Ср. L. 8. pr. Dig. ad leg. Aquiliam 9, 2.

[2]) Надзоръ надъ дѣятельностью врачей въ провинціяхъ принадлежалъ намѣстникамъ—praesides provinciae—Ср. L. 6. §. 7. Dig. cit. Не безъинтересно, что и въ настоящее время у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ, какъ то у Багобосовъ въ южномъ Миданао, врача, не вылечившаго больного, строго наказываютъ. См. *Post*: „Studien zur Entwickelungsgeschichte des Familienrechts". Oldenburg und Leipzig 1889, стр. 134.

мало мѣстъ, прямо говорящихъ, что, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, мандатарій отвѣчалъ лишь за dolus и culpa lata. Достаточно указать на mensor'а: его отношенія къ кліентамъ разсматривались какъ мандатъ, и тѣмъ не менѣе онъ считался виновнымъ только въ случаѣ dolus и culpa lata:

L. 1. §. 1. Dig. si mensor falsum modum dixerit. 11, 6: Ulpianus libro vicensimo quarto ad edictum: „visum est enim satis abundeque coerceri mensorem, *si dolus malus solus* conveniatur ejus hominis - - - Proinde si imperite versatus est, sibi imputare debet qui eum adhibuit - - - lata culpa plane dolo comparabitur".

Объ отвѣтственности манданта говоритъ:

L. 3. pr. Dig. eod. tit. Ulpianus libro vicensimo quarto ad edictum: „Si duobus (sc. mensoribus) mandavero et ambo dolose fecerint, adversus singulos in solidum agi poterit".

„Если двумъ mensor'амъ дано порученіе и оба они поступаютъ недобросовѣстно, то противъ каждаго изъ нихъ можно предъявить искъ въ полномъ объемѣ убытковъ".

Мы видимъ, заключеніе мандата нисколько не помѣшало *Ульпіану* отвергать необходимость omnis diligentia мандатарія и ограничивать отвѣтственность его только случаемъ злаго умысла—dolus и culpa lata, quae dolo comparatur [1]).

Это то свидѣтельство столь авторитетнаго римскаго юриста [2]) послужило поводомъ, что въ литературѣ стали появляться сторонники взгляда, по которому мандатарій вообще не отвѣчаетъ за omnis

---

[1]) L. §. 1. Dig. si mensor falsum modum dixerit. 11, 6.

[2]) Сюда же относится L. 8. §§. 9, 10. Dig. mandati 17, 1: Ulpianus libro trigensimo primo ad edictum: „Dolo autem facere videtur, qui id quod potest restituere non restituit: § 10. proinde si tibi mandavi, ut hominem emeres, tuque emisti, teneberis mihi, ut restituas. Sed etsi dolo emere neglexisti — — — aut si lata culpa — — teneberis. Sed etsi servus, quem emisti fugit, si quidem dolo tuo, teneberis, si dolus non intervenit nec culpa, non teneberis....— (Тотъ поступаетъ недобросовѣстно, кто не выдаетъ вещи, которую онъ можетъ выдать. Допустимъ, что я тебѣ далъ порученіе купить раба; въ такомъ случаѣ ты обязанъ вручить его мнѣ, коль скоро ты его купилъ. Но если ты умышленно—dolo—или по небрежности—culpa lata—раба не купилъ, то за это ты отвѣчаешь. И если наконецъ купленный тобою рабъ убѣжалъ,—ты также отвѣчаешь, но только за злой умыселъ и крайнюю небрежность, далѣе твоя отвѣтственность нейдетъ). Ср. также L. 5. §. 4. Dig. de praescr. verb. 19. 5.

culpa [1]). Но это уже крайность—одно увлеченіе. Всетаки нельзя оставить безъ вниманія и то характерное обстоятельство, что всѣ законы, опредѣляющіе подробнѣе culpa мандатарія, встрѣчаются въ Кодексѣ и принадлежатъ императорамъ позднѣйшаго времени: *Діоклетіану* и *Константину*. Это наводитъ на мысль, что такое правило устанавливалось не вдругъ, но было результатомъ продолжительнаго историческаго процесса, отдѣльные моменты котораго теперь трудно обозначить [2]). Очевидно, болѣе строгій критерій относительно отвѣтственности мандатарія выработался лишь впослѣдствіи и, быть можетъ, подъ сильнымъ вліяніемъ воззрѣнія римлянъ на operae liberales. Но какъ бы то ни было, существовали и другія, болѣе общія соображенія, въ силу которыхъ отъ лица, занимавшагося amicitiae gratia чужими дѣлами, можно было требовать *высшей* предусмотрительности.

Цѣль мандата состояла въ совершеніи извѣстной сдѣлки (res mandata [3]), отъ имени давшаго порученіе. Мандатарій, такимъ образомъ, являлся въ полномъ смыслѣ слова представителемъ интересовъ одного только довѣрителя. Онъ дѣйствовалъ исключительно въ хозяйственной сферѣ другого субъекта, а этимъ самымъ опредѣлялись размѣры требуемой отъ него осторожности и заботливости. Если же таковой не оказалось, оправданіе съ его стороны, что и въ собственныхъ дѣлахъ (in suis rebus) онъ поступаетъ такъ-же, какъ поступилъ въ дѣлахъ довѣрителя, едва ли было бы принято во вниманіе. Мандантъ и прибѣгаетъ къ услугамъ посторонняго лица только въ надеждѣ, что лицо это будетъ дѣйствовать не хуже его самого, а иначе, пожалуй, онъ бы къ нему и не обратился. Можно даже сказать, что въ большинствѣ случаевъ онъ прямо разсчитываетъ на опытность и на искусство мандатарія. Стало быть, масштабомъ для оцѣнки дѣйствій послѣдняго должны служить несубъективные, а непремѣнно объективные соображенія. Такой мѣркой мо-

---

[1]) См. указанія у *Hasse*: „Die Culpa des römischen Rechts“. Bonn 1838, стр. 360.

[2]) Мнѣніе, что первоначально мандатарій отвѣчалъ только за dolus и culpa lata, встрѣчается и у *Перниса*: Labeo. Томъ II, стр. 300 слѣд. Тотъ же авторъ утверждаетъ, что прямыя указанія на отвѣтственность мандатарія за omnis culpa встрѣчаются только въ позднѣйшихъ источникахъ.

[3]) Ср. *Pernice:* Labeo. Томъ I, стр. 443 и приведенныя здѣсь цитаты.

жетъ быть только diligentia boni patris familias. Это прямо высказано въ позднѣйшихъ источникахъ, устанавливающихъ болѣе строгую отвѣтственность мандатарія:

L. 21. Cod. mandati. 4, 35. Imp. Constantinus A. Volusiano pp.: „In re mandata non pecuniae solum, cujus est certissimum mandati judicium, verum etiam existimationis periculum est. Nam suae quidem quisque rei moderator atque arbiter non omnia negotia, sed pleraque ex proprio animo facit: *aliena vero negotia exacto officio geruntur* nec quicquam in eorum administratione neglectum ac declinatum culpa vacuum est".

Иными словами: принимая на себя порученіе, мандатарій рискуетъ не только своимъ имуществомъ, но и своей гражданской честью. Въ дѣлахъ собственныхъ каждый является полнымъ хозяиномъ, распоряжаясь, если и не всегда, то большею частью, по личному усмотрѣнію; чужими же дѣлами надо управлять, соблюдая самую строгую добросовѣстность, такъ какъ здѣсь малѣйшая небрежность, малѣйшее упущеніе угрожаютъ отвѣтственностью.

§ 3. До сихъ поръ мы разсуждали о вопросѣ, непосредственно не связанномъ съ предметомъ нашего изслѣдованія. Мы только хотѣли выяснить, почему всѣ contractus bonae fidei, нарушеніе которыхъ влекло за собою потерю гражданской чести, ограничивались отвѣтственностью только за dolus и такъ назыв. culpa in concreto. Было высказано предположеніе, что на первыхъ порахъ своего развитія и мандатъ требовалъ отъ контрагентовъ лишь одного—чтобы съ ихъ стороны не было злаго умысла. Такой взглядъ оправдывается самими источниками, и если со временемъ этотъ договоръ дѣлался какъ бы исключеніемъ изъ общаго правила, то причиною здѣсь являются особыя его цѣли, настоятельно вызывавшія болѣе строгій разборъ возможныхъ дѣйствій повѣреннаго. Несомнѣнно, впрочемъ, что въ позднѣйшіе періоды римскіе юристы начали вообще тяготиться умаленіемъ чести, какъ неизбѣжною карою для нарушителей извѣстныхъ обязательствъ. Бывали, напр., случаи, когда diligentia quam suis rebus adhibere solet не удовлетворяла нуждамъ практики, когда къ дѣйствіямъ лица, въ интересахъ общихъ и частныхъ, требовалось примѣнить масштабъ болѣе строгій, абсолютный. Какъ слѣдовало поступить, если поведеніе лица, подлежащаго отвѣтственности за culpa in concreto, далеко отставало отъ заботливости образцоваго хозяина, но въ

то-же время *съ субъективной* точки зрѣнія оказывалось вполнѣ осторожнымъ и предусмотрительнымъ? Неужели и тогда можно было допустить ignominia? На этотъ вопросъ *Ульпіанъ* отвѣчаетъ отрицательно: если опекунъ будетъ устраненъ отъ опеки вслѣдствіе врожденной лѣни, необразованности, неповоротливости или глупости, то онъ не подвергается умаленію гражданской чести [1]); и по всей справедливости, ignominia здѣсь была бы неумѣстна: перечисленныя качества такого рода, что опекунъ, надѣленный ими, терпимъ быть не долженъ, но всетаки они нерѣдко могутъ встрѣчаться и у людей честныхъ, конечно, неповинныхъ въ томъ, что либо духовное завѣщаніе, либо законъ или распоряженіе начальства [2]) наложили на нихъ несродныя имъ обязанности.

§ 4. Своими соображеніями мы вовсе не пытаемся установить какую нибудь новую теорію culpa по римскому гражданскому праву. Было бы даже неправильно безусловно связывать diligentia quam quis suis rebus adhibere solet съ infamia, въ томъ предположеніи, что первая безъ второй не встрѣчалась. Извѣстно, напр., что мужъ распоряжаясь приданымъ жены отвѣчалъ за culpa in concreto, хотя ему и не угрожала infamia [3]). Всѣ эти обстоятельства не позволяютъ намъ утверждать, что culpa in concreto *всегда* принималась за злой умыселъ, хотя бы и меньшій [4]). Намъ потому и кажется, что всѣ попытки возложить culpa на прокрустово ложе одной общей теоріи, не имѣли удовлетворительныхъ результатовъ. Какъ бы ни были широки и остроумны комбинаціи современныхъ ученыхъ, отъ нихъ всетаки ускользали недосмотренные факты. Да иначе и быть не могло. Великіе юристы классическаго періода всегда стояли на строгой почвѣ дѣйствующаго закона, толкуя и расширяя его съ крайней осторожностью, подчиняясь лишь настойчивымъ требова-

---

[1]) L. 3. §. 18. Dig. de suspectis tutoribus 26, 10. Ulpianus libro trigensimo quinto ad edictum: „Qui ob segnitiam vel rusticitatem inertiam simplicitatem vel ineptiam remotus sit, in hac causa est, ut *integra existimatione* tutela vel cura abeat".

[2]) Смотря по тому была ли tutela testamentaria или dativa.

[3]) L. 17. pr. Dig. de jure dotium. 23, 3.

[4]) См. *Binding* „Die Normen und ihre Uebertretung". Leipzig 1872. Томъ I, стр. 355. *Fr. Mommsen*: „Beiträge zum Obligationenrecht". Braunschweig 1855. Томъ III, стр. 371. Послѣдній того мнѣнія, что culpa in concreto возникаетъ только тогда, когда кто-либо *умышленно* обращается съ чужими дѣлами небрежнѣе, чѣмъ со своими собственными.

ніямъ практики. Въ этой чуткости къ запросамъ жизни, въ этомъ умѣніи оперировать, съ одной стороны, отсталыми и узкими опредѣленіями jus civile, а съ другой—нарождающимися принципами преторскихъ эдиктовъ заключается ихъ славное, неподражаемое творчество. Одною изъ своихъ главныхъ задачъ они считали примиреніе этихъ нерѣдко враждебныхъ элементовъ римскаго гражданскаго права. Но подобная эклектическая дѣятельность, преслѣдовавшая исключительно практическія цѣли, не могла выработать общихъ теорій; да если бы таковыя и появились, то и тогда въ силу означеннаго направленія она бы имъ не подчинилась. Такое подчиненіе уподоблялось бы, говоря словами одного знаменитаго дипломата, прогулкѣ по густому лѣсу съ шестомъ въ зубахъ. Всякая систематизація, всякая выработка общихъ теорій могла совершаться лишь на почвѣ закончившагося законодательства *Юстиніана*. Но несомнѣнно значительная часть новѣйшихъ обобщеній, выводимыхъ будто бы изъ него, совершенно чужда юристамъ классическаго періода. Къ разряду понятій, съ которыми мы встрѣчаемся въ источникахъ и которыхъ нельзя подвести подъ какую нибудь общую теорію, принадлежитъ и culpa. Поэтому болѣе правильный пріемъ долженъ бы состоять въ томъ, чтобы изслѣдовать разнообразное значеніе этого понятія въ отдѣльныхъ видахъ договоровъ, или же, пожалуй, въ извѣстныхъ однородныхъ ихъ группахъ. Конкретное представленіе римскихъ юристовъ о culpa становится вполнѣ очевиднымъ изъ того, что въ различныхъ контрактахъ она является для нихъ даже подъ разными названіями, смотря по тому, какое отношеніе къ дѣлу данный договоръ предписываетъ сторонамъ. Чаще всего встрѣчаются термины neglegentia или desidia, т. е. неосторожность или нерадивость. Между прочимъ, culpa in concreto обозначаетъ такого рода *нерадивость*, которая мѣшаетъ относиться къ чужому дѣлу съ той-же осторожностью и усердіемъ, какъ къ своему собственному. Въ иныхъ договорахъ, напр., въ мандатѣ и наймѣ часто требуются спеціальныя техническія познанія и опытность; поэтому здѣсь уже отсутствіе достаточной подготовки къ дѣлу (imperitia) имѣетъ значеніе culpa:

L. 9. §. 5. Dig. locati conducti. 19, 2. Ulpianus libro trigesimo secundo ad edictum: „Celsus etiam *imperitiam culpae adnumerandam* libro octavo digestorum scripsit: - - - *et quod imperitia*

peccavit (sc. наемникъ), *culpam esse*: quippe *ut artifex*, inquit, conduxit“ [1]).

Въ извѣстныхъ случаяхъ даже физическая слабость (infirmitas) можетъ быть причислена въ категоріи culpa:

L. 8. §. 1. Dig. ad leg. Aquiliam. 9, 2. Gajus libro septimo ad edictum provinciale: „Nec videtur iniquum, si infirmitas culpae adnumeretur, cum affectare quisque non debeat - - - infirmitatem suam alii periculosam futuram“.

Т. е. кто беретъ на себя какой нибудь трудъ, для котораго необходима соразмѣрная сила, тотъ и долженъ обладать ею, а иначе онъ подлежитъ отвѣтственности. Эту-же мысль выражаетъ и русская пословица: „взявшись за гужъ—не говори, что не дюжъ“ [2]).

§ 5. Убѣдившись въ томъ, что требованіе отъ товарищей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ diligentia, quam suis rebus adhibere solent, основывалось на древне-сакральномъ характерѣ contractus societatis и на связанной съ его нарушеніемъ infamia, спросимъ: могутъ ли воззрѣнія римскихъ юристовъ на такую отвѣтственность служить руководящимъ принципомъ и для современныхъ законодателей? Отвѣчаемъ: ни подъ какимъ видомъ! Разъ доказано, что на источники при опредѣленіи culpa sociorum вліяло традиціонное понятіе объ ignominia, то, отрѣшившись отъ него, мы болѣе не связаны авторитетомъ классическаго правовѣдѣнія и смѣло можемъ установить для отвѣтственности товарищей болѣе подходящій, объективный масштабъ—осторожность добраго хозяина (diligentia boni patris familias). Если, поэтому, нѣкоторыя современныя законодательства, и между прочимъ германское торговое право, отъ участниковъ въ товариществѣ требуютъ только той осмотрительности, съ которою послѣдніе ведутъ собственныя дѣла [3]), то въ этомъ сказывается излишняя и едва ли умѣстная романизація. Подобный принципъ нисколько не оправдывается

---

[1]) L. 6. §. 7. Dig. de officio praesidis. 1, 18. L. 27. §. 29. Dig. ad leg. Aquiliam. 9, 2. L. 13. §. 5. Dig. locati conducti. 19, 2.

[2]) Объ imperitia ср. *Pernice:* Labeo. Томъ II, стр. 336 и слѣд.

[3]) Ср. Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch. Art. 94: „Jeder Gesellschafter ist verpflichtet in den Angelegenheiten der Gesellschaft den Fleiss und die Sorgfalt anzuwenden, welche er in seinen eigenen Angelegenheiten anzuwenden pflegt“. (Каждый товарищъ долженъ прилагать къ дѣламъ товарищества то прилежаніе и ту заботливость, которыя онъ обыкновенно прилагаетъ къ своимъ собственнымъ дѣламъ). См. также: Сводъ мѣст-

современнымъ торгово-промышленнымъ бытомъ. Образъ дѣйствія лицъ, участвующихъ въ коммерческихъ предпріятіяхъ, по германскому торговому уставу, обыкновенно обсуждается съ точки зрѣнія аккуратнаго купца—eines ordentlichen Kaufmannes [1]); къ чему же такое отступленіе въ договорѣ товарищества, который, какъ сдѣлка коммерческая, играетъ столь важную роль?

Такое отступленіе отъ общепринятаго мѣрила заботливости аккуратнаго купца, въ случаѣ процесса, сопровождается большими неудобствами. Благодаря ему кругъ судебныхъ доказательствъ осложняется въ значительной степени. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ неизбѣжна длинная процедура для установленія того масштаба, который могъ бы быть примѣняемъ къ образу дѣйствій отвѣтчика. Вѣдь, при этомъ необходимо самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовать весь его домашній обиходъ [2]), чтобы только установить, насколько различно ведетъ онъ собственныя дѣла и дѣла товарищества [3]); между тѣмъ какъ понятіе предусмотрительности аккуратнаго купца, какъ абсолютное, опредѣлено разъ на всегда; и тяжущимся и суду заранѣе извѣстны всѣ его оттѣнки.

ныхъ узаконеній губерній прибалтійскихъ. Законы гражданскіе ст. 4278: „Товарищи отвѣтствуютъ другъ передъ другомъ не только за недобросовѣстность (dolus), но и за упущеніе. Отъ каждаго изъ нихъ не можетъ однако быть требуемо болѣе того рвенія, какое онъ прилагаетъ къ собственнымъ своимъ дѣламъ". Того же взгляда держится: „Allgemeines Landrecht für die preussischen Staaten Theil I, tit 17, § 211, das sächsische bürgerliche Gesetzbuch. Art 1371, швейцарскій союзный законъ объ обязательствахъ ст. 538 и Entwurf eines bürgerlichen Gesetzbuches für das deutsche Reich. Art. 633.

[1]) Ср. Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch. Art. 282: „Wer aus einem Geschäft, welches auf seiner Seite ein Handelsgeschäft ist, einem Anderen zur Sorgfalt verpflichtet ist, muss die Sorgfalt eines ordentlichen Kaufmannes anwenden".... (Кто на основаніи сдѣлки, которая, поскольку она касается его, имѣетъ характеръ торговой, отвѣчаетъ другому лицу за свою заботливость, тотъ долженъ приложить заботливость аккуратнаго купца). Сверхъ того еще другія статьи предписываютъ „die Sorgfalt eines ordentlichen Kaufmannes", продавцу при поставкѣ товара (Art. 344), коммиссару (Art. 361, 367), экспедитору (Art. 380, 387). Ср. *Gareis* und *Fuchsberger*. „Das allgemeine Deutsche Handelsgesetzbuch". Berlin 1891, стр. 611 и слѣд.—Впрочемъ, контрагентамъ разрѣшается обусловить заключеніе договора товарищества болѣе строгою отвѣтственностью: „Haftung für die Sorgfalt eines ordentlichen Kaufmannes". Ср. *Gareis* und *Fuchsberger*: loc. cit. стр. 223. Въ этомъ, какъ намъ кажется, прямо сказывается сознаніе недостатка установленнаго закономъ порядка. Высшая абсолютная осторожность требуется отъ членовъ правленія акціонерныхъ обществъ—die Sorgfalt eines ordentlichen Gechäftsmannes, ср. Art. 204, 241.

[2]) Ср. *Fr. Mommsen:* „Beiträge zum Obligationenrecht". Томъ III, стр. 375.

[3]) Обязанность доказать это возлагается на потерпѣвшихъ т. е. истцовъ. *Gareis* und *Fuchsberger*: loc. cit. стр. 223.

§ 6. Опредѣливъ особый характеръ culpa sociorum, мы не можемъ оставить безъ вниманія взглядъ римскихъ юристовъ на такъ наз. compensatio culpae cum compendio, тѣмъ болѣе, что обсужденіе этого взгляда тѣсно связано со всѣми нашими выводами объ отвѣтственности товарищей вообще.

Вопросъ въ томъ: можетъ ли socius, причинившій своею небрежностью убытки союзу, требовать, чтобы при взысканіи послѣднихъ были приняты во вниманіе и тѣ выгоды, которыя онъ приносилъ товарищамъ другими, болѣе удачными операціями?

Во всѣхъ сдѣлкахъ, основанныхъ на bona fides, римская практика держалась общаго принципа: „lucrum cum damno compensatur". Это правило послѣдовательно соблюдается въ obligationes ex contractu и quasi ex contractu. Сторона, нарушившая договоръ въ одномъ отношеніи, можетъ путемъ exceptio doli избавиться отъ всякой отвѣтственности, если только въ другомъ отношеніи сдѣлала больше, чѣмъ была обязана по условію. Напримѣръ: при продажѣ двухъ поземельныхъ участковъ обнаружится, что одинъ изъ нихъ размѣрами меньше или стоимостью ниже, чѣмъ заявлено было продавцомъ; тѣмъ не менѣе послѣдній не отвѣчаетъ, если при этомъ другой участокъ окажется настолько-же обширнѣе или доходнѣе [1]).

Тотъ-же принципъ соблюдается и въ negotiorum gestio: лицо, занимавшееся чужими дѣлами безъ всякаго полномочія или порученія, должно возмѣстить весь ущербъ, причиненный его неосторожностью (omnis culpa) настоящему хозяину (dominus negotii); но вмѣстѣ съ тѣмъ negotiorum gestor пользуется правомъ вычесть изъ суммы убытковъ тѣ доходы, которые онъ доставилъ по другимъ статьямъ того-же дѣла:

> L. 10. (11). Dig. de negotiis gestis. 3, 5. Pomponius libro vicensimo primo ad Quintum Mucium: „Si negotia absentis et ignorantis geras, et culpam et dolum praestare debes. - - - - quod si in quibusdam (sc. rebus) lucrum factum fuerit, in quibusdam damnum, absens pensare lucrum cum damno debet".

---

[1]) L. 42. in fin Dig. de actionibus empti venditi. 19, 1. Paulus libro secundo quaestionum: - - „Sed rectius est in omnibus supra scriptis casibus lucrum cum damno compensari et si quid deest emptori sive pro modo sive pro qualitate loci, hoc ei resarciri".

Это правило въ contractus societatis не примѣняется. Юристы-классики высказываютъ мнѣніе, что culpae compensatio въ договорѣ товарищества допущена быть не можетъ:

L. 26. Dig. pro socio. 17, 2. Ulpianus libro trigesimo primo ad edictum. „Et ideo si socius quaedam neglegenter in societate egisset, in plerisque autem societatem auxisset, non compensatur compendium cum neglegentia, ut Marcellus libro sexto digestorum scribsit".

Нѣсколько иными словами то-же самое повторяетъ *Павелъ*:

L. 25. Dig. eod. tit. Paulus libro sexto ad Sabinum: „Non ob eam rem minus ad periculum socii pertinet quod neglegentia ejus perisset, quod in plerisque aliis industria ejus societas aucta fuisset: et hoc ex appellatione imperator [1]) pronuntiavit".

Чѣмъ-же объясняется такое отступленіе отъ общаго, столь справедливаго принципа? Почему-же socius, причинившій своею небрежностью (neglegentia) убытки союзу, не можетъ требовать, чтобы при окончательномъ балансѣ были приняты въ соображеніе всѣ тѣ выгоды, которыя онъ приносилъ товариществу своимъ усердіемъ и знаніемъ дѣла?—Съ формальной точки зрѣнія такой зачетъ не долженъ встрѣчать никакихъ препятствій: договоръ товарищества принадлежитъ къ разряду contractus bonae fidei, actio pro socio разсматривается, какъ bonae fidei judicium, при ликвидаціи общаго предпріятія обращаютъ вниманіе на требованія самой широкой справедливости „quid quid ex fide bona dare facere oportet". Всѣ законныя претензіи, вытекающія изъ подобнаго договора, заслуживаютъ полнаго уваженія независимо отъ того, на какихъ основаніяхъ и когда онѣ возникли. Если же, не смотря на все это, compensatio compendii cum neglegentia" не допускалась, то только потому, что подобный зачетъ встрѣчныхъ требованій противорѣчилъ бы принципамъ bona fides. Въ neglegentia socii слышится еще старое воспоминаніе о первоначальной отвѣтственности товарищей лишь за dolus и fraus. Даже по взгляду *позднѣйшихъ* юристовъ, culpa in concreto здѣсь заключаетъ въ себѣ всѣ моменты недобросовѣстности; кто-же допустилъ ее, уже не можетъ защищаться при помощи exceptio doli, какъ средства для compensatio.

---

[1]) Императоръ Септимій Северъ.

Онъ долженъ вознаградить товарищей за причиненные его **недобросовѣстностью** убытки безусловно.

Такого рода отвѣтственность распространяется и на тѣ случаи, если ущербъ былъ причиненъ не товарищемъ лично, а небрежностью его раба, приставленнаго имъ къ предпріятіямъ союза. И въ выборѣ довѣреннаго лица по дѣламъ компаніи socius обязанъ соблюдать diligentia quam suis rebus adhibere solet. Поэтому всякая небрежность уполномоченнаго невольника ставится въ вину самому хозяину и разсматривается, какъ culpa посдѣдняго, при чемъ и здѣсь не допускается compensatio compendii cum neglegentia“ [1]).

L. 23. §. 1. Dig. pro socio. 17, 2. Ulpianus libro trigesimo ad Sabinum: - - - „Marcellus libro sexto digestorum scribit, si *servus* uniuś ex sociis societati a domino propositus *neglegenter versatus sit,* dominum societati qui praeposuerit praestaturum nec compensandum commodum, quod per servum societati accessit, cum damno: et ita divum Marcum pronuntiasse, nec posse dici socio: abstine commodo, quod per servum accessit, si damnum petis“.

Кромѣ указанныхъ случаевъ, въ источникахъ упоминается еще объ одномъ запрещеніи compensatio compendii cum neglegentia, имѣющемъ, впрочемъ, спорный характеръ. Одинъ изъ товарищей заключаетъ лично отъ себя contractus societatis съ постороннимъ контрагентомъ и привлекаетъ послѣдняго къ участію въ общихъ дѣлахъ. Спора нѣтъ, весь вредъ, который такое третье лицо (socius socii) причинитъ своею небрежностью, долженъ пасть на отвѣтственность товарища, вступившаго съ нимъ въ соглашеніе, но *объ размѣрахъ* этой отвѣтственности юристы-классики различнаго мнѣнія. Не столь строгаго взгляда придерживается *Помпоній*: онъ готовъ предоставить товарищу право уступить союзу свои требованія къ его контрагенту и такимъ образомъ отдѣлаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ претензій. Но *Помпоній* на этомъ не оста-

---

[1]) По тому-же принципу допускается противъ хозяина exceptio doli, если рабъ его обнаружилъ въ сдѣлкѣ съ третьимъ лицомъ какую либо недобросовѣстность или совершилъ обманъ. Ср. L. 4. §. 17. Dig. de doli mali et metus exceptione. 44,4. Ulpianus libro septuagensimo sexto ad edictum: „In hac exceptione et de dolo servi vel alterius personae juri nostro subjectae excipere possumus - - - - si autem non ex peculiari causa, tum de eo dumtaxat excipi oportet, *qui admissus sit in ipso negotio quod geritur*, non etiam si postea aliquis dolus intervenisset“.

навливается: могло-же случиться, что приглашеніе socius socii оказалось не исключительно убыточнымъ для товарищества, а принесло ему вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстныя выгоды. Спрашивается, должны ли послѣднія при ликвидаціи быть приняты во вниманіе, допускается-ли compensatio neglegentiae cum compendio. Даже на этотъ вопросъ нашъ юристъ даетъ положительный отвѣтъ:

L. 23. pr. §. 1. Dig. pro socio. 17, 2. Ulpianus libro trigesimo ad Sabinum: „De illo Pomponius dubitat, utrum actionem eum mandare sociis sufficit, ut, si facere ille non possit, nihil ultra sociis praestet---- §. 1. Idem quaerit, an commodum, quod propter admissum socium accessit, compensari cum damno, quod *culpa praebuit*, debeat, *et ait compensandum.*

Иначе разсуждаетъ *Ульпіанъ*: онъ требуетъ, чтобы самъ товарищъ (qui admisit socium) непосредственно вознаградилъ весь союзъ за убытки, причиненные небрежностью третьяго лица, и совершенно отрицаетъ возможность compensatio neglegentia cum compendio:

Ibid. Ulpianus loc. cit. „Et puto omnimodo eum teneri ejus nomine, quem ipse solus admisit, quia difficile est negare culpa ipsius admissum". Повторяя дальше мнѣніе *Помпонія* o culpae compensatio, *Ульпіанъ* возражаетъ: „Quod non est verum"...

Въ современной литературѣ было высказано мнѣніе, что socius, привлекающій кого-нибудь посторонняго къ дѣламъ общимъ, поступаетъ черезчуръ своевольно и потому долженъ подлежать строжайшей отвѣтственности за такой шагъ [1]). Однако-же, какъ намъ кажется, римскіе юристы объ этомъ судили иначе,—хладнокровнѣе, и если *Ульпіанъ* возражалъ *Помпонію*, то исключительно въ силу практическихъ соображеній: приглашеніе контрагента кѣмъ либо изъ участниковъ къ дѣламъ союза всегда допускалось и никогда не разсматривалось, какъ нарушеніе contractus societatis; тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что socius socii съ остальными товарищами ни въ какую связь не вступалъ [2]). Между ними не было tractatus, con-

---

[1]) *Hasse*: „Die culpa des römischen Rechts", стр. 248: „Weil schon darin an sich eine *Anmassung* liegt, dass er den Fremden zugelassen und er mithin auch die üblen Folgen tragen muss".

[2]) L. 19. Dig. pro socio. 17, 2. Ulpianus libro trigesimo ad Sabinum: „Qui admittitur

sensus, affectus societatis, необходимыхъ для всякаго договора товарищества. Компаніоны, не имѣя никакихъ отношеній съ этимъ третьимъ лицомъ, можетъ быть, даже не зная его лично, разумѣется, не были въ состояніи опредѣлить, какую осторожность онъ соблюдалъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, и какого отношенія къ общему дѣлу можно было отъ него ожидать. Если, поэтому, такой посторонній контрагентъ оказался бы впослѣдствіи во всѣхъ отношеніяхъ небрежнымъ дѣльцомъ и плохимъ хозяиномъ, то, конечно, нельзя было возразить товарищамъ: пеняйте на себя, зачѣмъ вы съ нимъ связались—sibi imputabitis, quia talem eligistis". Вотъ почему имъ предоставлялось обращаться со своими претензіями только къ тому изъ своей среды, кто заключилъ съ новымъ лицомъ contractus societatis; онъ одинъ отвѣчалъ за всѣ послѣдствія, какъ за всякое дѣйствіе, совершенное имъ ради союза.

Если юристы-классики, не допуская compensatio neglegentiae cum compendio въ договорѣ товарищества, дѣлаютъ рѣзкое отступленіе отъ правила, соблюдаемаго во всѣхъ остальныхъ contractus bonae fidei, то это, какъ мы видѣли, объясняется особымъ взглядомъ римскаго правовѣдѣнія на отвѣтственность товарищей вообще. Спрашивается, какъ отнестись къ данному вопросу съ точки зрѣнія нынѣшнихъ законодательствъ? Въ современномъ правѣ всѣ договоры причисляются къ разряду contractus bonae fidei: при ихъ толкованіи соблюдаются принципы полнѣйшей свободы, вслѣдствіе чего и зачетъ встрѣчныхъ требованій допускается безъ ограниченій, поскольку отъ этого не страдаетъ процессуальная сторона дѣла. Отступленіе отъ общаго правила въ договорѣ товарищества могло бы допускаться лишь по уважительнымъ причинамъ. Но ихъ то у насъ теперь нѣтъ: дѣйствующіе кодексы не признаютъ умаленія гражданской чести въ случаѣ осужденія товарища и, поэтому, должны на отвѣтственность послѣдняго смотрѣть иначе, чѣмъ римляне. Въ нашихъ глазахъ „neglegentia socii" лишается того элемента недобросовѣстности, который ей присвоивали римскіе юристы, и съ такой точки зрѣнія требованіе,

---

socius, ei tantum socius est, qui admisit, et recte: cum enim societas consensu contrahatur socius mihi esse non potest quem ego socium esse nolui. Quid ergo si socius meus eum admisit? ei soli sociusest". L. 20 Dig. eod. tit. Idem libro trigesimo primo ad edictum: („nam socii mei socius meus socius non est").

возникшее изъ *небрежности* товарища, нисколько не отличается отъ *всякой другой* претензіи изъ нарушенія *любаго* договора [1]).

Наконецъ, отвѣтственность товарищей за такъ назыв. culpa in concreto, установленная римскими юристами, имѣетъ еще другое и притомъ весьма важное значеніе. Съ особенною убѣдительностью она доказываетъ, что societas omnium bonorum не могла служить прототипомъ и основною формою contractus societatis въ римскомъ гражданскомъ правѣ. Мало того, на развитіе ученія о culpa sociorum этотъ типъ товарищества не оказывалъ ни малѣйшаго вліянія, и всѣ правила, относящіяся сюда, складывались совершенно независимо отъ него. Да иначе и быть не могло. Ибо какъ же можно опредѣлить понятіе diligentia quam quis suis rebus adhibere solet, если только товарищъ, помимо дѣлъ союза, никакихъ собственныхъ дѣлъ не имѣетъ (какъ это свойственно именно societas omnium bonorum), по веденію которыхъ можно было бы судить о присущей ему „in suis rebus" предусмотрительности.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Искъ между товарищами.

Actio pro socio—соединяющее звено между societas omnium bonorum и societas unius negotii. Societas unius negotii—основаніе actio pro socio. Цѣль этого иска. Arbitrium pro socio. Actio pro socio—judicium generale. Beneficium competentiae. Formula actionis pro socio.

§ 1. Весьма важное событіе въ исторіи договора товарищества представляетъ собою внесеніе actio pro socio въ преторскій эдиктъ. Этимъ, между прочимъ, опредѣляется, моментъ, когда два главныхъ типа нашего института—societas omnium bonorum и societas unius negotii получаютъ одно общее основаніе. Происходя изъ различныхъ началъ и удовлетворяя въ жизни разнороднымъ требованіямъ, они въ actio pro socio впервые находятъ соединяющее звено. Съ тѣхъ поръ, какъ

---

[1]) Такую неправильную романизацію мы встрѣчаемъ въ сводѣ мѣстныхъ узаконеній губерній прибалтійскихъ. См. законы гражданскіе ст. 4281, которая безусловно запрещаетъ compensatio culpae cum compendio: „Товарищъ, виновный въ небреженіи, отъ коего произошелъ вредъ, не можетъ прикрывать его выгодами, принесенными имъ товариществу, въ другихъ случаяхъ, особымъ своимъ рвеніемъ". Ср. также: das allgemeine bürgerliche Gesetzbuch für das Kaiserthum Oesterreich §. 1191.

преторская власть создала одинъ общій искъ для охраны интересовъ лицъ, участвующихъ въ товариществахъ любаго рода, societas omnium bonorum и unius negotii начинаютъ приближаться другъ къ другу. Но, не смотря на ихъ явное взаимное воздѣйствіе, они не сливаются окончательно даже въ законодательствѣ *Юстиніана*, и современные кодексы еще различаютъ оба эти вида довольно рѣзко.

Уже выше нами было высказано предположеніе, что societas omnium bonorum едва ли подавала поводъ ко внесенію actio pro socio въ преторскій эдиктъ, въ виду той роли, которую могло играть familiae erciscundae judicium въ товариществахъ первоначальнаго семейнаго типа [1]). Несомнѣнно, что contractus societatis unius negotii гораздо болѣе нуждался въ судебной защитѣ, и что именно этотъ договоръ требовалъ расширенія системы преторскихъ исковъ.

Цѣль actio pro socio съ самаго начала состояла въ прекращеніи contractus societatis и въ ликвидаціи всѣхъ дѣлъ союза; по свидѣтельству *Прокула*, въ этомъ заключалась главная причина внесенія нашего иска въ эдиктъ претора [2]). Такая ликвидація впослѣдствіи нерѣдко получала болѣе сложный характеръ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ стали допускать личный трудъ въ качествѣ товарищескаго взноса. Тогда естественно начали требовать самаго точнаго опредѣленія стоимости подобнаго труда, чтобы подробно выяснять прибыли и убытки всего дѣла [3]). Разнообразныя и близкія имущественныя отношенія между товарищами всегда заключали въ себѣ много поводовъ ко всевозможнымъ столкновеніямъ. Даже при искреннемъ желаніи съ ихъ стороны избѣгать раздоровъ, легко могли возникать между ними недоразумѣнія, въ особенности, когда приходилось строго взвѣшивать услуги каждаго на пользу общаго предпріятія. Поэтому-то окончательный разсчетъ между ними никогда не допускалъ узкаго формализма, онъ долженъ былъ основываться на свободной оцѣнкѣ взаимныхъ интересовъ, и въ спорахъ между товарищами bona fides играла наиболѣе важную роль.

---

[1]) См. выше. стр 4 и слѣд. 32 и слѣд. 35.

[2]) Ср. L. 65. pr. Dig. pro socio. 17, 2. cit. на стр. 35.

[3]) Ср. выше стр. 156 и слѣд.

Понятно, при такихъ условіяхъ предъявленіе actio pro socio должно было влечь за собою всестороннее участіе третейскаго судьи, и въ самомъ дѣлѣ, слова arbiter или arbitrium pro socio имѣютъ въ источникахъ значеніе техническихъ терминовъ [1]).

Изъ современныхъ юристовъ *Келлеръ* высказалъ мнѣніе, что arbitrium pro socio на ряду съ arbitrium familiae erciscundae встрѣчалось уже во время исключительнаго господства legis actiones, т. е. еще до обнародованія lex Aebutia. Въ такомъ случаѣ, надо полагать, legis actio per arbitri postulationem должна была служить общепринятою процессуальною формою для нашего иска [2]). Однако-жъ эти предположенія *Келлера* ни на чемъ не основаны и мало правдоподобны. Вообще о legis actio per judicis seu arbitri postulationem источники намъ не даютъ почти никакихъ свѣдѣній [3]). Весьма вѣроятно, что это производство примѣнялось въ actiones familiae erciscundae и finium regundorum, но идти дальше въ нашихъ догадкахъ мы не можемъ. Напротивъ того, намъ кажется, что actio pro socio впервые появилась только тогда, когда свободныя начала процесса per formulas пріобрѣли уже твердую почву [4]). По крайней мѣрѣ, *Цицеронъ* неоднократно указываетъ на arbitrium pro socio, какъ на прототипъ неформальнаго иска, гдѣ вся суть заключалась въ широкомъ господствѣ принципа bona fides, въ безпристрастномъ, свободномъ обсужденіи взаимныхъ интересовъ.

> De officiis lib. III, cap. 17: „Q. quidem Scaevola, pontifex maximus, summam vim esse dicebat in omnibus iis arbitriis, in quibus adderetur: ex fide bona, fidei que bonae' nomen existimabat *manare latissime* idque versari in tutelis societatibus---".

Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же авторъ говоритъ о способѣ предъявленія actio pro socio:

---

[1]) Ср. L. 38. pr. Dig. pro socio. 17, 2. cit. на стр. 192. Cicero: de officiis lib. III cap. 17. Idem: pro Q. Roscio comoedo oratio cap. 6, 9. cit.

[2]) „Der römische Civilprocess und die Actionen", стр. 85, примѣч. 234.

[3]) Весь относящійся сюда скудный матеріалъ приводитъ *Karlowa:* „Der römische, Civilprocess zur Zeit der Legisactionen", стр. 55. и *Keller*: loc. cit. стр. 81. и слѣд.

[4]) Нашъ взглядъ соотвѣтствуетъ вполнѣ предположенію нѣкоторыхъ современныхъ ученыхъ о времени внесенія actio pro socio въ эдиктъ претора. См. выше стр. 60.

Pro Q. Roscio comoedo oratio cap. 8: „Sunt jura, sunt formulae de omnibus rebus constitutae, ne quis aut in genere injuriae aut ratione actionis errare possit; expressae sunt enim ex unius cujusque damno - - - publicae a praetore formulae, ad quas privata lis adcommodatur. Quae cum ita sint, cur non *arbitrum pro socio* adegeris Q. Roscium quaero. Formulam non noras? notissima erat".

Arbitrium pro socio является тѣсно связаннымъ съ извѣстною процессуальною формулою, которая помѣщалась въ преторскомъ эдиктѣ [1]) для всеобщаго свѣдѣнія—publica formula. Вотъ тѣ первыя точныя извѣстія, которыя мы имѣемъ о нашемъ искѣ, и ничто намъ не даетъ права распространять legis actio per judicis seu arbitri postulationem на споры, возникавшіе изъ договора товарищества. Мы уже видѣли, какимъ путемъ практика, еще до введенія actio pro socio, давала компаніонамъ возможность отстаивать свои интересы на судѣ, и какую роль здѣсь играли stipulationes, опредѣлявшія весь имущественный интересъ contractus societatis [2]). Даже въ позднѣйшія времена товарищи нерѣдко заключали подобные добавочные договоры, желая избѣгнуть тяжелыхъ послѣдствій infamia, связанной съ actio pro socio [3]).

Изъ примѣненія arbitrium'а вытекаетъ и самое названіе нашего иска. Несомнѣнно, слова „pro socio" впервые употреблялись при выборѣ третейскаго судьи: arbitrum pro socio dare, adigere, sumere, гово-

---

[1]) Въ той-же рѣчи—cap. 5—*Цицеронъ* причисляетъ arbitrium pro socio къ arbitria honoraria т. е. къ arbitria, основанныя на jus honorarium—преторскомъ правѣ, въ противуположность къ judicia legitima.

[2]) См. выше стр. 69 и слѣд.

[3]) Иногда товарищи прибавляли къ contractus societatis условіе неустойки—stipulatio poenae, опредѣляя, такимъ образомъ, заранѣе весь тотъ имущественный интересъ, который они будутъ имѣть въ точномъ исполненіи договора: L. 41. Dig. pro socio, 17, 2. Ulpianus libro vicensimo ad edictum: „Si quis a socio poenam stipulatus sit, pro socio non aget, si tantundem in poenam sit, quantum ejus interfuit", Ср. L. 42. Dig. eod. tit. Благодаря такой добавочной стипуляціи, потерпѣвшій товарищъ достигалъ двойной выгоды: вопервыхъ, онъ избавлялся отъ необходимости подробно обозначать объемъ своихъ убытковъ; достаточно было доказать неисправность противника въ любомъ пунктѣ. Вовторыхъ, не было риска относительно умаленія гражданской чести отвѣтчика, котораго истецъ, быть можетъ, вовсе не желалъ. Съ этой точки зрѣнія еще *Цицеронъ* называетъ требованіе изъ договора товарищества серьезнымъ и ненавистнымъ—gravius et odiosius —Ср. pro Q. Roscio comoedo oratio cap. 5.

рятъ источники [1]), и отсюда появился впослѣдствіи и самый терминъ actio pro socio [2]).

§ 2. При дальнѣйшей характеристикѣ нашего иска нельзя оставить безъ вниманія, что въ Дигестахъ онъ причисляется къ judicia generalia:

L. 38. pr. Dig. pro socio. 17, 2. Paulus libro sexto ad Sabinum: „Pro socio arbiter prospicere debet cautionibus in futuro damno vel lucro pendente ex ea societate. Quod Sabinus in omnibus bonae fidei judiciis existimavit, sive generalia sunt (veluti pro socio, negotiorum gestorum, tutelae) sive specialia (veluti mandati, commodati, depositi).

Прежде всего надо замѣтить, что римскіе юристы намъ нигдѣ не даютъ точнаго опредѣленія понятій—judicia specialia и generalia. Однако-же, судя по примѣрамъ, указаннымъ *Павломъ*, можно полагать, что послѣднія (judicia generalia) примѣнялись во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ шелъ вопросъ о цѣломъ кругѣ различныхъ предпріятій съ ихъ окончательными результатами. Въ присоединеніи actio pro socio къ judicia generalia *Ленель* находитъ неопровержимое доказательство того, что основною формою товарищества въ римскомъ правѣ послужила societas omnium bonorum [3]), будто бы единственно требующая при своемъ прекращеніи сложныхъ разсчетовъ. Но этотъ выводъ едва ли основателенъ. Въ вопросѣ о ликвидаціи societas omnium bonorum не представляла бо́льшихъ осложненій, чѣмъ, напр., societas unius negotiationis. Первенствующая роль, которая въ римской жизни выпала на долю послѣдней, не могла

[1]) Cicero: pro Q. Roscio comoedo oratio cap. 4, 9. „Pro" означаетъ по старѣйшей этимологіи „въ чью либо пользу, въ интересахъ кого нибудь". Подъ arbiter pro socio мы разумѣемъ третейскаго судью, назначеннаго въ интересахъ пострадавшаго товарища, по его просьбѣ. Точно такъ-же объясняется и терминъ actio pro socio—искъ, который допускается преторомъ для защиты товарища, потерпѣвшаго отъ dolus или fraus контрагента.

[2]) *Ленель*.—„Edictum perpetuum", стр. 237—считаетъ слова „pro socio" частью процессуальной формулы actio pro socio, въ которой однако, по нашему мнѣнію, трудно найти для нихъ подходящее мѣсто. Авторъ предлагаетъ такую схему: „Quod As As cum N° N° societatem omnium bonorum coiit, quidquid ob eam rem Nm Nm A° A° (alterum alteri) *pro socio* dare facere praestare oportet ex fide bona, dumtaxat quod Ns Ns facere potest, ejus judex Nm Nm A° A° condemna, si non paret absolve". Какъ видно по этому проекту, слова „pro socio" тамъ, гдѣ они стоятъ, не имѣютъ никакого смысла. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ относить ихъ къ intentio, какъ это дѣлаетъ *Ленель*. Если они вообще принадлежали къ формулѣ, то ихъ мѣсто могло быть единственно въ demonstratio, обозначавшей, какъ извѣстно, юридическое основаніе иска.

[3]) Loc. cit. стр. 237.

остаться безъ вліянія на развитіе самой actio pro socio, и весьма возможно, что подъ этимъ вліяніемъ выработалась формула нашего иска.

Наконецъ, какъ намъ кажется, для judicia generalia характерны не только сложность и широта различныхъ правоотношеній, которыя ихъ вызываютъ, но гораздо бо́льшее значеніе здѣсь имѣютъ неопредѣленность и непредвидѣнность всего того, на что́ могли быть направлены иски такого рода. Это вполнѣ подтверждается примѣрами, приведенными въ нашей цитатѣ: въ actio mandati и depositi, какъ въ judicia specialia, рамки дѣйствій, обязательныхъ для сторонъ, строго опредѣлены [1]), и поэтому точно обозначаются въ процессуальной формулѣ. Другое дѣло съ товариществомъ: здѣсь контрагентъ долженъ предпринимать *все вообще*, что́ можетъ быть *полезнымъ* для союза, прилагая ту же заботливость, какую онъ соблюдаетъ въ собственныхъ предпріятіяхъ. Формула actio pro socio естественно не могла напередъ обозначить предѣлы отвѣтственности тяжущихся; она должна была придерживаться болѣе общихъ выраженій, а эта особенность встрѣчается не только въ товариществахъ со сложными отношеніями отдѣльныхъ участниковъ или обширными оборотами, но точно такъ-же и въ самыхъ узкихъ видахъ нашего института—въ societas unius rei и unius negotii.

§ 3. Процессъ между товарищами имѣетъ ту особенность, что истецъ, въ случаѣ выигрыша дѣла, не въ правѣ требовать полнаго удовлетворенія, если оно можетъ быть достигнуто не иначе, какъ окончательнымъ разореніемъ отвѣтчика. Другими словами, socii обязаны щадить другъ друга и даже уменьшать свои *законныя* претензіи, если вслѣдствіе ихъ покрытія сотоварищъ можетъ быть повергнутъ въ нищету и крайность.

Вопросъ о такъ наз. посильной отвѣтственности намъ еще разъ напоминаетъ объ извѣстномъ уже дуализмѣ въ развитіи римскаго товарищества, такъ какъ эта снисходительная мѣра съ contractus societatis не была связана, а на первыхъ порахъ распространялась только на societas omnium bonorum. Подобное уменьшеніе того, что́ слѣдовало бы присуждать на законномъ основаніи, явно противорѣчитъ здравому и прямому эгоизму строгаго jus civile; оно, поэтому,

---

[1]) L. 5. §. 1. Dig. mandati 17, 1. Paulus libro trigensimo secundo ad edictum: „Diligenter igitur *fines mandati custodiendi sunt*: nam qui excessit, aliud quid facere videtur“...

было допустимо лишь тамъ, гдѣ нравственный строй жизни и организація самого общества требовали соблюденія извѣстнаго альтруизма въ интересахъ этики, которой, въ концѣ концовъ, служитъ и само право [1]). Семья и родъ считаются основами государства, ихъ цѣльность хранится всячески, и законъ не долженъ допускать ихъ разстройства и распаденія. Въ такихъ именно союзахъ поощряется взаимная помощь, и всѣми средствами надо противодѣйствовать, чтобы одинъ членъ не разорялъ другого, или лишалъ его за долги личной свободы. Вотъ почему condemnatio dumtaxat in id quod facere possunt впервые допускалась только въ процессахъ между лицами, принадлежащими къ одной и той-же семьѣ. Это не привилегія, не beneficium, но простое ограниченіе послѣдовательнаго гражданскаго права съ цѣлью поддержать связи и начала родовой жизни. Вполнѣ естественно было распространить эту процессуальную особенность и на societas omnium bonorum, какъ на союзъ между дѣтьми-сонаслѣдниками общаго главы семейства:

L. 16. Dig. de re judicata 42, 1. Ulpianus libro sexagensimo tertio ad edictum: „Sunt qui in id quod facere possunt conveniuntur, id est non deducto aere alieno. Et quidem sunt hi fere. Qui pro socio conveniuntur (socium autem omnium bonorum accipiendum est):

Только впослѣдствіи ученые юристы подымаютъ вопросъ, не примѣнить ли посильную отвѣтственность и ко всѣмъ вообще типамъ товарищества, тѣмъ болѣе, что ихъ уже объединяетъ одинъ общій искъ:

L. 63. pr. Dig. pro socio. 17, 2. Ulpianus libro trigensimo primo ad edictum: „Verum est quod Sabino videtur, etiamsi non universorum bonorum socii sunt, sed unius rei, attamen in id quod facere possunt quodve dolo malo fecerint quo minus possint, condemnari oportere. Hoc enim summam rationem habet, cum societas jus quodammodo fraternitatis in se habeat“ [2]).

---

[1]) Эта мысль проводится и *Ефимовымъ*: „Посильная отвѣтственность должника“ С.-Петербургъ 1888, стр, 172 и слѣд. Вполнѣ правильно, какъ намъ кажется, тотъ-же авторъ различаетъ „exceptio quod facere possit“, примѣнимую лишь въ процессахъ между родственниками, отъ такъ наз. beneficium competentiae—льготы, данной впослѣдствіи особыми законами извѣстнымъ привилегированнымъ должникамъ. Ibid. стр. 82 и слѣд. 179 и слѣд.

[2]) Кромѣ приведеннаго фрагмента, на посильную отвѣтственность socii omnium bo-

Уменьшеніе condemnatio допускалось первоначально только въ тяжбахъ одного товарища противъ другого; но по мѣрѣ того, какъ весь институтъ societas сталъ расширяться, по мѣрѣ того, какъ совершался уже начертанный нами процессъ обособленія общаго имущества (communes res), юристы начали сознавать, что убытки, происшедшіе отъ несостоятельности одного участника, касаются всего союза, принявшаго его въ свои члены, и слѣдовательно не должны падать исключительно на одного изъ компаніоновъ. Кто, предъявивъ actio pro socio, не могъ получить отъ противника полнаго удовлетворенія своихъ законныхъ претензій, былъ въ правѣ требовать, чтобы за недочетъ отвѣчали всѣ товарищи поровну:

L. 63. §. 5. in fin. Dig. eod. tit. „sed magis est, ut pro socio actione consequi possit, ut utriusque portio exaequetur: quae sententia habet aequitatem".

§ 4. Остается намъ, наконецъ, опредѣлить схему процессуальной формулы actio pro socio, насколько это возможно по отрывочнымъ даннымъ, которыя мы встрѣчаемъ въ источникахъ. Такъ какъ нашъ искъ принадлежитъ къ разряду judicia (generalia) incerti, то его формула соединяетъ въ себѣ всѣ три главныя части: demonstratio, intentio и condemnatio. Прежде всего demonstratio указываетъ на юридическое основаніе самой претензіи, которое здѣсь заключается въ соглашеніи (consensus) между сторонами или, другими словами, въ coitio societatis. Такимъ образомъ, эта первая часть должна была состо-

---

norum указываетъ еще L. 16. Dig. de re judicata 44, 1. Согласованіе этого мѣста съ L. 63. pr. Dig. pro socio причиняло современнымъ юристамъ нѣкоторыя затрудненія. Вѣдь, оба фрагмента принадлежатъ *Ульпіану*, а между тѣмъ въ L. 16. cit. о societas unius rei не говорится, и о condemnatio in quantum facere potest здѣсь упоминается лишь въ связи съ societas omnium bonorum. Ср. *Reuter:* „Ueber das beneficium competentiae des socius unius rei" въ Giessener Zeitschrift für Zivilrecht und Process. Томъ XXI, стр. 1 и слѣд. Этотъ вопросъ рѣшилъ, какъ намъ кажется, въ общемъ правильно *Gans*: „Kann auch der socius unius rei nur in id, quod facere potest verurtheilt werden"? въ Archiv für die civilist. Praxis. Томъ II, стр. 242 и слѣд. По его мнѣнію въ L. 16 cit. *Ульпіанъ* разбираетъ только содержаніе преторскаго эдикта, а въ L. 63. pr. Dig. pro socio онъ приводитъ толкованіе *Сабина*. Тотъ-же взглядъ раздѣляетъ и *Ефимовъ*: loc. cit. стр. 170. Мы вообще склонны думать, что всѣ случаи, въ которыхъ допускалась condemnatio dumtaxat in id quod facere potest, приводились въ эдиктѣ de re judicata, и весьма невѣроятно, чтобы преторы объ этомъ еще разъ упоминали въ эдиктѣ pro socio. Разумѣется, если оба фрагмента (L. 16 и L. 63. pr. cit.) встрѣчаются въ Дигестахъ, то въ этомъ высказывается недосмотръ кодификаціонной комиссіи *Юстиніана*.

ять въ эдиктѣ изъ слѣдующихъ словъ: „Quod Numerius Negidius cum Aulo Agerio societatem coiit“ [1]). Приведенная общая схема принаравливается къ обстоятельствамъ любаго практическаго случая. Смотря потому, возникъ ли искъ изъ societas unius negotii, unius rei или unius negotiationis, прибавлялись характеризующія каждое изъ этихъ правоотношеній подробныя указанія, напр.: quod N. N. cum A°. A°. societatem quadrigae vendendae coiit [2]) или quod N. N. cum A°. A°. societatem habendae quadrigae coiit [3]). Quod N. N. cum A°. A°. societatem mancipiorum emendorum vendendorumque coiit [4]) или quod N. N. cum A°. A°. societatem omnium bonorum coiit.

Слова intentio нашего иска сообщаетъ *Цицеронъ*: „quantum ob eam rem aequius et melius sit N^m N^m A^o A^o dare (facere praestare) [5]). Они, какъ мы видимъ, нѣсколько отступаютъ отъ редакціи *Ленеля*.

Въ составъ condemnatio, наконецъ, входитъ ограниченіе, вызванное посильной отвѣтственностью, и здѣсь мы можемъ только присоединиться къ прежнимъ проектамъ *Рудорфа* и *Ленеля*: dumtaxat quod N_s N^s facere potest arbiter N^m N^m A^o A^o condemna, si non paret absolve“ [6]). Формула въ случаѣ процесса, напр., между двумя товарищами-банкирами, [7]) поэтому, была слѣдующая: „Quod Cassius Frontinus cum Julio Alexandro societatem danistariae coiit, quantum ob eam rem aequius et melius sit Julium Alexandrum Cassio Frontino dare (facere praestare), dumtaxat quod Julius Alexander facere potest, arbiter Julium Alexandrum Cassio Frontino condemna s. n. p. a.“.

---

[1]) Въ формулѣ стояло несомнѣнно слово „coiit“; указанія у *Ленеля*: loc. cit. стр. 237. примѣч. 2. Сверхъ того ср. Gai Institutiones III, §. 148. Pr. § 5. Inst. de societate. 3, 25. Cicero: pro Q. Roscio comoedo oratio cap. 18. и др.

[2]) Мы никакъ не можемъ допустить, чтобы формула, помѣщенная въ эдиктѣ, была составлена прямо съ указаніемъ на societas omnium bonorum, какъ утверждаетъ *Ленель*. Въ такомъ случаѣ для иска изъ договора товарищества иного типа требовались бы formulae ficticiae.

[3]) L. 58. pr. Dig. pro socio. 17, 2.

[4]) Pr. Inst. de societate. 3, 25.

[5]) Pro Q. Roscio comoedo oratio cap. 4.

[6]) *Lenel:* loc. cit. стр. 237.

[7]) Ср. *Bruns:* „Fontes juris Romani antiqui“, pag. 268.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРЕКРАЩЕНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Выходъ отдѣльныхъ товарищей.

Полная свобода товарищей выходить изъ союза въ какое угодно время. Принципъ этотъ въ societas omnium bonorum и въ остальныхъ видахъ товарищества. Ограниченіе этого принципа *Лабеономъ*. Реформа сабиніанцевъ: socium a se non se a socio liberat. Смягченіе этого правила позднѣйшими юристами.

§ 1. Перечисляя всѣ обстоятельства, по которымъ прекращается товарищество, юристы-классики указываютъ на слѣдующія: отказъ каждаго отдѣльнаго участника (renuntiatio), уничтоженіе объекта товарищества, банкротство или смерть одного изъ участниковъ и предъявленіе actio pro socio [1]).

Изъ всѣхъ этихъ причинъ особаго вниманія заслуживаетъ renuntiatio, такъ какъ во взглядахъ римскихъ юристовъ на нее мы замѣчаемъ явные слѣды историческаго развитія contractus societatis [2]).

---

[1]) L. 63. §. 10. Dig. pro socio. 17, 2: Ulpianus libro trigensimo primo ad edictum: „Societas solvitur ex personis, ex rebus, ex voluntate, ex actione. Ideoque sive homines sive res sive voluntas, sive actio interierit, distrahi videtur societas.

[2]) Gai Institutiones III, §. 151: „Manet autem societas eo usque, donec in eodem consensu perseverant. At cum aliquis renuntiaverit societati, societas solvitur". Ср. §. 4. Inst. de societate. 3, 25. L. 63. §. 10. Dig. pro socio. 17, 2. cit.: „Societas solvitur - - ex voluntate - -. Voluntate distrahitur societas renuntiatione".

Каждый товарищъ воленъ въ любое время по своему усмотрѣнію оставить союзъ. Таково было первоначальное положеніе источниковъ. Но это правило съ теченіемъ времени подвергалось нѣкоторымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ характера отдѣльныхъ, извѣстныхъ уже намъ типовъ римской societas. Спрашивается, въ какомъ изъ основныхъ видовъ товарищества допускалась впервые renuntiatio? Встрѣчалась ли она раньше въ societas omnium bonorum или въ societas unius negotii?

Нѣкоторые ученые придерживаются того мнѣнія, что consortium сонаслѣдниковъ умершаго главы семейства не допускало никакого раздѣла, и что общность родоваго имущества считалась обязательною [1]). *Karlowa* приходитъ къ тому выводу, что еще законъ XII таблицъ противился всякому раздробленію недвижимости, перешедшей отъ предковъ—fundus paternus avitusque, такъ наз. heredium [2]). Изъ этого положенія слѣдовало бы, что возникшая изъ семейныхъ началъ societas omnium bonorum, по крайней мѣрѣ въ первое время, также связывала отдѣльныхъ участниковъ неразрывно. Хотя такое мнѣніе Карловы и другихъ нельзя считать окончательно доказаннымъ, но всетаки оно довольно правдоподобно и, во всякомъ случаѣ, кажется, весьма подкупающимъ. Въ самомъ дѣлѣ, вполнѣ вѣроятно, что введенію actio familiae erciscundae предшествовалъ періодъ, когда раздѣлы родоваго, по крайней мѣрѣ недвижимаго, имущества вовсе не допускались. Societates omnium bonorum, обнимая всѣ имуществен-

---

[1]) *Cujacii* observ. V, 10. *Karlowa:* „Der römische Civilprocess zur Zeit der Legisactionen", стр. 143.

[2]) Теорія *Карловы* основана, главнымъ образомъ, на словахъ *Геллія*: Noctium atticarum lib. I, cap. IX, 12: „Sed id quoque non praetereundum est, quod omnes, simul atque a Pythagora in cohortem illam disciplinarum recepti erant, quod quisque familiae, pecuniae habebat in medium dabat et coibatur societas inseparabilis, tamquam illud fuit *anticum consortium, quod jure atque verbo Romano appellabatur „ercto non cito"* Говоря объ общности всего имущества среди Пиѳагорейцевъ, Геллій находитъ большое сходство между ихъ экономическою программою и тѣмъ нераздѣльнымъ consortium сонаслѣдниковъ, которое якобы встрѣчалось въ древне-римской жизни. Другое-же мѣсто, часто приводимое въ пользу ученія о нераздѣльности наслѣдственнаго имущества, взятое изъ писемъ *Плинія*, какъ намъ кажется, взгляда *Карловы* не подтверждаетъ. Ср. Plinii epistolarum lib. VII, epist. 11. Рѣчь здѣсь идетъ о наслѣдствѣ, которое Плиній получилъ сообща съ другими, причемъ онъ поторопился продать свою долю поскорѣе. Онъ въ письмѣ къ Фабату нѣсколько объясняетъ этотъ шагъ, но даже нѣтъ намека на то, будто этимъ нарушился законъ, или будто бы самъ Плиній сомнѣвался въ правильности своихъ дѣйствій.

ные интересы участниковъ, естественно должны были устраиваться на всю жизнь или вообще на болѣе продолжительные сроки. Какъ бы то ни было, этотъ видъ товарищества, по своему особому характеру, едва-ли могъ способствовать развитію понятія renuntiatio, по которому societas должна прекращаться въ *любой* моментъ, по заявленію *любого* изъ участниковъ. Совсѣмъ иную картину представляетъ собою societas unius negotii. Имѣя въ виду ограниченныя, преходящія цѣли, она естественно не могла создавать продолжительной связи между отдѣльными товарищами: послѣднихъ временно соединялъ строго дѣловой интересъ только въ отношеніи извѣстной сдѣлки (negotium), во всемъ-же остальномъ они сохраняли за собою полную независимость. Хотя, поэтому, societas unius negotii на имущественную сферу компаніоновъ оказываетъ только ограниченное вліяніе, тѣмъ не менѣе и здѣсь, пока договоръ дѣйствуетъ, каждый товарищъ посвящаетъ часть своей хозяйственной силы дѣлу общему; онъ приноситъ въ жертву товариществу извѣстную долю своихъ матеріальныхъ средствъ, разсчитывая на ожидаемый барышъ. Въ societas unius negotii, какъ во всякомъ contractus societatis вообще, участники радѣютъ не исключительно о личныхъ выгодахъ, но трудятся, хотя бы временно, и въ чужую пользу. Забывая для интересовъ общихъ о своихъ собственныхъ, socius долженъ разсчитывать на такое-же вниманіе и остальныхъ товарищей къ дѣламъ союза. Вотъ почему contractus societatis больше, чѣмъ любой иной договоръ, вмѣняетъ сторонамъ въ обязанность строгое соблюденіе bona fides. Однако-жъ именно при подобныхъ отношеніяхъ легко возможна эксплоатація одного контрагента другимъ. Предпріятіе компаніи можетъ впослѣдствіи оказаться прибыльнымъ далеко не для всѣхъ ея членовъ. Какъ быть, если со временемъ обнаружится, что руками товарищей загребаетъ жаръ одинъ только изъ нихъ, въ явный ущербъ прочимъ? Такой исходъ противорѣчитъ самому смыслу contractus societatis; противъ него направлено запрещеніе такъ наз. societas leonina, ему стараются противодѣйствовать юристы-классики, отстаивая право товарища отказаться отъ общаго дѣла, коль скоро онъ прійдетъ къ тому убѣжденію, что оно ему выгоды не приноситъ. Подобный предохранительный клапанъ нуженъ въ особенности для societas unius negotii, гдѣ отдѣльные участники не связаны между собою узами родства или брака, какъ это обыкно-

венно бывало въ societas omnium bonorum [1]). О легкости, съ которою любой контрагентъ могъ отказаться отъ societas unius negotii, свидѣтельствуютъ слѣдующія слова Павла:

L. 65. §. 4. Dig. pro socio. 17, 2. Paulus libro trigensimo secundo ad edictum: „Item si societatem ineamus ad aliquam rem emendam, deinde solus volueris eam emere ideoque renuntiaveris societati, ut solus emeres, teneberis quanti interest mea: *sed si ideo renuntiaveris, quia emptio tibi displicebat,* non teneberis, quamvis ego emero, quia hic nulla fraus est: eaque et Juliano placent“ [2]).

Выходъ товарища, говорятъ юристы-классики, можетъ послѣдовать во всякое время, если только подъ этимъ не скрывается какой-нибудь корыстный умыселъ. Для такого шага даже не требуется никакихъ уважительныхъ причинъ; вполнѣ достаточно, если socius unius negotii находитъ общее предпріятіе для себя невыгоднымъ или просто нежелательнымъ.

Подобный взглядъ на renuntiatio имѣлъ безспорно свои хорошія стороны, пока характеръ товарищества былъ несложенъ, пока преобладалъ типъ societas unius negotii, направленный на одну точно опредѣленную сдѣлку; но по мѣрѣ того, какъ расширялось экономическое значеніе всего института, по мѣрѣ того, какъ societas стала охватывать все болѣе и болѣе широкіе круги имущественныхъ интересовъ, должна была обнаружиться вся опасность стараго ученія о произвольномъ выходѣ товарищей изъ союза. Неудобства такой неограниченной свободы контрагентовъ особенно проявлялись тамъ, гдѣ дѣла и разсчеты товарищества были многообразны и сложны, или гдѣ число участниковъ имѣло значительные размѣры. Уже *Лабеонъ* и *Прокулъ* находятъ, что несвоевременный отказъ одного члена торговой компаніи отъ дальнѣйшаго участія въ ней можетъ причинить крупные убытки всему предпріятію, и что всякій такой шагъ влечетъ за собою отвѣтственность: другіе компаніоны въ правѣ черезъ

---

[1]) Ср. выше стр. 29, 30.

[2]) Ср. L. 64. Dig. pro socio. 17, 2. Callistratus libro primo quaestionum: „Itaque cum separatim socii agere coeperint et unusquisque eorum sibi negotietur, sine dubio jus societatis dissolvitur“. Не отдавая другъ другу отчета, товарищи молча бросаютъ предпріятіе союза и хлопочутъ каждый только о своихъ дѣлахъ. Достаточно этого, чтобы contractus societatis разстроился.

actio pro socio взыскивать за всѣ убытки, вызванные подобнымъ пренебреженіемъ ихъ интересовъ [1]).

Еще болѣе прочности придаютъ contractus societatis учители сабиніанской школы. Если одинъ изъ нѣсколькихъ товарищей, говоритъ *Кассій*, произвольно оставляетъ союзъ, то онъ тѣмъ не менѣе считается и послѣ этого еще связаннымъ прежнимъ договоромъ, при чемъ самъ никакихъ требованій къ своимъ сотоварищамъ предъявлять не можетъ:

> L. 65. §. 3. Dig. pro socio. 17, 2. Paulus libro trigensimo secundo ad edictum: „Diximus dissensu solvi societatem: hoc ita est, si *omnes* dissentiunt. Quid ergo, si *unus* renuntiet? Cassius scripsit eum qui renuntiaverit societati a se quidem liberare socios suos, se autem ab illis non liberare".

Societas, имѣющая болѣе двухъ членовъ, не должна прекращаться вслѣдствіе произвольнаго и несвоевременнаго выхода одного изъ нихъ, если продолженіе ея возможно и безъ этого участника [2]). Такова, какъ намъ кажется, основная мысль *Кассія*. Но этимъ онъ не ограничивается. По его мнѣнію socius, отказавшійся отъ общаго предпріятія, подвергается отвѣтственности, которая опредѣляется не размѣрами убытковъ, имъ дѣйствительно причиненныхъ, но одной общей формулою: „socium a se, non se a socio liberat". Это нѣсколько лаконическое положеніе впослѣдствіи разъясняетъ *Гай* практическимъ примѣромъ:

---

[1]) Рѣчь здѣсь идетъ о торговлѣ рабами: L. 65. §. 5. Dig. pro socio. 17, 2. Paulus libro trigensimo secundo ad edictum: *Labeo* autem posteriorum libris scripsit, si renuntiaverit societati unus ex sociis eo tempore, quo interfuit socii non dirimi societatem, committere eum in pro socio actione: nam si emimus mancipia inita societate, deinde renuntiës mihi eo tempore, quo vendere mancipia non expedit, hoc casu, quia deteriorem causam meam facis, teneri te pro socio judicio. *Proculus* hoc ita verum esse ait"...

[2]) Эту мысль мы встрѣчаемъ уже у *Цицерона*: pro Q. Roscio comoedo oratio cap. 18. Сравнивая товарищескую связь съ отношеніями между сонаслѣдниками, онъ говоритъ: „Quem ad modum uterque (sc. socius et coheres) pro sua parte petit, *sic pro sua parte dissolvit*: heres ex sua parte qua hereditatem adiit, socius ex ea qua societatem coiit". Другими словами: каждый отдѣльный товарищъ, выходя изъ союза, прекращаетъ — dissolvit — его лишь „pro sua parte", вынимая свою долю изъ общей массы; тѣмъ не менѣе, societas продолжаетъ существовать, точно такъ-же, какъ и связь между сонаслѣдниками не разрывается, если даже одинъ изъ нихъ, предъявивъ actio familiae erciscundae, получилъ свою наслѣдственную часть сполна и, такимъ образомъ, вышелъ изъ ихъ среды.

Institutiones III, §. 151: „Sed plane si quis in hoc renuntiaverit societati, ut obveniens aliquid lucrum solus habeat, veluti si mihi totorum bonorum socius, cum ab aliquo heres esset relictus, in hoc renuntiaverit societati, ut hereditatem solus lucri faciat, cogetur hoc lucrum communicare. Si quid vero aliud lucri fecerit quod non captaverit, ad ipsum solum pertinet. Mihi vero quid-quid omnino post renuntiatam societatem adquiritur, soli conceditur".

Мы отсюда узнаемъ, что формула *Кассія* была направлена противъ renuntiatio особаго рода: товарищъ, выходящій изъ союза съ цѣлью получить только для себя всѣ выгоды изъ какого либо общаго предпріятія, долженъ подѣлиться ими съ прежними компаніонами, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ *одинъ* несетъ всѣ возможные при этомъ убытки. Actio pro socio, въ такомъ случаѣ, получаетъ *штрафной характеръ* и составляетъ нѣчто среднее между actiones rei persecutoriae и poenales. Она становится actio mixta, какъ, напр., actio ex lege Aquilia, которая также, опредѣляя размѣры вознагражденія потерпѣвшему, допускаетъ особо высокую оцѣнку, нерѣдко значительно превышающую дѣйствительный ущербъ [1]).

Во всемъ этомъ мы усматриваемъ новое доказательство выдающейся чуткости сабиніанской школы къ требованіямъ жизни. Указанное штрафное значеніе иска, не разрушая стараго принципа о свободѣ renuntiatio, вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ товарища считаться, до извѣстной степени, и съ интересами союза. Сверхъ того истцы избавляются отъ изслѣдованія баланса того предпріятія, которое отвѣтчикъ желалъ эксплоатировать исключительно для себя одного. Они въ правѣ требовать прямо выдачи всего добытаго безо всякаго вниманія къ издержкамъ, понесеннымъ удалившимся контрагентомъ.

Такая строгая отвѣтственность за произвольную renuntiatio нѣсколько смягчается позднѣйшими юристами. Одобряя въ общемъ правило сабиніанцевъ, они всетаки безусловное его примѣненіе находятъ стѣснительнымъ для свободы сторонъ и, поэтому, считаютъ виновнымъ лишь такого участника, который вышелъ изъ товарищества со *злымъ умысломъ* (dolo), чтобы только для себя извлекать выгоды изъ

---

[1]) Cp. L. 2. pr. Dig. ad legem Aquiliam. 9, 2. „Quanti id in eo anno plurimi fuit".. *Keller*: „Der römische Civilprocess und die Actionen", стр. 474, 475.

какого нибудь дѣла въ ущербъ остальнымъ компаніонамъ. Къ формулѣ *Кассія Павелъ* прибавляетъ слѣдующее:

L. 65. §. 3. Dig. pro socio. 17, 2. cit.: „Quod utique observandum est, *si dolo malo renuntiatio facta sit*".

Въ томъ-же смыслѣ высказывается и *Юстиніанъ*: повторяя въ своихъ Институціяхъ приведенную выше фразу *Гая* съ буквальною точностью, онъ допускаетъ одно лишь отступленіе, въ видѣ вставки слова „*callide*" [1]).

Дополнительное толкованіе *Павла* заключаетъ въ себѣ существенное облегченіе. Въ самомъ дѣлѣ, высказанное сабиніанцами правило могло служить основаніемъ весьма нежелательныхъ недоразумѣній. Допустимъ, напр., A, B и C заключили contractus societatis для торговли крымскими винами. Черезъ нѣкоторое время C, присмотрѣвшись къ дѣлу и находя пріемы товарищества не цѣлесообразными, выходитъ изъ союза и продолжаетъ одинъ то-же самое предпріятіе съ несравненно бо́льшимъ успѣхомъ. Спрашивается, могутъ ли A и B требовать отъ него выдачи полученныхъ имъ барышей. Согласно съ ученіемъ сабиніанской школы, трудно было бы имъ отказать въ этомъ: renuntiatio послѣдовала со стороны C въ данномъ случаѣ несомнѣнно съ цѣлью эксплоатировать товарищеское предпріятіе въ свою собственную пользу—ut obveniens aliquid lucrum sibi habeat. Но позднѣйшіе юристы подобнаго стѣсненія свободной иниціативы не допускаютъ: о какой бы то ни было отвѣтственности здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ выходъ C изъ товарищества послѣдовалъ безъ всякаго злаго умысла (nec dolo, nec callide), но по той простой причинѣ, что онъ считалъ операціи societas не достаточно выгодными для себя—quia negotium ei displicebat [2]),

---

[1]) §. 4. Inst. de societate. 3, 25.. „si quis *callide* in hoc renuntiaverit"...

[2]) L. 65. §. 4. Dig. pro socio. 17, 2.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Смерть отдѣльныхъ товарищей.

Вліяніе actio pro socio на прекращеніе товарищества. Существенное значеніе личности контрагента въ contractus societatis. Прекращеніе товарищества вслѣдствіе смерти одного участника. Неудобства правила „morte socii societas solvitur". Исключеніе отъ этого принципа въ societas unius rei и societas vectigalis. Отношенія между товарищами и heredes socii. Положенія современныхъ законодательствъ.

§ 1. Кромѣ renuntiatio, источники, какъ причину прекращенія contractus societatis, приводятъ еще предъявленіе иска—actio pro socio. Благодаря litis contestatio и открытію спора, вмѣсто прежняго обязательства, направленнаго на „dare oportere", возникало новое, съ другимъ содержаніемъ: „condemnari oportere". Объ этомъ исключительно процессуальномъ правилѣ, поскольку оно вліяло на развитіе нашего института, мы говорили уже выше [1]).

По древнему принципу, обращеніе одного изъ товарищей къ суду влекло за собою безусловный разрывъ договора. Моментъ, когда предъявляется искъ, можно, поэтому, сравнить съ renuntiatio контрагента. Однако-жъ у позднѣйшихъ юристовъ замѣчается явная тенденція придать товарищескому союзу болѣе стойкости и постоянства; они допускаютъ actio pro socio и безъ разрушенія самой societas, желая сдѣлать судьбу компаніи независимою отъ процессовъ между отдѣльными участниками. Товарищи, такимъ образомъ, пользуются возможностью, въ случаѣ спора по частнымъ вопросамъ, прибѣгать даже къ помощи суда, не прекращая выгоднаго для всѣхъ сторонъ предпріятія:

> L. 65. §. 15. Dig. pro socio. 17, 2. Paulus libro trigensimo secundo ad edictum: „Nonnumquam necessarium est et manente societate agi pro socio, veluti cum societas vectigalium causa coita est propterque varios contractus neutri expediat recedere a societate nec refertur in medium quod ad alterum pervenerit" [2]).

Объ Уничтоженіи предмета договора или объ окончаніи того срока, на который онъ былъ заключенъ, можно здѣсь не говорить уже

---

[1]) См. стр. 47 и слѣд.

[2]) Весьма характерно, что *Павелъ* указываетъ на societas vectigalium, какъ на примѣръ, наиболѣе оправдывающій его новое положеніе: „*veluti* cum societas vectigalium coita est"... Этотъ видъ товарищества римскимъ юристамъ всегда представлялся прототипомъ прочно организованнаго союза.

потому, что они, какъ причина прекращенія товарищества, не создаютъ никакихъ особыхъ принциповъ, примѣняемыхъ спеціально къ societas.

Иную, болѣе важную роль играетъ въ этомъ случаѣ смерть одного изъ товарищей. Уже раньше мы указали на то существенное значеніе, какое въ contractus societatis римляне приписывали личности самого участника, въ особенности въ тѣ времена, когда ignominia являлась единственнымъ послѣдствіемъ нарушенія contractus fidei. При дальнѣйшемъ развитіи societas сочеталась съ гражданскимъ искомъ, который, по своимъ послѣдствіямъ, не ограничивался однимъ только умаленіемъ чести, но принималъ во вниманіе и имущественные интересы тяжущихся. Тѣмъ не менѣе, основное правило о прекращеніи товарищества смертью одного изъ участниковъ, сохраняло свою силу и въ позднѣйшіе періоды римскаго права [1]). Со временемъ, однако-жъ, этотъ принципъ, потерявшій свое главное практическое основаніе, во многихъ случаяхъ оказывался весьма стѣснительнымъ, и мы неоднократно встрѣчаемъ попытки смягчить, по мѣрѣ возможности, послѣдствія подобнаго анахронизма. *Лабеонъ* первый допускаетъ отступленіе отъ стараго правила, считая его непримѣнимымъ въ societas unius rei:

> L. 65. §. 2. Dig. pro socio. 17, 2. Paulus libro trigensimo secundo ad edictum: „Si in rem certam emendam conducendamve coita sit societas, tunc etiam *post alicujus mortem* quidquid lucri detrimentive factum sit, commune esse Labeo ait".

Въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣль contractus *societatis состояла* въ пріобрѣтеніи какой-нибудь опредѣленной вещи, напр., дома, смерть одного изъ участниковъ неминуемо должна была создавать общую собственность между его наслѣдниками и остальными товарищами, т. е. такое правоотношеніе, которое *фактически* нисколько не отличалось отъ прежняго contractus societatis ихъ наслѣдодателя. То же самое мы наблюдаемъ, если товарищество наняло для себя домъ, магазинъ и т. п. Здѣсь контрагентами лица, отдающаго вещь въ наемъ, считаются отдѣльные socii, а въ случаѣ смерти кого нибудь изъ нихъ, на его мѣсто являются наслѣдники, вступающіе, такимъ образомъ,

---

[1]) См. выше стр. 58 и слѣд.

ipso jure въ компанію товарищей-нанимателей. Подобные безспорные факты, конечно, не могли быть устранены предписаніемъ древняго закона, по которому смерть одного изъ членовъ прекращаетъ всю societas, и самъ *Лабеонъ* долженъ былъ считаться съ очевидностью такихъ явленій, хотя въ иныхъ мѣстахъ онъ и высказывался за старый принципъ: „morte unius socii dissolvitur societas“ [1]). Не вводя коренныхъ перемѣнъ въ этомъ правилѣ, онъ допускаетъ отступленіе отъ него только ради интересовъ, требующихъ защиты съ практической точки зрѣнія.

Какъ въ societas unius rei, такъ и въ societates vectigalium смерть кого-либо изъ участниковъ оставалась безъ всякаго вліянія на дальнѣйшую судьбу союза. Послѣдній не только продолжалъ существовать, но по рѣшенію общаго собранія наслѣдники умершаго публикана даже могли быть приняты въ товарищество [2]). Впрочемъ, эти компаніи образовались для цѣлей государственныхъ, стоявшихъ выше интересовъ отдѣльныхъ откупщиковъ; онѣ, поэтому, требовали болѣе прочной основы, независимой отъ судьбы частныхъ лицъ, къ нимъ принадлежавшихъ.

Не смотря на нѣкоторыя отступленія, въ общемъ старое правило имѣло силу даже при *Юстиніанѣ*. Онъ его повторяетъ въ своихъ Институціяхъ, указывая при этомъ на мотивы, живо намъ напоминающіе причины, по которымъ возникъ и самый принципъ:

§. 5. Inst. de societate. 3, 25: „Solvitur ad hucsocietas etiammorte socii, quia qui societatem contrahit *certam personam sibi eligit*“.

Если послѣднимъ словамъ цитаты не придавать особаго значенія, находящагося въ тѣсной связи съ историческимъ характеромъ contractus societatis, то они, очевидно, не имѣютъ никакого смысла, ибо личность контрагента играетъ извѣстную роль во *всѣхъ* договорныхъ

---

[1]) L. 60. pr. Dig. pro socio. 17, 2:... „quia morte socii dirimatur societas“. Ср. L. 65. §. 9. Dig. eod. tit: „Morte unius societas dissolvitur, etsi consensu omnium coita sit“...

[2]) L. 59. pr. Dig. eod. tit. Pomponius libro duodecimo ad Sabinum: „Adeo morte socii solvitur societas, ut nec ab initio pacisci possimus, ut heres etiam succedat societati. Haec ita in privatis societatibus ait: in societate vectigalium nihilo minus manet societas et post mortem alicujus, sed ita demum, si pars defuncti ad personam heredis ejus adscripta sit.“... Ср. L. 63. §. 8. Dig. eod. tit.: Ulpianus libro trigensimo primo ad edictum: „Et circa societates vectigalium - - - - idem observamus, ut heres socius non sit nisi fuerit adscitus“.

отношеніяхъ, даже въ тѣхъ, которыя не прекращаются вслѣдствіе смерти одной изъ сторонъ. Но въ contractus societatis искони обращалось серьезное вниманіе на личныя свойства товарища; на первомъ планѣ всегда стоялъ вопросъ, поскольку socius признаетъ надъ собою власть fides, и насколько ignominia могла казаться для него грозною карою. Со всѣми этими соображеніями необходимо было считаться въ особенности до внесенія actio pro socio въ эдиктъ претора.

При господствѣ правила (хотя и ограниченномъ) „morte socii societas solvitur", юристовъ-классиковъ вполнѣ естественно занимали правоотношенія, которыя должны были возникать между наслѣдниками умершаго товарища и всѣмъ союзомъ. По мнѣнію *Сабина*, heres socii товарищемъ самъ не считается, но, принявъ на себя имущественныя права и обязанности наслѣдодателя, онъ долженъ—secundum bonam fidem—нести отвѣтственность за всѣ результаты contractus societatis, составляющіе какъ бы часть полученнаго наслѣдства:

L. 35. Dig. pro socio. 17, 2. Ulpianus libro trigesimo ad Sabinum „Nemo potest societatem heredi suo sic parere [1]), ut ipse heres socius sit: in heredem autem socii proponitur actio, ut bonam fidem praestet".

У *Сабина* понятіе bona fides получаетъ болѣе широкое, можно сказать, объективное примѣненіе. Она перестаетъ быть чисто субъективнымъ элементомъ, касающимся однихъ только личныхъ отношеній контрагентовъ, и обнимаетъ теперь весь договоръ, распространяясь на всѣ его экономическія послѣдствія. Хотя heres socii не связанъ личными узами contractus fidei, тѣмъ не менѣе онъ отвѣчаетъ по объективнымъ правиламъ bona fides за всѣ имущественные интересы, вытекающіе изъ товарищества [2]).

Благодаря такому взгляду, союзъ становится болѣе независимымъ отъ случайностей, постигавшихъ его отдѣльныхъ членовъ. Изъ

---

[1]) Никто не имѣетъ права связать черезъ contractus societatis своихъ наслѣдниковъ съ контрагентомъ, котораго онъ самъ, быть можетъ, считаетъ вполнѣ надежнымъ, но который другому лицу такого довѣрія не внушаетъ. Это совершенно соотвѣтствуетъ мысли *Юстиніана* „qui societatem contrahit, certam personam sibi eligit".

[2]) *Ульпіанъ* въ другомъ мѣстѣ искъ, который товарищи предъявляютъ противъ heres socii, называетъ прямо actio pro socio: L. 63. §. 8. Dig. eod. tit.—„In heredem quoque socii, pro socio actio competit, quamvis heres socius non sit: licet enim socius non sit, attamen emolumenti successor est".

всего сказаннаго мы должны прійти къ заключенію, что позднѣйшіе юристы несомнѣнно тяготились стариннымъ правиломъ: „morte socii societas dissolvitur;“ они старались различными средствами предотвратить опасности, которыми грозило дѣловой жизни и судебной практикѣ послѣдовательное примѣненіе этого принципа.

§ 2. Не безъинтересно познакомиться со взглядами новѣйшихъ законодательствъ на вопросъ о распаденіи товарищества вслѣдствіе смерти одного изъ участниковъ. Само собою разумѣется, что нынѣшніе кодификаторы уже не связаны древне-сакральными традиціями, имѣвшими столь замѣтное вліяніе на классическое правовѣдѣніе. Они, поэтому, могли бы смѣло присоединиться къ болѣе свободному направленію тѣхъ римскихъ юристовъ, которые явно старались смягчить стѣснительное правило: „morte socii societas solvitur“. Мы теперь вполнѣ въ состояніи дальше развивать дѣло, начатое *Лабеономъ* и *Сабиномъ*. Но, не взирая на то, въ нѣкоторыхъ современныхъ уложеніяхъ приходится констатировать почти слѣпое подражаніе *древнѣйшимъ* римскимъ ученіямъ.

На такой почвѣ стоитъ, прежде всего „Сводъ мѣстныхъ узаконеній губерній прибалтійскихъ:

> Законы гражданскіе ст. 4331: „Смертію одного изъ числа участниковъ товарищество прекращается даже и въ томъ случаѣ, если бы оно состояло болѣе нежели изъ двухъ товарищей; поэтому наслѣдники умершаго освобождаются отъ всякихъ обязанностей къ тому товариществу, но не могутъ и предъявлять никакихъ требованій къ будущимъ отъ него выгодамъ“.

Подъ вліяніемъ L. 35. L. 59. pr. Dig. pro socio. cit. тотъ-же законъ даже не допускаетъ и предварительнаго соглашенія о принятіи въ товарищество наслѣдниковъ умершаго его члена:

> ibid. ст. 4332: „Наслѣдники товарища не вступаютъ сами по себѣ въ товарищество, хотя бы то и было заранѣе условлено“.

Замѣтный шагъ впередъ дѣлаютъ Code civil [1]), Allg. Deutsches

---

[1]) Art. 1868: „S'il a été stipulé qu'en cas de mort de l'un des associés, la société continuerait avec son héritier, ou seulement entre les associés survivans, ces dispositions seront suivies“. *Troplong*—loc. cit. стр. 425—о L. 59. pr. Dig. pro socio. 17, 2, cit. выше на стр. 207, вполнѣ правильно замѣчаетъ: Aujourd'hui elle n'a plus de base“.

Handelsgesetz [1]) и саксонское гражданское уложеніе [2]), разрѣшая при заключеніи contractus societatis оговорку, въ силу которой послѣ смерти товарища наслѣдники его сами по себѣ входятъ въ составъ союза. Такимъ образомъ компанія становится нѣсколько независимѣе отъ судьбы отдѣльныхъ ея участниковъ [3]).

Еще болѣе прочныя основы даетъ товариществу прусское земское уложеніе. По его предписаніямъ смерть одного члена разрушаетъ весь союзъ лишь тогда, когда личныя свойства или личный трудъ умершаго считаются для преуспѣянія общаго дѣла безусловно необходимыми. Но даже если товарищи принимаютъ дѣятельное участіе во всѣхъ предпріятіяхъ компаніи, то и тогда допускается, по крайней мѣрѣ, предварительный уговоръ о *вступленіи наслѣдниковъ* на мѣсто умершаго [4]).

Русскіе гражданскіе законы о прекращеніи товарищества не содержатъ никакихъ точныхъ постановленій, такъ что руки судебной практики въ этомъ вопросѣ совершенно развязаны. Но несомнѣнно, что въ нашемъ сводѣ явно сказывается желаніе придать товариществу болѣе прочности и стойкости [5]). Послѣдовательное толкованіе такого направленія неизбѣжно приводитъ къ тому выводу, что смерть отдѣльнаго участника не должна оказывать никакого вліянія на дальнѣйшую судьбу союза.

---

[1]) Art. 123.

[2]) Саксонскіе гражданскіе законы, выпускъ I, ст. 1385. Изданіе редакціонной коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія.

[3]) Сюда-же слѣдуетъ отнести „Entwurf eines bürgerlichen Gesetzbuches für das deutsche Reich". § 625. „Die Gesellschaft wird, sofern nicht aus dem Gesellschaftsvertrage ein anderer Wille der Vertragschliessenden erhellt, mit dem Zeitpunkt aufgelöst, in welchem ein Gesellschafter stirbt". Смерть участника разрушаетъ товарищество, но, при заключеніи самого договора, контрагенты могутъ обусловить независимость союза отъ подобныхъ случайностей.

[4]) Allg. Landrecht für die preussischen Staaten. Theil I, tit. 17, § 278, 279, 280, 282.

[5]) Ср. наши замѣчанія выше на стр. 154, 155.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВЪ.

I. Corpus juris Justiniani.

A. Institutiones.

		Стр.
Lib. 2. Tit. 1. de rer. divisione.	pr.	138.
	§ 6.	138.
	§ 9.	78.
Lib. 2. Tit. 23 de fideicommissar. hered.	§ 1.	61, 63, 64, 67, 91.
	§ 2.	63.
	§ 12.	61.
Lib. 3. Tit. 25. de societate.	pr.	16, 28, 39, 79, 81, 197.
	§ 2.	158.
	§ 4.	198, 204.
	§ 5.	197.
	§ 6.	73.
	§ 9.	166, 168, 171.
Lib. 3. Tit. 27. de obligationibus quasi ex contractu.	§ 7.	68.

B. Digesta.

Lib. 1. Tit. 8. de divis. rerum et qualitate.	L. 1. pr.	138.
	L. 6. § 1.	138.
	L. 6. § 4.	78.
Lib. 1. Tit. 18. de officio praesidis.	L. 6. § 7.	176, 182.
Lib. 2. Tit. 14. de pactis.	L. 25. pr.	83.
	L. 27. pr.	83.
Lib. 3. Tit. 2. de his qui notantur infamia.	L. 1.	59.
	L. 6. § 5.	61, 172, 175.
Lib. 3. Tit. 4. quod cujuscumque civitatis nomine	L. 1. pr.	96, 146.
	§ 1.	97, 122, 128, 136, 137.
	§ 2.	137.
	§ 3.	137.
	L. 2.	137.

		Стр.
	L. 3.	137.
	L. 6. § 1.	137.
	§ 2.	137.
	§ 3.	137.
	L. 7. pr.	137.
	§ 1.	137, 138.
Lib. 3. Tit. 5. de negotiis gestis.	L. 10. (11)	184.
	L. 39. (40)	76.
Lib. 4. Tit. 3. de dolo malo.	L. 1. § 1.	110.
Lib. 4. Tit. 4. de minoribus	L. 16. § 1.	31.
Lib. 4. Tit. 6. ex quibus causis majores	L. 34. § 1.	124, 129.
Lib. 7. Tit. 1. de usufructu.	L. 56.	97.
Lib. 9. Tit. 2. ad legem Aquiliam.	L. 2. pr.	203.
	L. 8. pr.	176.
	§ 1.	182.
	L. 27. § 29.	182.
Lib. 10. Tit. 2. familiae erciscundae	L. 1. pr.	32, 42.
	L. 20. § 4.	33, 34, 74.
	L. 22. § 4.	4, 33, 34.
Lib. 10. Tit. 3. communi dividundo.	L. 1.	73.
	L. 2. pr.	39, 76, 79.
	L. 3. pr.	76.
	L. 4. § 2.	74.
	§ 3.	76, 77.
	L. 6. § 2.	76.
	§ 6.	78.
	§ 8.	76.
	§ 12.	76.
	L. 29. pr.	76.
	§ 1.	76.
Lib. 11. Tit. 6. si mensor fals. modum dixerit.	L. 1. pr.	174.
	§ 1.	174, 177.
	L. 2. § 1.	174.
	L. 3. pr.	174, 177.
Lib. 11. Tit. 7. de religios. et sumptibus	L. 2. § 1.	78.
Lib. 13. Tit. 6. commodati vel contra.	L. 18 pr.	166.
Lib. 14. Tit. 1. de exercitoria actione.	L. 1. § 25.	150.
	L. 2.	83, 150.
	L. 3.	83, 150.
	L. 4. pr.	83, 149.
	§ 1.	83, 149.
	§ 2.	83, 149.
Lib. 14. Tit. 2. de lege Rhodia de jactu.	L. 9.	104.
Lib. 14. Tit. 3. de institoria actione.	L. 13. § 2.	149.
	L. 14.	149.
Lib. 17. Tit. 1 mandati vel contra.	L. 1. § 4.	173.

Lib. 17. Tit. 2. pro socio.

L. 5. § 1. 194.
L. 8. § 10. 172, 177.
L. 10. § 1. 172.
L. 12. § 17. 66.
L. 22. § 11. 172.
L. 27. § 1. 65.
L. 2. 139, 141.
L. 3. pr. 139.
§ 2. 30.
§ 3. 31, 56.
. 5. pr. 16, 79, 82, 99.
§ 1. 161.
L. 6. 161.
L. 7. 13, 30, 83.
L. 8. 84.
L. 9. 30, 84.
L. 11. 84.
L. 12. 84.
L. 13. 13, 84.
L. 19. 187.
L. 20. 188.
L. 23. pr. 187.
§ 1. 186.
L. 25. 185.
L. 26. 185.
L. 29. pr. 161.
§ 1. 158, 160.
§ 2 31.
L. 30. 161.
L. 31. 37 41.
L. 32. 37, 121.
L. 33. 41, 121.
L. 35. 208, 209.
L. 37. 37.
L. 38. pr. 191, 193.
§ 1. 76, 77.
L. 39. 78.
L. 40. 66.
L. 41. 192.
L. 42. 192.
L. 43. 77.
L. 44. 37.
L. 52. pr. 39.
§ 2. 161, 166, 167, 171.
§ 3. 37, 161.
§ 4. 146.
§ 5. 83.

		Стр.
	§ 6.	11, 20, 29.
	§ 7.	161.
	§ 8.	21, 22, 29.
	§ 11.	39, 161, 165.
	§ 13.	39, 42, 140, 148.
	§ 15.	39, 158.
	L. 53.	22, 28, 56.
	L. 58. pr.	39, 80, 140, 141, 148, 197.
	§ 1.	39, 142, 146.
	L. 59 pr.	99, 118, 122, 132, 207, 209.
	L. 60. pr.	207.
	§ 1.	144, 158.
	L. 61.	144, 146.
	L. 63. pr.	10, 14, 79, 195.
	§ 5.	196.
	§ 8.	207, 208.
	§ 10.	75, 198.
	L. 64.	75, 201.
	L. 65. pr.	34, 35, 69, 75, 109.
	§ 2.	39, 206.
	§ 3.	202, 204.
	§ 4.	39, 165, 201, 204.
	§ 5.	202.
	§ 6.	170.
	§ 9.	207.
	§ 10.	73, 141.
	§ 14.	146, 149, 152.
	§ 15.	205.
	L. 69.	39
	L. 71. pr.	70.
	L. 72.	168.
	L. 73.	29.
	L. 74.	39, 41, 140, 148.
	L. 80.	161.
	L. 82.	146, 149
Lib. 19. Tit. 1. de actionibus empti venditi.	L. 42. in fin.	184.
Lib. 19. Tit. 2. locati conducti.	L. 9. § 5.	181.
	L. 13. § 5.	182.
	L. 53.	118.
Lib. 19. Tit. 5. de praescriptis verbis.	L. 5. § 4.	177.
Lib. 21. Tit. 1. de aedilicio edicto.	L. 44. § 1.	82, 149, 150, 152.
Lib. 23. Tit. 3. de jure dotium.	L. 17. pr.	180.
Lib. 24. Tit. 1. de donatione inter virum et uxorem.	L. 32. § 24.	31
Lib. 26. Tit. 7. de administratione et periculo.	L. 3. pr.	172.
	L. 47. § 6.	29.
Lib. 26. Tit. 10. de suspectis tutoribus.	L. 3. § 18.	180.

		Стр.
Lib. 27. Tit. 3. de tutela et rationibus.	L. 1. pr.	172.
Lib. 27. Tit. 7. de fidejussoribus et nominatoribus.	L. 1. pr.	66.
Lib. 28. Tit. 7 de condicionibus institutionum.	L. 4. pr.	29.
Lib. 29. Tit. 2. de adquirenda vel omittenda hereditate.	L. 45 § 2.	22.
	L. 78.	29.
Lib. 30. de legatis. I.	L. 1.	68.
Lib. 31. de legatis. II.	L. 89. § 3.	29, 30.
Lib. 34. Tit. 1. de alimentis legatis.	L. 16. § 3.	30.
Lib. 36. Tit. 1. ad SCLT. Trebellianum.	L. 80. (78.) pr.	30.
Lib. 37. Tit. 6. de collatione bonorum.	L. 1. pr.	21, 22.
Lib. 38. Tit. 1. de operis libertorum.	L. 5.	58.
Lib. 39. Tit. 4. de publicanis et vectigalibus et comissis.	L. 1. pr.	108, 114, 124.
	§ 1.	89, 119, 124.
	§ 3.	109, 112.
	§ 4.	109, 112, 114.
	§ 5.	115.
	§ 6.	115.
	L. 3. pr	115, 130.
	L. 4. pr.	108.
	L. 5. pr.	112, 113.
	L. 9. § 3	96.
	§ 5.	106.
	L. 12. pr.	104, 109.
	§ 1.	114.
	§ 3.	89, 119.
	L. 13. pr.	119.
	§ 1.	118, 125.
	L. 15.	92.
	L. 16. § 11.	92.
	§ 12.	95, 121.
Lib. 42. Tit. 1. de re judicata.	L. 16.	195, 196.
Lib. 43. Tit. 14. ut in flumine publico navigare liceat.	L. 1. § 7.	89, 94.
Lib. 44. Tit. 4. de doli mali et metus exceptione.	L. 4. § 17.	186.
Lib. 44. Tit. 7. de obligationibus et actionibus.	L. 1. § 5.	171, 172.
Lib. 46. Tit. 1. de fidejussoribus et mandatoribus	L. 22.	97.
Lib. 46. Tit. 2. de novationibus et delegationibus	L. 11. § 1.	36.
Lib. 46. Tit. 3. de solutionibus.	L. 78.	143.
Lib. 46. Tit. 5. de stipulationibus praetoriis	L. 1. pr.	69.
	§ 2.	69.
Lib. 47. Tit. 2. de furtis.	L. 31. § 1.	97.
Lib 47. Tit. 8. vi bonorum raptorum.	L. 2. pr.	110.
	§ 20.	110, 111.
Lib. 47. Tit. 10. de injuriis et famosis libellis.	L. 17. § 5.	116.
Lib. 47. Tit. 12. de sepulchro violato.	L. 11.	79.
Lib. 47. Tit. 22. de collegiis et corporibus.	L. 1. § 2.	136.
	L. 3. pr.	136

		Стр.
Lib. 48. Tit. 6. ad legem Juliam.	L. 12.	106.
Lib. 50. Tit. 5. de vacatione et excusatione munerum.	L. 8. § 1.	95, 132.
Lib. 50. Tit. 6. de jure immunitatis.	L. 6. § 10.	89, 95.
Lib. 50. Tit. 8. de administr. rer. ad civitat. pertinentium.	L. 3. § 1.	89, 118, 121 125.
Lib. 50. Tit. 13 de variis et extraord. cogn.	L. 1. pr.	173, 175.
	§ 1.	175.
	§ 2.	175.
	§ 3.	175.
Lib. 50. Tit. 16. de verborum significatione.	L. 15.	138.
	L. 16.	89, 119, 138.
Lib. 50. Tit. 17. de diversis regulis juris.	L. 23.	172.
	L. 62.	63.
	L. 100.	43.

C. Codex.

Lib. 3. Tit. 37. communi dividundo.	L. 1. pr.	76.
	L. 3. pr.	76.
Lib. 3. Tit. 38. communia utriusque judicii	L. 2.	76.
	L. 4.	30.
	L. 6.	30.
	L. 11.	76.
Lib. 4. Tit. 11. ut actiones et ab herede et contra hered. incipiunt.	L. un. pr.	65.
Lib. 4. Tit. 35. mandati.	L. 11.	172.
	L. 13.	172.
	L. 21.	172, 179.
Lib. 4. Tit. 37. pro socio.	L. 1.	161.
Lib. 4. Tit. 61. de vectigalibus et commissis.	L. 11.	118, 125.
Lib. 4. Tit. 63. de commerbiis et mercatoribus.	L. 3.	131.
Lib. 5. Tit. 27. de naturalibus liberis.	L. 1. pr.	131.
Lib. 5. Tit. 41. ne tutor vel curator vectigal conducat.	L. un. pr.	95.
Lib. 6. Tit. 61. de bonis quae liberis	L. 6. pr.	19.
	§ 1.	19.
Lib. 7. Tit. 73. de privilegio fisci.	L. 3.	94.
Lib. 8. Tit. 14. in quibus causis.	L. 2.	94.
Lib. 10. Tit. 57. (56). de conductoribus vectigalium fisci.	L. un.	132.

II. Источники права до Юстиніана.

A. Gai Institutiones.

Lib. III. § 83.	58.
Lib. III. § 148.	16, 39, 79, 80, 197.
Lib. III. § 151.	198, 203.
Lib. III. § 158.	65.
Lib. III. § 180.	36.
Lib. IV. § 28.	93.
Lib. IV. § 30.	93.

Стр.

B. Pauli sententiae receptae.

Lib. IV Tit., cap. § 228, ... 62.

III. Авторы-Неюристы.

1) Plautus.

Rudens
act. V, sc 2. vers. 46 . . . . . 46.

2) Varro.

De lingua latina
cap. V, § 40 . . . . . 121.

3) Πολύβιος.

ἱστορία
Lib. VI cap. 17 . . . . . 2, 92.

4) Cicero.

Pro Cn. Plancio oratio.
cap. 9. . . . . 100, 101, 103.
cap. 13. . . . . 101, 122, 127.
Pro Archia poeta oratio.
cap. 4. . . . . 52.
Pro L. Cornelio Balbo oratio.
cap. 15. . . . . 52.
Pro Murena oratio.
cap. 4. . . . . 52.
Pro P. Quinctio oratio.
cap. 3. . . . . 12.
cap. 4. . . . . 10.
cap. 6. . . . . 9, 55, 57, 166.
cap. 16. . . . . 10.
cap. 24. . . . . 10, 166.
Pro Rabirio postumo oratio.
cap. 2. . . . . 101, 124, 132.
Pro L. Flacco oratio.
cap. 4. . . . . 52.
Pro Q. Roscio comoedo oratio.
cap. 1. . . . . 128.
4. . . . . 193, 197.
5. . . . . 192.
6. . . . . 10, 12, 53, 166, 191.
8. . . . . 192.
9. . . . . 166, 191, 193.
18. . . . . 10, 75, 197, 302.

Стр.

Pro Sex. Roscio Amerino oratio.
cap. 40. . . . . 166.
De lege agraria oratio I.
cap. 3. . . . . 89, 100.
De lege agraria oratio II.
cap. 21. . . . . 89, 100.
De domo sua ad pontifices oratio.
cap. 18. . . . . 121.
De haruspicum responso oratio.
cap. 7. . . . . 44.
De provinciis consularibus oratio.
cap. 5. . . . . 93, 100, 103, 129.
In. Vatinium testem interrogatio.
cap. 12. . . . . 131.
Pro Caecina oratio.
cap. 3. . . . . 10, 53, 55, 166.
Pro rege Dejotaro oratio.
cap. 6. . . . . 52.
Pro lege Manilia
cap. 6. . . . . 129.
cap. 7. . . . . 100.
In C. Verrem Act. II.,
Lib. I. cap. 39. . . . . 128.
Lib. I. cap. 55. . . . . 91, 93, 131, 132.
Lib. II. cap. 70. . . . . 123, 129.
Lib. II. cap. 71. . . . . 125, 126, 127.
Lib. II. cap. 72. . . . . 101, 126.
Lib. II. cap. 73. . . . . 8, 103, 126.
Lib. II. cap. 74. . . . . 127.
Lib. II. cap. 75. . . . . 126.
Lib. II. cap. 76. . . . . 126, 128.
Lib. II. cap. 77. . . . . 128, 129, 133.
Lib. III. cap. 7. . . . . 120, 122.
Lib. III. cap. 11. . . . . 89, 93, 122.
Lib. III. cap. 47. . . . . 128.
Lib. III. cap. 71. . . . . 124, 127, 128.
Lib. III. cap. 72. . . . . 127.
De finibus bonorum et malorum.
Lib. II. cap. 18. . . . . 62.
De officiis.
Lib. I. cap. 42. . . . . 131, 175.
Lib. III. cap. 15. . . . . 164.
Lib. III. cap. 17. . . . . 191.
Lib. III. cap. 29. . . . . 50, 55.
Lib. III. cap. 31. . . . . 51, 56.
De divinatione.

Стр.

Lib. I. cap. 16. . . . . 44.

De legibus.

Lib. II. cap. 9. . . . . 47.

cap. 19. . . . . 44.

Epistolarum ad Atticum.

Lib. IV. epist. 2, § 4. . . . . 47.

Lib. V. epist. 15. . . . . 129.

Lib. VI. epist. 1, § 15. . . . . 108.

Lib. XI. epist. 10. . . . . 129.

Epistolarum ad familiares.

Lib. XIII. epist. 9. . . . . 124.

Lib. XIII. epist. 65. . . . . 128, 129.

5) T. Livius.

Ab urbe condita

Lib. I. cap. 21. . . . . 51.

Lib. IV. cap. 8. 100

Lib. VI. cap. 41. . . . . 43.

Lib. XXII. cap. 61. . . . . 57.

Lib. XXIII. cap. 48. . . . . 89, 91, 102.

cap. 49. . . . . 91, 103, 120.

Lib. XXV. cap. 3. . . . . 90, 91, 102, 103.

cap. 4. . . . . 102.

Lib. XXXIX. cap. 44. . . . 89, 90, 91, 103, 105, 120.

Lib. XLIII. cap. 16. . . . . 5, 103, 131.

Lib. XLV. cap. 18. . . . . 101, 102, 104.

6) Dionysius Halicarnassensis.

Antiquitates

Lib. II, cap. 75. . . . . 48, 49. 51.

7) F. Valerius Maximus.

Facta dictaque

Lib. II, cap. I, § 1. . . . . 44.

Lib. II, cap. V, § 2. . . . . 45.

Lib. II, cap. IX, § 8. . . . . 57.

Lib. IV, cap. II, § 7. . . . . 62.

ib. VI, cap. IX, § 8. . . . . 129.

8) Corn. Tacitus.

Annales.

ib. XIII, cap. 50. . . . . 104.

ib. XIII, cap. 51. . . . . 106, 114.

Стр.

9) Plutarch.

Numa,
cap. 16. . . . . 51.

10) Appian.

De bellis civilibus.
Lib. II, § 435. . . . . 101.

11) Q. Fabius Quinctilianus.

Declamationes.
declam. 320. . . . . 9.

12) Festus.

De verborum significatione
verb. manceps. . . . . 89, 122.
verb. praes. . . . . .

13) Gellius.

Noctes Atticae.
Lib. I, cap. 9, § 12. . . . . 199.
Lib. XI, cap. 6, § 1. . . . . 47.
Lib. XX. cap. 1, § 41. . . . . 53, 54.

14) Julius Capitolinus.

Vitae Caesarum.
Vita M. Antonini Philosophi, cap. 9 . . . 107.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ: происхожденіе товарищества и его отдѣльные виды.

Стр.

Глава первая. *Предварительныя замѣчанія.* Общій характеръ римскихъ источниковъ по вопросу о товариществѣ. Направленіе современной литературы. Теорія *Лейста* о происхожденіи римскаго товарищества и actio pro socio. Эта теорія примѣнима только къ societas omnium bonorum, а не къ торговому товариществу Societas omnium bonorum не представляетъ собою прототипа римскаго contractus societatis. Взглядъ *Ленеля*. Недостатки этого взгляда . . . . . 1—17

Глава вторая *Юридическое значеніе societas omnium bonorum.* Два элемента въ составѣ товарищества по римскому гражданскому праву. Societas omnium bonorum коренится въ семьѣ. Ея первоначальное основаніе—союзъ дѣтей-сонаслѣдниковъ. Наслѣдство, открывшееся послѣ смерти отца—единственное имущество (omnia bona) дѣтей. Права filii emancipati на открывшееся наслѣдство. Collatio bonorum filii emancipati. Collatio bonorum и обязательство socii omnium bonorum отдать свое имущество въ общую массу—in medium conferre. Какъ институтъ родоваго происхожденія, communio или societas omnium bonorum носитъ общечеловѣческій характеръ. Сродные институты германскихъ народовъ. Задруга южныхъ славянъ. Великорусская большая семья. Κοινοπραξία грековъ. Въ казуистикѣ Дигестъ и Кодекса societas omnium bonorum встрѣчается только между близкими родственниками и супругами. Societas omnium bonorum не могла служить поводомъ къ возникновенію actionis pro socio. Значеніе actionis familiae erciscundae. Взаимныя отношенія обоихъ исковъ. Actio familiae erciscundae—не образецъ actionis pro socio. Неправильное мнѣніе *Лейста*. Actio pro socio предполагаетъ contractus, tractatus, affectio societatis . 17—38

Глава третья. *Происхожденіе contractus societatis.* Торговля и товарищество. Первоначальный преходящій характеръ contractus societatis въ противоположность къ societas omnium bonorum, какъ къ постоянному имущественному союзу. Цѣль contractus societatis состоитъ въ заключеніи одной точно опредѣленной сдѣлки на пользу всѣхъ товарищей. Законъ XII таблицъ не признаетъ contractus societatis. Неудобство сопряженное съ этимъ пробѣ-

ломъ. Contractus societatis коренится въ сакральномъ правѣ. Сакральный характеръ римскаго государственнаго права и вліяніе культа и ауспицій на развитіе гражданскаго права въ Римѣ. Изслѣдованія *Данца*. Сакральные договоры и послѣдствія ихъ нарушенія: ira deorum устраненіе отъ богослуженія. Власть каждаго божества имѣетъ свои строго опредѣленныя границы. Bona fides. Культъ Fides-Πίστις и его возникновеніе. Обѣщанія во имя Fides. Fidem firmare и fidem dare. Взглядъ *Перниса* на эти два понятія. Всѣ данные во имя Fides обѣты имѣли силу присяги, ὅρκος μέγιστος. Fides и religio. Неправильный взглядъ *Лейста* на fides въ договорѣ товарищества. Вліяніе fides на contractus juris civilis и juris gentium. Впослѣдствіи сакральное значеніе fides отходитъ на задній планъ. Скептическія отношенія практики къ ira deorum. Нарушеніе fides—только безчестный поступокъ. Contractus fidei подъ защитой цензорской власти. Характеръ и послѣдствія цензорскихъ взысканій—ignominia. Значеніе личныхъ качествъ контрагентовъ въ contractus fidei. Причина, почему вслѣдствіе смерти одной изъ участвующихъ сторонъ прекращается весь договоръ. Внесеніе contractus societatis въ эдиктъ praetor peregrinus. Ignominia, какъ послѣдствіе нарушенія contractus societatis, включается и въ преторскій эдиктъ. Contractus fidei и параллельное развитіе fideicommissum въ римскомъ правѣ. Неисполненіе фидеикоммисса не влекло за собою умаленія гражданской чести. Fideicommissum не слѣдуетъ разсматривать какъ mandatum post mortem. Примѣненіе stipulatio въ договорѣ товарищества . . . . . 38— 72

Глава четвертая. *Юридическое значеніе societas unius negotii, unius rei и unius negotiationis.* Первоначальная задача societas unius negotii. Товарищъ-представитель. Близкія отношенія между societas unius negotii и societas unius rei. Появленіе judicium communi dividundo и внесеніе его въ преторскій эдиктъ. L. 1. pr. Dig. communi dividundo. 10, 3. Связь между judicium communi dividundo и actio familiae erciscundae. Дополнительное значеніе judicium communi dividundo для actio pro socio. L. 39. Dig. pro socio. 17, 2. Judicium communi dividundo и societas unius rei. Societas unius rei—communio, въ основаніи которой лежитъ договоръ. Societas unius rei—зародышъ societatis unius negotiationis. Gai Institutiones III, §. 148. и pr. Inst. de societate. 3, 25. Societas omnium quae ex quaestu veniunt. Противоположность въ развитіи societas omnium bonorum и contractus societatis. Послѣдній не происходитъ изъ семейныхъ началъ. Вліяніе contractus societatis на семейныя товарищества среднихъ вѣковъ . . . . . 72— 86

Глава пятая. *Юридическое значеніе societas vectigalium.* Источники и литература о societates vectigalium. Товарищества откупщиковъ римской казны—институты публичнаго права. Они не находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ гражданскаго права. Разногласіе между *Хейровскимъ* и *Перписомъ* о юридическомъ значеніи leges contractus. Leges contractus—договоры между представителями казны и публиканами—относятся къ jus publicum. Споры между казною и публиканами не подлежатъ рѣшенію гражданскаго суда. Роль сената въ этихъ процессахъ. Привилегіи публикановъ: законная монополія взиманія всѣхъ пошлинъ, legisactio per pignoris capionem, interdictum ut in flumine publico navigare liceat utile. Hypotheca legalis

generalis казны на все имущество публикановъ. Освобожденіе публикановъ отъ опекунства и отъ munera municipalia. Можно ли въ этомъ усматривать льготу? Товарищества публикановъ—юридическія лица. Первоначальныя цѣли юридическихъ лицъ по римскимъ источникамъ. Societates vectigalium и частноправныя товарищества въ Дигестахъ. Sub hasta являются одни только римскіе граждане. Publicani не образуютъ сословія. Publicani и ordo equester. Publicani въ общественномъ мнѣніи. Ихъ вліяніе на правительство республики. Ограниченіе правъ публикановъ во время принципата: lex Julia de vi publica, эдиктъ Нерона. L. 9. §. 5. Dig. 39, 4, законъ Марка Антонина Философа. Edictum de vi publicanorum. Его содержаніе и время обнародованія. Его направленіе и отношеніе къ другимъ эдиктамъ. Edictum de familia publicanorum. Слѣяніе этого эдикта съ эдиктомъ de vi publicanorum . . . . . 86—116

Глава шестая. *Внутренняя организація societates vectigalium.* Цѣль societates publicanorum—откупа и подряды. Кѣмъ заключаются договоры sub hasta? Роль manceps'а по мнѣнію *Сальковскаго* и *Перниса*. Контрагентами казны являются publicani. Manceps, какъ представитель корпораціи публикановъ. Различныя названія manceps'а. Въ одномъ и томъ-же товариществѣ встрѣчаются иногда по нѣсколько manceps'овъ. Податные округа—publica. Manceps, какъ единственный контрагентъ казны. Внутреннее управленіе societates vectigalium. Общія собранія всѣхъ членовъ. Вліяніе магистра на общее собраніе. Дѣлопроизводствомъ товарищества публикановъ завѣдуютъ магистры. Отношеніе послѣднихъ къ manceps'амъ. Нѣсколько магистровъ во главѣ одного и того-же товарищества. Счетоводство и бухгалтерія товарищества. Operam dantes и servi publicanorum. Частноправныя товарищества въ связи съ societates publicanorum . . . . . 116—133

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ: отношенія товарищества къ лицамъ постороннимъ.

Глава седьмая. *Товарищество и корпорація.* Отличіе товарищества отъ корпораціи въ современной наукѣ. Взглядъ юристовъ-классиковъ на этотъ вопросъ. Communis arca, res communes—основаніе юридическаго лица. Порядокъ защиты интересовъ communis arca. Выдѣленіе обязательствъ корпораціи отъ обязательствъ отдѣльныхъ ея членовъ не считается основнымъ принципомъ, оно примѣняется лишь къ universitates. Терминъ universitas въ источникахъ. Насколько contractus societatis могъ способствовать образованію самостоятельнаго фонда товарищества. Значеніе этого вопроса въ societas omnium bonorum, въ societas unius negotii, unius rei и unius negotiationis: L. 58. §. 1. Dig. pro socio. 17, 2. Различіе взглядовъ *Лабеона* и позднѣйшихъ юристовъ . . . . . 133—146

Глава восьмая. *Отношенія communis arca къ лицамъ, не принадлежащимъ къ товариществу.* Положеніе communis arca относительно лицъ къ товариществу не принадлежащихъ. Communis arca въ societas omnium bonorum, въ societas unius negotii, unius rei и unius negotiationis. L. 44. §. 1. Dig. de aedilicio edicto. 21, 1. Различіе между communis arca товарищества и корпораціи. Положеніе communis arca при ликвидаціи дѣлъ

товарищества. Вліяніе римскихъ ученій на современныя законодательства . . . . . 146—157

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ: отношенія товарищей между собою.

Глава девятая. *Товарищескіе вклады.* Вкладъ товарища деньгами и трудомъ. Распредѣленіе прибылей и убытковъ въ societas unius negotiationis. § 2. Inst. de societate. 3, 25. Разногласіе между *Квинтомъ Муціемъ* и *Сервіемъ Сульпиціемъ*. Императоръ *Діоклетіанъ* подтверждаетъ мнѣнія *Сервія Сульпиція*. Значеніе общаго баланса въ societas unius negotiationis. Въ societas unius negotii нѣтъ никакой надобности въ балансѣ. Мнѣніе *Сервія Сульпиція* о балансѣ. Прогрессъ во взглядѣ *Сервія Сульпиція* сравнительно со взглядомъ *Квинта Муція*. Отношеніе societas omnium bonorum къ вопросу о вкладахъ товарищей. . . . . 156—163

Глава десятая. *Отвѣтственность товарищей относительно другъ друга.* Ученіе объ отвѣтственности товарищей находится въ связи съ ученіемъ о товарищескихъ взносахъ. Отвѣтственность контрагентовъ въ сакральномъ договорѣ. Товарищи отвѣчаютъ первоначально только за dolus и fraus. Это правило не измѣняется вслѣдствіе внесенія actio pro socio въ преторскій эдиктъ. Разногласіе древнихъ юристовъ по вопросу объ отвѣтственности товарищей. §. 8. Inst. de societate. 3, 25. Личный трудъ, какъ товарищескій взносъ и его вліяніе на отвѣтственность товарищей. Взглядъ *Цельза*. L. 52. §. 2. Dig. pro socio. 17, 2. Товарищи отвѣчаютъ и за culpa. Вліяніе infamia на culpa in concreto въ договорахъ вообще. Особый характеръ мандата, operae liberales, Diligentia quam suis rebus въ современномъ товариществѣ—анахронизмъ, подлежащій устраненію . . . . 163—189

Глава одиннадцатая. *Искъ между товарищами.* Actio pro socio—соединяющее звено между societas omnium bonorum и societas unius negotii. Societas unius negotii—основаніе actio pro socio. Цѣль этого иска. Arbitrium pro socio—judicium generale. Beneficium competentiae. Formula actionis pro socio . . . . . 189—198

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ: прекращеніе товарищества.

Глава двѣнадцатая. *Выходъ отдѣльныхъ товарищей.* Полная свобода товарищей выходить изъ союза въ какое угодно время. Принципъ этотъ въ societas omnium bonorum и въ остальныхъ видахъ товарищества. Ограниченіе этого принципа *Лабеономъ*. Реформа сабиніанцевъ: socium a se non se a socio liberat. Смягченіе этого правила позднѣйшими юристами . . . . . 198—205

Глава тринадцатая. *Смерть отдѣльныхъ товарищей.* Вліяніе actio pro socio на прекращеніе товарищества. Существенное значеніе личности контрагента въ contractus societatis. Прекращеніе товарищества вслѣдствіе смерти одного участника. Неудобства правила „morte socii societas solvitur". Исключеніе изъ этого принципа въ societas unius rei и societas vectigalium. Отношенія между товарищами и heredes socii. Положенія современныхъ законодательствъ . . . . . 205—210

ОБЪ АНАЭРОБНЫХЪ МИКРОБАХЪ НАГНОЕНІЯ.

(Къ этіологіи нагноенія и ученію объ анаэробіозѣ).

Изъ лабораторіи хирургической патологіи и терапіи. Работа, удостоенная Медицинскимъ Факультетомъ Университета Св. Владиміра, золотой медали и преміи Н. И. Пирогова.

Существеннымъ отличіемъ нагноенія отъ другихъ инфекціонныхъ заболѣваній съ строго-опредѣленными клиническими и патолого-анатомическими признаками является въ этіологическомъ отношеніи встрѣчаемое здѣсь разнообразіе причинныхъ моментовъ, способныхъ вызывать гнойные процессы.

Въ то время, какъ туберкулезный бугорокъ, лепрозный узелъ, сибиреязвенная пустула при бактеріологическомъ изслѣдованіи даютъ намъ каждый разъ строго-опредѣленный видъ микробовъ, содержимое гнойника въ этомъ отношеніи не представляетъ постоянства,—здѣсь мы можемъ найти виды микробовъ, часто морфологически и біологически совершенно отличающееся отъ видовъ, найденныхъ въ другихъ случаяхъ нагноенія. Отсюда понятно, почему бактеріологія клиническаго нагноенія и изслѣдованія экспериментальнаго нагноенія продолжаютъ служить предметомъ цѣлаго ряда работъ, увеличивая и безъ того обширную литературу о нагноеніи.

Предметомъ настоящей работы послужило изслѣдованіе гноя на присутствіе анаэробныхъ микробовъ и выясненіе того вліянія, какое оказываетъ анаэробіозъ на морфологическія и біологическія свойства главныхъ видовъ піогенныхъ микробовъ.

Работа раздѣляется на три главныя части.

Въ первой части представленъ краткій историко-литературный очеркъ развитія ученія о микробахъ нагноенія.

Во второй части, касающейся методики изслѣдованія анаэробій, приведены существующіе методы анаэробныхъ культуръ и описаны примѣненные при производствѣ настоящей работы новые методы для культивировки микробовъ въ безкислородной средѣ.

Въ третьей части работы описаны произведенныя нами изслѣдованія, объ анаэробныхъ микробахъ нагноенія и представлены тѣ выводы, которые могутъ быть сдѣланы изъ произведенныхъ опытовъ анаэробной культивировки микробовъ нагноенія.

Историческій очеркъ развитія ученія о микробахъ нагноенія.

Историческій ходъ развитія бактеріологіи нагноенія можетъ быть раздѣленъ на два главныхъ періода. Первый періодъ обнимаетъ время до появленія въ 1878 г. работъ Koch'a „Zur Aetiologie der Wundinfections krankheiten“ и Pasteur'a „Theorie des germes et ses applications à la médicine et à la chirurgie“; второй—съ момента появленія указанныхъ работъ до настоящаго времени. Первый періодъ—періодъ борьбы научной мысли, принявшей новое направленіе благодаря завоеваніямъ, которыя дѣлала юная тогда наука—бактеріологія, со взглядами старой медицинской школы.

Начавшись въ видѣ робкихъ заявленій Rokitansk'аго [1]) о присутствіи микробовъ при endocarditis ulcerosa (1855 г.), Coze и Feltz'a [2]) о присутствіи микрофита въ крови умершихъ отъ родильной горячки женщинъ, ученіе о роли микробовъ при язвенныхъ и гнойныхъ процессахъ съ одной стороны увлекло умы многихъ изслѣдователей, съ другой стороны пріобрѣло не мало противниковъ, скептиковъ, не только не придававшихъ никакого значенія находимымъ при этихъ процессахъ микроорганизмамъ, но даже сомнѣвавшихся въ существованіи ихъ и считавшихъ находимыя при гнойныхъ заболѣваніяхъ образованія за продукты клѣточнаго распада. Такой скептицизмъ станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе то, что въ этотъ періодъ нарождающаяся только бактеріологія не имѣла еще точныхъ методовъ изслѣдованія, которые воочію бы показали скептикамъ значеніе новооткрытаго міра низшихъ организмовъ въ этіологіи инфекціонныхъ болѣзней вообще и нагноенія въ частности. Какъ ни великъ былъ скептицизмъ против-

никовъ бактеріологіи, однако пытливые умы продолжали изслѣдованія этіологіи гнойныхъ процессовъ и заявленіе о присутствіи микроорганизмовъ при язвахъ и гнойныхъ заболѣваніяхъ стали появляться со всѣхъ сторонъ. Въ 1865 г. Klebs [3]) въ одномъ случаѣ pyelonephrit'a нашелъ малыхъ круглыхъ кокковъ, бывшихъ, по его мнѣнію, причиной инфекціи. Въ слѣдующемъ году Rindfleisch [4]) указалъ на присутствіе вибріоновъ въ фокусахъ размягченія сердечной мышцы при піэміи, родильной горячкѣ и др. инфекціонныхъ болѣзняхъ. Вслѣдъ за этими работами появился цѣлый рядъ работъ, доказывающихъ присутствіе низшихъ организмовъ при различныхъ гнойныхъ заболѣваніяхъ. Сюда относятся работы Recklinghausen'a [5]) надъ метастатическими гнойниками при піэміи и родильной горячкѣ, Klebs'a [6]) надъ гнойнымъ отдѣленіемъ огнестрѣльныхъ ранъ, въ отдѣляемомъ которыхъ онъ находилъ палочкообразныя „микроспоры" microsporon septicum, Birch-Hirschfeld'a [7]), раздѣляющаго уже находимыя въ гнойномъ отдѣленіи ранъ микробы на собственно піогенные микрококки и септическія палочко-образныя бактеріи. Сюда же слѣдуетъ причислить работы Orth'a [8]), Martini [9]) и Lücke [10]), изъ которыхъ въ первой приводится цѣлый рядъ случаевъ родильной горячки, вызванной, по мнѣнію автора, найденнымъ имъ въ фибринозногнойномомъ эксудатѣ брюшины цѣпочечнымъ коккомъ; при прививкахъ эксудата въ брюшную полость и въ конъюнктивальный мѣшокъ кроликамъ, кокки эти оказались піогенными. Въ работѣ Martini описываются случаи піэміи, periostit'a, osteomyelit'a, при которыхъ авторъ въ гнойныхъ фокусахъ какъ первичныхъ, такъ и метастатическихъ, нашелъ микрокковъ, обусловливавшихъ, по его мнѣнію, названныя заболѣванія. Описанные Martini микрококки находилъ и Lücke въ 2-хъ случаяхъ инфекціоннаго воспаленія костнаго мозга.

Однако, въ то время, какъ число работъ, доказывавшихъ присутствіе микроорганизмовъ при различныхъ гнойныхъ заболѣваніяхъ, съ каждымъ годомъ увеличивалось, и вопросъ о піогенной роли ихъ большинствомъ авторовъ рѣшался въ положительномъ смыслѣ, Billroth [11]) въ 1874 г. выступилъ противникомъ специфически паразитарнаго происхожденія инфекціонныхъ болѣзней ранъ. Не имѣя, правда, какъ и работы противоположнаго взгляда, опорой своей точныхъ опытовъ, работа Billorth'a имѣетъ историческое значеніе и интересна въ томъ отношеніи, что представляетъ собой первую попытку обобщить ту

массу фактовъ, какую выдвинуло новое направленіе въ изученіи этіологіи инфекціонныхъ болѣзней ранъ. По мнѣнію Billorth'a, всѣ низшіе организмы, встрѣчающіеся въ тканяхъ, отдѣленіяхъ и выдѣленіяхъ человѣка, равно какъ и организмы въ гніющихъ жидкостяхъ, представляютъ собою вегетаціонныя формы одного вида „coccobacteria septica". Стойкія споры „coccobacteriae septicae", распространенныя въ воздухѣ и водѣ, попадая отсюда въ среду, благопріятную для ихъ развитія, проростаютъ въ кокки, диплококки и палочки. Нормальныя ткани и жидкости живого организма оказываютъ противодѣйствіе развитію въ нихъ „coccobacteriae septicae", не убивая, однако, зародышей ея. Напротивъ, продукты воспалительнаго процесса и сама воспаленная ткань является средой, благопріятствующей развитію „coccobacteriae septicae". Послѣднее обстоятельство объясняется, по Billroth'у, тѣмъ, что въ продуктахъ воспалительнаго процесса и въ воспаленной ткани образуется особаго рода вещество—флогистическій zymoid, аналогичный пепсину и слюнному діастазу, а также гнилостному zymoid'у. Приводя въ той же работѣ рядъ изслѣдованныхъ имъ случаевъ нагноеній, Billroth и здѣсь впервые пытается систематизировать полученные результаты. Онъ дѣлитъ изслѣдованный имъ матеріалъ на случаи нагноеній на поверхности ранъ, сообщающихся съ воздухомъ, случаи нагноеній въ полостяхъ, находящихся въ сообщеніи съ наружной раной и случаи закрытыхъ острыхъ и холодныхъ абсцессовъ. Въ гною, взятомъ съ поверхности ранъ, Billroth находилъ отдѣльные кокки и цѣпочки кокковъ. Въ полостяхъ, сообщающихся съ наружной раной, также всегда содержались микрококки. Изъ 5 закрытыхъ острыхъ абсцессовъ, сообщавшихся раньше посредствомъ фистулезныхъ ходовъ съ наружнымъ воздухомъ, только въ одномъ случаѣ не было найдено микроорганизмовъ, что Billroth объясняетъ гибелью ихъ отъ недостатка О. Точно такъ-же изъ 6-ти совершенно закрытыхъ абсцессовъ только въ 3-хъ случаяхъ были найдены микрококки. Въ гною холодныхъ абсцессовъ Billroth не находилъ микробовъ. Что касается формъ вегетацій coccobacteriae, то въ гною чаще всего Billroth находилъ кокковыя формы; палочкообразныя формы, находимыя изрѣдка въ гною, обыкновенно очень мелки и только въ одномъ случаѣ сильнаго воспаленія зобной железы, наступившаго послѣ лекарственнаго впрыскиванія въ зобъ іода, Billroth'у удалось найти въ кислой жидкости, взятой при пробномъ проколѣ, большія, толстыя бактеріи.

Hiller [12]) пошелъ въ отрицаніи этіологическаго значенія бактерій при развитіи болѣзней еще дальше Billroth'a и сталъ утверждать, что въ живыхъ организмахъ размноженіе бактерій невозможно, что онѣ развиваются только на трупѣ.

Однако, уже черезъ 2 года послѣ напечатанія вышеупомянутой монографіи Billroth'a о „coccobacteria septica", Billroth въ работѣ, произведенной совмѣстно съ Ehrlich'омъ [13]) нѣсколько измѣняетъ свой взглядъ на значеніе микроорганизмовъ въ происхожденіи болѣзней ранъ.

Дополняя приведенный имъ въ первой работѣ клинический матеріалъ, онъ приводитъ еще 2 случая совершенно закрытыхъ абсцессовъ, въ которыхъ содержались микрококки. Присутствіе микроорганизмовъ въ гною этихъ абсцессовъ, развившихся послѣ травмы, онъ, какъ и прежде, объясняетъ тѣмъ, что на мѣстѣ травмы развилось воспаленіе съ образованіемъ флогистическаго zymoid'a, сдѣлавшаго воспаленный фокусъ благопріятной средой для развитія циркулировавшихъ въ крови споръ „coccobacteriae septicae".

Затѣмъ Billroth приводитъ еще случаи нахожденія вегетацій coccobacteriae septicae (micrococcus streptococcus) въ абсцессахъ, имѣвшихъ сообщеніе съ наружной раной. При объясненіи этихъ случаевъ, онъ дѣлаетъ уже уступку своему прежнему взгляду и, считая, какъ и прежде, возможнымъ, что микроорганизмы развились здѣсь, найдя въ воспаленной ткани благопріятную почву для своего развитія, онъ не отрицаетъ, однако, возможности, что они и сами приняли въ воспалительномъ процессѣ этіоло́гическое участіе тѣмъ, что принесли съ собой заразное начало и такимъ образомъ способствовали интенсивности процесса.

Наконецъ, въ описаніи случаевъ (3), въ которыхъ у живыхъ людей наблюдались вегетаціи coccobacteria (streptococcus) въ метастатическихъ абсцессахъ, Billroth еще яснѣе склоняется признать за бактеріями прямую этіологическую роль въ названныхъ процессахъ.

Не смотря на разочаровывающій голосъ Billroth'a, высказанный имъ въ первомъ трудѣ о coccobacteria, и Hiller'a, голосъ, охлаждавшій стремленіе изслѣдователей искать причину гнойныхъ процессовъ въ бактеріяхъ, интересъ, возбужденный новой наукой о низшихъ организмахъ, тѣмъ не менѣе продолжалъ привлекать все новыхъ и новыхъ работниковъ, и голоса въ пользу патогенности микробовъ, на-

ходимыхъ при нагноеніи, стали раздаваться все чаще и чаще. Уже въ 1874 г. Heiberg [14]) выступилъ противникомъ высказаннаго Billroth'омъ взгляда, что микрококки играютъ второстепенную роль въ этіологіи нагноенія. Описывая случай послѣродоваго panophtalmit'a, обусловленнаго эмболіей изъ микрококковъ, онъ говоритъ, что, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и вообще при піэміи и пуэрперальныхъ заболѣваніяхъ, микрококки и представляютъ „materia peccans", при этомъ именно микрококки, а не другія формы микроорганизмовъ. Еще болѣе ясно высказываются въ пользу этіологическаго значенія микрококковъ Lücke [15]) и Eberth [16]),—первый на основаніи изслѣдованій Klebs'a и Recklinghausen'a, нашедшихъ микрококковъ при osteomyelit'ѣ какъ въ первичныхъ, такъ и во вторичныхъ гнѣздахъ; второй на основаніи собственныхъ изслѣдованій 2-хъ случаевъ osteomyelitis spontanea, изъ которыхъ въ одномъ нашелъ микрококковъ не только въ костномъ мозгу, но и въ эмболическихъ абсцессахъ въ сердцѣ, въ легкихъ, околосердечной сумкѣ и въ плеврѣ.

Одновременно съ работами, имѣвшими цѣлью доказать присутствіе микроорганизмовъ при тѣхъ или другихъ гнойныхъ процессахъ и выяснить причину происхожденія послѣднихъ, шли работы, имѣвшія въ виду опредѣлить отношеніе того или другого вида микробовъ къ формѣ и интенсивности нагноенія и локализаціи его. Высказанное уже Billroth'омъ [17]) мнѣніе, что не только pus bonum et laudabile, но и pus malum содержитъ бактеріи, находитъ подтвержденіе въ изслѣдованіяхъ Bouloumié [18]), которыя доказываютъ, что гной всегда содержитъ микробовъ, но что въ то время, какъ въ гною закрытыхъ абсцессовъ содержатся лишь микрококки, расположенные отдѣльными точками или соединенные попарно, гной нарывовъ, сообщающихся съ наружнымъ воздухомъ, можетъ содержать и другіе виды микробовъ. A. Poulet [19]) еще точнѣе изслѣдуетъ вопросъ въ этомъ направленіи и говоритъ, что нарывы, не сообщающіеся съ внѣшнимъ воздухомъ и не развившіеся вблизи пищеварительнаго тракта, всегда содержатъ кокковыя формы и не представляютъ никакихъ признаковъ гніенія; между тѣмъ какъ открытые дѣйствію воздуха нарывы, равно какъ и нарывы, развившіеся по близости пищеварительнаго тракта, содержатъ и другія формы бактерій; гной этихъ нарывовъ очень вонючъ и представляетъ явные признаки гніенія.

Вмѣстѣ съ работами, стремящимися систематизировать результа-

ты изслѣдованій различныхъ формъ гнойныхъ процессовъ, продолжаютъ появляться новыя заявленія о присутствіи бактерій при разнаго рода нагноеніяхъ. Въ 1875 г. Nepveu [20]) заявляетъ, что онъ открылъ бактерій въ почечной кистѣ, въ гнойномъ плевритическомъ эксудатѣ, въ haematocele cystisa, въ нагноившемся бубонѣ, въ нагноившейся кистѣ придата яичника и въ аневризмѣ arteriae popliteae. Huber [21]) въ 1876 г. описываетъ случай піэміи, гдѣ при вскрытіи во всѣхъ органахъ оказалась масса метастатическихъ гнойниковъ, а на митральной заслонкѣ ulceros'ный эндокардитъ, причемъ въ гнойныхъ узлахъ всюду оказались кучи микрококковъ. Въ слѣдующемъ году Ihlder [22]) нашелъ въ вонючемъ гною нарыва зубной луночки микрококковъ, бактерій и даже маленькія водоросли (leptothrix?). Въ 1878 году Haussmann [23]) описалъ случай parulis'a, въ гною котораго оказались въ незначительномъ количествѣ палочкообразныя формы бактерій, главнымъ же образомъ кокки, одиночные, парные и въ видѣ зооглей. Въ томъ же году Nycamp [24]) нашелъ во многихъ случаяхъ гнойнаго нефрита колоніи бактерій внутри сосудистыхъ сплетеній glomerul'овъ, а Salomonsen [25]) описалъ одинъ случай микробнаго, гнойнаго воспаленія articulationis phalango-metatarseae dextrae съ panaritium'омъ, къ которымъ присоединилась піэмія и смерть. Прививка гноя кроликамъ въ грудную и брюшную полости вызвала смерть животныхъ отъ гнойнаго плеврита и перитонита. При изслѣдованіяхъ перитонеальнаго и плевральнаго эксудата найдены были тѣже цѣпочечные кокки, какіе были обнаружены въ гною больнаго еще при жизни послѣдняго.

Изъ вышеизложеннаго краткаго очерка работъ перваго періода видно, что вопросъ о микроорганизмахъ нагноенія въ этотъ періодъ совершенно не выясненъ. Правда, фактъ присутствія въ гною микроорганизмовъ устанавливался многими изслѣдователями. Но ни выяснить отношеніе микроорганизмовъ къ нагноенію, ни установить точно виды находимыхъ при нагноеніи микробовъ, ни изучить ихъ морфологическія и біологическія свойства никому изъ работавшихъ въ этотъ періодъ не удалось.

Въ 1878 г. вышедшими почти одновременно работами Koch'a [26]) и Pasteur'a [27]) открывается новая эпоха въ ученіи объ этіологіи инфекціонныхъ болѣзней вообще и нагноенія въ частности. Бактеріологія обогащается новыми методами изслѣдованія,—Koch впервые при-

мѣняетъ окрашиваніе препаратовъ анилиновыми красками и предлагаетъ новыя приспособленія къ микроскопу (освѣтительный аппаратъ, гомогенная иммерсія), дающія возможность получать гораздо болѣе ясныя изображенія, а Pasteur впервые заставляетъ бактерій нагноенія рости in vitro, примѣняя для этого жидкую питательную среду.

При помощи своихъ методовъ изслѣдованія, Koch доказалъ, что у животныхъ (мышей и кроликовъ) различныя формы болѣзней вызываются морфологически—различными микроорганизмами и при этомъ при каждой болѣзни постоянно встрѣчается одинъ и тотъ же видъ бактерій. Получивъ путемъ прививокъ у мышей и кроликовъ септицемію, піэмію, прогрессивную гангрену, прогрессивное нагноеніе, рожу и сибирскую язву съ строго опредѣленными видами бактерій для каждаго рода заболѣванія, Koch отсюда заключилъ о специфичности бактерій и тѣмъ нанесъ рѣшительный ударъ воззрѣнію, будто бы при разнообразныхъ болѣзняхъ встрѣчаются одни и тѣ же микроорганизмы и потому послѣдніе суть только случайные спутники болѣзней (Hiller, Billroth, Wolf и др.). Не менѣе сильный ударъ послѣднему воззрѣнію нанесенъ выше цитированной работой Pasteur'a, который прямо называетъ найденные имъ микроорганизмы по роду вызываемыхъ ими процессовъ „vibrion septique“ и „microbe generateur de pus“. Послѣдній культивированъ имъ изъ воды Сены; представляетъ собой, по описанію Pasteur'a, короткія, толстыя палочки, очень подвижныя въ живомъ состояніи, въ мертвомъ сходныя съ bacter. termo. Прививка живой культуры этого микроба вызываетъ образованіе нарыва съ большимъ количествомъ гноя. Прививка прокипяченой культуры тоже даетъ нарывъ уже съ чистымъ гноемъ и безъ присутствія микробовъ. При впрыскиваніи въ яремную вену живой культуры получаются метастатическіе нарывы и смерть животнаго; при впрыскиваніи убитой жаромъ культуры хотя и получаются нарывы, но животное не умираетъ. Въ слѣдующей работѣ, опубликованной въ 1880 г., Pasteur [28]) приводитъ уже точное описаніе формы, группировки, роста въ жидкихъ субстратахъ и дѣйствія на животныхъ микроорганизмовъ, найденныхъ имъ въ гною фурункуловъ и при osteomyelitis acuta. Микроорганизмы эти имѣютъ шарообразную форму, соединены попарно, рѣже по четыре и чаще всего въ группы. Культуры ихъ въ куриномъ бульонѣ осѣдаютъ на дно, оставляя бульонъ прозрачнымъ; культивированные же въ субстратѣ изъ пивныхъ дрожжей онѣ не да-

ютъ осадка, а распредѣляются въ субстратѣ въ видѣ равномѣрной мути. Впрыснутыя подъ кожу кроликамъ и морскимъ свинкамъ—культуры этихъ микробовъ вызываютъ маленькіе абсцессы. Тѣхъ же микроорганизмовъ, совмѣстно съ цѣпочечными кокками, Pasteur наблюдалъ въ гною метастатическихъ абсцессовъ въ крови и лохіяхъ при родильной горячкѣ.

Первой обстоятельной работой, произведенной по методу Koch'a съ примѣненіемъ культивировки бактерій на жидкихъ питательныхъ субстратахъ (яичномъ бѣлкѣ), является работа Al. Ogston'a [29]). Основываясь на изслѣдованіи значительнаго числа абсцессовъ (63), Ogston заключаетъ, что появленіе острыхъ нагноеній всегда связано съ присутствіемъ микрококковъ, которыхъ онъ раздѣляетъ на двѣ группы: на цѣпочечныхъ (streptococcus по Billroth'y) и гроздевидныхъ (staphylococcus). Чаще всего попадался гроздекоккъ, рѣже цѣпочечный коккъ и еще рѣже смѣсь того и другого. Основывая такое дѣленіе микрококковъ на 2 группы лишь на морфологическихъ особенностяхъ ихъ, Ogston не рѣшается высказать съ увѣренностью, представляютъ ли указанныя группы—различныхъ микроорганизмовъ, или же суть только различные способы размноженія одного и того же микроорганизма и только въ дальнѣйшей своей работѣ признаетъ стафилококковъ и стрептококковъ за два совершенно различныхъ, вполнѣ самостоятельныхъ вида. Гной зловонныхъ абсцессовъ, изслѣдованныхъ Ogston'омъ, содержалъ кромѣ микрококковъ также бациллъ, бактерій и спириллъ. Въ гною хроническихъ абсцессовъ Ogston ни разу не находилъ микроорганизмовъ, не смотря на самыя тщательныя изслѣдованія. Впрыскиваніе подъ кожу животнымъ ($^1/_4$—2 капли) какъ гноя, такъ и разводокъ микрококковъ въ яичномъ бѣлкѣ (1 капля), вызывало образованіе абсцессовъ. Изслѣдуя случаи нагноеній на поверхности тѣла и, подобно Watson-Cheyne [30]), гной ранъ подъ антисептической повязкой, Ogston и въ нихъ находилъ микрококковъ, при чемъ замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ находились микрококки даже въ ранѣ, зажившей per primam и слѣдовательно по виду совершенно асептичной. Послѣднее обстоятельство Ogston объясняетъ тѣмъ, что, какъ показали опыты съ разводками микрококковъ, послѣдніе развиваются лучше всего безъ доступа воздуха и поэтому на поверхности ранъ и язвъ не могутъ вызывать такихъ интенсивныхъ процессовъ, какіе получаются въ глубинѣ тканей.

Опубликованный Koch'омъ въ 1881 г. методъ культивировки микробовъ на твердыхъ питательныхъ средахъ далъ возможность еще ближе опредѣлить различные виды микроорганизмовъ нагноенія и изучить ихъ біологическія свойства. Becker [31]), культивируя гной изъ 5 случаевъ osteomyelit'a на картофелѣ, обезпложенной кровяной сывороткѣ и мясопептонномъ студенѣ, получилъ разводку оранжеваго цвѣта, оказавшуюся при микроскопическомъ изслѣдованіи состоящей изъ микрококковъ, вполнѣ сходныхъ съ микрококками, найденными авторомъ при изслѣдованіи окрашенныхъ препаратовъ гноя. Разводки разжижали желатину. Здѣсь же Becker обратилъ вниманіе на характерный запахъ, издаваемый разводками, похожій, по мнѣнію Becker'a, на запахъ испорченнаго тѣста, или клейстера. Введенная въ извѣстномъ количествѣ въ брюшную полость мышамъ, кроликамъ и морскимъ свинкамъ, культура вызывала гнойный перитонитъ и смерть животныхъ. При введеніи въ кровь, послѣ предварительнаго перелома костей, культуры этого микрококка вызывали нагноеніе на мѣстахъ перелома и смерть животныхъ при явленіяхъ общаго исхуданія. При посѣвахъ гноя или крови такихъ животныхъ получались снова культуры оранжеваго цвѣта. На основаніи своихъ опытовъ, Becker заключаетъ, что найденный имъ оранжевый микрококкъ является специфическимъ возбудителемъ остраго остеоміэлита.

Работа Becker'a вызвала вскорѣ возраженіе со стороны Rosenbach'a [32]), который говоритъ, что опыты Becker'a съ переломами костей нисколько не доказательны для специфичности найденнаго Becker'омъ при osteomyelit'ѣ микроорганизма, такъ какъ при переломахъ костей нагноеніе получается и при введеніи другихъ микроорганизмовъ. Того же оранжеваго кокка Rosenbach часто получалъ вообще при всякаго рода нагноеніяхъ и потому считаетъ его специфичнымъ для всякаго нагноенія. Высказанное Becker'омъ мнѣніе о специфичности найденнаго имъ кокка для osteomyelit'a также не нашло подтвержденіе и въ работѣ Krause [33]), который какъ въ фурункулезномъ, такъ и въ остеоміэлитическомъ гною нашелъ такого же оранжеваго кокка, какой описанъ Becker'омъ, и кромѣ того еще особую форму, отличающуюся отъ предыдущей бѣлымъ цвѣтомъ. Послѣдній видъ коковъ Krause встрѣчалъ и въ флегмонозномъ гною въ соединеніи съ цѣпочечными кокками, составлявшими въ изслѣдованныхъ Krause случаяхъ флегмонъ почти исключительную форму коковъ флегмонознаго гноя.

Въ 1884 году вышла въ свѣтъ классическая монографія Rosenbach'a [34]) „Die Microorganismen der Wundinfectionskrankheiten des Menschen", значительно расширившая тогдашнія свѣдѣнія о микробахъ нагноенія. Пользуясь усовершенствованными методами бактеріологическаго изслѣдованія, Rosenbach выдѣлилъ изъ гноя острыхъ нагноеній 5 отдѣльныхъ видовъ микроорганизмовъ, изучилъ ихъ ростъ на питательныхъ средахъ и опытами на животныхъ доказалъ ихъ піогенныя свойства. Виды піогенныхъ микроорганизмовъ, найденныхъ Rosenbach'омъ, слѣдующіе: 1) staphylococcus pyogenes aureus, идентичный, по мнѣнію Rosenbach'a, съ коккомъ, найденнымъ Becker'омъ при osteomyelit'ѣ, микрококкомъ, найденнымъ Pasteur'омъ при фурункулахъ и osteomyelit'ѣ и Doléris'омъ [35]) при родильной горячкѣ; 2) staphyloccus pyogenes albus, отличающійся отъ предыдущаго только цвѣтомъ культуры; 3) micrococcus pyogenes tenuis, полученный Rosenbach'омъ только 3 раза и отличающійся отъ стафилококковъ тѣмъ, что не имѣетъ склонности группироваться въ характерныя для стафилококковъ кучи; 4) streptococcus pyogenes и 5) овальный коккъ, быстро разжижавшій желатину, найденный Rosenbach'омъ только въ одномъ случаѣ (phlegmone praepatellare) и вызывавшій у кроликовъ при прививкѣ въ глазное яблоко подъострое нагноеніе.

Въ слѣдующемъ 1885 году Passet [36]) опубликовалъ результаты своихъ изслѣдованій надъ микробами нагноенія. Пользуясь при производствѣ своей работы, помимо методовъ, примѣненныхъ Rosenbach'омъ, методомъ разливки на пластинкахъ, Passet изслѣдовалъ 33 случая острыхъ нагноеній и изолировалъ изъ гноя 8 видовъ бактерій, а именно: 1) staphylococcus pyogenes aureus и 2) staphylococcus pyogenes albus, найденные Rosenbach'омъ, 3) staphylococcus pyogenes citreus, отличающійся отъ предыдущихъ только цвѣтомъ культуры, 4) streptococcus pyogenes 5 и 6) staphylococcus cereus albus и flavus 7) диплококка, очень схожаго съ Friedländer'овскимъ пневмококкомъ и 8) въ одномъ случаѣ абсцесса около anus'a съ очень зловоннымъ гноемъ—короткую палочку съ закругленными концами, названную имъ bacillus pyegenes foetidus. Micrococcus pyogenes tenuis Rosenbach'a Passet не нашелъ ни въ одномъ изъ изслѣдованныхъ имъ случаевъ. При описаніи каждаго вида Passet особенное вниманіе обращаетъ на морфологическія свойства каждаго вида и характеристичныя особенности роста при искусственной культивировкѣ. При опытахъ надъ животными Passet

нашелъ, что staphylococcus cereus albus и flavus не патогенны; всѣ же остальные микроорганизмы вызывали нагноеніе, за исключеніемъ streptococcus pyogenes, который при впрыскиваніи подъ кожу кроликамъ даже въ количествѣ въ 4 раза большемъ, чѣмъ предыдущіе микробы, все же не вызывалъ абсцесса; при прививкахъ въ кожу уха наблюдалась лишь краснота, какъ и отъ streptococcus erysipelatis,—краснота, отличавшаяся однако отъ красноты, вызванной рожистымъ стрептококкомъ тѣмъ, что наступала позже и была менѣе интенсивна. Вскорѣ за работой Passet появилась работа Garré [37]), который изслѣдовалъ цѣлый рядъ случаевъ остраго нагноенія (osteomyelitis, panaritium, furunculus, abscessus, phlegmone) и во всѣхъ случаяхъ нашелъ микроорганизмовъ: staphylococcus aureus и albus вмѣстѣ и отдѣльно и въ 4-хъ случаяхъ флегмонъ streptococcus. Вмѣстѣ съ тѣмъ Garré первый рѣшился на смѣлый опытъ и втеръ себѣ въ кожу предплечія культуру желтаго стафилококка,—черезъ 4 дня развился обширный карбункулъ, потребовавшій продолжительнаго леченія. Такая же культура, привитая въ ранку у корня ногтя, вызвала черезъ 2 дня мѣстное нагноеніе, изъ гноя котораго при посѣвѣ получился опять желтый стафилококкъ. Изъ этихъ опытовъ Garré вывелъ заключеніе, что желтый стафилококкъ есть причина panaritium'овъ и фурункуловъ и что при отсутствіи поврежденій кожи инфекція происходитъ черезъ выводные протоки кожныхъ железъ.

Другой опытъ съ желтымъ стафилококкомъ въ томъ же году произвелъ на человѣкѣ Bumm [38]); впрыскивая подъ кожу себѣ и другимъ чистую разводку staphylococcus pyogenes aureus, онъ получалъ острое нагноеніе въ видѣ подкожныхъ абсцессовъ. (Позже такіе же опыты съ тѣми же результатами произвели Bockhardt [39]) и Цуккерманъ [40]).

Дальнѣйшими клиническими и экспериментальными наблюденіями, произведенными въ періодъ 85—86 г. Sattler'a [41]), Петрова [42]), Tilanus'a [43]), Lübbert'a [44]), Widmarck'a [45]), A. Fraenkel'a [46]), Hoffa [47]), Eisenberg'a [48]), Кранцфельда [49]), проф. Павловскаго [50]) и многихъ другихъ были подтверждены наблюденія Ogston'a, Rosenbach'a и Passet и вопросъ о микробахъ нагноенія былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что всякаго рода гнойные процессы у человѣка вызываются специфичными для нагноенія микробами, изъ которыхъ самымъ частымъ является желтый стафилококкъ.

Имѣя въ виду одно лишь бактерійное нагноеніе, мы не будемъ

здѣсь касаться исторіи вопроса объ ассептическомъ нагноеніи, возникшаго одновременно съ появленіемъ ученія о микробахъ нагноенія, вопроса, имѣющаго свою обширнѣйшую литературу (Усковъ [51]), Orthman [52]), Councilmam [53]), Passet [54]), Brewing [55]), Grawitz und de Bary [56]), Chotzen [57]), Mazza [58]), Christmas [59]), Rosenbach [60]), Яновскій [61]), Крынскій [62]), Штейнгаузъ [63]), Щеголевъ [64]), Straus [65]), Klemperer [66]), Scheüerlen [67]), Rujis [68]), Кранцфельдъ [69]), Biondi [70]), Tricomi [71]), Knapp [72]), Цуккерманъ [73]), Павловскій [74]), Карлинскій [75]), Крыловъ [76]), Nathan [77]), Kronacher [78]), Ивановъ [79]) и др.) и рѣшаемаго въ настоящее время въ томъ смыслѣ, что высказанное еще въ 1868 г. Hueter'омъ [80]) положеніе: „безъ микробовъ нѣтъ нагноенія“ остается вѣрнымъ и теперь, если понимать подъ словомъ нагноеніе—гнойное воспаленіе съ прогрессивнымъ характеромъ. Точно-такъ же мы оставимъ въ сторонѣ развитіе вопроса о пато-и и гистогенезѣ бактерійнаго нагноенія и перейдемъ къ прямой цѣли настоящаго очерка—изложенію фактической стороны бактеріологіи нагноенія.

Клиницистамъ давно уже былъ извѣстенъ фактъ, что крупозная пневмонія и брюшной тифъ иногда осложняется различными гнойными процессами (эмпіэма, менингитъ, гнойное воспаленіе средняго уха, сосцевиднаго отростка, флегмона и пр.), такъ напр. уже въ 1835 г. Maximillian Heine [81]) упоминаетъ о „vielfaltigen kritischen Abscesse, womit der Typhus sich entschied“. Происхожденіе пневмоническаго и тифознаго нагноенія приписывали дѣйствію тѣхъ же піогенныхъ кокковъ. Дѣйствительно, Dunin [82]), и E. Fraenkel [83]) находили въ абсцессахъ у тифозныхъ—стафилококковъ и стрептококковъ, а Gaffky [84]), C. Friedländer [85]) и Senger [86]) показали, что піогенные кокки могутъ проникать въ токъ крови черезъ тифозныя язвы кишечника. Такимъ образомъ гнойные процессы при крупозной пневмоніи и брюшномъ тифѣ объясняются, повидимому, просто. Мѣстныя измѣненія въ легкихъ при крупозной пневміи и кишечникѣ при брюшномъ тифѣ, а также общее ослабленіе организма, благодаря названнымъ заболѣваніямъ, облегчали инфекцію піогенными кокками, которая, смотря по локализаціи микроба, выражалась въ формѣ эмпіэмы, перитонита, менингита, флегмоны и проч. Однако уже въ 1885 г. Leuden и Fränkel [87]) описали случай гнойнаго періостита, наступившаго послѣ крупозной пневмоніи, причемъ въ гною найденъ былъ одинъ только Fränkel'евскій пневмококкъ, а въ слѣдующемъ году A. Frankel [88])

впервые описалъ случай нагноенія послѣ тифа (гнойный перитонитъ), при которомъ также не былъ найденъ ни одинъ изъ извѣстныхъ тогда гнойныхъ микробовъ, а содержались только тифозныя палочки. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ работъ Ogston'a, Rosenbach'a и Passet и коховскаго ученія о специфичности патогенныхъ микробовъ, и эти случаи нагноеній приписали дѣйствію обыкновенныхъ піогенныхъ микробовъ (Gaffky [89]), Friedländer [90]), Fränkel [91]) Baumgarten [92]) и др., объясняя отсутствіе въ гною стафилококковъ гибелью и исчезновеніемъ ихъ изъ гноя ко времени изслѣдованія.

Однако дальнѣйшія изслѣдованія гноя показали, что случаи нахожденія въ гною пневмококковъ и тифозныхъ бациллъ въ чистой разводкѣ далеко не рѣдки.

Что касается пневмококковъ, то ихъ нерѣдко находятъ въ гною при гнойныхъ воспаленіяхъ—мозговыхъ оболочекъ, плевры, эндокардія, брюшины, суставовъ, надкостницы, подкожной клѣтчатки и пр. (Netter [93]), Hauser [94]), Jaccond [95]), Verneuil et Netter [96]), Scheibe [97]), Netter et Mariage [98]), Hägler [99]), Testi [100]), Zaufal [101]), Bouiloche [102]), Boulay [103]), Gérard—Marchand [104]), Nannotti [105]), Ficqué et Veillon [106]), Lemière [107]), Kanthack [108]), Frank [109]), Mercandino [110]), Frommel [111]), Macaigne et Chipault [112]), Gabbi [113]), Weichselbaum [114]), Ducrey [115]) и др.*). Уже тотъ фактъ, что пневмококкъ встрѣчается и въ свѣжихъ случаяхъ нагноеній, т. е. въ то время, когда предполагаемые Baumgarten'омъ и Fränkel'емъ піогенные кокки (staphyl. и streptoc.) не могли еще исчезнуть изъ гноя, а также фактъ, что пневмококкъ въ чистой разводкѣ встрѣчается иногда при нагноеніи безъ предшествовавшей пневмоніи (Zweifel [123]), говоритъ въ пользу самостоятельной піогенной способности Fränkel'евскаго пневмококка.

Дѣйствительно, экспериментальныя работы надъ diplococcus pneumoniae W. Kruse и S. Pansini [124]) показали, что при прививкахъ менѣе вирулентныхъ культуръ пневмококка животнымъ можно получить типичное нагноеніе, Boulay [125]) же доказалъ, что при впрыскиваніи животнымъ въ брюшную полость съ веществами, задерживающими всасываніе (желатина или АА), культура пневмококковъ *всегда* вызываетъ гнойный перитонитъ. Такимъ образомъ оказывается, что и

*) With [116]), Duplay [117]), Brunner [118]), Foa et Uffreduzzi [119]), Sevestre [120]), Levy [121]), Koplik [122]).

pneumococcus Fränkel-Weichselbaüm'a обладаетъ піогеннымъ дѣйствіемъ.

Прибавимъ еще, что и близкій къ Fränkel'евскому диплококку pneumococcus Friedländer также оказался способнымъ вызвать нагноеніе (Zaufal [101]), Weichselbaum [126]), Levy [127]) и др.).

Что касается брюшно-тифозной палочки, которую также нерѣдко находятъ въ гною въ чистой разводкѣ при различныхъ осложненіяхъ тифа (Ebermayer [128]), Valentini [129]), Colzi [130]), Barbazzi [131]), Dupra [132]), Weintraub [133]) и многіе другіе), то экспериментальныя изслѣдованія Roux [134]), Орлова [135]), Valentini [136]), Gilbert et Girode'a [137]), Kummer et Tavel'я [138]), Lehmann'a [139]), Achalme'a [140]), Ulmann'a [141]), Colzi [130]) доказали піогенныя свойства этого микроба. Roux, впрыскивая животнымъ подъ кожу вызывалъ нагноеніе въ видѣ подкожныхъ абсцессовъ. Орловъ [135]) получалъ гнойники при впрыскиваніи брюшно-тифозныхъ разводокъ въ подкожную клѣтчатку, мышцы, суставы и проч.

Gilbert et Girode [137]) вызвали общій гнойный перитонитъ при впрыскиваніи морской свинкѣ подъ кожу одного куб. цм. однодневной бульонной разводки тифозныхъ палочекъ. Colzi [130]) и Ulmann [141]) получали остеоміэлитъ у животныхъ, которымъ, послѣ подкожнаго перелома костей, вводилась въ токъ крови разводка брюшно-тифозныхъ палочекъ.

Нужно замѣтить, что съ установленіемъ піогенной роли diplococcus pneumoniae и bacillus typhi abdominalis въ происхожденіи нагноеній, осложняющихъ специфичные для этихъ микробовъ процессы, является не объясненнымъ тотъ фактъ, что осложненія эти появляются обыкновенно въ концѣ крупозной пневмоніи и брюшнаго тифа. (По статистическимъ даннымъ Черняева видно, гнойные процессы являются не ранѣе 4-ой недѣли брюшнаго тифа; Орловъ, Werth, Hintze и др. приводятъ случаи, когда нагноеніе, обусловленное брюшно-тифозной палочкой, появлялось даже черезъ 8—9 мѣсяцевъ послѣ окончанія тифа).

Очевидно, между извѣстными общими измѣненіями организма при названныхъ заболѣваніяхъ и проявленіемъ pneumococcus и брюшно-тифозной палочкой піогенныхъ свойствъ существуетъ какая то связь. Когда трудами Stern'a [142]) было доказано, что дефибринированная кровь обладаетъ бактерицидной силой, то для тифа появленіе абсцессовъ объясняли такимъ образомъ, что къ концу тифознаго процесса кровь теряетъ эту силу, и брюшно-тифозныя палочки, попадая въ кровь, а оттуда

въ ткани, вызываетъ появленіе абцессовъ. Однако такое объясненіе едвали можетъ быть принято. Прежде всего очевидно, что въ періодѣ выздоровленія отъ брюшного тифа и крупозной пневмоніи, организмъ больного пріобрѣтаетъ извѣстную степень иммунитета, а кровь иммуннаго организма, какъ извѣстно, обладаетъ еще большими бактерицидными свойствами, чѣмъ нормальная. Кромѣ того, изъ изслѣдованій Kruse и Pansini,[143]) получавшихъ нагноеніе при впрыскиваніи ослабленныхъ разводокъ pneumococci Fränkel'я и опытовъ нѣкоторыхъ авторовъ, доказавшихъ, что общій лейкоцитозъ наступаетъ у животныхъ при введеніи въ кровь менѣе вирулентныхъ разводокъ, слѣдуетъ, что піогенная способность специфичнаго для крупозной плевмоніи микроба *стоитъ въ связи съ ослабленіемъ вирулентности микроба.*

Далѣе существуютъ факты, доказывающіе, что въ проявленіи піогенныхъ свойствъ специфичными для типичныхъ заболѣваній микробами иммунитетъ играетъ немаловажную роль. Neisser[144]) замѣтилъ, что прививки пнезмококковъ животнымъ, иммунизированнымъ плевритическимъ экссудатомъ людей, перенесшихъ крупозную пневмонію, особенно легко вызываютъ абсцессы въ различныхъ областяхъ тѣла.*) Massart[145]) доказалъ, что у иммунизированныхъ противъ куриной холеры, V. Metschnikovi, Bac. pyocyaneus, дифтеритической бациллы животныхъ эти микробы проявляютъ бо́льшую хеміотактическую способность, чѣмъ у не иммунизированныхъ. Мало того: Шалинъ[146]) и Мечниковъ[147]) показали, что даже холерныя разводки обладаютъ у иммунныхъ животныхъ+хеміотаксисомъ; причемъ, въ опытахъ Шалина, разводки холерныхъ бациллъ, впрыснутыя въ брюшную полость иммунныхъ животныхъ, вызывали гнойный перитонитъ. Въ послѣднее время опубликованы наблюденія, что у выздоравливающихъ отъ холеры появлялись гнойные паротиты, въ гною которыхъ были находимы однѣ лишь холерныя бациллы.

Такимъ образомъ оказывается, что при извѣстныхъ условіяхъ измѣненія почвы и вирулентности специфичные для типичныхъ заболѣваній микробы могутъ рѣзко измѣнять патогенныя свойства и вызывать процессы, которые раньше приписывали однимъ лишь піогеннымъ микробамъ.

---

*) Chantemesse и Widal[148]) наблюдали подобный фактъ относительно брюшно-тифозной палочки: впрыскиваніе не вполнѣ иммуннымъ животнымъ подъ кожу бр.-тиф. разводокъ найчаще сопровождалось нагноеніемъ на мѣстѣ прививки.

Рядъ піогенныхъ микробовъ расширялся не только на счетъ специфически патогенныхъ. Оказалось, что нѣкоторые микробы, считавшіеся раньше не патогенными, обладаютъ піогеннымъ дѣйствіемъ.

Bacillus pyocyaneus, въ которомъ, до изслѣдованій Ledderhose'a [149]), видѣли невиннаго сапрофита синезеленаго гноя, долженъ быть отнесенъ также къ группѣ піогенныхъ микробовъ (Ledderhose, [148]) Павловскій,[150]) Charrin [151]) Gessard, [152]) Gruber, [153]) Neumann [154]) и др.)

Точно такъ же и другой непатогенный по прежнему мнѣнію (Escherich, [155]) Vignal [156]), микробъ—bacterium coli commune, находимый иногда въ гною въ чистой разводкѣ, обратилъ на себя вниманіе изслѣдователей и клиническія наблюденія и экспериментальныя данныя показали, что и этотъ микробъ обладаетъ піогенной способностью (Laruelle, [157]) Roux et Rodet,[158]) Charrin et Roger, [159]) Tavel, [160]) Bouchard, [161]) Veillon et Jeille, [162]) Lesage et Macaigne, [163]) Malvoz, [164]) Brunner, [165]) Levy, [166]) Adenot[167]).

Другая очень близкая къ bacterium coli commune палочка, bacterium lactis aerogene, также оказывается способной вызвать нагноеніе (Fraenkel,[168]) Rowsing [169]).

Micrococcus tetragenus также долженъ быть отнесенъ къ піогеннымъ микробамъ. Steinhaus, [170]) Park,[171]) Posnansky, [172]) Vangel, [173]) Kapper [174]) и друг. находили его въ гною и экспериментально доказали его піогенныя свойства.

Наконецъ Grawitz и de Bary, [175]) Steinhaus, (l.c.) Ulmann [176]) и др. нашли, что bacillus prodigiosus способенъ при прививкахъ животнымъ вызывать нагноеніе, а Ферхминъ [177]) описалъ случай „краснаго нагноенія," въ которомъ онъ нашелъ микроба, очень сходнаго съ bacillus prodigiosus.

Помимо уже извѣстныхъ раньше микробовъ, оказавшихся піогенными, изслѣдованія гнойныхъ процессовъ, произведенныя за послѣднія 5—6 лѣтъ, открыли въ гною цѣлую группу новыхъ піогенныхъ микробовъ. Neumann и Schäffer [178]) культивировали изъ гнойнаго менингитическаго экссудата палочку, очень сходную съ брюшнотифозной палочкой и отличавшуюся отъ послѣдней только ростомъ на картофелѣ, на которомъ она развивалась въ видѣ сѣровато-бѣлаго покрова,

Weichselbaum [179]) описалъ найденные имъ при гнойномъ эндокардитѣ два вида бациллъ (bacillus endocarditidis griseus и bacillus endocarditidis capsulatus), изъ которыхъ первый походилъ на diplococcus

Friedländer'и (отличался только сѣровато-бѣлымъ цвѣтомъ культуръ) а второй имѣлъ сходство съ pnaeumococcus Fränkel-Weichselbaum'a, Оба вида, при прививкахъ кроликамъ и мышамъ, въ различныя ткани, вызывали мѣстное гнойное воспаленіе.

Miller [180]) нашелъ въ полости рта 4 вида микробовъ, также обладающихъ піогенными свойствами. Микробы эти—micrococcus pyogenes gingivae, bacillus dentalis viridans, bacillus pulpae pyogenes и bacterium gingivae pyogenes.

Gilbert et Lion [181]) описали піогенную бациллу, найденную ими въ одномъ случаѣ злокачественнаго эндокардита. Бацилла эта оказалась очень вирулентной для кроликовъ, у которыхъ она вызывала піэмію съ образованіемъ гнойниковъ въ печени.

Изслѣдованіе этіологіи циститовъ создало рядъ работъ, въ которыхъ описаны новые виды бациллъ, обладающихъ піогеннымъ дѣйствіемъ. Clado [182]) въ 1887 г. нашелъ піогенную бациллу, названную имъ „bacterie pyogène urinaire.“ Albarran и Hallé [183]) въ 1888 году описали найденную ими при циститѣ піогенную бациллу „bacterie septique de la vessie.“ Rowsing [184]) къ томъ же году также описалъ бациллу, обладающую піогенными свойствами, которой онъ далъ названіе „coccobacillus ureae pyogenes.“ Однако новѣйшими работами—Achard er Renault, [185]) Rodet, [186]) Charrin'a, [187]) Reblaud, [188]) Hanot et Luzet'a, [189]) Krogius'a, [190]) доказано, что описанныя Clado и Albarran'омъ и Hallé палочки не представляютъ собой отдѣльныхъ новыхъ видовъ, а тождественны съ bacterium coli commune (Krogius, изслѣдовавшій 19 случаевъ цистита, 16 разъ встрѣтилъ эту палочку—14 разъ въ чистой разводкѣ—и многочисленными опытами надъ животными доказалъ ея сильное гноеродное дѣйствіе). Morelle [191]) же, на основаніи своихъ изслѣдованій, считаетъ какъ эти палочки, такъ и палочку Rowsing'a за тождественныя съ bacterium lactis aerogene (которая, какъ раньше сказано, очень близка къ bacterium coli commune и также обладаетъ піогеннымъ дѣйствіемъ).

Для того, чтобы показать, насколько расширился рядъ микробовъ, способныхъ вызывать нагноеніе, дополнимъ выше приведенный перечень микробовъ по Lemiére'у [192]) слѣдующими:

Streptococcus pyogenes malignus (Flügge)

Streptococcus pyogenes articulorum (Loeffler).

Streptococcus des abces de l'amygdale (Cornil).

Streptococcus giganteus (Babes).
Streptococcus septicus (Babes).
Streptococcus septo-pyaemicus (Biondi).
Diplococcus albicans tardissimus (Bumm).
Gonococcus (Neisser).
Diplococcus subflavus (Bumm).
Diplococcus albicans amplus (Bumm)
Bacillus neapolitanus (Emmerich, Высоковичъ)
Proteus vulgaris (Hauser).
Proteus mirabilis
Proteus Zenkerii
B. cholerae gallinarum (Pasteur)
Micrococcus der progressiven Abscessbildung bei Kaninchen (Koch).
Micrococcus der Pyaemie bei Kaninchen (Koch).
Bacillus der Frettchenseuche (Ebert und Schimmelbusch).
Bacillus anthracis (Davaine).
Bacille du cholera des canards (Cornil et Toupet).
Micrococcus du clou de Biskra (Duclaux).
Micrococcus du bouton du Nil (Chantemesse).
Micrococcus de l'ulcère de Yémen (Rietsch et Bourget).
Microcoque de la mammite gangreneuse de la brebis (Nocard).
Bacillus der Akne contagiosa des Pferdes (Dieckerhoff und Grawitz).
Micrococcus der progressiven Lymphome in Thierkorper (Manfredi).
Streptococcus coryzae contagiosae equorum (Driese des Pferdes) Schütz.
Bacillus tuberculosis.
Spirilles des abcès pseudotuberculeux (Saboia).
Spirilles des abcès d'origine dentaire (Verneuil et Clado).

Въ самое послѣднее время описаны еще другіе виды піогенныхъ микробовъ: Эберманнъ [193]) въ своей диссертаціи описываетъ найденный имъ въ чистой разводкѣ въ одномъ случаѣ гнойнаго воспаленія яичка micrococcus pyogenes non liquefaciens. Микрококкъ этотъ овальной формы, располагается попарно; желатины не разжижаетъ; растетъ очень быстро; въ бульонѣ образуетъ муть. Наиболѣе вирулентнымъ оказывается для морскихъ свинокъ, у которыхъ вызываетъ абсцессы при подкожномъ впрыскиваніи.

H. Grasset [194]) нашелъ въ одномъ случаѣ гнойника на дёснахъ

на ряду съ желтымъ стафилококкомъ грибокъ, очень похожій на обыкновенный плѣсневой грибокъ и способный вызывать, при введеніи подъ кожу или въ мышцы, нагноеніе. По мнѣнію автора, очень возможно, что это тотъ же плѣсневой грибокъ, пріобрѣвшій благодаря паразитизму піогенныя свойства.

Отдѣльную главу въ бактеріологіи нагноенія занимаетъ вопросъ объ анаэробныхъ микробахъ. Хотя первыя указанія на то, что при инфекціяхъ существуютъ анаэробные микробы, находимъ, какъ выше сказано, уже въ работѣ Pasteur'a „Theorie des germes et ses application a la médicine et a la chirurgie", въ которой онъ говоритъ объ найденномъ имъ при септицеміи анаэробномъ „vibrion septique," однако значеніе и роль анаэробныхъ микробовъ въ гнойныхъ процессахъ остается весьма мало выясненными до настоящаго времени. Лишь въ послѣдніе 2—3 года въ литературѣ встрѣчаются отдѣльныя казуистическія сообщенія по этому новому и важному вопросу.

Такъ Arloing [195]) въ 1890 г. культивировалъ впервые изъ гноя въ одномъ случаѣ нагноенія глаза, наступившемъ послѣ травмы, необыкновенно тонкую анаэробную (факультативно-анаэробную) бациллу, которая, при подкожномъ впрыскиваніи, вызывала у крысъ и морскихъ свинокъ нагноеніе съ обильнымъ развитіемъ газа.

Fuchs [196]) въ 1890 г. нашелъ въ гною плевральной полости внезапно погибшаго кролика анаэробную бациллу и прививками животнымъ доказалъ ея піогенныя свойства.

Въ 1891 г. Levy [197]) описалъ два случая нагноенія у человѣка, при которыхъ были выдѣлены 2 вида анаэробныхъ микробовъ. Въ первомъ случаѣ у больной вслѣдъ за пуэрперальнымъ параметритомъ развился обширный абсцессъ, занимавшій на правой сторонѣ нижнюю часть брюшной стѣнки и верхнюю частъ бедра. Кромѣ гноя абсцессъ содержалъ значительное количество газовъ. Аэробные посѣвы гноя дали лишь колоніи streptococcus pyogenes. При анаэробной же культивировкѣ кромѣ стрептококка получились еще колоніи небольшихъ бациллъ, отчасти соединенныхъ въ цѣпи и нити, отчасти одиночныхъ. Бациллы эти вырабатывали въ культурѣ газы (CO^2, H, N), красились по Gram'у. Однако получить вторую генерацію этихъ бациллъ автору не удалось; поэтому опыты надъ животными имъ не произведены.

Другой видъ анаэробныхъ бациллъ авторъ получилъ въ одномъ случаѣ газовой флегмоны. Бациллы эти, полученныя при помощи

анаэробной культивировки, представляютъ, по описанію автора, короткія, толстыя палочки, соединенныя большей частью попарно и иногда только въ формѣ красивыхъ, длинныхъ цѣпочекъ. Культуры этихъ палочекъ въ обиліи развиваютъ газы. Желатины не разжижаютъ. Хорошо принимаютъ окраску по Gram'у. При аэробной культивировкѣ, хотя и растутъ, но менѣе обильно. При подкожныхъ прививкахъ бѣлымъ крысамъ бациллы вызывали абсцессы на мѣстѣ прививки, или общее заболѣваніе, приводившее животное къ смерти въ теченіи 36—48 часовъ.

Въ самое новѣйшее время E. Fränkel [198]) сообщилъ о найденой имъ въ 4-хъ случаяхъ газовыхъ флегмонъ анаэробной бациллѣ. Авторъ считаетъ, что описанные Rosenbach'омъ, Levy и Klebs'омъ*), при газовыхъ флегмонахъ, микробы тождественны съ найденной имъ бациллой.

Въ 3-хъ описываемыхъ Fränkel'емъ случаяхъ анаэробная бацила находилась вмѣстѣ съ обыкновенными піогенными кокками (стафилококками и стрептококками); въ 4-мъ же случаѣ она была найдена въ чистой разводкѣ. По своему виду найденный Fränkel'емъ микробъ представляетъ палочку, отчасти похожую на сибире-язвенную бациллу. Присутствія споръ въ ней автору не удалось констатировать. При ростѣ ея въ АА, содержащемъ глицеринъ и муравьинокислый натръ, происходитъ обильное развитіе зловонныхъ газовъ; при ростѣ въ АА, содержащемъ виноградный сахаръ, газы также образуются, но не обладаютъ запахомъ. Въ обыкновенныхъ питательныхъ средахъ (желатина) развитія газовъ при ростѣ совершенно не происходитъ; ростъ въ уколочныхъ посѣвахъ въ желатину происходитъ только въ нижней части укола. При анаэробной культивировкѣ въ бульонѣ, содержащемъ виноградный сахаръ, или муравьино-кислый натръ, наблюдается обильное развитіе газовъ.

При подкожномъ впрыскиваніи морскимъ свинкамъ кусковъ АА культуры, размѣшанныхъ въ бульонѣ, авторъ наблюдалъ сильное (не гнойное) воспаленіе подкожной клѣтчатки и мышечной ткани съ обильнымъ развитіемъ газовъ, распространявшееся на большую поверхность тѣла. Иногда, черезъ 24—48 часовъ, животныя погибали. При дальнѣйшемъ теченіи болѣзни наступала глубокая некротизація

*) Въ его общей патологіи.

кожи и подкожной клѣтчатки; въ серозной кровянистой жидкости, добытой высасываніемъ изъ тканей, содержались тѣже анаэробныя бациллы. При впрыскиваніи, вмѣстѣ съ обыкновенными піогенными кокками (желтымъ стафилококкомъ), получалось гнойное воспаленіе съ очень вонючимъ гноемъ.

Наконецъ недавно Veillon [199]), въ зловонномъ гною, при абсцессѣ Бартолиновой железы, нашелъ микрококковъ, росшихъ только при условіяхъ строгаго анаэробіоза. Тѣхъ же микрококковъ авторъ встрѣчалъ раньше въ одномъ случаѣ anginae Ludowici и въ одномъ случаѣ бартолинита. Какъ въ гною, такъ, и въ культурахъ микрококки представлялись то въ видѣ короткихъ цѣпей, то въ видѣ диплококковъ; при сильномъ увеличеніи одни изъ кокковъ имѣли овальную форму, другіе представлялись въ формѣ короткой палочки съ утолщеніемъ наодномъ изъ концовъ. При анаэробной культивировкѣ микробъ росъ въ видѣ сѣроватаго слоя; иногда наблюдалось въ культурѣ образованіе газовыхъ пузырьковъ; запахъ, издаваемый культурой, напоминалъ запахъ загнившей крови, или каріознаго зуба. Чистыя разводки микрококовъ, введенныя подъ кожу кроликамъ и морскимъ свинкамъ, вызывали абсцессы, въ зловонномъ гноѣ которыхъ находимъ былъ тотъ-же микробъ.

По мнѣнію автора, найденный имъ микрококкъ наблюдался уже Rosenbach'омъ, описывающимъ, правда, недостаточно подробно выросшаго анаэробно на ряду съ другими микробами при посѣвахъ гноя каріозныхъ зубовъ (въ 2-хъ случаяхъ) въ бѣлкѣ кокка, который „ist oval, wie ein Reiskorn, so dass man ihn auch für ein kleines Bacterium ansehen könnte."

Изъ приведенныхъ литературныхъ данныхъ по бактеріологіи нагноенія видно, насколько обширенъ вопросъ о гноеродныхъ микробахъ. При массѣ накопившихся фактовъ, многое ждетъ дальнѣйшихъ подтвержденій, многое требуетъ систематической разработки, въ связи съ которой находится самый вопросъ о сущности нагноенія.

Что касается вопроса о микробахъ нагноенія, то на ряду съ твердо установленными видами микробовъ, въ піогенныхъ свойствахъ которыхъ никто не станетъ сомнѣваться, описаны съ одной стороны микробы, существованіе которыхъ, какъ отдѣльныхъ видовъ, не вполнѣ точно установленно, съ другой стороны — микробы, піогенныя свойства которыхъ еще не достаточно убѣдительно доказаны.

При несовершенствѣ современныхъ знаній біологіи микробовъ и несовершенствѣ способовъ бактеріологической діагностики, опредѣленіе найденнаго въ какомъ либо случаѣ микроба встрѣчаетъ затрудненія какъ въ близкомъ сходствѣ многихъ, различныхъ въ дѣйствительности микробовъ, такъ и въ доказанной въ послѣднее время способности микробовъ давать подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій формы, часто значительно отличающіяся отъ типичнаго вида. Такимъ образомъ уже самая трудность дифференцировки микробовъ является причиной бактеріологическихъ ошибокъ и описанія нѣкоторыми авторами однихъ и тѣхъ же микробовъ подъ различными названіями. И дѣйствительно дальнѣйшія изслѣдованія часто показываютъ, что описанные подъ разными названіями микробы тождественны между собой или представляютъ виды, идентичные съ уже извѣстными видами. Выше, говоря объ изслѣдованіяхъ этіологіи гнойнаго воспаленія мочевого пузыря, мы привели одинъ подобный фактъ. Теперь приведемъ еще попытки разныхъ авторовъ провѣрить и систематизировать имѣющійся въ бактеріологіи матеріалъ, соотвѣтственно современнымъ,бактеріологическимъ знаніямъ. Neumann, [200]) основываясь на критическомъ разборѣ Rosenbach'овскихъ данныхъ относительно морфологіи micrococcus pyogenes tenuis и на томъ фактѣ, что, несмотря на многочисленныя изслѣдованія различныхъ случаевъ нагноенія, сдѣланныхъ послѣ выхода въ свѣтъ Rosenbach'овской монографіи, въ литературѣ micrococcus pyogenes tenuis встрѣчается всего 9 разъ и при томъ въ случаяхъ нагноенія, которые по своей локализаціи (полость плевры, processus mastoideus) и доброкачественности очень часто обусловливается. pnumococcus Fränkel'я,—приходитъ къ заключенію, что micrococcus pyogenes tenuis не представляетъ собой отдѣльнаго вида, а тождественъ съ diplococcus pneumoniae.

Еще болѣе интересный фактъ отождествленія считавшихся прежде самостоятельными видами микробовъ представляютъ признанные теперь многими авторами за тождественные streptococcus pyogenes и streptococcus erisypelatos. Вотъ тѣ данныя, которыя говорятъ за тождественность этихъ микробовъ. Прежде всего оказалось, что культуры, стрептококка нагноенія и стрептококка рожи не имѣютъ такихъ рѣзкихъ отличій, какія приписаны имъ Rosenbach'омъ и Fehslein'омъ; (Hajek, [201]) Doyen, [202]) E. Fränkel, [203]) Widal [204]) затѣмъ, клиническія наблюденія показываютъ, что рожистый процессъ осложняется иног-

да гнойнымъ и наоборотъ, причемъ, въ каждомъ изъ одновременно существующихъ процессовъ, находятъ совершенно сходныхъ между собою стрептококковъ (Eiselberg, [205]) Simone, [206]) Noorden, [207]) Hartmann, [208]) Bumm, [209]) Knorr; [210]) кромѣ того прямые опыты надъ животными показываютъ, что однимъ и тѣмъ же видомъ стрептококка, смотря по его вирулентности и мѣсту прививки, можно вызвать то рожу, то флегмонозное воспаленіе (Hajek, (l. c.) Eiselberg, (l. c.) E. Fränkel, (l. c.) Meerowitsch, [211]) Roger. [212]) Наконецъ существуютъ, правда, еще далеко немногочисленные факты, что рожистый процессъ, въ этіологическомъ отношеніи, повидимому, не представляетъ такого постоянства, какъ это принято считать; именно Jordan [213]) приводитъ 2 случая, а Andewers [214]) 1 случай рожи, въ которыхъ посредствомъ микроскопическаго изслѣдованія и культуръ было обнаружено присутствіе одного лишь желтаго стафилококка.

Исходя изъ приводимыхъ въ пользу идентичности streptococcus pyogenes и streptococcus erisypelatis данныхъ, нужно считать вполнѣ вѣроятнымъ, что существуетъ одинъ видъ стрептококка, вызывающій въ однихъ случаяхъ рожу, въ другихъ—нагноеніе,—рожистогнойный стрептококкъ, streptococcus erisypelo-pyogenes.

Послѣдній фактъ отождествленія 2-хъ микробовъ, долгое время считавшихся самостоятельными видами, представляетъ собой поучительный примѣръ того, съ какимъ ограниченіемъ должно быть принимаемо въ извѣстныхъ случаяхъ Koch'овское ученіе о специфичности патогенныхъ микробовъ. Между тѣмъ слишкомъ широкое примѣненіе этого ученія и въ бактеріологіи нагноенія привело нѣкоторыхъ авторовъ, въ ихъ стремленіи найти для каждого, клинически-обособленнаго заболѣванія специфичный микроорганизмъ, къ описанію такихъ микробовъ, какъ micrococcus meningitidis, micrococcus endocarditidis, bacillus meningitidis, существованіе которыхъ, какъ отдѣльныхъ видовъ, и специфичность для названныхъ заболѣваній очень сомнительны.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ названныя болѣзненныя формы, имѣющія, правда, строгую клиническую индивидуальность, съ патологической точки зрѣнія не что иное, какъ гнойные воспалительные процессы, т. е. по существу близки между собой и въ этіологическомъ отношеніи, какъ и вообще нагноеніе, не представляютъ чего нибудь постояннаго: каждое заболѣваніе можетъ быть вызванно стафилококкомъ и стрептококкомъ и пневмококкомъ и. т. д.

Въ настоящее время когда бактеріологическія изслѣдованія гнойныхъ процессовъ показали, что рядъ микробовъ нагноенія очень обширенъ, что въ ряду этихъ микробовъ стоятъ виды съ самыми разнообразными морфологическими и біологическими свойствами, бактеріологія нагноенія несомнѣнно является однимъ изъ найболѣе сложныхъ отдѣловъ бактеріологіи. При всей массѣ имѣющихся уже фактовъ въ литературѣ о микробахъ нагноенія, послѣдніе еще долго будутъ служить предметомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Однимъ изъ мало разработанныхъ вопросовъ въ этой области является вопросъ объ анаэробныхъ микробахъ нагноенія; послѣднее объясняется какъ трудностями культивировки ихъ, такъ и большей рѣдкостью нахожденія ихъ въ гною, сравнительно съ обыкновенными видами піогенныхъ микробовъ.

Методика анаэробныхъ культуръ.

Культивировка анаэробныхъ микробовъ несомнѣнно представляетъ собой одинъ изъ самыхъ трудныхъ отдѣловъ методики бактеріологическаго изслѣдованія. Отсюда понятно, почему въ то время, какъ способы анаэробныхъ культуръ, за время своего почти 25-тилѣтняго существованія, подверглись лишь незначительнымъ измѣненіямъ, въ методикѣ анаэробныхъ культуръ предлагались и предлагаются различные новые способы, все же не облегчающіе трудности культивировки анаэробій.

Эти трудности объясняются сущностью самаго анаэробіоза, подъ которымъ слѣдуетъ подразумѣвать свойство цѣлаго класса низшихъ микроорганизмовъ (облигатныя анаэробіи) развиваться и вызывать связанные съ ихъ жизнью процессы лишь въ отсутствіи О воздуха.

Идею самаго простого способа культивировки анаэробныхъ микробовъ подалъ Pasteur'у фактъ, послужившій основаніемъ къ открытію анаэробіоза. Наблюдая процессы гніенія растворовъ органическихъ веществъ, Pasteur замѣтилъ, что послѣ того, какъ въ первые часы развились извѣстные виды микробовъ и поглотили весь кислородъ, въ нижнихъ слояхъ жидкости, лишенныхъ свободнаго О, начинаютъ энергично размножаться особые виды микробовъ, названные имъ въ противоположность первымъ анаэробіями.

Такимъ образомъ, примѣняясь къ естественнымъ условіямъ анаэробіоза въ гніющихъ средахъ, для искусственной культивировки анаэробій стали примѣнять такую же изолировку привитой какимъ нибудь микробомъ питательной среды посредствомъ слоя жидкости или твер-

даго вещества послѣ предварительнаго удаленія воздуха нагрѣваніемъ изъ питательной среды.

Pasteur [215]) предложилъ для культивировки анаэробій въ жидкихъ питательныхъ средахъ слѣдующій методъ. Баллонъ съ двумя трубками—одной изогнутой въ колѣно, а другой прямой, закрывающейся краномъ, наполняютъ совершенно питательной жидкостью. Затѣмъ, установивъ приборъ на металлическомъ штативѣ опустивъ отводящую трубку въ чашку, содержащую также питательную среду, удаляютъ изъ питательной среды получасовымъ кипяченіемъ воздухъ въ обоихъ сосудахъ; введя послѣ охлажденія питательной среды черезъ трубку съ краномъ нѣсколько капель разводки, закрываютъ кранъ и помѣщаютъ весь приборъ въ термостатъ.

Hesse [216]) для культивировки анаэробныхъ микробовъ предложилъ наливать поверхъ питательной среды—жидкой, или твердой,—послѣ посѣва, слой стерилизованнаго масла.

Для культивировки анаэробій на твердой питательной средѣ (Plattenkultur), по Koch'y,[217]) слѣдуетъ покрыть начинающую застывать твердую питательную среду (МПЖ. или АА) простерилизованной нагрѣваніемъ пластинкой стекла, или слюды и обвести края пластинки расплавленнымъ параффиномъ.

Ту же общую идею изолировки анаэробныхъ культуръ отъ воздуха примѣнилъ и Esmarch [218]) для разливныхъ пробирочныхъ культуръ (Rollenkultur), совѣтуя заливать пробирку съ застывшей на ея стѣнкахъ (привитой) желатиной тѣмъ же субстратомъ.

Liborius [219]) предложилъ дѣлать посѣвъ анаэробныхъ микробовъ просто глубокимъ уколомъ въ питательную среду, заполняющую почти всю пробирку.

Senus [220]), для изолировки анаэробій изъ смѣси ихъ, по принципу вышеописанныхъ методовъ, воспользовался слѣдующимъ простымъ пріемомъ. Сдѣлавъ предварительно посѣвъ въ пробиркѣ съ разжиженной питательной средой, путемъ всасыванія наполняютъ этой питательной средой тонкую, U—образную стеклянную трубку. Выросшія въ глубинѣ колоніи изолируются посредствомъ разламыванія трубки въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ. Желая избѣгнуть неудобства, представляемаго этимъ способомъ и состоящаго въ невозможности изслѣдовать колоніи подъ микроскопомъ in situ, Senus предложилъ затѣмъ слѣдующее видоиз-

мѣненіе: средняя часть узкой стеклянной трубки раздувается въ шарикъ, который послѣ этого сплющивается такимъ образомъ, что стѣнки его образуютъ двѣ параллельныя плоскости, отстоящія одна отъ другой на 2—3mm; затѣмъ приборъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, наполняется питательной средою. Неудобство прибора, какъ и въ предыдущемъ случаѣ,—то, что изолировать колоніи возможно не иначе, какъ разбивши приборъ.

Недостатки всѣхъ способовъ, основанныхъ на изолировкѣ культуръ отъ дѣйствія воздуха жидкими или твердыми средами, слѣдующіе: во первыхъ, при всѣхъ этихъ способахъ культура растетъ только при недостаточномъ доступѣ O воздуха, но никакъ не въ отсутствіи его, такъ какъ возможность диффузіи воздуха въ питательную среду не исключена; во вторыхъ, при культивировкѣ на твердыхъ питательныхъ средахъ по этому способу, невозможно наблюдать свободнаго развитія колоній микробовъ на поверхности питательнаго субстрата.

Указанные недостатки вышеприведеннаго метода заставили искать другихъ способовъ культивировки анаэробныхъ микробовъ. Весь рядъ отдѣльныхъ методовъ можно раздѣлить на 2 группы: къ первой группѣ относятся методы культуръ въ безкислородной средѣ, ко второй—методы культуръ на редуцирующихъ питательныхъ средахъ.

I. Методы культуръ въ безкислородной средѣ.

а) Культуры въ безвоздушномъ пространствѣ.

Вмѣсто культивировки анаэробій въ питательныхъ жидкостяхъ, подъ слоемъ жидкихъ или твердыхъ средъ, уже давно употреблялся Pasteur'омъ, Joubert'омъ и др. способъ высасыванія воздуха изъ небольшой колбы съ питательной средой, посредствомъ ртутнаго, или водяного насоса, съ послѣдовательной запайкой тутъ же, подъ помпой, шейки колбы на паяльной лампѣ; для лучшаго удаленія воздуха изъ самой питательной среды во время дѣйствія насоса колбу нагрѣвали въ водяной банѣ до 40°.

Тотъ же методъ Gruber [221]) примѣнилъ для анаэробныхъ пробирочныхъ разливныхъ культуръ (Rollencultur). Способъ Gruber'а состоитъ въ слѣдующемъ: берутъ длинную широкую пробирку съ достаточно толстыми стѣнками и, сдѣлавъ на разстояніи приблизительно 5 cm. отъ отверстія ея съуженіе, наливаютъ около 10 cm. желатины или АА; затѣмъ, закрывъ ватной пробкой, стерилизуютъ. Послѣ

посѣва продвигаютъ ватную пробку до самаго съуженія и закрываютъ пробирку гуттаперчевой пробкой съ продѣтой сквозь нее колѣнчатой стеклянной трубкой. Помѣстивъ пробирку въ водяную ванну, нагрѣтую до точки плавленія питательнаго субстрата, выкачиваютъ изъ прибора воздухъ посредствомъ воздушнаго насоса и затѣмъ запаиваютъ пробирку на мѣстѣ съуженія. Послѣ этого, пока еще не застыла питательная среда, вращаютъ пробирку въ горизонтальномъ положеніи вокругъ продольной оси и получаютъ черезъ нѣкоторое время анаэробную Esmarch'овскую Rollenkultur.

Имѣя нѣкоторыя преимущества передъ ранѣе описаннымъ методомъ, методъ культуръ въ безвоздушномъ пространствѣ, какъ по невозможности получить въ большемъ или меньшемъ сосудѣ абсолютное vacuum, такъ и по непримѣнимости къ Plattenkulturen, уступаетъ слѣдующему:

в) методу культуръ въ атмосферѣ различныхъ газовъ.

Общая идея этого метода дана еще въ 1861 г. Pasteur'омъ[222]), примѣнившимъ тогда для культивировки найденнаго имъ vibrion butyrique обыкновенную (Pasteur'овскую), двойную трубку съ боковыми трубочками (tube à double tubulure), горлышко которыхъ соединялось трубкой сообщавшейся посредствомъ 2-хъ кранов съ воздушнымъ насосомъ и съ газометромъ. Выкачавъ изъ прибора воздухъ, открывали кранъ, сообщавшій приборъ съ газометромъ и, наполнивъ приборъ CO^2, запаивали горлышко.

На общемъ принципѣ культивировки анаэробій въ атмосферѣ различныхъ газовъ основанъ цѣлый рядъ способовъ, примѣненныхъ какъ къ чистымъ культурамъ въ жидкихъ и твердыхъ питательныхъ средахъ, такъ и къ изолировкѣ микробовъ посредствомъ Rollen и Plattenkultur.

Buchner[223]), а затѣмъ Hauser[224]) и Liborius[225]) культивировали анаэробій въ обыкновенныхъ пробиркахъ, имѣвшихъ боковую трубку, которая служила для приведенія газа (H). Наливъ въ стерилизованный приборъ питательной среды до мѣста отхожденія боковой трубки, сдѣлавъ посѣвъ, закрывъ приборъ ватной пробкой и вытянувъ верхнюю часть пробирки въ шейку, они соединяли боковую трубку съ приборомъ, въ которомъ добывался водородъ. Черезъ 5—10 минутъ, еще во время пропусканія водорода, верхній конецъ пробирки въ мѣстѣ сдѣланной перетяжки запаивался а затѣмъ—и боковая трубка.

Для вытѣсненія воздуха изъ питательной среды Liborius [226]) и Roux [227]) предложили такой же приборъ съ тѣмъ только видоизмѣненіемъ, что боковая трубка продолжается внутрь пробирки и послѣ колѣнообразнаго изгиба опускается до самаго дна прибора. Водородъ, проходя чрезъ бульонъ или разжиженный на водяной банѣ АА или Ж, вытѣсняетъ воздухъ изъ питательной среды и прибора. Манипуляціи тѣ же.

Довольно надежный въ смыслѣ анаэробныхъ условій, способъ Buchnera, Liborius'a etc. не лишенъ однако нѣкоторыхъ техническихъ неудобствъ. Прежде всего, при запайкѣ верхней части пробирки, какъ пришлось намъ убѣдиться, вслѣдствіе близости пламени къ мѣсту выхода газа, легко происходитъ взрывъ гремучаго газа; кромѣ того, вслѣдствіе необходимости запаивать приборъ во время пропусканія газа, часто въ самый моментъ запайки газъ раздуваетъ запаиваемое мѣсто и прорывается наружу. Послѣднія два обстоятельства и отчасти дороговизна прибора заставили искать болѣе простыхъ и дешевыхъ способовъ вытѣсненія воздуха газами.

Hueppe [228]), а затѣмъ C. Fränkel [229]) предложили для этой цѣли пользоваться слѣдующимъ простымъ приспособленіемъ. Колба или пробирка съ посѣвомъ закрывается гуттаперчевой пробкой, сквозь которую продѣты 2 стеклянныя трубки; одна изъ трубокъ (выводящая газъ) оканчивается непосредственно подъ пробкой, другая (приводящая) проходитъ до самаго дна прибора; верхніе отрѣзки трубокъ изогнуты подъ прямымъ угломъ въ противоположныя стороны. Вытѣснивъ воздухъ изъ самой питательной среды (АА и желатина, расплавленная на водяной банѣ) и изъ прибора 10—20 минутнымъ пропусканіемъ газа запаиваютъ сначала выводящую, а затѣмъ приводящую трубку.

Однако способъ, предложенный Hueppe и Fränkel'емъ, далеко уступаетъ въ смыслѣ надежности предыдущему и если пригоденъ, то только для газовъ, трудно диффундирующихъ (CO^2, N). Водородъ же, какъ газъ очень быстро диффундирующій, едва ли удержится нѣсколько дней въ приборѣ, закрытомъ гуттаперчевой пробкой.

Въ этомъ отношеніи болѣе удобнымъ является способъ Ogata [230]). Въ обыкновенной реактивной пробиркѣ, наполненной питательной средой, дѣлается въ верхней части подъ ватной пробкой перетяжка, сквозь ватную пробку продѣвается стерилизованная стеклянная трубка, вытянутая въ капилляръ такой длины, чтобы нижній конецъ

достигалъ дна пробирки, а мѣсто перехода капилляра въ обыкновенную стеклянную трубочку находилось нѣсколько выше ватной пробки (верхнее отверстіе трубки закрывается ватой). Разжидивъ въ водяной банѣ питательную среду, дѣлаютъ посѣвъ посредствомъ капиллярной трубки и, соединивъ верхній конецъ капиллярной трубки съ газовыдѣляющимъ приборомъ, пускаютъ токъ газа. Когда образующаяся при прохожденіи газа черезъ питательную среду и состоящая изъ пузырей, наполненныхъ газомъ, пѣна поднялась выше перетяжки и такимъ образомъ окончательно вытѣснила изъ прибора воздухъ, выдвигаютъ капиллярную трубку настолько, чтобы нижній конецъ ея находился подъ ватной пробкой и запаиваютъ приборъ на мѣстѣ съуженія. При помощи этого прибора Ogata съ успѣхомъ культивировалъ tetanus—bacillus, b. oed. maligni и др. Примѣняя Rollenkultur, онъ пользовался этимъ методомъ для изолировки отдѣльныхъ видовъ микробовъ изъ смѣси ихъ.

Въ стремленіи еще болѣе упростить вытѣсненіе воздуха изъ пробирки съ культурой Fuchs[231]), пользуясь значительной разницей удѣльныхъ вѣсовъ H и воздуха, предложилъ, для культивировки анаэробій на твердыхъ питательныхъ субстратахъ, способъ не выдерживающій, впрочемъ, критики. Онъ выливаетъ изъ пробирки съ косозастывшей питательной средой конденсаціонную воду, дѣлаетъ посѣвъ и, опрокинувъ пробирку отверстіемъ внизъ, вводитъ приводящую H стеклянную трубку. Послѣ $^1/_2$—1 минутнаго пропусканія газа, онъ быстро закрываетъ пробирку (въ прежнемъ опрокинутомъ положеніи) стерилизованной гутаперчевой пробкой и заливаетъ послѣднюю парафиномъ. Если принять во вниманіе быструю диффузію водорода и то время, которое необходимо для выведенія трубки изъ пробирки и закупорки послѣдней, то нельзя не усумниться въ полномъ отсутствіи O въ пробиркѣ, т. е. въ томъ, что культивируемый микробъ будетъ расти при дѣйствительно анаэробныхъ условіяхъ.

Болѣе цѣлесообразнымъ является способъ Senus'a[232],) представляющій видоизмѣненіе только что описаннаго способа Fuchs'a. Пробирка съ вытянутой на пламени шейкой опрокидывается верхнимъ концемъ книзу послѣ посѣва и черезъ стеклянную трубку, продѣтую сквозь ватную пробку вводится въ теченіи 10 минутъ токъ H достаточной силы; затѣмъ трубка мало по малу выводится и тѣмъ временемъ запаивается съуженная часть пробирки.

Hesse [233]) предложилъ для культивировки анаэробій 2 способа, изъ которыхъ одинъ, примѣняемый для средъ, не разжижаемыхъ культурой, похожъ нѣсколько на способы Fuchs'a и Senus'a и состоитъ въ томъ, что пробирка послѣ посѣва погружается въ тигель или другой какой нибудь небольшой сосудъ, наполненный ртутью; въ пробирку черезъ слой ртути проходитъ изогнутая соотвѣтственнымъ образомъ стеклянная трубка, для введенія въ приборъ водорода. Послѣ вытѣсненія воздуха изъ пробирки, послѣднюю оставляютъ въ томъ же положеніи. Способъ не удобенъ, такъ какъ требуетъ сильнаго давленія газа для преодолѣнія при выходѣ давленія ртути, и кромѣ того присутствіе въ пробиркѣ ртутныхъ паровъ не можетъ не оказывать вреднаго вліянія на ростъ культуры.

Другой способъ, примѣняемый Hesse для культуръ въ разжижаемыхъ средахъ, состоитъ въ слѣдующемъ. На чугунной подставкѣ, имѣющей на периферіи желобообразное углубленіе, наполненное ртутью, помѣщаются сосуды съ посѣвами и покрываются стекляннымъ колпакомъ такихъ размѣровъ, чтобы края его погружались въ ртуть. Газъ вводится въ приборъ по стеклянной трубкѣ, проходящей подъ край колпака черезъ слой ртути внутрь прибора.

Однако отсутствіе свободнаго выхода для газа во время пропусканія его, дѣлаетъ этотъ приборъ неудобнымъ, да и едва ли примѣнимымъ на практикѣ, такъ какъ при слабомъ давленіи газа токъ послѣдняго, встрѣчая на своемъ пути значительное сопротивленіе со стороны ртути, совершенно остановится, или при достаточно сильномъ давленіи газа, послѣдній отдѣльными сильными толчками будетъ прорывать слой ртути и выплескивать послѣднюю изъ желобообразнаго углубленія.

Только что описанный способъ культивировки микробовъ подъ стекляннымъ колпакомъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ еще раньше примѣнялся для культуръ на пластинкахъ Liborius'омъ. Приборъ Liborius'a [234]) состоитъ изъ стекляпаго колокола съ двумя отверстіями для входа и выхода газа и подставки съ каучуковымъ кольцомъ, на которое помѣщается колоколъ и придавливается какой нибудь тяжестью. Отверстія послѣ вытѣсненія газомъ воздуха закрываются каучуковыми пробками. Для поглощенія слѣдовъ кислорода, могущихъ остаться подъ колоколомъ, Liborius совѣтуетъ съ анаэробіями культивировать облигатныхъ аэробій.

Blücher [235]) на томъ же принципѣ культивировки микробовъ на пластинкахъ въ атмосферѣ Н основалъ слѣдующій способъ. Маленькія чашечки съ посѣвами устанавливаются на небольшомъ проволочномъ треножникѣ въ небольшой (вышиной въ 5 cm.) чашкѣ и покрываются куполообразной воронкой, верхнее отверстіе которой соединяется съ аппаратомъ Кірр'а. Въ чашку наливается смѣсь 3—4 частей воды съ 1 частью глицерина до такой высоты, чтобы края воронки были погружены въ эту жидкость и затѣмъ пропускаютъ въ теченіи 15—20 минутъ токъ Н. Когда весь воздухъ вытѣсненъ изъ прибора, приводящая газъ трубка сдавливается зажимомъ.

С. С. Боткинъ,[236]) находя способъ Liborius'a не всегда дающимъ пространство подъ колоколомъ свободное отъ воздуха и притомъ хлопотливымъ, а способъ Blücher'a неудобнымъ какъ потому, что, благодаря малости чашекъ, изолировка колоній съ трудомъ удается, такъ и потому—что число чашекъ, могущихъ помѣститься подъ воронкой, очень ограничено, задался цѣлью изъ комбинаціи методовъ Liborius'a и Blücher'a составить методъ, который удовлетворялъ бы всѣмъ практическимъ требованіямъ. Приборъ, предложенный Боткинымъ, состоитъ изъ достаточно большой стеклянной чашки и стекляннаго колокола, діаметръ котораго на 2—3 цм. меньше діаметра чашки. Для помѣщенія чашекъ Petri съ посѣвами служитъ проволочная этажерка; колоколъ опирается на концы крестообразной металлической подставки своими краями такъ, что между дномъ чашки и краями колокола имѣется свободное пространство. Для введенія подъ колоколъ газа служитъ толстостѣнная каучуковая трубка, внутрь которой, для фиксированія ея въ любомъ положеніи, вложена мѣдная проволока; трубка изогнута такимъ образомъ, что, перегнувшись черезъ край чашки и пройдя между колоколомъ и стѣнкой чашки, она подходитъ подъ край колокола и подымается вдоль стѣнки его до самаго верху. Съ противоположной стороны помѣщена такая же трубка, не доходящая однако подъ колоколомъ до высоты первой трубки, а кончающаяся вскорѣ послѣ перегиба подъ край колокола; трубка эта служитъ для контролированія по временамъ чистоты выходящаго изъ прибора газа; наружный конецъ ея соединенъ съ вульфовой склянкой, на выводную трубку которой надѣтъ каучукъ съ небольшой, съуженной на концѣ стеклянной трубочкой. Стеклянныя части прибора стерилизуются обмываніемъ сулемой, а затѣмъ спиртомъ и эфи-

ромъ, а металлическія (этажерка) прокаливаніемъ. Установивъ на этажеркѣ чашечки съ посѣвами безъ крышекъ, (на нижнюю полку Боткинъ совѣтуетъ помѣщать для окончательнаго поглощенія О чашку съ щелочнымъ растворомъ пирогалловой кислоты), наливаютъ на дно большой чашки paraffinum liquidum до высоты приблизительно 3 cm. и покрываютъ колоколомъ, подъ края котораго раньше еще подводятъ каучуковыя трубки, фиксированныя въ изогнутомъ положеніи находящейся внутри ихъ проволокой. Закрывъ зажимомъ выводную каучуковую трубку, пропускаютъ водородъ; воздухъ, а затѣмъ водородъ выходитъ, прорывая большими пузырями жидкость; черезъ 5—10 минутъ открываютъ зажимъ выводной трубки и зажигаютъ выходящій газъ; если послѣдній горитъ ровнымъ, безцвѣтнымъ пламенемъ, то, значитъ, весь воздухъ изъ прибора вытѣсненъ. Тогда прекращаютъ пропусканіе газа и выводятъ трубки изъ подъ колокола.

Авторъ изслѣдовалъ въ своемъ приборѣ ростъ различныхъ анаэробныхъ микробовъ (oedema malignum, tetanus bac. и др.) и нашелъ его вполнѣ удовлетворяющимъ цѣлямъ анаэробной культивировки. Дѣйствительно, изъ всѣхъ описанныхъ способовъ культуръ анаэробій въ чашкахъ способъ Боткина является наиболѣе удобнымъ въ смыслѣ требованій анаэробіоза. Однако приборъ не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, присущихъ приборамъ Liborius'a и Blücher'a. Во первыхъ, приборъ слишкомъ сложенъ, составленіе прибора и манипуляціи съ нимъ (удаленіе трубки изъ прибора) хлопотливы; во вторыхъ, возможность загрязненія культуръ во время пропусканія газа не исключена, въ третьихъ по объему и сложности приборъ неудобенъ для переноски и помѣщенія въ термостатъ.

Изъ немногочисленныхъ приборовъ для чашечныхъ культуръ анаэробныхъ микробовъ въ атмосферѣ H остается еще упомянуть о приборѣ Kamen'a,[287]) составляющемъ незначительное измѣненіе описаннаго ниже прибора Габричевскаго, которому, собственно, и принадлежитъ идея обоихъ приборовъ. Приборъ Kamen'a состоитъ изъ стеклянной чашки съ широкимъ краемъ, имѣющимъ на внутренней половинѣ съ противоположныхъ сторонъ по одному желобку, спускающемуся почти до дна чашки. Крышкой служитъ стеклянная пластинка съ двумя отверстіями, соотвѣтствующими упомянутымъ желобообразнымъ ходомъ. При извѣстномъ положеніи крышки отверстія совпадаютъ съ соотвѣтствующими желобообразными ходами, и внутреннее про-

странство чашки сообщается съ внѣшнимъ воздухомъ; поворотомъ крышки вокругъ ея вертикальной оси полость чашки изолируется отъ наружнаго воздуха. Употребленіе прибора понятно.

Приборъ этотъ, испытанный нами, оказался неудобнымъ въ томъ отношеніи, что H быстро диффундируетъ изъ него даже при тщательномъ смазываніи вазелиномъ соприкасающихся краевъ пластинки и чашки; въ свою очередь смазываніе (вазелиномъ) даетъ возможность загрязненія культуры, несмотря даже на предварительное кипяченіе вазелина.

Описанные выше способы культивировки анаэробныхъ микробовъ въ безкислородной газовой средѣ, основаны на принципѣ вытѣсненія воздуха изъ замкнутаго пространства какимъ нибудь индифферентнымъ газомъ. Середину между этими способами и способами культуръ in vacuo занимаетъ способъ Buchner'a,[238]) основанный на свойствѣ щелочнаго раствора пирогалловой кислоты энергично поглощать O воздуха. Для культивировки по Buchner'y въ бо́льшую пробирку наливаютъ отдѣльно раствора 1 grm. acidi pyrogallici въ 10 куб. цм. воды и 1 куб. цм. концентрированнаго раствора KOH, затѣмъ сейчасъ же помѣщаютъ туда пробирку съ посѣвомъ и затыкаютъ большую пробирку гуттаперчевой пробкой. Для того, чтобы пробирка не погружалась въ растворъ пирогалловой кислоты, на дно бо́льшей пробирки кладутъ стеклянную подставку (напр. короткій отрѣзокъ широкой стеклянной трубки).

Trambusti,[239]) основываясь на только что изложенномъ способѣ Buchner'a, предложилъ приборъ для анаэробныхъ разливочныхъ культуръ. Приборъ Trambusti состоитъ изъ низкаго конусообразнаго сосуда съ широкимъ основаніемъ и особаго приспособленія для помѣщенія раствора пирогалловой кислоты; послѣднее представляетъ собой узкій цилиндрическій сосудъ, закрывающійся вверху плотно пришлифованной стеклянной пробкой, а внизу нѣсколько съуживающійся и входящій подобно пробкѣ въ шейку конусообразнаго сосуда; внутри цилиндрическаго сосуда, у мѣста съуженія его впаяна стеклянная трубка, доходящая почти до самой пробки; посредствомъ этой трубки сообщаются между собой внутреннія пространства конусообразнаго и цилиндрическаго сосудовъ. Въ нижній сосудъ на дно наливаютъ засѣянную питательную среду (AA или МПЖ), а въ верхній между стѣнками цилиндра и внутренней трубкой наливаютъ щелочной растворъ пирогалловой кислоты который поглощаетъ O воздуха изъ цилиндра.

На томъ же способѣ Buchner'a Никифоровъ[240]) основалъ свой способъ культивировки анаэробныхъ микробовъ въ висячей каплѣ. Для этой цѣли онъ предложилъ пользоваться обыкновеннымъ предметнымъ стекломъ съ углубленіемъ по срединѣ, помѣщая на дно камеры небольшую каплю концентрированнаго раствора пирогалловой кислоты и отдѣльно небольшой комочекъ КОН; смазавъ края покрывательнаго стекла съ висячей каплей засѣяннаго бульона, помѣщаютъ покрывательное стекло надъ углубленіемъ влажной камеры и осторожнымъ встряхиваніемъ приводятъ въ соприкосновеніе КОН съ пирогалловой кислотой; получается щелочной растворъ пирогалловой кислоты, который поглощаетъ О изъ заключеннаго между покрывательнымъ стекломъ и дномъ камеры воздуха.

E. Braatz[241]) развилъ идею Никифорова еще дальше, предложивъ приборъ, который даетъ возможность наблюдать анаэробную разводку въ висячей каплѣ, выращиваемую въ термостатѣ въ атмосферѣ воздуха безъ О (по Buchner'y) или индифферентнаго газа (по Pasteur'y, Liborius'y и др). Приборъ Braatz'a состоитъ изъ предметнаго стекла съ углубленіемъ въ срединѣ. Дно углубленія сообщается съ небольшимъ плоскимъ пузырькомъ. Черезъ горлышко послѣдняго наливается въ пузырекъ щелочной растворъ пирогалловой кислоты или вводится индифферентный газъ, вытѣсняющій воздухъ изъ пузырька и углубленія и выходящій въ щель между краемъ предметнаго стекла и краемъ покрывнаго стеклышка, которымъ послѣ этого еще во время тока газа быстро закрываютъ эту щель. Покрывное стеклышко прикрѣпляется вазелиномъ или смѣсью 5 частей расплавленнаго воска и 1 частью ланолина.

Однимъ изъ лучшихъ приборовъ для анаэробныхъ культуръ въ чашечкахъ является приборъ Габричевскаго,[242]) дающій возможность по вытѣсненіи индифферентнымъ газомъ воздуха обезкислороживать возможные остатки послѣдняго щелочнымъ растворомъ пирогалловой кислоты. Схема прибора Габричевскаго слѣдующая: чашка для разливки питательной среды посредствомъ общей стѣнки отдѣляется отъ огибающаго ее въ видѣ кольца глубокаго жолоба. Послѣдній имѣетъ 4 стѣнки, изъ которыхъ верхняя (горизонтальная) возвышается нѣсколько надъ внутренней, образуя такимъ образомъ щель, при посредствѣ которой въ прикрытомъ стеклянной пластинкой приборѣ пространство чашки для посѣва сообщается съ пространствомъ жо-

лоба. Для пропусканія газа служатъ отверстія, продѣланныя въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ въ пластинкѣ и верхней стѣнкѣ жолоба. Остатки кислорода поглощаются налитымъ въ окружающій чашку жолобъ щелочнымъ растворомъ пирогалловой кислоты.

II. Методъ анаэробныхъ культуръ на редуцирующихъ питательныхъ средахъ.

Kitasato и Weyl[243]) чисто эмпирическимъ путемъ нашли, что анаэробіи лучше растутъ на питательныхъ средахъ, къ которымъ прибавленъ виноградный сахаръ (1—2%), муравьино-кислый натръ (0,25—0,5%), индиговосѣрно-кислый натръ (0,5—1%), резорцинъ (—) пирокатехинъ (—), пирогалолъ (—) или глицеринъ (6—8%.) Что касается способа дѣйствія этихъ веществъ, то, по объясненію Kitasato и Weyl'я, роль ихъ при ростѣ анаэробій въ средахъ, содержащихъ указанныя вещества, сводится къ тому, что вещества эти, какъ соединенія не вполнѣ окисленныя, въ культурахъ анаэробныхъ микробовъ легко подвергаются окисленію, поглощая свободный кислородъ воздуха, абсорбированнаго питательной средой, и способствуетъ такимъ образомъ анаэробнымъ условіямъ роста микробовъ. Однако послѣ изслѣдованій Spin'a[244]), доказавшихъ, что при ростѣ микробовъ въ средахъ, къ которымъ прибавлены различныя анилиновыя краски (индигово-сѣрно-кислый натръ, метиленовая синька), послѣднія обезцвѣчиваются, благодаря переходу въ безцвѣтные продукты *раскисленія* слѣдуетъ заключить, что роль указанныхъ веществъ заключается въ способности ихъ, какъ органическихъ веществъ, богатыхъ кислородомъ, подвергаться раскисленію и такимъ образомъ служить для *кислороднаго питанія* анаэробій. Такое объясненіе должно быть принято тѣмъ болѣе, что оно можетъ освѣтить нѣсколько темный вопросъ о сущности аноэробіоза. Въ самомъ дѣлѣ, примирить такое парадоксальное, повидимому, явленіе, какъ анаэробіозъ, съ общимъ біологическимъ закономъ, по которому протоплазма всякой клѣтки нуждается въ кислородѣ, можно, какъ мы думаемъ, только тогда, если принять, что сущность анаэробіоза состоитъ въ приспособленности анаэробій ассимилировать только отщепленный изъ органическихъ соединеній кислородъ, т. е. если признать, что первоначальнымъ актомъ процесса дыханія протоплазмы анаэробій служитъ процессъ раскисленія сложной органической молекулы, подобный процессу раскисленія оксигемоглобина въ организмѣ высшихъ животныхъ. *)

*) Даже тотъ фактъ, что свободный кислородъ воздуха оказываетъ вредное вліяніе на

Что касается практическаго значенія культивировки анаэробныхъ микробовъ въ питательныхъ средахъ съ однимъ изъ „редуцирующихъ“ веществъ, то несмотря на простоту метода, пользованіе исключительно имъ во всѣхъ случаяхъ недостаточно, такъ какъ и при немъ требуется извѣстная степень изолировки ростущихъ микробовъ отъ кислорода воздуха слоемъ питательной среды, иначе говоря, при примѣненіи одного только этого метода невозможно получить роста анаэробныхъ микробовъ на поверхности питательной среды. Напротивъ, комбинація этого метода съ методомъ культивировки въ атмосферѣ газовъ можетъ дать вполнѣ удовлетворительные результаты.

ростъ облигатныхъ анаэробій, не стоитъ, какъ это можно доказать, въ противорѣчіи съ высказаннымъ объясненіемъ какъ дѣйствія редуцирующихъ веществъ, такъ и сущности анаэробіоза и можетъ быть разрѣшенъ на основаніи тѣхъ же физико-химическихъ законовъ, какіе примѣняются для объясненія процесса дыханія клѣтокъ высшихъ организмовъ. Подробное изложеніе только что высказаннаго взгляда на анаэробіозъ послужитъ предметомъ отдѣльной работы.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

ЛИТЕРАТУРА СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ СО ВРЕМЕНИ ЕГО ОТКРЫТІЯ (1795 г.) ПО 1894 г.

Въ древнерусской литературѣ нѣтъ памятника болѣе интереснаго по содержанію, по формѣ и значенію, какъ Слово о Полку Игоревѣ. Слово—драгоцѣнное украшеніе древне-русской литературы, великое поэтическое достояніе русскаго народа изъ той отдаленной эпохи, когда онъ долгое время выносилъ на своихъ плечахъ натиски азіатскихъ степныхъ кочевниковъ, какъ половцевъ и другихъ иноплеменниковъ. Это надвиганіе степи на развертывавшіеся оазисы древнерусской культуры и образованности (подобно природному надвиганію песковъ, степи на плодородныя, черноземныя земли) не давало простора и свободы для широкаго развитія образованія и литературы. Древнерусская жизнь въ литературныхъ изображеніяхъ не дошла до насъ въ такихъ обширныхъ, разнообразныхъ и художественныхъ поэмахъ, каковы—средневѣковыя западноевропейскія. Но историческая судьба не обдѣлила русскій народъ: и на долю его досталась такая единственная лиро-эпическая „пѣсня—повѣсть", сравнительно краткая и сжатая по размѣрамъ, но полная и живая по изображенію гибели и мужества, горя и радости,—это Слово о Полку Игоревѣ! Несмотря на сжатость и сравнительную краткость Слова, указывающія на его сложеніе вслѣдъ за событіемъ, нельзя не подумать о томъ, что тревожная судьба русскаго народа,—особенно на югѣ и на западѣ,—уничтожила другія подобныя произведенія древне-

русской поэзіи, которыя предшествовали Слову и слѣдовали за нимъ. Послѣднее подтверждается извѣстной „Задонщиной“ и недавней находкой отрывка изъ „Слова о погибели Рускыя земли“ (изд. 1892 г. Хр. М. Лопаревымъ)... Но не будемъ пока строить болѣе или менѣе возможныхъ предположеній объ исчезнувшихъ поэтическихъ произведеніяхъ древнерусской литературы и обратимся къ Слову о Полку Игоревѣ, которое и само по себѣ представляетъ не мало затрудненій, нѣкоторыя изъ которыхъ до сихъ поръ непреодолимы. И не разъ уже была высказываема тщетная надежда на разъясненіе Слова только при помощи новаго открытія какого либо древняго списка Слова.

Почти сто лѣтъ тому назадъ эта драгоцѣнная, единственная для насъ, древне-русская „пѣсня—повѣсть“ сдѣлалась извѣстной ученому міру и любителямъ русской старины; но до сихъ поръ нѣтъ другого памятника древнерусской литературы, который бы превзошелъ Слово о Полку Игоревѣ по поэтическимъ достоинствамъ, нѣтъ другого болѣе цѣннаго историческаго свидѣтельства,—кромѣ лѣтописныхъ сказаній,—о несчастномъ походѣ Новгородъ-Сѣверскаго князя, Игоря Святославича, на половцевъ въ 1185 г., о половецкихъ нашествіяхъ и княжескихъ междоусобіяхъ въ XI—XII в.в., освѣщенныхъ глубокой мыслью современника поэта. Этотъ широкій захватъ животрепещущихъ событій XI—XII в.в., даетъ возможность заглянуть глубже въ тогдашнія историческія отношенія русскаго народа особенно къ югу и къ востоку (чрезъ поля на горы, къ Дону, къ Тмутаракани, къ морю), а отчасти и къ западу (къ нѣмцамъ, къ венедицамъ), не говоря уже о томъ, что Слово замѣчательно охватываетъ внутреннія отношенія всей Русской земли XI—XII в.в. „Въ ней одной (въ Пѣснѣ о Полку Игоревѣ), говоритъ поэтъ Майковъ, можетъ быть, больше историческихъ откровеній, чѣмъ въ массѣ драгоцѣнныхъ, но однообразныхъ лѣтописныхъ повѣствованій! Это голосъ самой жизни, а не судъ наблюдателя надъ ея бурнымъ кипѣніемъ“ („Заря“ 1870 г., январь, 100 стр.). Поэтическія и историческія достоинства Слова давно уже служатъ предметомъ удивленія и изученія.

Если бы исторію русской литературы ограничить изученіемъ однихъ поэтическихъ памятниковъ, то Слово о Полку Игоревѣ явилось бы выдающимся и чуть-ли не единственнымъ памятникомъ древнерусской поэзіи. Только предположительно мы можемъ утверждать, что

рядомъ съ этимъ памятникомъ существовали въ древней Руси XI, XII и XIII в.в. историческія пѣсни, былины, миѳологическій эпосъ, сказки, заговоры, загадки, пословицы, причитанія, лирическія пѣсни и проч. Правда, пословицы, поговорки, загадки и слабое отраженіе былинъ, историческихъ пѣсенъ и сказокъ мы находимъ въ лѣтописяхъ. Тѣмъ не менѣе, Слово о Полку Игоревѣ представляется почти единственнымъ цѣльнымъ памятникомъ древнерусской поэзіи, ярко блистающимъ оригинальными и свѣжими красками народной поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ—памятникомъ, отличающимся уже нѣкоторыми искусственными пріемами стараго русскаго писателя, воспитаннаго въ византійской, южно-славянской и успѣвшей уже развиться—русской школѣ XI—XII в.в. Эта школа древнерусскихъ писателей,—о которой мы должны догадываться по выдающимся памятникамъ поученій и словъ, житій св. и путешествій къ св. мѣстамъ, повѣстей и лѣтописныхъ сказаній и общаго славянорусскаго потока переводныхъ и подражательныхъ сочиненій изъ греческой византійской литературы,—получаетъ особенно-яркое освѣщеніе при помощи изученія Слова о Полку Игоревѣ. Благодаря этому изученію направленія и главныя явленія древнерусской литературы и образованности представляются разнообразными и болѣе отчетливыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаются между ними и нѣкоторыя точки соприкосновенія; особенной близостью въ этомъ отношеніи отличаются лѣтописныя сказанія и Слово о Полку Игоревѣ, а изъ переводныхъ къ нему приближаются сказанія византійскихъ хроникъ, переводныя и оригинальныя византійскія повѣсти. Изученіе Слова о П. И. въ связи съ древнерусской переводной и оригинальной литературой приводитъ насъ къ той обстановкѣ, среди которой оно развилось, къ той почвѣ, на которой оно выросло.

Еще поразительнѣе изученіе Слова о П. И. въ связи съ народной поэзіей. Только въ этой связи открывается высокій поэтическій характеръ Слова, его народность, красота и, такъ сказать, правильность поэтическихъ образовъ и оборотовъ рѣчи. Если мы забудемъ объ этомъ живомъ родникѣ русской народной поэзіи, изъ котораго, безъ сомнѣнія, черпалъ полной рукой авторъ-поэтъ Слова о П. И., то низведемъ Слово на степень рѣдкаго образца древнерусской свѣтской книжности съ витіеватыми пріемами и искусственнымъ языкомъ. Но при сравненіи Слова съ народной поэзіей въ немъ остается не много образовъ и выраженій, которые можно было бы признать исклю-

чительно книжными, не связанными съ русской народной поэзіей и съ народной поэзіей другихъ народовъ,—прежде всего, конечно, славянскихъ. Многочисленныя и разнообразныя черты народнаго склада въ Словѣ устанавливаютъ до нѣкоторой степени прошлое русской народной поэзіи, указываютъ ея древніе элементы, почти ничѣмъ не отмѣченные въ древнерусской литературѣ до XVII вѣка.

Кромѣ того, Слово о П. И. находитъ себѣ много соотвѣтствій, какъ по складу, такъ отчасти и по изображенію быта, въ средневѣковыхъ, западно-европейскихъ поэмахъ. Недаромъ наше Слово принадлежитъ тому же столѣтію, въ которое сложилась Пѣснь о Нибелунгахъ,—когда процвѣтала на Западѣ рыцарская поэзія въ пѣсняхъ трубадуровъ, минестрелей и миннезенгеровъ. Но изъ всѣхъ западно-европейскихъ поэмъ нѣтъ болѣе близкой поэмы къ нашему Слову о П. И., какъ знаменитая французская Пѣснь о Роландѣ „La Chanson de Roland“.

Погибшій полкъ Игоревъ, котораго „уже не крѣсити“, какъ взываетъ съ тяжелой горестью нѣсколько разъ въ Словѣ авторъ,—полкъ изъ лучшихъ бояръ, храбрыхъ мужей, съ многоцѣннымъ оружіемъ и дорогими конями, горе в. кн. Святослава, призывы князей къ отмщенью въ борьбѣ съ погаными половцами, описанія необычайныхъ подвиговъ такихъ героевъ, какъ буй-туръ Всеволодъ, неожиданность страшнаго несчастія, необозримыя полчища враговъ и самонадѣянность молодыхъ и храбрыхъ князей „погрузившихъ храбрый полкъ и русское золото во днѣ Каялы рѣки Половецкія“, похвалявшихся, по словамъ в. кн. Святослава, „преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ“,—все это невольно приводитъ къ сближеніямъ съ погибелью отборнаго французскаго войска въ Ронсевалѣ, съ горестью Карла Великаго, его местью, борьбой съ невѣрными сарацинами, съ описаніями подвиговъ Роланда, Оливье и епископа Турпина, окруженныхъ сотнями тысячъ сарацынъ и съ виной Роланда, самонадѣянно отказавшагося призвать на помощь Карла Великаго: „Cumpainz, vus le feistes... Franceis sunt mort par vostre legerie“, говоритъ Оливье Роланду,—или, какъ переводитъ проф. Готье въ своемъ извѣстномъ великолѣпномъ изданіи (La Chanson de Roland, par Leon Gautier, Tours, 1872 г.): „C'est votre faute... Si tant de Français sont morts, c'est votre folie qui les a tués“.

Проф. Рамбо въ своей книгѣ La Russie épique (стр. 196) говоритъ о нашемъ Словѣ по отношенію къ Пѣснѣ о Роландѣ: „Le *Slovo* est pour les Russes bien plus que n'est pour nous la *Chanson de Roland*, car il est unique dans son genre. Jl est ce que furent pour les Grecs les poémes d'Homére ce que sont pour les Allemands les *Niebelungen*: le joyau de la littérature nationale". Въ этомъ сочувственномъ отзывѣ почтеннаго французскаго ученаго есть значительная доля правды, если только цѣнить русскую литературную старину, цѣнить ея научное изученіе. Не такъ смотритъ на Слово о П. И. нѣмецкій ученый, Каррьеръ (см. его мнѣніе у насъ ниже и въ его соч. „Die Kunst im Zusammenhang der Kulturentwickelung", III т., 2 отд., стр. 29—30; 1868 года). Впрочемъ, безпристрастный знаменитый нѣмецкій ученый, В. Гриммъ еще въ 1812 г. (въ Heidelbergische Jahrbücher der Literatur) умѣлъ понять всю прелесть чисто народнаго склада въ Словѣ (когда въ русской литературѣ о Словѣ о П. И. и не подозрѣвали этого, сравнивая Слово съ Оссіаномъ, и др.) и уже сравнивалъ его съ Нибелунгами, съ Эддой и другими памятниками средневѣковой литературы.

Во всякомъ случаѣ, нельзя отказать Слову о П. И. въ громадномъ научномъ и педагогическомъ значеніи, какъ самому выдающемуся памятнику древнерусской литературы, безъ изученія котораго нѣтъ „живыхъ глаголовъ" почти во всей древнерусской литературѣ.

Кромѣ высокихъ литературныхъ достоинствъ Слово о П. И. не лишено и важнаго историческаго значенія. Слово о П. И. почти такой же историческій источникъ, какъ лѣтописныя извѣстія о выдающихся событіяхъ XII в., поэтому историкъ русской жизни этого времени не можетъ обойти Слова о П. И., въ которомъ онъ найдетъ и общее освѣщеніе событій и такіе частные факты, о которыхъ молчатъ лѣтописи.

Съ давнихъ поръ повторяется мнѣніе, что Слово П. И. посвящено незначительному историческому событію XII в., что несчастный походъ 1185 г. не имѣлъ значенія въ общемъ развитіи историческихъ событій и былъ дѣломъ удали молодыхъ сѣверскихъ князей; но Слово захватываетъ множество событій XI—XII в.в., относящихся къ самымъ выдающимся явленіямъ того времени. Мало того, Слово отражаетъ и важныя историческія отношенія, среди которыхъ оно явилось.

То было время поколебленнаго первостепеннаго значенія Кіева, великокняжескаго стола Кіевскаго, время образованія сильнаго владимірско-суздальскаго великокняжескаго стола, время сильнаго галицко-волынскаго княжества, и т. д. Образованнымъ южноруссамъ XII—XIII в.в., какъ авторъ Слова о П. И. и нѣкоторые выдающіеся лѣтописцы, принадлежатъ голоса объ единеніи Русской земли, предчувствія грядущихъ событій XIII в. Но въ Словѣ о П. И. нѣтъ еще мѣста безнадежному отчаянію, и счастливое возвращеніе изъ плѣна героевъ—князей наполняетъ радостью сердце автора Слова и его современниковъ.

То было время великихъ крестовыхъ походовъ, свѣдѣнія о которыхъ приносили въ древнюю Русь русскіе паломники, отправлявшіеся въ Царьградъ и св. Землю, заносившіе эти свѣдѣнія и въ описанія своихъ путешествій, и въ лѣтописи. Новгородская лѣтопись, подъ 1204 г., подробно разсказываетъ о взятіи крестоносцами Царьграда и только намекомъ упоминаетъ какъ будто объ извѣстныхъ всѣмъ пѣсняхъ о „поганомъ зломъ Дедрикѣ", обнаруживая знакомство съ поэмами готско-ломбардскаго цикла.

Недаромъ и лѣтопись и Слово о П. И. говорятъ о томъ, какъ слава о подвигахъ или неудачахъ русскихъ князей доходитъ до нѣмцевъ, венеціанцевъ, грековъ, моравянъ и готовъ. Лѣтопись указываетъ и на обратное теченіе въ древней Руси. Послѣднее, быть можетъ, не лишено значенія и для вопроса о происхожденіи нашего поэтическаго памятника XII вѣка. Мы уже упоминали о тѣхъ болѣе глубокихъ отношеніяхъ Слова о П. И. къ востоку и къ югу, которыя отражаются въ изображеніяхъ половцевъ и другихъ степняковъ, ихъ походовъ, быта и отчасти языка, въ направленіи похода 1185 г. къ синему морю, къ Тмутаракани, къ азовско-черноморскому побережью.

Если Слово о П. И. исполнено такого глубокаго и живаго интереса, какъ рѣдкій изъ памятниковъ древнерусской литературы, то точно также Слово одно изъ всѣхъ древнерусскихъ памятниковъ представляетъ почти непреодолимыя затрудненія при его изученіи. Говоря образно, этотъ героическій рыцарскій памятникъ вызывалъ не мало научныхъ походовъ, въ которыхъ сыпались стрѣлы критики и скептицизма, и не мало было сломано копій! Напомнимъ здѣсь только,—о чемъ будемъ говорить подробно дальше,—предположенія о поддѣлкѣ Слова, о его миѳологіи, о пропускахъ и вставкахъ въ недо-

шедшихъ до насъ рукописяхъ Слова, о связи его съ византійскими и болгарскими поэмами, или о совершенной неповрежденности дошедшаго до насъ текста Слова, и т. п. Продолжая образныя сравненія, нельзя не признать въ положеніи изслѣдователя Слова о П. И. сходства съ положеніемъ героевъ Слова, отправлявшихся „поискати града Тьмуторокана“ чрезъ необозримую, полную опасностей и неизвѣстности, Половецкую степь.

Переходя къ изученію Слова о П. И., должно замѣтить, что относящаяся сюда обширная литература (въ настоящее время число всѣхъ малыхъ и большихъ трудовъ, касающихся Слова, доходитъ до 200) заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ объясняетъ происхожденіе повторяющихся гипотезъ и мнѣній о Словѣ (повторенія встрѣчаются очень часто и всегда безъ указанія на предшественниковъ), показываетъ постепенное уясненіе Слова, несомнѣнные успѣхи въ его критической разработкѣ и знакомитъ съ замѣчательной обширной научной работой русскихъ ученыхъ надъ своимъ дорогимъ историко-литературнымъ достояніемъ. Мало того, безъ основательнаго знакомства съ этой литературой Слова остаются непонятными разнообразные историко-литературные взгляды на Слово о П. И. и необходимыя поправки въ его текстѣ. Изученіе Слова развивалось въ тѣхъ же главныхъ направленіяхъ, какъ и другихъ отдѣловъ древнерусской литературы и народной словесности. Особенно много общаго въ изученіи Слова съ развитіемъ изученія русскаго богатырскаго эпоса. Въ томъ и другомъ изученіи историческое направленіе смѣняется миѳологическимъ, миѳологическое—теоріей заимствованія, наконецъ, наступаетъ пора строгой критики—филологической и историко-сравнительной. Но изученіе Слова, вслѣдствіе особыхъ условій предмета, вызывало такого рода вопросы и сомнѣнія, какихъ не могло быть по отношенію къ изученію русскаго богатырскаго эпоса. Таковы прежде всего вопросы и сомнѣнія о погибшей единственной рукописи Слова въ Московскомъ пожарѣ 1812 года, о печатномъ текстѣ Слова въ первомъ изданіи 1800 г., о происхожденіи Слова, и т. п. Прибавимъ еще, что ни объ одномъ памятникѣ древнерусской литературы не было высказано столько самыхъ противоположныхъ мнѣній и гаданій, какъ о Словѣ о Полку Игоревѣ его истолкователями, переводчиками и издателями. Обращаемся теперь къ обзору литературы Слова со времени его открытія до настоящаго года, т. е. за цѣлое уже столѣтіе.

Открытіемъ рукописи Слова о Полку Игоревѣ и его первымъ изданіемъ 1800 г. русская наука обязана гр. Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину (скончъ. въ 1817 г. на 73 году жизни). Въ Запискахъ и Трудахъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1824 г. (часть II) извѣстный русскій ученый, Калайдовичъ, которому наука обязана изданіемъ важныхъ древнеславянскихъ и древнерусскихъ памятниковъ, а также и первымъ вкладомъ въ научное изученіе Слова о Полку Игоревѣ,—напечаталъ „Біографическія свѣдѣнія о жизни, ученыхъ трудахъ и Собраніи Россійскихъ Древностей Гр. А. И. Мусина-Пушкина", изъ которыхъ мы приведемъ все интересное для нашего вопроса. Мусинъ-Пушкинъ съ 1791 г. по 1797 занималъ постъ Оберъ-Прокурора Св. Синода. Съ 1791 г., живя въ Петербургѣ, Мусинъ-Пушкинъ обнаружилъ „невѣроятную страсть къ собиранію и объясненію древнихъ отечественныхъ памятниковъ... Великая Екатерина, любя исторію и благо отечества, удостоила его личнаго съ собою обращенія; ей угодно было видѣть собранныя имъ нѣкоторыя лѣтописи и г. Крекшину принадлежавшія бумаги, кои съ крайнимъ любопытствомъ разсмотрѣвъ, благоволила нѣкоторыя оставить у себя, а вмѣсто того, пожаловала ему нѣсколько пергаминныхъ книгъ, древнихъ лѣтописей и бумагъ, въ кабинетѣ ея находившихся, кои самой ей читать было трудно, и поручила ему изъ оныхъ и изъ другихъ, древнихъ книгъ обо всемъ, что до Россійской Исторіи касается, дѣлать выписки, дозволивъ искать всюду и требовать, что найдетъ для сего нужнымъ. Таковое позволеніе доставило ему рѣдкія историческія и дипломатическія выписки и книги, а оберъ-прокурорское мѣсто его въ Святѣйшемъ Синодѣ, короткое знакомство и обращеніе съ духовными особами и указъ императрицы Екатерины II въ 11 день августа 1791 г. состоявшійся: о собраніи изъ монастырскихъ архивъ и библіотекъ всѣхъ древнихъ лѣтописей и другихъ до исторіи касающихся сочиненій, подали случай пріобрѣсть множество древнихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ; что весьма умножило и обогатило его собраніе. Въ числѣ рѣдкостей, въ сіе время полученныхъ, особеннаго вниманія достойна пергаминная лѣтопись Несторова, написанная въ 6885 (1377) году, въ малой листъ, монахомъ Лаврентіемъ, для великого князя Димитрія Константиновича и полученная графомъ, какъ сказываютъ, изъ бывшаго во Владимірѣ Рождественскаго монастыря, превращеннаго теперь въ Архіерейскій домъ... У архимандрита Спасо-

Ярославскаго монастыря *Іоиля* купилъ онъ всѣ русскія книги, въ томъ числѣ драгоцѣнное *Слово о Полку Игоревѣ*. Изъ сего древностей и рѣдкостей собранія всѣ справки, относящіяся къ отечественной исторіи, Великая Екатерина требовала, а г.г. Болтинъ, Елагинъ, исторіографъ Карамзинъ и члены Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ невозбранно онымъ пользовались. Жестокая судьба, очевидно, гнавшая исторію любезнаго Отечества нашего, судила и сему единственному и драгоцѣннѣйшему стяжанію, многолѣтними трудами и большимъ иждивеніемъ собранному, къ крайнему сожалѣнію, почти всему погибнуть въ Москвѣ въ бѣдственный и вмѣстѣ славный для Отечества 1812 годъ, въ который съ великолѣпнымъ графскимъ домомъ оно превращено въ пепелъ. Потеря сія тѣмъ чувствительнѣе, что графъ Мусинъ-Пушкинъ незадолго до сего несчастія намѣревался отдать собраніе свое въ Архивъ Иностранной Коллегіи (въ коемъ оно вѣрно бы сохранилось), бывшій тогда подъ управленіемъ друга его Н. Н. Бантышъ-Каменскаго". До изданія Слова о Полку Игоревѣ Мусинъ-Пушкинъ вмѣстѣ съ учеными сотрудниками издалъ: 1) „Правду Русскую, или законы великихъ князей Ярослава Владиміровича и Владиміра Всеволодовича Мономаха, съ преложеніемъ древняго оныхъ нарѣчія и слога на употребительныя нынѣ, и съ объясненіемъ словъ и названій изъ употребленія вышедшихъ", въ 1792 г., въ С.-Пб.„ Въ числѣ сихъ издателей Правды Русской были г.г. Болтинъ, Елагинъ и графъ Мусинъ-Пушкинъ; переводъ и объясненія принадлежатъ къ трудамъ перваго"; 2) „Духовную Великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ, названную въ лѣтописи Суздальской поученье", въ 1793 г., въ С.-Пб. „Переводъ, присовокупленный къ симъ сочиненіямъ, сдѣланъ издателемъ съ помощію друзей его"; 3) „Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго Россійскаго Тмутараканскаго княжества", въ 1794 г., въ С.-Пб.; 4) Карту подъ названіемъ: „Часть Россіи съ смежными Державами, раздѣленная на губерніи и уѣзды, 1796 г."; 5) „Ироическую пѣснь о походѣ на Половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанную стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе" (Москва, въ Сенатской типографіи, 1800 г.; въ 4 долю; съ дозволенія Московской цензуры). Предисловіе, подъ названіемъ „Историческое содержаніе пѣсни" на VIII стр.; затѣмъ текстъ Слова, напечатанный рус-

скимъ курсивомъ и рядомъ гражданкой переводъ, съ примѣчаніями внизу на 46 стр.; „погрѣшности“ и „поколѣнная роспись россійскихъ великихъ и удѣльныхъ князей, въ сей пѣсни упоминаемыхъ“.

Оставимъ пока изданіе 1800 г. и приведемъ еще нѣсколько любопытныхъ выдержекъ изъ статьи Калайдовича объ открытіи рукописи Слова. „Что касается до вопросовъ: *на чемъ, какъ и когда писана Пѣснь Игорева? гдѣ найдена? и кто былъ участникомъ въ переводѣ и изданіи оной?* послушаемъ самого графа, который на сіе отвѣчалъ мнѣ (т. е. Калайдовичу) декабря 31, 1813 года (т. е. послѣ того какъ рукопись Слова сгорѣла въ московскомъ пожарѣ—1812 г.), слѣдующее: *на чемъ, какъ и когда писана?*—Писана на лощеной бумагѣ, въ концѣ лѣтописи (сборникъ, въ которомъ находилось Слово, начинался—Хронографомъ и „Временникомъ, еже нарицается лѣтописаніе Русскихъ князей и земля Русскыя“; но далѣе еще до Слова были помѣщены: „Сказаніе о Индіи богатой“ и „Синагрипъ Царь Адоровъ“; затѣмъ—Слово о полку Игоревѣ и наконецъ—Дѣяніе прежнихъ временъ—повѣсть о Девгеніѣ), довольно чистымъ письмомъ. По почерку *письма* и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV вѣка.—*Гдѣ найдена?*—До обращенія Спасо-Ярославскаго монастыря въ архіерейской домъ, управлялъ онымъ архимандритъ Іоиль, мужъ съ просвѣщеніемъ и любитель Словесности; по уничтоженіи штата, остался онъ въ томъ монастырѣ на обѣщаніи до смерти своей. Въ послѣдніе годы находился онъ въ недостаткѣ, а потому случаю комиссіонеръ мой купилъ у него всѣ Русскія книги, въ числѣ коихъ въ одной подъ № 323, подъ названіемъ хронографъ, въ концѣ найдено Слово о Полку Игоревѣ.—*О прежнихъ переводахъ и кто былъ участникомъ въ изданіи?*—Во время службы моей въ С.-Петербургѣ нѣсколько лѣтъ занимался я разборомъ и переложеніемъ оныя Пѣсни на нынѣшній языкъ, которая въ подлинникѣ хотя довольно яснымъ характеромъ была писана, но разобрать ее было весьма трудно; потому что не было ни правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилося неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія; прежде всего должно было раздѣлить ее на періоды, и потомъ добираться до смысла; что крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано; но я не бывъ переложеніемъ моимъ доволенъ, выдать оную въ печать не рѣшился, опасаясь паче всего, чтобы не сдѣлать ошибки подобной кн. Щербатову, кото-

рой, разбирая грамоту Новгородцевъ къ Ярославу, напечаталъ въ оной между прочаго (что надѣюся вамъ извѣстно): по что отъялъ еси поле, заячь и Миловцы? По переѣздѣ же моемъ въ Москву, увидѣлъ я у А. Ѳ. Малиновскаго, къ удивленію моему, переводъ мой очень въ неисправной перепискѣ, и по убѣдительному совѣту его и друга моего Н. Н. Б.—Каменскаго, рѣшился обще съ ними свѣрить преложеніе съ подлинникомъ и исправя съ общаго совѣта, что слѣдовало, отдалъ въ печать". Это важное свидѣтельство владѣльца рукописи, на которомъ мы еще остановимся, относится уже къ началу тѣхъ научныхъ тяжелыхъ изысканій о Словѣ, которыя возникли послѣ 1812 г., когда рукопись сгорѣла. Между тѣмъ, вскорѣ же послѣ находки Слова, въ Гамбургскомъ журналѣ Spéctateur du Nord (1797, октябрь) появилась слѣдующая замѣтка, прекрасно выражающая первоначальный взглядъ на Слово: „Вы, можетъ быть, удивитесь еще болѣе, (замѣчаетъ въ видѣ письма неизвѣстный авторъ статьи изъ Россіи) если узнаете, что *два года* тому назадъ (т. е. въ 1795 г.) открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы подъ названіемъ: *Пѣснь Игоревыхъ воиновъ*, которую можно сравнять съ лучшими Оссіановскими поэмами и которая написана въ XII ст. неизвѣстнымъ сочинителемъ. Слогъ, исполненный силы, чувствія высочайшаго героизма, разительныя изображенія, почерпнутыя изъ ужасовъ природы, составляютъ достоинство сего отрывка, въ которомъ поэтъ, представляя картину одного кроваваго сраженія, восклицаетъ: „увы! чувствую, что кисть моя слаба; я не имѣю дара великаго Бояна, сего соловья временъ прошедшихъ", слѣдственно, въ Россіи были и до него великіе поэты, которыхъ творенія поглощены вѣками! Лѣтописи наши не говорятъ объ этомъ Боянѣ, мы не знаемъ когда онъ жилъ и когда пѣлъ. Но это почтеніе, воздаваемое его дарованіямъ такимъ поэтомъ, заставляетъ чувствительно сожалѣть о потерѣ его твореній" (мы привели переводъ по статьѣ Калайдовича l. c.). Тоже самое высказывается и въ предисловіи къ изданію Слова въ 1800 г.: „любители Россійской словесности согласятся, что въ семъ оставшемся намъ отъ минувшихъ вѣковъ сочиненіи видѣнъ духъ *Оссіановъ*; слѣдовательно, и наши древніе герои имѣли своихъ *Бардовъ*, воспѣвавшихъ имъ хвалу... Нѣтъ нужды замѣчать возвышенныхъ и кореннныхъ въ сей поэмѣ выраженій, могущихъ навсегда послужить образцомъ витійства; благоразумный читатель самъ отличитъ оныя отъ нѣкоторыхъ мелочныхъ подробностей въ тогдашнемъ вѣкѣ терпимыхъ,

и отъ вкравшихся при перепискѣ непонятностей". И такъ мы видимъ прежде всего, что какъ владѣлецъ открытой рукописи Слова, такъ и его ученые совѣтники находились подъ сильнымъ и одностороннимъ впечатлѣніемъ отъ т. н. оссіановскихъ поэмъ, изданныхъ шотландцемъ Макферсономъ. Это будетъ намъ понятно, если мы припомнимъ вліяніе т. н. Оссіана на поэзію Державина, Озерова, Батюшкова, и друг. Понятно также и стараніе первыхъ издателей о переводѣ Слова, какъ о главномъ дѣлѣ; ихъ невниманіе къ нѣкоторымъ невразумительнымъ, непонятнымъ мѣстамъ, напр. выраженіе „великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше"—въ изданіи 1800 г. совсѣмъ оставлено безъ перевода. О рукописи Слова въ этомъ первомъ изданіи замѣчено только, что „подлинная рукопись (значитъ, изданіе 1800 г. сдѣлано уже со списка) по своему почерку весьма древняя". Мнѣнія объ Оссіановскомъ складѣ Слова, особенное вниманіе къ Бояну—барду и къ переложеніямъ Слова господствуютъ отъ 1800 г. до 1813 г. Корыстные поддѣлыватели Слова предлагали даже вновь открытые гимны Бояна, конечно, подложные. Но никто въ это время не подумалъ о сличеніи изданія 1800 г. съ рукописью, о снимкахъ съ нея, объ описаніи ея характеристическихъ особенностей.

До московскаго пожара 1812 г., въ которомъ погибла драгоцѣнная рукопись, съ нея было снято, по крайней мѣрѣ, двѣ копіи, если не больше. Такъ еще въ 1795—96 г.г. была сдѣлана копія для императрицы Екатерины II, и эта копія дошла до насъ: она издана Пекарскимъ въ 1864 г., въ V т. Записокъ Академіи Наукъ, но съ ошибками, и болѣе точнымъ образомъ въ Древностяхъ и Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества за 1890 г. Другая копія, служившая оригиналомъ для изданія 1800 г., не дошла до насъ. Въ пожарѣ 1812 г. погибла и значительная часть изданія Слова 1800 г., такъ что теперь первое изданіе составляетъ библіографическую рѣдкость и представляетъ первое прочное основаніе для изслѣдованій, замѣняя рукопись. Съ этимъ изданіемъ принято сличать и текстъ Екатерининской или архивной рукописи, разнящейся отъ изданія 1800 г. преимущественно въ правописаніи.

Послѣ погибели подлинной рукописи Слова въ московскомъ пожарѣ сразу явились запросы о ней со стороны извѣстнаго уже намъ ученаго Калайдовича и проф. Тимковскаго; явились и сомнѣнія въ древности Слова со стороны другого извѣстнаго знатока и собирателя

древнерусской старины того времени, графа Румянцева, и такого изслѣдователя русскихъ древностей, какъ митр. Евгеній. Среди этихъ споровъ выяснились нѣсколько черты пропавшей рукописи, появились нѣкоторыя доказательства ея подлинности. Мы уже привели любопытныя свидѣтельства объ открытіи Слова и о рукописи гр. Мусина-Пушкина. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько свидѣтельствъ лицъ, видѣвшихъ подлинную рукопись или только слышавшихъ о ней. По словамъ Калайдовича, Карамзинъ, видѣвшій подлинную рукопись Слова, „замѣтилъ, что гдѣ напечатано: *вѣчи* Трояни, тамъ читается въ рукописяхъ (?) *сѣчи*“ (Лѣтописи Русской Литерат. Тихонравова, III, стр. 90). „Онъ (Карамзинъ) тоже находитъ и въ другихъ словахъ, въ коихъ сходныя въ той рукописи между собой буквы *в* и *с* были принимаемы противно“. Отъ типографщика Селивановскаго Калайдовичъ слышалъ, что тотъ видѣлъ въ рукописи пѣснь Игореву: „Она написана Бѣлорусскимъ письмомъ, не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Димитрія Ростовскаго. Корректуру держали А. Ѳ. Малиновскій, Н. Н. Б.—Каменскій, а третью уже читалъ гр. Пушкинъ [1]). Они дѣлали частыя поправки въ корректурѣ, съ точностью издавая подлинникъ, отъ чего печатаніе шло медленно. Гр. Пушкинъ не имѣлъ права помарывать корректуру“ (Сынъ Отечества 1839 г., VIII, отд. VI, стр. 17). Въ извѣстномъ уже намъ жизнеописаніи гр. Мусина-Пушкина Калайдовичъ говоритъ, что „по словамъ очевидца, пѣснь Игорева писана въ листъ Бѣлорусскимъ почеркомъ“ (но не прибавлено о Димитріи Ростовскомъ). Уже черезъ вторыя—третьи руки дошли до насъ свѣдѣнія о томъ, что извѣстный въ свое время знатокъ славяно-русской письменности, палеографъ Ермолаевъ разсматривалъ рукопись и назвалъ письмо ея полууставомъ XV в.; Малиновскій, по словамъ Дубенскаго (см. ниже его изслѣдованіе), въ концѣ жизни стоялъ за XIV в., а Карамзинъ, по словамъ Калайдовича, относилъ рукопись къ концу XV в. Въ письмѣ 1814 г. къ гр. Мусину-Пушкину Калайдовичъ еще упомянулъ о свидѣтельствѣ А. Ѳ. Малиновскаго, который увѣрялъ, что рукопись писана полууставомъ, переходящимъ въ скоро-

[1]) Ср. Словарь достопамятныхъ людей Русской земли *Бантышъ-Каменскаго* 1847 г., II ч., 458 стр.: „Она (пѣснь о походѣ Игоря) найдена имъ (Мусинымъ-П.) въ одномъ Бѣлорусскомъ Сборникѣ... Въ переводѣ этой древней поэмы трудились вмѣстѣ съ нимъ Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій и Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій“.

пись (Безсоновъ: К. Ѳ. Калайдовичъ, стр. 99). Е. В. Барсовъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ приводитъ еще *третье* свидѣтельство Малиновскаго въ письмѣ къ гр. Румянцеву, что изданіе 1800 г. сдѣлано съ рукописи XVI в. Митр. Евгеній ссылается также на какихъ-то „очевидцевъ рукописи, которые называли ее не старѣе XVI в." (Барсовъ, I, 53).

Какъ разобраться во всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ показаніяхъ? Заслуживаютъ вниманія попытки разобраться въ этихъ вопросахъ Тихонравова, Смирнова и Барсова (см. изслѣдованія ниже): первый, нисколько не довѣряя показаніямъ Мусина-Пушкина, считая его изданіе ошибочнымъ и опираясь на палеографическія показанія архивной рукописи, пришелъ къ выводу, что рукопись Слова должно отнести къ концу XVI вѣка. Мнѣ кажутся не вполнѣ убѣдительными доводы покойнаго академика Тихонравова и ниже я постараюсь доказать ихъ неосновательность. Проф. Смирновъ, не соглашаясь съ Тихонравовымъ, относитъ рукопись Слова къ XV в., слѣдуя мнѣнію Колосова, высказанному имъ въ „Очеркѣ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка". Барсовъ старается доказать справедливость мнѣнія Тихонравова и приводитъ нѣсколько самостоятельныхъ домысловъ въ пользу конца XVI в. Домыслы Барсова очень любопытны и представляютъ нѣкоторыя поправки къ свидѣтельству гр. Мусина-Пушкина. Барсовъ относится недовѣрчиво къ разсказу объ Іоилѣ, отъ котораго будто бы купленъ хронографъ съ Словомъ о Полку Игоревѣ: „Въ дѣйствительности, говоритъ г. Барсовъ, это просто былъ хронографъ монастырской библіотеки за № 323. Рѣчь о необыкновенномъ просвѣщеніи этого мужа (Іоиля) заведена лишь для отвода глазъ, во избѣжаніе нарѣканія, что оберъ-прокуроръ Св. Синода обираетъ монастырскія библіотеки... Весьма возможно, что этотъ хронографъ былъ пріобрѣтенъ Пушкинымъ даже совсѣмъ не изъ Спасо-Ярославскаго монастыря. Не безъ основанія, конечно, Полевой высказалъ мнѣніе, что Мусинъ-Пушкинъ досталъ свой сборникъ изъ Пантелеймоновскаго монастыря во Псковѣ. Быть можетъ, Пушкинъ находилъ по чему либо нужнымъ скрывать истинное мѣсто своего пріобрѣтенія". Если послѣднее не вѣрно (въ чемъ мы не сомнѣваемся), то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что сборникъ Мусина-Пушкина попалъ къ нему изъ монастырской библіотеки, быть можетъ,—черезъ Іоиля. Въ Ярославлѣ сохранилось дѣло отъ 1791 г. (см. А. В. Лонгиновъ: Историч. изслѣд.

сказанія о походѣ Игоря Святосл., 1892 г., стр. 229) о высылкѣ Мусину-Пушкину *трехъ* изъ пяти хронографовъ, найденныхъ въ библіотекѣ архіерейскаго дома.

Далѣе, Барсовъ остроумно разбираетъ отношеніе начала сборника, заключавшаго „Гранаграфъ", къ концу XVI, къ началу XVII в.в. Однако, тутъ же Барсовъ прибавляетъ, что остальныя статьи сборника могли быть приплетены къ хронографу и написаны гораздо ранѣе. Нельзя только согласиться съ почтеннымъ авторомъ въ томъ, что повѣсть о Синагриппѣ, изъ которой Карамзинъ привелъ въ своей Исторіи выдержку по погибшей рукописи гр. Мусина-Пушкина, заключавшей Слово о Полку Игоревѣ, относится къ XVI в. Напротивъ, эта редакція Синагриппа ранѣе XVI в. и относится, по крайней мѣрѣ, къ XV в., если не древнѣе (см. А. Н. Пыпина: Очеркъ исторіи старин. повѣстей). Отвергая свидѣтельство гр. Мусина-Пушкина, Тихонравовъ и Барсовъ опираются на недостаткахъ, неточностяхъ изданія 1800 г., прибѣгаютъ къ сравненіямъ съ архивной рукописью, съ бумагами Малиновскаго. По мнѣнію Тихонравова, архивная рукопись даетъ цѣнныя указанія въ палеографическомъ отношеніи и исправляетъ нѣкоторыя чтенія изданія 1800 г.; по мнѣнію Барсова, черновыя бумаги Малиновскаго съ выписками темныхъ мѣстъ изъ рукописи Слова представляютъ точныя выписки, скопированныя съ погибшей рукописи. Но мы не можемъ согласиться съ этими мнѣніями, если только обратимся къ происхожденію этихъ выписокъ и списковъ, къ исторіи издательской дѣятельности гр. Мусина-Пушкина и его сотрудниковъ. Въ 1792 г. Мусинъ-Пушкинъ вмѣстѣ съ извѣстными въ XVIII в. историками, Болтинымъ (умеръ въ 1792 г., въ октябрѣ) и Елагинымъ (ум. въ 1796) издалъ Русскую Правду „со всею точностью, какъ заявляетъ въ предисловіи, въ полъ-страницы церковными буквами ради лучшаго изображенія древнихъ словъ и правописанія, а противъ текста, въ другомъ столбцѣ, поставилъ преложеніе на нынѣшнее нарѣчіе гражданскими буквами". При изданіи приложены толкованія словъ и словарь съ объясненіями древнихъ словъ. Калайдовичъ отмѣтилъ, что издатели имѣли подъ руками пергаменную рукопись изъ Тихвинскаго монастыря, но при этомъ упрекнулъ издателей въ томъ, „для чего не описана рукопись, съ коей Правда Русская напечатана, не показаны источники, откуда почерпнуты любопытныя извѣстія о нравахъ и обычаяхъ древнихъ Руссовъ... и на ка-

кихъ источникахъ основаны важныя замѣчанія о древнемъ нарѣчіи сихъ достопамятныхъ законовъ".

Въ 1793 г. Мусинъ-Пушкинъ издалъ Духовную (какъ онъ назвалъ „Поученіе") Владиміра Мономаха по пергаменному Лаврентьевскому списку лѣтописи „со всевозможною точностію, такъ что не только реченіе, но ниже буква одна не проронена и не перемѣнена"—церковнославянскими буквами въ полъ-страницы, а съ другой стороны напечаталъ гражданкой и переложеніе, сдѣланное съ помощію пріятелей, „на Славянороссійскій языкъ и присовокупилъ примѣчанія". Если мы сравнимъ хотя бы только эти два изданія Мусина-Пушкина съ изданіемъ его 1800 г. „Слова о Полку Игоревѣ", то найдемъ тѣже внѣшніе пріемы изданія (изданіе въ два столбца, съ примѣчаніями внизу страницъ; переложеніе на употребляемое нынѣ нарѣчіе), но текстъ Слова напечатанъ не церковнославянскими буквами, а скорописной гражданкой. Можно догадываться, что выборъ такого шрифта для Слова о Полку Игоревѣ произошелъ по двумъ причинамъ, указаннымъ издателями: во первыхъ, Пѣснь Игорева, по опредѣленію издателей 1800 г., писана стариннымъ русскимъ языкомъ; во вторыхъ, ни по матеріалу, ни по почерку письма (т. е. по палеографическимъ признакамъ) рукопись Слова не могла сравниться съ рукописями Русской Правды и Духовной Владиміра Мономаха.

Послѣдняя издана въ 1792 г. по Лаврентьевской лѣтописи. Пользуясь изданіями Археографической коммиссіи (между прочимъ, изданіемъ 1872 г. посредствомъ свѣтопечати), мы можемъ провѣрить изданіе Мусина-Пушкина. Несмотря на заявленіе издателей о точности изданія Духовной по рукописи, мы находимъ множество отступленій: въ изданіи 1792 г. наставлены ударенія, знаки придыханія, знаки препинанія и заглавныя буквы, какихъ нѣтъ въ рукописи; раскрыты титла и измѣнены буквы, а нѣкоторыя поставлены произвольно. Такъ вмѣсто *ѣ* является *е* и наоборотъ; тоже должно замѣтить относительно *ы* и *и*, *ъ* и *ь*, *у* и *ю*, и проч. Заслуживаютъ вниманія еще слѣдующія ошибки: кто вм. то, будете вм. будет, день вм. днесь (въ рукописи: дн҃ь), побѣждаетъ вм. побѣжает, лицахъ вм. лицих, съ оставкомъ вм. составкомь, дѣяше вм. дѣяшеть, благовласнымъ вм. блг҃влнымъ (читай: благословленымъ), не домысли вм. не дошелъ; есть пропуски частицъ, вставки лишнихъ буквъ.

Прежде всего мы должны указать на извиняющія оправдывающія обстоятельства для русскихъ издателей конца XVIII в.: въ то время не существовало еще никакого представленія о славянорусской палеографіи и объ исторіи русскаго языка. Труды знаменитаго Востокова въ этомъ научномъ направленіи начинаются съ 1817 г. Но эти ошибки поучительны для правильнаго сужденія объ отношеніи изданія Слова о Полку Игоревѣ 1800 г. къ погибшей рукописи. Едва ли можно послѣ этихъ данныхъ утверждать, что всѣ недостатки изданія 1800 г. принадлежатъ только списку погибшей рукописи, а не самимъ издателямъ.

Если мы примемъ во вниманіе всѣ эти ошибки Мусина-Пушкина съ сотрудниками, то будетъ совершенно очевидно, какъ шатки доводы Тихонравова и Барсова. Изъ ошибокъ, допущенныхъ въ изданіи Духовной Мономаха, мы можемъ вывести заключеніе, что издатели Слова о Полку Игоревѣ отъ себя подновили правописаніе: напримѣръ, подставили *з* въ концѣ предлоговъ и многихъ словъ, спутали—*з* и *ѕ*, *ѣ* и *е*, и проч., кое-гдѣ неправильно прочли и раздѣлили слова, не соблюдали титлъ и надстрочныхъ знаковъ. Что касается архивнаго или Екатерининскаго списка Слова, то онъ предшествовалъ изданію 1800 г.—года на четыре и былъ результатомъ первыхъ петербургскихъ занятій гр. Мусина-Пушкина рукописью Слова; слѣдовательно, этотъ списокъ, если и имѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ близкое отношеніе къ правописанію рукописи, то въ другихъ многихъ отношеніяхъ хуже московскаго изданія Слова 1800 г., копія котораго не разъ подвергалась сличенію съ подлинной рукописью.

Что же можно вывести изъ всего сказаннаго о погибшей рукописи Слова, объ отношеніи къ ней первыхъ издателей?—Большой сборникъ, въ листъ, содержавшій хронографъ и переводныя византійскія повѣсти, среди которыхъ было списано и Слово о Полку Игоревѣ, былъ полученъ Мусинымъ-Пушкинымъ изъ какой-то монастырской библіотеки. Слово о Полку Игоревѣ могло быть списано въ этомъ сборникѣ съ оригинала, который представлялъ собраніе старинныхъ переводныхъ повѣстей съ Словомъ о Полку Игоревѣ. Можетъ быть, Слово уже въ древности распространялось преимущественно въ подобныхъ сборникахъ, какъ русское поученіе Георгія Зарубскаго, конца XII в., всегда входило въ списки переводныхъ словъ Ефрема Сирина, и т. п. Конечно, рукопись Слова въ сборникѣ Мусина-Пушкина относилась къ

концу XV в. или къ началу XVI в. Насъ не должно удивлять отсутствіе болѣе раннихъ списковъ Слова. Вспомнимъ Поученіе Владиміра Мономаха, дошедшее до насъ въ единственномъ спискѣ XIV в., въ Лаврентьевской лѣтописи 1377 г. Это—памятникъ литературы XI в. Почему же памятникъ конца XII или начала XIII в., какъ Слово о Полку Игоревѣ, не могъ дойти до насъ только въ единственномъ спискѣ XV—XVI в.в.? Въ южной Руси погибли почти всѣ памятники письменности отъ XI до XV ст. Среди религіозныхъ споровъ сберегались еще старыя церковныя книги и надо удивляться, какъ въ монастырскихъ книгохранилищахъ сберегліись повѣсти, апокрифы, отреченныя книги. Рукопись Слова относилась къ спискамъ сѣверовосточной Руси, быть можетъ,—къ псковскимъ спискамъ, знающимъ мѣну *с* и *ш*, *з* и *ж*, *ч* и *ц* (напримѣръ *ш*изымъ, друзѣ, Русичи и Русици, вѣци и вѣчи, луци и лучи и проч.). Мусинъ-Пушкинъ, какъ и его современники, былъ поглощенъ переводной работой надъ Словомъ. Среди русскихъ ученыхъ конца XVIII ст. были уже распространены переводы Слова. Малиновскій въ Москвѣ досталъ такой переводъ, когда рукопись и гр. Мусинъ-Пушкинъ находились еще въ Петербургѣ. Копія для Екатерины II, т. н. Архивная рукопись, представляетъ уже результатъ работы Мусина-Пушкина надъ разборомъ рукописи: въ архивномъ спискѣ введена уже новѣйшая пунктуація, раздѣлены слова, подставлены заглавныя буквы при предполагаемыхъ и настоящихъ собственныхъ именахъ, подставлены ъ, ь—но еще не вездѣ, какъ въ изданіи 1800 г.; наконецъ, есть и незначительные пропуски противъ изданія 1800 г., но за то нѣтъ ничего лишняго сравнительно съ послѣднимъ.

Переходимъ теперь къ изученію Слова въ выдающихся трудахъ и въ главныхъ направленіяхъ. Конечно, въ этомъ изученіи первое мѣсто принадлежитъ первымъ издателямъ Слова 1800 г. Ихъ трудами была разобрана рукопись Слова, выдѣлены слова изъ связнаго письма и придано этимъ словамъ извѣстное значеніе. Въ лѣтописяхъ и еще болѣе въ „Исторіи Россійской“ Татищева первые издатели и истолкователи Слова искали основаній для его объясненія, преимущественно со стороны исторической, почему и предисловіе къ изданію 1800 г. носитъ одно заглавіе: „Историческое содержаніе пѣсни“. Первымъ издателямъ и истолкователямъ Слова принадлежитъ введеніе и такихъ новыхъ собственныхъ именъ и названій, какъ:

Боянъ, Троянъ, Карна и Жля (предводители половцевъ), Кощея (стр. 22 собствен. имя), Дебрь Кисаню, Бусово время, Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревугы, Ольберы, Шеломянемъ (10 стр.: село въ области Переясловской), Уримъ, (27 одинъ изъ воеводъ кн. Игоря), Чага (=Кончакъ, 28 стр.), Деремела, Хинова, и проч. Но нѣкоторыя выраженія въ Словѣ отмѣчены первыми издателями, какъ „невразумительныя, неизвѣстныя"; нѣкоторыя—остались и безъ перевода.

Послѣ первыхъ издателей Слова мы должны остановиться на первыхъ скептикахъ въ изученіи Слова. Необычайность открытія этого поэтическаго памятника XII в. смутила такихъ выдающихся изслѣдователей и собирателей русской старины, конца XVIII—начала XIX ст., какъ извѣстный впослѣдствіи мит. Евгеній, до конца жизни не признававшій древности происхожденія Слова (онъ считалъ его позднимъ памятникомъ, написаннымъ не ранѣе XVI в.), какъ гр. Румянцевъ, считавшій Слово поддѣлкой XVIII в. Даже извѣстный Шлецеръ сперва усумнился въ подлинности и древности Слова; но послѣ выхода въ свѣтъ изданія 1800 г., въ изслѣдованіи о Несторѣ, Шлецеръ выразился: „это твореніе въ піитической прозѣ есть древнее и даже подлинное; теперь я болѣе не сомнѣваюсь". Но никто такъ не сомнѣвался въ подлинности Слова въ началѣ настоящаго столѣтія, какъ гр. Румянцевъ, „имѣвшій сильные предразсудки въ опасеніи къ поддѣлкѣ древнихъ рукописей" (Лѣтописи рус. литер. Тихонравова, III, отд. II, стр. 82). Гр. Румянцевъ старался представить и доказательства подложности Слова. Такъ онъ указывалъ, что слова „Солтани, Венедици, жемчугъ, которой" не свойственны XII в., а образъ Богородицы Пирогощей перенесенъ изъ Кіева во Владиміръ еще въ 1160 г. кн. Андреемъ Георгіевичемъ. Конечно, эти возраженія гр. Румянцева были неосновательны и могли смущать только начинающихъ заниматься русской филологіей и исторіей въ началѣ XIX ст.; хотя уже Карамзинъ сразу устранилъ одно изъ сомнѣній гр. Румянцева о Богородицѣ Пирогощей. По указанію Карамзина, изъ Кіева во Владиміръ была перенесена въ 1160 г. не Пирогощая икона Богородицы, а—икона, писанная, по преданью, евангелистомъ Лукой. Митр. Евгеній не хотѣлъ согласиться съ тѣмъ, что „Пѣснь Игорева" сочинена была въ XII ст. и относилъ ея происхожденіе къ XV—XVI в.в., опираясь на выраженіи Слова „старыми словесы". Въ этомъ выраженіи Евгеній видѣлъ указаніе на поддѣлку автора Слова подъ старинный слогъ.

Мало того, почтенный изслѣдователь русской старины не признавалъ въ Словѣ и литературныхъ достоинствъ. Пѣснь Игорева по высокопарности слога напоминала Евгенію болѣе арабскія и татарскія пѣсни, чѣмъ—греческія или сѣверныя саги.

Къ этому же времени относится такое крайнее скептическое мнѣніе о Словѣ, какое высказалъ Годебскій (Dzieła wierszem i prozą Cypr. Godebskiego, Warszawa, 1821 г. II, 308 стр. и далѣе), приписавъ Слово—сочиненію гр. Мусина-Пушкина: Wyprawa Jgora przeciw Połowcom, *poema*, Alexego Iwanowicza Mussin-Puszkina". Г. указываетъ въ поэмѣ „wszędzie duch poźnieyszych czasów", называетъ Слово—apokryf. Не останавливаясь особенно на этомъ вопросѣ, какъ не вызывающемъ никакихъ сомнѣній (что авторъ Слова—śpiewak dzisieyszy, въ родѣ Лафонтена) Г. знакомитъ съ выдающимися мѣстами Слова и, между прочимъ, почти на 5 страницахъ помѣщаетъ Żal Eutrozyny Jarosławny, po mężu swoim Igorze", который на самомъ дѣлѣ является самостоятельнымъ поэтическимъ измышленіемъ Годебскаго.

Между тѣмъ Калайдовичъ и Тимковскій, предлагавшіе гр. Мусину-Пушкину вопросы о погибшей рукописи Слова, нашли первыя вѣскія подтвержденія его подлинности. Калайдовичъ открылъ въ пергаминномъ псковскомъ Апостолѣ 1307 г. слѣдующую приписку на послѣднемъ листѣ (рукопись эта находится въ Московск. Синод. б—кѣ): „при сихъ князехъ сѣяшется и ростяше оусобицами. гыняше жизнь наша въ князѣхъ, которы и вѣци скоротишася чл҃вкмъ". Въ письмѣ отъ 13 дек. 1813 г. къ гр. Мусину-Пушкину Калайдовичъ пишетъ объ этой находкѣ: „Вы изволите усмотрѣть изъ сравненія (въ Словѣ: „Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь—Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась" по изд. 1800 г.), что сіе любопытное мѣсто столь сходно одно съ другимъ, что кажется игуменъ Зосима (сдѣлавшій эту приписку въ Апостолѣ 1307 г., начинающуюся словами: „сего же лѣт. быс бой на русьской земли. михаилъ съ юрьемь о княженье новгородьское") имѣлъ передъ собою Пѣснь Игореву, незадолго передъ нимъ сочиненную" (К. Ѳ. Калайдовичъ. *П. Безсонова*. М. 1862 г., стр. 97—98). Однако м. Евгеній такъ же, какъ современный ученый, академикъ Веселовскій (Ж. М. Н. Пр. 1877, авг., стр. 306), думалъ, что эта приписка могла возникнуть независимо отъ Слова о Полку Игоревѣ.

Тимковскій нашелъ еще болѣе вѣское подтвержденіе подлинности Слова, его извѣстности въ древнерусской литературѣ, открывъ Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, или т. н. „Задонщину“, въ которой находятся подражанія и повторенія изъ Слова о Полку Игоревѣ. Въ то же время другой списокъ Задонщины былъ открытъ Карамзинымъ, который уже указывалъ на значительное сходство Слова съ Волынской лѣтописью и объяснялъ изъ выраженій лѣтописи многія выраженія Слова. Но для ученыхъ въ началѣ XIX в. оставались совершенно непонятными многія изъ выраженій и собственныхъ названій Слова: Тимковскій и Евгеній не понимали сначала даже такихъ словъ, какъ „зегзица, харалужный“, и т. п. Между тѣмъ Калайдовича и его ближайшихъ современниковъ занималъ вопросъ: на какомъ языкѣ написана „Пѣснь Игорева“, на—древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Св. Писанія, или на какомъ либо областномъ нарѣчіи? Въ 1818 г. Калайдовичъ напечаталъ „Опытъ рѣшенія“ этого вопроса. Въ этой статьѣ Калайдовичъ утверждалъ, что Слово о Полку Игоревѣ написано на славянорусскомъ языкѣ въ южной Руси, близко къ Польшѣ; въ подкрѣпленіе этого мнѣнія К. указывалъ въ Словѣ слова малороссійскія и польскія; но онъ не рѣшался утверждать, какъ слѣдовавшіе за нимъ изслѣдователи, что Слово написано на областномъ малорусскомъ нарѣчіи или даже по-польски.

Мы должны здѣсь сказать хотя нѣсколько словъ о первыхъ стихотворныхъ переложеніяхъ Слова, принадлежащихъ Сѣрякову (1803 г.), Палицыну (1808), Язвицкому (1812) и Левицкому (1813). Переводы Сѣрякова, Язвицкаго и Левицкаго написаны тѣмъ же искусственнымъ размѣромъ, какъ извѣстная сказочная поэма Карамзина „Илья Муромецъ“, которой подражалъ молодой Пушкинъ въ лицейскомъ стихотвореніи о Бовѣ. Сѣряковъ держался ближе къ подлиннику; но Левицкій до того распространилъ свое переложеніе излишними подробностями, что его переводъ скорѣе можетъ быть названъ вольнымъ подражаніемъ Слову. Переводъ Палицына написанъ шестистопнымъ ямбомъ въ стилѣ ложно-классическихъ поэмъ XVIII в. въ родѣ Хераскова. Въ переводѣ Сѣрякова особенно ясны слѣды сентиментализма съ прибавкой вздоховъ, какихъ нѣтъ въ оригиналѣ. Изъ этого можно заключить, что эти первыя стихотворныя переложенія Слова отражали еще недостаточное пониманіе памятника, какъ только поэмы въ родѣ Оссіана.

Въ 1816 г. Карамзинъ въ первыхъ трехъ томахъ Исторіи Государства Россійскаго сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о Словѣ, при чемъ привелъ его содержаніе съ самостоятельнымъ истолкованіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ (III томъ, VII гл.). Изложеніе Слова, сдѣланное Карамзинымъ, признается настолько важнымъ по непосредственному знакомству историка съ погибшей рукописью, что нерѣдко приводится въ изданіяхъ Слова рядомъ съ выдержками изъ лѣтописей о несчастномъ походѣ Игоря. По мнѣнію Карамзина Слово сочинено въ XII в. мірянином, ибо монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ и приписывать имъ дѣйствія естественныя. Источниками или образцами для автора Слова Карамзинъ предполагалъ богатырскія сказки, пѣсни Бояновы и другихъ многихъ стихотворцевъ, которые исчезли въ пространствѣ семи—восьми вѣковъ.

Въ 1819 г. вышелъ переводъ Слова съ примѣчаніями и перепечаткой текста Пожарскаго (Слово о Полку Игоря Святославича, вновь переложенное, и проч.). Въ краткомъ предисловіи Пожарскій такъ говоритъ о своихъ предшественникахъ: „Подлинная оного (Слова) рукопись принадлежитъ (? въ 1819 г. ея уже не было) Гр. Мусину-Пушкину... Шишковъ сдѣлалъ на оное (переложеніе Мусина-Пушкина) примѣчанія и присовокупилъ свое преложеніе, Палицынъ, Язвицкій и нѣкто Левитскій переложили въ стихи, а Мюллеръ—перевелъ на нѣмецкій языкъ; но сіи послѣдніе твердо положились на переложеніе и примѣчанія, не обративъ вниманія на подлинникъ“. Въ послѣднихъ словахъ довольно вѣрно указано первоначальное направленіе въ изученіи Слова. Новыя сличенія Пожарскаго выраженій Слова съ славянскими языками, осебенно съ польскимъ, были признаны Кеппеномъ, митр. Евгеніемъ, гр. Румянцевымъ основательными и дѣйствительно таковы объясненія словъ: крѣсить, жирныи, зегзица, докуръ, дивъ, хорсъ. Чтобы понять превосходство нѣкоторыхъ объясненій Пожарскаго надъ предшествующими, достаточно указать напр. на слѣдующее. „Дива“ первые издатели переводили „филиномъ“, а Шишковъ разумѣлъ подъ дивомъ „Половецкое правительство, пекущееся о безопасности народной“; Пожарскій,—основываясь на понятіяхъ о дивѣ въ славянскихъ языкахъ (польск. dziw въ смыслѣ чудо, чудовище) объясняетъ диво-чудомъ, чудовищемъ. Первые издатели переводили „до—куръ“ — до Курска, а Пожарскій основательно объясняетъ куръ—пѣтелъ, пѣтухъ. Пожарскій пытался сопоставлять Слово съ Краледвор-

ской рукописью, только что изданной въ 1819 г. А. И. Смирновъ и Е. В. Барсовъ умаляютъ значеніе труда Пожарскаго и указываютъ даже, что его сопоставленія Слова съ польскимъ яз. подали поводъ польскимъ ученымъ, какъ Бѣлевскому, Вишневскому, Лукашевичу и Мацѣевскому, утверждать, что Слово написано польско-русскимъ нарѣчіемъ и составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ достояніе польской литературы. Во всякомъ случаѣ, объясненія Пожарскаго представляютъ успѣхъ въ изученіи Слова. Теперь всѣ усилія изслѣдователей Слова направляются къ уясненію его выраженій путемъ сопоставленія съ славянскими словами и съ древними памятниками. Послѣднимъ представителемъ этого направленія, какъ увидимъ дальше, является Дубенскій уже въ началѣ 40-хъ годовъ.

Въ статьѣ Буткова (Вѣстн. Евр. 1821 г., ч. CXXI: „Нѣчто къ Слову о П. И.“) мы встрѣчаемся едва ли не впервые съ стремленіемъ исправить ошибки въ текстѣ Слова: „погрѣшности перепищиковъ покрыли нѣкоторыя мѣста онаго непонятностію, нѣкоторыя несогласіемъ съ лѣтописями“. Вотъ существенныя поправки Б.: вм. Хръсови=Днѣпрови; вм. повелѣя отца=повелѣлъ ять тьстя; а сынъ Всеволожь Владиміръ; вм. не шеломяненъ=за; вм. тльковинъ=половчинъ (въ изд. 1800 переведено „раковинъ“, у Пожарскаго—мѣшокъ); вм. Уримъ=у Римъ (=Римовъ); Рекъ Боянъ и ходы на=година, или шкоды, исходъ (кончину жизни); вм. коганю=коханый; вм. босуви=бѣсовы или босые; хинъ, хинова=Гунны. Кромѣ того, Бутковъ старается доказать слѣд.: „шеломя“=Изюмскій высокій курганъ; Велесъ не богъ, а дѣйствительный дѣдъ Бояновъ, упоминаемый въ лѣтописяхъ подъ 1187, 1194 и др.; обращенія сочинителя Слова „братіе“ указываютъ на такія же сообщества нашихъ древнихъ поэтовъ, какія существуютъ на Кавказѣ, въ Кабардѣ—„Кягако“. Къ числу удачныхъ объясненій Б. относится сопоставленіе Олега „Гориславича“ съ прозваніемъ Рогнѣды „Гориславою“ (40 стр.); но объясненія „хоти“ изъ ногайскаго и татарскаго—хотунь, катунь, и др. нельзя признать удачными.

Въ трудѣ Грамматина 1823 г. („Слово о Полку Игоревомъ, Ироическая поема, писанная въ началѣ XIII в. на славенскомъ языкѣ прозою, и съ оной преложенная стихами древнѣйшаго Русскаго размѣра, съ присовокупленіемъ—другаго буквальнаго преложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною“ таково длинное заглавіе этого труда) мы

впервые встрѣчаемся съ поправками текста Слова по изд. 1800 г. Поправокъ этихъ у Грамматина много; нѣкоторыя изъ нихъ указываютъ на незнаніе древнерусскаго языка, другіе—произвольны и очень немногія—основательны. Замѣчательны попытки Грамматина дѣлать перестановки въ текстѣ Слова, таковы: „спали князю умъ похоти *искусити Дону великаго*, и жалость ему знаменіе заступи“ (въ изд. 1800 г.: „Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго“); „Рекъ Боянъ и ходы *на Коганя*“ и проч. Къ числу произвольныхъ поправокъ относятся замѣны именъ и названій: Олега—Владиміромъ, Кощея—Гзакомъ, Ярослава—Изяславомъ по Дунаеви—по Донови. Грамматинъ принялъ и чтенія Карамзина: сѣчи вм. вѣчи, по сѣчѣ я вм. повелѣя. Къ числу основательныхъ исправленій можно отнести: къмети вм. къ мети, одѣваху вм. одѣвахъ—те, за шеломянемъ вм. не Шеломянемъ. Въ объясненіяхъ выраженій Слова у Грамматина много уже удачнаго, но теоретическія его воззрѣнія на Слово, какъ на литературный памятникъ, не уходятъ далѣе первыхъ толкователей Слова: сравненія съ Оссіаномъ стоятъ на первомъ планѣ. Затѣмъ, слѣдуя ложноклассической теоріи, Грамматинъ называетъ Слово не эпическою поэмою, а только историческою, отыскиваетъ въ ней единство дѣйствія и мѣста, и т. п. Грамматинъ пытался передать Слово въ стихахъ какъ можно ближе къ подлиннику, но выбралъ для образца тотъ же сказочный размѣръ, какимъ уже пользовались его предшественники.

Кромѣ объясненія словъ и выраженій въ это время занимаются и сопоставленіями Слова съ лѣтописями. Такова статья Арцыбышева 1826 г. „Игорь или война Половецкая“ (въ Вѣстникѣ Европы, т. 147), посвященная разбору лѣтописныхъ сказаній о походѣ 1185 г. противъ половцевъ. Здѣсь впервые затронутъ вопросъ о топографіи этого несчастнаго похода—о рѣкахъ Каялѣ, Сальницѣ и Сюурліѣ. Тоже Арцыбышевъ повторяетъ въ „Повѣствованіи о Россіи“ (см. т. I, стр. 234—240): „едва ли Сальницею не называется рѣка, падающая въ Донецъ съ лѣвой стороны, между Осколомъ и Боровскою“; „Сюурлій—не Ольховый ли колодезь, падающій въ Донецъ ниже Боровой 20 верстъ старыхъ“; „Каяла-не Айдаръ ли, падающій въ Донецъ, ниже Ольховаго колодца въ 30 верстахъ?“.

Съ начала 30-хъ годовъ въ изученіи Слова о Полку Игоревѣ наступаетъ второй періодъ развитія скептицизма. Теперь противъ

подлинности Слова выступаютъ такіе ученые какъ Строевъ, Каченовскій, Бѣликовъ, Давыдовъ, Сенковскій, съ болѣе научными пріемами, чѣмъ первые скептики, какъ гр. Румянцевъ и др. Ихъ скептическое отношеніе распространялось на Слово, точно такъ же, какъ и на другіе памятники древнерусской письменности.

Не признавая зачатковъ культуры и образованности въ древнерусской жизни, вѣря въ одно только варварство этого отдаленнаго времени и опасаясь подлоговъ, скептики 30—40-хъ годовъ отчасти издѣвались надъ вѣрующими въ старинные русскіе памятники, отчасти старались отыскать доказательства подложности памятниковъ. Мы считаемъ лишнимъ останавливаться на всѣхъ частностяхъ въ мнѣніяхъ скептиковъ. Заслуживаютъ вниманія преимущественно мнѣнія московскаго проф. Каченовскаго, которыя развивали въ своихъ статьяхъ его ученики, и мнѣніе Сенковскаго, который проводилъ особенно рьяно въ текущей журналистикѣ, съ 1834 по 1854 г., недовѣріе къ Слову о Полку Игоревѣ. Какъ Каченовскій, такъ и его послѣдователи, особенно Бѣликовъ („Нѣкоторыя изслѣдованія о Словѣ о П. И.“—въ Учен. зап. Московск. Унив. 1834), указывали не только на смѣшанный лексическій составъ Слова, на позднее появленіе нѣкоторыхъ предметовъ, которые упоминаются въ Словѣ, на анахронизмы и галлицизмы, но и на одинокое положеніе Слова въ древперусской письменности, на таинственность и неизвѣстность, окружающія Слово и его автора. Одинъ изъ защитниковъ Слова въ 30—40-хъ годахъ (Дубенскій) говоритъ: „удивительно, что даже не вѣрятъ въ бытіе книги, гдѣ сохранилось Слово о Полку Игоревѣ“, т. е. скептики заподозрѣвали Мусина-Пушкина и его сотрудниковъ въ подлогѣ. Бѣликовъ, какъ и другіе скептики, ждалъ разгадки (Строевъ называлъ Слово—„Проблемой Русской Словесности XII в.“) темнаго происхожденія Слова отъ филологическаго изслѣдованія его языка. Каченовскій находилъ въ Словѣ слова и фразы, построенныя или по образцу французскихъ, или польскихъ, или по образцу позднѣйшихъ преимущественно великорусскихъ народныхъ фразъ. Послѣднее выставлялось, какъ доказательство не автентичности Слова на югѣ. Но всѣхъ дольше нападалъ на Слово, какъ мы уже упоминали, редакторъ „Библіотеки для чтенія“, Сенковскій, выходки котораго противъ подлинности Слова тянутся отъ 1834 до 1854 г. Въ 1834 г. Сенковскій высказывалъ мнѣніе, что Слово скроено по образцу поэмъ Оссіана, что

многое въ немъ отзывается новѣйшими европейскими выраженіями, напр. французскимъ языкомъ или утонченной латынью Цицерона и Квинтиліана. Въ Словѣ много новаго и мало общаго съ средневѣковой поэзіей. Увлеченіе Оссіаномъ въ концѣ XVIII ст. вызвало, по мнѣнію Сенковскаго, и „опытъ русской поэзіи". Въ 1837 г. Сенковскій, подсмѣиваясь надъ вѣрующимъ въ подлинность Слова, Максимовичемъ, утверждалъ, что Слово написано хорошимъ латыньщикомъ, который долженъ быть, судя по языку, или сербомъ, или карпаторуссомъ. Въ 40-хъ годахъ не вѣрили Оссіану. Чаттертонъ и Макферсонъ пріобрѣли славу ловкихъ поддѣлывателей (что, какъ извѣстно, не совсѣмъ вѣрно). Даже Краледворская рукопись успѣла уже въ это время пріобрѣсти славу поддѣлки. И вотъ Сенковскій въ 1847 г. обращаетъ вниманіе на то, что открытіе Слова совпадаетъ какъ разъ со всѣми этими подозрительными памятниками. Всѣ подобныя находки, говоритъ онъ, непремѣнно встрѣчаются въ одномъ спискѣ. Въ 1854 г. Сенковскій съ обычной своей развязностью и подробнѣе чѣмъ раньше развилъ свое мнѣніе объ авторѣ Слова о Полку Игоревѣ. Приведемъ хотя нѣсколько выдержекъ, сохраняя саркастическія выраженія Сенковскаго. Авторъ Слова, по его мнѣнію, „русскій прошлаго столѣтія (XVIII), человѣкъ, уже занимающійся отечественною исторіею ученымъ образомъ... Воспитанъ онъ въ семинаріи, или въ духовной академіи. Объ историческомъ предметѣ онъ берется написать не сочиненіе свѣтскаго покроя, но Слово и даетъ труду своему форму Слова—начинаетъ обращеніемъ къ братіи и, истощивъ все свое риторическое искусство на перорацію, пропозицію, экспозицію, адмониціи, конклюзію, оканчиваетъ словомъ „аминь". Онъ ученый миѳологъ, читавшій разныя о ней разысканія. Онъ пишетъ не Во́лосъ, Хоресъ, а правильно Велесъ, Хорсъ. Онъ критикуетъ Бояна... Онъ, или питомецъ Львовской академіи изъ Русскихъ, или питомецъ Кіевской академіи изъ галичанъ, написалъ онъ это Слово на заданную тему по части риторики и піитики около времени Петра Великаго или въ началѣ царствованія Сигизмунда Августа, когда развилась страсть къ миѳологіи", и проч.

Сущность воззрѣній скептиковъ на Слово сводится къ двумъ главнымъ мнѣніямъ: одни считали этотъ памятникъ—поддѣлкой XVIII в. и искали въ немъ французскихъ выраженій русскихъ образованныхъ людей этого вѣка; другіе скептики считали Слово позднимъ памятникомъ XVI—XVII в.в. и искали въ немъ особенностей литературной

рѣчи югозападныхъ писателей этого времени. Замѣчательно, что послѣ скептиковъ 30—40-хъ годовъ никто уже позднѣе не поднималъ въ русской печати вопроса о сомнительномъ или подложномъ происхожденіи Слова о Полку Игоревѣ[1]), однако скептическое отношеніе къ Слову о П. И. оказало вліяніе на его дальнѣйшую разработку, конечно, вліяніе отрицательное. Въ защиту Слова явились уже въ 30-хъ годахъ не только полемическія статьи, но и нѣкоторыя изслѣдованія Слова въ новомъ научномъ направленіи.

Въ 1834 г. явились двѣ статьи въ защиту Слова—Руссова (О подлинности стихотворенія, извѣстнаго подъ названіемъ Слова) и Буткова (Сынъ От., № 52: О войнѣ в. кн. Святослава съ Тугоркановъ). Руссовъ старался доказать невозможность поддѣлки тѣмъ, что пришлось бы для этого изучить множество языковъ, памятниковъ древности, археологію, и проч. Слабость возраженій Р. проявляется особенно въ томъ, что предполагаемое сходство нѣкоторыхъ выраженій Слова съ языкомъ писателей XVIII в. онъ объяснялъ особенной геніальностью автора Слова. Бутковъ основательнѣе указалъ на древнерусскія лѣтописи, въ которыхъ находятся многія изъ словъ, заподозрѣнныхъ скептиками, (оксамитъ, пардусъ, туръ, и проч.). Еще съ болѣе основательными возраженіями выступилъ Максимовичъ. Но мы упомянемъ прежде о взглядахъ на Слово Полеваго Н. (въ „Исторіи Русскаго Народа“, 1830 г. и въ Москов. Телегр. 1833 г.) и Глаголева („Умозрительныя и опытныя основанія Словесности“, 1834 г.). У Полеваго мы впервые встрѣчаемся съ мнѣніемъ о развитіи древнерусской поэзіи, о пѣвцахъ въ древней Руси и предшествующихъ Слову „пѣснопѣніяхъ“. Въ лѣтописныхъ сказаніяхъ до XIII в. (напр. о смерти Аскольда и Дира, о походѣ Олега на Царьградъ, о смерти Олега, и пр.), которыя П. сравниваетъ съ сагами, онъ видитъ миѳическо-героическую поэзію

---

[1]) Однако въ нѣмецкой литературѣ мы встрѣчаемся въ 1868 г. съ такимъ страннымъ мнѣніемъ *Каррьера* (Die Kunst im Zusammenhang der Kulturentwickelung etc. Moriz Carriere, III b., 2 abt., 29—30 стр.): „Gedichte auf Jgor's Zug, in welchem angeblich eine Begebenheit aus dem Jahre 1185 in der Sprache des 14 Jahrhunderts besungen sein soll (?). Wesz Geistes Kind das Ganze ist... Es ist für mich unzweifelhaft eine Nachahmung des Macpherson'schen Ossian. Jn sprachlicher Hinsicht bestätigt mir Bodenstedt dies (очевидно, Боденштедтъ раздѣлялъ еще старинный взглядъ Каченовскаго съ его аргументаціей) durch die Bemerkung, dasz Ausdrucksweisen und Wörter verschiedener Dialekte und Jahrhunderte vermengt sind“.

Руссовъ, которая завершилась Словомъ о П. И. Отсюда въ Словѣ смѣшеніе язычества съ христіанствомъ. Слѣдующее развитіе поэзіи въ поэмахъ, какъ сказаніе о Задонской битвѣ, принимаетъ характеръ религіозно-героическій и выражается въ прозаической формѣ. Интересно, что П. усматривалъ въ лицѣ „Трояна“ Слова о П. И. в. кн. Владиміра св.— Глаголевъ первый обратилъ вниманіе на постоянные эпитеты въ Словѣ о П. И., на символику, сравненія отрицательныя, изображенія сраженія въ образахъ брачнаго пира или земледѣльческихъ занятій.

Максимовичъ первый указалъ на сходство всѣхъ этихъ особенностей стиля Слова съ русской народной поэзіей, и это былъ важный шагъ въ научной разработкѣ Слова. Это было начало новаго научнаго направленія, которому вскорѣ придалъ общій смыслъ Буслаевъ, указавъ на миѳологію Слова. Мы уже упоминали выше, что В. Гриммъ еще въ 1812 г. обратилъ вниманіе на поразительное сходство Слова съ народной поэзіей; но въ русской литературѣ статья эта осталась незамѣченной, и Максимовичу, дѣйствительно, принадлежитъ честь первыхъ сличеній Слова съ народной поэзіей. Въ III т. Собранія сочиненій М. А. Максимовича (изд. въ Кіевѣ, 1880 г.) помѣщены всѣ статьи его о Словѣ, въ началѣ которыхъ стоитъ цѣлый курсъ, посвященный одному Слову о Полку Игоревѣ. Этимъ курсомъ М. открылъ чтенія по Исторіи русской словесности во вновь открытомъ Университетѣ св. Владиміра въ 1834—35 г.г. (Лекціи эти были напечатаны въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1836—37 г.г.). Слово о П. И. Максимовичъ разсматриваетъ, какъ памятникъ „самородной древней русской поэзіи, имѣющій и важное историческое значеніе, поэтому онъ называетъ его „пѣсноповѣстью“. Изложивъ содержаніе и планъ Слова, раздѣленнаго для удобства на 14 частей, М. останавливается „на духѣ“ Слова, на „образѣ выраженій“ и языкѣ его. Внутреннее содержаніе Слова, его духъ М. открываетъ въ двухъ началахъ: въ любви къ землѣ Русской, къ ея славѣ и въ вѣрѣ въ жизнь природы и глубокаго съ нею сочувствія. Изъ первой любви проистекаютъ: ратный духъ, любовь къ минувшему и скорбь о настоящемъ, любовь къ пѣснопѣнію, изображенія битвы и смерти и любви женской. Духъ вѣры отражается: съ одной стороны, въ христіанскихъ представленіяхъ; съ другой,—въ слѣдахъ язычества, въ вѣрованіяхъ въ міръ духовъ, въ чудесное, въ знаменія природы. Затѣмъ М. разсматриваетъ образы выраженія въ Словѣ: подобія, народно—

поэтическую символику птицъ и звѣрей, повторенія. Здѣсь М. старается привести Слово въ тѣсную связь съ южнорусской поэзіей, при чемъ преимущественно опирается на изданныя имъ украинскія пѣсни, хотя приводитъ и нѣкоторыя пѣсни великорусскія. Особенно любопытна народно-поэтическая символика птицъ и звѣрей: соколъ—символъ храбрости и быстроты въ нападеніи, соловей—эмблема пѣвца, зегзица—символъ сиротства и родственной печали, вороны и галки—вѣстники горя и смерти, волкъ—символъ быстроты, и проч. О языкѣ Слова М. высказался, что онъ представляетъ соединеніе книжнаго славянскаго яз. (т. е. церковнославянскаго) съ народнымъ областнымъ, южнорусскимъ: „Языкъ Слова напоминаетъ языкъ Нестора, Мономаха, Кіевской и Волынской лѣтописей; онъ сильный, живой, звучный и яркій, несмотря на его разностихійность пестроту и неустоянность грамматическую". Касаясь вопроса о пѣсенномъ складѣ Слова, М. отвѣчаетъ: „Пѣснь Игорю могла быть сложена стихами и не для пѣнія и наоборотъ: могла быть пѣтою, не бывъ вся стихотвореніемъ". Такимъ образомъ, М. считалъ Слово по происхожденію исключительно книжнымъ сочиненіемъ.

Въ 1837 г. М. издалъ текстъ Слова съ поправками, въ которыхъ стремился придать однообразіе правописанію Слова (напр. въ постановкѣ глухихъ ъ, ь передъ плавными вездѣ по-русски и др.); затѣмъ указывалъ предполагаемыя перестановки и вставки въ Словѣ. Такъ два эпизода—воспоминаніе объ Олегѣ Гориславичѣ и о полоцкихъ князьяхъ—М. считалъ вставками, а извѣстное затруднительное мѣсто—„Рекъ Боянъ и ходы на" присоединялъ къ словамъ Бояна о Всеславѣ: „ни хитру, ни горазду", и пр. Въ этомъ отношеніи М. является предшественникомъ Буслаева и особенно Потебни.

Изъ позднѣйшихъ статей Максимовича особенно интересны: разборъ перевода Слова—Гербеля и объясненіе затруднительнаго мѣста „нъ рози нося имъ хоботы пашутъ", принимая „рози" въ значеніи роговъ молодого мѣсяца и опираясь на изображеніи военной хоругви на миніатюрахъ при житіи Бориса и Глѣба по списку XIV в.

Въ 1838 г., въ 3 т. „Русскаго Историческаго Сборника" И. Снегиревъ напечаталъ: „Повѣданіе о побоищѣ в. кн. Димитрія Ив. Донскаго", „Слово о житьи и о преставленіи в. кн. Димитрія Ив. Царя Русскаго" и „Слово о Плъку Игоревѣ", при чемъ указалъ на поразительное сходство съ послѣднимъ Повѣданія и Слова

о в. кн. Димитріи Донскомъ. Это сходство С. сравниваетъ съ отношеніемъ списка къ подлиннику. Но особенно интересны замѣчанія С. къ Слову о П. И., текстъ котораго онъ напечаталъ съ собственными поправками. Еще ранѣе интереснаго указанія Тихонравова на сходство извѣстнаго мѣста Слова о перстахъ, которыя Боянъ вскладывалъ на живыя струны съ началомъ „Слова о Лазарѣ четвородн.“: „рече бо Давыдъ Царь накладывая многочестныя персты на живыя струны“ (стр. 108, прим. 4),—Снегиревъ указалъ это сходство. Изъ другихъ поправокъ и замѣчаній С. заслуживаютъ вниманія: объясненіе „стружія“ изъ Даніила Паломн. (позднѣе на это обращаетъ вниманіе Прозоровскій), сравненіе многихъ выраженій Слова съ лѣтописными, раздѣленіе „кисаню“ на „къ“ и „Саню“ (подобно Макушеву, но подъ „Саней“ С. разумѣлъ рѣку, на которой стоитъ Перемышль); объясненіе „шереширы“ изъ σάρισσα—копье (тоже указываетъ въ Москов. Унив. Изв. 1866—67, № 2, стр. 168 критикъ изд. Тихонравова); вм. „меча времены“—бремены (со ссылкой на выраженія Патер. Печерск.); „исхотию на кровать“ сравнено съ рыцарскими выраженіями: auf dem Bette der Ehre sterben, mourir au lit d'honneur—на кровати чести (т. е. на полѣ битвы) умереть; „стрикусы“ отъ стрѣкати сравнены съ нѣм. Streitäxte—бердыши; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предположены пропуски, и проч. Конечно, есть и неосновательныя замѣчанія, въ родѣ „пороси-не пороки ли, стѣнобитныя орудія“?.

Въ 1841 г. въ I т. „Сказаній Русскаго Народа“ Сахаровъ сдѣлалъ подробный обзоръ изданій, переводовъ и изслѣдованій Слова о П. И. и здѣсь же коснулся подлинности Слова, отстаивая его противъ скептиковъ. Самый текстъ Слова напечатанъ у него съ незначительными поправками противъ перваго изданія Слова и съ раздѣленіемъ его на 12 пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ поправокъ С. неудачны, напр. „мужайтеся“ вм. мужаимѣся.

Изданіе „Сказаній Русскаго Народа“ вызвало обширную статью Бѣлинскаго (въ Отечеств. Зап. 1841 г. и въ 5 т. Полнаго Собр. Сочин. Бѣлинскаго), въ которой онъ остановился и на Словѣ о П. И. Слѣдуя Максимовичу, Б. признаетъ особенно близкое сходство Слова съ малорусской народной поэзіей,—почему рядомъ съ вліяніемъ поэзіи языческаго быта находитъ въ Словѣ „отпечатокъ поэтическаго и человѣчнаго духа Южной Руси“. Вообще Слово, по мнѣнію Б., „прекрасный благоухающій цвѣтокъ славянской народной поэзіи“. Б.

предполагаетъ, что Слово дошло до насъ съ пропусками и съ значительными искаженіями; но самъ не останавливается на этомъ вопросѣ—„на безсмыслицахъ и темнотахъ“ и въ прозаическомъ пересказѣ Слова переводитъ: тльковинъ=раковинами; „папорзи“=латами какъ первые издатели Слова (V т. стр. 75), а передъ „чагой“ и „кощеемъ“ ставитъ знакъ вопроса; но большею частію совсѣмъ опускаетъ трудныя мѣста. Бѣлинскаго, съ его эстетической точки зрѣнія, занималъ другой вопросъ: можно ли согласиться съ мнѣніемъ, что Слово такое же эпическое произведеніе, какъ Иліада, какъ западноевропейскія поэмы. Припомнимъ взгляды предшественниковъ Бѣлинскаго на этотъ вопросъ. Съ конца XVIII в. утверждается взглядъ на сходство Слова съ пѣснями Оссіана. Послѣдователи ложноклассическаго направленія и зарождающагося романтическаго находятъ что-то дикое въ Словѣ, какъ и въ Оссіанѣ. И это мнѣніе повторяетъ еще въ 1837 г. Иванчинъ—Писаревъ во „Взглядѣ на старинную русскую поэзію“. Но онъ же ставитъ Слово выше произведеній французскихъ труверовъ. Погодинъ уже находитъ сходство Слова съ скандинавскими сагами. Бѣлинскій рѣшительно расходится со всѣми этими мнѣніями и считаетъ невозможнымъ сравнивать Слово съ иностранной поэзіей.

Заслуживаетъ вниманія и небольшая замѣтка Вельтмана 1842 г. (Москвитянинъ) о томъ, что „Бояна“ Слова надо раздѣлить на частицу „бо“ и „Яна“ Вышатича, упоминаемаго не разъ въ лѣтописи, напр.: „старецъ добрый, жилъ лѣтъ 90 (род. въ 1016 г. при Ярославѣ и ум. 1106 г. при Олегѣ Черниговскомъ), у него же и азъ (говоритъ лѣтописецъ) многа словеса слышахъ еже и писахъ въ лѣтописаніи семъ“. Это предположеніе допускалось и позднѣе нѣкоторыми изслѣдователями (напр. г. Лонгиновымъ, въ 1892 г., стр. 91 „Историч. изслѣдованія“).

Въ 1845 г. въ „Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней“ Шевыревъ разсмотрѣлъ Слово о П. И. въ 10-й лекціи. Начавши съ внѣшней исторіи Слова, съ защиты его подлинности, Ш. останавливается на двухъ сторонахъ Слова: на исторической и на поэтической. Съ исторической стороны Ш. разсматриваетъ три эпохи, отразившіяся въ Словѣ (X—XI в.в., съ половины XI—до полов. XII в. и современную Слову). Здѣсь же Ш. касается трудныхъ вопросовъ: о Троянѣ, Боянѣ и объ авторѣ Слова. Вотъ сущность его мнѣнія. Въ Троянѣ онъ видитъ римскаго императора, воспоминаемаго южными

Славянами въ Дакіи и въ Валахіи. Но въ Боянѣ онъ не признаетъ южнославянскаго происхожденія (что уже указывалъ Венелинъ), не соглашается и съ мнѣніемъ Вельтмана о Янѣ. Ш. считаетъ Бояна русскимъ пѣвцомъ XI в., современникомъ Всеслава,—такимъ же пѣвцомъ, какъ упоминаемые лѣтописью—Митуса и Тимоѳей Книжникъ. Авторъ Слова, по мнѣнію Ш., безличенъ; главное чувство въ Словѣ грусть, и проч. Поэтическую сторону Слова Ш. видитъ въ красотахъ природы: природа живетъ въ Словѣ. Плачь Ярославны—причеть. Въ основаніи лекціи Ш. о Словѣ въ значительной степени легли статьи Максимовича.

Лекція Шевырева вызвала письмо Погодина (Москвитянинъ 1845 г., № 1), въ которомъ П. утверждалъ, что наше Слово сходно съ скандинавскими сагами и что такихъ пѣсенъ—словъ у насъ было много. Пѣвца Слова П. сравниваетъ со скальдами. Но противъ этого мнѣнія Погодина возсталъ Максимовичъ (тамъ же, № 3) и поддерживалъ свое мнѣніе о самобытности или своеобразіи Слова. Однако, Погодинъ остался также при своемъ мнѣніи и повторилъ его въ 1871 г. въ „Древней Русской Исторіи до Монгольскаго ига“ (т. II, 2, стр. 724).

Въ 1844 г. Дубенскій издалъ „Слово о Полку Игоревѣ, объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ“, которое, какъ мы уже упоминали, завершало собой цѣлое направленіе въ изученіи Слова; на смѣну этому направленію явились изслѣдователи миѳологи. Большую часть книги Дубенскаго занимаетъ текстъ Слова о П. И., его переводъ и множество подстрочныхъ примѣчаній, относящихся къ тексту и содержащихъ грамматическій разборъ Слова, сличеніе его съ древними памятниками, особенно съ лѣтописями. Въ концѣ книги Д. приложенъ словарь всѣхъ выраженій Слова съ грамматическимъ разборомъ, а въ началѣ—взглядъ на исторію литературы Слова. Здѣсь Д. упомянулъ о своихъ предшественникахъ, подробно остановился на отношеніи Слова къ Задонщинѣ, пытался сравнить Слово даже съ посланіемъ Даніила Заточника. Но главная задача Д. оставалась таже, что и у его предшественниковъ, начиная съ Калайдовича: доказать подлинность Слова и вмѣстѣ съ тѣмъ древность его языка,—отчего Д. и обратилъ такое вниманіе на грамматическій разборъ Слова, причемъ руководствовался исключительно извѣстной грамматикой Добровскаго (Jnstitutiones linguae slavicae 1821 г. и въ

русск. пер. 1833 г.). Авторитетъ Добровскаго завелъ далеко Дубенскаго, такъ что послѣдній утверждалъ, что „Слово о П. И. подтверждаетъ вѣрность системы, принятой Добровскимъ, и наоборотъ—грамматика его указываетъ на непреложность формъ Слова“ (XLV). Въ примѣчаніяхъ къ тексту Слова Д. приводитъ предшествующія разъясненія и свои; изъ послѣднихъ замѣчательны слѣдующія: онъ высказываетъ предположеніе о южнославянскомъ происхожденіи Слова о П. И. (что позднѣе развито Вс. Ѳ. Миллеромъ), „Боянъ Велесовъ внукъ= южный славянинъ“ (стр. 38); „на 7 вѣцѣ Трояни“ понимаетъ двояко: вѣкъ римск. имп. Трояна былъ 7 отъ республики, но, вѣрнѣе, подъ Трояномъ разумѣется в. кн. Владиміръ I (мнѣніе Н. Полеваго); папорзи=крылья, крылатые шлемы (163); Деремела=лотышское племя (165); Тмутороканскій блъванъ=язычество Половцевъ, овладѣвшихъ христіанской Тмаутороканью (40). Заслуживаютъ вниманія и нѣкоторыя поправки Д.: вм. „нъ рози нося“—розно, разно (208); вм. „горъ подъ облаки“=горѣ (216); вм. „роспущени“=роспужени; вм. „свивая славы“=славью или славьи—посоловьиному; вм. „на канину“=ткань ину, и проч. Изданіе Слова—Дубенскаго было лучшимъ до появленія изд. Тихонравова въ 1866 г.; но общій взглядъ Дубенскаго на Слово, связанный со всѣмъ предыдущимъ его изученіемъ смѣнился новымъ еще въ сороковыхъ годахъ, прежде всего въ трудахъ Ѳ. И. Буслаева.

Буслаевъ съ первой же печатной статьи своей, появившейся въ 1842 г. въ Москвитянинѣ (№ 11 „Сербская сказка о царѣ Троянѣ“), обратился къ изученію Слова о П. И. Мы разсмотримъ здѣсь, въ одномъ мѣстѣ, всѣ выдающіяся статьи его о Словѣ, чтобы представить въ большей цѣльности новое направленіе въ изученіи Слова. Въ первой статьѣ 1842 г. Б. пытается объяснить загадочную личность „Трояна“ въ Словѣ изъ сербской сказки о Троянѣ, ѣздившемъ по ночамъ въ Срѣмъ и растаявшемъ отъ солнечныхъ лучей. Этотъ „баснословный, поэтическій Троянъ“ и связанъ въ Словѣ съ давней порой Бояна, съ языческими божествами, съ оборотнемъ Всеславомъ. Въ 1844 г. въ извѣстной книгѣ „О преподаваніи отечественнаго языка“, имѣвшей два изданія (2-е въ 1867 г., съ измѣненіями), Б. указалъ отношеніе поэтическаго языка Слова къ памятникамъ русской народной словесности и древнерусской письменности, преимущественно къ лѣтописямъ. Собственно, уже до Б. Максимовичъ первый коснулся отношенія Слова къ русской народной поэзіи, преи-

мущественно къ малорусскимъ думамъ. Б. только дополнилъ эти замѣчанія сравненіями съ великорусской народной поэзіей и придалъ систему сравненіямъ Максимовича. Точно также и въ сравненіи Слова съ лѣтописями Б. имѣлъ предшественника въ лицѣ Шевырева, который напечаталъ въ Москвитянинѣ 1843 г. критическую статью о второмъ томѣ Полнаго Собр. Рус. Лѣтописей. Но было и нѣчто новое въ статьяхъ Буслаева.

Это новое направленіе всего яснѣе отразилось въ разборѣ Б. книги Дубенскаго (Москвитянинъ 1845 г. № 1). „Существенный недостатокъ Дубенскаго и всѣхъ предшествующихъ издателей и комментаторовъ Слова, говоритъ Буслаевъ, тотъ, что они исключительно останавливались на объясненіи отдѣльныхъ выраженій, на доказательствахъ подлинности Слова, не касаясь его внутренняго содержанія, которое имѣетъ прежде всего отношеніе къ нашей древней миѳологіи и народнымъ повѣрьямъ. Въ этомъ отношеніи заключается главное поэтическое значеніе Слова о П. И. Миѳологическія повѣрья составляютъ душу этого произведенія, потому что вѣщее предзнаменованіе, оправданное гибелью дружины Игоревой, есть идея всего Слова, такъ что всѣ части Слова истекаютъ изъ нея: и сонъ Святослава, и обращеніе къ князьямъ, и плачъ Ярославны. Прежніе комментаторы объясняли все это тропами, реторическими украшеніями". Въ 1848 г., въ сочиненіи „О вліяніи христіанства на Славянскій языкъ" Б. объясняетъ нѣсколько выраженій Слова (копіа поютъ, стязи глаголютъ 25 стр., дивъ 28, дѣва съ лебедиными крылами 33, Дажь Богъ 48, синяя молнія 60, вѣщій Всеславъ 75, гнѣздо вм. семьи 159, жизнь Дажь-божа внука 161) изъ сходныхъ выраженій скандинавской поэзіи, нѣмецкихъ народныхъ преданій и славянской народной поэзіи, возводя всѣ эти сходные образы и выраженія къ древнѣйшей миѳологической эпохѣ. Въ 1850 г. Б. напечаталъ статью „Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи" по поводу сборника пѣсенъ Максимовича. Здѣсь Б. вводитъ Слово въ область сравнительнаго изученія, старается придать внутренній миѳологическій смыслъ образамъ Слова, сходнымъ или даже тожественнымъ съ русской, славянской народной поэзіей и съ средневѣковой поэзіей другихъ народовъ, особенно германскихъ. Здѣсь же Б. обратилъ особенное вниманіе на Бояна, какъ на представителя множества другихъ неизвѣстныхъ пѣвцовъ, въ памяти которыхъ были свѣжи еще миѳологическія и героическія основы русской

поэзіи. Эту мысль Б. развилъ въ статьѣ 1859 г. „Русская поэзія XI и начала XII в". Здѣсь онъ отнесъ къ „старымъ словесамъ", къ „замышленію Бояна" всѣ миѳическіе намеки въ Словѣ, считая ихъ только повтореніемъ изъ древнѣйшей поэзіи и относя къ такимъ же заимствованіямъ всѣ историческія воспоминанія автора Слова до времени Игоря Святославича. И въ другихъ статьяхъ своихъ, собранныхъ въ „Историческихъ Очеркахъ Русской народной Словесности и искусства" (1861 г., особенно т. I), Б. не разъ касается Слова о П. И. Упомяну только о названіи плача—пѣсни Ярославны—заговоромъ, заклятіемъ на оружіе, на солнце, вѣтеръ и рѣку (стр. 8, 35, и др.), съ чѣмъ позднѣе не хотѣлъ согласиться одинъ изъ миѳологовъ, Ор. Миллеръ (Опытъ Историч. обозр. русск. словесн. 1865 г., стр. 367).

Въ 1851 г. появились интересныя „Замѣчанія на Слово о П. И." кн. П. П. Вяземскаго (Временникъ Общ. Ист. и Др. Р. кн. 11 и 1853, кн. 17). Мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если здѣсь же коснемся и позднѣйшаго труда кн. Вяземскаго—„Замѣчанія на Слово о П. И." 1875 г., въ которомъ онъ полнѣе развилъ воззрѣнія, высказанныя въ 1851 г. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ: подъ Бояномъ надо разумѣть Гомера, авторъ Слова изучилъ Гомера и какъ послѣдній по преимуществу ποιητὴς безъ придачи собственнаго имени, такъ *боянъ* вообще поэтъ по этимологическому значенію слова отъ „баяти"; Троянъ заимствованъ изъ средневѣковыхъ Троянскихъ сказаній, „Тропа Трояна"=τροπὴ возвратъ Троянскій, дѣва-обида=Элена Троянскихъ сказаній. Уже Пыпинъ въ „Очеркѣ литерат. исторіи старинныхъ повѣстей" 1858 г. указалъ на крайности гипотезы кн. В. и только Вс. Миллеръ и акад. Веселовскій до нѣкоторой степени, но съ другими научными пріемами, приняли гипотезу кн. В. Собственно кн. В. задался широкой темой: „обратить вниманіе на современное Слову о П. И. состояніе образованности и на литературное направленіе того времени какъ въ Россіи и въ Восточной Имперіи, такъ и на Западѣ и разсмотрѣть письменные памятники, находящіеся въ соотношеніи съ симъ твореніемъ XII в. по предмету изложенія или по времени составленія оныхъ". Однако, тутъ же кн. В. замѣчаетъ, что „сочинитель Слова—оригинальный и великій художникъ", между тѣмъ какъ „французскія и нѣмецкія поэмы—подражанія и компиляціи ремесленниковъ. Сближеніе съ ними Слова въ литературномъ отношеніи столь же было бы неразсудительно, какъ и причисленіе Слова къ разряду русскихъ стихо-

творныхъ сказокъ". Въ позднѣйшемъ трудѣ своемъ кн. В. собралъ массу всевозможнаго сравнительнаго матеріала, изъ котораго кое-что можетъ быть пригодно и для объясненія Слова.

Около этого же времени оріенталисты Эрдманъ и Березинъ отмѣтили слѣды азіатизма въ Словѣ о П. И. Подобныя попытки существовали уже въ 20—30-хъ годахъ, напр. въ статьяхъ Буткова, но отличались произволомъ. Отчасти такова же попытка и Эрдмана, который пытался вывести изъ азіатскихъ языковъ такія слова, какъ „куръ (на восточное происхожденіе этого слова, указывалъ уже Дубенскій, стр. 198), дѣва-обида, милыя хоти, великій жемчугъ, уши закладаше" и проч. Болѣе удачна попытка Березина, (въ Москвитянинѣ 1854 г.), указавшаго на туранское происхожденіе: названій половецкихъ князей—„Кза и кончакъ" гусь и собака, карна—тазъ, Жля—сѣдой, кобякъ—собака, чага—дикое дитя, ортьма—покрывало и др. Замѣтимъ здѣсь, что въ статьѣ г. Каллаша (Русск. Филол. Вѣстн. 1890 г., I) объяснены изъ туркестанскихъ названій: чага—женщина работница, или пастухъ, а кощей—„кошча"—годовой работникъ, имѣющій отъ хозяина землю. Подобныя объясненія представляютъ поправки и дополненія къ статьѣ Березина.

Въ 1853 г., въ 3 т. „Исторіи Россіи" Соловьевъ высказалъ нѣсколько оригинальныхъ замѣчаній о Словѣ. Прежде всего онъ указываетъ на лѣтописныя подробности похода, которыя объясняютъ возможность и необходимость существованія Слова. С. думаетъ, что сочинитель Слова могъ быть и не изъ Сѣверской земли (какъ предполагалъ Максимовичъ), не только съ лѣваго берега Днѣпра, такъ какъ племя Ольговичей стояло въ это время на первомъ мѣстѣ во всей Южной Руси. Подъ именемъ „стараго Владиміра" С. вездѣ понимаетъ Владиміра Мономаха, поэтому онъ предполагаетъ пропуски въ Словѣ, напр. отсутствіе разсказовъ о борьбѣ Мономаха и послѣдующихъ князей съ Половцами. Что касается отношенія Слова къ лѣтописнымъ повѣствованіямъ о походѣ 1185 г., то С. находитъ между ними сходство и объясняетъ отличія Слова—поэтическими украшеніями; въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ больше подробностей, которыя объясняютъ и нѣкоторые намеки Слова. Интересны и примѣчанія С., напр. объ эпитетѣ „многовой" Ярославъ.

Въ 1858 г. И. И. Срезневскій въ „Извѣстіяхъ Акад. Наукъ по отд. Рус. яз. и Слов." (VI т., 337 стр. и далѣе), по поводу Задов-

щины, высказалъ слѣд. взглядъ на Слово о П. И. и на отношеніе его къ Задонщинѣ: „опровергнуть, что Слово о П. И. не было достояніемъ однѣхъ книгъ—задача нелегкая. Защищать, что и Слово о П. И. не произносилось, или не напѣвалось, какъ доселѣ напѣваются и голосятся притчи и стихи, думы и былины—задача трудная. Гораздо легче предполагать противное. Такъ и я позволяю себѣ предполагать: думаю, что и Слово о П. И. принадлежитъ къ числу достояній памяти и устной передачи, къ числу такихъ же поэмъ, каково—Слово о Задонщинѣ. Оно записано было ранѣе, и потому не такъ испорчено грамматическими неправильностями и пропусками. Кому покажется страннымъ какъ могли произведенія такого обширнаго размѣра удерживаться въ памяти, тотъ пусть вспомнитъ о русскихъ духовныхъ стихахъ... Слово о Задонщинѣ—подражаніе Слову о П. И., но не ему одному исключительно, а вообще тому роду поэмъ, къ которому принадлежало это слово; оно—одно изъ проявленій того же поэтическаго одушевленія, которымъ проникнутъ былъ и слагатель Слова о П. И.“. Это мнѣніе Срезневскаго повторялось нѣкоторыми и позднѣе (Стоюнинъ, Житецкій).

Въ „Опытѣ сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской“, 1864 г., П. Н. Полевого Слово разсмотрѣно въ связи съ германскими и съ чешскими поэтическими произведеніями по общности формы и пріемовъ выраженія въ связи съ бытомъ и съ понятіями человѣка о природѣ. Слово о П. И. Полевой считаетъ записаннымъ въ XIV—XV в.в., а до того времени, по его мнѣнію, оно было изустнымъ произведеніемъ XII в.; уже до него могли существовать другіе подобные памятники, такъ какъ нельзя представить себѣ такого прекраснаго памятника безъ предшествующаго ряда произведеній, способствовавшихъ его постепенному развитію. Но утверждая, что Слово до записи распространялось и создалось устнымъ путемъ, П. находитъ незаконными и странными сравненія Слова съ русской народной поэзіей, попытки доказать его народность. Выходитъ какое-то странное недоразумѣніе? Вѣроятно, это произошло отъ того, что П. рѣзко отдѣлилъ пѣвцовъ эпопей отъ народной поэзіи. Интересно слѣдующее сравненіе славянскихъ памятниковъ съ германскими: „Славянскіе памятники, уступая германскимъ въ древности, имѣютъ передъ ними важное преимущество въ томъ, что дошли до насъ въ гораздо менѣе искаженномъ видѣ; германскіе памятники сло-

жились изъ отдѣльныхъ пѣсенъ, подверглись литературной обработкѣ, тогда какъ славянская поэзія и не пошла далѣе пѣсни или *Слова*, очень близкаго къ ней".

Въ „Опытѣ историческаго обозрѣнія русской Словесности" 1865 г. Ор. Миллеръ коснулся Слова, но преимущественно остановился на его внутреннемъ содержаніи, указавъ въ Словѣ лирическое и идеальное начала, отношеніе его къ Краледворской рукописи и къ лѣтописи, наконецъ коснулся личности пѣвца Игорева и значенья дружины. Изъ своихъ предшественниковъ Ор. Миллеръ наиболѣе сходится съ Шевыревымъ и Аѳанасьевымъ (разсматривавшимъ только миѳологическія черты Слова о П. И., съ точки зрѣнія извѣстной миѳологіи природы преимущественно небесныхъ явленій, въ „Поэтическихъ воззрѣніяхъ Славянъ на природу" и ранѣе въ отдѣльныхъ статьяхъ); но съ Буслаевымъ Ор. М. расходится во взглядахъ на Бояна, Всеслава и Трояна. Воззрѣнія Ор. М. на происхожденіе Слова сводятся къ не вполнѣ опредѣленному мнѣнію, что Слово составляетъ переходъ отъ чисто народнаго творчества къ лично-художественному, что пѣвецъ Слова написалъ его и былъ южаниномъ. М. не останавливается даже и на миѳологіи Слова (что бы мы должны были ожидать отъ него) такъ какъ онъ предполагаетъ, что все миѳологическое пѣвецъ взялъ у Бояна.

Въ 1866 г. вышло 2-е изданіе „Слова объ ополченіи Игоря Святославича" А. Ѳ. Вельтмана съ прежнимъ предположеніемъ о Янѣ Вышатичѣ, скрывающемся въ Боянѣ (=бо Янъ) и со многими другими предположеніями, которыя слѣдуетъ привести, какъ образчикъ свободныхъ догадокъ: вм. земля Трояна=земля Краяня, Краянская (ср. съ Крайной Иллирійской), даже Краины=Украйны (стр. 38); Тмутораканскій блъванъ=каменная баба; вм. дремлетъ Ольгово гнѣздо=гремлетъ; вм. прыщеши на вои=на враги, врѓи; вм. повелѣя=по валѣ я (по битвѣ взялъ); вм. чага=ичага (знатный Половецкій мужъ); кощей=каженикъ; шереширы=шеремицы, шеремиція (партизанство); Деремела=Деревляне; *Двина* болотомъ течетъ *онымъ* грознымъ *Полочаномъ*=Десна... Онамо.,. Половчаномъ; Всеславъ врѣже жребій о дѣвицю=на дѣдину; и дотчеся *стружіемъ*=доѣхалъ до него (до Кіева) на стругѣ, т. е. на ладьѣ; возни стрикусы=возные стрикусы, возныя стрѣльницы; съ Дудутокъ=съ Дудорокъ; Хръсови=въ Херсонесъ; нъ рози носа имъ хоботы пашутъ=отдавая лучшихъ му-

жей приходилось пахать оставшимися въ селахъ *хвостами*—слабыми женщинами и старцами (?!); вм. копіа поютъ=коній поятъ на Дунаи; вм. вьются голоси=льются голоси! Такія свободныя догадки вполнѣ напоминаютъ комментаріи Шишкова на Слово о П. И. въ 1805 г., въ 1819 г. Такой же свободой отличается и переводъ Вельтмана, приложенный къ исправленному тексту Слова.

Въ 1868 г. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ извѣстномъ своемъ трудѣ „О составѣ русскихъ лѣтописей“ (въ Лѣтописи занятій Археогр. Ком. и отдѣльно), разсматривая отдѣльныя сказанія южнорусскаго свода, коснулся и описанія похода Игоря на половцевъ, при чемъ замѣтилъ, что „сличеніе лѣтописи и Слова могло бы представить любопытныя данныя; ясно оказалась бы разница въ изложеніи одного и тогоже предмета книжникомъ и поэтомъ; однако, ни сказаніе лѣтописи не служило источникомъ Слова, ни на оборотъ. Лѣтописный разсказъ такъ близкій по предмету съ Словомъ о П. И., наиболѣе далекъ отъ него по изложенію“. Затѣмъ Б.—Р. останавливается подробно на лѣтописномъ разсказѣ и указываетъ двѣ главныхъ редакціи этого разсказа, одна—въ Лаврентьевскомъ спискѣ и другая въ Ипатьевскомъ. Интересно здѣсь же упомянуть о мнѣніи по этому вопросу И. П. Хрущова въ его изслѣдованіи „О древнерусскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ“, 1878 г. Х. указываетъ черты сходства и отличія Слова и лѣтописныхъ сказаній о походѣ 1185 г.: „Все то, что мы знаемъ изъ двухъ сказаній, сѣвернаго и южнаго, о походѣ и плѣнѣ Игоря, встрѣчаемъ и въ Словѣ, но съ опущеніемъ нѣсколькихъ подробностей, которыя по свойству поэтическаго произведенія замѣнены общими красками... Пѣснопѣвецъ Игоря не принималъ участія въ самомъ походѣ и не находился съ Игоремъ въ плѣну, ибо въ Словѣ нѣтъ чертъ, переданныхъ очевидцемъ“ (210—212). Все это подтверждено доказательствами. Интересно и указаніе (стр. 211) на то, что Слово составилось послѣ 1188 г., съ которымъ вполнѣ соглашается и И. Н. Ждановъ (Литература Слова, стр. 35).

Въ 1864 г. Пекарскій издалъ списокъ Слова о П. И., найденный имъ въ Государственномъ Архивѣ среди бумагъ изъ кабинета импер. Екатерины II, именно—среди тѣхъ бумагъ, которыя составляли подготовительные труды ея по разработкѣ отечественной исторіи. При текстѣ Слова, списанномъ съ того же погибшаго оригинала, съ котораго сдѣлано и первое изданіе 1800 г., приложены въ этой Екате-

рининской, или Архивной рукописи переводъ и примѣчанія. Послѣднія сходны съ печатными по изд. 1800 г. Пекарскій допустилъ въ своемъ изданіи нѣкоторыя ошибки, напр. „Зоянь“ вм. „Троянь“, чѣмъ ввелъ въ заблужденіе послѣдующихъ комментаторовъ Слова. Въ 1890 г., въ Древностяхъ Моск. Археол. Общ. (т. XIII) г. Симони переиздалъ со всею точностью текстъ Слова по Архивной рукописи.

Изданіе Пекарскаго вызвало интересныя палеографическія соображенія и поправки Н. С. Тихонравова—„Слово о П. И. для учащихся“ (1866 г. и 2-е исправл. изд. 1868 г.). Мы уже выше касались соображеній Т. о вѣкѣ рукописи Слова. Теперь остановимся на поправкахъ его и на объясненіяхъ. Назначеніе изданія Слова для учащихся отразилось въ приложеніяхъ—разсказа о походѣ Игоря по Ипатскому списку и даже по Исторіи Карамзина,—въ объясненіяхъ грамматическихъ, въ объясненіяхъ словъ. Научный элементъ въ изданіи Т. выражается: въ поправкахъ текста на основаніи палеографической критики, въ интересныхъ объясненіяхъ нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ Слова путемъ сравненія съ древними памятниками и наконецъ въ сравненіи поэтическихъ образовъ Слова съ народной поэзіей, преимущественно съ великорусской. Главныя поправки Т. слѣдующія: ре҃ (=речь), пѣ҃ (=пѣсь), свивая славію—(=славы), „Боянъ“ вездѣ вм. „Троянъ“ (при чемъ Т. основывался на невѣрномъ чтеніи Пекарскаго „Зоянь“ вм. „Троянъ“; во 2-мъ изд. Т. возстановилъ „на землю Трояню“, но оставилъ „тропу Бояню“ и „вѣчи Бояни“; это чтеніе Т. было принято затѣмъ многими, но нашло и сильныя возраженія), не было въ обидѣ (=небылонъ обидѣ). Т. измѣнилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пунктуацію; но вообще держался текста 1800 г. Изъ объясненій Т. заслуживаютъ вниманія: сравненіе выраженія Слова о вѣщихъ перстахъ Бояна съ выраженіемъ Слова о пророцѣхъ, что было замѣчено еще въ 1838 г. Снегиревымъ, но приведено Т. самостоятельно; далѣе, имена Карна и Жля, неизвѣстныя по лѣтописямъ, сравнены съ разсказомъ на Бѣломъ морѣ о трехъ братьяхъ Калгѣ, Жогжѣ и Кончакѣ; затѣмъ, нѣкоторыя параллели приведены изъ отреченныхъ и истолковательныхъ статей славяно-русской литературы: напр. эпитетъ гнѣзда Половецкаго „пардуже“ изъ глоссы „Куманинъ (т. е. Половчинъ)—пардосъ“. Но особенно замѣчательны сравненія Т. слова съ великорусской народной поэзіей. Со времени Максимовича утвердилось мнѣніе, что Слово о П. И. сходно съ малорус-

скими думами и только послѣ изданія Тихонравова Смирновъ и Барсовъ увеличили число сравненій Слова съ великорусской народной поэзіей.

Изданіе Тихонравова вызвало нѣсколько критическихъ статей, изъ которыхъ особенно замѣчательны статьи Буслаева и Макушева въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1867 г. (февраль). Первый обратилъ вниманіе преимущественно на педагогическое значеніе изданія Тихонравова и нашелъ его не вполнѣ удовлетворительнымъ съ этой стороны. Здѣсь уже Б. высказалъ мысль, которую осуществилъ въ изданіи Слова въ своей „Русской Христоматіи“ 1870 г., что текстъ Слова для учащихся слѣдуетъ издавать съ опущеніемъ всѣхъ затруднительныхъ мѣстъ Слова. Какъ Буслаевъ, такъ и Макушевъ не согласились съ поправкой Тихонравова вм. Троянь—„Боянь“. Макушевъ кромѣ того предложилъ нѣсколько своихъ поправокъ темныхъ мѣстъ Слова, напр.: вм. бѣша дебрь Кисаню и несошлю къ синему морю=бѣша дебрьски сани и несота іа къ синему морю (сани—змѣя въ родѣ чешской горной змѣи—сани, которую, по словамъ Любуши, убилъ Трутъ въ горахъ Крконошскихъ); свистъ звѣринъ въ стазби М. объясняетъ „мѣсто, обитаемое звѣрями“; спалъ князю умь похоти=„снизошелъ князю умъ по желанію, т. е. подчинился его воли“. Изъ другихъ замѣчаній на изданіе Тихонравова заслуживаетъ вниманія объясненіе рецензента въ Московск. Универс. Изв. 1866—67 г.г. № 2 (Ѳ. Е. Коршъ?) слова „шерширы“ изъ греч. σαρίσσα (что уже было замѣчено Снегиревымъ въ 1838 г.) съ византійскимъ уменьшительнымъ окончаніемъ αριον или αρι. Въ средневѣковой латыни, по Дюканжу, прибавляетъ критикъ, есть слово sareza, sarizonium—копье.

Въ 1870 г. чешскій ученый Эрбенъ издалъ „Dvě zpěvů staroruských totiž: O vypravě Igorově a Zadonština. S kritickými, historickými i jinými vysvětlujicimi poznámkami a doklady. V Praze.—Karel Jaromir Erben“. Въ предисловіи Эрбенъ упоминаетъ, что сначала онъ приступилъ къ тексту Слова, какъ къ старославянскому, и стремился ввести однообразіе въ правописаніи памятника; но затѣмъ отступился отъ этой мысли, хотя и ввелъ нѣкоторыя поправки (стр. VII: o Словѣ„ o prostonárodni piseň ruskou věků minulých“). Въ своихъ поправкахъ Э. руководствовался: исправленіями Тихонравова (вездѣ Боянъ вм. Трояна, въ обидѣ вм. въ обидѣ), сравненіями текста Слова съ Задонщиной и Повѣданіемъ о Мамаевомъ побоищѣ (хотя эти срав-

ненія не проведены послѣдовательно) и нѣкоторыми собственными домыслами (луцежъ *ны* потяту, кая *рать* дорога, *кара* и жля, уже *жлю* убудиста, насыпа *та,* время *Бѣсово,* въ *дружѣ* тѣлѣ, о стонати Русской земли, *помянувшей,* рано *кличеть, лелѣючу* корабли, рекъ Боянъ и *ходи*). Приведемъ теперь образцы перевода и истолкованій нѣкоторыхъ мѣстъ у Э.: „помняшеть речь"=сирѣчь (25 стр.); дивъ—какая то птица (sejc, kulich, 28); „кая раны (исправлено въ „рать); „дорога"—дорогой бой (28); „дебрь кисаню", „сань—сказочный змѣй, который выходитъ изъ моря, кисань=ksik, ksikati (32); чага—дѣвушка раба, кощей—плѣнный отрокъ (еще „кощей" то же, что чешск. kluk 33); шереширы—balistae (ср. изъ Дю-Канжа: гальскія слова—charreagiare вести, charge бремя); клюками—zahnutyma nohama, какъ поступаютъ всадники (34); стрикусъ=стрѣкусъ, стрѣкати,—таранъ (34). Изъ другихъ истолкованій Э. слѣдуетъ отмѣтить объясненія, „карны" и „жли", какъ нарицательныхъ названій олицетворенія отвлеченныхъ понятій; Деремелы—отождествленіемъ съ Древлянами; на седьмомъ вѣкѣ Бояни (вм. Трояни)—указаніемъ на 1020 годъ, какъ годъ рожденія Бояна (23 стр.), пѣвца Слова—внукомъ Бояновымъ (27). Нельзя не высказать сожалѣнія о томъ, что Эрбенъ не коснулся историко-литературнаго значенія Слова о П. И., напр. вопроса о происхожденіи Слова, или отношенія его къ Зеленогорской и Краледворской рукописямъ (о чемъ мелькомъ см. у Эрбена на стр. VIII).

Книга Эрбена вызвала интересную критическую статью Н. А. Лавровскаго: „О новомъ чешскомъ переводѣ Слова о П. И." (Ж. М. Н. Пр. 1870, октябрь). Л. основательно разбираетъ недостатки и достоинства изданія Эрбена. Такъ онъ подробно останавливается на разборѣ неосновательнаго мнѣнія Тихонравова о замѣнѣ Трояна—Бояномъ, принятого Эрбеномъ. Самъ Л. болѣе склоняется къ объясненію Трояна—личностью в. кн. Владиміра Св. I: „прежніе толкователи имѣли полное основаніе прилагать семь седминъ къ 1015 г. (т. е. году смерти Владиміра), чтобы получить 1064 г., въ которомъ началась рать Всеслава, когда послѣдній бросилъ жребій о дѣвицю себѣ любу" (286 стр.). Критикъ Эрбена высказываетъ опредѣленный взглядъ на происхожденіе Слова о Полку Игоревѣ, которое онъ считаетъ „самостоятельнымъ произведеніемъ поэта, обнаруживающимъ ясные признаки школы, авторскаго труда по твердо и вполнѣ сознательно усвоеннымъ пріемамъ, манерѣ и формамъ" (276). Слово отличается

„глубоко прочувствованною грустью поэта, элегическимъ характеромъ (тономъ), сообщающимъ ему и единство, и высокое поэтическое достоинство“ (292). „Вопросъ о томъ, было ли у насъ въ древнее время много поэмъ, въ родѣ Слова о П. И., нуждается для своей постановки въ историко-литературныхъ фактахъ, и ему въ будущемъ едвали не предстоитъ отрицательное рѣшеніе“ (278). „Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что устная народная поэзія, переживая восемь вѣковъ, претерпѣвала, какъ все живое и органическое, много измѣненій со стороны содержанія, формы и выраженія, и что во времена Бояна и пѣвца Игорева она отличалась тою свѣжестью и яркостію поэтическихъ оборотовъ и образовъ, какіе сохранились до насъ въ Словѣ о П. И... Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи поэтическое творчество отдѣльныхъ пѣвцовъ, оставаясь близкимъ къ устной народной поэзіи и пользуясь ея готовыми оборотами и образами, продолжало сближаться съ дѣйствительною жизнью, съ былинами своего времени, и къ концу XII в. дошло до той степени, на которой мы видимъ Слово о П. И. Оттого послѣднее, при всемъ богатствѣ народно-поэтическаго матеріала, при всемъ обиліи заимствованій изъ устной народной поэзіи готовыхъ, выработанныхъ вѣками формъ, есть *историческая поэма* въ точномъ смыслѣ этого слова, и это составляетъ ея важнѣйшее историко-литературное значеніе“ (280—281 стр.).

Здѣсь мы должны остановиться на замѣчательномъ стихотворномъ переводѣ Слова А. Н. Майкова („Слово о П. И. съ предварительными замѣчаніями объ этомъ памятникѣ и примѣчаніями“ первоначально помѣщено въ журналѣ—„Заря“ 1870 г., январь и затѣмъ вошло въ Собраніе сочиненій поэта). Но прежде всего скажемъ и о предшествующихъ стихотворныхъ переводахъ съ 30-хъ годовъ. Таковы, переводы Деларю (1839 г.), Минаева (1846 г.), Мея (1850 г.) и Гербеля (1850 г.). Переводчики встрѣчались съ значительными затрудненіями при передачѣ темныхъ и неисправныхъ мѣстъ Слова, при выборѣ размѣра и при прибавкѣ словъ, необходимыхъ для уясненія современному читателю древнихъ сжатыхъ картинъ и образовъ Слова. Отсюда объясняется рѣзкое различіе между этими поэтическими переводами. Деларю перелагалъ Слово гекзаметрами, Мей „народнымъ сказочнымъ размѣромъ“, Гербель старался приблизиться къ разнообразію рѣчи и размѣра подлинника. Наиболѣе отступленій отъ подлинника у Минаева, который развивалъ „сжатыя мысли Слова“ въ цѣлыя

картины. Какъ иногда неясно понимали переводчики Слово о П. И., видно изъ слѣдующихъ замѣчаній ихъ и переводовъ: Мей объясняетъ: „пороси“ значитъ „по росѣ“, „кощей“—отрокъ княжеской дружины, „той клюками подпръся окони“—ему подали ходули, клюки, и онъ выпрыгнулъ изъ окна (Дубенскій), „до курь Тмутороканя“—до самыхъ куреней Тмутараканскихъ (Снегиревъ). Гербель принимаетъ: „толковинъ“ за раковины (изд. 1800 г.), „зегзицу“ за голубку, „дива“ за сову, и т. д. Слѣдуетъ замѣтить еще, что переводчики смѣшивали Слово съ лѣтописными повѣствованіями о походѣ. Однако, съ художественной стороны переводы Минаева и особенно Гербеля пользовались въ свое время славой.

Новый переводъ Майкова далеко оставилъ за собой предшествующіе стихотворные переводы не только съ художественной стороны, но и со стороны пониманія Слова. М. изучилъ комментаторовъ Слова, старался и самъ проникнуть въ его внутренній смыслъ. Эти домыслы поэта такъ оригинальны и интересны, что мы постараемся передать хотя нѣкоторые. Слѣдуя за Аѳанасьевымъ и за миѳологами, М. понялъ пѣснь о П. И., какъ пѣснь о Дажьбожьихъ внукахъ, о борьбѣ свѣта съ тьмой. Свѣтлая русская земля, солнцевы внуки борятся съ землей Трояна, гдѣ царствуетъ тьма, черный Дивъ, рыщутъ бѣсовы дѣти—Половцы, вѣютъ Стрибожьи внуки. Дѣва—обида, являющаяся надъ падшей ратью и олицетворяющая чувство ея позора, ея вопль о мести, ея укоры—это дума Игоря, ведомаго въ плѣнъ, дума, преслѣдующая его. Здѣсь уже переходъ къ психологическому объясненію Слова. По мнѣнію Майкова, поэтъ вложилъ главную мысль своей поэмы въ душу Игоря. Вотъ какъ съ этой точки зрѣнія М. объясняетъ знаменитый плачъ Ярославны: „Обстановка этого плача будетъ: степь, утро, закуѣковала кукушка, напомнившая особенно живо Игорю его Ярославну, какъ видѣлъ онъ ее въ послѣдній разъ на стѣнѣ въ Путивлѣ... Тамъ она стоитъ и обращаетъ вопли свои въ пустынную степь—къ вѣтру, къ рѣкѣ, къ солнцу, горюя и тоскуя, любящимъ сердцемъ, чуя постоянно бѣду надъ милымъ.,. Какъ хорошъ выходитъ тутъ Игорь-то“! О происхожденіи Слова, объ его авторѣ—пѣвцѣ М. высказываетъ слѣдующее. Слово книжнаго происхожденія: оно *писано* мѣрною прозой, приспособлявшейся, вѣроятно, къ пѣнію; въ немъ видны искусственные пріемы во введеніи, въ отступленіяхъ, въ созданіи характеровъ дѣйствующихъ лицъ, въ болѣе осмысленномъ

олицетвореніи миѳическихъ существъ. Здѣсь видно знакомство съ какими-нибудь классическими твореніями. Пѣвецъ Слова былъ „свидѣтелемъ и участникомъ похода,—да и плѣна, и тамъ, въ плѣну, въ степи, и сложилась въ умѣ его вся поэма". „Пѣснь возникла не въ народѣ, но въ другой, высшей сферѣ общества. Это листокъ отъ того же дерева, но съ другой вѣтви". Что касается текста Слова, дошедшаго до насъ, то М. предполагаетъ въ немъ пропуски (напр., согласно съ Соловьевымъ, пропускъ поэтической характеристики войнъ Мономаха) и перестановки переписчика. Въ переводѣ Майкова есть нѣкоторыя дополненія противъ подлинника (изъ лѣтописи) и не выдержано разнообразіе въ складѣ и въ рѣчи Слова. Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ поэтическій переводъ Майкова остается лучшимъ.

Между тѣмъ научное изданіе Тихонравова вскорѣ же оказало вліяніе на популярно-учебныя изданія Слова о Полку Игоревѣ. Такъ это вліяніе отразилось на изданіи Я. Малашева: „Слово о Полку Игоревѣ. Поэтическій памятникъ русской письменности XII в., съ примѣчаніями, полнымъ словаремъ и тремя приложеніями" (1871 г.). Текстъ Слова изданъ у Малашева съ раздѣленіями на короткіе стихи, числомъ 780; затѣмъ все Слово еще раздѣлено на 12 частей. Въ исправленіи текста Слова Малашевъ принялъ самую крупную поправку Тихонравова (которая не имѣетъ за себя основаній), подставивъ вмѣсто Трояна—вездѣ Бояна. Кромѣ того, вм. „на канину" Малашевъ исправилъ „на Каялину", и проч. Изъ поправокъ въ разстановкѣ знаковъ препинанія отмѣтимъ: „Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: Слава Игорю Святъславлича, Буй-Туру Всеволодѣ", и проч. Переводъ Слова у Малашева—прозаическій, почти буквальный. Послѣ Дубенскаго у Малашева мы во второй разъ встрѣчаемъ полный словарь Слова, впрочемъ особенно ничѣмъ незамѣчательный.

Въ интересномъ предисловіи къ переводу Слова о П. И. Н. Бицына (Русскій Вѣстникъ, 1874 г.; февраль стр. 761—801) мы встрѣчаемся съ отрицаніемъ пользы миѳологическихъ толкованій Слова (преимущественно у Буслаева и Аѳанасьева). „Всякое мало-мальски темное мѣсто, говоритъ Бицынъ, весьма часто объяснимое изъ примѣровъ охотничьей или казацкой или даже просто крестьянской жизни, они стараются объяснить миѳами, и старинною миѳологіею, т. е. объяснить одно неизвѣстное другимъ еще болѣе неизвѣстнымъ" (763). Какъ бы въ поясненіе этихъ словъ, является одно изъ новыхъ толко-

ваній „Дива“ у Б., какъ степнаго стражника, какіе сидѣли на одинокихъ дубахъ въ степи, по описанію Маржерета; у Б. „дивъ“ переведенъ словомъ „вѣщунъ“. Не входя въ основанія всѣхъ истолкованій у Б., мы приведемъ ихъ: вм. мыслію по древу—соловьемъ; вм. спала—слава; вм. Тропу Трояню—Бояню (по Тихонравову); вм. свивая славу—спѣвая (по Вельтману): вм. встала обида... вступилъ дѣвою=печаль—досада и „дивъ вступилъ“ (дивъ=вѣщунъ); вм. карна и жля—жирно и жалость; вм. иходы на—годины, (Бутковъ въ 1821 г.), а „хоти“ приставлено къ „тяжко ти головы“; вм. клюками—колками; вм. похоти—похыте (по Вельтману). Б. предлагаетъ выкинуть по „*мыслену*“ древу—„мыслену“ вставлено, по его мнѣнію, переписчикомъ. Это связано съ общимъ взглядомъ Б. на Слово: въ спискѣ, дошедшемъ до Мусина-П., могли заключаться и нечаянныя ошибки, и невѣжественныя поправки перепищиковъ, и совершенныя искаженія текста мудровавшими піитами (?); наконецъ, просто были описки и, можетъ быть, цѣлые пропуски... Мусинъ-П. осмыслилъ по своему крайнему разумѣнію (эти ошибки), кристаллизовалъ въ правильныя сочетанія словъ, чѣмъ ввелъ въ двойное заблужденіе дальнѣйшихъ изслѣдователей“.—Слово о П. И. написано княжескимъ пѣвцомъ—дружинникомъ, быть можетъ, пришлецомъ изъ славянъ, ученымъ мастеромъ, получившимъ школьное образованіе; отсюда объясняютъ высокій слогъ Слова, мозаичность и книжность его языка, и разнообразіе размѣровъ, какими оно написано. Въ Боянѣ Б. видитъ лице идеальное, можетъ быть, Гомера. Приведемъ еще нѣкоторыя мѣста изъ русскаго перевода Слова, сдѣланнаго Б.: „междю Угорьскими иноходьцы“=окруженъ венгерской конницей; „у Плѣсньска на болони бѣша дебрь Кисаню“=У Плѣньска, на Подолѣ, гдѣ дебрь Кисанова (еще первые издатели Слова указывали здѣсь на Кіевское оболонье, стр. 24); „желѣзныи папорси подъ шеломы“=Есть у васъ желѣзные *латники* подъ латинскими шлемами; хоботы=лохмотья; „Рекъ Боянъ и ходы“ и проч.=Говорилъ Боянъ, и годины Святославовой пѣснотворцы стараго времени (И Ярослава, и Олега князя); хоть“.

Переходимъ къ труду, болѣе самостоятельному, о которомъ, однако, нѣкоторые ученые отзываются слишкомъ преувеличенно. Это трудъ львовскаго профессора Огоновськаго: „Слово о Пълку Игоревѣ. Поетичний памятник Руськоі письменності XII віку. Текстъ с перекладом и с поясненьями. У Львові, 1876 г.“. Въ небольшомъ введеніи

къ своему труду авторъ касается слѣдующихъ вопросовъ, связанныхъ съ Словомъ: нѣсколько Словъ о русскомъ просвѣщеніи въ XII вѣкѣ; разсказъ лѣтописцевъ о походѣ Игоря и содержаніе Слова; важность Слова со стороны исторической; поэтическая сторона Слова; нѣсколько замѣтокъ объ авторѣ Слова; характеристика Игоря; Слово совершенно оригинальное произведеніе; языкъ Слова, его украшенія и форма; исторія открытія Слова, изданія и переводы Слова. Затѣмъ слѣдуютъ текстъ Слова, переводъ его на малорусское нарѣчіе и обширныя примѣчанія. Нельзя не повторить справедливаго замѣчанія проф. Жданова: „стоитъ пожалѣть, что г. Огоновскій написалъ свою книгу не на общерусскомъ литературномъ языкѣ, а на мѣстномъ галицкомъ нарѣчіи: полезный трудъ сдѣлался такимъ образомъ не легко доступнымъ для массы русскихъ читателей“ (Литература Слова, 1880 г., стр. 13). Отмѣтимъ прежде всего важнѣйшія исправленія текста у Огоновскаго: „лѣтаю *орломъ* (вм. оумомъ) подъ облаки“ (стр. 4); „свистъ звѣринъ *въстала* и (вм. въ стазби) Дивъ кличетъ“ (тамъ-же); „оуже бо бѣды его пасеть птичь (вм. птиць) *по лозию* (вм. подобию)“ (тамъ же); „Гза (вм. Гзакъ)“ (6); „въстоупивъ (вм. въступилъ) дѣвою“; лжу оубоудиста“ (вм. оубоуди)“ (10); „бѣсови врани, дебри... не сошли, буйство подаста (вм. подасть)“ (12); „плаваста (—ваша), въ злата стременя (—мень)“ (14); „и схопи (схоти) ю на кровать“ (16); „оутрѣ же позвони стрикоусы“ (оутръже воззни) княземъ *ряды* (вм. грады) рядяше“ (18). Кромѣ того О. нѣкоторыя мѣста Слова отнесъ къ числу глоссъ позднѣйшихъ грамотѣевъ. Таковы, по его мнѣнію: 1) „съ тояже Каялы—ко св. Софии къ Кыевоу, 2) давечя (8 стр.); 3) и ходы на Святъславля—коганя хоти; 4) побарая за христьяны—аминъ“. Многія поправки О. и объясненія Слова извлечены имъ изъ предшествующихъ русскихъ трудовъ.—О происхожденіи Слова О. высказываетъ слѣдующее. Онъ, подобно Максимовичу, стоитъ за самобытное происхожденіе Слова, помимо всякихъ литературныхъ вліяній, за связь Слова съ русской народной поэзіей. Въ авторѣ Слова О. признаетъ участника похода, человѣка свѣтскаго, изъ дружины Игоревой; но безъ всякихъ политическихъ взглядовъ. Въ XII в., по мнѣнію О., еще не была выработана идея единства (XVI стр.). Къ числу рѣзкихъ противорѣчій О. относится и мнѣніе его о языкѣ Слова, который онъ считаетъ „русько—украинськимъ“; однако не скрываетъ того, что Слово дошло до насъ въ великорусской редакціи (XIX стр.).

На т. н. миѳологію Слова О. смотритъ, какъ на украшеніе и въ авторѣ признаетъ христіанина. Наконецъ слѣдуетъ добавить о мнѣніи О. о томъ, что Слово нѣкогда пѣлось. Мы считаемъ наиболѣе интересными въ изданіи Огоновскаго его „поясненья“. Здѣсь мы находимъ и взгляды О. на Трояна, въ которомъ онъ, безъ всякаго колебанія, признаетъ римскаго императора, память о которомъ связана съ Трояновымъ валомъ въ Южной Россіи (на Украіні, стр. 38); на Дива, въ которомъ онъ видитъ божество тьмы, чернобога прибалтійскихъ и полабскихъ славянъ. Прибавимъ еще, что О. не прочь сравнивать Слово о П. И. съ Краледворской рукописью и даже съ Иліадой и Одисеей Гомера, несмотря на то, что въ предисловіи высказался противъ мнѣнія кн. Вяземскаго о сходствѣ Слова съ классической поэзіей. Но болѣе сравненій Слова у О. съ народной поэзіей, конечно, преимущественно съ малорусской.

Къ 1877 г. относится трудъ князя П. П. Вяземскаго: „Слово о Полку Игоревѣ. Изслѣдованіе о варіантахъ“. Это опытъ возстановленія текста Слова, причемъ въ рукописяхъ его предполагаются: надстрочные знаки, титла, ю, △, ⊙⊙, даже ѭ, ѫ, ѩ. Все это совершенно самостоятельно придумано авторомъ; въ чтеніяхъ же онъ слѣдуетъ объясненіямъ предшественниковъ и не всегда удачнымъ. Научные пріемы автора тѣже, что и въ „Замѣчаніяхъ на Слово о П. И.“ 1875 г., т. е. обиліе самыхъ разнообразныхъ и разнохарактерныхъ предположеній. Во всякомъ случаѣ, видно, что Слово о П. И. очень занимало почтеннаго автора, и его вклады въ это изученіе вызывали новыя изслѣдованія.

Въ 1877 г. явился трудъ А. И. Смирнова, посвященный во-1) литературѣ Слова со времени открытія его до 1876 г. и во-2) пересмотру нѣкоторыхъ вопросовъ (1879 г.). Задачей перваго труда авторъ ставитъ изложеніе мнѣній и замѣчаній даже второстепенныхъ представителей литературы Слова. Авторъ справедливо указываетъ на частыя повторенія въ литературѣ Слова мнѣній и догадокъ предшественниковъ—происходящихъ иногда по тому только, что остаются неизвѣстными прежніе многочисленные труды о Словѣ, представляющіе часто библіографическую рѣдкость. Къ сожалѣнію, какъ замѣтилъ уже И. Н. Ждановъ (Литература Слова о П. И., 1880 г.), въ трудѣ С. не разграничены существенныя стороны въ изученіи Слова отъ неважныхъ, первостепенныя изслѣдованія отъ второстепенныхъ и

даже третьестепенныхъ замѣтокъ, не указана послѣдовательная смѣна направленій и пріемовъ въ изученіи Слова. Кромѣ того почти отсутствуетъ критика мнѣній и есть нѣкоторые недочеты въ библіографическомъ обзорѣ трудовъ, посвященныхъ изученію Слова. Во второй части своего труда С. подвергъ критическому разбору изслѣдованія о Словѣ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ: 1) о вѣкѣ рукописи и характерѣ письма (мы касались этого вопроса выше и уже отмѣтили отношеніе С. къ взгляду Тихонравова, критикѣ котораго главнымъ образомъ посвящена эта часть труда С.), 2) о языкѣ Слова со стороны звуковъ и формъ, какимъ онъ является по изданію М. Пушкина, 3) объ исправленіяхъ первопечатнаго текста, 4) о судьбахъ Слова въ послѣдующей русской литературѣ (здѣсь разсматривается отношеніе Слова къ Задонщинѣ, къ Псковскому лѣтописцу и къ Исторіи объ Азовскомъ сидѣніи), 5) наконецъ разсматривается отношеніе Слова къ Сѣверноруссвой народной поэзіи и языку.

Въ 1890 г., въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ (№ 2) проф. Смирновъ издалъ „Третій списокъ Задонщины по Синодальному скорописному сборнику XVII в.“, который представляетъ интересъ для изученія литературной исторіи Слова о Полку Игоревѣ.

Названный трудъ С., посвященный литературѣ Слова и пересмотру нѣкоторыхъ вопросовъ, несмотря на его недостатки, имѣлъ значеніе въ исторіи изученія Слова. Безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ этой работы явился болѣе полный и обстоятельный трудъ Ѳ. В. Барсова о Словѣ, въ которомъ подвергнуты пересмотру всѣ вопросы, затронутые г. Смирновымъ. Мы увидимъ ниже, что оба названные автора сходятся въ предпочтеніи, напр., сравненій Слова съ сѣверноруссвой народной поэзіей (съ былинами), въ противоположность другимъ изслѣдователямъ, исключительно сравнивавшимъ Слово съ малорусскими думами.

Къ 1877 году относится работа о Словѣ, отличающаяся особенной оригинальностью взгляда. Значенію этой работы въ исторіи изученія Слова до нѣкоторой степени отвѣчаетъ извѣстная работа Стасова по вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Сходство проявляется какъ въ общности метода, такъ и въ особенномъ вниманіи къ новой работѣ со стороны критики, въ спорахъ о предметѣ. Мы говоримъ о „Взглядѣ на Слово о Полку Игоревѣ“ Всев. Ѳ. Миллера (М. 1877 г.). Прежде всего авторъ относится совершенно отрицательно

къ наиболѣе распространеннымъ въ то время мнѣніямъ объ авторѣ Слова, о Боянѣ и о языческихъ существахъ, упоминаемыхъ въ Словѣ,—вообще—къ вопросу о происхожденіи Слова, какъ этотъ вопросъ разрѣшался Буслаевымъ, Срезневскимъ и друг.; какъ онъ повторялся и въ лучшихъ въ то время учебныхъ пособіяхъ по словесности, напр., у Стоюнина. Вс. Миллеръ совершенно отрицаетъ убѣжденіе, что Слово—пѣсня неграмотнаго народнаго или дружиннаго княжескаго пѣвца, воображеніе котораго, а отчасти и вѣрованія были исполнены еще языческаго наивнаго міровоззрѣнія. Слово о Полку Иг., по мнѣнію Вс. Миллера,—произведеніе строго книжное, вполнѣ литературное, авторъ его— писатель просвѣщенный, христіанинъ, называющій языческія божества только для красоты поэтической рѣчи, какъ украшающіе эпитеты; онъ сознательный поборникъ опредѣленной политической идеи; онъ замѣчательно начитанъ въ византійской и южнославянской литературахъ, особенно въ области повѣстей и поэмъ. Въ доказательство этого послѣдняго взгляда Вс. Миллеръ подробно разбираетъ византійскій героическій романъ X в. о Дигенисѣ Акритѣ, извѣстный сравнительно въ позднихъ греческихъ и славянскихъ спискахъ, и проводитъ аналогіи между Словомъ о Полку Игоревѣ и византійской поэмой. И снова, какъ у Стасова, оказывается, что авторъ Слова заимствовалъ множество подробностей изъ чужеземныхъ источниковъ: не только украшающіе эпитеты, но и Бояна, Трояна, Дажь-Бога, Велеса, Хорса, Дива, Дѣву—Обиду, Дунай, и проч. Все это изъ Византіи или, точнѣе, изъ Болгаріи, почему Вс. Миллеръ и ставитъ на своей работѣ эпиграфъ: „Дѣвици поютъ на Дунаи (болгарскія поэмы),—вьются голоси чрезъ море до Кіева“ (и эти болгарскія поэмы доходятъ до Кіева, гдѣ русскій книжникъ, подражая имъ, черпая изъ нихъ многія подробности, въ тѣхъ же выраженіяхъ пишетъ о русскихъ событіяхъ XI—XII в.в.). Вс. Миллеръ не отрицаетъ только историческаго значенія Слова; но, конечно, ограничиваетъ и его, исключая характеристическія черты міровоззрѣнія русскихъ людей XII в. Мы, однако, не будемъ здѣсь входить въ критическій разборъ изслѣдованія Вс. Миллера,—иначе это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только, что и самъ авторъ не считаетъ своего „взгляда“ порѣшеннымъ и ожидаетъ новыхъ изслѣдованій и открытій, напр. такихъ греческихъ и болгарскихъ поэмъ, которыя бы наиболѣе приближались къ Слову. Гораздо важнѣе значеніе труда Вс. Миллера, какъ

замѣчательнаго критическаго анализа, приложеннаго къ Слову и къ предшествующимъ автору изслѣдованіямъ о Словѣ. Чтобы познакомить, однако съ пріемами автора, мы приведемъ двѣ—три выдержки изъ его изслѣдованія: „Внукъ Дажь-Бога могло быть болгарской передачей византійскаго эпитета, приданнаго въ какомъ-нибудь византійскомъ произведеніи какому-нибудь миѳическому или историческому лицу. Дажь-Богъ былъ подставленъ на мѣсто Геліоса или Феба“ (76 стр.); „странно, что авторъ, перебравшій въ своемъ произведеніи четырехъ языческихъ божествъ—Дажь-бога, Велеса, Хорса, Стрибога—нигдѣ не обронилъ ни слова о самомъ главномъ русскомъ богѣ, о громовникѣ Перунѣ. Для объясненія этой странности можно предположить лишь то, что авторъ не нашелъ Перуна въ болгарскомъ источникѣ, изъ котораго черпалъ свою миѳологію“ (87 стр.). „Загадочность всего разсказа о Всеславѣ... зависитъ отъ того, что авторъ Слова подставилъ Всеслава на мѣсто какого-то эпическаго богатыря и перенесъ на полоцкаго князя черты, въ которыхъ изображенъ былъ этотъ неизвѣстный намъ богатырь въ болгарскомъ произведеніи. На счетъ этой миѳической личности нужно отчислить седьмой вѣкъ Трояновъ, метаніе жребія о дѣвицѣ и скаканіе къ городу“ (232 стр.). Начиная съ VI главы Вс. Миллеръ останавливается исключительно на текстѣ Слова и въ комментаріяхъ къ нему дѣлаетъ нѣсколько поправокъ: 1) перестановку: „начяти о полку Игоревѣ старыми словесы“; 2) вспала князю у умь похоть; 3) свистъ звѣринъ въста *зълз* дивъ; 4) заря свѣтъ запяла; 5) не было оно къ обидѣ; 6) кая (проклиная?) раны дорога(-го) брата; 7) одѣвахъ темя (?) (стр. 217); 8) бусови (сѣродымчатые) врани, 9) самою (вм. самаю); 10) вонзи (=воззни) стрикусы (шпоры или стрекала); 11) въ дрѣзѣ тѣлѣ; 12) рѣка Стугна... стругы (волны, протоки по Максимовичу) простре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори *въ днѣ* при темнѣ березѣ (Ростислава затворила на днѣ при темномъ берегу). Замѣтимъ еще, что Вс. Миллеръ предполагаетъ въ текстѣ Слова вставки, пропуски и скептически относится къ возможной разгадкѣ темныхъ мѣстъ Слова при существующихъ средствахъ.

Изъ статей, вызванныхъ „Взглядомъ“ Вс. Миллера, отмѣтимъ прежде всего статью академика Веселовскаго „Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1877 г., августъ). Критикъ съ удовольствіемъ привѣтствуетъ гипотезу Вс. Миллера, раздѣляетъ отчасти ея общее положеніе и нѣкоторыя частности (напр.

о книжномъ происхожденіи Слова, о его пѣвцѣ, о Боянѣ; но не соглашается съ мнѣніемъ о болгарскомъ происхожденіи Трояна и божествъ, съ сближеніями поэмы о Дигенисѣ и Слова о Полку Игоревѣ, съ мнѣніемъ о спайкахъ въ Словѣ. Вмѣсто того Веселовскій предлагаетъ свои интересныя соображенія о Троянѣ, о Дивѣ и Дѣвѣ-Обидѣ и друг. Не соглашаясь съ такими толкованіями Трояна, какъ—солнечнаго бога, поражавшаго демоновъ тьмы (Огоновскій), какъ—существа темнаго, выработаннаго суевѣріемъ славянской Дакіи изъ историческаго императора (Вс. Миллеръ), В. вмѣсто этой миѳической основы указываетъ на болѣе вѣроятную „псевдоисторическую“: „вѣки Трояни“ были бы вѣками Трояна—Троянскихъ дѣяній, повѣсти о которыхъ хорошо были извѣстны и на византійско-славянскомъ югѣ, и на западѣ; пѣснотворецъ Троянь, если предположить такое сочетаніе, былъ бы поэтомъ троянской славы, троянскихъ дѣятелей. Источникомъ разсказовъ о Троянскихъ дѣяніяхъ было для среднихъ вѣковъ короткое изложеніе ихъ у т. н. Диктиса и Дарета“ (296 стр.)... „Византійцы могли разрабатывать то же литературно-историческое преданіе, усматривая въ народахъ варварахъ, съ которыми имъ приходилось вести борьбу, отъ которыхъ имъ грозила опасность, потомковъ варваровъ Троянъ“ (297). Съ этими византійскими преданіями о Троянахъ стоятъ въ связи средневѣковыя сказанія (у Фредегара и др.) о троянскомъ происхожденіи франковъ, о Троянахъ—Торкахъ, или Туркахъ на берегахъ Дуная и у устьевъ Дона. „Авторъ Слова, знавшій объ Азовскихъ Готахъ, зналъ и объ Азовскихъ Тюркахъ; надо предположить, что ему извѣстна была какая-нибудь историческая *сказка* (средневѣковое троянское сказаніе) въ родѣ той, которую пріурочили къ своимъ франкамъ Фредегаръ и Gesta Francorum; тогда понятно будетъ, почему земля Тюрковъ Торхота на Дону явилась у него землею Троянской“ (302). Принимая взглядъ Вс. Миллера на Бояна (изъ болгарскаго памятника), В. объясняетъ, что „Тропа Трояна“ подсказана Бояну авторомъ Слова, который соединилъ въ этомъ мѣстѣ Слова память о Троянѣ на Дону съ разсказомъ объ Игорѣ.—Гораздо проще и основательнѣе В. объясняетъ Дѣву—Обиду и Дива, какъ „неполныя попытки миѳическаго овеществленія идей: злой судьбины, прирожденнаго горя—злосчастія, кручины, являющихся то въ образѣ чудища, то зловѣщею птицей ворономъ, то въ видѣ Судинушки олонецкаго причитанья“, о чемъ мы скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Изслѣдованіе Вс. Миллера явилось въ русской литературѣ о Словѣ такой новинкой, что долго и позднѣе изслѣдователи Слова останавливались на его „Взглядѣ“ и старались опровергнуть его (наприм. Барсовъ).

Мы не будемъ приводить всѣхъ этихъ возраженій Вс. Миллеру и послѣ разсмотрѣнной замѣчательной статьи акад. Веселовскаго упомянемъ еще только о статьѣ Ор. Ѳ. Миллера: „Еще о взглядѣ В. Ѳ. Миллера на Слово о Полку Игоревѣ“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1877 г., сентябрь). Ор. Миллеръ, не отрицая книжнаго происхожденія Слова, не согласенъ однако съ болгарско-византійскимъ, нерусскимъ происхожденіемъ многаго въ Словѣ о П. И., какъ думаетъ Вс. Миллеръ. Разбирая отдѣльныя мѣста новаго „Взгляда“, Ор. Миллеръ припоминаетъ о значеніи родной народной поэзіи, которой объясняется всего лучше значительная часть и бояновыхъ замышленій, и другихъ мѣстъ въ Словѣ. Критикъ указываетъ въ книгѣ Вс. Миллера такія объясненія, съ которыми онъ соглашается, или только отказывается отъ прежнихъ. Такъ Ор. Миллеръ признаетъ, что Боянъ, какъ и Дунай, могутъ быть именами нарицательными, а не собственными; въ лицѣ Бояна представляется не историческое лице, а апоѳеоза пѣвца вообще. Мало того, Ор. Миллеръ отказывается отъ Слова о П. И., какъ источника изученія русской миѳологіи (стр. 47): „книжные источники миѳологіи—вообще источники самые мутные, такъ какъ книжники стараго времени постоянно только путали и мудрили, когда касались вѣрованій и преданій народныхъ“. Въ „Опытѣ историч. обозрѣнія Русской Словесности“ (1865 г., Слово о П. И., VIII гл.) Ор. Миллеръ внимательно останавливался на миѳологіи Слова и отыскивалъ миѳологическую старину и въ Троянѣ, и въ Боянѣ, не говоря уже о Дажьбогѣ, и проч. Такъ теорія заимствованія поколебала теорію миѳологіи въ приложеніи и къ былинамъ и къ Слову о П. И.; однако, широкія обобщенія, основанныя на новой теоріи, сразу встрѣтили серіозныя возраженія.

Вс. Миллеръ на возраженія критики о Троянѣ и Боянѣ старался привести новыя доказательства ихъ болгарскаго происхожденія въ двухъ статьяхъ: 1) „Замѣтки по поводу сборника Верковича: Къ вопросу о національности Бояна въ Словѣ о П. И.“. (Журн. Мин. Нар. Пр. 1877, октябрь) и „По поводу Трояна и Бояна Слова о П. И.“ (Ж. М. Н. Пр. 1878, дек., ч. CC.). Во второй статьѣ Вс. М.

такъ отзывается о первой: „занятіе сборникомъ Верковича натолкнуло меня на новую пѣснь о кралѣ Троянѣ, въ которой упоминается воевода Боянъ, воспѣвшій подвиги Трояновы. Эта новая пѣснь, соединяющая имена Краля Трояна и пѣвца воеводы Бояна, побудила меня отказаться отъ высказанной мною догадки, которая раньше меня была сдѣлана Венелинымъ, что въ Боянѣ Слова слѣдуетъ видѣть царевича—кудесника Бояна, сына царя Симеона; но та же пѣснь еще болѣе подкрѣпила меня въ мысли, что Боянъ принадлежитъ той же національности, какъ и Троянъ, и что оба попали въ Слово изъ одного и того же болгарскаго источника". Въ новой статьѣ Вс. Миллеръ приводитъ фригійскія и болгарскія сказанія о Троянѣ—Мидасѣ и объ Орфеѣ—свирѣльщикѣ божественнаго происхожденія. Послѣдній является въ болгарскихъ пѣсняхъ Верковича въ формѣ—Урфенъ, Орфенъ, Френъ, Хръкленъ, Форленъ, и т. д. Отсюда Вс. Миллеръ выводитъ, что пѣвецъ Боянъ есть замѣна древняго Орфея. Въ этой же статьѣ Вс. Миллеръ возражаетъ на гипотезу акад. Веселовскаго о землѣ Тюрковъ—Троянъ на Дону и по берегамъ азовско-черноморскимъ. Конечно, онъ снова отстаиваетъ свою гипотезу о мѣстномъ болгарскомъ Троянѣ, попавшемъ книжнымъ путемъ въ Слово. Вс. Миллеръ сходится съ Веселовскимъ въ томъ, что упоминаніе Трояна въ Словѣ не основывается на народныхъ русскихъ сказаніяхъ, а взято изъ книжнаго источника. Мы прибавимъ еще, что въ литературѣ было высказано недовѣріе къ нѣкоторымъ болгарскимъ пѣснямъ, собраннымъ г. Верковичемъ. Не принадлежитъ ли къ числу такихъ пѣсенъ и пѣсня объ Орфеѣ?

Отчасти такъ же, какъ возраженіе на „Взглядъ" Вс. Миллера въ 1878 г. явился замѣчательный трудъ Потебни („Слово о Полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія"; первоначально въ Филологич. Зап. 1877—78 г.г.), который снова поднялъ вопросъ о тѣснѣйшей связи Слова съ русской и славянской народной поэзіей. Но мы прежде всего скажемъ объ опытѣ возстановленія правописанія XII в., которымъ отличается изданіе текста Слова у Потебни. Подобный же опытъ и въ 1877 г. принадлежитъ Буслаеву (Учебная христоматія). Мы считаемъ нелишнимъ остановиться на этихъ опытахъ и указать ихъ нѣкоторую произвольность. Такъ Буслаевъ и Потебня всѣ церковнославян. формы—„плъку, влъкомь", и проч. измѣнили на русскія—„пълку, вълкомь", и проч.; но русскіе памятники XII в. даютъ многочисленныя

указанія и на присутствіе въ русской письменности церковнославянскихъ формъ. Рядомъ съ этимъ измѣненіемъ Буслаевъ и Потебня удержали такія церковно-слав. формы, какъ—„прихождаху, жаждею, вижду“, и т. п.; но въ русскихъ памятникахъ XII в. (напр. въ Житіи Ѳеодосія печ. по Сборн. Москов. Успен. Соб. XII): „прихожааху, отхожааше, жажю“, слѣдов. ж=жд. И Буслаевъ и Потебня возстановили ъ въ суффиксахъ и въ корняхъ, но глухіе звуки стали сильно исчезать въ русскомъ яз. уже съ XI ст.; слѣдовательно, оба ученыхъ издателя возстановили глухіе тамъ, гдѣ ихъ не было (напр.: „вься, пътиць, Вьсеволодъ“ и т. д.). Послѣ гортанныхъ оба издателя Слова вездѣ поставили ы—„Кыевъ, великыхъ“, и т. д.: но русскіе памятники имѣютъ ы и и часто. Таже неосновательность замѣчается и въ постановкѣ послѣ шипящихъ и ꙗ—я, ю (впрочемъ, Буслаевъ удержалъ а). Замѣтимъ еще, что Буслаевъ и Потебня уничтожили мѣну ч и ц (вм. луцежъ—лучежъ, вм. вѣчи—вѣци, и т. д.). Подобныя же исправленія сдѣланы и въ формахъ: щити, златии шеломи, сѣрымь вълкомь, сизымь орьломь; у Буслаева, даже—„времене“. Однако Буслаевъ ближе держится оригинала, между тѣмъ какъ Потебня относится свободнѣе къ тексту Слова.

Но кромѣ поправокъ въ текстѣ Слова Потебня допустилъ въ своемъ изданіи перестановки, при чемъ высказалъ слѣдующій взглядъ на исчезнувшую рукопись Слова. „Кажется, что списокъ, дошедшій до насъ въ изд. 1800 г., ведетъ свое начало отъ черновой рукописи, писанной самимъ авторомъ или съ его словъ, снабженной приписками на поляхъ, замѣтками для памяти, поправками, вводившими переписчика (быть можетъ, конца XIII или начала XIV в.) въ недоумѣніе относительно того, куда ихъ помѣстить. Сверхъ того, кажется, въ текстъ внесены глоссы одного и болѣе чѣмъ одного переписчика“. Укажемъ эти поправки, пропуски и перестановки, допущенные Потебней. Вмѣсто „4 солнца“ Потебня неосновательно допускаетъ „2 солнца“. „Темно бо бѣ въ г̃ (3) день“ читаетъ „въ тъ день“. Перестановки: 1) „два мѣсяца Олегъ и Святославъ тѣмою ся поволокоста (сюда далѣе у П. приставлено) и въ морѣ погрузиста и великое буйство подаста (вм. подасть) Хинови“ (выпущено „на рѣцѣ на Каялѣ“, и проч.); 2) „уже узнесеся (вм. „снесеся“) хула на хвалу, се бо Готскія красныя дѣвы, и проч. Уже тресну нужда на волю“; 3) „Уже бо Сула не течетъ—подъ кликомъ поганыхъ“,

Пропуски и глоссы (вставки): толковинъ=толкованіе, сирѣчь; татраны (вставка), смысленый (глосса къ „вѣщій"); успала князю у умь похоть (П. переводитъ: встало на умъ князю желаніе отвѣдать Донской воды). Наконецъ весь эпизодъ объ Олегѣ Гориславичѣ съ упоминаніемъ о великомъ Ярославѣ и Борисѣ Вячеславичѣ и Святополкѣ II. считаетъ вставкой, взятой изъ другого неизвѣстнаго сочиненія. Точно также вставками П. считаетъ фразы: поискати града Тмутороканя, которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкія, и пр. По происхожденію Слово П. относитъ къ произведеніямъ личнымъ и письменнымъ; нѣкоторыя мѣста Слова особенно выдѣляются по своей книжной формѣ, какъ: „не лѣпо ли ны бяшетъ, иже истягну умъ крѣпостію и поостри сердца мужествомъ, тлѣковины", и проч. Мы уже говорили, что П. противъ гипотезы Вс. Миллера о готовомъ византійско-болгарскомъ шаблонѣ Слова; напротивъ, по глубокому убѣжденію Потебни, Слово проникнуто народно-поэтическими стихіями. Изслѣдованіе П. имѣетъ особенное значеніе по объясненію поэтическихъ образовъ и связи ихъ съ народной поэзіей. Съ этой же стороны Потебня коснулся Слова еще ранѣе въ своей статьѣ, подъ названіемъ: „Малорусская народная пѣсня по списку XVI в., текстъ и примѣчанія" (Филол. Зап. 1877 г., вып. 2, и отдѣльно).

Неоконченная работа Андріевскаго („Изслѣдованіе текста пѣсни Игорю Святославичу", часть 1. главы I—III, Екатеринославъ, 1879;—глава IV, 1880 г. и „Пѣсни Игорю Святославичу—Слова о Полку Игоревѣ, по чтенію М. А. Андріевскаго", часть I, 1880 г.) посвящена: библіографическому указателю литературы Слова, выдержкамъ изъ нѣкоторыхъ трудовъ по вопросу о „загадочности нашего памятника", сводному тексту Слова; критическимъ замѣткамъ объ отдѣльныхъ частяхъ и выраженіяхъ въ Словѣ и наконецъ собственному чтенію Слова, предложенному авторомъ (издана только часть этого чтенія). Значительныя измѣненія текста Слова, допущенныя Андріевскимъ, объясняются его общимъ взглядомъ на происхожденіе и судьбу Слова. Признавая Слово произведеніемъ устнаго народнаго эпоса, авторъ предполагаетъ, что оно долго переходило изъ устъ въ уста, вслѣдствіе чего въ немъ явились „перетасовки, перепутанность, скомканность, пропуски, повторенія, добавки, искаженія, отсутствіе стройности, слабость логики, положительныя безсмыслицы". Въ полуразрушенномъ, искаженномъ видѣ текстъ пѣсни былъ занесенъ на бу-

магу какимъ нибудь любителемъ повѣстей изъ устъ какого нибудь позднѣйшаго пѣвца". Это было еще въ началѣ XIII в., затѣмъ слѣдовалъ рядъ списковъ вплоть до списка, попавшаго въ руки Мусина-Пушкина. Слово въ этомъ видѣ является передѣлкой чисто народнаго произведенія. Текстъ Пѣсни Игоревой въ устахъ пѣвцовъ могъ существовать въ нѣсколькихъ варьянтахъ" (ч. I, гл. I—III, стр. 76). Андріевскій указываетъ слѣдующіе пути и средства, посредствомъ которыхъ можно возстановить текстъ Слова: строго логическимъ анализомъ сохранившагося текста, сличеніемъ разныхъ образовъ и выраженій пѣсни съ аналогичными образами и выраженіями, встрѣчающимися въ произведеніяхъ народной устной поэзіи и въ нѣкоторыхъ письменныхъ памятникахъ. Интересно, что по поводу бумагъ Малиновскаго, открытыхъ Е. В. Барсовымъ, г. Андріевскій высказываетъ сильное сомнѣніе (I ч., I—III гл., 70 стр. Нельзя не пожелать поэтому обнародованія этихъ бумагъ Малиновскаго въ полномъ ихъ видѣ и даже со снимкомъ). Но относительно исправленій въ текстѣ Слова у г. Андріевскаго нельзя не согласиться съ Барсовымъ, что они произвольны и часто ни на чемъ не основаны, что въ исправленіяхъ этихъ г. Андріевскій „не зналъ уже никакой мѣры и удержу" (Е. В. Барсовъ: Слово о Полку Игоревѣ, II, 110 стр.).

Къ 1879 г. относится замѣтка И. И. Малышевскаго „Къ вопросу объ авторѣ Слова о П. И." (Журн. Мин. Нар. Пр. 1879 г., августъ), вызванная трудомъ Вс. Миллера. Раздѣляя взглядъ Вс. Миллера на византійско-болгарское книжное происхожденіе Слова, М. обращаетъ особенное вниманіе на упоминанія въ Словѣ Тмуторокани и соединяетъ ихъ съ греко-русскими отношеніями на азовско-черноморскомъ побережьѣ. Авторъ Слова, по мнѣнію М., живалъ въ древней Тмуторокани, бывалъ и въ другихъ мѣстахъ. „Это былъ странствующій книжный пѣвецъ, подобный Орю и Тимоѳею (о которыхъ упоминаетъ лѣтопись), успокоившійся наконецъ въ Кіевѣ при князѣ Святославѣ (1177—1194 г.г.). Изъ своихъ посѣщеній греческаго черноморскаго побережья авторъ Слова „могъ вынести какъ письменные образцы для своего произведенія, такъ и самую наклонность обставлять его образами миѳической древности".

Въ „Исторіи Россіи" 1880 г. Д. И. Иловайскаго находимъ слѣдующія замѣчанія о Словѣ. Какъ Боянъ, такъ и автора Слова, образованнаго дружинника, И. считаетъ поэтами Черниговo-сѣверскими.

Въ Словѣ И. видитъ такой же „аристократическій характеръ", какъ и въ рыцарской поэзіи трубадуровъ и миннезенгеровъ, которой русская придворно-княжеская поэзія не уступала даже со стороны женскихъ идеаловъ (художественное, симпатичное изображеніе Ярославны). Припомнимъ еще, что въ 1874 г., въ Древностяхъ и Трудахъ Московск. Арх. Общ. (т. IV, вып. 2, стр. 63—64) Иловайскій предложилъ новое толкованіе „Тмутороканьскаго блъвана" (такъ въ оригиналѣ; но Д. И. Иловайскій прочелъ—„балванъ") отъ польскаго bałwan (на что указывалъ Сеньковскій)=чурбанъ и волна (надо прибавить—morski). Въ послѣднемъ значеніи—„морской волны, пролива, Тмутороканскаго Побережья" онъ предполагаетъ и старославян. и русское „балванъ"; но форма Слова о П. И. „блъванъ", а рядомъ съ нимъ стоятъ „Корсунь и Сурожъ"; слѣдовательно, нѣтъ еще основанія сопоставлять Тмутороканскаго блъвана съ Поморіемъ и Посуліемъ.

Интересно остановиться и на оригинальномъ отзывѣ о Словѣ извѣстнаго церковнаго историка, Голубинскаго (Исторія Русской Церкви, I, первая половина тома, 1880 г., стр. 700—705). Авторъ разсматриваетъ Слово, какъ „сочиненіе неизвѣстнаго сочинителя", „остатокъ нашего домонгольскаго трубадурства, другіе памятники котораго или погибли или еще пока скрываются въ рукописяхъ неоткрытыми". Авторъ возстаетъ противъ „преувеличеннаго мнѣнія" о Словѣ: онъ ставитъ лѣтописный разсказъ о походѣ Игоря выше Слова и даже, въ противоположность, всѣмъ изслѣдователямъ Слова, считаетъ „прозаическимъ источникомъ поэмы повѣсть о походѣ Игоря, помѣщенную въ Ипатской лѣтописи". „До верха совершенства Слову далеко, въ нѣкоторыхъ случаяхъ проза (лѣтописи) выше поэзіи (Слова)". Но въ тоже время Г. стоитъ за совершенную самобытность, совершенную оригинальность и свѣжесть Слова. Въ критическихъ отзывахъ Г. о Словѣ проявляется отсутствіе серіознаго изученія Слова, какъ предмета отчасти посторонняго для почтеннаго труда церковнаго историка: онъ и касается Слова „для полноты обзора и ради нѣкоторыхъ читателей".

Въ 1880 же году И. Н. Ждановъ въ статьѣ „Литература Слова о П. И." (Кіевъ, 1880 г.) дополнилъ критико-библіографическія работы Смирнова и Барсова указаніемъ какъ мелкихъ трудовъ, такъ и такихъ крупныхъ, какъ Огоновскаго, Вс. Миллера, Потебни, и др. Кромѣ того, Ждановъ присоединилъ замѣчанія относительно нѣкоторыхъ мѣстъ Слова о П. И. Особенно интересны его объясненія:

1) мысленнаго древа въ иносказательномъ значеніи дерева воображаемаго и дерева родословнаго; 2) выраженія—„храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло“ въ сопоставленіи съ подобными же выраженіями въ старинныхъ памятникахъ. Еще ранѣе, въ другой своей статьѣ о „Русской поэзіи въ до-монгольскую эпоху“ (1879 г., Кіевск. Унив. Изв.) Ж. также коснулся нѣкоторыхъ мѣстъ Слова, напр. „карны и жли“, сравненіе съ „карити“ плачемъ (5 стр.); Бояна, какъ одного изъ слагателей старыхъ народныхъ былевыхъ пѣсенъ съ чертами необыкновеннаго и чудеснаго; въ этомъ поэтическомъ образѣ Бояна, которому авторъ Слова придалъ нѣкоторыя книжныя черты, слились черты цѣлаго ряда явленій, цѣлаго класса лицъ (11—16 стр.); значеніе „славы“ въ Словѣ и наконецъ происхожденія Слова. Относительно послѣдняго Ж высказалъ слѣдующее: „оно (Слово) было не записано, а написано. Если авторъ Слова пользуется народно—эпическими или книжно-заносными поэтическими образами, то это только его литературная манера, манера той среды, къ которой онъ принадлежалъ“ (20 стр.).

Давнишнія попытки выправить текстъ Слова посредствомъ перестановокъ нѣкоторыхъ мѣстъ и перемѣны нѣкоторыхъ выраженій (что такъ рѣзко проявилось въ книгѣ Андріевскаго) снова выступили въ небольшомъ трудѣ Д. Прозоровскаго: „Новый опытъ объяснительнаго изложенія Слова о П. И.“ (1881 г.). „Изложеніе Слова, говоритъ авторъ (стр. 5), значительно перепутано, вѣроятно, переплетами и переписками; чтобы возстановить его въ первоначальный, или хотя въ близкій къ первоначальному, видъ, необходимо переставить нѣкоторыя его мѣста такъ, чтобы событія слѣдовали одно за другимъ правильно и по мысли писателя, а это указывается сопоставленіемъ Слова съ лѣтописями“. На основаніи такихъ соображеній П. ставитъ въ началѣ Слова, между „почнемъ же братіе повѣсть—на землю Половецкую, за землю Руськую“ и „Тогда Игорь възрѣ“ три эпизода: 1) „Были вѣчи Трояни—а сицевой рати не слышано“, 2) „На седьмомъ вѣцѣ Трояна—а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ“ и 3) „Уже бо Сула не течетъ—копія поютъ на Дунаи“ (стр. 32—35). Изъ перемѣнъ выраженій у П. являются слѣдующія новыя: 1) „на капину“ „вм. на канину“ и съ переводомъ—„на смертную“; „капь“, по мнѣнію автора, тѣло, трупъ (въ рукописи 1263 г. капищемъ названо тѣло Адама). Тоже чтеніе вм. „съ тоя же каялы“—

„съ тоя же капины „Святополкъ полелѣя отца“ (32 и 50); 2) вм. „воззни стрикусы“ читаетъ „воззни стрикусы“ и переводитъ „взревѣвъ по совиному“ (33 стр. стрикусы=στρίξ филинъ, сова. Это странное толкованіе П. основываетъ на томъ, что „Всеславъ, взревѣвшій стрикусами, т. е. по совиному, будетъ очень похожъ на Всеслава, сидящаго на клячѣ и подпершагося костылями съ палкою въ рукахъ, вмѣсто оружія“?); 3) „бусови врани“=пьяные, неистовые; 3) „у Плѣсньска на болони *браша* дебрь Кисаню и несоша ю къ синему морю“ въ переводѣ: вороны... брали дебрь Кисанову и несли ее къ синему морю (41 стр.; стр. 62 П. говоритъ, что въ его переводѣ это мѣсто является „въ совершенно ясномъ видѣ“. Но что такое „дебрь“? и какъ дебрь могли нести вороны?); 4) хинови=гуси отъ греч. χην. О происхожденіи Слова П. говоритъ слѣд.: „по сочиненію видно, что поэтъ былъ человѣкъ весьма образованный... высокій слогъ, какимъ написана поэма, и пріемы изложенія показываютъ, что его произведеніе предназначалось не для народа ,а для высшаго общества, преимущественно для князей, въ отношеніи къ которымъ поэма имѣетъ то характеръ сатиры, то характеръ похвалы. Оттого-то, можетъ быть, списки поэмы были не многочислены и могли скоро утратиться вслѣдствіе разныхъ случайностей въ судьбѣ княжескихъ и боярскихъ родовъ“ (13 стр.). Въ образѣ Трояна П. усматриваетъ „миѳическое повѣрье о заселеніи Славянами земель, ими занятыхъ, т. е. о сотвореніи Славянскаго міра“; „тропа Трояна—изъ преданій о путяхъ, которыми Славяне разселялись“; „земля Трояна—изъ миѳическаго повѣрья о выходѣ замужъ Руси за Даждь-Бога“ (17—19). Къ числу такихъ же необоснованныхъ предположеній относятся и объясненія: Хорса—млечнымъ путемъ (20), Сулы—Половцами, Двины—Литвой (21), Дуная—поэтическимъ представленіемъ южной Руси (22); и ходы (Рекъ Боянъ и ходы) греческимъ ἠχφδης—громкій, звучный, припѣвка; Ольгова Коганя *хота*—любимца, и т. п. Болѣе основаній въ объясненіи „стружія“ изъ хожденія Даніила въ значеніи палки въ $2^1/_2$ аршина, или около того и жезла власти (25—26). Въ концѣ труда Прозоровскаго приложены примѣчанія историческія, состоящія изъ буквальныхъ выписокъ изъ лѣтописей.

Упомянемъ здѣсь о двухъ историческихъ изслѣдованіяхъ, касающихся „Исторіи Сѣверской земли“, Д. И. Багалѣя и П. И. Голубовскаго (Сборникъ сочиненій студентовъ Университета св. Влади-

міра, вып. 3 и 4, 1881—82 г.г.). Багалѣй касается топографіи похода 1185 г. и предпочитаетъ мнѣнія Буткова и отчасти Аристова другимъ[1]). Голубовскій высказываетъ общее мнѣніе о походѣ Игоря Святославича, „представляющемъ фактъ княжескаго удальства, но фактъ вполнѣ безполезный“. То же повторяетъ г. Голубовскій въ интереснomъ трудѣ своемъ важномъ въ другихъ отношеніяхъ: „Печенѣги, Торки и Половцы“ (Кіевъ, 1884 г., стр. 163): „это не было предпріятіе, вызванное общими интересами Руси... Оно было результатомъ отваги молодыхъ Сѣверскихъ князей, ихъ стремленія поискати древняго Тмутораканя, продолжавшаго существовать и быть торговымъ пунктомъ на Азовскомъ морѣ“. Авторъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе г. Малышевскаго о пребываніи „создателя Слова“ въ Тмуторокани: „такихъ поджигателей на громкіе подвиги должно было быть много (?). Впереди видѣлась слава не только на Руси, но и въ Европѣ“.

Къ 1884 г. относится статья г. Гонсіоровскаго: „Замѣтки о Словѣ о П. И.; пересмотръ вопроса, на какомъ языкѣ написано Слово и нѣсколько замѣчаній и поправокъ къ тексту“ (Ж. М. Н. Пр. 1884, февр.). Г. по поводу языка Слова трезво критикуетъ своихъ предшественниковъ и высказываетъ убѣжденіе, что только послѣ рѣшенія вопроса о возникновеніи нарѣчій русскаго яз. возможенъ правильный отвѣтъ на вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ написано Слово“ (258 стр.). Но собственное мнѣніе Г. о томъ, что „Слово написано на смѣси древневеликорусскаго съ языкомъ вятичско-*польскимъ*“ (262), конечно, не вѣрно. Изъ поправокъ Г. отмѣтимъ: „слава“ вм. спала (Бицынъ); „кыя раны“ (=какіе удары); „Гориславличи сѣяшася и растяша (=умножилось число людей несчастныхъ; Гореславличи—названіе для людей несчастныхъ); „и на коничину зелену“ (=на зеленой дятелинѣ); „паворози“ (=сѣтка, сдѣланная изъ проволоки, вм. папорзи). Большая часть этихъ толкованій Г. основанна на предположеніи о вліяніи польскаго языка на языкъ Слова о П. И. Если это и неосновательно, то, во всякомъ случаѣ, статья Г. интересна по критикѣ нѣкоторыхъ мнѣній предшественниковъ.

---

[1]) См. интересныя возраженія по поводу реферата Д. И. Багалѣя „Слово о П. И., какъ литературный памятникъ Сѣверской земли“ въ Чтеніяхъ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. II, стр. 160—162.

Мы не будемъ останавливаться на неудачной попыткѣ Ом. Партыцкаго (Слово о Полку Игоревомъ, во Львовѣ, 1884 г.) выправить текстъ Слова согласно съ правилами метрики, подгоняя всѣ Слова и предложенія памятника подъ ямбы и трохеи. Для этого авторъ долженъ былъ ввести множество новыхъ буквъ въ текстъ въ родѣ *о*, *е* (напр. „Долого ноч меркнете“ 14 стр.; „Реко Бояно, исходя“, 32, и проч.). Отмѣчу однако слѣдующія толкованія П.: онъ видитъ миѳологическую „Обиду“ въ выраженіяхъ „уже бо бѣды (поправлено: „оуже обида“) его, Оби—Дивъ=Обида—Дивъ“ (изъ „свистъ звѣринъ въ стазби дивъ“...) и „Донъ зоветъ князи на обиду“ (вм. побѣду). Увлекшись скандинавскою (готской) миѳологіей П. видитъ Норну въ выраженіи „верже Всеславъ жребій о дѣвицю“ и даже передѣлываетъ это мѣсто въ „Всеславо вереже жребій от Дѣвицѣ Бѣлѣ“. Эта Бѣла тоже, что въ Еддѣ Bil и Hiuki. Въ томъ же родѣ и остальныя объясненія П. о Карнѣ и Жлѣ (въ текстѣ онъ замѣнилъ ихъ Кончакомъ и Гзакомъ 20 стр.), и т. д.

Болѣе серіозной работой представляется трудъ А. С. Петрушевича: „Слово о Полку Игоревѣ“ (Львовъ, 1887 г.). Прежде всего интересны общія замѣчанія о Словѣ П.: „Слово было скоро по возвращеніи кн. Игоря изъ половецкаго плѣна написано пѣвцемъ его и дружинникомъ,.. ибо судя по замысловатому отрывистому составу Слова и по нѣсколькимъ десяткамъ именъ приведенныхъ въ немъ князей, трудно допустити, чтобы оно съ начала по памяти изъ устъ въ уста передавалось“ (15 стр.). „Пѣвецъ Игоря былъ воспитанъ подъ вліяніемъ народныхъ преданій и повѣрій, проживалъ въ средѣ бояръ и княжеской дружины, изучалъ прилежно русскія лѣтописи, былъ ознакомленъ съ богослужебными старословенскими книгами и языкомъ ихъ. Съ такимъ образованіемъ авторъ Слова одаренъ притомъ поэтическимъ смысломъ и патріотическимъ чувствомъ; онъ воплотилъ въ своемъ сочиненіи задушевную мысль *единства русской земли*, зародившуюся въ немъ подъ напоромъ инородцевъ, окружающихъ Русь“ (23). „По той причинѣ авторъ Слова замысловато ставитъ величественную личность *Трояна—Рюрика* (на стр. 19: личность Рюрика—Трояна, старшаго изъ трехъ братьевъ—трибратичей, пришедшихъ къ намъ, и получившого для того имя Трояна, по древнѣйшему обычаю, до сихъ поръ сохранившемуся у нашихъ Скольскихъ Карпато—Руссовъ—стала угасати предъ Христовымъ свѣтомъ. Русское духовенство, запретивъ

поминаніе Трояна выдвинуло на первое мѣсто имя правнука Трояна, равноапостольнаго князя Владиміра", „по вѣкамъ Трояна—по поколѣньямъ Рюрикова дома" 20 стр.), во главѣ русской исторіи, начиная, подобно Римлянамъ отъ созданія Рима, числити отъ него вѣки Трояна до стараго Владиміра" (23—24). „Сочинитель Слова, по всей вѣроятности, былъ выходцемъ изъ нашей Галичской Руси", (31), такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ политикой Осмомысла, съ походами полковъ Ярослава на дальній востокъ—въ Палестину (въ землю Солтановъ), его поразили картины степи; „словомъ, говоритъ Петрушевичъ, пѣвецъ Игоря блеститъ западно-русскимъ образованіемъ, которое дружиннику южно-восточной стороны Руси было недоступнымъ" (32). Такъ предположенія приводятъ изслѣдователей къ ихъ сердечнымъ склонностямъ! Но перейдемъ къ научной сторонѣ изданія почтеннаго автора. П. раздѣлилъ текстъ Слова для удобства на 745 краткихъ стиховъ, привелъ варіанты по Екатерининской ркп. и допустилъ немногія исправленія въ текстѣ 1800 г. Таковы: „помняшеть бо *рѣчью*", „жадость", „звѣринъ въста *зыкъ*", „пасетъ птиць *полозію*", „съ тоя же каялы повелъ *бяше тестя* своего", „пособица княземъ на поганыя", „и скоти ю на кровать", „*гомонъ* (вм. комонь) въ полуночи", „рекъ Боянъ *исъ колѣна*". Кромѣ того П. воспользовался и нѣкоторыми исправленіями предшественниковъ. Прибавимъ еще, что вм. „(Ольга) того внуку" П. читаетъ „Трояна".

Прибавимъ кстати здѣсь объ „объясненіяхъ неудобопонимаемыхъ словъ" въ Словѣ о Полку Игоревѣ, которыя помѣщаетъ Петрушевичъ въ „Вѣстникѣ Народнаго Дома" съ 1882 г., особенно съ августа 1893 г. и до сихъ поръ еще неоконченныхъ (о городахъ Галичѣ и Львовѣ). Здѣсь онъ указываетъ слова румынскаго и вообще западнаго происхожденія, усматривая ихъ въ слѣд.: „Уримъ=у Римѣ, у Римѣхъ; крамола=carmula; кровать=румын. crevat; паполома=румын. paplama, poplom, на капину (такъ читаетъ П. слѣдуя Прозоровскому вм. на канину)=греческ., но черезъ румынъ; поганый=paganus; теремъ доска (изъ греч. δίσκος?); кнѣсъ, кметъ, корабль; стрикусъ=румынск. stricu—care (отчего же не отъ старосл. „стрѣкати, стрѣкнѫти", ср. у Скорины: „отъ стырчи" de malitia; но я не нашелъ у П. объясненія необычнаго суффикса—усъ въ этомъ словѣ); шереширы=русск. хорохориться (ч. 133 Вѣстника 1893 г. П. объясняетъ здѣсь и шереширы и стрикусы звукоподражаніемъ ударамъ стѣнобитныхъ орудій);

сабля (П. не признаетъ это слово азіатскимъ, какъ „харалужный“, какъ „орьтма“=ortmek туркотатарск., „япончица“=новотурецкое japundże). На этомъ № (13 дек. 1893 г.) Вѣстника прерывается пока для насъ любопытная статья Петрушевича, съ нѣкоторыми словопроизводствами которой мы не можемъ согласиться.

Мы должны теперь остановиться на самомъ большомъ трудѣ, какой когда-либо посвящался Слову о Полку Игоревѣ, трудѣ до сихъ поръ еще и неконченномъ, Е. В. Барсова—„Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси“, томы I—II, 1887 г. и III т., 1890 г. Трудъ Барсова настолько выдѣляется изъ ряда другихъ работъ о Словѣ, что вполнѣ заслуживаетъ подробной оцѣнки, какой отчасти онъ и подвергся въ рецензіи проф Будиловича (Журн. Мин. Нар. Пр. часть CCLXIX). Это трудъ, безъ котораго не обойдется ни одинъ изслѣдователь Слова о П. И., трудъ, составленный съ большой любовью къ предмету, съ вниманіемъ къ его разностороннимъ отношеніямъ; наконецъ, это трудъ, представляющій столько же обзоръ почти всей предшествующей ему разработки предмета, сколько и—дающій новый вкладъ въ изученіе Слова о П. И. Конечно, въ немъ есть и недостатки, о которыхъ слѣдуетъ упомянуть, чтобы лучше выдѣлить все, заслуживающее вниманія. Но прежде всего остановимся на его содержаніи. Въ предисловіи къ первому тому Б. ставитъ своей задачей возстановить историческое и художественное значеніе Слова о П. И., которое остается, по мнѣнію Б., въ сторонѣ изъ-за тонкихъ филологическихъ и грамматическихъ изслѣдованій Слова. Кромѣ изученія Слова въ связи съ древнерусской письменностью и народнымъ пѣснотворчествомъ Б. придаетъ особенное значеніе вновь открытымъ бумагамъ Малиновскаго, о которыхъ мы уже упоминали выше. По внѣшней формѣ Б. признаетъ Слово удивительно цѣльнымъ и гармонически—стройнымъ произведеніемъ; поэтому онъ признаетъ Слово въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ, цѣльнымъ, законченнымъ и вполнѣ художественнымъ памятникомъ. Б. вооружается противъ предположеній объ отрывочности Слова, о пропускахъ, вставкахъ и перестановкахъ, которые видятъ въ немъ нѣкоторые изслѣдователи. Вслѣдъ за тѣмъ Б. даетъ подробную библіографію Слова, отмѣчая погодно изданія, переводы и изслѣдованія о Словѣ до 1883 г. Послѣ того слѣдуетъ критическій очеркъ литературы Слова, который однако отличается отъ упомянутыхъ тру-

довъ Смирнова и Жданова тѣмъ, что не представляетъ систематическаго изложенія содержанія отдѣльныхъ трудовъ, а даетъ критическія замѣтки по отдѣльнымъ вопросамъ. Послѣ этихъ вводныхъ статей Б. разсматриваетъ Слово: 1) какъ выраженіе школы Кіевской дружинной Руси на основаніи сличенія Слова съ древнерусскимъ переводомъ Флавія о разореніи Іерусалима; 2) какъ историческую повѣсть въ связи съ лѣтописями; 3) какъ пѣснь, подобную Бояновой, въ связи съ миѳологіей Слова; 4) Слово—въ отношеніи къ словамъ богатырскимъ и наконецъ 5) Слово въ его отношеніи къ позднѣйшимъ повѣстямъ, т. е. къ лѣтописнымъ повѣстямъ, къ Задонщинѣ, къ сказанію объ Азовскомъ сидѣніи. Второй томъ изслѣдованія Б. состоитъ собственно изъ перевода Слова и палеографической критики затруднительныхъ темныхъ мѣстъ Слова. Первое авторъ называетъ „Словомъ въ его цѣломъ и въ частяхъ“, на второмъ мы остановимся ниже. Третій томъ представляетъ „Лексикологію Слова“, и пока даетъ подробный словарь отъ буквы *а* до *н*. Задача этой Лексикологіи указана въ предисловіи: отмѣтить сходныя слова въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ переводныхъ памятникахъ съ указаніемъ отношенія къ греческимъ выраженіямъ, въ памятникахъ древнерусской письменности и народнаго пѣснотворчества, въ исторической географіи, въ современномъ языкѣ, у комментаторовъ и переводчиковъ Слова.

Переходя къ оцѣнкѣ труда Б., прежде всего надо принять во вниманіе, что авторъ этого изслѣдованія долго занимался собираніемъ и изданіемъ памятниковъ сѣверно-русскаго народнаго творчества, напр. причитаній. Онъ большой знатокъ и народной жизни на сѣверѣ, и народнаго поэтическаго языка. Онъ усвоилъ себѣ тѣже пріемы, какими отличался въ свое время Даль, или-еще ближе—Сахаровъ. Это восторженное отношеніе къ народности, проникновеніе въ народную душу, въ народный языкъ и понятія. И все это Б. внесъ въ изученіе Слова о П. И., особенно—въ переводъ Слова, въ его объясненія. Вотъ напр. образчики перевода Б.: „Или не такъ, какъ начинались Словеса—пѣсни старинныя, Начать намъ, братья, подобало-бъ Разсказы страдны-боевые... О Бояне, соловей да ты стараго времени!.. Тогда при Олегѣ, горе похваляяся, (По полямъ оно кидалося, Сѣменами разсѣвалося, И отъ усобицъ росло оно, плодилося“. Ср. съ послѣднимъ: „тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами“. Очевидно, это мѣсто и значительно распространено въ пере-

ложеніи Б., и даже измѣнено противъ подлинника. Такими распространеніями отличаются и объясненія Слова въ этой главѣ 2-ой части труда Б. Авторъ какъ бы взялся защитить красоту Слова и потому вездѣ не только подчеркиваетъ прелесть и полноту выраженій, но и связываетъ ихъ съ своими собственными дополненіями, съ собственной защитой Слова. Нельзя не замѣтить также и нѣкоторой односторонности въ сравненіяхъ Слова о П. И. съ былинами, миѳологіи Слова съ мѣстными названіями. Не будемъ продолжать разбора недостатковъ изслѣдованія Б. и обратимся къ его достоинствамъ. Прежде всего надо отдать справедливость изслѣдованію Б. за то, что онъ собралъ, слѣдуя уже многимъ своимъ предшественникамъ, разнообразныя мнѣнія по отдѣльнымъ вопросамъ Слова, напр. по объясненію темныхъ мѣстъ его. Это третья глава 2-го тома—„Палеографическая критика текста Слова“. Б. же принадлежитъ удачное сравненіе выраженій Слова съ переводной повѣстью Флавія о разореніи Іерусалима и особенно находка и обнародованіе бумагъ Малиновскаго. Хотя послѣдніе матеріалы и не такъ уже важны, какъ представляетъ ихъ Б., но тѣмъ не менѣе для объясненія Слова имѣютъ значеніе и такіе матеріалы, какъ выписки словъ изъ погибшей рукописи одного изъ редакторовъ изданія Слова 1800 г. Находка эта, если только она будетъ издана вполнѣ и со всею точностью, получитъ значеніе рядомъ съ архивной рукописью. Скажемъ еще о палеографической критикѣ у Б. и о его Словарѣ къ Слову. Кромѣ свода многихъ мнѣній и предположеній о чтеніи затруднительныхъ мѣстъ Слова Б., на основаніи своего знакомства съ русскими рукописями, предложилъ нѣсколько новыхъ чтеній и выбралъ много наиболѣе удачныхъ толкованій изъ прежнихъ. Не всѣ эти чтенія вполнѣ основательны; но мы не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ и приведемъ наиболѣе характеристичныя чтенія Б.: „мысію (=бѣлкою, хотя и здѣсь Б. вводитъ новое: „мысл мысію“); „спала“=существительное, „похопи“=похоти, „свивая славою“, „по дубью“,... „въ дрязѣ тѣлѣ“,—все поправки, уже извѣстныя и ранѣе. Далѣе: „ночь мылкнетъ“, „тогда при Олзѣ горе славлячись“ (этому совершенно новому чтенію предшествуетъ всетаки толкованіе Гонсіоровскаго: „Гореславличи сѣяшася“), „кликну Карина (вм. карна) и Желя“ (вм. жля); „у дебрьскии сане“ (но такъ уже предполагали Снегиревъ и Макушевъ). Наконецъ къ совершенно новымъ чтеніямъ принадлежатъ еще: „и с Хотием (собственное имя

вм. схотию) на крови а тьи рекъ (вм. на кровать и рекъ)", „утро же возняс трикусы (=τωρα ξ)". Что касается словаря, то нельзя не пожелать скорѣйшаго окончанія этого полезнаго труда, хотя въ томъ, что до сихъ поръ появилось, и много лишняго, не относящагося къ Слову. Напрасно также безъ особенной необходимости авторъ переполнилъ свой словарь греческими и латинскими терминами,—что было бы кстати только для объясненія переводнаго памятника, а не такого въ высшей степени оригинальнаго памятника, какимъ считаетъ самъ авторъ Слово о П. И.

Въ 1883 г. Е. В. Барсовъ напечаталъ Слово о П. И. въ поэтическомъ переводѣ А. С. Пушкина, но, какъ справедливо усумнился въ этомъ П. О. Морозовъ въ изданіи сочиненій А. С. Пушкина 1837 г. (V т., 259 стр.), оказалось, что это переводъ вовсе не Пушкина а Жуковскаго (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго, поступившія въ Императорскую Публичную библіотеку въ 1884 г."; 1887 г., стрн. 80, 182 и д.). Понятно теперь, почему Барсовъ на стр. IV предисловія удивляется несоотвѣтствію перевода Пушкина его же собственнымъ замѣчаніямъ о Словѣ, напечатаннымъ въ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина" Анненкова (1873 г., стр. 467 и д.).

Въ 1890 г. вышла небольшая, но интересная замѣтка Козловскаго: „Палеографическія особенности погибшей рукописи Слова о П. И." (Древности и Труды Московск. Археолог. Общ., т. XIII, вып. II). К., основываясь на извѣстныхъ указаніяхъ палеографіи на лигатуры, гаплографію (т. е. слитное написаніе двухъ одинаковыхъ стоящихъ рядомъ слоговъ или согласныхъ), предложилъ слѣдующія поправи къ тексту Слова: вм. самаю=сам*аго*; стрежаше *его* гоголемъ, изрони злато слово *с* слезами, трепещуть *си* синіи молніи, стругы *п*ростре, Днѣпрь *при* темнѣ березѣ, вознзи стрикусы.

Въ 1892 г. вышло „Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ Сѣверскаго князя Игоря Святославича на Половцевъ въ 1185 г." А. В. Лонгинова (Одесса). Изслѣдованіе Л. раздѣляется на три главы, въ которыхъ авторъ преимущественно останавливается на темныхъ мѣстахъ Слова и особенно подробно говоритъ о Боянѣ и Троянѣ. Затѣмъ къ изслѣдованію приложенъ переводъ Слова и примѣчанія. Авторъ старался изучить Слово преимущественно въ связи съ лѣтописями, съ памятниками древнерусской письменности и въ этомъ отношеніи въ его изслѣдованіи встрѣчаются интересныя сопоставленія;

но, къ сожалѣнію, въ изслѣдованіи Л. мало опредѣленности, цѣльности и встрѣчаются методологическіе недостатки. Самымъ существеннымъ недостаткомъ труда Л. представляются его миѳологическія соображенія, напр. о тождествѣ Трояна съ божествомъ Триглавомъ (такое сближеніе дѣлалъ уже ранѣе Квашнинъ Самаринъ въ „Бесѣдѣ“ 1872 г., IV, стр. 242: „имя Троянъ первоначально значило тоже, что Триглавъ“, и проч.). Слѣдуя Максимовичу, Петрушевичу и друг. Л. видитъ въ Словѣ „цѣлую систему народной философіи, исходящей изъ глубокаго вѣрованія въ предвѣчныя и неизмѣнныя силы природы, въ безусловную подчиненность человѣческихъ судебъ божественной волѣ“. Но переводъ Слова у Л. неудаченъ: въ немъ или удерживаются выраженія подлинника безъ всякаго перевода (печаль жирная, жирныя времена, каютъ князя Игоря, храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло, обвѣсился въ синемъ туманѣ, и проч.), или встрѣчаются такія неожиданныя объясненія, какъ напр.: „уже ты завершаешь! уже ты не верхомъ (=уже за шеломянемъ еси), у плѣсняка на болоньѣ, бѣся юдоль квашную и несло шлюхъ къ синему морю (=у Плѣсньска на болони бѣша дебрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю), но когда розно ихъ носятъ имъ въ хвостъ и гриву дуютъ копья (=нъ рози нося имъ хоботы пашутъ, копіа поютъ на Дунаи)“, и проч. Переводъ этотъ по произвольности объясненій Слова напоминаетъ одного только г. Вельтмана, который послѣднее приведенное мѣсто переводилъ: „отдавая лучшихъ мужей, силу свою, приходилось пахать оставшимися въ селахъ хвостами—слабыми женщинами и старцами“. Конечно, подобные домыслы невольно вызываютъ улыбку.

Наконецъ отмѣтимъ опытъ разложенія Слова о П. И на стихи г. Ю. Тиховскаго въ Кіевской Старинѣ 1893 г. (октябрь). Авторъ слѣдуетъ воззрѣніямъ П. И. Житецкаго на непосредственную связь Слова съ малорусскими думами и разсматриваетъ Слово только съ этой односторонней точки зрѣнія. Къ сожалѣнію, г. Т. не принялъ во вниманіе литературы Слова о П. И. и оттого текстъ его отличается неточностями, напр.: „небо бѣ въ тамо (?) г̃ день два солнца помѣркоста“ (стр. 9), „уже не Шеломянемъ еси“ (6), „млѣютъ месть“ (9), „Святославли посады“ (13); впрочемъ, это, можетъ быть, одна изъ многочисленныхъ опечатокъ, въ родѣ „крожѣ плечю“ (14), и т. п. Вообще авторъ держится изданія 1800 г., отступая въ немногихъ поправкахъ. Интересныя палеографическія замѣчанія Козловскаго остались ему совершенно неизвѣстными.

Заканчивая обзоръ литературы Слова о П. И., мы считаемъ нелишнимъ оглянуться на успѣхи въ этомъ изученіи, на болѣе или менѣе прочныя основанія для дальнѣйшей разработки Слова, на главные методы и пріемы.

Чтобы понять успѣхи въ изученіи Слова за цѣлое столѣтіе, достаточно разсмотрѣть нѣсколько выраженій въ Словѣ, сравнить ихъ объясненія, переводъ въ разное время и сравнить также общіе взгляды на Слово въ нѣсколькихъ смѣнившихся направленіяхъ. Возьмемъ самый простой примѣръ. Слово „вѣщій", которое теперь понятно и по филологическому значенію и по историческому употребленію, для первыхъ издателей 1800 г. значило только „мудрый, стихотворецъ, витія",—для Шишкова—„имѣющій превосходныя познанія въ словесныхъ наукахъ", для Буткова—финское wiisas, и только Снегиревъ въ 1838 г. вышелъ на настоящую дорогу, обратившись къ лѣтописямъ, въ которыхъ встрѣчается и слово „вѣщій". Мы уже указывали выше, сколько собственныхъ именъ, введенныхъ первыми издателями 1800 г., обратились въ нарицательныя (до Куръ=до Курска, Шеломянемъ, Чага, Кощей, и проч.) и наоборотъ—нарицательныя превратились въ собственныя (Хръсови, Дивъ=филинъ, Поморію, Посулію, и пр.). Но любопытнѣе всего остановиться на недостаткахъ перевода въ изд. 1800 г. Ставимъ въ началѣ выраженія Слова и затѣмъ переводъ ихъ: по былинамъ=по бытіямъ, усобицы=сраженія, чили въспѣти=тебѣ бы, сведоми къ мети=въ цѣль стрѣлять знающи, рци лебеди роспущени=какъ лебеди скликаяся, смагу мычучи въ пламянѣ розѣ=стали томить людей огнемъ и мечемъ, злата не потрепати=не возвратить, поганыхъ тльковинъ=въ нечистыхъ раковинахъ, нъ=не. Кое-гдѣ встрѣчаются въ переводѣ 1800 г. прибавки (сонъ сей значитъ, 24 стр.; въ безднѣ силу, 25 стр.) и пропуски (великому хръсови, и пр.). Конечно, первые переводчики Слова и читали рукопись, примѣняясь къ своему пониманію, какъ напр.: подпръся о кони=сѣлъ на коней, Кисаню=Кисановой" и проч. Если иногда трудно разгадать эти немногія чтенія, то многое изъ непонятаго въ переводѣ 1800 г. выяснилось. Но ошибки первыхъ издателей Слова любопытны еще въ другомъ отношеніи: они лучше всего доказываютъ древность и подлинность Слова, исключаютъ и всякую мысль о поддѣлкѣ его въ концѣ XVIII ст.

Теперь посмотримъ, какъ съ развитіемъ русской исторической науки въ различныхъ направленіяхъ раскрывается постепенно общее

значеніе Слова о П. И. Отмѣтимъ самыя крупныя явленія въ этомъ изученіи, самые рѣзкіе переходы. Начиная съ статей Максимовича открывается тѣсная связь Слова съ русской народной поэзіей: изъ-за автора Слова выдвигаются старыя русскія народныя пѣсни; крайнее развитіе этого взгляда отражается въ мнѣніи, что Слово есть не что иное, какъ старинная народная пѣсня, дума. Съ статей Буслаева являются миѳологическія объясненія Слова; съ этой точки зрѣнія въ ея крайнемъ развитіи все Слово проникнуто идеей борьбы свѣта съ тьмой, свѣтлыхъ началъ съ темными, при чемъ отъ произвола толкователя зависитъ удѣлить хотя небольшую долю въ Словѣ и исторіи. Крайности этихъ двухъ воззрѣній находятъ ограниченіе въ приложеніи къ Слову теоріи заимствованія, въ указаніи на книжные элементы Слова: выдвигаются права личнаго творчества въ Словѣ и даже подражанія. Въ противоположность этому воззрѣнію о заимствованіи является стремленіе связать Слово тѣснѣе съ лѣтописями, съ памятниками древнерусской литературы и народной словесности. Какая громадная разница между этими глубокими объясненіями Слова и представленіемъ о немъ первыхъ издателей, видѣвшихъ въ Словѣ только образецъ русскаго витійства и подобіе Оссіановскимъ поэмамъ!

Долгое время, т. е. съ 20-хъ годовъ и до послѣдняго времени, Слово о И. И. сопоставлялось съ извѣстными чешскими поэтическими памятниками, т. н. Зеленогорской и Краледворской рукописями. Но и этимъ сопоставленіямъ теперь уже мѣсто только въ критико-библіографическихъ обзорахъ литературы Слова. Укажемъ, однако, для полноты сличеній всѣ совпаденія Слова съ заподозрѣнными чешскими памятниками. Для тѣхъ изслѣдователей, которые видятъ въ этихъ памятникахъ поддѣлку подъ древность и эти данныя могутъ служить немаловажнымъ подспорьемъ. Вотъ выраженія Зеленогорской и Краледворской рукописей, которыя сходны съ Словомъ о П. И., или напоминаютъ его (приводимъ текстъ по изд. Kořinek'a, 1875 г.): žirne vlasti, stol oten (по замѣчанію Добровскаго сочинитель Суда Любуши взялъ слово oten изъ Слова о П. И. см. В. И. Ламанскій: Новѣйшіе памятники древне-чешскаго яз. Журн. Мин. Нар. Пр. ч. CCIII, стр. 248), s otna zlata stola, jarym turem, voji, sipechu střely, nynie vsedni ty na ručie koně, komon, tur jarohlavy, po zelene trave; a vyjde duša s řvucej huby, sie vylete peknym tahlym hrdlem, z hrdla krasnyma rtoma; choruhvi; zvestuju vam povest (такъ начинается

„Jaroslav“, особенно близкій къ Слову о П. И. по подробностямъ) veleslavnu o velikych potkach, lutych bojech, nastojte i ves svoj um sbierajte, vetchymi slovesy, střely dščichu, stary Kyjev, Bieda vstane, pohany, tur jary, plni tuli, kalenych střel, do kuropenie. Замѣтимъ еще сходство въ изображеніяхъ Люмира пѣвца съ Бояномъ, погони ястреба за птицей (стр. 23), переполоха звѣрей и птицъ (49), предзнаменованія (20) и пр.

Что касается разнообразныхъ методовъ и пріемовъ изученія, которые прилагались къ Слову, то достаточно припомнить слѣдующіе: требованіе логической послѣдовательности въ Словѣ оказывалось нерѣдко недостаточнымъ безъ историческихъ и литературныхъ основаній; съ бо́льшимъ основаніемъ прилагался методъ изученія Слова изъ него самого, путемъ сопоставленія сходныхъ мѣстъ—параллелей; но особенно плодотворнымъ оказывался всегда методъ изученія Слова въ связи съ памятниками древнерусской письменности и народной словесности; сопоставленіе Слова съ иноземными памятниками вело нерѣдко къ произвольнымъ догадкамъ; но самое широкое поле для догадокъ и домысловъ представляла самая трудная сторона въ изученіи Слова—его текстъ и толкованіе темныхъ мѣстъ этого текста. Безъ сомнѣнія общіе успѣхи въ развитіи русской историко-филологической науки могутъ дать прочныя основанія для научнаго изученія Слова о П. И. какъ со стороны его текста, такъ и общаго освѣщенія.

ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Акушерско-гинекологическаго Общества въ Кіевѣ.

№ 56.

29-го Января 1893 года.

Предсѣдательствовалъ проф. Г. Е. Рейнъ.

Присутствовали: почетный членъ Общества проф. И. П. Лазаревичъ, дѣйствительные члены: Д. А. Абуладзе, И. А. Воффъ, В. П. Жемчужниковъ, Д. А. Карра, А. И. Красковскій, Ф. Ф. Краснопольскій, Н. И. Миловидовъ, Н. П. Марьянчикъ, А. А. Мокрицкій, Г. Г. Левицкій, А. А. Редлихъ, А. К. Флейшеръ, Н. В. Шуварскій, А. П. Яхонтовъ и 73 гостя.

1) Библіотекаремъ сообщено о полученіи на имя Общества слѣдующихъ книгъ и изданій:

Таблицы смертности и рождаемости Кіевскаго населенія за 1891 г. и за октябрь и ноябрь 1892 г.—*Литературная дѣятельность* проф. К. Ф. Славянскаго за двадцатипятилѣтіе 1867—1892 гг.—*Ю. О. Ахшелесъ*. Способы полученія лохій по отдѣльнымъ частямъ половаго канала женщины съ бактеріологическою цѣлію.—*Львовъ*. Медицинскій отчетъ по Лихачевскому родильному отдѣленію Казанской губернской земской больницы съ 1 сентября 1891 по 1 сентября 1892 г.—*Его-же*. Слоновое перерожденіе титечныхъ железъ.—*Его-же*. Удаленіе кистъ яичниковъ и придатковъ матки черезъ влагалище.—*Теплова*. Медицинскій отчетъ по гинекологическому отдѣленію Казанской губернской земской больницы за 1891—1892 г.—*Его-же*. Возстановленіе промежности по лоскутному способу Lawson-Tait'a.—*Шмидтъ*. Отчетъ Маріинскаго родовспомогательнаго дома за десятилѣтіе съ 1 января 1881 по 1 января 1891 г.—*Протоколы* засѣданій Общества невропатологовъ и психіатровъ, состоящаго при Московскомъ университетѣ, за 1891—1892 г.—*Архивъ* біологическихъ наукъ, издаваемый Институтомъ экспериментальной медицины въ С.-Петербургѣ, т. I, вып. IV.—*Протоколы* Тамбовскаго медицинскаго общества №№ 1—5. 1892 г.—*Отчетъ* о дѣятельности Общества русскихъ врачей въ г. Ригѣ за 1891—1892 г.

—*Дневникъ* общества врачей при Казанскомъ университетѣ. Вып. IV, 1892 г.—*Протоколы* засѣданій Кавказскаго медицинскаго Общества №№ 6—11. 1892 г.—*Протоколъ* годичнаго собранія Томскаго Общества естествоиспытателей и врачей 25 сентября 1892 г.—*Bulletin* de la société belge de gynécologie et d'obstétrique 1889—90. №№ 1—7, 1890—91. —*Neugebauer.* Kilka słów o wskrzeniu cięcia łonowego czyli symfyseotomii przez szkołę położniczą neapolitańską.—*Родзевичъ.* Матеріалы для біографіи первой русской женщины, получившей дипломъ доктора медицины, Н. П. Сусловой.—*Отчетъ* о дѣятельности Одесскаго бальнеологическаго Общества. Вып. II, съ октября 1887 по январь 1892 г.—*Сто шестнадцать диссертацій*, защищенныхъ въ Военно-медицинской академіи въ 1891—92 году.—*Протоколы конференціи Военно-медицинской академіи* за 1886—7, 1887—8, 1888—9, 1889—90 гг.

2) Предсѣдатель сообщилъ о полученіи на его имя письма отъ проф. Н. Н. Феноменова съ выраженіемъ благодарности Обществу за присылку протоколовъ. Профессоръ, выражая полное сочувствіе дѣятельности Общества, желаетъ ему дальнѣйшаго преуспѣянія.

3) Предсѣдателемъ сообщено о полученіи приглашенія отъ бюро одинадцатаго международнаго съѣзда врачей въ Римѣ принять участіе въ работахъ съѣзда.

Постановили: избрать делегатами Общества для участія въ съѣздѣ А. И. Красковскаго, проф. Г. Е. Рейна и Н. В. Шуварскаго.

4) Нѣкоторымъ членамъ Общества розданы образчики вновь отпечатанной книги для записи родовъ повивальными бабками. Предсѣдателемъ предложено обсудить вопросъ о дальнѣйшей дѣятельности статистической комиссіи, закончившей нынѣ свою организаторскую дѣятельность.

Постановили: обсудить этотъ вопросъ въ административномъ засѣданіи.

5) **М. О. Клейнманъ** (гость) сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: „*Случай влагалищной перегородки, послужившей препятствіемъ во время родовъ.*“ Мясистая перегородка, толщиною въ гусиное перо, шедшая отъ передней къ задней стѣнкѣ влагалища у 19-тилѣтней роженицы препятствовала, по словамъ докладчика, поступательному движенію ребенка, находившагося во второмъ ногоположеніи передняго вида; ребенокъ былъ мертвъ. При извлеченіи его за ножку перегородка цѣплялась сначала за борозду между ягодицами, а затѣмъ—за правую подмышечную впадину ребенка. Она была перерѣзана ножницами между двумя лигатурами. Послѣдъ былъ удаленъ по Credé.

По поводу этого сообщенія проф. **Рейнъ** замѣтилъ слѣдующее: обыкновенно подобныя перегородки, если онѣ эмбріональнаго происхожденія, во время родовъ хорошо растягиваются; тѣ-же, рубцевыя образованія, которыя являются слѣдствіемъ бывшей травмы, обладаютъ гораздо меньшей эластичностью и могутъ представить извѣстное препятствіе при родахъ. Но даже и рубцевыя перегородки, подъ вліяніемъ беременности, могутъ пріобрѣтать извѣстную сочность и эластичность, благодаря которымъ лишь рѣдко служатъ препятствіемъ нормальному ходу родовъ. Въ случаяхъ, встрѣтившихся въ практикѣ

самого оппонента, такія перегородки ни разу не являлись серьезнымъ препятствіемъ при родахъ. Что касается образа дѣйствій докладчика въ его случаѣ, то онъ былъ вполнѣ цѣлесообразенъ, и, конечно, всякій врачъ на его мѣстѣ дѣйствовалъ бы по тому-же плану. Наблюденіе докладчика представляетъ извѣстный интересъ вслѣдствіе относительной рѣдкости замѣченной аномаліи.

6) **Г. Г. Левицкій** сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: „*демонстрація больной съ кифотическимъ тазомъ*“. Двадцатилѣтняя еврейка Миримбелла Л. въ концѣ 2-го года жизни упала съ кровати, послѣ чего черезъ годъ лишь стала ходить, при чемъ родители замѣтили у ней горбъ, все увеличивавшійся до 14 года жизни. Вышла замужъ на 20 году, беременна была 1 разъ, роды въ срокъ, были трудны, продолжались 28 часовъ и были окончены краніоклазіей послѣ предварительной неудавшейся попытки наложенія щипцовъ. На другой день послѣ родовъ началось непроизвольное мочеотдѣленіе, причиною чего, какъ оказалось, служилъ пузырно-влагалищный свищъ. Свищъ этотъ былъ зашитъ въ Кіевской акушерской клиникѣ.

У демонстрируемой больной имѣется пояснично-крестцовый кифозъ, обусловливающій различныя характерныя деформаціи какъ всего скелета, такъ, въ особенности, таза. Главнѣйшіе размѣры таза таковы: D. sp.=25,5, D. Cr.=27, D. Tr.=29, прямой размѣръ выхода=10, поперечный выхода=5,75. Выходъ измѣрялся двумя способами: Schroede'та и Breisk'аго. Послѣднему докладчикъ отдаетъ преимущество. Докладчикъ считаетъ свой случай за чистый кифотическій тазъ безъ осложненія рахитомъ; кифозъ сидитъ низко, что особенно неблагопріятно въ акушерскомъ отношеніи. Это, по мнѣнію автора, наиболѣе узкій изъ описанныхъ въ Россіи кифотическихъ тазовъ; въ числѣ-же тазовъ описанныхъ въ иностранной литературѣ, извѣстной докладчику, онъ занимаетъ 6-е мѣсто по степени съуженія.

Разобравъ значеніе низко сидящаго кифоза въ акушерскомъ отношеніи, авторъ не отдаетъ преимущества ни одному изъ предложенныхъ въ этихъ случаяхъ оперативныхъ пособій, но полагаетъ, что, при своевременномъ распознаваніи, производство преждевременныхъ родовъ всего болѣе можетъ улучшить предсказаніе, какъ для матери, такъ и для ребенка. Въ заключеніе докладчикъ демонстрировалъ какъ самую больную, такъ и фотографію ея въ различныхъ положеніяхъ тѣла.

Въ преніяхъ участвовали: **Красковскій** и **Рейнъ**.

Красковскій Случай докладчика представляетъ большой интересъ по рѣдкости описанной анатоміи таза. Я имѣлъ также возможность наблюдать вмѣстѣ съ Г. Ф. Писемскимъ роды при кифотическомъ тазѣ, не осложненномъ рахитомъ. Произошелъ разрывъ матки во время родовъ. Мною было сдѣлано чревосѣченіе и вырѣзываніе матки. Объ этомъ случаѣ я буду имѣть честь доложить Обществу въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій. Почему докладчикъ ни слова не говоритъ о симфизеотоміи, какъ объ одномъ изъ пособій при родахъ кифотичекъ?

*

Рейнъ. Докладчикъ, произведшій весьма тщательныя и повторныя измѣренія таза, придаетъ, повидимому, весьма большое значеніе своимъ цифрамъ и потому такъ опредѣленно классифицируетъ свой тазъ, какъ первый по степени съуженія въ Россіи и 6-й въ общеевропейской медицинской литературѣ. Но не надо забывать, что измѣренія даннаго таза произведены на живой женщинѣ, а не на скелетированномъ тазу, такъ что значеніе цифръ, не смотря на крайнюю тщательность, съ которою авторъ производилъ многократно свои измѣренія, имѣетъ лишь относительную цѣнность. Во всякомъ случаѣ, это одинъ изъ очень рѣзко съуженныхъ въ выходѣ кифотическихъ тазовъ: въ выходѣ съ трудомъ помѣщаются два поперечныхъ пальца, и надо удивляться, какъ при такомъ съуженіи удалось наложить щипцы. При зашиваніи свища, я не могъ ввести обыкновеннаго зеркала Sims'a и долженъ былъ довольствоваться самой малой моделью этого зеркала, имѣющеюся въ клиникѣ. Независимо отъ теоретическаго интереса, описанный случай имѣетъ и практическое значеніе, напоминая практическому врачу о важности размѣровъ выхода таза, на которое въ практикѣ до сихъ поръ обращалось мало вниманія. Мнѣніе докладчика, что при такого рода тазахъ желательна операція искусственныхъ преждевременныхъ родовъ, вполнѣ основательно. Что касается недавно выведенной изъ забвенія операціи симфизеотоміи, то дѣлать о ней окончательныя заключенія еще преждевременно. Вопросъ, какъ вліяетъ эта операція на здоровье больныхъ по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени послѣ первоначальнаго выздоровленія, остается до сихъ поръ еще не выясненнымъ. Есть основанія допустить, что это вліяніе не всегда благопріятно. Подтвержденіемъ такого взгляда можетъ, между прочимъ, служить одинъ случай расхожденія лобковыхъ костей, недавно наблюдавшійся оппонентомъ въ его частной амбулаторіи. Случай этотъ слѣдующій: у больной при трудныхъ родахъ были наложены щипцы. Послѣ родовъ образовался пузырно-влагалищный свищъ (?), который былъ зашитъ въ Вѣнѣ. Больная явилась къ оппоненту съ жалобами на недержаніе мочи. Лонныя кости разошлись такъ, что между ними свободно помѣщалась ладонь. Женщина эта производила впечатлѣніе тяжело больной, у ней имѣлась болѣзненность на мѣстѣ расхожденія костей, валкая, сильно затрудненная походка и значительное выпаденіе влагалища съ пониженіемъ матки. Весьма возможно, что въ будущемъ и относительно симфизеотомированныхъ больныхъ появятся свѣдѣнія, далеко не оправдывающія тѣ хвалебные отзывы, какіе раздаются теперь въ дни увлеченія симфизеотоміей. Впрочемъ, нельзя не сказать, что при кифотическихъ тазахъ, гдѣ иногда лонное сочлененіе само расходится во время родовъ, эта операція имѣетъ относительно больше показаній, чѣмъ при другихъ видахъ съуженнаго таза, особенно при плоскихъ тазахъ.

7) Проф. **Рейнъ** демонстрировалъ больную послѣ операціи искусственно образованнаго влагалища путемъ пересадки кожныхъ лоскутовъ (кольпопоезисъ). Попытки искусственнаго созданія влагалища, при полномъ отсутствіи его, какъ извѣстно, дѣлались уже не разъ. Въ нашемъ Обществѣ о такой попыткѣ сообщилъ нѣсколько лѣтъ назадъ докторъ Шалита (см. протоколы вып. 4, стран. 9). Докладчикъ не могъ тогда съ полной убѣдительностью доказать, что эпителій, которымъ было покрыто влагалище, произошелъ отъ тѣхъ эпителіальныхъ островковъ, которые были пересажены во вновь образованный каналъ. На-дняхъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ операціи, эта больная благополучно родила въ Кіевской акушерской клиникѣ. Въ послѣднее время оживленныя пренія вызвала опе-

рація, произведенная проф. Снегиревымъ, пытавшимся образовать влагалище изъ нижняго отрѣзка прямой кишки. Не касаясь сейчасъ критической оцѣнки этой послѣдней операціи, я считаю нужнымъ заявить, что не намѣренъ въ будущемъ подражать при попыткахъ создавать искусственное влагалище методу, предложенному проф. Снегиревымъ, и остаюсь при прежнемъ мнѣніи, что такого рода попытки должны быть дѣлаемы по тому же типу, какъ и раньше, т. е. путемъ пересадки болѣе или менѣе обширныхъ лоскутовъ кожи и слизистой оболочки. Первая попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана въ Кіевской акушерской клиникѣ докторомъ Сапѣжко, много занимавшимся изученіемъ результатовъ пересадки кожи и слизистой оболочки въ другихъ областяхъ тѣла. Послѣ образованія кровавымъ путемъ на мѣстѣ недоставшаго влагалища соотвѣтственной величины канала, Сапѣжко выстлалъ его слизистой оболочкой, взятой изъ влагалища одновременно оперированной больной, страдавшей выпаденіемъ влагалища. Въ первые дни послѣ операціи случай этотъ производилъ благопріятное впечатлѣніе, но затѣмъ на мѣстѣ пересадки развилось нагноеніе, лоскуты отпали, и вновь образованное влагалище уничтожилось. Слѣдующая попытка въ этомъ же направленіи сдѣлана мною два мѣсяца назадъ у представляемой сегодня больной Сарры Г. съ полнымъ отсутствіемъ влагалища и зачаточной маткой (uterus rudimentarius). На мѣстѣ недостающаго влагалища была кровавымъ путемъ образована полость глубиною до 8,5 сант., свободно вмѣщающая 3 пальца руки. Въ эту полость пересажены путемъ поворота вокругъ оси два лоскута, соединенные однимъ изъ своихъ концовъ съ матерной почвой,—одинъ изъ кожи лѣвой ягодицы въ видѣ ремешка длиною въ 6, шириною $1^1/_2$ сант., другой—изъ внутренней поверхности правой большой срамной губы, длиною въ 4 и шириною въ 1 сант. Эти лоскуты были пересажены на боковыя стѣнки вновь образованнаго канала и тщательно укрѣплены многочисленными тонкими шелковыми швами; каналъ затампонированъ іодоформной марли. Черезъ 16 дней, при полномъ безлихорадочномъ теченіи, тампоны были извлечены, причемъ оказалось, что оба лоскута прижили; ясно было замѣтно, что какъ лоскуты, такъ и все влагалище нѣсколько сократились (длина канала въ это время равнялась 7,25 сант.). При осмотрѣ на 37-й день послѣ операціи лоскуты оказались вполнѣ прижившими; отъ нихъ идутъ въ ширину эпителіальные ростки. Длина влагалища=5,75 сант., считая отъ наружнаго отверстія мочеиспускательнаго канала. Съ цѣлію покрытія эпителіемъ остальной гранулирующей поверхности, рѣшено было произвести еще дополнительныя Rewerdin'овскія пересадки, взявъ матеріалъ для нихъ съ внутренней поверхности бедра, что и произведено 8 Января 1893. Пересажены на переднюю

стѣнку 3 островка кожи и укрѣплены здѣсь швами. Эти лоскуты прижили. Третья пересадка (2-я Rewerdin'овская) произведена 20. I, на заднюю стѣнку канала: посажено два кожныхъ островка, взятыхъ съ внутренней поверхности праваго бедра. Въ это время длина влагалища равнялась $5\frac{1}{2}$ сант. Въ настоящее время ясно видно, что одинъ изъ этихъ лоскутовъ вполнѣ прижилъ, другой, повидимому, смѣщенъ при смѣнѣ тампоновъ. Длина передней стѣнки канала теперь=5 сант., задней—6,5 сант. Влагалище представляетъ каналъ, пропускающій умѣренной величины зеркало и, какъ кажется, вполнѣ годный для совокупленія. Каковъ будетъ окончательный результатъ этой попытки, сказать въ настоящее время трудно; во всякомъ случаѣ, она доказываетъ, что безгнилостный методъ позволяетъ намъ производить съ извѣстнымъ успѣхомъ подобнаго рода операціи, и весьма возможно, что въ будущемъ созданіе влагалища, близкаго къ нормальному, станетъ, со стороны технической, операціей вполнѣ удовлетворительной по своимъ результатамъ. Теперь можно лишь указать, что лоскуты, соединенные однимъ изъ своихъ концовъ съ матерной почвой, повидимому, съ бо́льшею пользою и успѣхомъ могутъ быть употреблены для цѣлей этой операціи, чѣмъ вполнѣ вырѣзанные кожные участки.

Больная демонстрирована членамъ Общества.

Въ преніяхъ участвовали: **Пономаревъ, Красковскій, Флейшеръ, Шалита и Лазаревичъ.**

Пономаревъ спросилъ докладчика, почему онъ предпочелъ пересадку отдѣльныхъ лоскутовъ, а не сдѣлалъ вторичную операцію такъ-же, какъ и въ первый разъ,—т. е. примѣнивъ пластику кожи съ поворотомъ лоскутовъ. Это могло-бы болѣе способствовать предотвращенію сокращенія новаго влагалища.

Рейнъ. На результаты вторичной пересадки нельзя было возлагать большихъ надеждъ; но она все же была сдѣлана, чтобы достичь возможно лучшаго эффекта и, отчасти, experimenti causa для сравненія достоинства методовъ.

Красковскій припомнилъ еще одинъ случай успѣшной пересадки слизистой влагалища, взятой у оперированной одновременно больной съ выпаденіемъ рукава. Пересадка была произведена въ Кіевской акушерской клиникѣ по поводу имѣвшагося рубцоваго съуженія влагалища.

Флейшеръ спросилъ докладчика, почему онъ бралъ такіе узкіе лоскуты. Оппонентъ полагаетъ, что при большей ширинѣ лоскута, а, слѣдовательно, и при большемъ соединеніи его съ матерной почвой, его питаніе могло-бы совершаться съ большимъ совершенствомъ, а, слѣдовательно, увеличились бы шансы на его приживленіе. При большей ширинѣ лоскутовъ была бы выстлана эпителіальной покрышкой и большая часть вновь образованнаго влагалища, а, слѣдовательно, уменьшились бы шансы на его послѣдовательное сокращеніе.

Рейнъ. Узость лоскутовъ отчасти обусловливалась трудностію ихъ прилаживанія во вновь образованномъ каналѣ; между тѣмъ точность этого акта операціи играетъ, какъ кажется, существенную роль въ успѣшности приживленія лоскутовъ. Впрочемъ, при послѣдующихъ наблюденіяхъ можно будетъ испытать примѣненіе болѣе широкихъ лоскутовъ.

Шалита. Мнѣ очень пріятно слышать, что идея, положенная мною въ основу операціи образованія искусственнаго влалалища, повидимому, получаетъ распространеніе. И прежде, при обсужденіи моего доклада въ Обществѣ, не рѣшено было, какой величины лоскуты должно брать при пересадкѣ. Я полагаю, что при низкихъ атрезіяхъ надо брать лоскуты широкіе, при высокихъ—узкіе. Прилаживать лоскуты въ трубкѣ довольно трудно. Лучше всего производить такого рода операціи въ два сеанса. Въ первый сеансъ дѣлается лишь каналъ—будущее влагалище—и тампонируется на сутки іодоформенной марлей. Во второй сеансъ—производится пересадка кожныхъ лоскутовъ. Такой способъ операціи удобнѣе въ томъ отношеніи, что чистотѣ производства пересадки не мѣшаетъ кровотеченіе изъ стѣнокъ канала, бывающее иногда довольно значительнымъ.

Лазаревичъ. Выразилъ благодарность докладчику за интересное научное сообщеніе. Операція, произведенная докладчикомъ, очевидно, преслѣдовала лишь косметическія цѣли и цѣли удовлетворенія возможности супружескаго сожитія. По мнѣнію оппонента ни та, ни другая цѣль не достигается. Онъ всегда удивлялся рѣшимости больныхъ, соглашающихся на операцію ринопластики, ибо окончательные результаты обыкновенно обезображивали больныхъ еще больше, чѣмъ они были до операціи. То-же примѣнимо и къ операціямъ производства искусственнаго влагалища; цѣль ихъ—доставить организму недостающій органъ—не можетъ быть достигнута, и самъ оппонентъ никогда не сталъ-бы соглашаться на ихъ производство, не смотря на просьбы больныхъ. Такія операціи должно разсматривать только какъ интересный научный экспериментъ, но практическаго значенія онѣ не имѣютъ. На нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на увлеченіе оперативнымъ направленіемъ.

Рейнъ. Въ настоящемъ засѣданіи, имѣя въ виду только демонстрировать больную, я не предполагалъ обсуждать показаній къ операціи. Подробный разборъ этого случая предполагалъ сдѣлать въ будущемъ полномъ докладѣ. Но въ виду того, что и вопросъ о показаніяхъ къ операціи не остался не затронутымъ, скажу нѣсколько словъ и по этому поводу. Принципіально долженъ быть поставленъ вопросъ, имѣетъ-ли право хирургъ вмѣшиваться съ активнымъ пособіемъ для возстановленія недостающаго органа, хотя бы и не вполнѣ въ совершенномъ видѣ. Мнѣ кажется, на этотъ вопросъ можетъ быть данъ лишь одинъ отвѣтъ—въ положительномъ смыслѣ. При такомъ взглядѣ на дѣло и возстановленіе носа, и возстановленіе влагалища представляются операціями, не только вполнѣ показанными, но ихъ надо разсматривать, какъ благородную обязанность хирурга,—стремленіе возстановить у человѣка то, чего не дала ему природа, или чего онъ лишился вслѣдствіе болѣзни. Второй вопросъ,—возможно ли достичь надлежащаго результата при современной техникѣ, и оправдываютъ ли результаты операціи тотъ рискъ, которому подвергается больная, соглашаясь на операцію? Теперь, какъ кажется, примѣняя изложенный методъ, мы можемъ достичь цѣли; благодаря безгнилостности, рискъ больной становится очень незначительнымъ. Со стороны теоретической, по моему мнѣнію, рискъ данной операціи вполнѣ оправдывается. Становясь на точку зрѣнія практической медицины, я также даю положительный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Кто не переживалъ тяжелыхъ минутъ, отказывая больнымъ съ недостаткомъ влагалища во всякой помощи и тѣмъ обрекая ихъ на цѣлый рядъ лишеній и несчастій въ семейной жизни, кончающихся иногда даже преступленіемъ? Всѣ эти соображенія относятся къ случаямъ полнаго отсутствія влагалища при зачаточной маткѣ. Но не нужно забывать, что описываемый мною методъ примѣнимъ и въ случаѣ частичнаго отсутствія влагалища, съ сохраненіемъ верхнихъ отдѣловъ половаго аппарата и со скопленіемъ въ послѣднихъ мѣсячной крови. Здѣсь операція имѣетъ даже жизненное показаніе, а возстановленіе половой трубки можетъ повести къ беременности и родамъ,

какъ въ случаѣ Шалиты. Но даже и при недоразвитой маткѣ, помимо невозможности удовольствій супружеской жизни, отсутствіе влагалища можетъ дать ущербъ для общаго состоянія здоровья больной, такъ какъ при столь рѣзкихъ неправильностяхъ половыхъ отправленій, какія имѣются при отсутствіи влагалища, нерѣдко наступаютъ истерическія и нейрастеническія явленія въ очень сильной степени. Успѣшная операція въ этихъ случаяхъ навѣрное, дастъ больной извѣстное облегченіе. Современные великіе представители хирургіи, очевидно, придерживаются тѣхъ же взглядовъ на возстановленіе, по возможности, недостающихъ функцій организма до правильныхъ формъ человѣческаго тѣла. Я имѣлъ возможность видѣть въ клиникѣ проф. Lister'a производство клиновиднаго изсѣченія костей при искривленіи ногъ. Операція была произведена у больнаго рабочаго, до той поры исполнявшаго свои профессіональныя обязанности. Lister произвелъ операцію, не подвергавшую серьезной опасности жизнь больнаго, съ цѣлію возможно полнѣе возстановить функцію обезображенныхъ органовъ. Мнѣ кажется, что этотъ взглядъ, дающій право хирургическаго вмѣшательства съ цѣлію возстановленія хотя-бы части физіологическихъ отправленій какого-либо органа, оправдываетъ и операцію возстановленія недостающаго влагалища. Мнѣ кажется, что операція эта должна производиться, какъ ни разсматривать вопросъ, съ точки-ли зрѣнія теоретической, или практической. И въ этомъ случаѣ операція представляетъ не простое увлеченіе оперативнымъ направленіемъ, дѣйствительно существующее въ послѣднее время, а является логическимъ послѣдствіемъ современныхъ принциповъ консервативной хирургіи.

Флейшеръ. Клиновидное сѣченіе костей дѣлается лишь съ цѣлями возстановленія функціи органовъ. Ринопластикой также достигается не одна косметическая цѣль, но при ея помощи мы даемъ возможность вдыхаемому черезъ носъ воздуху пройти болѣе длинный путь, на которомъ онъ можетъ согрѣться и потерять часть взвѣшенныхъ въ немъ твердыхъ частицъ, прежде, чѣмъ дойдетъ до легкихъ. Здѣсь дѣйствительно возстановляется физіологическая функція. При операціи, о которой сообщилъ докладчикъ, эта цѣль совершенно не достигается. У больной продѣлана какая-то щель, не годная ни для какихъ отправленій. Чѣмъ болѣе съузится эта щель въ будущемъ, тѣмъ лучше для больной. Не нужно забывать также, что, создавая такое влагалище, при отсутствіи матки, хирургъ какъ-бы способствуетъ обману самой больной и ея мужа, у которыхъ можетъ явиться предположеніе, что создается органъ, вполнѣ годный для всѣхъ функцій.

Лазаревичъ. Полагаемъ, что возстановленіе влагалища имѣетъ показаніе лишь одно—возможность достичь продолженія рода. Разъ эта возможность не достижима, операція не выдерживаетъ критики.

Рейнъ. Я въ общихъ чертахъ высказалъ уже свой принципіальный взглядъ на дѣло. Одно могу добавить въ дополненіе, что, не считая свои доводы опровергнутыми, я считаю вполнѣ законнымъ и необходимымъ дальше продолжать разработку вопроса объ искусственномъ образованіи влагалища по изложенному здѣсь плану.

8). **С. М. Яровой** (гость). Демонстрировалъ усовершенствованное имъ ложкообразное зеркало съ переднимъ подъемникомъ. Зеркало и подъемникъ устроены такъ, что могутъ держаться во влагалищѣ любой ширины, не будучи удерживаемы руками ассистентовъ.

Административная часть засѣданія.

Предсѣдатель сообщилъ, что статистическая комиссія, по заявленію А. Г. Боряковскаго, закончила уже всѣ свои подготовительныя работы, и задачу ея можно считать уже исчерпанною. Въ настоящее время является необходимымъ избрать стастистическое бюро для разработки того матеріала, какой притекаетъ въ Общество въ формѣ статистическихъ книжекъ для повивальныхъ бабокъ, выполненныхъ уже сдѣланными наблюденіями.

Постановили: избрать стастистическое бюро съ указанною цѣлію.

Открытою баллотировкою избраны въ предсѣдатели бюро А. Г. Боряковскій, членами его: В. Н. Гогоцкій, Н. Н. Подрѣзанъ и Ф. А. Савинъ.

Предсѣдатель *Г. Рейнъ.*

Секретарь *А. Красковскій.*

ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Акушерско-гинекологическаго Общества въ Кіевѣ.

№ 57.

1 Марта 1893 г.

Предсѣдательствовалъ профессоръ Г. Е. Рейнъ.

Присутствовали: Д. А. Абуладзе, А. Г. Боряковскій, И. А. Воффъ, Е. Г. Гуринъ, В. Н. Гогоцкій, В. П. Жемчужниковъ, С. Ф. Заславскій, Д. А. Карра, А. И. Красковскій, Г. Г. Левицкій, Н. П. Марьянчикъ, Н. И. Миловидовъ, А. А. Мокрицкій, Н. Н. Подрѣзанъ, А. С. Пономаревъ, А. А. Редлихъ, К. М. Сапѣжко, Н. В. Унтиловъ, Э. Ф. Функе, Н. В. Шуварскій, А. П. Яхонтовъ и 170 гостей.

1). Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2). Предсѣдатель сообщилъ о полученной на имя Общества корреспонденціи, а именно: а) отъ бюро XI Международнаго Конгресса врачей въ Римѣ получены въ нѣсколькихъ экземплярахъ статуты Конгресса и бланки для желающихъ записаться въ члены его. б) Отъ международнаго комитета по постановкѣ памятника Semmelweiss'у въ Будапештѣ получено возваніе объ участіи въ подпискѣ, съ каковою цѣлію прислано нѣсколько подписныхъ листовъ. По этому поводу предсѣдатель замѣтилъ, что заслуги Semmelweiss'а хорошо извѣстны присутствующимъ, и предложеніе комитета заслуживаетъ полнаго сочуствія. Подписной листъ переданъ присутствующимъ членамъ для подписки. Подписано 55 рублей, внесено 40 рублей·

г) Отъ русскаго Общества Охраненія Народнаго Здравія получено предложеніе лицамъ, принимавшимъ участіе въ борьбѣ съ холерой, дать отвѣты и объясненія, касающіеся наблюденія надъ упомянутой эпидеміей, для чего Общество прислало нѣсколько экземпляровъ печатной программы для изученія холеры.

3). Библіотекаремъ сообщено о полученіи слѣдующихъ книгъ и изданій:

Добронравовъ. Наблюденія надъ дѣйствіемъ ихтіола въ женской практикѣ.—*Протоколы и труды* Русскаго Хирургическаго Общества въ память Н. И. Пирогова за 1891—1892 г.—*Кремянскій.* Научныя и практическія требованія отчета и съѣзда врачей противъ холерной эпидеміи.—*Смертность и рождаемость* Кіевскаго населенія за декабрь 1892 г.—*Протоколы* засѣданій Виленскаго Медицинскаго Общества №№ 1, 2 и 3, 1892 г. и № 10, 1891 г.—*Neugebauer.* Eine ihrem Ausgange nach einzig dastehende Beobachtung von fracturärer Spaltung des Beckenringes.—*Онъ-же.* Ein bisher wohl einzig dastehender Fall von Verlagerung der weiblichen Harnröhrenmündung traumatischen Uhrsprunges nebst Mittheilung einer in Puerperium erworbenen Scheidenatresie mit nachfolgender Haematocolpometra.—*Протоколъ* засѣданія Императорскаго Кавказскаго Медицинскаго Общества № 12—1892 г.—*Bulletin* de la société Belge de gynécologie et d'obstetrique № 1—1893 г.—*Гуринъ.* Минимальныя лекарственныя дозы въ связи съ теоріей дѣйствія лекарствъ.—*Онъ-же.* Современное экономическое положеніе русскихъ врачей.—*Онъ-же.* Санитарныя задачи, связанныя съ проектируемымъ квартирнымъ налогомъ.—*Онъ-же.* Система и задачи современнаго леченія кроваваго поноса.—*Онъ-же.* Новый способъ впрыскиванія ртути. Новыя противоядія ртути и новые ртутные препараты.

4). Присутствующимъ членамъ Общества розданъ двѣнадцатый выпускъ „Протоколовъ Общества съ приложеніями.“

5). По поводу прочитаннаго протокола предыдущаго засѣданія. **А. И. Красковскій** сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія:

Сообщеніе проф. Г. Е. Рейна объ операціи образованія искусственнаго влагалища вызвало оживленныя пренія, въ которыхъ были высказаны довольно различныя мнѣнія по поводу оперативной техники и показаній къ операціи въ случаѣ докладчика. За недостаткомъ времени, я не могъ принять участія въ преніяхъ въ прошломъ засѣданіи, и свой взглядъ на значеніе указанной операціи позволю себѣ высказать теперь. 1) Никоимъ образомъ нельзя согласиться съ тѣмъ заявленіемъ, что въ техническомъ отношеніи операція образованія искусственнаго влагалища не даетъ хорошихъ результатовъ, такъ какъ путемъ этой операціи будто-бы образуется не влагалище, а „никуда негодная щель.“ Я видѣлъ больную, оперированную проф. Г. Е. Рейномъ, и нахожу, что образованное влагалище, по своимъ размѣрамъ, совершенно похоже на нормальное влагалище женщины и только, можетъ быть, въ верхней трети оно нѣсколько уже. Во всякомъ случаѣ, этотъ каналъ кажется вполнѣ годнымъ для извѣстной половой функціи. Самъ докладчикъ не считаетъ своего случая идеальнымъ съ точки зрѣнія результата, но можно вполнѣ надѣяться, что съ усовершенствованіемъ оперативной техники, получится возможность видѣть и идеальные результаты. 2) Были высказаны сужденія, относящіяся и къ этической сто-

ронѣ операціи, а именно: показаніе къ производству такого рода операціи опредѣляется способностью данной больной къ размноженію: если таковой способности не имѣется,— какъ, напр., это было въ случаѣ докладчика,—то нѣтъ и показанія для операціи. На это надо возразить, что въ сложномъ половомъ отправленіи человѣка заключается не одна только функція дѣторожденія и что удовлетвореніе потребности въ супружескомъ сожитіи есть далеко не второстепенный моментъ въ половой жизни человѣка. Намъ неоднократно приходилось замѣчать, что у такого рода больныхъ, не смотря на отсутствіе или недостаточное развитіе внутреннихъ половыхъ органовъ, раздраженіе наружныхъ частей при изслѣдованіи вызываетъ половое возбужденіе, и изъ отверстій Бартолиновыхъ железъ выдѣляется, какъ при стечкѣ, жидкость. По моему мнѣнію, предоставить такимъ больнымъ возможность стать, если не матерью, то, по крайней мѣрѣ, женой, составляетъ этическій долгъ врача. Если это такъ, то не можетъ быть и рѣчи объ „обманѣ", признаки котораго, по мнѣнію одного оппонента, какъ будто имѣются въ разсматриваемой операціи. Безспорно, что для мужа подобной больной важно имѣть дѣтей, но не менѣе важно для него имѣть подругу жизни, сотрудницу и жену въ узкомъ смыслѣ послѣдняго слова, именно въ данной женщинѣ, на которой онъ остановилъ свой выборъ, а не въ какой-либо другой, которую онъ имѣетъ право взять въ жены послѣ развода съ первой. Въ особенности это обстоятельство заслуживаетъ вниманія потому, что масса больныхъ подобнаго рода принадлежитъ къ рабочему сословію, гдѣ роль женщины, какъ жены, считается одной изъ важнѣйшихъ. Въ виду высказанныхъ соображеній, я стою на сторонѣ операціи искусственнаго образованія влагалища, и въ первомъ же подобномъ случаѣ послѣдую примѣру своего учителя.

6). **А. Н. Афанасьевъ** сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: „*Къ вопросу о микроорганизмахъ послѣродовыхъ отдѣленій.*" Вслѣдствіе пространности доклада, прочитана лишь одна часть его, касающаяся описанія обстановки и оцѣнки условій, при которыхъ были производимы наблюденія. Остальная часть работы, на основаніи § 29, прим. 2. Устава Общества, отложена и будетъ сообщена въ слѣдующемъ засѣданіи, на которое отложены и пренія.

7). Профессоръ **Г. Е. Рейнъ** демонстрировалъ родильницу, у которой онъ при родахъ произвелъ лоносѣченіе съ благопріятнымъ результатомъ для матери и плода. Вслѣдъ затѣмъ, предоставивъ предсѣдательское кресло, по выбору Общества, на основаніи § 13 Устава, д-ру Э. Ф. Функе, проф. Г. Е. Рейнъ изложилъ вкратцѣ исторію случая, заключающуюся въ слѣдующемъ: 13 февраля 1893 года въ клинику была доставлена роженица, крестьянка Полтавской губ., 27 лѣтъ отъ роду. Первые роды у нея продолжались 5 дней и окончились рожденіемъ мертваго плода, вторые—были два года тому назадъ, родился небольшихъ размѣровъ живой плодъ. Настоящіе—третьи роды—начались 10 февраля. Роженица перешла въ теченіе 3-хъ дней черезъ руки повитухъ, повивальной бабки и, наконецъ, въ клинику была направлена приглашеннымъ къ ней докторомъ Клейнманомъ. Препятствіе къ окончанію родовъ силами природы заключалось въ запруженіи полости таза тремя опухолями, повидимому, фибрознаго строенія. Опухоли

величиною отъ куринаго до гусинаго яйца, ограниченно подвижныя, располагались, такимъ образомъ, что составляли собою какъ бы полу-кольцо и занимали главнымъ образомъ лѣвую половину таза. Вслѣдствіе этого полость таза была съужена во всѣхъ ея размѣрахъ, а въ области истинной конъюгаты помѣщались 3 поперечныхъ пальца ($6\frac{1}{2}$-7 сант.) Остальные размѣры таза: 30,0, 27,5, 25,0, и 18,0. Предлежащая головка вступила уже въ полость таза, стрѣловидный шовъ находился въ прямомъ размѣрѣ, малый родничекъ былъ сильно опущенъ и обращенъ впередъ. Сердцебіеніе плода отчетливо. Состояніе роженицы: t^0 37.4, р. 92, слегка аритмичный. Общая слабость. Кольцо сокращенія матки рѣзко обозначено въ области пупка. Отдѣленія изъ влагалища гноевидныя. При такихъ условіяхъ была произведена операція symphyseotomia. Роженица переведена въ комнату, предназначенную для чревосѣченій. На операціонномъ столѣ ей дано положеніе, примѣняемое при камнесѣченіи. Операція произведена подъ хлороформнымъ наркозомъ и при употребленіи противогнилостныхъ средствъ. Передъ самымъ началомъ операціи были наложены акушерскіе щипцы, но, послѣ трехъ безплодныхъ тракцій, щипцы оставлены на головкѣ плода, и приступлено къ разсѣченію лоннаго сочлененія. Разрѣзъ покрововъ начатъ слѣва у glans clitoridis и продолженъ кверху на 1-2 сант. выше верхняго края лоннаго сочлененія. По мѣрѣ углубленія разрѣза, приходилось тщательно останавливать кровотеченіе изъ венъ, оказавшихся довольно сильно расширенными. Палецъ свободно проникъ между сухожиліями прямыхъ мышцъ живота на заднюю поверхность сочлененія, и подъ его контролемъ сочлененіе безъ труда было разсѣчено посредствомъ пуговчатаго, слегка изогнутаго, бистури. Лонныя кости разошлись на 1 поперечный палецъ. Рана закрыта іодоформной марлей,и приступлено къ извлеченію щипцами плода Двухъ легкихъ тракцій оказалось для этого, сверхъ ожиданія, вполнѣ достаточно. При первой тракціи былъ слышенъ небольшой трескъ, повидимому, отъ разрыва нижнихъ связокъ лоннаго соединенія. Тотчасъ по рожденіи плода появилось обильное кровотеченіе, ради котораго быстро осмотрѣна рана, а также влагалище (посредствомъ зеркала Sims'a), при чемъ оказалось, что кровотеченіе происходило изъ матки, вслѣдствіе крайней дряблости ея, и отчасти изъ нижняго края раны. Послѣдъ удаленъ, примѣнено механическое раздраженіе матки, впрыснутъ подъ кожу корнутинъ Коберта, приготовлено горячее спринцеваніе. На кровоточащіе сосуды раны быстро наложено нѣсколько зажимныхъ пинцетовъ. Пульсъ въ это время у оперированной былъ 120. По остановкѣ кровотеченія, приступлено къ зашиванію раны. Концы лонныхъ костей разошлись настолько, что между ними помѣщалось 4 поперечныхъ пальца оператора, т. е. на разстояніе около 7-7 $\frac{1}{2}$

сант. Сближеніе разошедшихся костей оказалось труднымъ при томъ положеніи, въ которомъ все время находилась оперируемая (т. е. какъ при камнесѣченіи) и, напротивъ того, легко удалось, когда, по совѣту одного изъ помощниковъ, ноги оперируемой были протянуты. На надкостницу наложены 3 шелковыхъ шва, покровы сшиты 7 швами. На тазъ наложена гипсовая повязка. Что касается плода, то онъ извлеченъ живымъ; вѣсъ его 3000 грам., длина—50,5 сант., окружность головки—35,0 сант. Послѣродовой періодъ протекалъ при незначительномъ повышеніи t^0 до 38,5, начиная со 2-го дня; съ 10-го дня t^0 стала нормальной. Уходъ за родильницей былъ весьма труденъ, такъ что для промыванія влагалища нужно было шестерымъ помощникамъ подымать ее, удерживая въ горизонтальномъ положеніи. Мочиться сама родильница не могла до 8-го дня. Гипсовая повязка оказалась неудобной, такъ какъ очень скоро пропиталась отдѣленіями и начала издавать зловоніе, вслѣдствіе чего на 6-й день уже она была снята и замѣнена простой перевязкой (іодоформ. марли, вата и липкій пластырь.) Швы сняты на 10-й день; первое натяженіе—почти по всей длинѣ раны. Въ нижнемъ углу раны, у похотника, затекъ; на—10-й день обнаружился затекъ также и въ верхнемъ углу раны; изъ обоихъ затековъ выдѣляется около 1 чайн. ложки гноя. Въ настоящее время затеки уменьшились. Общее состояніе больной весьма удовлетворительно. Движенія связанными конечностями до извѣстной степени возможны. Ребенокъ здоровъ; вѣсъ—3435 грм.

Воздерживаясь отъ общихъ выводовъ касательно значенія симфизеотоміи, за незначительностью своего личнаго матеріала, докладчикъ резюмировалъ лишь свои впечатлѣнія отъ данной операціи. Ему кажется, что симфизеотомія имѣетъ свою будущность и въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ конкуррировать съ кесарскимъ сѣченіемъ при относительныхъ показаніяхъ. При выборѣ операціи необходимо обращать вниманіе на общее состояніе роженицы; въ случаѣ запущенныхъ родовъ, гдѣ можно предполагать загрязненіе половой трубки микробами, какъ это было въ случаѣ докладчика, умѣстнѣе симфизеотомія .Въ случаяхъ же свѣжихъ, быть можетъ, умѣстнѣе кесарское сѣченіе. Показаніе къ симфизеотоміи дается, главнымъ образомъ, съуженіемъ таза въ поперечныхъ размѣрахъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ кифотическомъ тазу и въ тазу, запруженномъ опухолями, а затѣмъ уже слѣдуютъ общесъуженные и, можетъ быть, также плоскіе тазы. О значеніи симфизеотоміи можно, во всякомъ случаѣ, сказать съ положительностью, что ею изгоняется прободеніе головки у живаго плода. Затѣмъ докладчикъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній касательно техники операціи. Для избѣжанія кровотеченія въ послѣднемъ моментѣ операціи, необходимо, подъ контролемъ зрѣнія, разрѣзывать лонное сочлененіе на всемъ его протяженіи, тщательно

перевязывая всѣ встрѣчающіеся сосуды. Кавернозное тѣло также слѣдуетъ разрѣзывать и перевязывать подъ контролемъ зрѣнія. Щипцы лучше всего накладывать заблаговременно, до начала симфизеотоміи, если это окажется возможнымъ. Невозможность можетъ, между прочимъ, встрѣтиться при кифотическомъ тазѣ. Положеніе оперируемой должно быть, какъ въ случаѣ докладчика, крестцово-спинное съ пригнутыми и разведенными бедрами, а, при сближеніи концевъ лонныхъ костей, нижнія конечности оперируемой должны быть вытянуты. Самое больное мѣсто данной операціи—это послѣдовательный трудный уходъ. Гипсовая повязка не годится; можетъ быть, будетъ лучше повязка изъ жидкаго стекла или шина Bonnet'a. Во всякомъ случаѣ, не смотря на нѣкоторыя неудобства, симфизеотомія въ состояніи завоевать видное мѣсто въ ряду акушерскихъ операцій. Никоимъ образомъ нельзя теперь согласиться съ мнѣніемъ Baudelocque'a, который слишкомъ строго осудилъ симфизеотомію, говоря, „что послѣ этой операціи или мать жива, а плодъ мертвъ, или—наоборотъ, а если оба живы, то операція была излишня." Однако и увлекаться этой операціей было бы неумѣстно; надо помнить, что симфизеотомія обязана теперешнимъ своимъ возрожденіемъ успѣхамъ противогнилостнаго и безгнилостнаго способовъ, а послѣдніе въ значительной степени улучшили также и результаты кесарскаго сѣченія. Особенно слѣдуетъ принять во вниманіе, что нарушеніе цѣлости тазоваго кольца, имѣющаго столь большое значеніе для поддержки всей тяжести тѣла, можетъ и въ отдаленномъ будущемъ неблагопріятно отразиться на функціи конечностей при ходьбѣ. Равнымъ образомъ и нарушеніе цѣлости тазовой клѣтчатки при операціи можетъ способствовать образованію смѣщеній и выпаденій органовъ таза. Надо накоплять и изучать матеріалы, предоставивъ будущему окончательную оцѣнку ихъ.

Въ преніяхъ участвовали: **Сапѣжко, Гуринъ, Красковскій и Боряковскій.**

Сапѣжко. (Ауторефератъ). На мой взглядъ, взглядъ неспеціалиста, symphiseotomia, по сравненію съ другими серьезными операціями, способствующими окончанію родовъ при значительныхъ степенямъ съуженія таза (какъ прободеніе головки живаго плода, кесарское сѣченіе), является операціей идеальной, такъ какъ, при ея помощи, мы самымъ прямымъ путемъ подходимъ къ цѣли, при чемъ простымъ открытымъ наружнымъ сѣченіемъ разъединяемъ препятствующее прохожденію плода непормально-суженное костное кольцо, оставляя полную надежду на жизнь плода и не подвергая мать той серьезной опасности, какая всегда сопровождаетъ кесарское сѣченіе.

При настоящихъ способахъ ухода за раной symphyseotomia должна быть отнесена къ операціямъ мало опаснымъ а по техникѣ очень простымъ и вслѣдствіе этого можетъ быть производима при гораздо менѣе благопріятной обстановкѣ, съ несравненно большими шансами на успѣхъ, чѣмъ кесарское сѣченіе, вмѣстѣ съ которымъ она должна окончательно вытѣснить умерщвленіе плода, этотъ жестокій родъ оперативной помощи при родахъ. По моему мнѣнію, эта старая, несправедливо заброшенная операція, заслуживаетъ всесторон-

няго изученія съизнова, и можно надѣяться, что въ будущемъ показанія къ ней будутъ гораздо шире, чѣмъ въ настоящее время. Разъ, въ случаѣ проф. Рейна (а также и другихъ авторовъ), при сравнительно, небольшомъ ограниченіи полости таза, края symphysis разошлись на 7 сант., то нѣтъ основанія думать, что въ соотвѣтствующихъ случаяхъ этотъ размѣръ не увеличится еще на 2—3 сант.; вмѣстѣ съ тѣмъ получится большая свобода для прохожденія плода, даже при значительныхъ степеняхъ съуженія таза. Очевидно, препятствіе расхожденію краевъ symphys'ы со стороны synhondrosis sacro-iliaca у беременныхъ не такъ велико, какъ это можно было-бы ожидать, по наблюденію надъ трупами, а поврежденія въ связкахъ синхондрозовъ, при высокихъ степеняхъ расхожденія краевъ симфизы, не могутъ представлять собой ничего опаснаго, какъ всякая distorsio.

Что касается заключительнаго акта операціи и послѣдующаго ухода за раной, то, по моему мнѣнію, смотря по обстоятельствамъ, въ болѣе благопріятныхъ случаяхъ на symphys'у можетъ быть наложенъ поднадкостный или костный шовъ, и кожная рана закрыта вполнѣ; въ менѣе благопріятныхъ случаяхъ рана, въ мѣстахъ чистыхъ, можетъ быть оставлена подъ тампономъ, при чемъ, можно думать, что образовавшійся плотный рубецъ обусловитъ наиболѣе прочное соединеніе разрѣзанной symphys'ы.

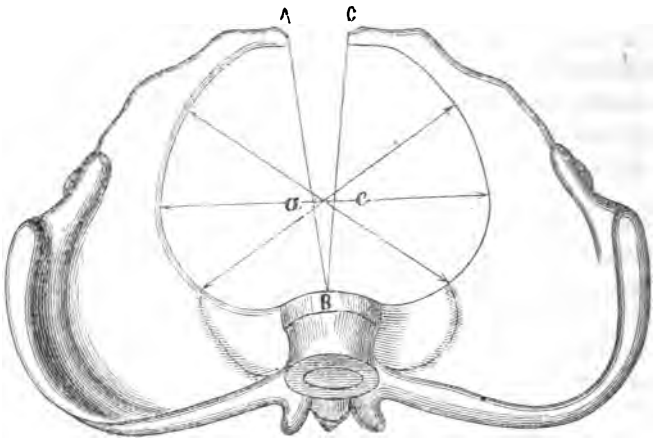
Въ заключеніе я долженъ сказать, что простота и относительная безопасность symphyseotomiae даютъ возможность, съ полной надеждой на успѣхъ, производить ее даже въ самой обыкновенной случайной обстановкѣ. Въ моихъ глазахъ это обстоятельство придаетъ этой операціи, по самой своей сущности операціи экстренной, высокую цѣну; она обязываетъ клиницистовъ детально разработать ее на основаніяхъ новѣйшей хирургіи и довести до степени общеобязательнаго врачебнаго пріема на ряду съ трахеотоміей и грыжесѣченіемъ; такъ какъ въ случаѣ съуженія таза экстренно призванный помогать при родахъ врачъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи вполнѣ надежной обстановки, раньше, чѣмъ прибѣгнуть къ умерщвленію живого плода или кесарскому сѣченію, на первомъ планѣ долженъ подумать о возможности примѣненія такого пріема, какъ symphyseotomia, при которой дается возможность сохранить жизнь младенцу и наименѣе подвергается опасности жизнь матери.

Для опредѣленія возможныхъ размѣровъ тазоваго кольца послѣ symphyseotomiae, мнѣ кажется, съ извѣстнымъ удобствомъ можно пользоваться слѣдующими простыми геометрически соображеніями. Разъ намъ извѣстна conjugata vera и вѣроятная степень расхожденія краевъ symphys'ы, то мы, на основаніи этихъ двухъ линій, легко можемъ построить равнобедренный треугольникъ, которымъ собственно и увеличивается площадь сѣченія таза. Основаніе этого треугольника будетъ равняться линіи расхожденія краевъ symphys'ы, а каждое бедро—длинѣ conjugata vera. Теперь, если намъ требуется опредѣлить увеличеніе поперечнаго діаметра таза, то нужно опредѣлить разстояніе между бедрами треугольника на половинѣ длины conjugata; а эта величина, на основаніи простаго подобія треугольниковъ, равняется половинѣ основанія бо́льшаго изъ нихъ, т. е. равняется половинѣ линіи расхожденія краевъ symphys'ы.

Допустимъ, что conjugata vera=8 сант., расхожденіе края симфизы тоже=8 сант., то вышеприведенная формула дастъ для *ac*, увеличенія длины поперечнаго діаметра, слѣдующую цифру: 6: 4=8: x; 8x=32, x=4 *сант.* Съ извѣстной степенью вѣроятія это построеніе даетъ возможность ориентироваться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ при сужденіи объ увеличеніи другихъ діаметровъ. Конечно, всѣ эти соображенія должны быть основаны на точ-

ныхъ данныхъ измѣренія таза до symphyseotomii и имѣютъ только лишь значеніе руководящей схемы, по которой формируются наши представленія объ измѣненіи формы таза.

AB: aB=AC· ac



Гуринъ. Нельзя не согласиться съ докладчикомъ относительно заблаговременнаго наложенія щипцовъ. Для предупрежденія чрезмѣрнаго расхожденія лонныхъ костей, слѣдовало бы предварительно накладывать на тазъ какой-либо эластическій бинтъ, который допускалъ бы расхожденіе не болѣе, чѣмъ сколько необходимо для рожденія плода. Не слѣдуетъ разрѣзывать corpus cavernosum; на основаніи анатомическихъ отношеній можно разсчитывать, что оно не разорвется при расхожденіи лонныхъ костей, а лишь растянется. Симфизеотомія заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія, какъ операція, устраняющая операцію прободенія головки у живаго плода, равносильную избіенію младенцевъ.

Красковскій разсказалъ о случаѣ симфизеотоміи, видѣнномъ имъ въ Дрезденѣ у Leopold'a. Случай Leopold'a произвелъ на него впечатлѣніе болѣе слабое, чѣмъ случай докладчика, который также ему довелось видѣть. Кровотеченіе было незначительное. Да и въ случаѣ докладчика главное кровотеченіе было атоническое. Щипцы были наложены у Leopold'a послѣ операціи; но лучше это дѣлать заблаговременно; можетъ быть, въ опубликованныхъ у насъ случаяхъ (проф. А. Я. Крассовскаго и проф. А. И. Лебедева) разрывы влагалища произошли именно отъ наложенія щипцовъ во время самой операціи. Leopold сообщилъ оппоненту, что въ настоящее время онъ не станетъ производить кесарскаго сѣченія при относительныхъ показаніяхъ, а замѣнитъ его симфизеотоміей.

Боряковскій. Я присутствовалъ при операціи проф. Г. Е. Рейна, благодаря любезному извѣщенію меня, и долженъ сказать, что симфизеотомія произвела на меня впечатлѣніе весьма серьёзной акушерской операціи. О простотѣ этой операціи мы слышимъ заявленіе со стороны хирурга, д-ра Сапѣжко, исполненное розовыхъ ожиданій. Въ противовѣсъ этому заявленію, я, видѣвшій операцію, считаю нужнымъ предостеречь отъ увлеченія данной операціей, и особенно совѣтую не дѣлать ее при неполной обстановкѣ. Не надо забывать, что акушерскія операціи, какъ производимыя въ области беременной матки, носятъ отличный характеръ отъ другихъ хирургическихъ операцій; онѣ могутъ представлять цѣлый рядъ случайностей, имѣющихъ значеніе для жизни двухъ существъ. И въ случаѣ докладчика, напр., случайное атоническое кровотеченіе было въ состояніи вы-

звать нѣкоторое смущеніе, чему я былъ свидѣтелемъ. Въ какомъ же положеніи можетъ очутиться врачъ, когда онъ захочетъ оперировать одинъ! Однако, несомнѣнно, что эта операція даетъ неожиданно-блестящіе результаты и въ состояніи измѣнить нѣкоторыя, до сихъ поръ стойкія, воззрѣнія акушеровъ. Такъ, между прочимъ, и я долженъ отказаться отъ сдѣланнаго мною въ свое время предложенія: въ подобныхъ случаяхъ искусственно ограждать женщину отъ вторичнаго зачатія, которое могло бы имѣть для нея роковое значеніе. Но въ томъ случаѣ, относительно котораго было сдѣлано это предложеніе, внутритазовая опухоль была удалена докторомъ Сапѣжко съ столь счастливымъ исходомъ, а въ теперешнемъ случаѣ докладчика полученъ прекрасный результатъ отъ симфизеотоміи. Такимъ образомъ, этой операціей не только устраняется прободеніе живаго плода, но и ограничивается потребность въ предупрежденіи зачатія. Что касается техники операціи, то ею нельзя удовлетвориться. Легко разрѣзать сочлененіе, но это только часть дѣла. Значительная же часть раненія, а именно въ клѣтчаткѣ таза, довершается во время расхожденія костей самостоятельно, безъ всякаго контроля со стороны оператора и безъ возможности что-либо измѣнить. Въ концѣ концовъ получается въ тазу обширная рваная рана, заживающая впослѣдствіи съ образованіемъ затековъ и, во всякомъ случаѣ, не отвѣчающая по своимъ свойствамъ идеалу хирургической операціи.

Сапѣжко отвѣтилъ, что техника разсматриваемой операціи гораздо проще, чѣмъ при кесарскомъ сѣченіи, и посему врачу, работающему при недостаточной обстановкѣ, было-бы гораздо удобнѣе примѣнить эту операцію, чѣмъ кесарское сѣченіе. Что касается кровотеченія, то атоническое кровотеченіе можетъ встрѣтиться и при всякомъ другомъ акушерскомъ случаѣ; кровотеченіе же изъ раны не можетъ быть столь обильно, какъ при кесарскомъ сѣченіи, потому что операція совершается *внѣ* области беременной матки; наконецъ, это кровотеченіе можетъ быть легко остановлено тампонаціей іодоформной марли и т. п.

Рейнъ. Изслѣдованія механической стороны разсматриваемой операціи, съ соотвѣтственными измѣреніями таза, произведены еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Мы также произвели нѣсколько изслѣдованій на трупѣ. Въ настоящее время эта сторона дѣла можетъ считаться еще разъ изученной, благодаря работѣ одного изъ ассистентовъ Fritsch'a. (См. Centralbl. f. gyn.) и другихъ. Мы имѣемъ готовыя таблицы, по которымъ можемъ узнать, какъ расширяется тазъ въ прямомъ и поперечномъ размѣрѣ, при расхожденіи лонныхъ костей на извѣстную величину; мы видимъ, что при расхожденіи на 7 сант. conjugata vera увеличивается на $1^1/_2$ сант., а остальные размѣры—до 3-хъ и болѣе сант. Мы не думаемъ, чтобы можно было получить расхожденіе лонныхъ костей на 9—10 сант., безъ глубокаго разрыва въ области крестцово-подвздошныхъ сочлененій. Сама природа въ расщепленныхъ тазахъ указываетъ границу расхожденія, а именно 7—8 сант. Что касается простоты операціи, то въ этомъ отношеніи нельзя согласиться съ розовыми надеждами д-ра Сапѣжко; все-таки мѣстомъ этой операціи служатъ, если не беременная матка, то, во всякомъ случаѣ, беременные половые органы. Остановка кровотеченія тампонаціей неудобна тѣмъ, что при ней теряется много времени, и кромѣ того, тампонами можно произвести еще бо́льшую отслойку мягкихъ частей отъ передней тазовой стѣнки. По сравненію съ этой операціей кесарское сѣченіе представляетъ болѣе идеальную хирургическую операцію, такъ какъ при немъ получается опредѣленныхъ размѣровъ рѣзанная рана, заживающая первымъ натяженіемъ. Да и техника кесарскаго сѣченія не столь трудна, чтобъ эту операцію рѣзко противополагать симфизеотоміи; вся суть при

кесарскомъ сѣченіи сводится не къ техникѣ,—такъ какъ кровотеченіе само собою останавливается вслѣдствіе сокращенія стѣнки матки,—а къ необходимости надлежащей асептической обстановки. Асептическая же обстановка въ настоящее время можетъ быть устроена въ любомъ помѣщеніи безъ особенно сложныхъ приспособленій. Однако нельзя вполнѣ согласиться и съ д-ромъ Боряковскимъ, который слишкомъ замѣтно подчеркиваетъ трудности симфизеотоміи. Во всякомъ случаѣ, оцѣнка данной операціи—дѣло будущаго: результаты ея могутъ быть опредѣляемы лишь спустя годы, когда будутъ видны окончательныя послѣдствія ея. Въ заключеніе проф. Г. Е. Рейнъ замѣтилъ, что симфизеотомія можетъ служить и для другихъ цѣлей хирургіи, а именно: для удаленія опухолей мочеваго пузыря, опухолей тазовой клѣтчатки и т. п.

Замѣщавшій предсѣдателя, **Э. Ф. Функе** выразилъ докладчику благодарность отъ имени Общества и пожелалъ ему столь же блестящихъ результатовъ въ будущемъ. Между прочимъ Э. Ф. пожелалъ, чтобы оперированная, которая еще теперь не ходитъ, сама пришла показаться Обществу въ будущемъ засѣданіи.

За позднимъ временемъ доклады **Д. А. Абуладзе** и **Ю. О. Аншелеса** отложены до слѣдующаго засѣданія.

Административная часть засѣданія.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Предложенъ въ дѣйствительные члены Общества **С. М. Яровой**—проф. Рейномъ, Красковскимъ, Боряковскимъ и Карра. Постановлено: балотировать въ слѣдующемъ засѣданіи.

Предсѣдатель *Г. Рейнъ.*

Секретарь *А. Боряковскій.*

ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Акушерско-гинекологическаго Общества въ Кіевѣ.

№ 58.

18-го Марта 1893 года.

Предсѣдательствовалъ проф. Г. Е. Рейнъ.

Присутствовали: Д. А. Абуладзе, Н. М. Волковичъ, И. А. Воффъ, Е. Г. Гуринъ, В. П. Жемчужниковъ, Д. А. Карра, А. И. Красковскій, Ф. Ф. Краснопольскій, Г. Г. Левицкій, А. А. Мокрицкій, Н. К. Неёловъ, Н. Н. Подрѣзанъ, А. А. Редлихъ, К. М. Сапѣжко, Э. Ф. Функе, Н. В. Шуварскій и 54 гостя.

1) Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Предсѣдатель сообщилъ о полученіи на его имя программы медицинско-гигіенической выставки, устраиваемой во время международнаго съѣзда врачей въ Римѣ, съ приглашеніемъ участвовать въ выставкѣ.

Постановили: въ видахъ наибольшаго распространенія свѣдѣній объ этомъ общеполезномъ международномъ предпріятіи напечатать въ мѣстныхъ газетахъ какъ существенныя черты программы выставки, такъ и условія для желающихъ принять въ ней участіе. Гг. Члены общества могутъ знакомиться съ программою выставки въ бюро Общества.

3) Нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ Общества розданъ отчетъ родильнаго пріюта при Голицынской больницѣ въ Мос-

квѣ за 1892 г., любезно присланный съ этою цѣлію авторомъ его, докторомъ Иноевсомъ.

Постановили: выразить благодарность г. Иноевсу.

4) Предсѣдатель сообщилъ о полученіи на его имя письма отъ А. Г. Боряковскаго съ просьбою къ членамъ Общества, завѣдывающимъ больничными учрежденіями, о присылкѣ статистическихъ свѣдѣній за 1892 г.

5) Библіотекаремъ сообщено о полученіи на имя Общества слѣдующихъ книгъ и изданій:

Протоколъ годичнаго засѣданія Общества врачей Восточной Сибири въ г. Иркутскѣ 2 сентября 1892 г.—*Протоколы* засѣданій Общества Калужскихъ врачей за 1891—1892 г.—*Таблица* смертности и рождаемости Кіевскаго населенія по церковнымъ приходамъ и больницамъ за январь 1893 г.—*Санитарный отчетъ* о ходѣ холерной эпидеміи въ Кіевѣ въ 1892 г.—*Отчетъ* о дѣятельности больницы св. Ольги въ Москвѣ за 1891 г. —*Протоколы* и сообщенія врачей Новгородской губ. за 1891—1892 г.—*Bulletin* de la société Belge de gynécologie et d'obstétrique № 2. 1893 г.—*Медицинскій отчетъ* родильнаго пріюта Голицынской больницы въ Москвѣ за 1892 г.

6). **Проф. Г. Е. Рейномъ** показана больная, демонстрированная Обществу въ предыдущемъ засѣданіи, послѣ операціи лоносѣченія. Въ настоящее время больная уже ходитъ. Лонное сочлененіе неподвижно, безболѣзненно. На мѣстѣ разрѣза лона едва замѣтно ничтожное углубленіе. Повидимому, теперь больная вполнѣ здорова.

7) **А. Н. Афанасьевъ** (гость) закончилъ начатое въ предыдущемъ засѣданіи сообщеніе *„Къ вопросу о микро-организмахъ послѣродовыхъ отдѣленій“*. Въ настоящемъ засѣданіи докладчикъ изложилъ методологію своихъ изслѣдованій и тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ еще въ 1884 г., относительно значенія микроорганизмовъ полового канала женщины въ послѣродовомъ періодѣ. Выводы эти слѣдующіе: 1) Послѣродовыя заболѣванія несомнѣнно возникаютъ вслѣдствіе заноса въ половые органы беременныхъ, роженицъ и родильницъ того или другого патогеннаго микроба. 2) Иногда въ половыхъ органахъ родильницъ встрѣчается 2 и болѣе заразныхъ микробовъ, способныхъ дать смѣшанную инфекцію, а, слѣдовательно, и болѣе сложную картину болѣзни. 3) По отношенію къ этіологіи различныхъ послѣродовыхъ заболѣваній можно допустить, что гнилокровіе возникаетъ вслѣдствіе инфекціи палочкой, а гноекровные процессы—отъ микрококковъ. 4) Безгнилостный методъ въ акушерствѣ одинъ только способенъ предохранить родильницъ отъ заболѣваній, ибо послѣдующее за зараженіемъ примѣненіе противогнилостнаго метода не всего можетъ устранить вредоносное вліяніе заразы, уже попавшей въ организмъ.

Въ преніяхъ участвовали: проф. **Рейнъ** и студ. **Заболотный**.

Заболотный (гость; ауторефератъ), Такъ какъ работа докладчика относится къ 1883 году, т. е. со времени ея исполненія прошло 10 лѣтъ, то было бы несправедливо предъявлять къ ней тѣ запросы и требованія, которые предъявляетъ современная бактеріологія въ подобныхъ случаяхъ. Потому я постараюсь, насколько для меня будетъ это возможно, перенестись мысленно въ это отдаленное для бактеріологіи время и сдѣлать докладчику нѣсколько замѣчаній:

1) Въ докладѣ постоянно говорится о количествѣ бактерій (много, мало, меньше, больше). Въ однихъ случаяхъ ихъ было очень много, въ другихъ—мало. Способъ, употребленый докладчикомъ для сравненія количества бактерій (намазанные препараты), не ведетъ къ цѣли, потому что намазать на препаратъ можно изъ густаго посѣва такъ, что бактерій будетъ очень мало. Схема Gaffky, употреблявшаяся для приблизительнаго опредѣленія количества туберкулезныхъ бациллъ, въ настоящее время признается не имѣющей никакого значенія. Для болѣе точнаго опредѣленія количества микроорганизмовъ нужно было высѣвать опредѣленное количество выдѣлей на желатиновой пластинкѣ и сосчитывать колоніи, способъ, извѣстный уже въ то время, и употреблявшійся для подобныхъ цѣлей тогда Кохомъ.

2) Докладчикъ дѣлалъ смѣшанныя культуры лохій въ различныхъ средахъ. Подобныя культуры, помимо того неудобства, что мы получаемъ какую-то смѣсь, составъ котораго не опредѣленъ,—даютъ возможножность погибать однимъ микробамъ въ борьбѣ съ другими (съ чѣмъ согласенъ и самъ докладчикъ). Въ результатѣ патогенные, менѣе приспособленные къ жизни внѣ организма микробы, на средахъ— могутъ вымереть, останутся одни не патогенные и послѣдующія впрыскиванія не дадутъ результата.

3) При описаніи случая, у больной № 20 была выдѣлена палочка, представляющая крайне патогенныя свойства для кролика и вызывающая образованіе злокачественнаго отека. Растетъ-ли она при доступѣ кислорода или безъ онаго?

Афанасьевъ. Она растетъ при доступѣ кислорода.

Заболотный. Въ такомъ случаѣ, злокачественный отекъ, который получалъ докладчикъ, совершенно отличается отъ общеизвѣстнаго злокачественнаго отека (oedema malignum), возбудителемъ котораго является *строго-анаэробная палочка*.

4) Докладчикъ различаетъ, на основаніи одного микроскопическаго изслѣдованія, въ выдѣленіяхъ влагалища до 12 видовъ бактерій. Между тѣмъ, извѣстно, что для различія отдѣльныхъ видовъ непосредственнаго микроскопическаго изслѣдованія недостаточно и необходимы культуры каждаго вида въ отдѣльности, безъ чего, при возможности полиморфизма одного и того-же вида и при внѣшнемъ микроскопическомъ сходствѣ различныхъ видовъ,—нельзя различить отдѣльныхъ видовъ.

5) Такъ какъ не описанъ ростъ полученныхъ микроорганизмовъ на средахъ, то поэтому невозможно сравнивать данныхъ докладчика съ данными послѣдующихъ авторовъ и рѣшить, въ какой степени докладчикъ обладаетъ пріоритетомъ въ вопросѣ. Въ заключеніе слѣдуетъ пожалѣть, что всего этого нѣтъ въ настоящемъ докладѣ.

Рейнъ. Выслушанное сообщеніе, излагающее результаты работы, сдѣланной уже 10 лѣтъ назадъ, имѣетъ, во-первыхъ, интересъ историческій. Уже въ то время въ русской клиникѣ произведено было бактеріологическое изслѣдованіе съ посѣвами въ жидкія и твердыя среды, прививками животнымъ и т. д. Изслѣдованіе, къ сожалѣнію, не было закончено, но матеріалы, добытые имъ, очень цѣнны. Изъ фактовъ, уже тогда установленныхъ, особенно важны два слѣдующихъ: 1) отсутствіе въ маткѣ здоровой женщины какихъ-бы то ни было микробовъ и 2) указаніе на преимущества безгнилостнаго метода въ акушер-

ствѣ, по сравненію съ противогнилостнымъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, оба эти факта были твердо установлены другими изслѣдователями. Другая сторона работы имѣетъ значеніе для исторіи акушерскихъ клиникъ. Въ настоящее время у родильницъ, разрѣшившихся въ нашей клиникѣ, какъ доказываютъ, между прочимъ, наблюденія д-ра Аншелеса (см. выше вып. 11, стр. 36), нельзя въ половыхъ органахъ найти такого количества и такого разнообразія видовъ микроорганизмовъ. Клинически это выясняется и измѣненіемъ характера послѣродовыхъ заболѣваній въ послѣдніе годы. Такое измѣненіе характера инфекціонныхъ болѣзней было доказано для нѣкоторыхъ эпидемическихъ заболѣваній, какъ, напр., чумы, оспы, на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій; для послѣродовыхъ заболѣваній вопросъ начинаетъ выясняться въ какія нибудь 20 лѣтъ. Сообщеніе хотя и устарѣло, но и въ настоящее время оно имѣетъ громадный интересъ, какъ въ смыслѣ пріоритета нѣкоторыхъ наблюденій, такъ и въ историческомъ отношеніи для вопроса объ этіологіи послѣродовыхъ заболѣваній вообще, и для Кіевской клиники въ частности.

8) **Д. А. Абуладзе** сдѣлалъ сообщеніе, подъ заглавіемъ: „*Къ вопросу о вліяніи заболѣваній холерою на теченіе беременности*“. Докладчикъ лѣтомъ 1892 г. завѣдывалъ холернымъ баракомъ въ г. Екатеринославѣ. За это время его наблюденію представилось пять случаевъ заболѣванія холерою беременныхъ женщинъ. Какъ на основаніи этихъ наблюденій, такъ и на основаніи подробнаго анализа литературныхъ данныхъ по этому вопросу, докладчикъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) беременность, застигнутая холерою, въ большинствѣ случаевъ, прерывается; 2) повидимому, исключеніе изъ этого правила можетъ составить беременность въ болѣе раннихъ стадіяхъ и притомъ при холерѣ не въ сильной степени; 3) причину смерти плода нужно видѣть, главнымъ образомъ, въ нарушеніи питанія и дыханія послѣдняго вслѣдствіе сильнаго пониженія кровянаго давленія, сгущенія крови и обѣднѣнія ея кислородомъ; 4) изгнаніе яйца, если беременность прервалась, въ большинствѣ случаевъ, наступаетъ не во время холернаго приступа, а послѣ прекращенія его, въ періодъ выздоровленія.

Въ преніяхъ по поводу этого сообщенія участвовали: **Неёловъ, Заболотный, Красковскій, Гуринъ, Подрѣзанъ и Рейнъ.**

Неёловъ. Докладчикъ слишкомъ смѣло дѣлаетъ выводъ относительно причинъ смерти плода. Обѣднѣніе крови жидкостью при холерѣ не доказано, почему ставить это обстоятельство, въ качествѣ одной изъ причинъ внутриутробной смерти, едва-ли умѣстно. Быть можетъ, такой причиной являются холерные токсины, отравляющіе плодъ. Такое предположеніе находитъ подтвержденіе въ работѣ Vitanzza, не цитируемой докладчикомъ Witanzza доказалъ, что интоксикація внутриутробнаго плода можетъ быть достигнута, хотя и получилъ отрицательные результаты съ разводками изъ органовъ плодовъ. Докладчикомъ опущена также одна русская работа по данному вопросу, именно работа д-ра Раковскаго, напечатанная въ архивѣ Института экспериментальной медицины.

Заболотный (ауторефератъ). Вопросъ о вліяніи холеры на теченіе беременности, въ частности на жизнь плода, относясь къ ряду сложныхъ біологическихъ явленій, можетъ быть рѣшенъ только экспериментально. Изъ экспериментальныхъ данныхъ Vitanzza, мы знаемъ, что возможна инфекція плода. Происходитъ-ли тоже самое и у людей, или смерть плода слѣдуетъ приписать интоксикаціи холернымъ токси-

номъ—это можно рѣшить только, дѣлая посѣвы изъ органовъ и крови плода, а также изъ околоплодной жидкости и *meconium'a*. Отрицательные опыты Vitanzza (у людей), въ виду не большаго ихъ числа, не могутъ дать еще рѣшающаго отвѣта. Вліяніе же токсиновъ на беременность можетъ быть прослѣжено при непосредственномъ впрыскиваніи ихъ беременнымъ животнымъ.

Абуладзе (ауторефератъ). Я въ началѣ же оговорился, что малочисленность наблюденій не позволяетъ мнѣ прійдти къ какимъ-либо строго опредѣленнымъ выводамъ. Цѣль настоящаго сообщенья—получить отвѣты на рядъ вопросовъ, что возможно только въ будущемъ, если, къ сожалѣнію,—эпидемія холеры возвратится. Статья Vitanzza мнѣ извѣстна, но не цитировалъ я ее по слѣдующей причинѣ: пока еще нѣтъ такихъ работъ, какія доказывали-бы, вопреки мнѣнію Коха, присутствіе запятыхъ въ крови. Вмѣстѣ съ тѣмъ, странно нѣсколько, что, по наблюденіямъ Vitanzza, во внутренностяхъ и въ meconium'ѣ 5 младенцевъ отъ холерныхъ матерей бациллы безусловно не были найдены, тогда какъ, послѣ зараженія культурами per os беременныхъ кроликовъ, во внутренностяхъ кроличатъ запятыя во всѣхъ случаяхъ были находимы. Предположеніе о смерти плода вслѣдствіе интоксикаціи токсинами, вырабатываемыми холерными бациллами, давно уже высказано Klautsch'емъ, который, кстати сказать, главную причину все же видитъ въ нарушеніи питанія и проч. Если я и не упоминаю въ своемъ сообщеніи вовсе о возможности смерти плода вслѣдствіе зараженія бациллами или вслѣдствіе отравленія токсинами, то потому только, что первое кажется мнѣ слишкомъ теоретичнымъ, а второе—вопросомъ пока открытымъ. Поэтому, я старался объяснить смерть плода такъ, какъ это мнѣ позволили сдѣлать клиническія наблюденія, добытыя у постели больныхъ. Что же касается случаевъ Раковскаго, на которые ссылается д-ръ Неёловъ, то я долженъ сказать, что всѣ эти 9 больныхъ относятся къ такимъ, которыя заболѣли холерой не во время беременности, а въ послѣродовомъ періодѣ, а это вовсе не относится къ предмету моего сообщенія.

Красковскій. Насколько я понялъ, докладчикъ и не ставилъ своею задачею выяснить причины прерыванія беременности и смерти внутриутробнаго плода при холерѣ. Эти вопросы могутъ быть рѣшены лишь путемъ эксперимента, пока же этого не сдѣлано можно строить всякія болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы. Почему, напримѣръ, недопустить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ особенно многороженицъ, подвергавшихся при предъидущихъ беременностяхъ послѣродовымъ заболѣваніямъ, одною изъ причинъ прерыванія беременности можетъ послужить, между прочимъ, и энергичная терапія, подчасъ примѣняемая при холерѣ, какъ горчишники, растиранія, высокія клизмы и т. п? Вопросъ, повторяю, можетъ быть рѣшенъ, по моему мнѣнію, лишь точнымъ экспериментальнымъ путемъ, и пока этого не сдѣлано, долженъ быть оставленъ открытымъ. Я отсутствовалъ изъ Кіева во время разгара холерной эпидеміи прошлаго года, но мнѣ извѣстно, что въ холерномъ отдѣленіи Кирилловской больницы два раза наблюдалось прерываніе беременности при холерѣ. Оба раза изгнаніе яйца послѣдовало въ періодъ выздоровленія отъ холеры.

Гуринъ (авторефератъ). Смерть плода, рождаемаго, какъ оказывается, послѣ припадковъ холеры, вѣроятно, зависитъ отъ инфекціоннаго отравленія кровью холерной матери. Если яды разнообразныхъ инфекцій проходятъ чрезъ физіологически-фильтрующіе эпителіи почекъ, то прохожденіе такихъ ядовъ чрезъ эпителіи матки и дѣтскаго мѣста

тоже вѣроятно. Результатомъ является насыщеніе плода ядами и смерть его отъ отравленія. Наступленіе преждевременныхъ родовъ можетъ, отчасти, зависѣть отъ перерожденія маточныхъ эпителіевъ, такъ какъ холерное отравленіе, вообще, ведетъ къ измѣненіямъ эпителіальныхъ поверхностей. Поучительно сопоставленіе судорожнаго дѣйствія холерныхъ ядовъ на кишки и отсутствіе этого дѣйствія на матку, состоящую, повидимому, изъ гомологическихъ анатомическихъ элементовъ; это поясняетъ разницу между мускулатурой и гангліями кишекъ и таковыми-же матки.

Подрѣзанъ. Два раза наблюдалъ прерываніе беременности при холерѣ. Обѣ матери умерли. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ младенецъ родился черезъ часъ послѣ смерти матери.

Неёловъ. Въ городской Александровской больницѣ, по заявленію завѣдывавшихъ холернымъ отдѣленіемъ врачей, было девять случаевъ осложненія беременности холерою. Во всѣхъ случаяхъ беременности прервалась, и родились мертные плоды.

Рейнъ. Надо различать причины смерти плода и причины изгнанія его. Весьма вѣроятно, что и при холерѣ, какъ и при другихъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, причиною смерти его является отравленіе специфическимъ ядомъ. Причиною изгнанія плода, очевидно, является эндометритъ матери, доказанный анатомически Славянскимъ и другими. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о вліяніи заболѣванія холерою на беременность настолько важенъ и интересенъ, что разработка его въ будущемъ была бы очень желательна. Для объединенія будущихъ наблюденій въ этомъ направленіи, въ случаѣ, если бы холера повторилась, желательно было-бы выработать программу для собиранія данныхъ по этому вопросу, съ каковою цѣлію предсѣдатель и предлагаетъ избрать коммиссію изъ желающихъ принять на себя этотъ трудъ членовъ Общества. Докладчикъ заслуживаетъ нашей благодарности за возбужденіе въ Обществѣ столь животрепещущаго вопроса.

Постановили: избрать комиссію для разработки указаннаго предсѣдателемъ вопроса.

Въ члены комиссіи избраны: Абуладзе, Неёловъ, проф. Рейнъ и, въ качествѣ совѣщательнаго члена, г. Заболотный.

9) **Н. К. Неёловымъ** прочитано сообщеніе д-ра *Ю. О. Аншелеса* (изъ Бердичева), подъ заглавіемъ: *Къ казуистикѣ пороковъ развитія женскихъ половыхъ органовъ.* Докладчикъ сообщаетъ два своихъ наблюденія, въ одномъ изъ которыхъ имѣлось ненормальное отверстіе задняго прохода во входѣ рукава (atresia ani vestibularis), а въ другомъ—полное отсутствіе внутреннихъ половыхъ органовъ.

10) **Е. Г. Гуринъ** сдѣлалъ сообщеніе, подъ заглавіемъ: *Новая гипотеза о дѣйствіи дезинфицирующихъ веществъ* (ауторефератъ). Въ основаніи дѣйствія дезинфицирующихъ веществъ лежитъ свойство ихъ входить въ химическія соединенія съ микробами *(съ микропротеиномъ)*, съ продуктами ихъ дѣятельности и съ пораженной микробами органической средой. Анализъ функцій дезинфицирующихъ веществъ приводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ: однѣ фармакологическія функціи дезинфицирующихъ веществъ должны

разсматриваться, какъ функціи *дезинтегрирующія* и отравляющія протоплазму (функціи и разрѣшающія вмѣстѣ), таковы функціи веществъ съ тяжелымъ атомнымъ вѣсомъ (Hg, J и т. п.) и съ дѣятельными химическими радикалами (Fl,Cl, CN, SO_2 и т. п.) Другія функціи характеризуютъ дезинфицирующія вещества, какъ нейтрализующія и осаждающія *противоядія* противъ ядовъ микробовъ, отравляющихъ соки и клѣтки организма. Третьи функціи дезинфицирующихъ веществъ характеризуютъ важную способность послѣднихъ проявлять положительный и отрицательный хеміотаксисъ для клѣтокъ организма и, особенно, для фагоцитовъ, съ одной стороны, и для микробовъ, съ другой.

Наконецъ, дезинфицирующимъ веществамъ принадлежатъ нѣкоторыя функціи, общія веществамъ не только разрѣшающимъ, но противовоспалительнымъ и противолихорадочнымъ. Если воспаленіе и лихорадку можно разсматривать, какъ отдѣльные симптомы отравленія, мѣстнаго и общаго то дезинфицирующія вещества, облегчающія воспаленіе и уменьшающія лихорадку, могутъ быть разсматриваемы, какъ противоядія противъ ядовъ, вызывающихъ воспаленіе и лихорадку. Въ виду разнообразія функцій дезинфицирующихъ веществъ и цѣлей дезинфекціи, всесторонняя дезинфекція возможна только при употребленіи нѣсколькихъ дезинфицирующихъ веществъ; такую дезинфекцію должно назвать *смѣшанной или сложной*. Кромѣ веществъ *лекарственной* дезинфекціи нужно признать еще вещества *физіологической*, самобытной дезинфекціи, ведущей къ самовыздоровленію послѣ инфекціи. Дѣйствіе этихъ веществъ должно быть основано на тѣхъ же химическихъ и физіологическихъ реакціяхъ, которыми объяснено дѣйствіе лекарственныхъ дезинфицирующихъ веществъ. Вообще, ученіе о дѣйствіи дезинфицирующихъ веществъ можетъ прочно основаться только на началахъ химіи, біологіи и токсикологіи съ фармакологіей.

Предсѣдатель *Г. Рейнъ.*

Секретарь *А. Красковскій.*

Административная часть засѣданія.

1) Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Прочитано curriculum vitae предложенною въ дѣйствительные члены д-ра С. М. Ярового.

Лекарь **Семенъ Михайловичъ Яровой** родился въ 1866 году, въ Черкасскомъ уѣздѣ, Кіевской губ. Воспитывался въ Кіевской 1-й гимназіи, которую окончилъ въ 1886 году. Дальнѣйшее образованіе продолжалъ въ университетѣ св. Владиміра и, по окончаніи курса, опредѣленіемъ Государственной мидицинской испытательной коммиссіи, удостоенъ степени лекаря 1891 года, октября 24-го. Въ настоящее время занимается въ акушерско-гинекологической клиникѣ университета св. Владиміра.

При закрытой баллотировкѣ д-ръ Яровой оказался избраннымъ единогласно.

3) Предложенъ въ дѣйствительные члены д-ръ А. Н. Афанасьевъ. (Рейномъ, Функе, Подрѣзаномъ и Яхонтовымъ).

Предсѣдатель *Г. Рейнъ.*

Секретарь *А. Красковскій.*

Observations faites à l'Observatoire Météorologique de l'Université de Kiew,

publiées par le professeur P. BROUNOF.

Août 1893.

НАБЛЮДЕНІЯ

Метеорологической Обсерваторіи Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ,

издаваемыя профессоромъ П. И. БРОУНОВЫМЪ.

Августъ 1893.

Широта сѣв. Latitude nord.	50°27′.
Долгота вост. отъ Гринвича Longitude à l'Est de Grenwich	30°30′.
Высота барометра надъ ур. моря Hauteur du baromètre au niveau de la mer	183^{m}.1.
Высота термометровъ надъ ур. моря Hauteur des thermomètres au niveau de la mer.	178^{m}.9.
Высота термометровъ надъ поверхностью земли Elévation des thermomètres au dessus du sol	3^{m}.5.
Высота дождемѣра надъ пов. земли Elévation du pluviomètre au dessus du sol	2^{m}.0.
Высота анемометра надъ пов. земли Elévation de l'anémomètre au dessus du sol	31^{m}.6.
Высота воды въ эвапорометрѣ надъ поверхностью земли Elévation de la surface de l'eau dans l'évapor. au dessus du sol	3^{m}.5.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
(В. І. Завадзкаго). Б.-Васильковская ул., д. № 29—31.
1893.

Сокращенныя обозначенія явленій:

● = Дождь.
✳ = Снѣгъ.
△ = Крупа.
○ = Ледяной дождь.
▲ = Градъ.
≡ = Туманъ.
⌓ = Роса.
⊔ = Иней.

V = Изморозь.
∽ = Гололедица
← = Ледяныя иглы.
✢ = Метель.
↙ = Сильный вѣтеръ.
⚡ = Гроза.
< = Молнія безъ грома или зарница.

⛰ = Сѣверное сіяніе.
⌒ = Радуга.
⊕ = Кругъ около солнца.
⦶ = Вѣнецъ ок. солнца.
|-| = Столбы ок. солнца.
⊖ = Кругъ ок. луны.
ω = Вѣнецъ ок. луны.
∞ = Сухой туманъ.

Примѣчанія: 5-го августа въ 1^h30^mр. вблизи Обсерваторіи пронесся смерчъ (см. ниже).
19-го въ 7^hа термометры на почвѣ были покрыты обильною росою.
28-го въ 9^hр приборы въ цинковыхъ клѣткахъ покрыты влагою.
29-го въ 7^hа и 9^hр тоже самое.

Числа мѣсяца даны по новому стилю.
Toutes les dates sont données d'après le nouveau style.

25-го августа въ Метеорологической Обсерваторіи Университета Св. Владиміра были провѣрены наблюдаемые термометры (обыкновенные термометры въ психрометрическихъ клѣткахъ). Повѣрка была произведена для 0° и температуръ высшихъ нуля. Сравненіе дѣлалось съ термометромъ Г. Ф. О. № 241, пріобрѣтеннымъ въ прошломъ году. Въ виду того, что съ того времени въ послѣднемъ могли произойти нѣкоторыя измѣненія поправокъ, онъ нѣсколько позже былъ сравненъ съ нормальнымъ ртутнымъ термометромъ, полученнымъ отъ Фусса и вывѣреннымъ въ Берлинскомъ Physikalisch-Technisse Reichsanstalt. Поправки его оказались тѣже, какъ и сообщенныя въ прошломъ году Главной Физической Обсерваторіей.

Въ результатѣ повѣрки оказалось, что поправки термометровъ нѣсколько измѣнились. Въ виду того, что повѣрка была сдѣлана весьма тщательно, мы рѣшили принять новыя поправки, начиная съ 1-го августа. Сообщаемъ ихъ въ слѣдующей таблицѣ:

	Отъ	До	Поправка
Въ психрометрической клѣткѣ:			
Фусса № 578 (сухой)	0.0	+ 5.0	0.0
	+ 5.1	+24.9	— 0.1
	+25.0	+35.0	— 0.2
Фусса № 578* (смоченный)	0.0	+ 5.8	0 0
	+ 5.9	+ 8.7	— 0.1
	+ 8.8	+30.0	— 0.2
Въ запасной клѣткѣ:			
Унгера № 1-й (сухой)	0.0	+ 4.0	— 0.8
	+ 4.1	+20.0	— 1.0
Унгера № 2 (смоченный)	0.0	+ 4.2	— 0.6
	+ 4.3	+ 9.0	— 0.7
	+ 9.1	+20.0	— 0.8
Почвенные:			
Г. Ф. О. № 519 (на поверхн. почвы)	0.0		+ 0.2
	+ 0.1	+ 3.5	+ 0.1
	+ 3.5	+15.4	0.0
	+15 5	+47.0	— 0.2
Г. Ф. О. № 4 (на глубинѣ 0.0) . .	0.0	+ 2.6	+ 0.1
	+ 2.6	+20.0	0.0
	+20.1	+47.0	— 0.1
Г. Ф. О. № 190* (на глуб. 0.1 m.)	0.0	+ 8.4	0.0
	+ 8.5	+25.0	— 0.1
Г. Ф. О. № 190 (на глуб. 0.2 m.) .	0.0	+ 4.4	0 0
	+ 4.5	+ 9.0	— 0.1
	+ 9.1	+20.1	— 0.2
Г. Ф. О. № 7 (на глуб. 0.4 m.) . .	0.0	+ 8 3	0.0
	+ 8.4	+13.5	— 0.1
	+13.6	+21.0	— 0.2
Г. Ф. О. № 5 (на глуб. 0.8 m.) . .	0.0	+ 5.8	— 0.1
	+ 5.9	+21.0	— 0.2
Г. Ф. О. № 4 (на глуб. 3.2 m.) . .	+ 5.0	+ 8.3	0.0
	+ 8.4	+15.0	— 0.1

Для минимумъ термометра Г. Ф. О. № 748 въ психрометрической клѣткѣ, въ виду нѣкоторой сомнительности его показаній, была опредѣлена поправка по сравненію отсчетовъ, дѣлавшихся по немъ въ теченіе августа и сентября съ отсчетами по обыкновенному термометру въ той же клѣткѣ.

Поправка эта оказалась +0.2; она и принята для авг. и сент.

Въ общихъ таблицахъ направленіе и сила вѣтра даны по анемометру Фрейберга, въ слѣдующей же таблицѣ помѣщены данныя за августъ по этому прибору и по бѣлому флюгеру съ досками, разность въ направленіяхъ и отношеніе скоростей вѣтра по обоимъ приборамъ.

Числа мѣсяца	7 час. утра				1 часъ дня				9 час. веч.			
	Анемометръ	Флюгеръ съ доскою	Разность направленій	Отношеніе скоростей	Анемометръ	Флюгеръ съ доскою	Разность направленій	Отношеніе скоростей	Анемометръ	Флюгеръ съ доскою	Разность направленій	Отношеніе скоростей
1	SE_7	ESE_3	22°.5	2.3	SE_7	SE_4	0	1.8	N_4	N_3	0	1.3
2	NW_6	NW_3	0	2.0	NNW_6	NNW_5	0	1.2	WNW_5	WNW_3	0	1.7
3	NW_6	NNW_3	22°.5	2.0	NNW_7	NNW_4	0	1.8	NNW_6	NNW_3	0	2.0
4	N_6	N_5	0	1.2	NNW_8	NNW_5	0	1.6	NNW_4	NNW_3	0	1.3
5	N_3	N_1	0	3.0	N_4	N_2	0	2.0	E_4	ESE_1	22°.5	4.0
6	ESE_4	ESE_1	0	4.0	S_3	S_1	0	3.0	W_3	W_1	0	3.0
7	0	0	—	1.0	WSW_1	0	—	—	E_3	E_1	0	3.0
8	SE_2	ESE_1	22°.5	2.0	NNE_4	NE_1	22°.5	4.0	NNW_3	NNW_1	0	3.0
9	NNW_5	NNW_3	0	1.7	N_4	N_3	0	1.3	NNW_5	NNW_3	0	1.7
10	N_3	N_1	0	3.0	N_5	N_3	0	1.7	ENE_4	ENE_3	0	1.3
11	E_2	ENE_1	22°.5	2.0	ESE_3	ESE_1	0	3.0	NE_4	NE_1	0	4.0
12	SW_2	0	—	—	W_1	SW_1	45°	1.0	W_3	WNW_1	22°.5	3.0
13	W_3	W_1	0	3.0	NW_4	NW_1	0	4.0	WNW_3	NNW_1	45°	3.0
14	W_3	W_1	0	3.0	NW_6	NW_3	0	2.0	NW_4	NW_1	0	4.0
15	NW_3	NW_1	0	3.0	NW_4	NW_3	0	1.3	NW_2	0	—	—
16	N_3	N_1	0	3.0	WNW_2	NNW_1	45°	2.0	S_2	0	—	—
17	SW_6	SW_5	0	1.2	SW_{10}	SW_5	0	2.0	WSW_9	WSW_6	0	1.5
18	NNW_6	NNW_5	0	1.2	NNW_5	NNW_3	0	1.7	NW_3	NW_1	0	3.0
19	NW_1	0	—	—	SW_3	SW_1	22°.5	3.0	0	0	—	1.0
20	SW_3	SW_1	0	3.0	SSW_4	SSW_3	0	1.3	S_3	S_1	0	3.0
21	WSW_1	WSW_1	0	1.0	WSW_5	SW_3	22°.5	1.7	W_2	W_1	0	2.0
22	WNW_1	0	—	—	WNW_2	NW_1	22°.5	2.0	0	0	—	1.0
23	W_2	NW_1	45°	2.0	W_4	W_2	0	2.0	W_3	W_1	0	3.0
24	NW_7	NW_3	0	2.3	NW_6	NW_3	0	2.0	ESE_2	0	—	—
25	WNW_5	WNW_4	0	2.3	NW_7	NW_5	0	1.4	WNW_4	WNW_2	0	2.0
26	WSW_7	WSW_5	0	1.4	WNW_8	WNW_6	0	1.3	W_4	W_2	0	2.0
27	W_2	WSW_1	22°.5	2.0	W_7	W_3	0	2.3	S_3	S_1	0	3.0
28	SW_3	SW_1	0	3.0	SW_1	SW_1	0	1.0	WNW_4	WNW_2	0	2.0
29	WNW_5	WNW_3	0	1.7	WNW_5	WNW_3	0	1.7	W_5	W_3	0	1.7
30	W_5	W_3	0	1.7	WSW_9	W_9	22°.5	1.0	WSW_8	WSW_7	0	1.1
31	WSW_5	WSW_3	0	1.7	WSW_7	WSW_5	0	1.4	SE_1	0	—	—

Въ августѣ отношеніе скоростей ни разу не было меньше 1. Среднее отношеніе скоростей равно 2.1.

Наблюденія въ августѣ дѣлались А. П. Василевскимъ; имъ же произведена и обработка ихъ. Обработка записей термографа Ришара сдѣлана А. Н. Яницкимъ.

Общій обзоръ погоды въ Кіевѣ въ августѣ 1893 г. (Aperçu général de l'état de l'atmosphère à Kiew durant le mois d'août 1893).

Августъ въ Кіевѣ былъ нѣсколько менѣе дождливъ сравнительно съ іюлемъ и нѣсколько теплѣе его.

Общее количество осадковъ за весь мѣсяцъ было 74.5 mm. Большинство ихъ приходится на первую половину мѣсяца; вторая половина, за исключеніемъ конца мѣсяца, была сухая.

Отклоненія температуры воздуха отъ многолѣтней средней въ августѣ 1893 г. были:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
+3.7	—1.8	—3.2	—1.6	—2.8	—2.3	+1.7	+2.2	+2.2	+4.2
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
+1.7	+1.9	—1.0	—3.9	—2.5	—5.1	—0.7	—3.7	—3.4	—0.5
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
+1.2	+2.8	+4.3	+0.8	—0.2	—3.1	—3.2	—3.8	—5.0	—2.5

3.1
—2.2.

Среднее отклоненіе за августъ: —0°.8.

Наиболѣе холодные дни приходились на 16-е и 29-ое числа мѣсяца.

Въ распредѣленіи атмосфернаго давленія вокругъ Кіева въ теченіе всего мѣсяца не было ничего замѣчательнаго: во вторую половину надъ всемъ югомъ Россіи давленіе было довольно высокое, въ первую же, напротивъ того, слабое; въ области послѣдняго по временамъ выдѣлялись небольшіе барометрическіе минимумы.

Общее количество испаренія за мѣсяцъ было: 48.5 mm.

Смерчъ (Trombe). 5-го августа въ 1^h30^mр. въ Кіевѣ, мимо зданія Метеорологической Обсерваторіи, пронесся небольшой смерчъ. Онъ какъ бы выдѣлился изъ облаковъ Nimbus темно-свинцоваго цвѣта и, казалось, состоялъ изъ дождевыхъ капель. Въ немъ было замѣтно вращеніе по направленію обратному движенію часовой стрѣлки. Направленіе движенія смерча было приблизительно отъ N къ S. Съ крыши одного изъ домовъ, расположенныхъ къ WSW отъ Обсерваторіи метрахъ въ 100 отъ нея, онъ сорвалъ желѣзный листъ и большую оконну раму; поднятые саженъ на 20 вверхъ, онѣ затѣмъ были отброшены въ сторону.

По исчезновеніи смерча (на SW отъ обсерваторіи), продолжавшагося около 5 м., въ теченіе около $^1/_4$ часа было замѣтно вращеніе облаковъ.

Вѣтеръ во время смерча былъ слабый, отъ NE, направленіе облаковъ—отъ NNE.

Смерчъ произошелъ въ области небольшаго барометрическаго минимума, прошедшаго 5-го августа вблизи Кіева.

Грозы (Orages). Въ августѣ въ Кіевской Метеорологической Обсерваторіи наблюдались грозы 1, 2, 11 и 27-го. 1-го августа было три грозы, 2-го одна (въ ночь съ 1-го на 2-е), 11-го двѣ и 27 одна. Наблюденій надъ ночною грозою 2 августа сдѣлать не удалось. Свѣдѣнія относительно остальныхъ помѣщены въ слѣдующей таблицѣ.

		Грозы 1 августа			Грозы 11 авг.		Гроза 27 авг.
		a	b	c	d	e	f
Время	перв. грома	5h 8mp.	6h23mp.	8h10mp.	3h15mp.	6h35mp.	5h20mp.
	ближ. разст. грозы	?	6h42mp.	8h24mp.	?	?	5h45mp.
	посл. грома	5h38mp	8h 5mp.	8h30mp.	5h50mp.	7h30mp.	5h45mp.
Страна свѣта, въ котор. была гроза во время	перв. грома	SSW	S	ENE	NNE	E	SSE
	ближ. разст.	SW	Z	N	?	Z	NE
	посл. грома	W	NW	NE	ESE	NW	NE
Промежут. времени между молніей и громомъ во время ближайшаго разстоянія въ секундахъ.		?	3	15	?	?	?
Начало дождя		—	6h30mp.	) около	—	6h45mp.	5h23mp.
Конецъ дождя		—	6h53mp.	)8h30mp.	—	7h 0mp.	5h40mp.
Количество дождя . . .		—	неизм.	неизм.	—	неизм.	неизм.
Начало града		—	—	—	—	—	—
Конецъ града		—	—	—	—	—	—
Сила	молніи . .	невидно	2	1	невидно	1	0
	грома . .	0	1	0	1	1	0
	дождя . .	—	—	0	—	1	0
	града . .	—	—	—	—	—	—
Направл. и скорость (въ метр.) вѣтра	передъ гроз.	SSE_2	SSE_3	NW_1	SSW_4	E_3	W_1
	во время грозы	?	SW_3	NNE_1	?	?	NW_1
	послѣ грозы	SW_1	S_1	NW_1	E_1	NE_1	NW_1
Направл.	передъ гроз.	SE	S	E	NNE	E	S
движенія	во время грозы	?	SE	SE	?	?	?
облаковъ	послѣ грозы	ESE	SE	SE	NW	SSE	W

Примѣчанія: Гроза a. Отдаленная; молніи не было видно.

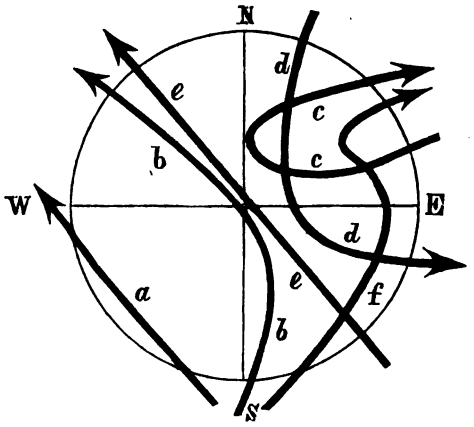
Гроза b. Непрерывный громъ былъ слышенъ съ 6^h34^mр. до 6^h54^mр. Во время грозы ливень; начало его въ 6^h37^mр., конецъ—въ 6^h46^mр. Вѣтеръ мѣнялся по направленію движенія часовой стрѣлки.

Гроза d. Молніи не было видно; громъ во время всей грозы былъ непрерывный.

Гроза e. Отдѣльныхъ ударовъ грома различить было нельзя, такъ какъ громъ гремѣлъ непрерывно. По окончаніи грозы зарница продолжалась за полночь.

Гроза f. Гроза отдаленная. Во время ближайшаго разстоянія облаковъ въ зенитѣ не было.

Движеніе этихъ грозъ относительно Обсерваторіи представлено на слѣдующемъ чертежѣ.



Зарницы въ августѣ были наблюдаемы въ слѣдующіе дни:

1-го. Начало въ 10^hр., конецъ послѣ полуночи, на N, NW, W.

4-го. Отъ 9^h40^mр. до 12^hр. на SW.

9-го. Начало въ 8^h20^mр., конецъ послѣ полуночи, на S и SW.

10-го. Начало 9^h40^mр., конецъ послѣ полуночи, на W и N.

11-го. Начало въ 9^hр., конецъ ночью, на N и NW.

12-го. Начало. въ 9^h30^mр., конецъ за полночь, на NE.

17-го. Начало въ 8^h20^mр., конецъ за полночь, на N, NW и W.

27-го. Отъ 8^hр. до 10^hр., на W и E.

Августъ **Киевъ** **1893**
Août **Kiew**

Число. Date.	Барометръ. Baromètre. 700 +				Температура воздуха. Température de l'air.						Абсол. влажность. Humid. absol.			
	7	1	9	Средн. Moyen.	7	1	9	Средн. Moyen.	Max.	Min.	7	1	9	Средн. Moyen.
1	39.7	39.2	39.4	39 4	22.2	31.9	19.0	24.4	33.2	18.3	11.8	10.9	14.3	12.3
2	40.2	43.3	45.6	43.0	19.3	20.8	17.7	19.3	21.5	16.3	14.0	12.6	9.7	12.1
3	46.8	46.5	46.5	46.6	15.7	20.2	16.8	17 6	22.2	13.3	9.5	9.7	11.0	10.1
4	46.1	45 5	44.9	45.5	16.4	23.1	17.9	19.1	24.6	15.2	12.0	12.7	11.2	12.0
5	43.3	41.9	40.1	41.8	16.8	18.6	16.5	17.3	20.0	16.1	14.1	15.1	12.9	14 0
6	39.2	40.1	42.4	40.6	15.9	19.5	16.7	17.4	22.1	14.9	12.9	13.8	13.4	13.4
7	46.0	47.2	47.6	46.9	17.5	25.0	21.5	21.3	26.9	14.3	13.5	12.0	11.8	12.4
8	48.5	48.2	47 8	48.2	19.9	24.6	20.4	21.6	25.8	16.5	12.3	11.6	11.7	12.2
9	47.4	47.2	46.4	47.0	17.9	24.4	21.7	21.3	26.1	15.4	13.0	15.2	15.0	14.4
10	44.4	43 2	41.5	43.0	20.5	26.2	24.8	23.8	30.2	18.7	14.6	15.1	11.3	13.7
11	39.4	39.9	39.3	39.5	19.3	23.8	19.8	21.0	28.3	18.2	14.2	14.9	13.8	14.3
12	40.3	40.5	39 9	40.2	19.6	24.9	19.6	21.4	27.7	16.2	14.5	13.2	12.7	13.5
13	38.9	39.1	39.8	39.3	17.3	19.8	17.3	18.1	22.5	16.7	13.3	14.6	14.2	14.0
14	39.8	41.1	42.8	41.2	16.0	15.6	14.9	15.5	17.9	14.7	12.7	12.9	12.3	12.6
15	42.9	43.4	46.4	44.2	15.5	19.2	13.4	16.0	21.3	13.5	12.1	10.7	11.2	11.3
16	48.9	49.5	49.3	49.2	12.5	15.5	12.3	13.4	17.6	9.2	8.5	7.6	8.0	8.0
17	46.9	45.1	41.9	44.6	13.5	21.0	19.4	18.0	22.7	9.9	8.7	10.9	11.6	10.4
18	46.5	49.2	51.9	49.2	13.2	16.5	12.4	14.0	19.7	11.0	8.3	7.2	7.7	7.7
19	54.6	54.8	54.5	54.6	10.6	19.8	14.2	14.9	20.8	7.4	8.4	6.9	8.5	7.9
20	54.9	54.0	51.5	53.5	14 7	23.2	16.9	18.3	24.8	10.9	7.9	7.8	8.1	7.9
21	50.2	49.1	47.7	49.0	15.6	26.1	18.7	20 1	27.4	12.4	8.4	8.7	7.8	8.3
22	47.4	47.3	46.6	47.1	16.0	26.1	20.8	21.0	28.4	13.3	10.1	9.9	10.5	10.2
23	46.5	46.0	44.7	45.7	18.7	27.0	21.2	22.3	28.9	15.4	11.7	12.2	13.7	12.5
24	45.4	45.7	43.9	45.0	17.9	22.7	17.2	19.3	23.8	16.9	13.0	11.4	10.9	11.8
25	40.8	41.3	41.2	41.1	18.0	21.2	14.4	17.9	22.5	14.8	13.2	10.6	8.7	10.8
26	41.3	41.3	42.0	41.5	12.9	17.6	12.3	14.3	19.2	10.6	8.3	7.8	8.1	8.1
27	42.9	43.1	43.6	43.2	11.0	19.7	11.5	14.1	21.3	8.3	8.2	7.1	8.7	8.0
28	44 4	44.1	42.9	43.8	10.6	18.0	11.6	13.4	19.7	7.9	8.2	7.5	9.9	8.5
29	42.2	43.4	43.4	43.0	9.6	15.5	10.5	11.9	17.5	8 1	8.7	7.7	8.5	8.3
30	42.7	40.7	39.6	41.0	9.7	19.1	15.6	14.8	20.4	7.4	8.1	8.4	7.5	8.0
31	39.4	39.9	39.9	39.7	13.0	18.2	13.0	14.7	20.5	10.7	9.5	9.8	9.1	9.5
Средн. Moyen.	44.4	44.5	44.4	**44.4**	15.7	21.4	16.8	**18.0**	23.4	13.3	11.1	10.9	10.8	**10.9**

Августъ **Киевъ** **1893**
Août **Kiew**

Число. Date.	Относит. влажн. Humid. relat.				Напр. и сила в. Dir. et vitesse du vent.			Напр. об. Dir. des nuages.	Облачность. Nébulosité.		
	7	1	9	Средн. Moyen.	7	1	9	1	7	1	9
1	60	30	87	59	SE_7	SE_7	N_4	?	5 Cu;CuS	7 CCu; Cu	10 N;CuS
2	84	69	64	72	NW_6	NNW_6	WNW_5	NNW	8 Cu; S	1 S; CuS	7 S; CuS
3	72	55	77	68	NW_6	NNW_7	NNW_6	NNW	1CCu;Cu S	10 CuS; S	6 Cu;CuS
4	86	61	74	74	N_6	NNW_8	NNW_4	?	6 Cu; S	3 Cu; S	4 S; CuS
5	99	95	93	96	N_3	N_4	E_4	NNE	10 N	10 S	10 N
6	96	82	95	91	ESE_4	S_3	W_3	?	10 N	10 N	5 Cu;CuS
7	91	51	62	68	0	WSW_1	E_3	?	0	2 Cu	1 S
8	72	50	66	63	SE_2	NNE_4	NNW_3	?	3 S; CS	4 C; Cu	1 S; CuS
9	85	67	78	77	NNW_5	N_4	NNW_5	?	2 C; CCu	5 Cu	5 Cu; S
10	82	60	48	63	N_3	N_5	ENE_4	SE	4 C; CuS	9 Cu; CS	10 N; S
11	86	68	80	78	E_2	ESE_3	NE_4	SE	7 CCu; S	6 C; Cu	3 S; CuS
12	86	56	75	72	SW_2	W_1	W_3	?	1 C; CCu	4 C; Cu	6 S; CuS
13	91	85	97	91	W_3	NW_4	WNW_3	W	9 S; CuS	10 S;CuS	4 Cu CuS;
14	93	98	98	96	W_3	NW_6	NW_4	NW	10 S	10 N	10 N
15	92	64	98	85	NW_3	NW_4	NW_2	W NW	6 S; CCu	7 C; Cu	6 S; CuS
16	79	58	75	71	N_3	WNW_2	S_2	?	3 S; CuS	10 CuS;S	0
17	75	59	69	68	SW_6	SW_{10}	WSW_9	WSW	1 C; CCu	6 Cu; S	10 S; CS
18	74	52	72	66	NNW_6	NNW_5	NW_3	NNW	6 Cu	6 Cu; C	1 Cu
19	90	40	71	67	NW_1	SW_3	0	WNW	3 C; CS	5 Cu; C	0
20	63	37	57	52	SW_3	SSW_4	S_3	—	0	0	0
21	63	35	49	49	WSW_1	WSW_5	W_2	—	0	0	0
22	75	40	57	57	WNW_1	WNW_2	0	?	0	1 Cu;CuS	0
23	73	45	74	64	W_2	W_4	W_3	?	0	1 Cu; S	5 CS
24	85	56	75	72	NW_7	NW_6	ESE_2	?	6 Cu;CuS	2 Cu	3 C; S
25	86	57	72	72	WNW_5	NW_7	WNW_4	WSW ?	7 C; CCu	8 CCu; C	2 Cu
26	75	53	77	68	WSW_7	WNW_8	W_4	WNW	1 C; S	5 Cu	3 C; S
27	83	42	87	71	W_2	W_7	S_3	W	3 C; S	7 Cu	5 CCu; S
28	87	49	98	78	SW_3	SW_1	WNW_4	?	2 C; S	10 S	10 N
29	98	59	91	83	WNW_5	WNW_5	W_5	WNW	10 S	9 S; CuS	1 Cu
30	91	52	57	67	W_5	WSW_9	WSW_8	WSW	10Cu;CuS	6 Cu	9 S; CuS
31	86	63	82	77	WSW_5	WSW_7	SE_1	WSW	6 Cu; S	8 Cu; CuS	1 S
Средн. Moyen.	83	58	76	72	3.8	4.9	3.5		4.5	5.8	4.5

Августъ **Киевъ** **1893**
Août **Kiew**

Число. Date.	Осадки Précip. en mm. 7	Кол. испар. Evap. 7	Актинометръ. Actinomètre. Черн. Noir.	Разн. Diff.	Солнце. Soleil.	Температура на поверхн. почвы. Temp. à la surface de la terre. 7	1	9	Средн. Moyen.	Max.	Min.
			I ч.								
1	9.3	3.6	56.0	13.3	2	22.5	40.0	20.8	27.8	42 2	18.0
2	—	1.6	40.4	6.0	0	21.2	27 6	17.9	22.2	33.2	16.4
3	0.0	2.2	30.7	5.7	0	17.5	25.0	17.4	20.0	36.7	13.2
4	4.6	2.0	50.1	13.0	2	17.7	35.3	18.3	23.8	37.6	14.7
5	18.4	1.5	25.2	2.6	0	18.2	21.0	17.5	18.9	22.7	16.3
6	3.7	0.4	28.9	4.3	0	17.2	23.3	17.9	19.5	28.7	16.1
7	—	1.6	52.2	13.1	2	17.8	35.9	19.6	24.4	37.2	13.9
8	—	2.6	51.5	12.9	2	19.8	35.0	19.3	24.7	36.3	15.6
9	—	2.3	51.8	12.9	2	19.8	37.2	21.0	26.0	38.9	15.1
10	0.1	3.9	41.9	8.2	1	21.2	29.8	21.0	24.0	38.5	17.5
11	5.6	1.5	35.3	6.3	1	20.4	27.8	20.0	22.7	43.6	17.1
12	0.3	1.4	47.0	10.7	1	19.5	34.2	20.3	24.7	36.7	16.1
13	2.0	0.6	24 5	1.4	0	18 9	22.5	18.7	20.0	25.5	16.6
14	18.0	0.3	16.9	0.7	0	18.3	17.9	15.7	17.3	21.6	15.2
15	3.8	0.9	45.1	12.5	1	17.0	31.3	16.8	21.7	32.5	14.3
16	—	1.0	22.9	4.0	0	15.1	21.3	14.5	17.0	29.5	11.6
17	—	1.8	44.1	12.4	1	13.4	29.3	17.8	20.2	32.4	10.7
18	—	1.4	43.0	13.2	2	14.7	29.8	15.2	19.9	32.6	12.2
19	—	1.2	48.3	13.9	2	12.8	33.9	15.3	20.7	36.9	8.8
20	—	1.8	50.2	13.2	2	13.9	36.3	16.4	22.2	38.4	10.0
21	—	1.9	51.8	12.7	2	14.9	37.2	17.5	23.2	41.9	11.0
22	—	1.5	52.1	12.8	2	15.7	37.2	18.7	23.9	45.8	12.1
23	—	1.7	53.0	12.6	2	17.0	38.2	2 0	25.1	45.9	14.0
24	—	1.7	47.7	12.0	2	18.4	34 4	17.2	23.3	40.1	15.6
25	—	1.8	39.4	9.0	1	18.9	30.2	15.9	21.7	38.7	14.5
26	—	1.3	35.3	8.1	1	12.8	27.6	13.4	17.9	35.6	9.6
27	0.8	1.2	48.6	14.3	2	12.4	34.9	14.0	20.4	36.2	8.3
28	6.2	0.6	31.8	7.5	1	12.2	24.4	15.1	17.2	31.9	9.2
29	1.6	0.7	28.5	5.6	1	13.2	22.5	12.4	16.0	27.3	11.1
30	0.1	1.5	43.4	11.5	2	12.6	28.7	15.1	18.8	30.5	8.5
31	—	1.0	29.3	5.1	0	13.7	23.4	13.9	17.0	29.4	9.6
Средн. Moyen.	2.4	1.6	40.9	9.4	1.2	16.7	30.1	17.2	21.4	35.0	13.3

Августъ **Kiевъ** **1893**
Août **Kiew**

Число. Date.	Температура почвы на глубинѣ: Température de la terre à la profondeur de: 0.00m. 7	1	9	Средн. Moyen.	0.10m. 7	1	9	Средн. Moyen.	0.20m. 7	1	9	Средн. Moyen.
1	23.9	42.7	20.6	29.1	21.0	26.5	20.5	22.7	21.0	21.6	21.8	21.5
2	22.4	27.9	17.6	22.6	20.6	22.9	20.0	21.2	20.5	20.5	20.6	20.5
3	19.1	25.2	17.4	20.6	18.4	22.3	19.1	19.9	19.3	19.8	19.9	19.7
4	18.7	38.5	18.1	25.1	18.3	24.6	20.2	21.0	19.0	19.8	20.5	19.8
5	18.3	21.5	17.6	19.2	18.8	19.9	18.4	19.0	19.5	19.4	19.2	19.4
6	17.4	24.3	18.0	19.9	17.6	20.2	18.6	18.8	18.6	18.7	19.1	18.8
7	19.3	35.5	19.5	24.8	18.2	24.6	20.3	21.0	18.3	19.3	20 3	19.3
8	20.9	34.2	19.3	24.8	19.4	24.8	20.2	21.5	19.2	20.3	20.7	20.1
9	21.3	38.7	21.1	27.0	19.4	24.8	21.1	21.8	19.5	20.6	21.2	20.4
10	23.0	31.4	21.4	25.3	20.5	23.8	21.5	21.9	20.2	20.9	21.2	20.8
11	20.7	29.0	19.8	23.2	19.8	22.4	20.4	20.9	20.1	20.6	21.0	20.6
12	20.6	33.7	20.1	24.8	19.3	25.0	21.2	21.8	19.8	20.9	22.0	20.9
13	19.1	22.7	18.7	20.2	19.4	21.2	20.1	20.2	20.5	20.5	20.8	20.6
14	18.5	18.2	16.8	17.8	18.5	18.8	18.0	18.4	19.5	19.5	19.2	19.4
15	17.8	31.4	16.7	22.0	17.2	23.1	18.8	19.7	18.3	19.6	19.9	19.3
16	15.1	21.4	13.9	16.8	16.4	19.7	17.4	17.8	18.0	18.9	18.5	18.5
17	13.4	29.3	17.7	20.1	15.2	20.7	19.3	18.4	16.9	18.5	19.3	18.2
18	14.7	30.7	14.8	20.1	16.6	20.1	17.8	18.2	17.9	18.7	19.0	18.5
19	12.8	34.7	15.1	20.9	14.8	20.1	17.4	17.4	16.9	18.3	18.9	18.0
20	14.3	37.0	16.3	22.5	15.2	20.8	18.1	18.0	16.9	18.7	19.5	18.4
21	15.4	38.7	17.4	23.8	15.9	21.4	18.8	18.7	17.5	19.2	20.0	18.9
22	16.0	38.7	18.6	24.4	16.5	21.8	19 5	19.3	18.0	19.8	20.4	19.4
23	17.5	38 8	19.9	25.4	17.4	22 7	20.4	20.2	18.6	20.4	21.0	20.0
24	19.0	35.0	16.9	23.6	18.6	21.9	19.3	19.9	19.5	20.3	20.4	20.1
25	19.5	32.6	15.9	22.7	18.3	21.5	18.7	19.5	19.0	20.0	19.9	19.6
26	14.4	30.9	13.7	19.7	16.2	19.8	17.6	17.9	17.9	18.6	18.7	18.4
27	13.1	37.6	13.6	21.4	15.0	19.2	17.2	17.1	17.0	18.0	18.5	17.8
28	12.3	26.4	15.1	17.9	14.8	18.1	16.5	16.5	16.7	17.7	17.9	17.4
29	13.2	22.4	12.5	16.0	14.7	17.2	15.5	15.8	16.4	16.8	16.9	16.7
30	12.6	27.4	14.7	18.2	13.8	17.9	16.4	16.0	15.4	16.5	17.1	16.3
31	13.7	24.1	13.5	17.1	14.7	18.0	16.2	16.3	15.9	16.6	17.0	16.5
Средн. Moyen.	17.4	31.0	17.2	**21.8**	17.4	21.5	18.9	**19.3**	18.4	19.3	19.7	**19.2**

Августъ **Кіевъ** **1893**
Août **Kiew**

Число. Date.	Температура почвы на глубинѣ: Températ. de la terre à la profondeur de: 0.40m. 7	1	9	Средн. Moyen.	0.80m. 1	1.60m. 1	3.20m. 1	Примѣчанія. Remarques.
1	20.8	20.7	21.1	20.9	19.1		10.5	● n, p, 3; ●² p; ⌒ p, 3.
2	20.5	20.5	20.2	20.4	19.1		—	●, ⌒, ≺ n; ⏃⁰ 3.
3	19.5	19.4	19.6	19.5	18.8		10.7	⏃ n, 1; ●⁰, ⌒ p.
4	19.1	19.1	19.9	19.4	18.5		—	● p; ≺ 3.
5	19.4	19.2	19.1	19.2	18.4		10.8	● n, 1, a, p, 3; ●² p.
6	18.7	18.5	18.8	18.7	18.1		—	● n, 1, a, 2, p.
7	18.4	18.5	19.4	18.8	17.9		10.9	⏃² n, 1; ⏃ 3.
8	19.1	19.2	19.8	19.4	18.0		—	⏃ n, 1, p, 3.
9	19.4	19.4	20.1	19.6	18.2		11.1	⏃ n, 1, p, 3; ≺ (W) p.
10	19.8	19.9	20.3	20.0	18.4		—	⏃ n, 1, p; ● 3; ≺ n, p.
11	19.9	19.9	20.2	20.0	18.6		11.2	● n, a, p; ●² p; ≺ n, 3; ⌒, ⌒ p.
12	19.8	19.9	20.7	20.1	18.7		—	≺ n, p; ⏃, p, 3.
13	20.2	20.0	20.2	20.1	18.9		11.3	≺ n; ● n, p; ●⁰ a.
14	19.6	19.4	19.1	19.4	18.7		—	● n, a, 2, p, 3.
15	18.6	18.7	19.2	18.8	18.3		11.4	● n, a, p.
16	18.4	18.1	18.1	18.2	18.1		—	⏃ p, 3.
17	17.6	17.6	18.4	17.9	17.7		11.5	⏃ n, 1; ≺ p, 3.
18	18.1	18.0	18.5	18.2	17.6		—	⏃ n, 1, p, 3.
19	17.6	17.5	18.3	17.8	17.5		11.6	⏃² n, 1; ⏃, p, 3.
20	17.6	17.6	18.7	18.0	17.3		—	⏃ n, 1; ⏃² p, 3.
21	18.0	18.0	19.0	18.3	17.4		11.7	⏃ n, 1, p, 3.
22	18.4	18.5	19.5	18.8	17.6		—	⏃ n, 1, p, 3; ∞⁰ n.
23	19.9	19.2	20.1	19.7	17.8		11.8	⏃ n, 1, p; Ψ p, 3.
24	19.6	19.5	21.1	20.1	18.0		—	⏃² n, 1; ⏃ p, 3.
25	19.3	19.3	19.8	19.5	18.2		11.8	⏃ p, 3.
26	18.7	18.4	18.8	18.6	18.1		—	⏃ n, 1, p, 3.
27	17.8	17.7	18.4	18.0	17.8		11.9	⏃² n, 1; ●, ⌒, ⌒ p; ≺ (W, E) p, 3.
28	17.6	17.3	17.8	17.6	17.5		—	⏃ n, 1; ● p, 3.
29	17.1	16.8	17.1	17.0	17.2		12.0	≺ n; ●² p.
30	16.2	16.2	16.8	16.4	16.8		—	—
31	16.4	16.3	16.8	16.5	16.5		12.0	● n, a; ⏃ p, 3
Средн. Moyen.	18.7	18.7	19.2	**18.9**	**18·0**		**11.4**	

Августъ
Août

Кіевъ
Kiew

1893

Вѣтры. Vents.	Число. Nomb.	Сумма скор. Somme des vit.	Средн. скор. Vitesse moyen.
0	3	—	—
N	8	32	4.0
NNE	1	4	4.0
NE	1	4	4.0
ENE	1	4	4.0
E	3	9	3.0
ESE	3	9	3.0
SE	4	17	4.2
SSE	--	—	—
S	4	11	2.7
SSW	1	4	4.0
SW	7	28	4.0
WSW	9	52	5.8
W	14	47	3.4
WNW	11	44	4.0
NW	13	59	4.5
NNW	10	55	5.5

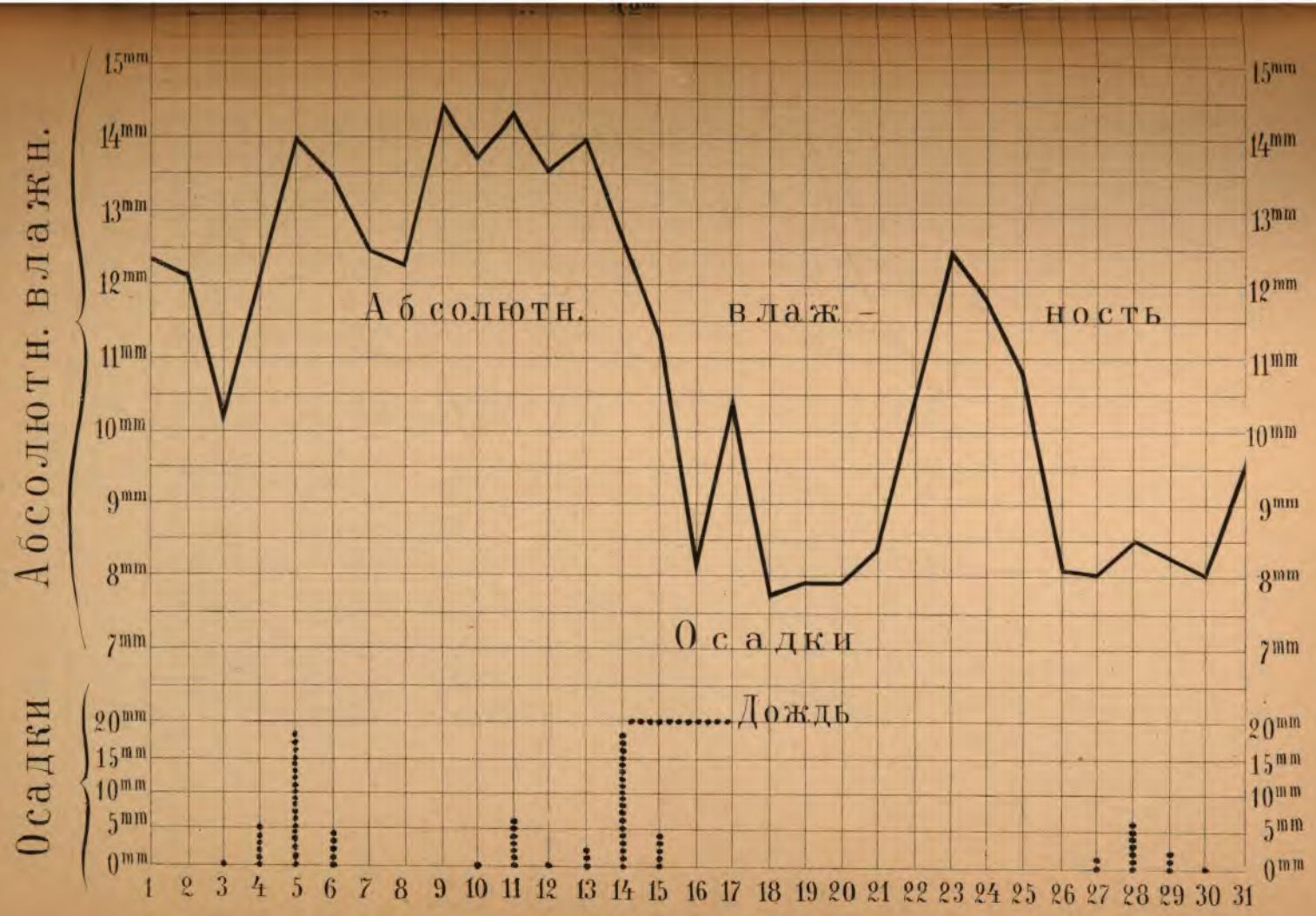
Температура. Température.	Maximum.	33.2
	День. Date.	1
	Minimum.	7.4
	День. Date.	19, 30
Барометръ. Baromètre.	Maximum.	54.9
	День. Date.	20
	Minimum.	38.9
	День. Date.	13
Отн. влаж. Humid. relat.	Minimum.	30
	День. Date.	1
Осадки. Précipitation.	Maximum въ сутки. „ en 24 heures.	18.4
	День. Date.	5
Число дней съ: Nombre de jours avec:	Осадками. Précipitation.	14
	●	14
	⊼	4
	⌓	19
	∞	1
	Ясн. неб. Ciel clair.	4
	Пасм. небо. Ciel couvert.	4
	Темпер. воздуха Temp. de l'air Max. ≦0°	
	Темпер. возд. Temp. de l'air Min. ≦0°	
	Темп. пов. почвы Temp. de la surf. de la terre Max. ≦0°	
	Темп. пов. почвы Temp. de la surf. de la terre Min. ≦0°	

Число. Date.	1h	2h	3h
1	23.4	23.6	22.5
2	18.1	18.1	17.3
3	15.7	15.3	14.7
4	15.7	15.7	15.7
5	17.2	17.1	16.7
6	15.6	15.2	15.1
7	15.8	15.7	15.5
8	18.8	18.6	18.5
9	17.6	17.0	16.4
10	19.7	19.7	19.6
11	21.1	20.2	20.4
12	18.1	17.8	17.3
13	18.1	17.9	17.6
14	15.5	15.3	15.3
15	14.7	14.5	14.5
16	12.1	11.7	10.8
17	10.9	10.6	10.6
18	16.4	16.0	14.8
19	10.4	10.0	9.3
20	12.9	12.7	12.5
21	15.2	14.8	14.6
22	15.5	15.0	14.6
23	17.8	17.6	16.0
24	19.4	18.7	18.1
25	16.9	17.0	17.6
26	12.8	12.5	11.8
27	10.5	10.2	9.5
28	10.3	10.2	9 5
29	9.2	9.1	9.1
30	9.1	8.4	8.0
31	13.7	13.1	12.1
Средн. Moyen	15.4	15.1	14.7

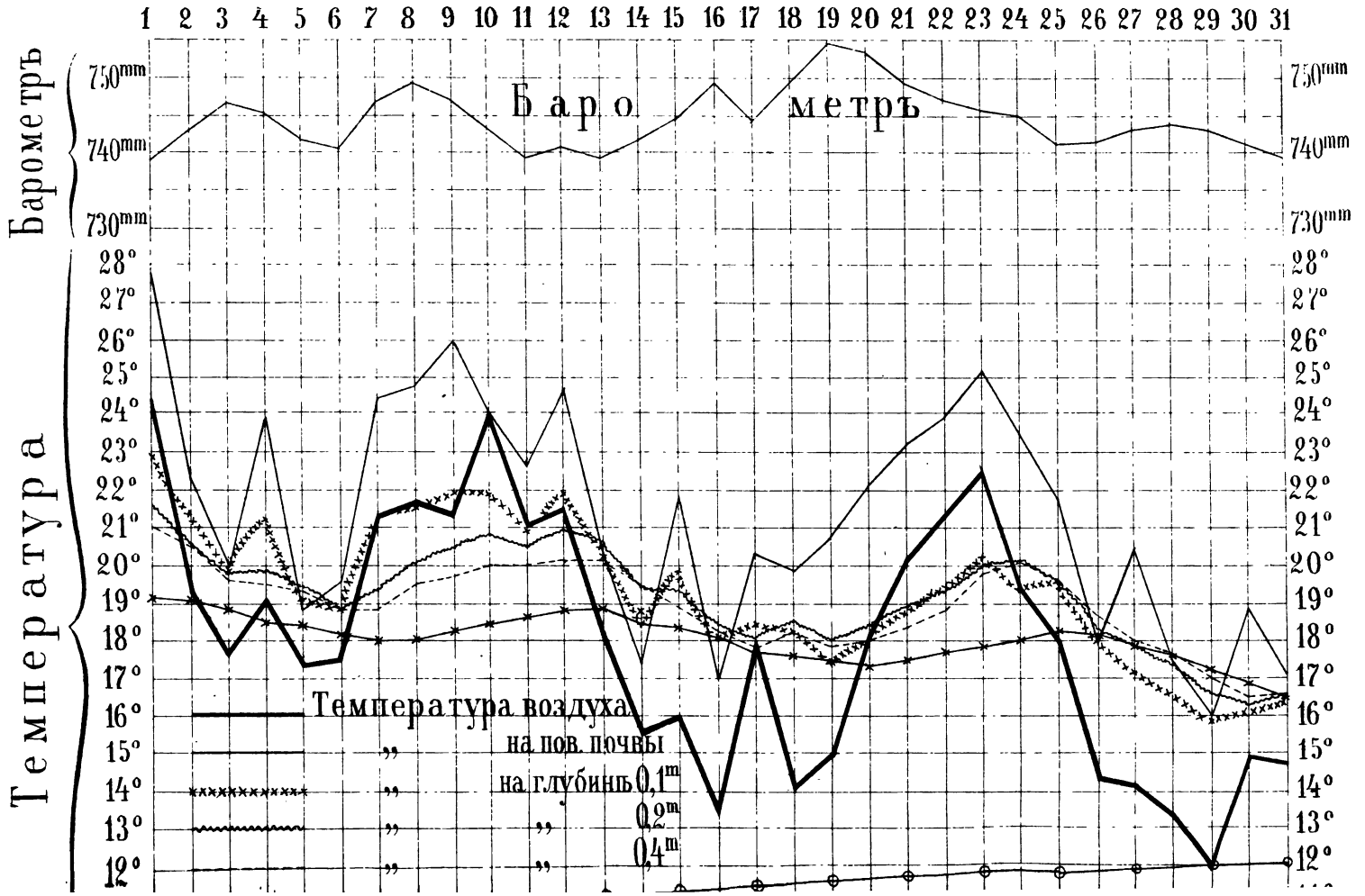
›афъ Ришара — Августъ Кіевъ 1893

4h	5h	6h	7h	8h	9h	10h	11h	Полд. Midi.	1h	2h	3h	4h	5h	6h
22.1	21.6	22.3	22.7	23.8	25.0	27.6	29.7	31.6	32.1	32.2	33.2	32.5	32.3	29.
17.1	16.7	17.6	19.5	19.1	18.3	18.2	18.4	19.6	21.0	19.5	20.2	20.3	20.4	20.
14.0	14.0	14.7	15.9	18.0	18.8	20.5	21.2	21.6	20.7	20.3	19.7	18.7	18 3	18.
15.7	15.6	16.4	16.7	18.1	20.1	20.8	21.3	22.8	23.2	23.6	24.2	23.5	20.7	20.
16.5	16.5	17.2	17.1	16.8	17.0	17.4	17.5	17.9	18.4	18.4	19.0	18.8	17.1	17.
15.1	15.1	15.9	15.9	16.1	16.7	17.4	18 4	19.2	19.6	20.0	20.2	21.4	20.3	20.
15.1	15.0	15.8	17.7	19.7	21.9	23.4	24.5	25.3	25.2	25.9	26.4	26.3	25.8	25.
17.9	17.2	17.7	20.1	21.4	22.0	23.1	23.8	24.5	24.5	24.8	24.9	24.9	24.9	24.
15.8	15.8	16.5	17.9	19.8	21.2	22.5	23.4	23.9	24.4	24.8	25.4	25.3	24.8	24.
19.1	18.8	19.4	20.5	21.8	23.5	24.7	24.5	25.3	26.1	27.6	29.0	29.0	28.1	28.
19.8	18.8	19.3	19.7	20.9	21.9	21.9	23.1	24.6	24.3	25.6	27.1	22.8	22.2	22.
16.9	16.7	17.3	19 6	21.2	22.7	24.3	24.6	25.5	25.4	26.5	26.8	26.6	24.4	23.
17.5	17.2	17.6	17.7	18.0	18.1	18.4	20.3	20.5	20.0	20 0	20.8	19.5	20.2	20.
15.3	15.3	16.0	16.3	17.0	17.4	17.7	17.7	17.5	16 0	15.9	16.0	16.0	16.0	17.
14.4	13.8	14.6	15.8	17.4	18.6	19.9	19.8	18.9	19.6	19.1	17.3	16.7	15.0	14.
10.2	10.1	11.1	12.7	14.2	15.9	16.9	16.5	17.0	15.6	16.6	15.8	15.9	16.0	15.
10.6	10.6	11.6	13.8	15.8	17.9	19.8	21.2	21.4	21.1	21.1	21.6	21.9	21.7	21.
13.0	12.2	12.5	13 6	14.5	14.5	15.9	16.8	17.1	16.8	17.4	17.5	16.7	16.1	15.
8.7	8.4	9.2	10.6	13.8	16.1	17.5	18.5	19.3	19.7	19.4	20.0	19.2	18.4	17.
12.1	11.6	12.2	14.8	17.4	19.6	21.2	21.9	22.8	23.1	23.8	24 4	24.2	23.1	21.
14.4	13.3	14.0	15.7	18.6	21.0	22.8	24.3	25.4	26.0	26.7	26.9	25.9	24.4	23.
14.6	13.9	15.1	16.2	19.3	22.4	24.2	25.3	26.3	26.2	27.3	27.8	27.0	25.5	24.
16.2	16.2	17.3	18.8	20.9	23.6	25.5	26 6	27.4	27.3	28.0	28.0	27.8	26.1	25.
17.6	17.2	18.2	18.2	18.8	19.8	20.3	21.6	22.3	22.6	23.2	23.7	23.5	22.4	21.
16.0	16.3	17.5	18.2	19.2	20.5	21.3	21.6	22.6	21.6	21.8	21.8	21.2	19.9	19.
11.4	11.2	12.2	13.1	14.6	16.2	16.7	17.5	17.4	17.9	18.0	18.5	17.9	17.1	16.
9.4	8.9	9.8	11.0	12.9	15.1	16.8	18.3	19.3	20.0	20.9	20.2	19.1	14.8	15.
8.9	8.5	9.6	10.9	13.5	15.6	16.8	18.2	18.7	18.2	19.2	18.7	17.6	13.7	13.
8.8	8.8	9.6	9.9	10.4	12.1	13.5	15.4	15.4	15.8	16.2	16.6	15.7	14.7	13.
8.0	8.0	9.1	10.0	11.0	13.6	15.5	16.9	18.4	19.1	18.6	19.2	18.9	17.8	16.
11.4	11.2	12.1	13.0	14.2	16.9	17.3	16.3	18.2	18.6	19.4	19.8	19.6	18.2	16.
14.3	14.0	14.8	16.0	17.4	18.8	20.0	20.8	21.5	21.6	22.0	22.3	21.8	20.7	19.

h	8h	9h
9.8	19.3	19
9.7	18.5	17
7.6	16.8	16
9.6	19.6	18
7.1	16.7	16.
8.9	18.0	17.
8.8	22 8	21.
8.2	21.4	20.
8.4	22.2	21.
8.0	26.2	25.
21.6	19.7	19.
21.8	20.7	19.
19.7	18.6	17.
15.5	15.1	15.
14.1	13.9	13.
14.4	13.4	12.
0.5	19.7	19.
4.4	14.1	12.
6.1	15.5	14.
9.9	18.3	17.
1.2	19.6	18.
3.1	22.2	20.
4.6	23.3	21.
0.1	18.8	17.
6.9	15.6	14.
4.6	13.6	12.
3.2	12.5	11.
2.1	11.9	11.
1.3	10.8	10.
6.1	14.9	14.
5.0	13.9	13.
8.6	17.7	16.


Абсолютн. влажн.
15mm
14mm
13mm
12mm
11mm
10mm
9mm
8mm
7mm
Абсолютн. влаж - ность
Осадки
Дождь
Осадки
20mm
15mm
10mm
5mm
0mm
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31

Августъ 1893 г.



	Выручка изъ обугл. матер.	Уд. в.	Гигроскоп. H_2O	Золы въ сухомъ.	Элементарн. составъ			S	Вѣсъ одного куб. метра въ кило.
					C	H	O и N		
Древ. уголь .	23—26%	1,25	6,0	3,0	91,35	2,94	5,71	—	120—240
Торфян. уголь	30—40%	—	6,0	8,0	83,20	3,80	13,00	—	—
Коксъ . . .	60—70%	1,2—1,9	5,0	9,5	93,71	1,03	5,26	1,0	350—420 (Сред. 400).

Сравнивая составъ искусственныхъ углей съ составомъ матеріаловъ, изъ которыхъ они получены, легко видѣть, что въ искусственныхъ угляхъ содержаніе золы и углерода больше, а водорода и кислорода меньше, чѣмъ въ первоначальныхъ матеріалахъ. Не смотря на большое содержаніе золы въ коксѣ, содержаніе въ немъ сѣры меньше, чѣмъ въ каменномъ углѣ, такъ какъ часть ($^2/_3$) ея удаляется изъ угля при коксованіи вслѣдствіе окисленія и разложенія сѣрнистаго желѣза. Сѣра содержится въ коксѣ въ видѣ сѣрнистаго желѣза, а при полученіи кокса изъ угля, содержащаго гипсъ,—въ видѣ сѣрнистаго, а также сѣрнистокислаго и сѣрноватистокислаго кальція. Кромѣ того, значительная часть сѣры содержится въ коксѣ въ соединеніи съ углеродомъ и не можетъ быть удалена изъ угля кипяченіемъ съ кислотами, а только сплавленіемъ съ селитрой. Во всякомъ случаѣ количество сѣры, содержащееся въ хорошемъ коксѣ, не превышаетъ 1%.—Кромѣ сѣры въ нѣкоторыхъ коксахъ содержится небольшое (сотыя доли процента) количество фосфора.

Такъ какъ присутствіе сѣры въ коксѣ не желательно, то было сдѣлано много различныхъ предложеній для полнаго удаленія сѣры изъ кокса. Такъ было предложено впускать въ коксовальную камеру водяной паръ или обрабатывать имъ раскаленный коксъ немедленно послѣ вынимания изъ печи, тушить коксъ слабыми кислотами (хлористоводородной), прибавлять къ коксуемому углю поваренной соли и т. д. Всѣ эти предложенія не получили значительнаго примѣненія и едва-ли могутъ удалить изъ кокса всю сѣру, такъ какъ водяной паръ, слабыя кислоты и т. д. могутъ дѣйствовать только съ поверхности, и такъ какъ значительная часть сѣры содержится въ коксѣ не въ видѣ сѣрнистаго желѣза, а въ видѣ сѣрнистаго органическаго соединенія. Кромѣ того, обработка раскаленнаго кокса водянымъ паромъ должна влечь за собою окисленіе нѣкоторой части углерода. Въ виду этого, уменьшенія сѣры въ коксѣ можно достигнуть только тщательнымъ промываніемъ угля и коксованіемъ во влажномъ со-

стояніи, при чемъ вода, содержащаяся въ коксуемомъ углѣ, въ началѣ операціи служитъ для разложенія сѣрнистаго желѣза.

Брикеты.

При выработкѣ и перевозкѣ ископаемыхъ углей, а также при полученіи искусственныхъ углей значительная часть этого матеріала превращается въ мусоръ, который по своей мелкости не можетъ быть сжигаемъ съ выгодою въ обыкновенныхъ топкахъ. Кромѣ того, при нѣкоторыхъ производствахъ остаются въ видѣ отброса горючіе матеріалы также въ мелкомъ видѣ, каковы: старое дубло, древесныя опилки и т. д. Въ виду этого, издавна было предложено утилизировать эти матеріалы, смѣшивая ихъ съ различными вязкими тѣлами и формуя изъ полученныхъ смѣсей плитки различной формы, которыя съ удобствомъ и съ выгодою могли бы быть сожигаемы въ обыкновенныхъ топкахъ. Такимъ образомъ приготовленное топливо носитъ названіе *искусственнаго топлива* или *брикетовъ*.

Изъ всѣхъ видовъ брикетовъ дѣйствительно широкое промышленное значеніе пріобрѣли только каменноугольные брикеты, въ особенности съ тѣхъ поръ, когда къ отопленію паровозовъ былъ примѣненъ каменный уголь вмѣсто кокса, на приготовленіе котораго шла значительная часть каменноугольной мелочи.

Издавна для приготовленія каменноугольныхъ брикетовъ употребляли глину, смѣшивая ее съ каменноугольнымъ мусоромъ и водою и формуя изъ полученнаго тѣста родъ шаровъ, которые, послѣ высушиванія на воздухѣ, употребляли какъ топливо. Брикеты, приготовляемые при помощи глины, содержа отъ 10 до 25% этого послѣдняго тѣла, могутъ быть только пригодны для домашняго обихода, но не могутъ имѣть промышленнаго значенія вслѣдствіе недостаточной прочности и большаго содержанія золы, затрудняющихъ ихъ перевозку и сожиганіе. Для устраненія этихъ недостатковъ было предложено употреблять, какъ связывающее средство, различныя органическія тѣла, между которыми первое мѣсто занимаетъ сухая каменноугольная смола (braі sec), получаемая изъ каменноугольнаго дегтя послѣ отгонки изъ него 35—40% летучихъ веществъ при 280—300°. Смола эта была примѣнена во Франціи и Бельгіи въ 50-хъ годахъ, и только съ тѣхъ поръ фабрикація каменноугольныхъ брикетовъ по-

лучила дѣйствительное промышленное значеніе, такъ какъ сухая каменноугольная смола всего лучше удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, какимъ должны отвѣчать связывающіе матеріалы для брикетнаго дѣла. А именно: употребленіе связывающаго тѣла должно быть простое и легкое, приготовленные брикеты не должны разсыпаться на воздухѣ и размягчаться въ водѣ, не должны мягкнуть и терять первоначальной формы отъ солнца и атмосферныхъ вліяній, наконецъ связывающее тѣло должно увеличивать доброкачественность продукта, его чистоту, горючесть и нагрѣвательную способность.

Для приготовленія брикетовъ можетъ служить каменноугольная мелочь всякихъ углей—антрацитовыхъ, тощихъ и жирныхъ, хотя всего болѣе пригодны для брикетнаго дѣла полужирные угли или смѣсь тощихъ съ жирными. На фабрикацію брикетовъ употребляютъ обыкновенно мелочь, которая проходитъ черезъ рѣшета съ отверстіями отъ 0,04 до 0,05 м. Количество золы, которое допускается въ мелочи, пригодной для полученія доброкачественныхъ брикетовъ, не должно превышать 10% въ большей части случаевъ употребляютъ мелочь съ 4—7% золы. Если мелочь не имѣетъ требуемыхъ качествъ, то ее сортируютъ, измельчаютъ и обогащаютъ промывкой. При употребленіи промыванія уголь послѣ промывки просушиваютъ, такъ какъ мокрый уголь требуетъ для брикетированія больше цемента, чѣмъ сухой, и кромѣ того прессованіе его труднѣе. Эту просушку промытаго угля производятъ или на открытомъ воздухѣ, помѣщая уголь на наклонныя плоскости, чтобы облегчить стеканіе воды, или въ спеціальныхъ приборахъ, нагрѣваемыхъ голымъ огнемъ или перегрѣтымъ паромъ. Для ускоренія сушки пользуются иногда центробѣжною силою или выкачиваніемъ воздуха изъ цилиндровъ, въ которыхъ нагрѣвается уголь. Въ сушильняхъ влажность угля доводятъ обыкновенно до 3—4%; смѣшеніе промытаго угля съ угольною пылью, которую обыкновенно не промываютъ, уменьшаетъ влажность смѣси до 2%. Это содержаніе воды въ углѣ считается необходимымъ для надлежащаго смѣшенія его съ цементомъ, такъ какъ вода, будучи лучшимъ проводникомъ тепла, чѣмъ уголь, содѣйствуетъ болѣе равномѣрному нагрѣванію смѣси. Уголь, послѣ надлежащей подготовки, смѣшиваютъ затѣмъ съ цементомъ, имѣющимъ цѣлью соединить отдѣльныя частицы угля въ компактную массу. Въ настоящее время, какъ было сказано выше, для приготовленія доброкачествен-

ныхъ брикетовъ употребляютъ почти исключительно твердую каменноугольную смолу. Смола эта имѣетъ не вполнѣ однородныя свойства. Удѣльный вѣсъ ея колеблется между 1,275—1,285. При обыкновенной температурѣ она тверда и хрупка и легко измельчается; при 60° она размягчается, а при 100—105° совершенно плавится. При прокаливаніи въ тиглѣ она даетъ отъ 51 до 59% угля. Самою лучшею смолою считается англійская. Качество и количество употребляемой смолы должны быть приноровлены къ свойствамъ угля. Что касается качества смолы, то оно должно быть таково, чтобы составъ ея по возможности подходилъ къ составу каменноугольной мелочи, такъ какъ при этомъ условіи получаются брикеты, представляющіе болѣе или менѣе однородную массу, нераспадающуюся въ огнѣ вслѣдствіе выгоранія цемента. Количество смолы, употребляемое при брикетированіи, колеблется обыкновенно между 6—10% по вѣсу каменноугольной мелочи и зависитъ: отъ свойствъ каменнаго угля и смолы, отъ величины частицъ каменнаго угля, взятаго для агломераціи, отъ прочности, которую желаютъ придать брикетамъ, отъ способа работы и др. причинъ. Послѣ того какъ количество смолы, потребное для приготовленія брикетовъ, опредѣлено изъ опыта, приступаютъ къ смѣшенію въ должной пропорціи каменноугольной мелочи со смолою, предварительно грубо измельченною. Это смѣшеніе производятъ или ручнымъ способомъ, или при помощи машинъ, регулирующихъ автоматически пропорцію смѣшиваемыхъ веществъ. Послѣ смѣшенія матеріаловъ въ надлежащей пропорціи, полученная смѣсь поступаетъ въ дробильные приборы, чтобы увеличить однородность массы и придать частицамъ угля желаемую величину. Раздробленная и хорошо перемѣшанная смѣсь угольной мелочи идетъ въ особый приборъ, называемый мѣсителемъ, гдѣ смѣсь, при постоянномъ перемѣшиваніи, нагрѣвается съ цѣлью удалить изъ нея всю влагу и воздухъ, расплавить смолу и покрыть ею частицы угля. Операція эта имѣетъ существенное вліяніе на доброкачественность брикетовъ, такъ какъ чѣмъ совершеннѣе произведено перемѣшиваніе, тѣмъ однороднѣе и плотнѣе получаются брикеты, и тѣмъ меньше смолы и вообще цемента приходится употреблять для полученія брикетовъ той же крѣпости. Полное удаленіе воздуха и воды изъ смѣси также очень важно, такъ какъ при невыполненіи этого условія получаются ноздреватые или сланцеватые брикеты, даже при медленномъ и постепенномъ прессо-

ваніи. Мѣсители, служащіе для перемѣшиванія и нагрѣванія брикетной смѣси, представляютъ горизонтальные или вертикальные цилиндры, въ которыхъ вращаются улитки или ножи, насаженные на одну общую ось. Нагрѣваніе смѣси производятъ или голымъ огнемъ, или пропусканіемъ черезъ смѣсь нагрѣтаго воздуха или же перегрѣтаго пара. Самое нагрѣваніе доводятъ до температуры 120°—350°. Брикетное тѣсто послѣ выхода изъ мѣсителя должно быть однородно, имѣть видъ жирный, не скрипѣть при растираніи, при сжиманіи въ рукѣ уменьшаться въ объемѣ на половину, а также не содержать комковъ.

Надлежащимъ образомъ приготовленное тѣсто подвергается затѣмъ формовкѣ и прессованію.

Число приборовъ, придуманныхъ для этой цѣли, очень велико, но всѣ они могутъ быть соединены въ слѣдующія главныя группы:

1) Формовальные цилиндры. Формы укрѣплены на поверхности вращающагося вертикально поставленнаго колеса, и перерабатываемый матеріалъ вдавливается въ формы при помощи выступовъ, находящихся на другомъ такомъ же колесѣ, или другимъ какимъ нибудь образомъ.

2) Пестовые прессы. Всѣ они имѣютъ вертикально поставленные песты, вдавливаемые въ формы, которыя опорожняются при каждомъ подъемѣ пестовъ. Формы или подставляются подъ песты ручнымъ способомъ, или же укрѣпляются на движущихся взадъ и впередъ телѣжкахъ или вращающихся платформахъ, подводящихъ формы подъ песты. Давленіе на песты производится въ этихъ прессахъ или непосредственно водяною или паровою силой, или при посредствѣ рычаговъ; въ первомъ случаѣ (прямое давленіе) прессъ дѣйствуетъ толчками, во второмъ—надавливаніемъ.

3) Непрерывнодѣйствующіе прессы. Въ пестовыхъ прессахъ формы имѣютъ закрытое дно, и при каждомъ подъемѣ песта готовые брикеты вынимаются изъ формъ. Въ непрерывнодѣйствующихъ прессахъ дно формы открытое, и прессуемое брикетное тѣсто подвигается при каждомъ ударѣ песта на опредѣленное пространство въ формѣ и выдвигается изъ нея въ видѣ непрерывнаго стержня, куски котораго, по выходѣ наружу, отрѣзываются ножемъ. Устройство этихъ прессовъ напоминаетъ устройство аппаратовъ для приготовленія машиннаго торфа, которые были уже описаны выше.

Прессованіе брикетовъ въ указанныхъ прессахъ производятъ при давленіи 80—100 атмосферъ. Форма, придаваемая брикетамъ, должна быть самая простая и правильная, а именно или цилиндрическая, или прямоугольная въ видѣ плитокъ. Первая форма даетъ меньше мелочи, но требуетъ больше мѣста, а потому рѣже употребляется, чѣмъ вторая. Вѣсъ и объемъ, придаваемые брикетамъ, должны быть удобны для ручной переноски, т. е. не превышать 8 или 10 кило.

Свойства каменноугольныхъ брикетовъ, приготовленныхъ при помощи твердой каменноугольной смолы, довольно разнообразны и зависятъ отъ свойствъ употребленныхъ матеріаловъ и способовъ фабрикаціи. Вообще говоря, отъ хорошихъ брикетовъ требуется, чтобы они были однородны, имѣли крѣпость равную каменному углю, удѣльный вѣсъ не меньше 1,19, давали не болѣе 5% мелочи, не размягчались при нагрѣваніи до 50°, не распадались въ огнѣ и не содержали болѣе 10% золы. Брикеты указанныхъ свойствъ приготовляются въ настоящее время на лучшихъ брикетныхъ заводахъ, въ особенности въ Бельгіи и Франціи, гдѣ брикетное производство имѣетъ довольно широкое развитіе.

Главное примѣненіе каменноугольные брикеты съ сухою смолою получили для отопленія морскихъ пароходовъ и паровозовъ; съ большимъ успѣхомъ (въ особенности коксовые) они могутъ быть также употребляемы въ доменномъ производствѣ.

Вслѣдствіе постояннаго вздорожанія каменноугольнаго дегтя, получившаго широкое и болѣе выгодное примѣненіе въ фабрикаціи искусственныхъ пигментовъ, было предложено замѣнить его въ фабрикаціи брикетовъ другими видами цементовъ, какъ органическими, такъ и неорганическими. Изъ многочисленныхъ этихъ предложеній ни одно не получило пока значительнаго примѣненія, тѣмъ не менѣе изъ предложенныхъ органическихъ цементовъ для насъ особенное значеніе имѣетъ предложеніе воспользоваться для приготовленія цемента смолою изъ нефтяныхъ остатковъ, равно какъ и такъ называемымъ киромъ, черною вязкою массою, представляющею смѣсь песка и глины съ густыми частицами нефти.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что было предложено полученіе брикетовъ изъ каменнаго угля безъ примѣси цемента однимъ сильнымъ прессованіемъ мелочи или на холоду, или при нагрѣваніи.

Послѣдній способъ былъ даже испытанъ на нѣкоторыхъ заводахъ для жирныхъ углей и для смѣси жирныхъ съ тощими, при чемъ самое нагрѣваніе производили или передъ прессованіемъ, или въ формахъ во время самаго прессованія, но онъ не далъ удовлетворительныхъ результатовъ и нынѣ совсѣмъ оставленъ.

Для приготовленія брикетовъ изъ отбросовъ кокса и торфянаго угля предложены способы, сходные съ тѣми, какіе употребляются для приготовленія брикетовъ изъ каменнаго угля.

Для приготовленія брикетовъ изъ древеснаго угля, уголь смачиваютъ 8—12% воды и измельчаютъ въ крупные куски между двумя вращающимися гладкими цилиндрами. Грубо измельченный уголь вполнѣ измельчаютъ и смѣшиваютъ съ каменноугольною смолою (на 100 кило угля берутъ отъ 33 до 40 кило смолы) въ аппаратѣ, напоминающемъ устройство бѣгуновъ, затѣмъ изъ полученнаго тѣста въ пестовомъ прессѣ выдѣлываютъ цилиндрическіе брикеты, которые высушиваютъ на воздухѣ, а затѣмъ прокаливаютъ въ муфельныхъ печахъ. Этимъ путемъ получается плотный нехрупкій уголь, вполнѣ удобный для перевозки.

Полученіе брикетовъ изъ бураго угля, легко распадающагося на мелочь, сходно съ полученіемъ машиннаго торфа и примѣняется въ Прусской Саксоніи и въ Прирейнскихъ провинціяхъ. Первоначально буроугольные брикеты производили такимъ образомъ, что измельченный уголь смѣшивали съ водою и изъ полученнаго тѣста формовали брикеты или въ ручныхъ формахъ, или же въ аппаратахъ, сходныхъ съ аппаратомъ Веберъ-Гиссера (срав. стр. 71), при чемъ, для уменьшенія прилипанія тѣста къ мундштуку, этотъ послѣдній нагрѣвали. Послѣ формованія брикеты высушивали на воздухѣ. Этимъ путемъ получались брикеты съ содержаніемъ 30% воды. Съ конца пятидесятыхъ годовъ стали приготовлять буроугольные брикеты, измельчая бурый уголь, высушивая его токомъ нагрѣтаго воздуха или глухимъ паромъ до содержанія 10—15% воды и затѣмъ формуя въ плитки при 75° подъ давленіемъ 1000—1500 атмосферъ. Этимъ путемъ получаются блестящіе плотные брикеты съ небольшимъ содержаніемъ воды (10—15%).

Кромѣ названныхъ мелкихъ горючихъ матеріаловъ, для приготовленія брикетовъ были предложены и другіе—древесныя опилки, дубло, отбросы красильнаго дерева въ смѣси съ различными углями

и минеральными и органическими связывающими тѣлами, но всѣ эти предложенія не получили широкаго примѣненія.

Особенный видъ брикетовъ представляютъ брикеты, въ составъ которыхъ входятъ окисляющія вещества, имѣющія цѣлью облегчить сгораніе брикетовъ даже при слабомъ доступѣ воздуха и воспрепятствовать образованію окиси углерода и дыма. Такое топливо пригодно въ мастерскихъ для небольшихъ печей, служащихъ для нагрѣванія клея, штемпелей, утюговъ и т. д. Оно также можетъ быть сожигаемо въ жаровняхъ въ помѣщеніяхъ новооштукатуренныхъ, чтобы ускорить твердѣніе штукатурки, и наконецъ оно съ выгодою употребляется въ Германіи въ довольно широкихъ размѣрахъ для нагрѣванія желѣзнодорожныхъ вагоновъ. Брикеты этого рода большею частью приготовляются изъ древеснаго угля, къ которому прибавлено крахмальнаго клейстера или камеди (4—10%), какъ связывающаго матеріала, и селитры (2—4%), какъ окисляющаго.

Къ брикетамъ можно причислить еще съ нѣкоторымъ правомъ топливо, получаемое изъ твердыхъ экскрементовъ животныхъ. Изъ видовъ этого топлива довольно важное значеніе имѣетъ у насъ, въ южныхъ и восточныхъ безлѣсныхъ губерніяхъ, такъ наз. *кизякъ*, приготовляемый изъ помета лошадей и овецъ. Для полученія кизяка, пометъ животныхъ, тщательно собранный въ теченіе зимы, раскладываютъ тонкимъ слоемъ по землѣ, обливаютъ водою, перемѣшиваютъ въ однородное тѣсто ногами лошадей, формуютъ въ деревянныхъ формахъ и высушиваютъ полученныя плитки на воздухѣ, подобно торфу. Кизякъ по своему внѣшнему виду напоминаетъ рыхлый формованный торфъ и представляетъ плохое топливо. Фабрикація его возможна только тамъ, гдѣ, вслѣдствіе плодородія почвы или плохаго состоянія сельскаго хозяйства, навозъ не употребляется какъ удобреніе. Химическій составъ кизяка слѣдующій:

	Лошадиный кизякъ.	Овечій кизякъ.
Углерода	41,386	28,690
Водорода	4,985	3,785
Кислорода	33,396	27,990
Азота	1,703	1,905
Золы и минеральныхъ примѣсей.	18,530	37,630
	100,000	100,000

Кизякъ медленно разгорается и для растапливанія его употребляютъ дрова. При тихой погодѣ онъ сгораетъ безъ запаха, но

бань, прачешенъ и т. п.; у крестьянъ многихъ мѣстностей онъ составляетъ почти единственный видъ топлива.

II. Теплопроизводительная способность и пирометрическое дѣйствіе топлива.

Познакомившись въ предыдущихъ главахъ съ химическимъ составомъ и свойствами различныхъ видовъ топлива, мы разсмотримъ теперь количество тепла и степень жара, ими доставляемыя, т. е. такъ называемую *теплопроизводительную способность* и *пирометрическое дѣйствіе* (эффектъ) *топлива*, которыя главнымъ образомъ опредѣляютъ достоинство этого послѣдняго.

Теплопроизводительная способность опредѣляется числомъ единицъ тепла, образующихся при полномъ сожиганіи одной вѣсовой единицы топлива. За такую вѣсовую единицу топлива въ техникѣ обыкновенно принимаютъ одинъ килограммъ, а за единицу тепла—то количество его, которое въ состояніи нагрѣть одинъ килограммъ воды отъ 0° до 1° или же вообще на 1° Ц., такъ какъ теплоемкость воды мало измѣняется съ температурой.

Единственный точный способъ для опредѣленія теплопроизводительной способности топлива есть калориметрическій, но способъ этотъ требуетъ для полученія вѣрныхъ результатовъ сложныхъ приборовъ, много времени и навыка въ экспериментированіи.

Для упрощенія дѣла предложено опредѣлять теплопроизводительную способность топлива вычисленіемъ по элементарному его составу, предполагая, что при сожиганіи сложнаго соединенія, состоящаго изъ углерода и водорода, выдѣляется то же количество тепла, какъ и при сожиганіи этихъ элементовъ въ свободномъ состояніи, а при сожиганіи соединенія, содержащаго, кромѣ углерода и водорода, еще кислородъ, такое количество тепла, которое выдѣлялось бы при отдѣльномъ сожиганіи углерода и той части водорода, которая остается послѣ отчисленія водорода, необходимаго для образованія воды съ кислородомъ, содержащимся въ топливѣ (правило *Дюлона*).

При сожиганіи одного кгр. водорода и образованіи воды въ капельножидкомъ состояніи выдѣляется 34200 ед. тепла; при сожиганіи одного кгр. древеснаго угля въ углекислоту выдѣляется 8100 ед. тепла.

Пользуясь этими числами и правиломъ Дюлона, не трудно опредѣлить теплопроизводительность топлива, зная его элементарный составъ.

Допустимъ, что требуется опредѣлить теплопроизводительную способность болотнаго газа. Составъ болотнаго газа выражается формулою CH_4, т. е. въ 16 вѣсовыхъ единицахъ его содержится 12 ч. углерода и 4 ч. водорода или въ 100 частяхъ—75 углерода и 25 водорода. При сожиганіи одного кгр. этого газа выдѣлится слѣдовательно:

$0{,}75 \times 8100 = 6075$ ед. тепла.
$0{,}25 \times 34200 = 8550$ „ „

Итого . . 14625 ед. тепла.

Возьмемъ другой примѣръ. Требуется опредѣлить теплопроизводительную способность дерева, вполнѣ высушеннаго. Элементарный составъ такого дерева слѣдующій:

Углерода	49,5
Водорода	6,0
Кислорода	43,5
Золы	1,0
	100,0

Предполагая, что весь кислородъ въ деревѣ соединенъ съ водородомъ въ видѣ воды, составъ дерева можетъ быть выраженъ въ слѣдующемъ видѣ:

Углерода	49,5
Водорода	0,6
Воды	48,9
Золы	1,0

Откуда слѣдуетъ, что теплопроизводительная способность дерева будетъ:

$0{,}495 \times 8100 = 4009{,}5$ ед. тепла.
$0{,}006 \times 34200 = 205{,}2$ „ „

Итого. . . 4214,7 ед. тепла.

Значитъ, теплопроизводительная способность топлива (W), по правилу *Дюлона*, можетъ быть опредѣлена для всякаго топлива по формулѣ:

$$W = 8100\,c + 34200\,(h - {}^1/_8 o), \qquad (1)$$

гдѣ c,h,o выражаютъ вѣсовыя количества углерода, водорода и кислорода, содержащіяся въ одной вѣсовой единицѣ топлива.

Если содержаніе азота (n) не было опредѣлено отдѣльно, то можно принять его въ топливѣ равнымъ среднимъ числомъ 1% и вычислить теплопроизводительную способность топлива по уравненію:

$$W = 8100\,c + 34200\,[h - {}^1/_8\,(o + n - 0{,}01)]. \qquad (2)$$

Если желаютъ принять во вниманіе количество сѣры, содержащееся въ топливѣ, въ такомъ случаѣ формула (1) преобразится въ слѣдующую:

$$W = 8100\,c + 34200\,(h - {}^1/_8\,o) + 2700\,s$$

гдѣ s выражаетъ содержаніе сѣры въ 1 вѣсовой единицѣ топлива, а 2700—сумму количествъ тепла, выдѣляющихся при окисленіи 0,5 ч. сѣры въ двуокись сѣры (SO_2) и 0,5 ч. сѣры въ тріокись сѣры (SO_3).

Только что описанный способъ Дюлона для опредѣленія теплопроизводительной способности топлива, очевидно, не вполнѣ точенъ, и должно думать, что даже самъ *Дюлонъ* считалъ его только примѣнимымъ для техническихъ цѣлей. И дѣйствительно, уже во времена *Дюлона* было извѣстно, что при сожиганіи различныхъ тѣлъ въ кислородѣ образуется количество тепла, не равное тому, какое образовалось бы при сожиганіи элементовъ, его образующихъ, въ свободномъ состояніи. Позднѣйшія изслѣдованія вполнѣ подтвердили этотъ фактъ и кромѣ того показали, что даже при сожиганіи элементовъ и тѣлъ, имѣющихъ совершенно одинаковый элементарный составъ (тѣлъ между собою изомерныхъ), выдѣляется различное количество тепла, смотря по ихъ молекулярному строенію. Тѣмъ не менѣе разницы не велики, а потому опредѣленіе теплопроизводительности по способу Дюлона можетъ съ успѣхомъ употребляться для техническихъ цѣлей.

Опредѣленіе теплопроизводительной способности по способу Дюлона проще, чѣмъ опредѣленіе этой способности калориметрическимъ путемъ, но все таки требуетъ хорошо выполненнаго элементарнаго анализа, что не всегда возможно. Въ виду этого, практика старалась еще упростить способъ опредѣленія всего количества тепла, которое данное топливо можетъ развить при полномъ его окисленіи, и до настоящаго времени пользуются часто менѣе точнымъ, но болѣе удобнымъ способомъ *Бертье*.

Способъ *Бертье* основанъ на заключеніи, сдѣланномъ *Вельтеромъ* (1822) на основаніи старыхъ не вполнѣ точныхъ изслѣдованій, что

при соединеніи одной вѣсовой единицы кислорода съ какимъ бы то ни было тѣломъ, выдѣляется почти одно и то же количество тепла, а именно около 3000 единицъ. Принявъ заключеніе *Вельтера* за вѣрное, *Бертье* (1835) предложилъ очень простой способъ для опредѣленія теплопроизводительной способности топлива, а именно: нагрѣвать изслѣдуемое топливо съ окисью свинца, которая легко отдаетъ свой кислородъ окисляемому топливу и превращается въ металлическій свинецъ, по количеству котораго можно легко вычислить количество кислорода, израсходованное на окисленіе углерода и водорода одного кгр. топлива въ воду и углекислоту. Умножая найденный вѣсъ кислорода на 3000, получимъ теплопроизводительную способность топлива. Способъ этотъ, очевидно, не точенъ, такъ какъ мы теперь знаемъ, что при соединеніи 1 вѣсовой единицы кислорода не только съ какимъ угодно элементомъ, но даже съ углеродомъ и водородомъ выдѣляются далеко не одинаковыя количества тепла; тѣмъ не менѣе, благодаря своей простотѣ, способъ Бертье часто употребляется и, примѣненный къ опредѣленію теплопроизводительной способности близкихъ между собою видовъ топлива, даетъ результаты, пригодные для практическихъ цѣлей.

Кромѣ только что описанныхъ способовъ, имѣющихъ цѣлью опредѣлить все количество тепла, которое можетъ дать данное топливо, въ практикѣ употребляютъ, начиная съ прошлаго столѣтія, другой чисто эмпирическій способъ, состоящій въ опредѣленіи количества воды, которое можетъ быть испарено вѣсовою единицею топлива, при сожиганіи его подъ паровикомъ опредѣленнаго устройства. Зная изъ предварительныхъ опытовъ количество тепла, необходимое для превращенія вѣсовой единицы воды опредѣленной температуры въ паръ опредѣленной же температуры, мы можемъ вычислить число единицъ тепла, доставленное топливомъ нагрѣваемой водѣ.

Количество тепла, вычисленное на основаніи количества пара, полученнаго при сожиганіи топлива подъ паровикомъ опредѣленнаго устройства, очевидно, не даетъ намъ возможности опредѣлить дѣйствительную теплопроизводительную способность топлива, а показываетъ только то количество тепла, которое съ пользою употребляется при сожиганіи топлива въ данномъ приборѣ, количество же это будетъ значительно мѣняться съ устройствомъ самаго прибора и даже съ искусствомъ и навыкомъ истопника. Для опредѣленія указаннымъ

путемъ дѣйствительной теплопроизводительной способности необходимо знать не только количество тепла, содержащееся въ парѣ, но и количество тепла, содержащееся въ газообразныхъ и твердыхъ продуктахъ горѣнія, равно какъ и теряющееся вслѣдствіе лучеиспусканія, т. е. превратить паровикъ въ настоящій калориметръ. Способъ этотъ, предложенный *Девилемъ* (Deville, 1868 — 69) и усовершенствованный *Шереръ-Кестнеромъ* (Scheurer-Kestner, 1868 — 69) и *Бунте* (Bunte, 1879), въ настоящее время дѣйствительно примѣняется для опредѣленія теплопроизводительной способности топлива и долженъ считаться, не смотря на свою сложность, однимъ изъ лучшихъ, такъ какъ онъ не только даетъ возможность опредѣлить все количество тепла, выдѣляющееся при сожиганіи какого нибудь топлива, но даетъ также возможность брать для испытанія большія количества матеріала и сожигать его при такихъ же условіяхъ, при которыхъ сожиганіе происходитъ на практикѣ. Кромѣ того при этомъ способѣ отдѣльно опредѣляется количество тепла, употребляющееся на образованіе пара, и количество тепла, теряющееся въ продуктахъ горѣнія топлива черезъ лучеиспусканіе и т. д., а слѣдовательно является возможность опредѣлить также достоинство самаго сожигательнаго прибора. Нижеслѣдующая таблица показываетъ теплопроизводительность различныхъ видовъ топлива, вычисленную по правилу Дюлона изъ средняго элементарнаго состава топлива, пользуясь формулой (2).

Названіе топлива.	Средній элементарный составъ топлива.					100 ч. топлива, высушеннаго на воздухѣ, содержатъ.					Вычисленная теплопроизводительн. способность топлива съ водою и золою W.	Вычисл. теплопроизводит. способность органич. части топлива (за исключеніемъ H_2O и золы) W'.	Теоретическая паропроизводит. способн.	
	Гигроскопической воды %.	Золы въ сухомъ веществѣ въ %.	Въ 100 ч. сухой органической части топлива содержится:			Гигроскопической воды.	Золы.	C	H	O и N			Топлива $E=\frac{W}{637}$	Органич. части топлива $E'=\frac{W'}{637}$
			C	H	O и N									
Дерево. Листв. породы .	20,0	1,0	49,37	6,28	44,35	20,00	1,00	39,00	4,96	35,04	3400	4293	5,338	6,739
„ Хвойн. породы .	15,0	1,0	50,35	6,29	43,36	15,00	1,00	42,30	5,28	36,42	3717	4419	5,819	6,937
Торфъ, рѣзанный . .	18,60	8,68	57,70	6,00	36,30	18,60	8,68	41,96	4,36	26,40	3804	5217	5,972	8,190
„ машинный . .	16,70	9,75	58,73	5,70	35,57	16,70	9,75	43,20	4,19	26,16	3857	5236	6,054	8,280
Бурый уголь . . .	14,14	9,78	68,07	5,53	26,40	14,14	9,78	51,79	4,21	20,08	4819	6319	7,565	9,920
Каменный уголь (всѣхъ странъ свѣта).	4,94	7,57	82,82	5,22	11,96	4,94	7,57	72,46	4,57	10,46	7070	8025	11,098	12,598
„ уголь Рус. (зап. басс.)	—	2,83	66,08	5,21	28,71	—	2,83	64,21	5,06	27,90	5782	5951	9,078	9,342
„ „ „ (сѣв. басс.)	10,28	21,10	72,63	5,53	21,84	10,28	21,10	49,84	3,79	14,99	4734	6883	7,431	10,805
„ „ „ (юж. басс.)	3,13	4,52	84,08	4,71	11,21	3,13	4,52	77,65	4,35	10,35	7377	7983	11,581	12,532
„ „ „ (вост.басс.)	1,93	7,73	81,72	5,44	12,84	1,93	7,73	73,83	4,91	11,60	7206	7974	11,313	12,518
Антрацитъ (всѣхъ стр. свѣта).	3,06	6,83	94,81	2,36	2,83	3,06	6,83	85,43	2,13	2,55	7590	8408	11,914	13,199
„ Русскій. .	4,41	3,92	94,35	2,21	3,44	4,41	3,92	86,50	2,02	3,15	7605	8294	11,939	13,020
Нефть	—	—	84,65	12,71	2,64	—	—	—	—	—	—	11133	—	17,477
Черный древесный уголь.	6,14	2,91	91,35	2,94	5,71	6,14	2,91	83,08	2,67	5,20	7463	8203	11,716	12,878
Торфяной уголь . .	5,82	7,76	83,16	3,79	13,05	5,82	7,76	71,87	3,27	11,28	6505	7517	10,213	11,801
Коксъ	4,65	9,59	93,71	1,03	5,26	4,65	9,59	80,36	0,89	4,51	6663	7762	10,461	12,170

Въ заключеніе приведемъ въ нижеслѣдующей таблицѣ данныя о количествѣ тепла, выдѣляющагося при окисленіи нѣкоторыхъ тѣлъ, на основаніи калориметрическихъ опредѣленій *Томсена* и по правилу Дюлона.

Названіе окисляемаго соединенія.	Ходъ реакціи.	Число ед. тепла по опредѣлен. Томсена.	Число ед. тепла по формулѣ Дюлона.
Углеродъ въ окись углерода . .	C въ CO_2	2192	—
Окись углерода	CO въ CO_2	2429	—
Сѣра кристаллич. въ двуокись сѣры.	S въ SO_2	2219	—
„ „ въ тріокись сѣры.	S въ SO_3	3228	—
Двусѣрнистый углеродъ . . .	CS_2 въ CO_2 и SO_2	3399	3552,6
Болотный газъ	CH_4	13244	14625,0
Этанъ	C_2H_6	12350	13320,0
Этиленъ	C_2H_4	11907	11829,7
Терпентинное масло . . .	$C_{10}H_{16}$ въ CO_2 и H_2O	10676	11169,4
Древесный спиртъ	CH_4O	5694	5175,0
Этиловый спиртъ	C_2H_6O	7402	7197,8
Пальмитиновая кислота (*Штоманъ*).	$C_{16}H_{32}O_2$	9226	9816,5
Стеариновая кислота (*Штоманъ*) .	$C_{18}H_{36}O_2$	9429	10016,0
Спермацетъ (*Фавръ* и *Зильберманъ*).	$C_{32}H_{64}O_2$	10342	10755,0

Пирометрическое дѣйствіе топлива. Во многихъ случаяхъ для опредѣленія пригодности горючаго матеріала для той или другой цѣли недостаточно знать количество тепла, какое онъ можетъ доставить, а важно знать еще степень жара (температуру), какую можетъ доставить горючій матеріалъ, т. е. пирометрическое дѣйствіе. Такъ напр. сколько бы мы ни сожгли горючаго матеріала въ нашихъ плавильныхъ печахъ, мы не въ состояніи расплавить въ нихъ платины, такъ какъ температура въ нихъ не достигаетъ той степени, при которой платина плавится.

Для опредѣленія пирометрическаго дѣйствія топлива могутъ служить слѣдующія соображенія. Если мы представимъ себѣ, что горѣніе топлива происходитъ при такихъ условіяхъ, при которыхъ нѣтъ никакой потери тепла, то тогда, очевидно, все количество тепла, образующееся при горѣніи топлива, будетъ передаваться продуктамъ горѣнія, а потому пирометрическое дѣйствіе топлива будетъ зависѣть съ одной стороны отъ количества тепла, доставляемаго матеріаломъ, а съ другой отъ количества и теплоемкости продуктовъ, образующихся при горѣніи.

Количество тепла, доставляемое различными видами топлива, т. е. ихъ теплопроизводительная способность намъ извѣстна изъ предыдущаго.

Количество и составъ продуктовъ горѣнія, образующихся при полномъ окисленіи топлива, могутъ быть вычислены, зная элементарный составъ топлива и количество воздуха, необходимое для полнаго окисленія углерода и водорода топлива въ углекислоту и воду. Для превращенія одного кгр. углерода въ углекислоту требуется $^8/_3$ кгр. кислорода; принимая, что во влажномъ воздухѣ содержится по вѣсу приблизительно $22^0/_0$ кислорода, получимъ, что для полнаго окисленія 1 кгр. углерода необходимо

$$^8/_3 \cdot \frac{100}{22} = 12 \text{ кгр. воздуха.}$$

Для полнаго окисленія 1 кгр. водорода необходимо количество кислорода почти въ 3 раза большее, чѣмъ для сожиганія 1 кгр. углерода, а потому потребное количество воздуха будетъ 36 кгр. Если, слѣдовательно, въ 1 кгр. топлива содержится c — углерода, h — водорода, o — кислорода, то наименьшее количество воздуха (L'), необходимое для полнаго окисленія этого топлива, будетъ:

$$(1)\ L' = 12\left[c + 3\left(h - \frac{o}{8}\right)\right] \text{ кгр.}$$

Количество воздуха, необходимое для полнаго окисленія топлива по вышеприведенной формулѣ, представляетъ наименьшее количество воздуха, которое теоретически необходимо для указанной цѣли. Въ практикѣ же необходимо употребить всегда большее количество воздуха, такъ какъ при сожиганіи твердыхъ тѣлъ нѣтъ никакой возможности достигнуть полной утилизаціи кислорода. Въ виду этого дѣйствительное количество воздуха (L), потребное для полнаго окисленія топлива, болѣе теоретическаго и можетъ быть выражено формулою:

$$(2)\ L = m\,L',$$

гдѣ m лежитъ между 1 и 2. Для каменнаго угля m принимаютъ обыкновенно равнымъ 2, для дровъ эта величина лежитъ между 2 и 1,5, для газовъ m почти равно 1.

Изъ сказаннаго ясно, что количество или, точнѣе, вѣсъ продуктовъ горѣнія топлива будетъ равенъ вѣсу топлива, который можетъ быть принятъ равнымъ 1, сложенному съ вѣсомъ дѣйствительно употребленнаго воздуха безъ вѣса золы, и что продукты эти будутъ состоять изъ углекислоты, воды, азота и воздуха, отдѣльныя количества которыхъ нетрудно вычислить теоретически.

Теплоемкость равныхъ вѣсовъ продуктовъ горѣнія топлива при постоянномъ давленіи, по изслѣдованіямъ *Реньо*, слѣдующая, принимая теплоемкость воды за единицу.

Воздухъ	0,2375
Кислородъ	0,2175
Азотъ	0,2438
Окись углерода	0,2450
Углекислота	0,2169
Вода (паръ)	0,4805

Такъ какъ теплоемкости продуктовъ горѣнія, за исключеніемъ теплоемкости водяныхъ паровъ, довольно близки между собою, и такъ какъ пары воды составляютъ обыкновенно небольшую часть всѣхъ продуктовъ горѣнія топлива, то для техническихъ цѣлей можно принять безъ особенной погрѣшности за среднюю теплоемкость всѣхъ продуктовъ горѣнія число 0,25 (Ferrini).

Пользуясь вышеуказанными соображеніями, нетрудно вычислить пирометрическій эффектъ какого бы то ни было топлива. Возьмемъ для примѣра дерево, высушенное на воздухѣ. Такое дерево содержитъ:

Гигроскопической воды	20,00
Золы	1,00
Углерода	39,00
Водорода	4,96
Кислорода и азота	35,04
	100,00

Для полнаго сожиганія дерева требуется 9,8 кгр. воздуха, при чемъ образуется 3400 ед. тепла, если вода, при этомъ образующаяся, будетъ охлаждена до 0°. Такъ какъ этого при горѣніи не бываетъ, и вода въ продуктахъ горѣнія содержится въ видѣ пара, то при опредѣленіи пирометрическаго дѣйствія топлива мы должны исключить изъ теплопроизводительной его способности скрытую теплоту, содержащуюся въ водяныхъ парахъ. При горѣніи 1 кгр. дерева, указаннаго выше состава, превращается въ пары, во первыхъ, вся гигроскопическая вода (0,20 к.) и, во вторыхъ, вода, образующаяся

вслѣдствіе окисленія водорода (0,45 к.), всего 0,65 кгр. Умножая это число на полную теплоту испаренія воды при 0°, а именно на 606,5, мы получимъ, что въ указанномъ вѣсѣ воды содержится 394 ед. тепла, которыя не могутъ служить для нагрѣванія продуктовъ горѣнія и должны быть, слѣдовательно, исключены изъ теплопроизводительной способности дерева. Вычитая изъ 3400 ед. тепла 394 ед., мы получимъ 3006 ед. тепла, которыя и будутъ служить для нагрѣванія продуктовъ горѣнія. Вѣсъ этихъ продуктовъ горѣнія будетъ равенъ 10,8 кгр. (пренебрегая вѣсомъ золы), а средняя ихъ теплоемкость 0,25. Слѣдовательно, принимая первоначальную температуру воздуха и дерева равной 0°, пирометрическое дѣйствіе дерева будетъ:

$$\frac{3006}{10{,}8\times 0{,}25}=1113^{0}.$$

Аналогическимъ образомъ можно вычислить пирометрическое дѣйствіе любаго топлива, пользуясь формулою:

$$E=\frac{(606,5.\ a)}{g.\ 0{,}25},$$

гдѣ E есть теплопроизводительная способность топлива, a—вѣсъ паровъ воды, содержащихся въ продуктахъ горѣнія, g—вѣсъ газообразныхъ продуктовъ горѣнія, а 0,25—средняя ихъ удѣл. теплоемкость.

Пирометрическое дѣйствіе топлива, вычисленное указаннымъ и до сихъ поръ еще общепринятымъ путемъ, значительно больше дѣйствительнаго, такъ какъ при этомъ вычисленіи не принято во вниманіе: 1) теплопроводимость и лучеиспусканіе приборовъ, 2) увеличеніе теплоемкости газовъ съ возвышеніемъ температуры и 3) диссоціація продуктовъ горѣнія. Благодаря изслѣдованіямъ послѣдняго времени стало возможнымъ сдѣлать соотвѣтственныя поправки и получать вычисленіемъ температуры горѣнія топлива болѣе близкія къ дѣйствительности (*Курнаковъ*, 1892 г.), хотя также не вполнѣ точныя.

Такимъ образомъ теоретическій способъ опредѣленія пирометрическаго дѣйствія топлива не даетъ намъ точныхъ данныхъ, тѣмъ не менѣе указанныя нами формулы и соображенія представляютъ значительный интересъ, такъ какъ они даютъ возможность опредѣлить вліяніе различныхъ условій на температуру горѣнія. Они показываютъ, напр., ясно огромное вліяніе, оказываемое на пирометрическое дѣйствіе топлива содержаніемъ въ немъ воды и притокомъ воздуха, необходимымъ для его сгоранія. Въ виду этого, во всѣхъ случаяхъ,

когда желаютъ получить высокую температуру, стараются употреблять топливо, не содержащее воды, и по возможности уменьшить притокъ воздуха, жертвуя даже часто горючимъ матеріаломъ.

Сожигая, напримѣръ, углеродъ въ двойномъ противъ теоретическаго количествѣ воздуха въ угольную кислоту, пирометрическое дѣйствіе его будетъ=1296°. Если же мы будемъ вести сожиганіе при недостаточномъ притокѣ воздуха, а именно такъ, что одна половина углерода будетъ превращена въ окись углерода, а другая въ углекислоту, то въ такомъ случаѣ пирометрическое дѣйствіе углерода будетъ 2286°. И дѣйствительно, при сожиганіи 1 вѣсовой части угля въ воздухѣ при указанныхъ условіяхъ мы получимъ:

Окиси углерода	1,17	в. частей.
Углекислоты	1,33	„ „
Азота	6,75	„ „
	9,25	

Количество тепла, которое выдѣлится при этомъ процессѣ, будетъ:

0,5 в. ч. угля при превращ. въ окись угл. выдѣл. 0,5×2429=1214 ед. т.
0,5 „ „ „ „ „ въ углекислоту „ 0,5×8100=4050 „ „

Итого . . 5279 ед. т.

При средней теплоемкости газовъ 0,25 получимъ, что температура горѣнія будетъ равна:

$$T=\frac{5279}{9{,}25.0{,}25}=2282^{\circ}.$$

Конечно, при такомъ способѣ сжиганія углерода, возвышая пирометрическое дѣйствіе, мы теряемъ въ количествѣ тепла, такъ какъ при сожиганіи 1 части угля въ окись углерода мы получаемъ всего 2429 ед. тепла, между тѣмъ какъ при сожиганіи его въ угольную кислоту выдѣлилось бы 8100.

Кромѣ теоретическаго пути, пирометрическое дѣйствіе топлива можетъ быть опредѣлено и опытнымъ, при помощи пирометровъ. Этотъ способъ, однако, также нельзя считать удовлетворительнымъ, такъ какъ, во первыхъ, всѣ до нынѣ предложенные способы и приборы для измѣренія высокихъ температуръ мало пригодны для полученія точныхъ результатовъ, а во вторыхъ, потому, что непосредственное опредѣленіе температуры въ очагѣ показываетъ намъ только степень жара, достигнутаго при данныхъ условіяхъ, но не даетъ намъ понятія о степени жара, которую топливо способно развить. Опытный

способъ опредѣленія температуры горѣнія при помощи пирометровъ аналогиченъ способу опредѣленія теплопроизводительной способности топлива по количеству испаряемой воды, безъ опредѣленія количества теплоты, не идущей на испареніе воды.

При опредѣленіи достоинства топлива принимаютъ во вниманіе еще его лучеиспускательную способность, т. е. отношеніе между всѣмъ количествомъ тепла, выдѣляемымъ топливомъ при полномъ его окисленіи, и количествомъ тепла, передаваемымъ имъ окружающей средѣ лучеиспусканіемъ. Это послѣднее количество тепла *(J)* *Пекле́* опредѣляетъ, сожигая въ спеціальномъ калориметрѣ опредѣленный вѣсъ *(p)* топлива, теоретическая теплопроизводительная способность котораго *(C)* извѣстна, и вычисляетъ лучеиспускательную способность *(i)* по формулѣ:

$$i = \frac{J}{pC.}$$

При помощи подобныхъ опредѣленій, имѣющихъ только приблизительную точность, Пекле́ нашелъ, что лучеиспускательная способность масла 0,18, дерева 0,25, древеснаго угля 0,5, кокса 0,55, и приходитъ къ общему заключенію, что лучеиспускательная способность топлива, горящаго безъ пламени, вообще больше лучеиспускательной способности топлива, горящаго пламенемъ.

III. Приборы для сожиганія топлива.

Приборы для сожиганія топлива и для утилизаціи теплоты, при этомъ образующейся, извѣстны подъ общимъ названіемъ *печей* и имѣютъ самое разнообразное устройство, смотря по роду топлива и цѣлямъ, для которыхъ они предназначены. Не смотря на все ихъ разнообразіе, почти въ каждой печи можно отличать слѣдующія три части:

1) Топку или очагъ, въ которомъ сожигается топливо;

2) Нагрѣвательное пространство, въ которомъ теплота, содержащаяся въ продуктахъ горѣнія (дымогарныхъ газахъ), передается нагрѣваемому тѣлу;

3) Трубу, которая отводитъ дымогарные газы и въ большей части случаевъ обусловливаетъ притокъ воздуха къ сожигаемому топливу. Иногда эта послѣдняя работа исполняется вентиляторами или воздуходувными машинами.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, печь не имѣетъ всѣхъ названныхъ частей, и двѣ изъ нихъ какъ-бы слиты вмѣстѣ; такъ, напр., въ обыкновенныхъ хлѣбопекарныхъ печахъ нагрѣвательное пространство слито съ топкою, а въ стекляныхъ печахъ оно слито съ трубою.

Изъ всѣхъ видовъ топлива всего чаще употребляется въ техникѣ твердое топливо (дрова, каменный уголь, торфъ и т. д.), а потому здѣсь будутъ разсмотрѣны прежде всего приборы, служащіе для его сожиганія, а затѣмъ будетъ сказано о сожиганіи газообразнаго и жидкаго топлива.

Приборы для сожиганія твердаго топлива.

Существенную часть этихъ приборовъ образуютъ топка и труба.

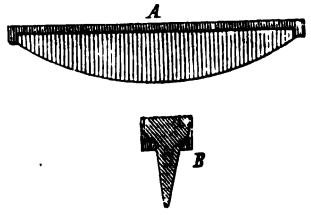
Топка для твердаго топлива представляетъ по большей части призматическое или цилиндрическое пространство, раздѣленное рѣшеткой на двѣ части — верхнюю и нижнюю [1]). Въ верхней части топки (*топочное пространство, огневая камера*) горитъ топливо, распредѣленное ровнымъ слоемъ на рѣшеткѣ; въ нижней части (*зольникъ, поддувало*) собирается зола и раскаленные куски топлива, провалившіеся черезъ отверстія рѣшетки. Каждое изъ названныхъ отдѣленій топки закрыто дверцами, при чемъ дверцы топочнаго пространства служатъ для забрасыванія топлива на рѣшетку и должны быть открываемы только для названной цѣли или для перемѣшиванія сожигаемаго топлива. Дверцы зольника всегда открыты и служатъ для регулированія притока въ топку наружнаго воздуха, направляющагося къ топливу снизу черезъ рѣшетку. При этихъ условіяхъ воздухъ проходитъ не надъ поверхностью горящаго топлива, но проникаетъ черезъ весь его слой и распредѣляется на значительное число тонкихъ струекъ, чѣмъ достигается болѣе полное соприкосновеніе

---

[1]) Дрова еще часто (напр. въ нашихъ обыкновенныхъ комнатныхъ печахъ) сожигаютъ въ топкахъ безъ рѣшетки. Но употребленіе подобныхъ топокъ очень невыгодно, такъ такъ въ нихъ большая часть воздуха, притекающаго въ топку, не приходитъ въ соприкосновеніе съ топливомъ и безполезно уменьшаетъ температуру дымогарныхъ газовъ. Въ виду этого, топки безъ рѣшетки, хотя и очень простыя по своему устройству, должны быть изгнаны изъ употребленія, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ имѣютъ въ виду экономію топлива.

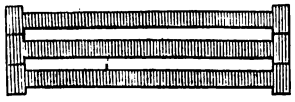
между топливомъ и воздухомъ и нѣкоторое сбереженіе теплоты, такъ какъ воздухъ, проходя черезъ зольникъ, нагрѣвается теплотою стѣнокъ этого послѣдняго и теплотою, испускаемой рѣшеткой, охлаждая эту послѣднюю и предохраняя отъ быстраго прогоранія.

Рѣшетка, отдѣляющая очагъ отъ зольника, состоитъ обыкновенно изъ большаго или меньшаго числа чугунныхъ или желѣзныхъ прутьевъ (*колосниковъ*), помѣщенныхъ параллельно, на равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Верхняя поверхность колосниковъ образуетъ горизонтальную или наклонную плоскость, при чемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ высшая точка рѣшетки лежитъ у дверцы топочнаго пространства. Колосники независимы другъ отъ друга и лежатъ на двухъ перекладинахъ, вдѣланныхъ въ боковыя стѣнки очага. Если колосники чугунные, то они имѣютъ обыкновенно форму, представленную на фиг. 33, гдѣ *A* изображаетъ продольный, а *B*—поперечный разрѣзъ



Ф. 33.

ихъ. Толщина ихъ такимъ образомъ уменьшается сверху внизъ, и въ верхней своей части они имѣютъ утолщеніе на подобіе буквы *T*, которое, увеличиваясь на концахъ, образуетъ два боковыхъ отростка (*головку*). Укладывая колосники такимъ образомъ, чтобы ихъ головки касались другъ друга, получаются между ними (колосниками) узкія щели (*прозоры*), вся совокупность которыхъ образуетъ такъ наз. свободную площадь (*площадь прозоровъ*, *площадь живаго сѣченія*) рѣшетки (ф. 34).


Ф. 34

Если длина колосниковъ превышаетъ 80 см., тогда ихъ снабжаютъ еще выступами по срединѣ для увеличенія прочности. Въ настоящее время употребляютъ всего чаще колосники въ 50—60 см. длины, укладывая ихъ въ 2 или 3 ряда, смотря по длинѣ рѣшетки. Желѣзные колосники дѣлаютъ въ видѣ желѣзныхъ прутьевъ съ квадратнымъ поперечнымъ сѣченіемъ и выдвигаютъ концы ихъ изъ топки, чтобы облегчить очистку ихъ отъ золы и шлаковъ встряхиваніемъ. Подобные колосники особенно пригодны при сожиганіи сильно спекающихся углей и употребляются всего чаще тамъ, гдѣ необходимо произвести очень высокую температуру, напр. въ пламенныхъ печахъ.

Размѣръ рѣшетки, а слѣдовательно и площади горизонтальнаго

сѣченія топочнаго пространства и зольника зависитъ отъ качества и количества топлива, сожигаемаго въ единицу времени. Такъ какъ до сихъ поръ нѣтъ въ этомъ отношеніи какихъ нибудь строго опредѣленныхъ правилъ, то размѣръ рѣшетки опредѣляется изъ непосредственнаго опыта и долженъ быть таковъ, чтобы при данной силѣ тяги топливо на рѣшеткѣ сгорало вполнѣ въ угольную кислоту и воду при возможно меньшемъ избыткѣ воздуха. Обыкновенно принимаютъ, что для сожиганія 100 кгр. каменнаго угля въ часъ требуется около 1 кв. м. площади рѣшетки, хотя часто придаютъ рѣшеткѣ значительно большіе и значительно меньшіе размѣры, а именно отъ 0,67 до 5 кв. м. (всего чаще 1,2—1,7) на каждые 100 кгр. каменнаго угля, сожигаемаго въ часъ. При сожиганіи дровъ и торфа рѣшеткѣ придаютъ меньшіе размѣры, такъ какъ для сожиганія равнаго вѣса этихъ видовъ топлива требуется менѣе воздуха, чѣмъ для сожиганія каменнаго угля. По *Пекле*, для сожиганія въ часъ 100 кгр. названныхъ видовъ топлива требуется всего 0,3 кв. м. площади рѣшетки.

Вообще говоря, большія рѣшетки предпочтительнѣе малыхъ, такъ какъ на первыхъ сгораніе топлива происходитъ полнѣе, тяга менѣе уменьшается прохожденіемъ воздуха черезъ относительно невысокій слой топлива, онѣ труднѣе засариваются, и забрасываніе топлива можетъ быть производимо рѣже. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ случаяхъ, малыя рѣшетки представляютъ преимущество, такъ какъ при надлежащей тягѣ на нихъ топливо сгораетъ живѣе, и воздухъ полнѣе утилизируется, чѣмъ уменьшается избытокъ воздуха въ дымогарныхъ газахъ, а слѣдовательно возвышается пирометрическое дѣйствіе топлива.

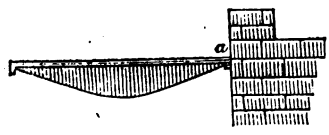
Что касается абсолютной величины рѣшетки, то она должна быть такова, чтобы забрасываніе и перемѣшиваніе топлива было удобно. Для удовлетворенія этихъ условій рѣшеткамъ придаютъ въ длину не болѣе 2 м., а въ ширину 1,25—1,5 м., такъ что вся площадь рѣшетки колеблется между 2,5—3,0 кв. м.

Площадь прозоровъ рѣшетки должна быть по крайней мѣрѣ равна площади поперечнаго сѣченія зѣва трубы и она различна, смотря по природѣ сожигаемаго топлива, такъ какъ для полнаго сожиганія равнаго вѣса дровъ или торфа требуется меньше воздуха, чѣмъ для сожиганія каменнаго угля; кромѣ того, дрова не спекаются и не засари-

ваютъ рѣшетки и, благодаря своей крупности, не представляютъ значительнаго сопротивленія тягѣ. Въ рѣшеткахъ, служащихъ для сожиганія дровъ и торфа, площадь прозоровъ составляетъ обыкновенно отъ $^1/_7$ до $^1/_4$, для каменнаго угля $^1/_4$, для кокса $^1/_2$ всей поверхности рѣшетки. Ширина прозоровъ колеблется отъ 3 до 30 мм. (всего чаще отъ 6 до 10 мм.) и зависитъ отъ большей или меньшей крупности топлива; толщина колосниковъ колеблется обыкновенно между 20—30 мм.

Между дверцами топочнаго пространства и началомъ рѣшетки помѣщаютъ обыкновенно чугунную плиту въ 25—40 см. ширины съ цѣлью удалить пламя отъ дверецъ и тѣмъ предохранить ихъ отъ быстрой порчи. Между краемъ только что упомянутой желѣзной доски и концами колосниковъ оставляютъ свободный промежутокъ, равный $^1/_{24}$ длины колосниковъ, для свободнаго ихъ расширенія отъ нагрѣванія. Для той же цѣли часто скашиваютъ снизу передніе концы колосниковъ и помѣщаютъ ихъ на скошенный же край плиты. Высота дверецъ топочнаго пространства колеблется отъ 25 до 30 см., ширина ихъ должна быть равна ширинѣ рѣшетки, чтобы облегчить равномѣрное забрасываніе топлива на рѣшетку.

Противъ дверецъ, непосредственно за рѣшеткой, находится обыкновенно кирпичное возвышеніе (не ниже 250 мм.)—*порогъ*, за которымъ начинаются дымовые ходы и вообще нагрѣвательное пространство, въ которомъ утилизируется теплота (фиг. 35). Порогъ этотъ (*a*) служитъ для того, чтобы воспрепятствовать кусочкамъ угля, золы и т. д. попадать въ дымовые каналы, отчасти же для того, чтобы обусловить болѣе полное перемѣшиваніе продуктовъ горѣнія съ воздухомъ и дать имъ надлежащее направленіе.



Ф. 35.

Форма топочнаго пространства и матеріалъ, изъ котораго оно сдѣлано, зависятъ отъ цѣли, для которой служитъ печь. Всего чаще топочное пространство представляетъ удлиненную камеру, покрытую сводомъ и сложенную изъ кирпича. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ стѣнки топочнаго пространства сдѣланы изъ металлическихъ плитъ, черезъ которыя теплота передается непосредственно нагрѣваемой жидкости, окружающей со всѣхъ сторонъ топочное пространство. Въ этихъ случаяхъ говорятъ, что данная печь имѣетъ *внутреннюю топку*. Тѣмъ не менѣе, вездѣ, гдѣ это возможно, слѣдуетъ помѣщать топку такъ,

чтобы рѣшетка ея не находилась непосредственно *подъ* или *внутри* нагрѣваемаго тѣла, а *впереди* его, такъ какъ непосредственное соприкосновеніе нагрѣваемаго тѣла съ дымогарными газами въ періодъ ихъ образованія понижаетъ температуру пламени, чѣмъ затрудняетъ полное окисленіе углерода и водорода, а слѣдовательно и полное развитіе тепла, заключающагося въ топливѣ.

Размѣръ зольника болѣе или менѣе произвольный, но во всякомъ случаѣ площадь отверстія для притока воздуха не должна быть меньше площади прозоровъ рѣшетки, и зольникъ долженъ быть снабженъ дверцами для регулированія тяги. При усиленномъ сожиганіи топлива на дно зольника помѣщаютъ слой воды, для тушенія кусковъ раскаленнаго угля и шлаковъ, проваливающихся черезъ рѣшетку, и для пониженія температуры нижней поверхности рѣшетки съ цѣлью предохранить ее отъ быстраго прогоранія. Поглощая теплоту, вода испаряется, и пары ея, проходя черезъ раскаленный слой угля, разлагаются, при чемъ образуется водородъ, окись углерода и угольная кислота, которые увеличиваютъ длину пламени.

Газы, образующіеся въ топкѣ, идутъ въ нагрѣвательное пространство, а затѣмъ въ т р у б у, имѣющую двоякое назначеніе: 1) отводить продукты горѣнія въ высокіе слои атмосферы и тѣмъ сдѣлать ихъ менѣе вредными для окрестныхъ мѣстностей и 2) доставлять въ топку воздухъ, необходимый для сожиганія топлива. Это дѣйствіе трубы зависитъ отъ размѣровъ ея и отъ разности между температурой наружнаго воздуха и температурой газовъ въ трубѣ.

Въ холодной трубѣ столбъ воздуха, въ ней содержащійся, уравновѣшивается столбомъ наружнаго воздуха того же объема. При нагрѣваніи воздухъ въ трубѣ расширяется и становится легче, вслѣдствіе чего равновѣсіе нарушается. Для трубы, высота которой 50 м., а площадь поперечнаго сѣченія 1 кв. м., столбъ воздуха, въ ней помѣщающійся, вѣситъ при температурѣ 0^0—64,8 кгр. а при температурѣ 100^0—47,5 кгр., слѣдовательно на 17,3 кгр. меньше. Эта разница въ вѣсѣ выражаетъ давленіе, съ которымъ наружный воздухъ будетъ притекать въ трубу. Если представить себѣ оба столба воздуха приведенными къ одной и той же температурѣ, а именно наружный столбъ холоднаго воздуха нагрѣтымъ до 100^0, то онъ соотвѣтственно расширится, и разница въ вѣсѣ выразится разницею въ высотѣ воздушныхъ столбовъ. Высота внутренняго воздушнаго столба будетъ по прежъ-

нему 50 м., высота же внѣшняго столба станетъ 68,2 м., а разница 18,2 м. Эта разница въ высотахъ выражаетъ собою величину нарушенія равновѣсія, обусловливающую движеніе воздуха въ трубѣ во время ея нагрѣванія. Величина этого нарушенія равновѣсія можетъ быть вычислена и для всѣхъ случаевъ, зная коэффиціентъ расширенія газовъ. Воздухъ при нагрѣваніи на 1° увеличивается на 0,003665 первоначальнаго своего объема; слѣдовательно, при увеличеніи температуры отъ t до T, объемъ его увеличится на 0,003665 $(T-t)$. При постоянномъ поперечномъ разрѣзѣ трубъ объемы воздушныхъ столбовъ, въ нихъ содержащихся, выражаются прямо высотою h трубы. Если, поэтому, $T-t$ выражаетъ разность между температурой (T) воздуха въ трубѣ и температурою (t) наружнаго воздуха, въ такомъ случаѣ разница въ высотахъ обоихъ воздушныхъ столбовъ, приведенныхъ къ температурѣ трубы, будетъ $h\ (T-t)\ 0{,}003665$. Это выраженіе показываетъ перевѣсъ внѣшняго воздушнаго столба, обусловливающій движеніе воздуха въ трубѣ. Скорость этого движенія можетъ быть легко вычислена, такъ какъ извѣстно, что скорость (c) истеченія какой нибудь жидкости или газа равна скорости тѣла, свободно падающаго съ высоты (s), равной высотѣ истекающаго столба жидкости или газа:

$$c=\sqrt{2gs},$$

гдѣ g выражаетъ ускореніе, обусловливаемое силою тяжести, и равно 9,81 м. (32,22 ф.).

Въ нашемъ случаѣ

$$s=h\ (T-t)\ 0{,}003665;$$

слѣдовательно,

$$c=\sqrt{2g\,0{,}003665\,h(T-t)}=\sqrt{2\times 9{,}81\times 0{,}003665\,h(T-t)}$$

$$=0{,}268\sqrt{h(T-t)}\text{ метровъ въ секунду.}$$

Такъ какъ t—температура наружнаго воздуха всегда очень невелика сравнительно съ T—температурой трубы, то можно безъ особенной погрѣшности пренебречь t и тогда

$$c=0{,}268\sqrt{hT}\ldots\ldots\ldots\ (1).$$

Температура T въ хорошо устроенныхъ топкахъ есть величина довольно постоянная, а потому можно принять, согласно приведенной формулѣ, что скорость движенія газовъ въ трубѣ пропорціональна корню квадратному изъ высоты трубы.

Этотъ теоретическій выводъ значительно измѣняется однако треніемъ, претерпѣваемымъ газами при проходѣ ихъ черезъ колосники, слой горючаго матеріала, дымовые ходы и трубу. Вообще можно принять за общее правило, что скорость движенія газовъ въ трубѣ при короткихъ дымовыхъ ходахъ (менѣе 30 м. длины) и при невысокихъ трубахъ равна $^1/_5$, а при длинныхъ дымовыхъ ходахъ (болѣе 30 м.) и высокой трубѣ равна $^1/_6$ теоретической скорости. Отсюда слѣдуетъ, что для практическихъ цѣлей скорость движенія газовъ въ трубѣ можетъ быть опредѣлена по формулѣ:

$$c_1 = \frac{0{,}268\sqrt{hT}}{5 \text{ или } 6} \text{ м. въ секунду } \ldots (2).$$

На основаніи этой формулы нетрудно вычислить объемъ газовъ (V), протекающихъ чрезъ трубу въ одну секунду, если площадь поперечнаго сѣченія трубы (q) извѣстна.

$$V = qc_1 \ldots\ldots\ldots (3).$$

Вѣсъ газовъ (P), соотвѣтствующій указанному объему ихъ, можетъ быть опредѣленъ, зная абсолютный вѣсъ (a) 1 куб. метра газовъ, проходящихъ по трубѣ, такъ какъ

$$P = Va.$$

Опредѣлить a нетрудно; зная вѣсъ (p) 1 куб. метра газовъ при 0^0, коэффиціентъ расширенія газовъ (0,003665) и температуру (T) въ трубѣ,

$$a = \frac{p}{1+0{,}003665T}.$$

Вѣсъ газовъ, протекающихъ чрезъ трубу въ одну секунду, выражаетъ силу тяги трубы.

Вышеприведенныя формулы показываютъ, что увеличить силу тяги или, что то же,—количество воздуха, доставляемаго топкѣ въ единицу времени, возможно, возвышая температуру газовъ въ трубѣ, увеличивая высоту трубы и, наконецъ, увеличивая площадь поперечнаго сѣченія трубы.

Возвышеніе температуры газовъ въ трубѣ съ цѣлью увеличить силу тяги полезно только до извѣстнаго предѣла, такъ какъ скорость

движенія газовъ увеличивается не прямо пропорціонально температурѣ, а пропорціонально корню квадратному изъ температуры, а потому наступаетъ предѣлъ, за которымъ дальнѣйшее возвышеніе температуры будетъ оказывать очень незамѣтное вліяніе на ускореніе движенія газовъ въ трубѣ. Вычисляя по формулѣ (1) теоретическую скорость движенія газовъ въ трубѣ, легко найти, что скорость движенія газовъ въ трубѣ всего болѣе возрастаетъ между 250°—300°, и что уже при температурѣ 350° это возрастаніе значительно меньше, а потому всего выгоднѣе, чтобы дымогарные газы въ трубѣ имѣли среднюю температуру 250—300°. Такъ какъ, однако, при выпусканіи въ трубу газовъ съ такою высокою температурою теряется очень много тепла, то въ настоящее время въ трубѣ поддерживаютъ обыкновенно среднюю температуру около 200° и даже ниже.

Увеличиваніе высоты трубы увеличиваетъ тягу только пропорціонально корню квадратному изъ высоты и кромѣ того увеличиваетъ треніе, а потому и этимъ средствомъ усиленія тяги можно пользоваться только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Вообще принято придавать трубѣ такую высоту, чтобы продукты горѣнія, ею отводимые, не оказывали дурнаго вліянія на жителей сосѣднихъ мѣстъ, и чтобы труба была на 2—3 м. выше близлежащихъ домовъ, скалъ и т. д., чтобы тѣмъ воспрепятствовать нарушенію тяги нисходящими воздушными теченіями. Трубы рѣдко дѣлаютъ ниже 16 м., придавая имъ часто высоту 20—40 м., а иногда и 80, даже 100 м. и болѣе.

Увеличеніемъ площади поперечнаго сѣченія трубы нельзя также пользоваться для увеличенія тяги въ любыхъ предѣлахъ, такъ какъ одновременно съ увеличеніемъ діаметра трубы уменьшается въ ней скорость движенія газовъ. Въ большей части случаевъ діаметръ дымовой трубы дѣлаютъ въ 25 разъ меньше ея высоты, при чемъ площадь поперечнаго сѣченія самаго узкаго мѣста трубы не должна быть меньше площади прозоровъ рѣшетки.

На основаніи вышеприведенныхъ соображеній опредѣляютъ размѣры трубы, необходимые для доставленія въ топку потребнаго количества воздуха. Въ большей части случаевъ за исходныя точки вычисленій берутъ высоту трубы, опредѣляя ее согласно мѣстнымъ условіямъ, и температуру, съ которою желаютъ выпускать пламенные газы въ трубу, а затѣмъ, на основаніи уже этихъ величинъ, опредѣляютъ размѣръ площади поперечнаго сѣченія трубы, могущей доставить ко-

личество воздуха, необходимое для сожиганія опредѣленнаго вѣса топлива въ часъ.

Для упрощенія вычисленій и для полученія чиселъ, болѣе близкихъ къ дѣйствительности, было предложено нѣсколько эмпирическихъ формулъ для опредѣленія площади поперечнаго сѣченія трубы, выведенныхъ изъ непосредственныхъ наблюденій надъ хорошо дѣйствующими трубами. Между этими формулами самая простая формула *Дарсе*, по которой площадь поперечнаго сѣченія трубы (q)

$$q = 0{,}01054 \frac{n}{\sqrt{h}} \text{ кв. м.}$$

Трубы дѣлаютъ изъ дикаго камня, кирпича и листоваго желѣза. Первый матеріалъ употребляютъ рѣдко, второй чаще и при томъ во всѣхъ случаяхъ, когда труба должна служить долго, и когда почва дозволяетъ постройку трубы безъ сооруженія очень глубокаго фундамента. Трубы изъ листоваго желѣза дешевы, могутъ быть быстро устроены и не требуютъ массивнаго фундамента, но онѣ быстро охлаждаются и менѣе прочны, чѣмъ кирпичныя. Кирпичнымъ трубамъ придаютъ или круглое, или квадратное, или многогранное поперечное сѣченіе, при чемъ первая форма предпочтительнѣе, такъ какъ поверхность охлажденія цилиндрической трубы менѣе четырехугольной или многогранной. Вопросъ о томъ, должны ли трубы имѣть одинаковый внутренній діаметръ по всей своей длинѣ, или онѣ должны съуживаться къ верху или къ низу, рѣшается практиками различно. Въ прежнее время предпочитали строить трубы, съуживающіяся къ верху, въ настоящее время предпочитаютъ строить трубы или съ одинаковымъ діаметромъ по всей ихъ длинѣ (всего чаще), или съ расширеніемъ къ верху, такъ какъ въ подобныхъ трубахъ, въ особенности въ послѣднихъ, треніе уменьшаетъ скорость движенія газовъ меньше, какъ это показываетъ непосредственное вычисленіе. Надъ верхнимъ отверстіемъ трубы полезно помѣщать родъ крыши, защищающей трубу отъ дождя и отъ нисходящихъ воздушныхъ теченій, противодѣйствующихъ движенію газовъ въ трубѣ. Для регулированія тяги нерѣдко помѣщаютъ заслонку въ нижней части трубы или, вѣрнѣе, въ концѣ дымовыхъ ходовъ.

При описанномъ способѣ сожиганія топлива только часть теплотворной способности его можетъ быть употреблена съ пользою, другая довольно значительная часть теряется:

1) Вслѣдствіе выпусканія пламенныхъ газовъ въ трубу и теплопроводимости и лучеиспусканія стѣнками очага, дымовыхъ ходовъ и трубы;

2) Вслѣдствіе неполнаго сожиганія топлива, обусловливаемаго какъ природою самого топлива, такъ и несовершенствами въ устройствѣ топки.

Изъ перечисленныхъ потерь теплоты самая значительная та, которая обусловливается выпусканіемъ пламенныхъ газовъ въ трубу, такъ какъ они, нагрѣтые до температуры отъ 150 до 300°, уносятъ съ собою значительное количество тепла. Далеко, однако, не все это количество тепла пропадаетъ даромъ, такъ какъ извѣстная часть его служитъ движущею силою, обусловливающею притокъ воздуха въ топку. Тѣмъ не менѣе расходъ на эту движущую силу очень великъ. Легко вычислить, что при сожиганіи одного кгр. каменнаго угля образуется около 21 кгр. газообразныхъ продуктовъ. Если продукты эти будутъ уходить изъ трубы съ среднею температурою, наприм., всего 150°, то въ такомъ случаѣ они будутъ уносить съ собою

$$150 \times 21 \times 0{,}25\ ^{1}) = 787{,}5 \text{ ед. тепла,}$$

т. е. около 11% всего того количества тепла, которое получается при сожиганіи 1 кгр. каменнаго угля средняго достоинства. Въ дѣйствительности эта потеря обыкновенно значительно больше, вслѣдствіе выпусканія въ трубу газовъ съ болѣе высокою температурою (до 300—350°), вслѣдствіе небрежнаго ухода за топкою, обусловливающаго притокъ избытка воздуха къ топливу, вслѣдствіе охлажденія трубы и т. д., такъ что на практикѣ потеря, обусловливающаяся трубою, составляетъ обыкновенно болѣе 30% (отъ 33 до 42%) всей теплоты, доставляемой топливомъ. Большая часть этой теплоты идетъ на производство тяги, и можно принять безъ большой погрѣшности, что для названной цѣли идетъ не менѣе $^1/_4$ всей теплоты, доставляемой топливомъ.

Въ виду этого рождается вопросъ, нельзя ли во многихъ случаяхъ съ выгодою замѣнить трубу другими приспособленіями для доставленія воздуха въ топку и отвода пламенныхъ газовъ изъ печи,

---

[1]) Средняя удѣльная теплоемкость продуктовъ горѣнія.

напр. вентиляторами. И дѣйствительно, непосредственный опытъ показалъ, что доставленіе въ топку необходимаго воздуха вентиляторами требуетъ менѣе топлива, чѣмъ его расходуетъ труба, конечно при полной утилизаціи теплоты, содержащейся въ пламенныхъ газахъ. Это послѣднее условіе далеко не вездѣ выполнимо, а потому примѣненіе вентиляторовъ къ обыкновеннымъ топкамъ не получило до сихъ поръ сколько нибудь значительнаго примѣненія. Въ настоящее время вентиляторы или вообще воздуходувные приборы употребляются преимущественно только въ такихъ печахъ (напр. доменныхъ), гдѣ усиленнымъ притокомъ воздуха (часто предварительно нагрѣтымъ) желаютъ ускорить сожиганіе топлива и тѣмъ увеличить количество тепла, образующагося въ единицу времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ и возвысить температуру горѣнія.

Для усиленія тяги въ трубѣ нерѣдко впускаютъ въ нее струю отработавшаго пара, и этотъ способъ усиленія тяги употребляютъ повсемѣстно въ локомотивахъ, гдѣ требуется очень сильная тяга и невозможно устраивать высокихъ трубъ.

Изъ только что сказаннаго ясно, что въ большей части случаевъ уменьшить потерю тепла, обусловливающуюся трубою, возможно только пониженіемъ температуры газовъ, уходящихъ въ трубу. Если по роду печи (напр. доменная, пламенная печь) это пониженіе температуры пламенныхъ газовъ не можетъ быть произведено въ самомъ нагрѣвательномъ пространствѣ, то помѣщаютъ приспособленія для поглощенія теплоты или между нагрѣвательнымъ пространствомъ и трубою, или же за трубою. Теплота отходящихъ пламенныхъ газовъ употребляется обыкновенно или для нагрѣванія воздуха, служащаго для сожиганія топлива (доменныя печи, пламенныя печи), или для нагрѣванія воды, или для выпариванія растворовъ.

Потерю тепла, вслѣдствіе теплопроводимости и лучеиспусканія стѣнками очага, дымовыхъ ходовъ и трубы, можно уменьшить, увеличивая (до извѣстнаго предѣла) толщину этихъ стѣнокъ, окружая ихъ дурными проводниками тепла и уменьшая, на сколько это возможно, площадь охлажденія.

Потери, обусловливающіяся неполнымъ сгораніемъ топлива, значительно меньше предыдущихъ, но при извѣстныхъ условіяхъ и онѣ довольно чувствительны. Потери эти происходятъ отъ двухъ причинъ. Во

первыхъ, при сожиганіи твердаго топлива оно или само по себѣ, или при перемѣшиваніи кочергой, часто растрескивается и распадается на мелкіе куски, проваливающіеся черезъ рѣшетку въ зольникъ, гдѣ часть этихъ кусковъ вполнѣ истлѣваетъ безъ всякой пользы. Во вторыхъ, вслѣдствіе малаго соприкосновенія воздуха съ твердымъ топливомъ и трудности правильно регулировать притокъ воздуха и поддерживать въ топкѣ равномѣрную температуру, происходитъ неполное окисленіе топлива, и пламенные газы уносятъ въ трубу продукты сухой перегонки топлива и мелкій уголь (сажу), образующіе такъ называемый дымъ, оказывающій вредное вліяніе на здоровье людей и животныхъ и растительность. Разсмотримъ этотъ вопросъ ближе.

Для полученія наибольшаго количества тепла изъ даннаго топлива, сожиганіе его должно быть производимо такъ, чтобы весь углеродъ его превратился въ углекислоту, а водородъ—въ воду. Подобный результатъ могъ бы быть достигнутъ только въ томъ случаѣ, если-бы процессъ горѣнія топлива въ обыкновенныхъ топкахъ происходилъ равномѣрно и непрерывно. Въ дѣйствительности же сожиганіе твердаго топлива въ обыкновенныхъ топкахъ представляетъ процессъ не непрерывный, а періодическій, при чемъ періоды совпадаютъ съ промежуткомъ между двумя послѣдовательными забрасываніями топлива въ топку. Ясно, что въ промежутокъ между двумя забрасываніями распредѣленіе топлива на рѣшеткѣ будетъ постоянно измѣняться, а слѣдовательно будетъ измѣняться и дѣйствіе трубы и притокъ воздуха въ топку. Къ названному измѣненію состоянія очага присоединяются еще другія причины, сообщающія горѣнію топлива еще болѣе рѣзкій періодическій характеръ. Всякій разъ, когда открываются дверцы очага для забрасыванія топлива, воздухъ немедленно втягивается трубою не черезъ зольникъ, а черезъ дверцы топки, такъ какъ на этомъ пути онъ встрѣчаетъ меньшее сопротивленіе. Вслѣдствіе этого въ очагъ притекаетъ большое количество холоднаго воздуха, понижающаго температуру въ очагѣ и трубѣ, чѣмъ уменьшается тяга въ этой послѣдней. Когда дверцы, послѣ забрасыванія топлива, будутъ закрыты, то въ топочномъ пространствѣ скоро наступило бы нормальное состояніе, если-бы тому не воспрепятствовало другое явленіе, а именно сухая перегонка вновь заброшеннаго топлива, которая влечетъ за собою новое пониженіе температуры и уменьшеніе тяги, такъ какъ превращеніе твердаго тѣла въ

Принимается подписка на газету

„М Е Д И Ц И Н А“

на 1894 (шестой годъ).

Подъ редакціей профессора Юрьевскаго Университета Степана Михайловича Васильева.

Изданіе, посвященное всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены, выходитъ, въ объемѣ—2-хъ листовъ, (лѣтомъ 1-го листа), четыре раза въ мѣсяцъ, по слѣдующей программѣ:

1) Самостоятельныя статьи, лекціи и предварительныя сообщенія русскихъ авторовъ и переводныя статьи и лекціи иностранныхъ авторовъ по всѣмъ отраслямъ клинической медицины, по всѣмъ отдѣламъ общественной и частной гигіены, эпидеміологіи, судебной медицины и гидрологіи, а также по общей патологіи, фармакологіи, анатоміи, физіологіи и патологической анатоміи.

2) Общіе обзоры по различнымъ медицинскимъ вопросамъ.

3) Статьи по исторіи медицины.

4) Новости медицины изъ русской и иностранной литературы.

5) Статьи и замѣтки по народной, особенно русской, медицинѣ.

6) Критика и библіографія медицинскихъ книгъ, статей, больничныхъ отчетовъ и изданій, могущихъ чѣмъ либо интересовать врачей.

7) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и о защитѣ диссертацій.

8) Научныя корреспонденціи, хроника и мелкія извѣстія объ ученыхъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ, слухи и выдержки изъ газетъ, имѣющіе исключительно научный интересъ, а также правительственныя распоряженія, могущія чѣмъ либо интересовать врачей.

9) Частныя объявленія и публикаціи, за исключеніемъ рекламъ, о вновь вышедшихъ медицинскихъ книгахъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: прив.-доц. В. А. Аѳанасьевъ, прив.-доц. Г. М. Герценштейнъ, проф. Н. Ѳ. Голубевъ, проф. А. И. Губаревъ, проф. Г. А. Захарьинъ, проф. Ковалевскій, проф. А. И. Лебедевъ, прив.-доц. Мухинъ, д-ръ Нечаевъ, проф. Патенко, проф. Подрезъ, проф. Поспѣловъ, Д. Д. Поповъ, П. М. Поповъ, д-ръ Рудъ-

невъ, проф. Скворцовъ, проф. Снегиревъ, проф. Тарновскій, проф. Тумасъ, прив.-доц. Ѳ. К. Трапезниковъ, проф. Шилтовъ, проф. Ясинскій, проз. А. В. Якобсонъ и др.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—Редакція: Гороховая д. № 40.

Подписная цѣна за годовое изданіе 5 руб., съ доставкой и пересылкой 6 рублей.

Статьи высылаются въ Редакцію газеты „Медицина," С.-Петербургъ, Гороховая д. № 40.

Оставшіеся въ ограниченномъ количествѣ экземпляры „Медицины" за 1889, 90, 91 и 1892 г. продаются по 4 рубля съ перес. Экземпляры 1893 г. по 6 рублей. 3—3

Открыта подписка на 1894 г.

на

„З А П И С К И"

Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

(Двадцать восьмой годъ изданія).

Программа журнала:

1) Работы и изслѣдованія, составляющія доклады въ Отдѣлахъ и общихъ собраніяхъ Имп. Русскаго Техническаго Общества, главнымъ образомъ по химической технологіи и металлургіи, механикѣ и механической технологіи, инженерно-строительному и горному дѣлу, фотографіи и ея примѣненіямъ, воздухоплаванію и отчасти по электротехникѣ, желѣзнодорожному дѣлу и техническому образованію—имѣющихъ свои спеціальные органы.

2) Спеціальные доклады на съѣздахъ, устраиваемыхъ Техническимъ Обществомъ.

3) Отчеты о систематическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ спеціальными комиссіями: экспертными на выставкахъ, устраиваемыхъ Техническимъ Обществомъ, и конкурсными; отчеты о произведенныхъ работахъ въ лабораторіи Техническаго Общества и командируемыхъ Обществомъ лицъ.

4) Обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области техническихъ усовершенствованій и изобрѣтеній въ Россіи и за границею.

5) Правительственныя распоряженія, относящіяся до нашей заводской и фабричной промышленности.

6) Указатель испрашиваемыхъ и прекращенныхъ привилегій.

7) Дѣятельность Общества: журналы засѣданій Совѣта и Отдѣловъ Техническаго Общества, Общихъ Собраній; отчеты о дѣятельности Техническаго Общества и его Отдѣленій и пр.

8) Объявленія.

Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ 8—10 печатныхъ листовъ.

Подписчики въ видѣ приложенія получатъ отъ 3 до 4-хъ книгъ, составляющихъ:

„СВОДЪ ПРИВИЛЕГІЙ"

на изобрѣтенія и усовершенствованія. Число привилегій ежегодно простирается до 250 и представляется въ точной копіи съ подлинныхъ привилегій и съ объяснительными чертежами.

Подписная цѣна журнала „ЗАПИСКИ:"

	СЪ ПЕР. И ДОСТ.	СЪ ПЕР. ЗА ГРАН.
На годъ . . .	12 руб.	16 руб.
На полгода . .	7 руб.	9 руб.

Объявленія принимаются:

Разовыя за 1 стр.	10 руб.
Разовыя за $^1/_2$ стр.	6 руб.
Годовыя со всякаго срока:	
На обложкѣ за 1 стр.	50 руб.
Впереди текста за $^1/_2$ стр.	20 руб.
Впереди текста за 1 стр.	35 руб.
Впереди текста за 2 стр.	50 руб.
Вкладныя за 1.000 шт. (до 1 л. вѣса) . .	10 руб.

Подписка принимается въ редакціи: С.-Петербургъ, Пантелеймонская, 2 и у книгопродавцевъ. Гг. иногородніе благоволятъ обращаться преимущественно въ редакцію.

„Записки" И. Р. Техническаго Общества за прежніе года можно пріобрѣсть въ Редакціи. Съ 1867—1889 г.—4 р. за годъ и 1 р. за отдѣльный выпускъ, за 1890—93 г. 8 р. за годъ и 2 р. за отдѣльный выпускъ. При пріобрѣтеніи „Записокъ" за 19 лѣтъ цѣна въ сложности опредѣлена въ 70 руб. съ доставкой и пересылкой, а для школьныхъ, общественныхъ и частныхъ библіотекъ, согласно постановленія Совѣта И. Р. Т. О.—40 руб. За года 1868, 84, 85 и 1888 „Записки" всѣ разошлись.

3—3 Спеціальный редакторъ А. Васильевъ.

Открыта подписка на ежемѣсячный журналъ

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

Пароходства и Промышленности,
издаваемый Нижегородскимъ Отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, на 1894 годъ.

(Восьмой годъ изданія).

Программа журнала: 1) Правительственныя распоряженія, относящіяся до нашей заводской, фабричной и кустарной промышленности, до рѣчнаго судоходства и до Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. 2) Дѣйствія Нижегородскаго Отдѣленія этого Общества: сообщенія, дѣлаемыя его членами; описаніе изобрѣтеній и проч. 3) Рѣчное, преимущественно Волжское пароходство и судостроеніе. 4) Гидротехника. 5) Заводская, фабричная и кустарная промышленность. 6) Общенаучный отдѣлъ (статьи оригинальныя, заимствованныя и переводныя). 7) Смѣсь, хроника и библіографія (извлеченія изъ техническихъ журналовъ и газетъ) и 8) Объявленія.

Подписная цѣна:

Для гг. членовъ Нижегородскаго Отдѣленія И. Р. Т. О.

	на годъ:	на полгода:
Въ Нижнемъ-Новгородѣ съ доставкой .	5 р.	3 р.
Въ другихъ мѣстностяхъ съ пересылк. .	6 р.	3 р. 50 к.

Для лицъ, не состоящихъ членами Нижегородскаго Отд. И. Р. Т. О.:

Въ Нижнемъ-Новгородѣ безъ доставки	6 р.	3 р. 50 к.
„ „ „ съ доставкой .	6 р. 50 к.	4 р.
Въ другихъ мѣстностяхъ съ пересылк.	7 р.	4 р. 50 к.

Объявленія принимаются по 10 к. за строку петита или занимаемаго ею мѣста (страница въ два столбца). При помѣщеніи одного и того же объявленія въ нѣсколькихъ номерахъ дѣлается скидка.

Оставшіеся въ незначительномъ количествѣ экземпляры журнала за прежніе годы могутъ быть пріобрѣтаемы по 4 р. за годъ, не считая стоимости пересылки.

Иногородніе, желающіе получать журналъ, обращаются: въ Нижній-Новгородъ къ предсѣдателю Нижегородскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

Подписываться можно также въ ковторѣ Редакціи, которая помѣщается на Большой Покровской улицѣ, въ д. Матрофановой, при „Постоянной Выставкѣ кустарныхъ издѣлій и рукодѣлій Нижегородской губерніи." Редакція. 3—3

Научно-спеціальный и бытовой журналъ

„ФАРМАЦЕВТЪ."

Программа:

Научный отдѣлъ: 1) Оригинальныя статьи по фармаціи и входящимъ въ составъ ея отдѣламъ наукъ изъ области медицины, химіи и естествознанія. 2) Обзоръ отечественной и иностранной литературы по тѣмъ же предметамъ и извлеченія изъ нея. 3) Новыя врачебныя средства, ихъ свойства, и примѣненіе. Патентованныя и секретныя средства. 4) Статьи по изслѣдованію продовольственныхъ и иныхъ жизненныхъ продуктовъ, а также предметовъ техническаго и фабричнаго производства. Борьба съ фальсификаціей во всѣхъ ея проявленіяхъ. 5) Работы изъ области судебной и санитарной химіи. Дезинфекція. 6) Изслѣдованія химическія и микроскопическія въ области фармаціи и фармакогнозіи и методы опредѣленія доброкачественности врачебныхъ средствъ. 7) Отдѣлъ практической фармаціи. 8) Библіографія.

Бытовой отдѣлъ: 9) Оффиціальная часть: правительственныя распоряженія, статистическіе медицинскіе отчеты, разрѣшенія на открытіе аптекъ, опредѣленіе и перемѣщеніе фармацевтовъ по вѣдомствамъ: военному и морскому. 10) Сообщенія и отчеты фармацевтическихъ обществъ. 11) Хроника аптечной жизни. 12) Біографіи и некрологи извѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ фармаціи, химіи, медицины и естественныхъ наукъ. 13) Справочный отдѣлъ. 14) Открытая корреспонденція. 15) Объявленія.

Условія подписки:

Цѣна журнала съ доставкой и пересылкой въ Россіи: въ годъ 6 руб., за 6 мѣс. 3 руб. 50 коп., за 3 мѣс. 2 руб., каждый № 40 к.

Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка по третямъ года.

Подписка принимается: 1) въ редакціи (Гороховская улица, домъ бывш. графа Разумовскаго), 2) въ конторѣ типографіи товарищества И. Н. Кушнаревъ и К°. (Пименовская улица, собств. домъ) и въ магазинѣ той же фирмы (Никольская, д. бр. Чижовыхъ).

Объявленія принимаются по цѣнѣ: за $^1/_4$ страницы 30 руб., за $^1/_2$ страницы 15 руб., за строку петита (въ страницѣ 3 столбца) 15 коп.

При повтореніи объявленій дѣлается скидка. Особыя приложенія по соглашенію. 3—4

Редакторы-издатели: магистры фармаціи) И. Антушевичъ.) Э. Альтгаузенъ.

Открыта подписка
на
„ВОЛЫНЬ“
газету политическую, литературную и общественной жизни,
на 1894 годъ.

Годъ изданія шестнадцатый. Въ 1894 году „Волынь“ будетъ выходить, по прежнему, ежедневно за исключеніемъ воскресныхъ и послѣпраздничныхъ дней.

Задача газеты „Волынь“ служить интересамъ роднаго края.

Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учрежденій, живущихъ или имѣющихъ свои главныя конторы или правленія заграницей внѣ Волынской губ. и внѣ городовъ Кіева и Варшавы, принимаются исключительно только въ центральной конторѣ объявленій Торговаго дома Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ, Мясницкая домъ Спиридонова и въ его отдѣленіи въ С.-Петербургѣ на Большой Морской № 11.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ, въ редакціи Б. Бердичевская ул. домъ Лихардовой.

Подписная цѣна: 12 м. 5 руб., 11 м. 4 р. 75 коп., 10 м. 4 р. 40 коп., 9 м. 4 руб., 8 м. 3 р. 50 коп., 7 м. 3 руб., 6 м. 2 р. 60 коп., 5 м. 2 р. 10 коп., 4 м. 1 р. 80 коп., 3 м. 1 р. 50 коп., 2 м. 1 руб., 1 м. 75 к.

Вмѣсто велкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ. Иногородніе подписчики за перемѣну адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 коп.

За издателя Е. В. Коровицкая. Ред. К. И. Коровицкій.

1—2

Открыта подписка на 1894 годъ. Четырнадцатый годъ изданія.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

газета общественная, политическая и литературная.

Выходитъ ежедневно:

Программа газеты: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства.“ V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края.“ VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи: (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія XIV. Смѣсь XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. Свѣдѣнія о

прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ по К.-Х.-А. и Х.-Н. ж. дор. и другія. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

Подписная цѣна:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 р. — к.	7 р. — к.	4 р. — к.	1 р. 40 к.
Съ пер. иногор.	12 р. 50 к.	7 р. 50 к.	4 р. 50 к.	1 р. 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край,“ на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

3—3 Редакторъ-издатель А. А. Іозефовичъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1894 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонпихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—(1—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) —неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники* заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1894 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей.** Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

LbJe'74

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

STALL-STUDY

CANCELLED

JUN 10 1983